ГОРИЧНА СЕКЦІЯ ВСЕУКРАЇНСЬКОЇ АКАДЕМІЇ НАУК
Académie des Sciences d'Ukraine—Section Historique.
Articles politiques et polémiques de N. Kostomarov.

ФС
Т1 (4Укр)
К 72

НАУКОВО-ПУБЛІЦИСТИЧНІ І ПОЛЕМІЧНІ ПИСАННЯ КОСТОМАРОВА

ЗІБРАНІ ЗАХОДОМ АКАДЕМІЧНОЇ КОМІСІЇ УКРАЇНСЬКОЇ ІСТОРІОГРАФІЇ

ЗА РЕДАКЦІЄЮ
академ. МИХАЙЛА ГРУШЕВСЬКОГО

ЗАПИСОК 6. УКРАЇНСЬКОГО НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА В КИЇВІ
ТОМ XXVII

НАЦІОНАЛЬНА ПАРЛАМЕНТСЬКА БІБЛІОТЕКА

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО УКРАЇНИ
1928

ІСТОРИЧНА СЕКЦІЯ ВСЕУКРАЇНСЬКОЇ АКАДЕМІЇ НАУК
Académie des Sciences d'Ukraine—Section Historique.
Articles politiques et polémiques de N. Kostomarov.

НАУКОВО-ПУБЛІЦИСТИЧНІ І ПОЛЕМІЧНІ ПИСАННЯ КОСТОМАРОВА

ЗІБРАНІ ЗАХОДОМ АКАДЕМІЧНОЇ КОМІСІЇ УКРАЇНСЬКОЇ ІСТОРІОГРАФІЇ

ЗА РЕДАКЦІЄЮ
акадэм. МИХАЙЛА ГРУШЕВСЬКОГО

ЗАПИСОК 6. УКРАЇНСЬКОГО НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА В КИЇВІ
ТОМ XXVII

НАЦІОНАЛЬНА
ПАРЛАМЕНТСЬКА

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО УКРАЇНИ
1928

Бібліографічний опис та шифри для оброблення каталогів на цю книгу вміщено в „Літописі Українського Друку" та „Картковому репертуарі" Української Книжкової Палати.

1468

КОРОТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

Шифр ФС Т1(4Укр)К72 Інв.№ 2714327

Автор Костомаров М. І.

Назва Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова, зібрані заходом видання...

Місце, рік видання К., 1928

Кіл-ть стор. XXI, [5], 315, [1] с.

-\\- окр. листів

-\\- ілюстрацій

-\\- карт

-\\- схем

Том ________ частина ______ вип. ______

Конволют

Оцифровано 09.05р.

Примітка:

21.11.01.

Київський Окрліт № 232.
Держ. Трест „Київ-Друк",
1-ша фото-літо-друкарня.
Замовлення № 1595—3000.

З ПУБЛІЦИСТИЧНИХ ПИСАНЬ КОСТОМАРОВА.

Микола Іванович Костомаров відограв величезну ролю в культурному й громадському житті—не тільки української інтелігенції, котрої провідником, незвичайно впливовим, він був протягом цілого чверть-століття (приблизно 1859—1883),—але так само і великоруської і білоруської. Вдачею своєю—кабінетний і архівний робітник, що тільки дуже короткий час (два роки) мав в своїм розпорядженню катедру і авдиторію, а після того майже ніколи публично не виступав. Напрямком праці—історик-антикварій, замилуваний в подробицях старого побуту, незвичайно прив'язаний до всього, що жило з старої традиції в сучаснім життю, з сильною домішкою консерватизму і неприязни до всякого модернізму, нових, модних течій, що захоплюють широкі круги інтелігенції, і до «пошлого лібералізму» (як він любив висловлюватись)—що легкодушно без глибшого розбору і зрозуміння нищить старі основи життя задля нових, популярних фраз,—Костомаров одначе разом з тим мав сильні потяги і здібности трибуна, агітатора, дискутанта, полеміста. А його історичний критицизм з особливою приємністю звертався на скидання з місць старих канонізованих фетішів: псевдо-наукових догм, загально признаних національних легенд, офіційно освячених героїв. З неменшим завзяттям, ніж ті зненавиджені ним «пошлі ліберали» — не звертаючи уваги на удари, інсинуації і досить таки болючі иноді репресії,—він розбивав ідеологічні підстави старорежимної царської Росії—ту вінчану офіціяльною тріядою «православія, самодержавія и народности» Миколаївську Росію, що привалила була своїм тягарем народнє життя і загородила шляхи поступу і розвитку. Поставивши своїм завданням розробляти «народню історію» (як він се називав—в противставлення заняттям історією державною), й досліджувати життя частин Російської держави, а не її державного життя, що притягало увагу инших істориків—він хоч нібито уважав історичною необхідністю об'єднання в централізованій державі колишніх автономних областей-земель, але всею душею ненавидів сей процес примусового об'єднання і всі насильства над народнім життям, що його супроводили, як явища глибоко противні моральному почуттю і стихійним поривання до свободи і рівности, заложеним в основах народнього життя. Всі симпатії його лежали по стороні виявів народніх потягів до свободи, ініціятивности і боротьби за своє самоозначення, а всі антипатії звертались проти політики його обмеження. Проголосивши російське «самодержавие» продуктом монгольського поневолення, засвоєним московськими князями і пересадженим на східнє-слов'янський ґрунт для внутрішнього вжитку так-би сказати, він тим самим проголосив се централістичне самодержавіє за явище глибоко противне народньому життю—«слов'янському духові», говорячи тодішньою термінологією)—таким, що з ним не можна було миритись ні толерувати.

Правда, Костомаров не ставив виразно таких тез. Навпаки—припертий до стіни антагоністами, котрі правильно відгадували сі недоговорені тези і звертали на них увагу недремлющого начальственного ока, він звичайно хо-

вався за захисні фрази про необхідність сього державного процесу, пережитість тих народніх змагань, що повставали проти нього і т. д., та полишаючи на боці всю сю політичну мімікрію, треба признати,—як я се підчеркнув кілька літ тому в своїй статті про нього—вся пізніша історична й публіцистична праця Костомарова досить послідовно розвивала ті революційні ідеї, що були залюжені в його молодечих «Книгах битія Українського Народу», і сьому виразно революційному духові, що віяв сильно і непереможно спід ріжних антикварних декорацій, завдячувала його наукова праця—не вважаючи на ріжні старомодности й дивацтва автора—високу, широку і тривку популярність серед поступових верств всього Східнє-Слов'янського світу: великоруського, українського і білоруського. Костомаров був одним з предтеч великої східнє-европейської революції. Він стелив їй дорогу не менше ніж Монтеск'є або Русо великій французькій, і хоч розійшовся різко, з відомим інцидентом 8 березня 1862 р., з радикальним крилом тодішньої російської інтелігенції, на чолі котрого стояв Чернишевський і Добролюбов, він фактично був і зістався їх товаришем зброї в боротьбі із «старим режимом» Росії. Ті що цікавляться передпосилками великої пролетарської революції, мусять з повною увагою і вдумливістю поставитись і перед 45-літньою діяльністю сього історика-народника, сього антиквара-побутовця, аби під покровом—як я сказав—ріжних дивацтв і старомодностей, придивитися тому могутньому революційному живчикові, що бив у тій праці.

Але се досі було утруднено тим, що писання Костомарова з найбільш виявленим публіцистичним характером досі були майже не приступні—розкидані по ріжних старих журналах і газетах і не зібрані ніколи разом. Ні сам Костомаров за свого життя, ні його прихильники по смерти, ні петербурзький «Літературний Фонд», котрому одписано право літературної власности на його писання, не подбали про се. Костомаров, як відомо, повторяв тільки ті свої писання, які мали стисло історичний характер—в серії «Историческихъ Монографій», що розпочав в 1863 р. своїм накладом його приятель петербурзький книгар Кожанчиков, а поруч того від р. 1873 Костомаров почав публікувати другу серію: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, котру довів до середини XVIII віку. Як автора «Монографій» та «Русской історіи в жизнеописаніяхъ» і знали його—не тільки широкі інтелігентські круги, але й історичні круги. Мало хто звертався позатим до його писань, які полишилися незібрані в «Монографіяхъ»—хіба в якімсь спеціяльнім питанню, і скільки знаю—ніхто не студіював в цілости його літературної спадщини. Його спадкоємці обмежилися виданням (1890 р.) збірки «Литературное Наслѣдіе», де з'явилися деякі непубліковані його історичні й поетичні писання, неповний текст автобіографії і покажчик писань. «Літературний Фонд», що одержав від них право власности на всю літературну спадщину, випустив тільки нове видання Монографій, додавши не заведену туди автором фольклорну працю: «Историческое значеніе южно-русскаго пѣсеннаго творчества». Львівська «Просвіта» в колекції «Руська письменність» перевидала за редакцією Ю. Романчука поетичні твори Костомарова, писані українською мовою, і з ними три прозаїчні студії публіцистичного характера (одна з них безсумнівно Костомарову не належить, як се підозрівав і сам редактор збірки). Революційна доба принесла повне видання «Книгъ бытія» (Наше Минуле 1918), наведених в уривках вперше в статтях Семевського про Кирило-методіївців, повний текст автобіографії і дещо поменше (як № 31 нижче поданої збірки).[1]) Але до скільки-небудь повної збірки статтей з-поза згаданих наукових серій так і не прийшло, і наслідком сього публіцистичні писання Костомарова, з виїмком

[1]) Нижче цифрою значимо порядкові нумери статтей, сторінками—сторінки нинішньої збірки.

кількох—небагатьох, зіставалися поза обрієм дослідження і характеристики його творчости і його часу.

Се велика шкода, бо публіцистичні й полемічні писання Костомарова, критичні огляди і апології служать необхідним доповненням його наукових творів. Вони часом резюмують і дають синтез його наукового досліду далеко ясніший і виразніший, ніж його наукові розвідки, зібрані в «Монографіях». Синтетика взагалі не була найсильнішою стороною його писань; в них переважав характер описовий; свою аргументацію великий історик рідко збирав в виразні, докладно сформульовані тези в своїх наукових працях: вони звертались не так до розуму, як до почуття і уяви читача. Тим часом в своїх статтях публіцистичних і полемічних він часто відчував потребу дати точну формулу своїх поглядів в тім чи иншім питанню: ясну і виразну, де не було-б нічого недоговореного, ніяких зайвих слів і деталів, які могли-б відтягнути увагу і притемнити головне в контроверсії. Се одно. По-друге—тим часом як в тій чи иншій праці учений історик раз висловив свій погляд з становища даного моменту,—історик-публіцист мусів повертатися до найбільш обстрілюваних питань і вдруге і в втретє, і залежно від нових спостережень, нових аргументів, висунених його антагоністами, і нових фактів та умов життя, вносив певні поправки, давав нові варіянти, або виразніш формулував те, що в попередній формулірові давало привід до кривотолків і непорозумінь. Таким чином сі писання часто далеко повніш розгортують комплекс порушених питань та ілюструють еволюцію поглядів самого Костомарова і ту ідеологічну роботу, що проходила в громадянстві наоколо порушених ним питань.

Се дуже цінно. Може здатись парадоксальним, коли я скажу, що деякі з сих публіцистичних і полемічних писань тепер мають більш інтересу ніж наукові писання, де Костомаров висвітлював ті-ж питання з чисто наукового становища,—але се так. Той матеріял, що він викладав в своїх наукових писаннях, за сі п'ятдесят-шістдесят літ нераз значно зріс, ми маємо його в кращих текстах, в більш наукових виданнях, і не потрібуємо по нього сягати до писань Костомарова—деяких принаймні. Висновки-ж, освітлення—те що зістається для нас цікавим і зістанеться завсіди—як вияв творчої праці, як певні етапи в розвою громадської думки, історичної ідеології,—вони в його публіцистичних і полемічних питаннях, як я вже сказав, нераз зформульовані краще, докладніше, ясніше, виразніше, ніж у його «Монографіях». Я признаюсь, що з великим замилуванням перечитав сі його писання—з таким замилуванням, якого я не відчував в більш розтягнених описових працях. Як сильно б'є в них живчик часу! Як щиро і яскраво відбивається в них сучасна боротьба й ідеологічні змагання! Як безпосереднє реагує автор на зачіпки своїх антагоністів і на незгідні з його поглядами вискази! Його завваження виливаються часом в блискучі характеристики, в глибокі і влучні міркування, варті того, щоб зайняти місце між тим найкращим, що лишилось від нього і повинно пережити все слабше і минуще.

Не без того, щоб полемічний запал не заганяв автора часом і на слизьке—до висловів занадто різких, до аргументів доволі непевних, до заяв, під котрими він може й не підписався-б у настрою більш спокійнім і розважнім. Що-ж, сі прориви цікаві також і для самого Костомарова і для його доби. Як я колись казав: ми не ставимо іконостасів, а стараємось пізнати живих людей з їх сильними й слабими сторонами. У Костомарова також не бракувало їх, сих слабших сторін, поруч тих високих прикмет, що забезпечили йому провідне місце в громадянстві за життя і вдячну пам'ять по смерти. Він не свобідний був від певних дивацтв, від бажання підчеркнути свою індивідуальну самостійність своїм консерватизмом, або може так висловлюсь—*візантизмом*, всупереч ліберальним і радикальним поглядам. Всупереч своєму принципіяльному, широкому, нецерковному розумінню релігії, він підчеркував свою православну

обрядовість. Всупереч принципам широкої толеранції, признавання національного самоозначення за всіма національностями, рівновартности народностей і рас, він немов похвалявсь своїми—мовляв історично витвореними антипатіями до Євреїв і Поляків, і непотрібно примішував сі ноти в свої дискусії—часто справедливі в своїй основі, і тим ослабляв вражіння об'єктивности. Але сі деталі дарували старому поборникові за принципи соціяльної справедливости, рівноправности та свободи і сучасне громадянство, і пізніші покоління. Він звичайно давав волю своїм антипатіям, коли бачив у противної сторони охоту спекульнути на популярности, на модних гаслах і симпатіях; иншими разами, коли сього не було, він сам ставав в обороні тих нібито антипатичних йому національностей—коли порушувались їх людські права. В ґрунті річи він був глибоко перейнятий принципами гуманности і справедливости.

Але в сій книжці я не мав змоги дати все, що вважав вартим того. Я був зв'язаний розміром збірки: 20 аркушів, не більше, се те, що Державне Видавництво України могло призначити на сю мету. Тому я мусів вибирати те, що вважав найцінніщим для пізнання еволюції поглядів покійного історика,—зрозуміння його ідеології і відносин до сучасних громадських і національних течій. Через те я не передрукував деяких писань, коли їх можна мати в доволі приступних виданнях, от як «Книги бытия», або лист до Герцена.

Але з другої сторони, вводячи до сеї збірки певні епізоди з полемічної творчости Костомарова, я старався, щоб вони були представлені по можности повно, і передрукував поруч головніших річей і менш важні—але цінні для зрозуміння зачіплених епізодів. Скажім—включивши до сеї збірки статті Костомарова про українські підручники, я додав і його вказки пожертв на сі видання, що не раз фігурують в сій полеміці, відомості про хід видання, і пізніше оголошення про передачу сього капіталу на видання академічного словника української мови. Для повноти його полеміки з Коялевичем, що перейшла майже через усю наукову діяльність Костомарова, я навів і деякі цілком дрібні «об'яснення» його (№ 37 а-б) і т. и.

В центрі—статті з рр. 1859—1864: вони займають цілу половину книжки (№№ 3—36, ст. 53—210). В попередньому чисто публіцистичних писань у Костомарова майже не було, і тут подані дві його статті тільки почасти закрашені публіцистикою: знищена з наказу влади його перша дисертація про унію 1841 р. і перший огляд українського письменства, з харківського «Молодика» 1843 р.

Дисертація заховалася в дуже малому числі примірників і була досі звісна тільки з загальних, мало докладних звісток—головно ак. Сухомлинова, що одержав примірник дисертації від батька, харківського професора 1840-х років (з сього примірника, що перейшов до харківської університетської бібліотеки, вона друкується в сьому збірнику—але другий примірник знайшовся також у бібліотеці ніжинського інституту). Сам Костомаров в пізніших часах її дуже легковажив. Коли Коялович, боронячи свої погляди від його критики, післався на його дисертацію, Костомаров назвав се просто «забавным», що його антагоніст, автор великої праці про унію, против його новіших праць посилається на сю молодечу роботу, написану без глибокого досліду, на підставі тільки деякої літератури, без безпосереднього знайомства з джерелами: в його очах ся робота була просто «дрянь», справедливо забракована факультетом (див. с. 210). Відзив не несправедливий: книжка була написана дійсно не за джерелами, а за кількома-небагатьма науковими працями (Бантиша-Каменського Истор. изв. об унии, Історія Малоросии його сина, Євгенія Описаніе Кіево-Соф. собора, Histoire de la Pologne Соліняка і Сальванді і т. и.)—густо прилитими псевдо-народньою традицією з «Запорожської Старини» Срезнев-

ского. Монографія на ту ж тему, написана Костомаровим в 1860-х рр. (Южная Русь въ концѣ XVI ст.) стояла, розуміється, незмірно вище від неї,—се була вповні наукова для сього часу праця. Але досить уже давно і його «Южная Русь въ концѣ XVI стол.» перестала бути останнім словом науки, і в перспективі історичного досліду вона має тепер таке-ж, історичне тільки значіння, як і дисертація 1841 року. А з сього погляду дисертація дуже цікава. Не тільки тому, що яскраво ілюструє той історичний багаж і методологічні засоби, з котрими молодий Костомаров пускався в свою наукову путь, вибравши історію своїм фахом (се була перша його історична праця, коли не рахувати історію Острогожського полку, написану підчас недовгої офіцерської служби і потім затрачену). Вона характеризує також харківський науковий осередок того часу, його интереси і провідні ідеї: з одного боку—харківський університет, його історичний відділ, на чолі з проф. Луніном, що мав особливий вплив на Костомарова і безперечно дав йому загальні історичні ідеї, з другої сторони—гурток Срезневського-Метлинського, що наділяв його українським матеріялом.

Книжечка давала не зовсім те, що обіцював заголовок «О причинахъ и характерѣ уніи въ Западной Россіи». Автор мало займається «Західньою Росією» в цілому, а головно тільки Україною, і дає сумарний погляд на її історію. Цілком природно в тодішніх обставинах, що в центрі сеї історії стала боротьба за віру. Але се характеристично—боротьба «народня». Не єрархічні відносини, не школа, не полемічна література, а боротьба мас.

В перших рядках праці ми вже знаходимо—тільки не вповні скристалізоване пізніше гасло «народньої історії», проголошене потім Костомаровим з університетської катедри: «вага боротьби починається з моменту, коли в ній візьме участь весь нарід—її ідея порушить всі сили краю і стане народньою ідеєю» [1]. Релігійна ідея сама по собі не інтересує автора: у нього ще непомітно того пізнішого візантизму, як я його назвав,—його становище до церковних спорів се скептицизм просвіщеного XVIII в.: згірдливий погляд на конфесійні суперечки як результат «властолюбія ієрархів» з одної і другої сторони і некультурности правлящих кругів, що хапалися зверхніх ріжниць, не проникаючи в духовний зміст християнства (с. 2). Ухили української єрархії і частини духовної верстви в унію—се були наслідки «разстроенного церковного управленія и безнравственности духовных» православних (с. 16). Та все се мало інтересне саме по собі. Важно те, що пережитому, звироднілому (дряхлому) громадянству поява унії дала імпульс до активности і боротьби—не тільки против самої уніятської інтриги, але й против польської шляхти і уряду, що її підтримували—против польської держави взагалі: морально відродила і натхнула бажанням незалежности. «Русь перед початком унії була в такому становищі, що їй треба було перевороту, який-би дав їй нове життя» (с. 16)—в сім вага і значіння унії, але значіння не позитивне, а негативне: «унія була необхідністю для народу, але необхідністю негативною—народові був потрібний імпульс, але нарід не хотів іти за даною йому ідеєю (унії), а навпаки—прагнув поборотися з нею, щоб спекатися її» (с. 19). Але бажання незалежности, витворене народньою війною з Польщею, викликаною унією, «ся боротьба за свободу сумління, за незалежність країни не була повстанням для здобуття яких-небудь пільг чи прав, не була бунтом—зусиллям приниженої маси: се був *загальний виступ з безповоротним наміром*—війни, яка не могла скінчитися нічим иншим, як тільки вічним роз'єднанням народів» (с. 31).

Його зломив Хмельницькій, і справив в річниці об'єднання з Москвою в інтересах віри; гасло віри підмінило постулят незалежности постулятом об'єд-

[1] Я даю дещо свобідний переклад: мова дисертації взагалі дуже не вироблена. Термінологію Костомарова: Малоросія, Южная Русь і под., я в своїх перекладах заміняю на сучасну.

нання Полудневої і Північної Руси. Костомаров при тім різко засуджує діяльність Хмельницького, відмовляє йому право на титул народнього героя—ставить його з сього погляду нижче инших оспіваних народом другорядних ватажків повстання:

Українці хотіли незалежности—се було народне домагання, але сього домагання не виконав Хмельницький, коли міг виконати—зручною політикою затримати по своїй стороні хана, а рішучою битвою відкрити собі дорогу в середину держави (с. 33).

Хмельницький був великий тільки на словах, а не на ділі. Щаслива Зборівська угода загордила його і відвернула від нього серця підвладних. Думаючи, що йому належить успіх першої війни—що могла одначе скінчитися з далеко більшими результатами; завівши знесини з володарями і запишавшися з того,—він думав, що тримає в руках долю всього Північного Слов'янського світу і довівши до кінця визволення України, вже не вдоволився тим, а задумував ділити Польщу з Ракоцієм і заводити в ній православну віру. Сі плани були не більше як мрії випещеного щастям зарозумільця, що забув себе. Знаючи неприхильність Українців до нього, він хотів приборкати їх суворими способами—деспотизмом. Хмельницький—пишний гетьман, перестав бути славним Богданом, що два роки тому водив побідні полки за віру і вітчину (с. 34).

Се без сумніву характеризує погляди і настрої харківського українського гуртка. Але далі Костомаров не проливає сліз—як ми-б могли сподіватись—над тим, що мрії України про незалежність змарнувалися. Гасло віри підвело Українців, замість свободи завело їх до нової, московської неволі. Українці не того шукали в Москві, що там їх спіткало—се він признає. Але доводить, що се власне був той найліпший кінець, який тільки міг бути: против волі і замірів України і її громадських верств обидві Руси об'єдналися в одній Росії.

Се було противне честолюбним замислам гетьмана, і сам нарід український, хоч і пам'ятав колишню єдність, не міг об'єднатися з Москвою щиро по-братерськи: приймаючи стільки століть участь в безнастанних війнах Поляків з Москалями Українці привикли вважати їх народом ворожим. Московський режим — упорядкований, самодержавний, не відповідав ідеям Українців, що привикли бачити анархію і в Польщі і в своїй Гетьманщині. Всі тремтіли за свої права. Козаки знали розум і замилування в порядку московського царя, вони були певні, що цар не буде з ними сваритись і миритись, як польські королі, не даватиме десятків приватних привилеїв і конституцій, з яких ні одна не поправить їх становища. Духовенство боялося за свою незалежність, страхалось піддання під московського патріярха. Одним словом—все відпихало тодішніх Українців від московського престолу (автор сумарично відкликується до I т. Истории Малороссии Бантиш-Каменського). Але за те була ідея, що рухала всю масу народу і могла відогнати всякі побоювання—віра (релігія). Православній вірі загрожувала біда, а вона Українцям була дорога понад усе. Всі вони бачили, що тільки об'єднання з Московщиною може її захистити. Се переконання перебороло всякі упередження, всякі національні амбіції. Українці присягли цареві—але присягли тільки тому, що він і нарід його тримали святу східню віру. І от сталася подія велика, що забезпечувала будучність обидвох Росій—подія чи не найважніша, що нашій спільній вітчині простелила дорогу до слави і величи.

Але історик даремно шукатиме тої поетичної сторони, що повинна була-б відбити в собі се братерське з'єднання двох галузів одного народу. Найгострі вияви народньої недовірливости, вимушена присяга, потайна ворожнеча, орудування обманством—от що характеризує сю епоху! Хмельницький не щиро піддався цареві, сим підданством він думав тільки налякати Польщу, вплутати Росію, а потім використати обставини для своїх честолюбних планів. Нарід присяг тільки тому, що Білоцерківська угода могла приборкати його віру; при тім присягнув тільки після запевнень з боку московського уряду, що права його будуть заховані вічно.

Кінець кінцем, унія, зрушивши нарід і викликавши в нім страх за свою віру, призвела до того, чого прагнули царі від Івана III і не досягли-б без неї» (35).

Не знати, наскільки щиро висловляв тут своє переконання молодий дебютант, і наскільки вдаряв він у лояльні струни з огляду на офіціяльне призначення дисертації. Як відомо, се не помогло. Православна інквізиція, в особі «высокопреосвященного» Іннокентія, приятеля Максимовича, Погодина й ин., засудила дисертацію за легковажний відзив про православних патріярхів, вла-

диків, духовенство,—за весь той, як я сказав, зневажливий тон в стилі раціоналістів просвіщеного віку, і дисертація була «із'ята» і знищена, а автор мусів написати нову—на тему дальшу від якої-небудь політики. Його перша праця дійсно була скорше історично-політичним памфлетом, сильно закрашеним публіцистикою. Тому її поява в сій збірці нікого не повинна дивувати.

Друга праця юних днів, включена до сеї збірки—се оборона права на існування української літератури в формі огляду її досягнень, починаючи від Енеїди Котляревського і кінчаючи літературними новинами 1841 р. Теза, проти котрої він виступає сим разом, сформулована так: Оновлення російської літератури діється за поміччю великоруського народнього елементу; на гадку противників українського руху, Українці або зовсім не повинні брати участи в літературі, або присвоїти собі «великоруську народність». «Несправедливість одної і другої гадки, коли хто мав-би нещастє їх боронити, очевидна само собою». «Завдяки самодержавію і єдиновластію» (автор хоче сказати: державній одности) ті ідеї, що порушують великоруську частину держави, не можуть не захоплювати української; Українці не можуть не взяти участи в руху до народности. Але народність, до котрої вони йтимуть, неминуче буде народність українська.

З чим міг з'явитися на літературній арені Українець, що свої перші враження дістав на Україні і перші слова проговорив, можливо, своєю-ж таки рідною мовою? Не инакше, як із своєю українською народністю і своєю рідною мовою (наречием). Багато Українців відчувало, що російською мовою (на русском языке) не можна віддати того, що можна українською, і тому стали вживати свого рідного слова. І вони мають рацію. Розуміється, Гоголь у своїх високих творах представив богато з українського побуту прегарною російською мовою; але треба признатись: знавці кажуть, богато з того вишло-б іще краще, якби було (написано) природною мовою. І багато знайдеться талановитих людей, які в обставинах свого життя так зжилися з українською мовою (языком), що писали-б зле, якби стали писати російською мовою, українські-ж писання їх читалися-б земляками з великою втіхою.

Так от, ідея народности, посунувши наперед російську літературу, витворила в ній окремий відділ—літературу українську, в своїм характері чисто руську своенародню (так!). Декотрі з сучасних критиків звуть сей потяг до писання українською мовою незрозумілою забаганкою. Але думають неправильно: се вимога часу, бо виходить з того принципу, що оживляє сучасну суспільність (себ-то з ідеї народности)—с. 42—3.

Ся тема—оборона української літератури і вияснення її права на признання переходить потім через усю публіцистичну діяльність Костомарова, як один із голсвних провідних мотивів його публіцистики—хоча треба сказати, що паралельно з тим як українська література росла, ширилась і ставала на ноги,—Костомаров не розширяв, а зменшував обсяг її—і своєї апології. В отсім першім огляді ще не помітно ніяких обмежень для неї в порівнанню з російською: одною й другою водять провідні ідеї, «що оживляють сучасну суспільність», і очевидно у тім не кладеться їм ніяких меж,—як не клали їх потім і Кирилометодіївці в своїх планах піднесення української культури. Але в 1860-х рр., висуваючи на перший план справу народньої освіти, елементарних підручників для народу і т. под., як далі побачимо, Костомаров уже доволі скептично починає ставитися до української белетристики. В другому своєму огляді української літератури, 1871 р., він ще різкіше підчеркував се, «що изобразительно-этнографическое направление», котрому завдячувало свій інтерес українське письменство, явно пережилось; за новими течіями, що захопили інтелігенцію, не можуть поспіти ні українські письменники, ні українська мова. Єдиним гідним і продуктивним вжитком для неї авторові представляється елементарна народня освіта, себто «ознакомление народа с плодами образованности» (с. 246).

Тут маємо в короткій формі те, що десять літ пізніш Костомаров повніш розвинув в своїх ославлених «Задачах украинофильства»,—теорію т.-зв. «домашнего употребления» української мови. Взявши на себе оборону української

мови, він наче упадав під тягарем тих ударів, які задавались і їй і йому з боку противників українського національного руху, і все зменшував сю під'ударну площину, щоб лекше її обстояти. Великий історик не належав до людей, які протягом свого життя поглиблюють і доводять до останніх логічних висновків революційні принципи, засвоєні в молодих літах — він належав до тої категорії, у котрих хоч «раз добром налите серце ввік не прохолоне», але запас сього добра, налитий за молоду, не відновляється, не росте, а тільки зуживається і вигорає як олива в світильниках мудрих дів на тяжкім і метушливім шляху життя.

Переходжу до центрального «п'ятиліття, 1859—1864. Се апогей енергії і творчости в житті Костомарова. В листопаді 1859 р. читав він вступну лекцію в університеті, яка зробила незвичайне враження і сотворила йому небувалу авдиторію. В березні 1860 р. відбувся його прилюдний диспут з Погодіним про початок Руси, що став початком завзятої полеміки—котрої сюди не заведено, бо вона мала спеціяльно-науковий характер. Р. 1861 він розпочинає публікацію «Актов Южной и Зап. России», випускає «Памятники Старинной Русской Литературы»; в першій книжці «Основи» з'являється його «Федеративне начало в старій Руси», в третій «Двѣ русскія народности», в шестій «Черты народной Южно-русской истории»—програмні статті, що вносили силу нових ідей, робили—можна сказати—повний переворот в історичнім мисленню Східнього Слов'янства. В другій половині року він розпочинає полеміку в справі організації університетського навчання. 1862 рік приносить інцидент на публічній лекції 8 березня, вихід Костомарова з університету, розходження з радикальними кругами і завзяту полеміку з сього приводу; але поруч голосні лекції про Новгород, про великоруських раціоналістів XVI віку, підготовку великої монографії про північні республіки: Новгород—Псков—В'ятку, що вийшла з датою 1863 р. Вона зробила величезне враження на інтеліґенцію і відразу зреабілітувала знову Костомарова як носителя поступової політичної думки; згадані республіки (в друкованім виданню, з цензурних причин названі «народоправствами») вважалися пригадкою про можливість республіканського ладу для Східньої Слов'янщини. Під впливом сього й «Историческія Монографіи», що почали виходити 1863 року, набрали характер історичного обґрунтування новішого політичного радикалізму. Критичні статті про Сусаніна (1862) і Дмитра Донського (1864), двох офіціяльних героїв великоруської державности, зробили з Костомарова фігуру стільки-ж ненависну для офіціяльних патріотів, як близького й дорогого для всеї опозиційної частини громадянства.

Статті сього славного п'ятиліття, заведені до нашої збірки, відкриваються дуже інтересними завваженнями Костомарова з приводу статті Соловйова про козаччину. До них причепився польський публіцист Фіш (під псевдонімом Падалиці), боронячи стару Польщу против закидів Костомарова. Так зав'язалась у Костомарова полеміка на тему польсько-українських відносин, яка протяглася протягом 1860 рр. і дала чимало цікавих і навіть по сей час цінних завважень з боку Костомарова.

В своїй статті про козаччину проти Соловйова Костомаров виступає против його ультра-державницького погляду (продовженого потім нашим Кулішем) на козаччину як елемент руїнний, противогромадський і противодержавний, що не хотів працювати, а бажав жити чужим коштом. Костомаров настоює, що українська козаччина се український нарід, і її не можна відділяти від народу. Се не зовсім вірно [1], але тим не менше його завваження незвичайно цікаві.

---

[1]. Взагалі я не торкаюся наукових огріхів автора, що здебільшого залежали від тодішнього стану джерел і їх недостатнього розроблення.

Так, з приводу тези Соловйова: «Яка-б лиха не була суспільність, з котрої вийшов козак, все-таки вона була далеко вища від козацького товариства (общества), що повстало в степу»,—Костомаров відповідає:

В противність шан. професорові позволимо собі сказати: Яка-б не була слабка свідомість сих людей (українських козаків) в творенню нового громадянства (общества)—все-ж таки вона стояла вище від того ладу, що існував тоді під проводом польської аристократії. Коли-б у них (козаків) навіть зовсім не було елементів конструктивних, вони все-таки стояли вище тих, що хотіли зруйнувати те, що тоді існувало: хотіли виратувати батьківську віру, потоптану єзуїтським лукавством, самоволею Жигимонта і своєвільством панів. Хотіли звільнитися від панської юрисдикції—сього жахливого права поміщика: судити своїх підданих і карати їх на смерть, що вони здебільшого передавали підстаростам і Євреям-орендарям. Отсі їх домагання і виявилися в повстаннях народу, що мали назву козацьких.

Чого-ж добивався сей нарід? На се дає відповідь Б. Хмельницький тими славними словами: «Согрішить князь—уріж йому шию, согрішить козак—і йому те-ж зроби, ото буде правда!» А на гадку д. Соловйова, суспільність, де таке говориться, була нижча від тої, де існувало прислів'я: «Хлопа на палю, панові нічого, а шляхтича до вежі» (за ту саму провину панові-магнатові нічого, простого шляхтича—до в'язниці, а хлопа на палю).

Невже домагання такого громадського ладу, висловлене устами Хмельницького—а устами його тоді ще говорив народ,—значить бажання жити чужим коштом, як думає д. Соловйов? Нарід хотів жити чужим коштом? Чиїм-же коштом міг хотіти жити цілий нарід? Не коштом-же польських панів, їх двірських полків та орендарів-Євреїв? А чиїм-же коштом жило се шановне товариство, що збогачувало себе потом, кров'ю і сльозами українського хлопа, для своєї забави гралося його життям і честю, та ще й до того насилувало його душу. Д. Соловйов вважає козаків хижаками і паразитами—але чи не більше заслужили таку назву ті, що проводивши дні в пияцтві, розкошах, обопільних наїздах, від котрих знов-таки найбільше терпів простий нарід,—нарешті вивели сей нарід з терпеливости? Один Англієць звідавши Польщу в XVII в., дивувався не хижацтву й злодійству руського (розум., українського) народу, а дивній його терпеливости. Так видко добре було свіжій людині в атмосфері сього суспільства—а д. Соловйов ставить його вище над те, що хотіли організувати козаки! (с.с. 56—7).

В відповідь на аналогічні завваження Фіша-Падалиці, що козаки були не більше як розбійницькою, руїнною бандою, тимчасом як поляки старались їх «ушляхетнити», уцивілізувати і т. д., Костомаров відповідає:

Ми не стидаємось ні Павлюків, ні Наливайків, ні Кармелюків, ні Тараненків. Навпаки! Хоч сі люди виявляли себе в диких, варварських формах, вони давали вираз (хоч і невдатний!) тому, що було затаєне в серці народу. Ні, ми безумовно не стидаємося сих людей, хоч-би в якім жахливім вигляді вони не виступали. Історія показує нам, що злодій, розбійник, волоцюга, окриті зневагою, часто стали такими саме тому, що не могли жити в задушливій, погибельній атмосфері, переповненій панованням своєвільства, і не знаходячи собі виходу, не виховавши в собі понять відмінних від тих, серед яких виросли, вони кінець-кінцем виступають не з чим иншим, тільки з тим, від чого тікали—лише в иншій сфері і з иншою обстановою. Нелюдський ватажок українських гайдамаків в грунті річи те саме, що польсько-український пан,—котрого канчуки довели селян до гайдамацтва. Нові шляхи в суспільстві проторюються не швидко, і найчастіше ті що тікають з нього і стають в вороже до нього становище—або обмежуються одною негативною активністю або йдуть старим шляхом, зістаючися в тих-же упередженнях, які змусили їх стати ворогами того суспільства. Але в основі вони ні в першім разі ні в другім не гірші від тих, котрим спочатку виповіли війну, а кращі—особливо доти, доки не силкуються надати легальности своїм учинкам. Самоволя пана викликала самоволю гайдамаки. Але самоволя пана заявляла, що вона зовсім не самоволя. Вона називала себе правом, иноді навіть божеським—тимчасом як самоволя гайдамаки, принаймні спочатку, не пускалася на таку гіпокризію, а признаючи своє самовільство, годилася з ним, що гідна шибениці, меча чи палі. Для морального почуття злочин гідкіший під маскою чесности, ніж в своїй оголеності. Легальне своєвільство викликає своєвільство що змагає до знищення своєвільства легального (с.с. 59—60).

Д. Падалиця, називаючи козаків «демократичним суспільством, яке колинебудь існувало», завважає, що все-таки Поляки мали на нього вплив і «ушляхетнили» його. Ся гадка справедлива, але се ушляхетнення саме й було причиною, що козацьке суспільство не дозволило дозріти в собі тим зав'язкам, які обіцяли такий богатий урожай; а з другої сторони—народні маси не дали дозріти і тому ушляхет-

ненню. Народні маси діють інстинктивно, але рідко помиляються, коли справа йде про їх долю. Иноді те що може показатися виспідом неуцтва і упереджень, так що в мислителі не дуже проникливому воно викликає обурення,—буває наслідком зовсім розумного народнього почуття, того правдивого «хлопського розуму» (здорового ума), що без силогізмів і довгої праці бачить річи ясно і йде до правильної мети минаючи всякі манівці. От з'являються в історії люди своїм розвитком вищі від маси, начебто перейняті щирим бажанням добра для своїх земляків; вони обіцяють їм в будуччині добробут, свободу, силу і готові віддати на послугу своєму народові своє життя—але сей нарід їх топче, закидає їм егоїзм, вважає за своїх ворогів, за добро платить злом, за пошану ганьбою, погибіллю за їх бажання виратувати його. Та вгляньте глибше, і ви побачите, що маса ся не така неправа, як здається! Маса відразу відчуває і розуміє, що сі непокликані опікуни готують їй таке, чого вона не хоче і пізніше їй буде лихом.

В історії України єсть така сторінка, яких можна богато нарахувати в історії кожного народу. Після смерти Б. Хмельницького гурток значних людей, що піднімалися над масою своєю освітою і розумним поняттям про громадський лад, зложив проєкт організації козацької України в формі республіки федеративно зв'язаної з Польською Короною і в. кн. Литовським. Зложено славну Гадяцьку умову. Читаючи її ви знайдете в її статтях так багато доброго, що виявляє ясний розум і широкий світогляд авторів, що жаль бере: чому воно не здійснилося? Чому нарід одних із сих доброчинців своїх прогнав, инших і побив? Як се він не зрозумів моральної вартости незалежности, громадської свободи й освіти, що їм обіцяла ся умова? Як тут не пожалувати про темноту маси, що не дала здійснитися таким спасенним замірам. Як не пожалувати людей, що так страшно заплатили за вищість своїх ідей і своєї освіти! Але приглянувшися до справи ближче, побачите, що нарід не зовсім неправий, і в своїй темноті маса бачила ясніше, ніж той освічений гурток її провідників. Маса інстинктом зрозуміла, що на здійсненню спасенних намірів своїх провідників вона програє тяжко—так як програла на прилученню до Польщі, коли виграли ті, що творили вищу верству. Маса не дає собі звабити зверхніми прикметами свободи, воліє мале облекшення свого життя ніж гучні обіцянки,—що чим привабніше бувають, тим меншій круг людей задовольняють, і то коштом більшости. Маса зрозуміла, що Гадяцька умова накладе на неї ще тісніші кайдани. Що Гадяцькі пакти дають вільности в таких розмірах, що вони самою істотою своєю зможуть обняти тільки вибранців долі, значить — помогти сформуванню і укріпленню привілегій вищої верстви. А нарід не то що повернуть до старої неволі, з якої він вибився з таким кровопролиттям, а приведуть до становища ще більш безвихідного—згідно з звісними словами: буде останнє гірше від першого. Яке-б не було становище народу під московською владою, нарід хилився туди, нехтуючи всіма приманами, що йому показували провідники. Він сподівався, що в кожнім разі його доля буде краща від тої, яка чекала-б його з щасливим розвитком свободи, обіцяної Гадяцькою умовою. В Московщині нарід бачив владу, як свою охорону: вона здавалася йому апотеозою справедливости, тому що як влада єдина, вона противставлялася владі богатьох—занадто досвідченій сим самим народом». (с.с. 61—2).

Тут-же знаходимо і цікаві виступи против націоналістичного самовеличання і фальшивого закривання прогріхів минулого, против національної виключности і шовінізму. Бачимо бажання поставити національне на широкій всенародській базі—що помічаємо потім і в статтях про поезію Шевченка (7 і 8): вони і до нашої збірки заведені власне через сю спільність ідей. Противставлення дійсно народнього характера Шевченкової поезії українофильським аксесоріям т. зв. української школи польської літератури (с. 83) безпосереднє зв'язує сі виступи против польського українофільства з аналізом Шевченкової поезії: Шевченко не повторяє загальних місць, уже переспіваних народньою поезією, а продовжує її, ведучи її на висоті, їй доти невідомій.

«Правда Москвичам о Руси» названа автором так в паралель полеміці з історичними претенсіями Поляків, дає далеко менше. Автор виступає против закидів національного «партикуляризму», затемнювання «субстанції народнього духа» національними звичками і т. п., що йому закидали московські слов'янофіли з приводу його «Двух русских народностей». Але сю вдячну з його становища тему він збув кількома побіжними завваженнями, та ріжними детальними поясненнями: може бути, він сподівався, що полеміка розгорнеться ширше, і тоді буде йому нагода викотити гармати більшого калібру і повести

дискусію на теми більш принципіяльні. В сій же статті він виступив головно в двох питаннях загальнішого характера: против упереджень слов'янофілів на Поляків, і против слов'янофильських зусиль відвоювати для Великоросів цивілізаторську ролю серед Східнього Слов'янства. З приводу «небилиць» свого противника: його бажань представити марш Олега на Київ, як «похід на Полудне північної цивілізації» і пересадження на український ґрунт новгородської системи городів і пригородів,—Костомаров писав тут:

Що північні охотники були у Олега—се так, се видко з літописи; але там нема й сліду північної цивілізації. Тай звідки взялася та північна цивілізація, і що то була за цивілізація? Коли тоді було що-небудь подібне до цивілізації, то скорше вже на полудні, поблизу Греції, з котрою Полуднева Русь мала зносини. Правда, коли Олег завоював Київ, Київ і з ним Полуднева Русь війшли, так-би сказати, в ту систему звязку, що виникла на Півночи—не з яких-небудь старих підосков, а наслідком чужоземного завоювання,—але де-ж докази, що Олег прийшов (на Полудне) з свідомою системою?.. Про Русь-Новгородців я таки нічогісінько не знаю—дарма що критик хоче мене застидити сим незнанням. Я знаю тільки те, що ім'я Русь при кінці XI і на початку XII стол. (коли складалася літопись) мало два значіння: в розумінню Київської землі і в розумінню федерації земель що разом з Київом стояла під управою одної династії. Новгород був Руссю в сім другім значінню, але ніколи не був Руссю в першім розумінню. (с. 110).

Костомаров тут обстоює полудневе походження Руської федерації, руської державности і культури—в противність «московским лазейкам», як він їх називає. Епіграфом своєї статті він поставив фразу з новгородського життя архиєп. Сергія: першого владики, присланого в Новгород з Москви, коли московський князь зломив силою політичну і церковну автономію Новгорода, і Новгородці вірили, що сам Господь покарав сього московського культуртрегера, що заходився заводити в Новгороді московські порядки: він збожеволів, і його мусіли забрати. «Вознесе ся умом высоты ради сана своего, яко от Москвы прииде—величая гражданом яко и племенем их укори»—величався тим перед Новгородцями, що з Москви прийшов, і через те стратив розум.

Дискусія не розвинулась, і Костомаров не мав нагоди вичитати «Москвичам» всю правду; дещо сказав в своїх критичних увагах до московських історичних легенд—про Дмитра Донського і Сусаніна (сюди належать полемічні статті 28—30), а ще більше в пізнішій статті про початки московської автократії («Начало единодержавія») в 1870 р.

Але все-таки вже в 1860-х рр. виросло тверде переконання про Костомарова, як ворога Москви (див. с. 181) і неприятеля Великоросів взагалі. Костомаров так формулує сі обвинувачення, з приводу своєї полеміки з Кояловичем: «Д. Коялович запевняє, нібито я дивлюсь на Великоросів як на «каналій», від котрих треба триматися здалека і з рана до вечера їм показувати, що ми їх розуміємо, себто виявляти всю їх нікчемність, лукавства і злочини» (с. 210).

Такий ефект робили писання Костомарова на великоруських реакціонерів. «Полеміка», котру вели против нього, як відомо—назавжди закрила йому поворот на університетську катедру.

Інтересніше вилала полеміка з приводу єврейсько-українських непорозумінь,—хоч Костомаров теж не розвинув її як слід, непотрібно примішавши свої суб'єктивні емоції, і полишив таким чином без потрібного вияснення об'єктивні причини сих непорозумінь, що, на його гадку, треба було усунути.

Початком до сеї дискусії послужив лист до редакції «Основи» якогось молодого єврейського інтелігента, підписаний буквами «П—в», з приводу того, що «Основа» часом вживала для Євреїв назву «Жид»: сей П—в, не бажаючи розводити на сю тему друкованої полеміки, «іменем Євреїв» просив редакцію «Основи» залишити се «гнусне» ім'я і називати Євреїв «національним іменем», бо ім'я «Жида» стало синонімом шахрая, і вживання сього імени вертає людей до середньовічних упереджень та стелить стежку погромам. Редакція надрукувала сей лист, з своїм поясненням, що ім'я «Жид» власне есть національне

ім'я, само по собі нічого образливого в собі не містить, а коли з ним зв'язуються певні неприязні настрої, то се тому, що Євреї, живучи між українською людністю, не шукали з нею зв'язку, не наближалися до неї, «а навпаки—часто поступали против духу і користи нашого народу». На се відізвався «Сион»—одеський орган єврейської великої, зросійщеної буржуазії. Признаючи «Основі» правду, що ім'я «Жида» не має само в собі нічого образливого, він одначе обрушився на сей заклик зближення, обслідування причин відчуження і через обопільне розуміння—до замирення. Слова «Основи», що «для нації не може бути нічого шкідливішого, як існування серед неї инших народностей, які тримають себе осторонь, індиферентні до її інтересів, або ще гірше—силуються підбити її під свою владу і свої впливи», «Сион» представив так, ніби українська національність ставить дилему: або асимілювати Євреїв, або знищити їх. Заразом поставив українському рухові обвинувачення в узькому націоналізмі і бажанню «роз'єднати народи (розумій—український і великоруський), які мусять творити одну цілість з огляду на племінне споріднення і спільні політичні та економічні інтереси»—себто закинув те, що з того часу набрало назву українського сепаратизму. А що до Євреїв заявив, що вони готові асимілюватися, але не з Українцями, а тільки з Великоросами:—«Зрікатися своїх одвічних особливостей Євреї можуть тільки в користь цілого, а не якоїсь частини». «В равнодушии к общим судьбам нашего отечества России, в противодействии его пользам *Основа* не упрекает нас, и при всем желании не могла бы упрекнуть: безчисленное множество фактов могли бы мы привести и в таком случае в свою защиту». Коли-ж такі патріоти російського отечества не йдуть разом із Українцями, то саме тому, що не бачать тут «польза» для свого отечества: вважають шкідливим розбивання культурних сил і так малої інтелігенції своїми національними змаганнями, «вместо того, чтобы вести ее под знаменем одного общего литературного языка, помимо мелких племенных распрей к великим общечеловеческим целям».

Се було нетактовне і з становища Українців — прикре, небезпечне, несовісне. Куліш дав волю своему роздратованню, надрукувавши в відповідь статтю «Передовые Жиды». Нагадував там, як три роки тому разом із Шевченком, Костомаровим і Марком Вовчком він виступив з колективною декларацією в обороні Євреїв, прилучаючись до виступу письменників російських і польських, Висловляв своє обурення, що тепер ті-ж самі «передові Жиди», з котрими він виступав против російських реакціонерів, забігають в російський патріотизм і в сфери «гуманности и образования», випихаючи відти Основ'ян і ставлячи їх в підозріливім світлі одночасно і перед охранителями «польз отечества» і перед провідниками інтересів современного человечества». Заявляв, що публицисти «Сиона» «зловживають» такими словами як «прогрес, гуманність, просвещение», а заразом випереджають самих Іоаннів московських в «собирании земли Русской», і що з «такими літераторами» Українці не можуть мати діла.

«Сион» відповів на се відкликом до російської преси, віддаючи «на суд всеї руської публицистики» свою суперечку з «Основою», бо вона, мовляв, повела свою полеміку так, що ся полеміка стає загрозою всім щойно здобутим і ще не забезпеченим вільностям друкованого слова (се не було сказано виразно, але досить ясно читалося між рядками). Російська преса не лишилася глухою на такий розпучливий відклик, і не чекаючи заклику української сторони, і не вглядаючи навіть в інкримінованої статті «Основи», взялася розсуджувати Євреїв з Українцями. «Русскій Вѣстникъ» на правому крилі, «Русское Слово» на лівому признало поведення «Основи» не справедливим.

Гурток «Основи» був крайнє подражнений, і Костомаров дав йому вислів в своїй статті «Иудеям». Він цілком правильно виявив некоректність «Сиона», що замість запропонованої Євреям дискусії на тему обопільного зближення і

порозуміння, пустив доносець в сепаратизмі, узькому націоналізмі, реакційности і т. д. (від нього українське громадянство і рахувало потім всю пізнішу низку обвинувачень в українськім сепаратизмі, розбиванню культурних сил і т. д.). Але при тім цілком непотрібно, насамперед, ототожнив Сион із єврейством взагалі, хоч ясне діло—ні єврейський пролетаріят, що бився в лещетах своєї буржуазії, ні ті Євреї, які саме щиро заходилися коло зближення з українським рухом—не дуже численні, вони все-таки були і не могли відповідати за тактику єврейських зросійщених велико-буржуазних верхів. По-друге—також дав волю своїм емоціям, заявивши іменем «Малоросиян», що вони не мають симпатій до «юдейського племени» і просять не змушувати їх любити його і хвалити те, що їм не подобається. Знов таки Костомаров не мав ніякого уповноваження від української народности чи громадянства свідчити їх почуття—я сам особисто добре знав між Українцями людей (як пок. В. Б. Антонович, або Л. А. Смоленський), які зовсім не мали таких антипатій до Євреїв. По-друге—симпатії чи антипатії, се річ, яка не повинна грати ролі в уставленню громадських взаємовідносин. Костомаров заявляв далі (с. 123), що незалежно від симпатичних чи антипатичних сторін Євреїв, треба бажати їм повної рівноправности і можливо широкого поля діяльности та сподіватися від того зміни в відносинах Євреїв до українських мас. Се головне і на сім треба було стати. Додаток—що Українці не бажають асиміляції Євреїв—се зовсім непотрібний емоціональний випад, у відповідь на заяву сіонських публіцистів, що вони не хочуть асимілюватися з українською народністю, немов якоюсь нижчою. Та й сама вигадка: називати Євреїв коли не Жидами, то таки не Євреями, а Юдеями—се може було й дотепне, але зовсім не на місці.

Так властиво ся дискусія нічого не вияснила і до порозуміння обі сторони не посунула.

Роздраження до російської публіцистики і з нею против поступового громадянства, що встряло в сю суперечку, виявляється і в статті Костомарова з приводу «Тысячелетия Руси»—в його песимістичних відзивах про поверховне засвоєння ріжних модних гасел—«цілого словника чарівних слів, що порушують нерви тих, що хочуть бути громадськими діячами», і заразом «хитість в гадках, непевність в осудах і непогодженість слова з ділом» (с. 126). Се служило прологом до його різкого конфлікту з поступовою громадською опінією і пресою з нагоди інцидента 8 березня 1862 р., коли Костомаров хотів зірвати страйк протесту, проголошеного студентами і професорами з приводу арешту і висилки проф. Павлова, за його промову з приводу того-ж тисячеліття. Ми включили статті Костомарова з приводу сього конфлікту як ілюстрацію до сього дуже важливого моменту в еволюції його ідеології. Як відомо з його автобіографії, ся кампанія против його страйколомства, в якій взяв між иншими участь і П. Лавров, довела Костомарова до незвичайного роздраження: він готов був повторяти відзиви й характеристики, що розсипали на адресу радикальної молодіжи найбільш реакційні крути. І хоч поступове російське громадянство скоро забуло Костомарову сей нефортунний його виступ, в його психіці ся шпара між ним і сими поступовими, чи радикальними крутами, я думаю, не заросла ніколи.

Вихід із сього прикрого становища, в якім опинився Костомаров з виходом з університету і зреченням з публичних виступів, дала йому тим часом справа видавання українських підручників, за котру він ухопився саме тоді, весною 1862 р. Його відозва до земляків, де він заохочував до праці над підручниками і до жертв на їх видання, в зв'язку з сим—його пригадки про нетайну потребу видання українського перекладу Євангелії наклікали на нього силу нападів, інсинуацій, відкликів до урядових репресій, і стали на довгий час,

можна сказати—на всі дальші літа одною з головних тем його публіцистики і полеміки. До збірника заведено статті його на сю тему (17, 21—6, 31—32) і навіть викази жертв з поясненнями про стан справи, що він тоді друкував. В сих питаннях можна відзначити кілька інтересних сторін: з одної сторони—оборона українського навчання против обвинувачень аргусів російського централізму і державної народности, з другої—докази важности справи на адресу українського громадянства, що переходять в напади на беззмістовність сучасної української поезії й белетристики, на недостачу серйозних інтересів у сучасних українофілів:

Писати повісти й стишки—часто безбарвні й порожні, з чорнобривими дівками, буйним вітром, могилами, степами і зозулями, далеко лекше ніж віддатися попереднім студіям, тверезій праці для складання потрібних народові книжок. Також і наші заможні народолюбці радніш уберуться для забав в quasi—національний костюм, пустять в своїй розмові два-три українські вирази і посперечаються про вартості Шевченка, аніж уділять з своїх доходів одного-другого карбованця на справу народньої освіти. (с. 139).

Нарешті цікава та програма, яку Костомаров начеркує для сеї наукової літератури:

Розуміється, треба бути розважним, було-б смішно, коли-б хтось переклав на українську мову «Космос» Гумбольта або «Римську історію» Моизена: для таких творів іще не прийшов час. (На жаль він не прийшов іще й досі! *М. Г.*). Треба обмежитися елементарним викладом наукового знаття, необхідного для першої освіти. Тому на теперішній час крім букварів народові потрібні: коротка біблійна і церковна історія, катехизис, виривки з поучень учителів церкви, з житій улюблених народом святих і пояснення богослужения. Що-б там говорили модні поступовці, ті що вважають можливим накидати народові матеріялізм,—але нарід з огидою відвернеться від їх науки, скоро помітить, що під покривкою науки хочуть у нього відібрати святощі його серця.

За сферою релігії повинна йти знайомість з природою... Разом з тим треба зладити граматику рідної мови, з котрої нарід пізнав-би будову людського слова. Нарешті треба написати таку книжечку, щоб у ній подати народові головні основи його становища в державі і юридичних прав. Сим покище можна й обмежитися. Історії—всупереч дечиїм гадкам——ми не вважаємо потрібним заводити до сього плану елементарної освіти: історія така наука, що вимагає великого запасу попередніх відомостей і значного розвитку, без того з неї нема користи (с. 138).

В зв'язку з сим стояв огляд фонетичних і граматичних особливостей української мови відмінних від великоруської і польської, що Костомаров постарався надрукувати в офіціяльнім органі міністерства освіти, обстоюючи самостійність української мови, як гідний знаряд і предмет навчання; було-б інтересно пошукати за вказівками, чи Костомаров сам зложив сей огляд, чи користав з помочи котрогось із сучасних українських лінгвістів, і чого сей огляд варт з лінгвістичного погляду.

Надрукована одночасно в иншім високо-офіціяльнім органі, сим разом військовім—стаття про Володимира Мономаха і Б. Хмельницького старалась можливо переконуючо довести, що український патриотизм цілком не суперечить общеруському державному націоналізмові: се можна сказати—була чергове завдання української тактики 1860-х років, а Костомаров до самої смерти не переставав твердити і заявляти, що українському народові його прив'язання до національних особливостей побуту і мови не перешкоджає в повній лояльности супроти Російської держави і великоруського народу, і українська інтелігенция, з самим Костомаровим в головах, тримаючись української культури і розвиваючи її по змозі, тим не менше чує себе «руською», державно-патриотичною і т. д. Стаття ся знаходила симпатичний відгомін в українських кругах, і Драгоманов пильно рекомендував своїм галицьким кореспондентам простудіювати її, щоб зрозуміти сей подвійний націоналізм сучасних Українців, до котрих і сам Драгоманов тоді належав. З історичного становища інтересні в ній міркування Костомарова про роз-

ходження політичних планів московського і українського уряду: прилучення України вносило до московського державного життя зовсім нові моменти, не згідні із московським централізмом і самодержавним ладом.—

Воно злякалось свого неминучого самовбивства. Хмельницький сварився, навіть загрожував Московщині... Можливо, що коли-б прикрости і несправедливости супроти його народу (з московської сторони) не звели його передчасно в могилу, дійшло-б до того, що Богдан повів-би своє козацьке військо на Москву. Але се була-б усобиця—така як колись бували між Черниговом і Київом, між Новгородом і Твер'ю або Москвою. Відпасти від Москви Богдан не хотів—зв'язок України з Москвою був не зовнішній, а внутрішній, народній... (с. 153).

В зв'язку з сим стояла федеративна концепція, що раз-у-раз викликала на Костомарова ріжні атаки й інсинуації з консервативних і офіціяльних таборів. Хоча Костомаров кожного разу як йому закидали бажання з помічень над федеративним принципом в старій Руси зробити певні директиви сучасній практичній політиці, рішучо заявляв, що він займається сим питанням тільки як історик,—але його підчеркування сього принципу стояли в такім виразнім ідеологічнім зв'язку з критикою абсолютизму і централізму, з одного боку, з апологією областности і українофільства, з другої сторони, що всі його заперечення не помагали нічого, і полеміка підіймалася раз-у-раз. В збірці передруковано його невеличка, але дуже інтересна відповідь на сю тему Лохвицькому, але крім того він дебатує на сю тему і в «Правді Москвичам», і в листі до редактора «Дня» (с. 161), пізніше в «Начале Единодержавія», і в передсмертній полеміці з Кояловичом та в відповіді на характеристику його теорії, зроблену Д. І. Багалієм, раз-у-раз повертається до своєї федеративної концепції. Відмежовуючися від практичної політики, він настоював на тім, що коли-б східне-слов'янське життя було полишено свому природному розвиткові, воно *неодмінно* вилилося-б в форму свобідної федерації земель. Монгольське завоювання збило його з сього нормального шляху, прищепивши принцип азійського деспотизму, а західньоєвропейські взірці оформили сей московський деспотизм на европейський кшталт. Історик не договорював, що нормальне життя могло бути відновлене тільки поворотом від централізму і абсолютизму знову до самоврядування і федерації,—але се читалося всіма між рядками.

Публіцистика останніх двох десятиліть життя Костомарова небогато додає до того, що висунув він в своїм апогею, і моя мова про неї після вже сказанного буде коротка. Вище я згадав про огляд української літератури 1871 р.—дуже характеристичний для еволюції поглядів Костомарова і багатьох із його сучасників. З того, що «Основа» не знайшла ширшого кругу читачів і передплатників, він виводив, що життя переступило через змагання українських патріотів на літературнім полі. «В добі, коли все що мислило думало про рух наперед, поширення просвіти, свободи і добробуту», «изобразительно-естетическое направление» взяте українським письменством вичерпалось і виявило свою вузкість. «Простонародне життя, що перед тим здавалося невичерпаною скарбницею літератури, з погляду сих поступових течій показало себе дуже убогим: в нім не видко було руху, коли й був рух, то такий повільний і мало помітний, що ніяк не міг задоволити вимог скорих продуктивних і знаменних поліпшень, що займали думки суспільства». «Підіймати українську мову до рівеня освіченого, літературного в вищім розумінню, придатного для всіх галузів знання, для описання людських громад в вищім розвитку—се була гадка привабна, але її нестійність виявилась зараз на перший-же погляд». Прийшлося-б творити штучну українську мову, і вона вже не була-б українською народньою мовою: в Українців було-б дві мови, і українська інтелігенція маючи вже одну літера-

турну мову—російську, взявши участь в її формованню, не прийняла б другої штучної мови — української. Єдиною раціональною сферою приложення української мови зіставалась елементарна шкільна і освітня література для народу—але сю сферу закрила для Українців агітація, піднята реакційними кругами. «Від 1863 р. українська література перестала існувати в Росії». Такий був висновок, і Костомаров не вказував виходу з положення—тільки відкликувався до української і великоруської інтелігенції, і через неї, очевидно, і до уряду: щоб вони розслідили справу і переконалися в неможливости позбавити українські маси освіти рідною мовою (сс. 245—7).

Київський осередок, що перейняв у тім часі провід українського життя від петербурзького, не зістався на такій непевній позиції. Він рішив, з одної сторони—перекинути на галицький ґрунт ту українську роботу, котрій будуть закриті шляхи в межах Росії (організація товариства ім. Шевченка, заходи коло перетворення на всеукраїнський орган «Правди» і взагалі випростування галицького українського руху в напрямі всеукраїнськім). З другої сторони старався використати всі можливости для повнішого розвитку української культури—скільки дадуть на те змоги урядові обмеження. Так поновлено і заходи коло освітньої літератури для народу, і коло відродження белетристики, театру, музики, всебічного обслідування народнього життя в сучаснім і мінулім—доки указ 1876 р. не положив тому неперехідних перешкод. Костомаров на сей указ не відізвався безпосереднє. Він взяв на себе невдячну ролю—як се характеризувалось тоді—«примирити з собою правительство». Для того з одного боку з можливо лояльних тонах відкликався на ріжні явища сучасного життя—як от «війна за визволення Слов'ян», як її офіціяльно називано (в повній протилежности до гасла Драгоманова «Чистое дело требует чистых рук») [1]) або польські проби заграти з сеї нагоди на всеслов'янських струнах і собі—щоб в ім'я всеслов'янського гасла добитися скасовання, чи принаймні ослаблення урядових репресій против польської культури (46—8). Правдоподібно, Костомаров хотів таким чином відвести підозріння против українського руху що-до споріднення з «польською інтригою», що йому раз-у-раз закидали московські противники, і для того брав на себе малопочесну ролю викривача польського лукавства перед урядом і російським громадянством, переймаючи дещо з амплуа Говорського і Кояловича, котрих перед тим так суворо за те картав, і тим робив неприємне враження і в українських і в поступових російських кругах.

Одночасно він можливо спрощував і звужував українську проблему, стараючися пропхнути її через урядове ухо. Уже з своїм огляді 1871 р. він прийняв дещо з аргументації своїх опонентів—напр. тезу, що російська літературна мова не великоруська, а общеруська, утворена при участи Українців і так само їм близька як і Великорусам, або признання абсурдним зусиллям сотворити інтелігентську літературу засобами української мови і культури.

В таких тонах взяв він слово в оборону забороненої української мови п'ять літ по указі, з тої нагоди, що урядові круги взялися до перегляду законів про друковане слово («Малорусское слово», 1881). Сим разом він твердо і без недоговорень поставив принцип: «українське слово для домашнього обиходу». Згадуючи, що так колись висловився один із слов'янофільських органів в 1860 р.,—Костомаров тепер приймає сю тезу своїх антагоністів за свою. Аргументує за українську проповідь, за український переклад Біблії тим що се може підняти в масах прив'язання до церкви й релігії, помогти против ширення сект і т. д. Відповідаючи «Совр. Извѣстіямъ» (15), відрікається він від фонетичного правопису («Куліщивки») і заявляє себе при-

[1] Сі статті Костомарова, доволі великі, прийшлося з браку місця проминути.

хильником правопису Максимовича, і т. д. Все се нітрохи не впливаючи на урядову противоукраїнську політику, робило враження непотрібного забігання перед противниками і побивання своїх — тих, що саме вели активну українську роботу в тім часі. Особливо різко ся хибна опортуністична тактика старого провідника позначилася в його статті 1882 р. — «Задачи украинофильства» написаної з приводу появи в Київі українського альманаха «Луна» (54).

Почавши з жалів на ту кампанію, що ведеться в реакційній пресі против української мови, і своїми інсинуаціями привела вже уряд до її заборони,— зробивши з приводу сих заборон реверанс вишньому начальству і запевнивши, що він нітрохи не сумнівається в добрих його замірах і бачить тут тільки результат деякої неосвідомленості,—старий історик пояснює, що так як поворот до української народности явився натуральною реакцією проти фатального історичного процесу відривання верхів народніх мас,—так опозиція новому «українофильству» і спеціяльно літературному вживанню української мови являється пережитком старого трактування народнього як мужицького—не вартого уваги і культури. Нарікає на те, що поява кожної нової української книжки викликає не критику її змісту, а принципіяльну дискусію на тему, що українською мовою взагалі писати не треба. Констатує, що самий факт існування української мови («малороссійскаго нарѣчія») дає йому право на літературний вжиток—бо-ж не можна заборонювати людині висловлювати свої гадки якою мовою вона хоче. По сих вступних увагах переходить до обговорення останьої літературної новинки—отої «Луни», і можна було-б сподіватись, що після даної лекції антагоністам—оцінювати книжку щодо змісту, чи вона добра чи лиха, він дасть саме таку оцінку. Але сам, очевидно—несвідомо для себе, не так займається оцінкою позитивних чи негативних сторін уміщених творів, як вдається в принципіяльну дискусію—чим повинні займатися українські письменники і які завдання має собі ставити українство («українофільство»). За позитивний тип українського письменства автор бере творчість Нечуя-Левицького; хвалить його побутові оповідання й п'єси, з спочуттям згадує популярно-історичні брошури, від оцінки його проби наукового представлення української мітології ухиляється—чи справді тому, що не бачив її, чи може тому, що не хотів ставити дражливе в тих часах питання про законність і раціональність наукових творів українською мовою, друкованих в Галичині з огляду на заборону в Росії. Таким чином в 1881 р. «изобразительно-этнографическое направленіе» уже не здавалося Костомарову таким пережитим як у 1871 р., і вповні оправдувало в його очах існування української літератури—так як допускає се й указ 1876 р., принаймні в теорії. Костомаров посилається на популярність побутової і народницької белетристики на великоруські теми в російській літературі і вважає, що українська література на такі-ж побутово-народницькі теми буде цінним і бажаним її доповненням.

Зате різко виступає Костомаров против штучних, на його погляд силкувань, збільшити культурну амплітуду українського слова і української творчости через творення нових виразів «для вислову вищих понять і предметів культурного світу». Нетактовно і несправедливо, в стилю писань «Кіевлянина» і «Московскихъ Вѣдомостей», він висміював невдалі, на його погляд, новотвори, прирівнюючи їх цілком незаслужено, до московських «мокроступів», напр., слова «байдужість», «задуманість», вираз: «поетична мрія про історичну минувшість» він наводить як курйози, як недорічності, хоча се були вирази вповні вдалі, зрозумілі і дуже скоро прийнялися в українській мові, всупереч пророкуванням Костомарова.

Взірці українських поезій, зложені такою новою мовою, дійсно не завсіди були вдатні, і нарікання Костомарова були не безпідставні—але все те було питання таланту, а не принципу.

Так само і в другім питанню, порушеному Костомаровим,—перекладів на українське. Його переконання—що «переклади на українське будуть на місці тільки там, де переложене може бути близьке і зрозуміле народньому серцю і інтелектуальному розвиткові». Він вказує на приклад Старицького, що дуже гарно переклав сербські пісні, але далеко не мав такого щастя з Шекспіром, Байроном і Андерсеном. Але той Костомаров, що добивався негайного перекладу на українську мову Біблії, чи міг сказати, що Апокаліпсіс, або Книга Йова ближчі народньому розумінню ніж Шекспір і Андерсен? А крім того він уже признавав законність побутово-народницької літератури для інтеліґенції, не для народу—чому-ж переклади не могли призначатися теж і для інтеліґенції, чутливої на краси рідного слова, а не тільки для народу? Кінець-кінцем він писав: «Ми вповні поділяємо бажання бачити українську мову розвиненну настільки, щоб нею можна було передавати без натягань все, що являється сферою культурної мови. Але на се треба часу і значного піднесення інтелектуального рівеня народу. А тому латинське прислів'я: «поспішай помалу»—повинно бути гаслом українських письменників».

Та поскільки українська творчість могла призначатися не тільки для народу, але й для інтеліґенції, і поскільки сам Костомаров признавав, що мова твориться не тільки масами, але й письменниками, то очевидно піднесення культурного рівеня літератури могло залежати не тільки від піднесення народніх мас, але і від самої літературної творчости. Коли за Шевченком автор признавав ту високу прикмету, що він не переспівував уже даного народньою творчістю, а продовжував її, то очевидно, що кожний талановитий український письменник в міру своїх здібностей мав робити се—і сею власне дорогою пішла письменська робота останніх десятиліть XIX віку, Костомаров-же хотів її спинити і звернути на чистий етнографізм—котрого вимагав указ 1876 р., і зганяючи українську інтеліґенцію з того поля, на якім вона шукала обхідних доріг супроти заборон 1876 р., справляв її в безвихідний кут письменства для школи, для народу (вказуючи за взірець «Листи до любезних земляків» Квітки, від котрих—позволю собі різко висловитись—аж нудило серйозного українського культурного робітника 1870—1880-х років). Для української інтеліґенції того часу ставало вже цілком ясно, що якраз доступу до народу як-найбільш стереже і не дає їй урядова політика, тому вона й пускалася в глибокий обхід сих урядових позицій, щоб розвитком украньскої культури і обгостренням українських постулятів, як політичного питання змусити уряд до уступок у сфері школи і популярного письменства. Факти оправдали се, бо народню школу удалося здобути після літератури, театру, університетських курсів і всього иншого,—дістати з рук революції, а не повного добрих замірів уряду. Старий-же історик не розумів сього і шукав компромісів з урядом. Силкуючися помирити уряд з українством, він заразом заходжувався підгонити український рух під урядові погляди, мирити українську інтеліґенцію з принципами указу 1876 р. Сього українська інтеліґенція не могла подарувати своєму старому провідникові. З «Задачами украинофильства» Костомаров не тільки вийшов з сучасного українського активу, але й змусив його рішучо відмежуватись.

Сим кінчаю свої замітки, якими я хотів заінтересувати сучасного читача публіцистичною спадщиною великого історика, почасти зібраною в отсім збірнику. Я старався зібрати в нім найбільш інтересне—але я вважаю,

що властиво все написане Костомаровим повинно стати приступним: решта історично-публіцистичних статтей, неповторені писання історично-літературні і фольклорні (почавши з нової його дисертації про народню поезію, написаної замісць знищеної) і писання белетристичні (головно російські, бо українські були кілька разів видані). Всього того не так багато, видання його вповні здійсниме і повинно бути здійснене. Такий визначний провідник, що положив свою печать на цілу епоху, і такий яскравий представник свого часу варт того, щоб його знати, то значить—передусім мати змогу знати. Я можу висловити побажання, щоб нинішня збірка підтримала інтерес до нього і викликала бажання зазнайомитися з ним у всіх нам приступних сторонах його громадської діяльности.

Досі, правду сказавши, більше звертали увагу його прикмети чисто індивідуальні, інтимні, так-би сказати, завдяки незвичайній його долі і репутації оригінала і дивака, ніж отся громадська сторона його життя, а вона має визначний історичний інтерес!

М. Грушевський.

В сорок третю річницю смерти М. І. Костомарова.

НАУКОВО-ПУБЛІЦИСТИЧНІ І ПОЛЕМІЧНІ ПИСАННЯ КОСТОМАРОВА.

О

ПРИЧИНАХЪ И ХАРАКТЕРѢ

УНІИ

ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ,

СОЧИНЕНІЕ

Кандидата 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета

Николая Кастомарова,

НАПИСАНО

для полученія степени Магистра Историческихъ наукъ.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1841.

О ПРИЧИНАХ И ХАРАКТЕРЕ УНИИ В ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

О причинахъ и характерѣ уніи въ западной Россіи, сочиненіе Кандидата 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета Николая Кастомарова, написано для полученія степени Магистра Историческихъ наукъ. Харьковъ. Въ Университетской Типографіи. 1841.

По опредѣленію 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета, состоявшемуся 22 ноября сего 1841 г., въ слѣдствіе большинства одобрительныхъ мнѣній, напечатать позволяется. 29 ноября 1841 года. Деканъ Отдѣленія, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, Петръ Артемовскій-Гулакъ.

О Боже мій нескончeный!
Дивитися горе,
Шо тепера на сúмъ свѣтѣ
Вѣра вѣру боре.
О Боже мій нескончeный!
Шо ся теперъ стало?
Усе вѣра, усе вѣра,
А милости мало!

Малорос. народ. пѣсня.

Глава первая.

ПРИЧИНЫ УНИИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ХАРАКТЕР ОНОЙ.

Русь и Византия. Русь и католичество. Галиция. Сближение Галиции с католичеством. Падение Галиции. Католичество в Галиции. Сближение Западной Руси с католичеством. Ягейло. Католичество в Западной Руси. Неприязнь Русских к Польше и католичеству. Витольд. Планы его. Русские на костницком соборе. Ошибки Витольда. Желание независимости. Препятствия. Свидригейло. Сигезмунд. Казимир. Русь и Польша. Первое соединение Руси с Польшею. Церковь: флорентийский собор, Исидор, разделение митрополий. Отношения пастырей к правительству. Действия правительства. Папы. Отношения Руси к Польше после 1453 г. Отношения православия к католичеству после флорентийского собора. Классы народа. Духовенство. Поведение пастырей. Виленский Собор 1509 г. Церковь и правительство при Казимире. Конституция. Образование оной. Конфедерации. Преемники Казимира. Второе и окончательное соединение Руси с Польшею. Церковь. Королевские привиллегии. Иезуиты. Сигезмунд III.

Когда история представляет нам борьбу противных идей, движущих враждебные массы одного и того же народа, важность такой борьбы определится по мере того, как весь народ примет в ней участие, идея ее приведет в движение все силы страны и станет народною идеею; но чтобы определить характер такой эпохи, мы непременно должны вникнуть в события того времени, когда начала, одушевлявшие эту борьбу, развиваются и приготовляются ее действователи. Разительная и очевидная важность существования унии для истории нашего отечества начинается не тогда, когда она возникла под честолюбивыми замыслами епископов, но с того времени, когда соделалась поли-

тическою задачею, когда в лагерях козацких предводителей решено было отторгнуть Западную Русь от Польши, а в московском кабинете соединить ее с Московиею. Но эту эпоху приготовляли слишком два столетия: в них постепенно вспыхивали искры, пока, наконец, раздулся пожар, решивший судьбу стольких земель и народов. И потому, чтобы об'яснить характер унии, надлежит разыскать, что предуготовило ее, какие действователи готовились выступить на бурное поприще, и с какими силами; надлежит найти причины великой борьбы двух вероисповеданий, борьбы за свободу совести, отличительной черты XVI и XVII веков, отразившейся у нас, по особенным образом, вытекшим из прежних понятий народа и его исторической жизни, причины борьбы двух народов единого племени, но разной жизни, которые оба должны уничтожиться, чтобы составить единый, великий народ.

Отдаленнейшая и главнейшая причина унии бесспорно заключается в разделении церквей. С того времени, когда властолюбие двух иерархов посеяло вражду в миролюбивой Христовой пастве, началась ненависть между исповедывавшими ту или другую веру и произвела между Византийскою Империею и Западом политическую нелюбовь, которая перешла во все страны, подчиненные тому, или другому иерархическому престолу, что, без сомнения, вытекало из духа средних веков, когда религия была главною идеею народов, верховною пружиною деятельности народных представителей. Русь, получив христианство от Греков, заимствовала вместе с ним и временные их понятия; с религиею перешла к нам греческая иерархия; мы стали не чужды отношениям Греков и к другим державам; народные празднества и отечественные воспоминания Византии стали нашим достоянием, чудесное избавление Византии от неверных торжествовали мы как свое собственное; град Константина называли по преимуществу царским городом—Царь-град; летописи включают в свои страницы происшествия Византийской Империи, как собственной страны; вера наша была прямо под надзором Греков, ибо митрополиты всероссийские в первый период нашего христианства были большею частью Греки. При таком сильном влиянии греческого, невозможно, чтобы вражда с западною церковью, старая, но не устарелая для тощей Византии, для которой, после потери политического значения на земном шаре, оставалось только заниматься богословскими мистериями,—вражда, питаемая с той и с другой стороны завистью к успехам, не перешла в юную, новопросвещенную Русь, готовую и по степени образованности, и по обстоятельствам и, наконец, по врожденному качеству славянской крови, прилепиться к своей учительнице и принять от нее все, что считалось заветным. С самого начала христианства в России, мы видим и безусловное уважение к греческому, и неблаговоление к западной церкви. Намекая, как бы на сношения Ольги с Оттоном, советники говорили Владимиру: *когда бы греческая вера не была лучше других, бабка твоя не приняла бы ее, мудрейшая всех человеков.* Владимир, отсылая католических проповедников, сказал им: *идите за ся, яко отцы наши не приняли сего суть.* Предки наши не незнакомы были совершенно с католицизмом: если свидетельства Дитмара и Саксона Грамматика не имеют для нас непреложного автентизма (будто епископ кольбергский Рейнберг насаждал веру католическую в Киеве), то, по крайней мере, сам Нестор говорит, что в Киеве были католики; и самые сношения з Западом доказывают, что Русские знали сколько-нибудь католицизм; при том же и св. отцы не могли не обратить внимания на славянскую Русь, в то время, когда дело шло об обращении наших богемских и моравских братьев. Так, если верить Нарушевичу, основывающемуся на Дитмаре [1], Владимир заточил в тюрму Рейнберга за подущение Святополка; митрополит Леонтий писал об опресноках [2]. Митрополиты, приобрев чрезвычайную власть и значение [3], получили более средств, и старались охранить свою паству от опас-

ности и поселить в Русских заранее нелюбовь к католицизму. Такому старанию иерархов помогали и другие обстоятельства. Полевой прекрасно замечает, что в ересях первого христ. века России заметно преимущественно влияние западной Церкви [4].*

Пока Русь имела единство, православие в ней торжествовало. Но с конца XII века началось пагубное отделение северной половины от южной, постепенно совершавшееся по мере внутреннего ослабления обеих. Как Северная, так и Южная Русь испытали перемены, которые не только способствовали их взаимному раз'единению, но даже распадению каждой на части. Пред нашествием Татар, в Северной Руси, в строгом смысле, не было ни одного княжества, которое имело бы не номинальную, а действительную препондерацию над другими. На юге галицкие князья стремились усилиться, но более отдаляться от соседей, а не получить над ними первенства. Но в Галиции беспрестанно происходили страшные беспорядки. Это навлекало на нее влияние иноземщины и католицизма. Галичь, Брест, Перемышль и с ними волынские города, будучи театром непрестанных княжеских усобиц, привлекали в свои стены жадные толпы Поляков и Венгров, ходивших то под видом помощи ссорившимся князьям, то под предлогом прав на *Галицкое королевство* для своих принцев. Это открыло путь папской пронырливости: в Червоной Руси и Украине явились католические церкви, вероятно были и обращенные, ибо папа установил латино-русского епископа [7]. Нельзя согласиться с некоторыми, будто это были только титулярные епископы [8]. Польские летописцы свидетельствуют, что в Южной Руси поселилось много Мазуров и переселенцев из Великой Польши; жители природные смешивались с ними и принимали незаметно их понятия. И язык Галиции того времени показывает, что страна сия приходила уже в соприкосновение с Западом: множество латинских форм и оборотов не могли войти в него иначе.

Нашествие Татар довершило решительное раз'единение Северной Руси от Южной. Даже иерархическое единство ослабевало: Кирилл и преемник его Михаил перенесли свою столицу во Владимир, и Киев остался как без великого князя, так и без митрополита. С ним вся Западная Русь терялась и рассыпалась. От границ Литвы до Подолии рассеяны были русские княжества, которыми правили Ярославовы потомки в разных линиях; но эти отдельные части были ничтожны, бессильны, игралища воли соседей: князей литовских, королей польских и галицких. Галицкие же князья старались решительно вывести свои владения из системы южно- и западно-русских княжеств. В числе мер, предпринимаемых ими к утверждению независимости и особливости Галиции, не последним было старание отделить галицкую епархию от власти митрополита [9]. Все это только поставляло Галицию в невыгодное положение и навлекало на нее честолюбивые покушения католических соседей и католических духовных. Отдохнувши несколько под правлением

---

* В самом деле, рассматривая тогдашние ереси напр. Мартинову, мы найдем, что если еретик и не был католиком, ибо многое противоречит как учению восточному, так и западному [5], то по крайней мере он был знаком с латинским ритом и предпочитал греческому. Поступки с еретиками и проклятия, торжественно на них возлагаемые, порождали в народе отвращение к ересям, а сходные в ересях правила с правилами западной церкви заставляли их считать и католицизм такою же ересию. Папы все не думали отказаться от покушений на власть над Русью: отлагая в сторону свидетельства некоторых латинских писателей и плутовские доказательства униятов, мы можем в этом из многого увериться. С чего бы писать Леонтию об Опресноках, а Иоанну послание в папе? А послание Никифора к Мономаху о заблуждениях западной Церкви, разве не доказывает, что князей занимали подобные споры. Оно начинается так: *ты хочешь знать, Княже*, и потом: *не однажды, а дважды прочитай послание мое; ты, Княже, и дети твои*. Следовательно, это был не пустой вопрос; следовательно, Князю и детям его интересно и нужно было читать поучения о латинских заблуждениях [6].

мудрого Даниила, после смерти его, сия несчастная страна опять сделалась добычею внутренних усобиц и внешних нападений. Теснимая со всех сторон четырьмя народами: Монголами, Литовцами, Венграми, Поляками, она в хаосе столкновений, как будто, искала спасения, казалась независимою, но в самом деле была бессильна и готова легко стать добычею счастливейшего из соседей. Не должно обольщаться письмом Владислава Локетка к папе, в котором он называет двух князей русских оплотами христианства против неверных. Они точно были оплотами, но только страдательно; прежде, чем опасность угрожала Польше и Венгрии, пропала бы Червоная Русь. Закрыл глаза последний князь, или король ее, и Королевство Русское признало власть перекрещенца, гонителя православной веры [10]. Ужасный яд прекратил его дни, и *древнее достояние России, приобретенное оружием св. Владимира, знаменитое Княжество или Королевство Даниилово, было разделено между иноплеменниками* [11]. Прилежащие Литве границы отданы Казимиром Кестутию и Любарту [12].

Не раз галицкие князья заключали с католическими государствами брачные договоры, входили с ними в дружественные связи; бояре признавали власть католиков; Галичане уже потеряли прежнее противочувствие к враждебной церкви, смотрели равнодушно на поселявшихся внутри их отечества католиков, но, при всей своей слабости, они еще были Русские, и тронуть чувствительную струну их русского сердца еще было больно. Чуждое принимается легко, когда вводится незаметно, но с негодованием и отвращением, когда принуждают принимать его. Поэтому неудивительно, что Червонороссы, для которых быть под властью католика было не ново, для которых и вера католическая внутри их страны была не новостью, решились лучше отдаться Монголам, лишь бы избавиться от Казимира, который неблагоразумно начал им навязывать римско-католическое вероисповедание [13]. Хотя Поляки и отбили ханское войско, но Галиция долго была целью беспокойных соседей. Так, в 1851 году Монголы напали на какого-то брацлавского князя, присяжника Казимирова Мономахова потомка [14]; это привело на Галицию Поляков и Венгров. Людовик, король венгерский и польский, думал присоединить ее к Венгрии [15]. Хитрый Ольгерд, достойный сын Гедиминов, действуя за одно с Кестутием и Любартом, хотел расширить свои завоевания на счет русских земель, подвластных Польше [16]. Покровительство, какое оказывали князья литовские в подвластных им землях, исповедывавших греческую веру, располагало в их пользу сердца Русских, недовольных притеснениями великого Казимира [17]. Это заставило королей польских искать мер, которые бы покрепче связали Галицию с Польшей. Людовик венгерский хотел решительно переделать ее в католическую страну. С этой целью он и польский князь Владислав, наместник Польши, испросили у папы Григория XI буллу на заведение католических епископств на Волыни и в Галиции. В 1377 году учреждена была католическая митрополия, а в 1381 году и католическая инквизиция [18]. Факты эти доказывают, что в XIV веке вопрос: какой веры должны быть Русские, занимавший так сильно умы в XVI веке, был непосторонним.

В то же почти время, как Галиция подпала под владычество Польши, утратила свою самостоятельность вся Западная Русь. Свежая, сильная Литва вошла в систему дряхлых ее княжеств и поглотила их. Гедимин, в начале XIV века владевший берегами Немана и Припети, покорил вскоре берега Днепра и поколебал власть Галичан на Волыни. Престольный Киев пал в его руки; независимость княжеств прекратилась. Гедимин был язычник, как и его народ; но, судя по обстоятельствам, судя по его понятиям о вере, с которыми он позволял сыновьям креститься, а дочерей выдавал за христианских князей единственно из политических видов, рано или поздно Литовцы должны были принять крещение [19]. Но принять его они могли только от Рима: Русь

не думала распространять веры, а папы употребляли все усилия. Правда, что Гедимин, сначала друживший с папою, после с ним поссорился и начал стеснять католиков в своих владениях [20], детям же позволял принимать греческую веру, но это временное расположение язычника не могло служить порукою для будущих времен. Для Гедимина веры не было; он действовал из видов политики; так точно приучал действовать и детей своих. Всякий из его потомков мог принять католицизм, и тогда русскому православию угрожала опасность. Литовские князья поступали с побежденными ласково и кротко, и тем было хуже: никогда рабство не бывает так прочно, как тогда, когда его не чувствуют.

Таким образом, Русь ближе и ближе подвигалась по колее обстоятельств к той эпохе, когда решительное столкновение с католицизмом стало для нее неизбежно. В 1386 году совершилось событие, коим на долго определилась судьба ее. Язычник Ягейло женился на польской наследнице, и Литва и Польша соединились под скипетром единого государя. Во всех странах новокрещенные монархи являлись ревностными защитниками принятой религии, приверженными к ней до фанатизма, с такою же ненавистью к другим христианским вероисповеданиям, как и к язычеству, которого держались сами. Так, Кловис, крестившись, стал непримиримым врагом арианских королевств: Бургундии и Визиготии; так англо-саксонские государи Гептархии, обращенные ревностью св. Августина, гнали еретиков Бретонов. Так и Ягейло, приняв с рукою Гедвиги и корону польскую и венец небесный, стал жестоким врагом не только всего нехристианского, но всего некатолического. В душу грубую не проникают христианские истины: для нее существует вся религия в обрядах; и всегда, к сожалению, для народа христианского другая христианская секта была бо́льшим предметом ненависти, чем самое язычество, или вера, вовсе противная Христову закону: совершенно чуждое не так нас поражает, как свое, одетое в другую форму. Приняв христианскую веру католического закона, Ягейло восхотел насадить ее в своей наследственной стране, и дал при вступлении на престол обет обратить Литву в христианство [21]; но за исключением Жмуди, которая за белые суконные свитки принимала без сопротивления новую веру, вся так называемая Литва, т. е. Западная Русь, была давным давно страна христианская, исповедывала греческую веру, и обратить ее можно было разве только в католицизм. Ягейло, обязавшись обратить Литву в христианство, некоторым образом возложил на себя обет обращать в католицизм Русских, и коль скоро увидел себя полным обладателем Полоцка, Витебска, Северии, Киева и Червоной Руси, стал приводить в исполнение свой обет: права гражданские были стеснены, должности передавались католикам, брачные союзы между исповедавшими разные веры запрещены, многих насильно обращали в католичество, несмотря на то, что даже братья короля исповедывали православие [22]. Жители Киева, Чернигова и Белоруссии, уже с полвека признававшие власть литовских князей и не чувствовавшие своего ига, ибо наместники исповедывали греческую веру, фамилии княжеские оставались и не роптали, народ не был утесняем,—теперь с ужасом увидели себя под игом иноверца, в соединении с народом, издавна неприязненным. Судьба Червоной Руси еще более страшила их: родилось отвращение к Ягейлу, усилилась старинная нелюбовь к Польше, возникла мысль об отделении Руси от польского владычества. Неблагоразумное поведение правительства и обстоятельства усилили эту нелюбовь и открыли путь вечной ненависти, которая никогда не кончилась. Мысль об отделении литовской Руси возрастала, и хотя не скоро исполнилась, не зато никогда не угасала.

Ягейло к притеснениям веры и прав присоединил еще один повод ненависти: поставил в Литву наместника, брата своего Скиригейла, врага право-

славия, грубого и развратного. Все с радушием приняли тогда сторону изгнанника Витольда [23], хотя католика и даже, как уверяют, перекрещенца из греческой веры, но умного, умевшего подладить к Русским. Этот человек разгадал народное требование и соединил с планами своего честолюбия: поставленный в затруднительное положение бороться со всеми соседями, удержался на скользком поприще, выхитрил и оттянул от юной московской державы пограничные области [24], заставил польского короля уступить себе Литву и всю Западную Русь [25], кроме Галиции в виде удельного владения. Витольд хотел утвердить независимость этих стран, составить особое королевство, обеспечить его со стороны Польши, Орды и Московии. С этою целью обратил он особенное внимание на веру; не только не гнал православных, но оказывал им возможнейшее покровительство, и хотел положить греческую веру в основание независимости Литвы [26]. Для этого-то решился он основать независимую иерархию, и поставил особого митрополита в Киеве, имея в виду: 1) чтоб его держава не была в непосредственной связи с Московиею по одной из главнейших ветвей внутренней жизни; 2) чтоб его народ сознавал важность своей церкви, чтобы в нем пробудился религиозный жар, и тем самым отдалил бы его от Польши; 3) чтобы избавиться от зависимости константинопольской иерархии. Согласиться с некоторыми московскими летописцами нельзя: они говорят, что, учреждая особую митрополию в Киеве, литовский князь готовился предать свою державу папскому игу, и обвиняют новопосвященного митрополита Григория в измене православию [27], будто он ездил на костницкий собор для предания папе западно-русской Церкви. Но Витольд человек хитрый, честолюбивый политик, был слишком благоразумен и прозорлив, и не вздумал бы отклонять от себя подданных, которых приверженность охраняла его и которою он всегда дорожил. Но, желая принять корону и найти законный вид в совершенном отделении Литвы, он по необходимости должен был сноситься с папою, ибо только посвящение наместником Апостолов могло оправдать его в глазах государей и отклонить от новой державы неприятельские удары.

Летопись Линденбльата [28] говорит, что в самом деле Витольд посылал на костницкий собор своих епископов под предлогом, будто они хотят соединиться с западной церковью и что духовные на вопросы членов собора об'явили, что приехали по повелению князя, сами же вовсе не думают о римском законе. Как об'яснить такое странное посольство? Витольд искал короны и опирался на согласие императора и папы, а между тем, такое посольство могло почесться за насмешку и оскорбить не только папский престол, о восстановлении коего шло дело, но и всю западную Церковь. Может быть, епископы посланы нарочно с тою целью, чтобы ознакомиться с неустройством римской Церкви, и осторожный Витольд выбрал такое время, в которое посольство не могло быть слишком заметно; а может быть, честолюбивый князь не хотел остаться без участия в западном перевороте, или посылал их для чего нибудь другого. Вернее всего, что летописец не передал нам этого события отчетливо и ясно. По крайней мере, всегда православные наслаждались полным спокойствием под владычеством умного Витольда.

Если стремление его доставить Литве независимость и не увенчалось успехом, зато оставило сильное впечатление на народ: Русские не хотели быть под Польшею. Малороссияне Галиции, страдая под неправосудным правлением, обязанные служить в военное время не только без жалованья, но и на своем иждивении, обремененные работами и неумеренными податьми, разделяли желание своих литовских братьев. Итак, в начале XV века западные Руссы уже думали избегнуть соединения с Польшею и мечтали о самобытности. Без сомнения, первое развитие этой мысли принадлежит Витольду, но ему также принадлежит и первое развитие того бессилия, с которым пре-

следовала долго Русь свою идею: ошибки великого человека влекут за собою важные последствия, как и успехи. При всей своей хитрости, Витольд не прибегнул к окончательным мерам: искал помощи у католицизма для образования православной державы и, несмотря на свою свободу управления Русью, был все таки данником Ягейла; не упрочил своей идеи для будущих времен и, подписав сам определения Городлянского сейма, открыл чрез это Полякам дорогу действовать на Литву[29]. Эпоха его оставила сильное впечатление, и с тех пор Литва колебалась между стремлением к независимости и необходимостью соединиться с Польшею. Вышло странное противоречие народного требования: допуская на себя непосредственное влияние Польши, Русские ненавидели Польскую власть, хотели долго особенного князя или короля, и подпадали под власть королей польских. Признание Ягейлом Витольда удельным великим князем Литвы произвело по смерти Витольда как бы закон, что Литва непременно должна иметь удельного князя. Ягейло принужден был уступить. Конечно, человек даровитый и умный очень мог бы воспользоваться этим обычаем, но преемник его Свидригейло был только дерзок и нагл, не умел управиться с Польшею, не знал, как обращаться с Русскими[30]. Польского короля раздражал неумеренными, но нерешительными требованиями; все классы своего народа оскорблял распутством и тиранниею. Недовольные бежали в Московию, поднимали возмущения; Свидригейло думал искать помощи у Немцев, Ягейло же нашел ему погибель в Литовцах. Русские низвергли тирана, но с помощью Поляков, а право на это низвержение показал польский король[31]. Вот уже и поколебалось значение удельного князя. Но вслед за ним явился новый—Сигезмунд: условия, заключенные им с королем, показывают, что хотя титло удельного князя не переставало считаться правом русским, но уже власть его стала ограниченнее. Сигезмунд обязался не домогаться королевского титула и отдать после смерти Литву наследникам Ягейла[32]. Чрез два года скончался король, оставя после себя малолетнего преемника. Сигезмунд мог воспользоваться обстоятельствами для упрочения независимости страны своей, но воспользовался ими только для того, чтобы тиранствовать и своевольничать. Безрассудный злодей был умерщвлен[33]. Брат короля, Казимир, принял титул удельного великого князя Литвы на ограниченных условиях, но вскоре война с Турциею отклонила польских правителей от надзора за Литвою: Казимир пришел в состояние присвоить себе независимую власть. При нем надежда народа на получение независимости более чем когда либо могла осуществиться: договор с Сигезмундом оставить Литву в роде Ягейла был сохранен; сам Казимир был любим народом, но Поляки прибегли к хитрой политике: настаивали возвести его на престол польский. Казимир долго отказывался, потому что любил Литву и не любил Польши, и когда согласился на условиях считать Литву особенною страною, в самой Литве начался бунт[34]. Несмотря на все это, в первый раз соединилась Литва с Польшею: и там, и там был один владетель. Но соединение прочное еще было далеко. Казимир сам отстранил его, поселяя раздор между своими подданными двух стран: приверженность его к Литве рождала подозрение в польских магнатах; хотели ограничить власть короля, готовились на междоусобную брань и избавились от нее единственно за войною с Крестоносцами. Поляки негодовали на Казимира за пристрастие к Литовцам; Литовцы смотрели на него неприязненно, как на короля польского, особенно после того, как он вздумал ограничить власть высшего дворянства: киевское удельное княжество со смертью благочестивого Симеона Олельковича рушилось и обращено в воеводство[35]; из Подолии и Волынии еще прежде образовались воеводства русское и бельжское. Удельные князья Северской земли, недовольные в Литве тем, что не давали им воли разбойничать и ссориться с родственниками, переходили в Московию и становились

присяжниками хитрого Иоанна [36]. Казимир, принужденный бороться с политикою этого опасного соседа, в то же время должен был бороться с нелюбовью к нему подданных. Его не любили равно и любимые им непокорные Литовцы, и нелюбимые, но послушные Поляки [37].

Во все его царствование неприязнь двух народов не только не утасала, но еще растравлялась.

Но при этой неприязни, как в гражданском устройстве, так и во внутренней жизни, Литва сближалась с Польшею. С ослаблением власти и значения удельной системы, с падением древних мелких княжеств, Русь уже перестала быть тою Русью, какою мы видели ее в XIV веке. Исчезала прежняя раздельность и вражда владений; единовластие истребило пагубное право дворянства захватывать силою поместья и жить в них; страна получила вид единой страны. Учреждено генеральное собрание или сейм из депутатов от панов, шляхты или рыцарей и посполитых [38]. Эта конституция очень была сходна с польскою; на подобие польских учреждены были также судебные инстанции и должности. Таким образом, жители, знакомясь с польским устройством и усвоивая его, усвоивали вместе и жизнь польскую: незаметно принимали польские нравы и обычаи, сближались с Поляками по языку. Колебаясь между двумя крайностями, Литва обращала на себя хитрые ковы польских правителей и, наконец, самое стремление к независимости сделалось орудием соединения, так что необходимость соединения с Польшею усиливала в Литовцах стремление к отделению, а в таком стремлении заключалась необходимость скорого соединения.

При таких политических обстоятельствах, при такой неясности государственной идеи, при таком противоречии народных требований, русская литовская Церковь, уже отделенная от северной, необходимо должна была следовать за ходом политических событий и подвергаться общему развитию всех прочих ветвей гражданского быта: с северною церковью она уже была в разладе, с католицизмом в давней вражде; влияние константинопольского престола поддержать ее не могло, потому что патриарх терял свою силу; сделаться независимою ей невозможно было потому, что народ не достиг независимости. Составляя, можно сказать, главнейшую причину неприязни Руси к Польше, она обращала на себя особенные усилия польского правительства, и необходимо должна была сближаться с католицизмом, по мере того, как народная масса сближалась с польским правительством. Происшествие, случившееся в Италии, ускорило это сближение.

Здесь не место излагать те приготовительные причины, которые сблизили Восток с Западом и произвели флорентийский собор, который, не оставив после себя никаких важных последствий ни для Греции, ни для папской власти, ввергнул Западную Русь в бурю ужаснейших бедствий. Как Северная, так Южная Русь носили еще тень зависимости от константинопольского патриаршого престола: до сих пор эта зависимость поставляла преграду покушениям пап, теперь она служила им орудием. Император и патриарх, думая выхитрить от Запада помощь, польстили св. отца (которому уже стало тесно от базельских декретов) не только соединением веры в Греции, но примирением всех Восточных Церквей [39]. На соборе флорентийском имели своих представителей Церкви, враждебные греческому православию, армянская, маронистская, несторианская [40]. От этих Церквей Греки не могли надеяться ничего особенного для своего спасения, и участие их могло только быть полезно тем, что выставляло их искренность в примирении враждующих вер. Но от русской Церкви, единой с греческою, император, готовый, при явной беде, схватиться за воздушные замки, мог много надеяться. Южная Русь находилась под владением католического государя, а Северная слишком полагалась на своих духовных; стоило только посвятить для обеих одного

митрополита, который бы приготовил сии страны и действовал сообразно плану Греков: тогда бы можна было подвинуть и Литву и Московию к крестовому походу за спасение Византийской Империи. Так думал император, так думал и патриарх, и, в противность великому московскому князю, посвятил на всероссийский митрополичий престол Исидора, родом Долмата, Грека или Болгара—*многими языками сказателя* [41]. С честью принят он был в Киеве, потом и в Москве. Чрез четыре месяца вынудил красноречием своим у в. князя позволение ехать в Италию, и возвратился оттуда унпатом. Северо-руссы не так были просты, чтобы поддаться обману; Исидор спасся бегством от поносной казни; и Северная Русь осталась чисто православною по прежнему, и отпадение Исидора сделалось только любопытным сказанием летописцев. Но не так было в Южной Руси. Переход на сторону папы всероссийского митрополита оставил на нее долгое и сильное влияние. Ближайшие и главнейшие последствия оного были следующие:

1. Южная Русь отделилась совершенно в Церковном отношении от Северной. Поставление Витольдом Григория Цамблака было только приуготовлением к этому разделению. Оно произошло случайно, вследствие временной необходимости, по поводу несогласия великого литовского князя с московским иерархом. По смерти Григория, Фотий примирился с Витольдом, и после него пятьдесят пять лет не было в Киеве особого митрополита [42] даже и во время смут в Москве, когда следовало бы позаботиться об избрании пастыря, и тогда Литва не думала иметь особого: Исидор посвящен в чин митрополита московского и киевского; из сего видно, что и Патриархи смотрели на русскую Церковь, как на единую. Но с эпохи Флорентийского собора в Киеве всегда был отдельный митрополит, потому что Московия сбросила с себя зависимость патриаршого престола, и с тех пор избрание митрополитов в Северной Руси совершалось собранием епископов и княжеским утверждением, а Западная Русь признавала еще власть Патриарха. Малороссийские пастыри, подчиненные необходимо духу народа и направлению правительства, действовали различно от пастырей московских потолику, поколику различны были идеи правительства, дух и нравы народов. Видя себя в странном положении, противными по религиозным понятиям своим политическим властителям, подчиненные разрушенному византийскому патриаршому престолу, обязанные блюсти православие в той стране, где оно колебалось, и в то время, когда ему угрожали удары, в народе, ослабелом, издряхлевшем нерешительным положением в течение века, они пришли в состояние сомнительности; имея силу и власть, они были совершенно бессильны. Это-то причиною, что во все продолжение времени от Исидора до решительного введения унии направления пастырей кажутся неясными и подвержены противоречиям.

2. Отделившаяся малороссийская иерархия привлекла на себя влияние польской короны. Единое Церковное управление в обоих Россиях открывало князьям московским дорогу вмешиваться в духовные дела западной половины и удерживало отчасти вмешательство королей. Но когда митрополии разделились, до Северной Руси малороссийским иерархам дела не было, власть патриаршого престола потеряла значение, ограничивалась ниспрашиванием подаяний—тогда иерархи начали искать себе опоры и стремиться к самовольному управлению. Поэтому они обращались к польским королям и признавали в них своих покровителей. Этому способствовали еще притеснения, какие иногда чинили католики, и своевольства светских особ, которые вмешивались в Церковные имения и права духовных. Правительство же употребляло усилия для поддержания такого влияния, иногда в надежде открыть чрез это дорогу к теснейшему соединению Руси с Польшею; иногда, желая приобресть любовь Руссов, из которых были уже знатнейшие сановники и полководцы, и давало привиллегии и охранительные грамоты, чтобы обезопасить

себя от возрастающей Московии, которой князья часто придирались за веру.

3. Римские первосвященники, видя неуспех в Восточной России, льстились приобресть лучший успех в Западной, где и Исидор принят был благосклоннее, и преемник его Григорий держался униятства. Соединение греческой веры с римскою в Греции было уже невозможно: Византия пала в руки иноверцев; патриархи константинопольские, видя, что греческой империи не возродиться, забыли унию, которой сами домогались; оставалось и папам забыть Грецию и воспользоваться Флорентийским собором для покорения своей власти других стран, исповедывавших православие. Где же глаже и удобнее была для них дорога, как не в Малороссии? Страна сия в политическом отношении соединена была или, по крайней мере, не могла не соединиться с Польшею, признавала власть католического государя, была уже знакома с католичеством. Правда, нельзя сказать, чтобы римские первосвященники употребляли все усилия, какие могли: отдаленность местности, дела на Западе и политика первосвященников XV и XVI веков, любивших действовать потихоньку, останавливали решительное влияние западной Церкви на Малороссию, но зато неприметно возрастали в ней посеваемые семена; много способствовали планам пап католические паны и урядники, которые, даже в противность своему правительству, старались о распространении католичества на Руси.

4. Со времени флорентийского собора греческая вера поставлена в неизбежное столкновение с католическою. Выше заметил я, что это сближение происходило по мере политического сближения Руси с Польшею. До сих пор вопрос о соединении Литвы с Польшею был спорным,—Русские только видели неизбежность соединения, но, имея своих особенных властителей, думали отклонить его: теперь они хотели уже освободиться от соединения. В лице Казимира как Польша, так Русь признавали одного властителя, но зато никогда Литва с Польшею не была еще в такой неприязни: прежде она враждовала с нею, как отдельное целое, теперь—как половина одного целого, готовая не только оторваться, но и увлечь другую половину на гибель. Долговременное царствование этого государя есть эпоха установления польской конституции, следовательно, польского безначалия: все, что начало при нем существовать, носило уже в самом зародыше разрушительный яд; и в самую эпоху соединения двух стран приготовляется будущее верное их раз'единение. Неприязнь Литвы к Польше усилилась под правлением Казимира, московская политика питала ее; еще раз образовалось в Западной Руси отдельное государство; но решительного переворота быть не могло; ненавидя Поляков, Литовцы сближались с ними; все становилось одним и тем же, все принимало более и более польского [43]. Между Литовцами и Поляками терялись, кажется, все видовые отличия и в нравах, и в языке, и в законах, и во всем внутреннем быте—не утасала закоренелая вражда друг к другу. Подобное состояние характеризует и русскую Церковь в это время. Флорентийский собор сблизил ее с католичеством; духовные следовали общему направлению, сближались с неприязненным вероисповеданием, как народ сближался с неприязненным народом. Хотели польские короли завладеть Литвою и не могли; оставили все на волю обстоятельств, начали в самом деле на Литву смотреть, как на *особое*, и вот Литва сама идет с Польшею об руку. Хотел Ягейло обратить в католицизм греко-россиян, и поселил в них ненависть к католицизму; теперь требования со стороны католичества были и умереннее, и благовиднее, и законнее. Хотели только соединить веры, с оставлением каждой своих прав и обрядов; ссылались на определения собора, названного вселенским, представляли всю справедливость такого дела, всю важность его для христианства. Если Русские принимали от Поляков обычаи и нравы, то могли

перейти к ним и эти понятия; но если же, при всем сближении с Поляками по внутренней жизни, питали к ним ненависть, то, естественно, не могли не чувствовать еще сильнейшей к покушениям неприязненной Церкви.

Итак, по мере того, как необходимее казалось соединение Литвы с Польшею, необходимо становилось соединение вер и введение унии; но также, в свою очередь, по мере возрастания неприязни между Литвинами и Поляками, возрастала неприязнь между Русскими и Католиками. Если мы будем рассматривать такое противоречие в классах народа, то, разумеется, найдем, что высший скорей мог ополячиться, а тем самым был расположеннее принять унию, а в нисшем, напротив, господствовало более неприязни; ибо, кроме того, что нисший класс всегда позднее принимает новые идеи, еще и притеснения со стороны высшего отталкивают его от всего, что становится достоянием его тиранов. Но такое заключение будет неверно и неосновательно: принять безусловно, что высший класс был расположен к принятию унии, а нисший не оставалось никакой надежды склонить—это было бы ложное мнение. Многие из знатнейших сановников Великого Княжества Литовского были Русские по крови, по вере, понятиям [44]; многие из них ненавидели католицизм и польскую корону до того, что решались поддаваться великим князьям московским; и потому, как намерение польского правительства присоединить Русь к Польше, так и замыслы католиков подчинить римской вере греческую не могли оставаться без сопротивления со стороны панов и шляхты Украины и Литвы. В нисшем классе, при всей его приверженности к старине и отвращении к новому, хитрые ревнители религиозного соединения могли находить для своих планов орудие; нисший класс был груб и невежествен, поэтому легко было уловить его обманом, введением новой идеи в прежней форме; нисший класс был угнетен, следовательно, на него, как на бессильный, можно было действовать смелостью; наконец, нисший класс, будучи издавна порабощенным, привык терпеливо и безчувственно сносить свое рабство, безусловно, хотя с досадою, следовать повелениям своих властителей и, чуждый всякой идеи об общественной самостоятельности, ограничивал свои требования тесным кругом настоящего. Что касается до среднего класса, то он был так малочислен, так угнетен поборами и Жидами, что его даже нельзя было в строгом смысле и назвать особенным классом. Таким образом, по мере противоположности народных идей, становилась и противная партия в такое же противоречие, везде находя пособия и везде встречая препятствия. Рассмотрим же теперь состояние тогдашнего духовенства.

Церковная история Западной Руси в период от флорентийского собора до введения унии наполнена чрезвычайными несообразностями и запутанностями. Не говоря уже о том, что трудно узнать настоящие отношения пастырей к патриарху (потому что иные уверяют, будто некоторые были избираемы соборами и посвящаемы без патриарха, другие же о тех самых говорят, что их не только благословлял, но даже и рукополагал патриарх), в рассуждении духа и направления митрополитов и епископов существует чрезвычайное разногласие, происшедшее от того, что писали о них либо униаты, либо приверженцы православия во время борьбы за унию, и употребляли факты для своих видов [45]. Униаты стараются доказать, что после Исидора все митрополиты были наклонны к унии; православные же хотят уверить, что, после Исидора и Григория, его преемника, поставленного папою, пастыри пеклись о вере со тщанием. Так, например, об избранном после Григория Михаиле из фамилии князей Пеструцких, униаты Дубович и Поцей говорят, будто он писал к папе Сиксту IV о присылании послов для решения споров относительно принятия унии (что, без сомнения, само по себе что-то неясно); а Захарий Копыстенский в своей Палинодии опровергает их, при-

водя в пример, что православные не захотели в то время принять в Киеве воеводою католика, и потому отвергнули бы униата митрополита [46]. Так говорят об Ионе Глезне, будто он был униат, и что сам король звал его к себе пред смертью, православные же называли это ложью [47]. Еще более споров о митрополите Иосифе Салтане. Повествуют, что, бывши смоленским епископом, он вместе с католическими духовными ездил по епархии склонять к латинству (к какому?) исповедующих греческую веру, за что и произведен в митрополиты. Вслед за тем, говорят униаты, посылал он к патриарху Нифонту с запросами: принять-ли ему определения флорентийского собора, и Нифонт ему советовал [48]. Карамзин и Бантыш-Каменский допускают, что в самом деле Иосиф был отступником; другие же, как, напр., митрополит Евгений, приводят противные доказательства; важнейшим может почесться то, что сей самый Иосиф выхлопотал у Короля Александра привиллегию 1499 года [49]. Карамзин думает, что эту привиллегию дал Александр, испуганный войною московского князя; письма же Елены, супруги его, характер Александра, свидетельства польских историков, наконец, самые дела Александра доказывают, что гонений на православие со стороны в. князя не было. Подобные противоречия встречаются часто. Как согласить их?

Давно уже признано историческою истиною, что если встречаются в истории противоречия, следствия духа различных партий, то не должно безусловно верить тому или другому свидетельству, а следует опираться на результат, выведенный из взаимного сличения обоих мнений. Так должны мы поступить и здесь, тем более, что нам помогут и исторические памятники. При неясности политических отношений, невозможно, чтобы главы церкви не увлекались шатким всеобщим направлением; может очень быть, что одни и те же митрополиты, о которых идет спор, невольно уступали враждующей стороне, давали ей сами орудие, и в то же время готовы были защищать свое дело; могли испрашивать опоры и милостей у правительства и заботиться о целости веры, сколько можно им сие было; могли приближаться к католикам по нравам, языку, образу жизни, и в то же время от них отдаляться по главному понятию. Кроме сих предположений, основанных на понятии о духе всей страны, мы можем еще заглянуть в некоторые акты того времени, чтоб узнать как состояние духовенства, так и цели иерархов в отношении духовной и светской властей.

Так, например, может прекрасно пояснить состояние духовенства и направление иерархов бывший в Вильне в 1509 году собор, созванный под председательством Иосифа Салтана; равным образом он может нам показать причины, которые заключались в самой Церкви, и способствовали сближению оной с католицизмом [50]. Что особеннее характеризует состояние духовных— это упадок нравственности в сем классе. Собор запрещает *подкупаться* на епископские и другие достоинства: *нецыи в нашем законе славы ради мирские и властительства, еще живу епископу и здраву сущу, прежде поставления его на тое епископство, подкупаются без совета и воли митрополита и епископов, и без избрания князей.*

В 6 главе говорится о том, что многие священники, *не имеющие жен, священствуют,* и *нецыи и наложницы мають, мы же невемы, откуду гнилость сия и смрад в нас обретеся.* В 7 главе говорится о разбоях, бесчинствах священно- и Церковно-служителей, о пьянстве, нерадении и проч. Вероятно, нравственная порча духовного класса тогда была слишком повсеместна и сильна, если могла обратить на себя внимание целого созванного для этого собора. Разврат духовенства того несчастного времени и до ныне еще сохранился в преданиях западных Руссов и даже в народных песнях. Поэтому неудивительно, что католицизм имел на Руси успехи и греческое православие не находило себе защиты. Чего можна было ожидать от человека, доставшего

высокий сан подкупом? Мог-ли он быть истинным пастырем? Мог-ли он устоять противу внешних врагов, когда в нем не было никакого орудия против врагов внутренних—безнравственности и корыстолюбия? А от священника, живущего с наложницею, чего можно ждать? Когда желания его обращены были не к нравственному совершенствованию, а к пошлым интригам? И каков пример для прихода, особенно при тогдашнем невежестве. Нельзя не заметить в последнем случае явственного влияния католицизма: наша православная Церковь издавна отвергала ложный обычай, принятый римско-католическою Церковью,—безженство священников; могло очень быть, что сближение с католическими духовными имело на низших такое влияние, что они даже позволяли себе вести безбрачную и вместе распутную жизнь в противности уставу, в то время, когда и вдовцам не позволялось священнодействовать.

В 15 главе говорится о том, что многие епископы не слушают ни митрополита, ни соборных определений и хотят сами собою управляться. Чего лучше для католиков? Лишь бы по епископу было направлено духовенство: по его пути и народ повести не долго. Наконец, из этих же актов видно, что митрополиты сильно старались предохранить свою власть от влияния светской власти и настаивали, чтобы князья и вообще светские владетели поместьев не распоряжались по своей воле Церквами и Церковными имениями, равным образом и постановлением священников. Такое злоупотребление власти владельцев было очень пагубно для целости веры в Западной Руси. Кроме того, что даже и самые владельцы греческого закона были не очень тверды, иные поместья находились под властью польских панов католического вероисповедания, что, очевидно, из королевских привиллегий того века.

Но при всех этих причинах, которые способствовали ослаблению православия, мы видим, что все таки благонамеренные духовные и благочестивые светские соболезновали о нем и понимали важность опасности. Созвание собора, старание соединить под властью митрополита расстроенное управление Церкви, исправить нравственность духовенства, изыскание мер к сохранению во всей силе постановлений собора,—все это показывает, что Церковь не предана была неминуемому падению, что к удержанию ее употребляемы были возможные меры. Если католицизм силился подчинить себе православие, то, при всем внутреннем колебании, православные понимали его планы и противодействовали, по крайней мере, искали опоры у короля, испрашивали привиллегии, старались придать Церкви целость и значение. И сами короли чувствовали, что, несмотря на всю видимую слабость, православие еще было сильно, чтоб вытребовать от правительства поруки в сохранении своего значения.

Вот ясные доказательства вышеприведенного положения, что Церковь Западной Руси подчинялась условиям времени и духу народа и шла по тому же направлению, по которому шел и политический быт В. К. Литовского.

Итак, для сохранения падающего здания православия ревнители его могли только прибегать к правительству. Посмотрим же теперь, что это было за правительство. Выше заметил я, что, при всей неприязни к Польше, Русь сближалась с нею. Каких плодов должно было ожидать от такого сближения?

Если недостаток общественного устройства был отличительною чертою В. К. Литовского, то, при соединении с Польшею, борение элементов и беспорядок становились ощутительнее, и в соединении двух держав не только заключались причины распадения, но и погибели обоих. Для этого стоит бросить взгляд на самое королевство, чтоб видеть, как его положение было близко к положению Литвы, как оно было шатко и ненадежно для прочного утверждения взаимной безопасности и обезпечения себя на будущие

времена. Я сказал выше, что время Казимира IV было эпохою установления польской конституции, следовательно и польского безначалия. В самом деле, лучшего времени нельзя искать для установления безолабарного правления: сам король жил во вражде с подданными обоих земель; и не только вражда их между собою, но и внутренние беспорядки способствовали этому. Не дух независимости, ополчающий народ против деспотизма, не успехи просвещения положили начало перевороту в польском правлении. Низший класс был давно уже подавлен под игом невежества и рабства; паны и рыцари, рабы необузданных страстей, своевольно промышлявшие разбоем, стали, наконец, истощаться в подобных средствах. Право сильного никого уже не могло удовольствовать, потому что каждый, в свою очередь, мог потерпеть от него. Благоразумные видели, что государству и его общественной жизни угрожает распадение, искали средств. Тогда западные идеи вторгались в Польшу из европейских стран: начали следовать им без толку, хотели по прежнему своевольничать и думали ввести новый порядок, и составили *по своему* правление. Установлены были сеймы. Казалось, все получило вид цивилизации— ничего не было. Казимир старался всеми средствами делать из сейма себе орудие, поселял в нем раздор; вражда провинций и частных лиц действовали необузданно: вместо усмирения своевольного дворянства, установление сеймов дало новые поводы к его своеволию. Толпы дворян (о народе поминку не было), невежественных, грубых, но тщеславных и дерзких, собирались в один город пошуметь и подраться; расходились с оружием: вслед за ними пылали села и города. Такие неустройства произвели новые перемены: положили собирать генеральные сеймы только в важных государственных случаях и посылать туда депутатов «nuncii terrarum», избираемых на второстепенных сеймах или сеймиках. Учреждение, благодетельное в других государствах, для Польши послужило источником новых беспорядков: оно не разделило властей, а раз'единило их [51]. Власть королевская была ограничена, т. е. король мог иногда сделаться тираном и иногда сделаться куклою. С трудом и не везде принята правительственная система: Пруссия сохранила право посылать на сейм всех дворян; в Великой Польше и Литве шляхта не хотела и думать о репрезентации и подавала голоса массою, всегда неустроенною и несогласною до крайности [52]; генеральные сеймы решали и всегда сопровождались драками. Сеймики были часты, но согласия на них не было никогда. Одна провинция враждовала другой; на одном и том же собрании враждующая сторона принималась защищать свое мнение. Наконец, такие драки вошли в привычку, потом как бы в закон; составлялись так называемые конфедерации, т. е. законные военные союзы дворян, избиравших себе маршала или военачальника. Такие конфедерации имели целью противостоять силою сеймовым декретам и сопровождались беспрерывными междоусобиями. В государстве устроенном междоусобие представляется уклонением от нормального состояния страны: Польша дошла до того, что нормальное состояние ее было—беспорядок, а уклонение от него—тишина.

В эпоху установления такой оригинальной конституции соединилась в первый раз Литва с Польшею. Конституция эта простиралась на обе страны, только было два сейма. Литва, получив одинаковое устройство с Польшею, жила от нее отдельно, с прежнею ненавистью. Так было почти столетие. Наконец, взошел на престол последний из Ягеллонов, Сигезмунд-Август, государь, не обладавший гением, но одаренный светлым умом и добрым сердцем. Между всеми его благоразумными постановлениями, важнейшее, беспорно, есть соединение Литвы с Польшею. Король видел, до чего может довести такая раздельность, при расстройстве государственного организма; неприязнь между двумя странами могла легко превратиться в междоусобную брань (по его видам, пока и этого нельзя было ждать, потому что ни в той ни в другой

не было общего духа), и тогда государству угрожало падение. Кроме того, политическое положение Польши в отношении к соседям требовало непременно внутренней силы и установления единства [53]. На юге Австрия, на севере Швеция, спорившая с Польшею за Ливонию, на западе хитрый Бранденбургский: со всеми этими соседями надобно было обращаться с здравою политикою. Но два сильные врага на юге и востоке грозили Польше неминуемою опасностью. Сигезмунд-Август был свидетелем быстрого успеха поклонников Алкорана, которых подручниками были всегда под боком у Польши непримиримые злодеи-Татары, бессильные для государства устроенного, гибельные для того, которое живет анархиею. Но более всего мог опасаться Сигезмунд-Август от возрастающей Московии, которой жители были в родстве и религиозной связи с Руссо-Литовцами, которой цари претендовали на право владеть Киевом, Малороссиею и Червоною Русью, и при том имели право истинное, неот'емлемое. В 1569 году совершилось соединение Литвы с Польшею, но акт его подписали многие не хотя.

Что-ж это было за соединение? Сейм один, король один, управление разное, по одним началам; и военное, и гражданское устройство сосредоточивалось в руках известных чиновников, которых всегда было по два, один для Польши, другой для Литвы: два великих маршала, два канцлера, два гетмана; второстепенные должности подчинялись им, но все было разно; прежняя неприязнь оставалась, прежнее расстройство усугубилось по пресечении дома Ягеллонов [54]. Чего ждать от такого соединения?

Вот на какое правительство опиралась Церковь. Вот при каких политических обстоятельствах она нуждалась в помощи. Каковы-ж должны быть отношения такого правительства к вере? Неясны, безхарактерны. Мы видим, что католики гнали греческую веру, на сеймах гремели против нее, короли думали обращать Русских; и, вместе с тем, мы видим, что русские князья служили верно королям, на сеймах защищалась греческая вера, короли давали привиллегии. Мы имеем их и от Александра, и от Сигезмунда-Августа, и от последующих королей. Что значат эти привиллегии? Для чего они давались всеми королями? Разве не довольно было дать одной и навсегда?—Для того, что их никто не исполнял, для того, чтобы вслед за привиллегиею по прежнему тесняли и гнали веру, ибо в таком государстве можно делать, что хочешь, для того, наконец, чтобы эти привиллегии, при всей их тщете, были сколько-нибудь ручательством за верность Русских к королю. Какую силу могли иметь привиллегии, когда Сигезмунд-Август, лучший государь несчастной страны, сначала не благоволил к греческой вере, потом даровал в Польше убежище всем гонимым за веру на Западе и охранял православие [55].

Папы, позабывшие было флорентийский собор и действовавшие на Русь как бы мельком, вспомнили о прошедшем в половине XVI века, после религиозных и политических переворотов. До сих пор они воевали убеждениями, посольствами, политикою; в годину потрясения католицизма явились для них сильные поборники в иезуитах. Эти ревностные слуги католицизма проникали во все изгибы гражданской жизни государства: с редким уменьем постигать характеры владетельных особ, вникать в дух народа, пользоваться обстоятельствами, они скоро начали орудовать и кабинетами королей и государственными местами; с глубокою, непроницаемою политикою они испытывали все средства и стремились к цели всеми возможными путями. Вступая в звание наставников юношества, иезуиты приготовляли заранее себе подручников; обладая ученостью и красноречием, овладели кафедрами и ослепляли толпу. Этому-то хитрому братству обязаны папы остановлением быстрых успехов реформации, а римско-католическая Церковь удержанием своего основания. Уже в половине XVI века рассеялись они по всей Европе, и явно, и тайно. Тогда же вгнездились они в Польше и, увидев там пространное поле

для действия, обратили на нее всю силу своей политики. Причиною этому были следующие два обстоятельства. Я выше сказал, что папы, видя власть свою колеблемой на Западе, обращали свое оружие на Восток. Иезуиты узнали, в каком состоянии находится Польша, узнали и состояние Руси; увидели, что католичество пускает в нее свои корни, что католики притесняют православных, не взирая на королевские привиллегии и сеймовые запрещения; что духовенство находится в испорченном состоянии, не смотря на исправительные соборы; что дворянство русское живет по польски, что, наконец, эта страна может некогда, по твердейшем соединении с Польшею, стать в ряду самых послушнейших папе. При том, сношения Польского двора с Московиею открывали им путь и в эту отдаленную страну. Другое обстоятельство было то, что Сигезмунд-Август был человек таких правил, каких папы могли опасаться: он переписывался с Лютером, принял от него посвящение немецкой библии, дозволял свободное отправление богослужения всем некатоликам, принимал беглых протестантов, даже социниан; и даровал им права гражданские. Вследствие этого, и многие Поляки принимали реформу, и папы опасались со временем не только отказаться от честолюбивых замыслов относительно греческой веры, но и потерять преданную их власти державу. Присутствие иезуитов могло остановить наплыв новых мнений и все переработать. Обстоятельства помогали им. По смерти Батория взошел на польский престол Сигезмунд III Ваза, государь слабый, честолюбивый, легкомысленный и предприимчивый, роскошный, до безумия преданный католицизму, и худо знавший подвластный народ [55]. Такого государя иезуитам и надобно было. Овладев умом его, кабинетом, сеймом, иезуиты обратили тогда громы свои на диссидентов и Русских, рассеялись по Руси, готовили народ к принятию папского подданства, испытывая все его слабые стороны.

Если прежде все покушения Поляков обратить Русских в католицизм были неважны, то это потому что как католики, так и Русские действовали и противодействовали без силы. Против таких действователей, как иезуиты, Русь ничего бы не сделала, если-б Провидение не переменило ее и не указало ей само орудия спасения.

Из этого обозрения обстоятельств, предшествовавших унии, видно:

1) Что Южная и Западная Русь, вначале получив христианство от Греков, заимствовали от них нерасположение к католической вере.

2) Что, при этой неприязни, местные и политические обстоятельства приготовляли ее к сближению с католицизмом постепенно.

3) Что раз'единение страны положило начало неопределенности политических отношений Западной Руси, а с Ягеллона народная идея стала неясна и Русь была в каком-то сомнительном состоянии.

4) Что сближение грековосточной веры с католическою происходило по мере сближения Русских с Поляками. Неприязнь к Польше была в тесной связи с неприязнью к католичеству; и сближение в политической и внутренней жизни Руси с Польшею приводило сближение неприязных вер.

5) Флорентийский собор и соединение Литвы с Польшею при Казимире суть предуготовительные события будущего соединения стран и вер.

6) Расстроенное Церковное управление и безнравственность духовных были причинами ослабления православия, что способствовало попыткам католиков.

7) Папские покушения стали действительны через Иезуитов.

8) Русь пред началом унии была в таком положении, что ей необходимо было переворота, который бы даровал ей новую жизнь.

Глава вторая.

О ХАРАКТЕРЕ УНИИ.

История Унии. Поводы. Образование. Обнародование. Выводы и рассуждения. Малороссия. Духовенство. Униаты. Православные. Козаки защитники православия. Конгрегации. Избрание митрополита. Возмущения. Петр Могила. Возрождение духовенства. Дворянство. Оборонительная конфедерация 1599 года. Горожане. Крестьяне. Возрождение народа. Козаки. К чему повели привиллегии Стефана Батория. Сагайдашный. Гетьманщина. Польское правительство. Восстание Малороссии в 1648 году. Хмельницький. Соединение Малой России с Великою. Малороссийская война. Беспорядки. Московский мир. Краткий взгляд на унию в XVIII веке.

§ I. Поводы к унии.

Событие, приготовленное вековым расслаблением страны во всех отношениях, началось, как обыкновенно начинаются важные события, пустым поводом. Патриарх константинопольский Иеремия, который, при всей тогдашней ничтожности своего сана, думал воспользоваться тенью власти хоть для выгод, ездил по России и собирал подаяние. Злоупотребления в Церковном устройстве давали ему повод ко взысканиям и пеням. Тогда киевским митрополитом был Онисифор Дивочий, пастырь добронравный и рачительный, испросивший у Батория право на неприкосновенность старого календаря и заведения приходских училищ. Но к сожалению, он был двоеженец, а это противно было Церковным правилам. Патриарх требовал с него значительной суммы и, не получив, отрешил вместе с другими иерархами, обвиненными в тяжких преступлениях. На место его поставлен был Михаил Рагоза, человек ума недальновидного, характера слабого, нрава переменчивого. Едва только уехал патриарх в Москву, как неудовольствие, оставленное им в Малороссии, произвело крамолу. Князь Константин Острожский обвинял Кирилла Терлецкого, епископа луцкого, в важных преступлениях, как-то: прелюбодеянии с невесткою, делании фальшивой монеты, убийстве и проч. Патриарх нарядил следствие. Кирилл оправдался, но все таки боясь, подущал против патриарха—Рагозу. Обида, нанесенная Иеремиину посланнику, раздражала патриарха: он предоставил Мелетию, епископу владимирскому, созвать собор для наказания преступных, хотя бы в числе их был и митрополит Михаил. Кирилл отклонил Мелетия и, после скорой кончины его, выхлопотал место владимирского епископа своей креатуре Ипатию Поцию, бывшему когда то брестским кастелляном, человеку ловкому, ученому, расположенному к католицизму. Слабый Михаил сделался их орудием. К этому триумвиратству присоединилось несколько духовных: душею союза был Поций. Хитрый епископ созвал иерархов в свой епархиальный город Брест, и убеждал их отправить посольство к королю и сенату, под видом просьбы привиллегии. Изготовлены бланкеты *для непредвидимых случаев*, и подписаны известным числом епископов. Потом написали на бланкетах два прошения: одно к королю, другое к папе о присоединении греческой Церкви к римской. Вслед за тем, Терлецкий и Поций поехали по епархии склонять духовных и мирских на унию. Во Львове был другой собор, а в Бресте третий. На последнем митрополит убеждал принять унию, уверяя, что иерархи получат место в сенате. Не смотря на жаркое восстание Михаила Копыстенского и Гедеона Балабана, решено было принять унию и отправить к папе посольство. В июле 1595 года король утвердил приговор, подписанный малым числом духовных,—светские, как видно, ничего не знали, ибо Рагоза и после того обманывал князя Острожского [1].—Из этого первого начала унии видно:

1) Что первый повод к ней вытекал из безнравственности духовенства и слабости иерархов. Руководствуясь личными выгодами, они совершенно были

равнодушны к вере и папству, и старались только отделаться какими бы то ни было средствами от патриарха. Патриархи же раздражали уже неприязненных духовных взятками и тем умаляли свое достоинство.

2) Что другой повод к ней вытекал из того, что духовенство сознавало упадок своего сана и хотело как бы то ни было возвратить ему значение. Так они мыслили через принятие унии достигнуть права на участие в делах государственных. Униженные католицизмом, они не имели столько силы, чтобы противустать ему, и находили единственное средство избавиться от унижения в добровольном отречении от самостоятельности: общий удел стороны, лишенной внутренней энергии.

3) В начале уния была замыслом духовных, следовательно делом партии, а не проявлением необходимости народа. Но Русь была тогда в таком положении, что уния, вытекая первоначально из планов нескольких лиц и будучи делом, противным народному направлению, была вместе с тем народным требованием; потому что когда народ потерял свой характер, тогда все, что на него навязывают, становится по неволе его идеею, его требованием. Для униатов были два важные пособия: правительство должно было видеть в их замыслах удобнейший путь к прочнейшему слитию Руси с Польшею, а католики, и прежде того теснившие православных, потачкою сих последних, делались дерзновеннее и смелее.

§ II. Образование унии.

Вслед за брестским собором, на коем положено принять унию, вопреки протестации нескольких духовных, без испрашивания согласия со стороны мирян, история изображает нам образование этого раскола и вместе проявление его политического характера. Униаты, обезопасив себя согласием короля и единством своих намерений с намерениями правительства, отправили депутатами в Рим зачинщиков раскола, Терлецкого и Поция, с соборным определением и прошением к папе; оставшиеся же на Руси их товарищи старались расположить и приготовить умы, чтобы внезапное появление унии не показалось слишком диким для православных, при чем, вероятно, сносились они с своими депутатами, которые пробыли в Риме около года, ожидая времени, пока с идеею нововведения свыкнется народ.

После многих любопытных церемоний и рассуждений, описанных у Бария, депутаты принесли папе присягу, в которой содержится основание их верования, разум учения, символ исповедания униатского. Упомянув о многом таком, что давно уже признано было греко-католическою Церковью, вероятно с тою целию, чтоб показать, что римская во многом с нею сходна, униаты признали те спорные пункты, которые были в последствии источниками раздора. Униаты принимали святость флорентийского собора и его определений, признавали происхождение Св. Духа от Отца и Сына, существование чистилища, прощение душе после смерти, получаемое чрез молитвы и подаяния, первенство апостолической Церкви и папского престола, все постановления, сделанные по разделении Церквей, все, без исключения, предания римско-католической Церкви, наконец святость определений тридентинского собора (таким образом униаты становились врагами и всех протестантов). Что касается до таинства Евхаристии, то все равно, положили совершать св. тайны на опресноках, или на просфорах. Обряды греческой Церкви оставались ненарушимы. В заключение, депутаты, как от себя самих, так и от лица своих соумышленников, обещались всеми средствами распространять нововведение.

В то же самое время, оставшиеся на Руси товарищи Терлецкого и Поция вербовали в свою партию духовных, и посланиями, раз'ездами и другими средствами старались преклонить к унии народ. Не делая гласным посольства

в Рим, они обнародовали книгу на малороссийском языке *об Унии*. В ней доказывается святость римской Церкви, первенство папы и пр. Сочинение сие, имея с одной стороны успех, возбуждало против себя множество противников и внутри и вне России. Восточные патриархи прислали увещательную грамоту; такую же грамоту прислали и отцы Горы Афонской. Из внутренних защитников православия особенно отличался доблестный Острожский, написавший тогда же свое окружное послание. Народ заволновался. Идея веры стала поражать умы и приводить в движение. Гедеон Балабан на торжественном собрании во Владимире об'явил публично о расколе, и очищал себя и Копыстенского. Народ колебался еще пуще. Одни читали униатские послания, другие проклинали их. Наконец, явились и депутаты из Рима. Страшась более всех князя Острожского, они вздумали было уверять его в чистоте своих намерений и молву на себя называть клеветою, а Острожский обличал их во лжи. Униаты хотели приступить к обнародованию раскола, но не решились, не испросив защиты и позволения коронного сейма [2].

Из этого видно:

1) Что время 1595 и 1596 годов есть действительное начало унии, как в Церковном, так и в политическом отношении; ибо в одно и то же время в Риме составилось вероисповедание, а в России произвело смятение.

2) Что уния, какою приняли ее депутаты, совсем не есть видимое признание первенства папы с удержанием всей греческой веры, напротив, уния была не только соединением с католическою, а просто принятием римско-католической веры, ибо даже временные черты отразились на ней; а что обряды греческие оставлены, так это только для того, чтоб народ постепенно сблизился с католицизмом: перемена всех догматов и даже самой религии не так действует на чернь, как перемена внешности.

3) Что с брожением идеи об унии, явились разом для нее и поборники. Мнение некоторых, будто сочинение *об Унии* и послания отступников не имели успеха, совершенно неосновательно. Во всех действиях православных показывается боязнь за веру, а на брестском соборе униатская партия победила единственно множеством своих последователей. Но столь же, и может быть более, глубокие корни пускала и неприязнь к унии,—это также неоспоримо.

Уния точно была необходимостию народною, но отрицательною, т. е. народу нужно было волнение, но народ не хотел подвигаться по данной идее, напротив, столкнуться с нею для того, чтобы освободиться от ней. Если бы она была необходимостию народа положительною, тогда бы сила действия преимущественно была на стороне униатов, и между тем, как мы увидим вперед, они торжествовали слабостию противной стороны и падали, когда противная сторона нашла для себя подкрепление.

§ III. Обнародование унии.

Королевскими и митрополичьими манифестами приглашены были в Брест-Литовский духовные и светские особы с обоих сторон. Униаты написали окружное послание, в котором обманывали народ, уверяя, что собор созывается по желанию противников, желающих с ними помириться. С обоих сторон с'ехались духовные и светские. Туда же присланы были королевские депутаты: князь Радзивилл, Сапега и Халецкий. Из защитников Унии, кроме подписавшихся на соборе 1594 года, было множество новообращенных и католических духовных. Между поборниками православия, кроме Острожского, а с ним благородных греко-россиян и верного духовенства, были еще прибывшие с Востока епископские и монастырские депутаты и два экзарха константинопольского и александрийского престолов. Православные требовали допущения экзарха константинопольского, противная партия не хотела; православные требовали, в случае несогласия с униатами, права подать

апелляцию на собор и генеральный сейм—отказали в этом. Всем стало явно, что правительство держит сторону раскольников. Послали к митрополиту для переговоров—митрополит обидел посланного. Тогда православные издали письменную протестацию против униатов, в которой, обвиняя митрополита и его соумышленников в том, что они созвали собор не для соединения вер, а просто, приняв римско-католическую веру, хотят ввести ее в греческую Церковь, отказа́лись от всякого с ними сношения без ведома патриарха.

Униаты, вместо того, чтобы преклонить на свою сторону православных, чего требовали и политика, и справедливость их дела, если б они ее сознавали, приступили к наглой дерзости: собравшись в Церкви Св. Николая, прочитали папскую буллу, акт соединения и провозгласили торжественно дело оконченным. Князь Острожский издал еще одну протестацию, а поветовые депутаты—свою,—но они ничего не постановили. Тогда православные, видя, что никакие благие меры терпения и любви христианской не в силах обуздать наглости противников, собрались в одном доме (им и церкви не дали для священного собрания), произнесли на митрополита и всю его униатскую братию клятву и послали к королю прошение об исключении из епархиальных мест отступников и замещении другими благочестивыми кандидатами. Это прошение подтверждено ссылками на все привиллегии, данные предшественниками его, но все осталось без успеха. Король не только не исполнил их прошения, но явно начал покровительствовать расколу и запретил благочестивым строить Церкви и сноситься с патриархами. Вслед за тем Рагоза изрек проклятие на всех несогласных; а сеймовым определением постановлено было схватить прищедших с Востока, как крамольников. С тех пор породилось на Руси пагубное разделение народа на униатов и неунитов. Первые, покровительствуемые правительством и подстрекаемые слабостью противников, показывали более или более смелости: день со дня партия их увеличивалась; народ принимал унию; благочестивых гнали; церкви обращали насильно в униатские, иные запечатывали и разоряли; священников мучили; и бедные православные, которых веру обеспечивало столько королевских привиллегий и сеймовых конституций, принуждены были, как гугеноты во Франции, собираться по шалашам и ригам для отправления богослужения, да и оттуда их выгоняли часто дубьем, а иногда и железом [3].

С этих пор уния приняла политический характер.

Изо всего видно:

1) Что собор брестский вовсе не был собором, созванным по согласию обоих враждебных партий, а преимущественно собранием униатов, которые, предвидев несогласие противников, хотели благовидною причиною прикрыть свою наглость.

2) Что уния обнародована была в противность всем правам народным и человеческим и решительно против общей воли.

3) Что народ был слаб во всех отношениях, духовенство унижено и не имело голоса, а патриарх потерял свое достоинство.

4) Что правительство действовало вопреки своему прежнему направлению, вопреки даже благоразумной политики,—сделало шаг гибельный для себя; ибо ненависть Руси к Польше простерлась теперь и на правительство. Сигезмунда нельзя оправдать ни тем, что раскол совершился через самых православных, ни тем, что он был католик. Если бы он знал сколько-нибудь дух подвластных ему народов и почитал священное право свободы совести, к сожалению, неизвестное тогда католическим монархам, то не только бы не допустил делать утеснений православным, но даже не позволил бы отступникам об'явить унии, которая совсем не была мирным соединением вер, а принятием того, что было чуждо понятиям народным и признанием власти, которая стала уже несносною для всех.

§ IV.

Отселе начинается политическая история унии. Она совершенно сделалась уже народною задачею, взволновала всю страну, стала центром всех идей, двигавших не только Малороссию и Литву, но и весь славянский Север. Точно, как после вормского сейма, конченного самовольно одною партиею, реформация начала свое политическое поприще; идея свободы совести оживила Германию и отозвалась в соседних странах,—так, после брестского собора, конченного тоже наглостью нескольких крамольников, уния разразилась во всех концах Руси, от чертогов Корибутов и Острожских до хижин их рабов и куреней запорожской вольницы—кровью и пеплом покрывались следы ее. Надобно заметить, что между германскою реформациею и русско-польскою униею одно из важных отличий есть то, что в Германии утесненная сторона искала свободы и действовала против утеснителей, и здесь утесняющая пролагала себе путь: там свобода совести вооружалась против деспотизма, а здесь деспотизм хотел покорить свободу; на Руси утесняемая сторона долго была страдательною и постепенно выходила из такого состояния, пока не оперлась на одной политической идее освобождения.

Но, тем не менее, увидим мы повторение того, что было на Западе, только в другой форме. Падающее здание католицизма, потрясенное на Западе, хотело достать камней для поправки своего основания на Востоке, но вместо того потеряло последние. Восток ополчился на католицизм. На унию мы должны смотреть: во-первых, как на ту же борьбу свободы совести с деспотизмом, отозвавшуюся на Востоке, и, во-вторых, как на раздор единоплеменных стран, вспыхнувший из древней ненависти и долженствовавший расторгнуть неправильное соединение, уничтожить безрассудное правительство, соединить два братские народа, разделенные судьбою. Униею совершилось возрождение юго-западной Руси, укрепление Московии; уния есть одно из важнейших событий; на нем почиет наше величие и благосостояние: она показала нам дорогу на чреду европейских народов. В ней проявилась высочайшая благость и правосудие: будучи сама величайшим злом, она погибла; но с ее падением ниспровергся порядок, противный верховной идее порядка, а из ее развалин воздвиглось величественное здание.

Приступая к рассмотрению характера унии во все время ее существования, мы должны иметь в виду разрешение двух вопросов: какое время занимало каждое изменение унии, и какие действователи, и с какими силами в ней участвовали? Все существование унии простирается на два века слишком; силу же действователей ее узнаем мы тогда, когда рассмотрим их деятельность в известные эпохи. Действователи в унии были, во-первых: Русины или Западные Руссы, потом Поляки и, наконец, Московитяне; во взаимные отношения сих народов вмешивались соседи: Шведы, Турки и Татары; но деятельность всех последних была посторонняя и вытекала из особенных поводов. Определяя же степени деятельности действователей различных эпох в ходе истории унии, мы можем разделить ее на известные периоды, которые будут обозначать различное в каждом развитии главной идеи.

Какая же была главная идея унии, задача оной? Все существование ее простирается до нашего времени; но лет сорок уже до сего она не производила влияния, и, следовательно, кончилась, в строгом смысле, прежде-тогда, когда вся Западная Русь соединилась с Восточной, в царствование Екатерины. Из сего следует, что главная задача унии было—освобождение Западной Руси от польского правления и присоединение оной к другой половине. Это иначе и быть не может, ибо мы видели из предшествовавших унии событий, что самая необходимость оной, чисто отрицательная, тесно связана была с политическим бытом страны. Принимая эту идею за основание, мы найдем, что

Западная Русь совершила свое освобождение и слитие с Восточною не вдруг; напротив, половина оной освободилась прежде и кончила свою задачу, а вторая после того, вследствие освобождения первой. Между эпохами окончательного решения участи той и другой протекло столетие. Поэтому мы можем разделить историю унии на два отделения. Первое займет освобождение юго-западной Руси или Малороссии, другое Литвы и Белоруссии. Но так как Малороссия и Литва были вначале одинакие страны, и после изменились, а Малороссия прежде соединения в Восточною Россиею переродилась, то первое отделение истории унии надлежит разделить на два периода: первый имеет отличительным своим характером перерождение малороссийского народа, а второй—освобождение Малороссии и решение задачи унии в сей стране. Эти периоды будут следующие:

1) Период первый: от собора 1596 года в Брест-Литовском до восстания Малороссии в 1648 году. Время приготовления Малороссии к своему освобождению. Так как главная идея сего периода было перерождение, то, для обозначения характера его, надобно обратить особенное внимание на состояние всех классов малороссийского народа.

2) Период второй. Время освобождения Малороссии, вполовину возвращения Западной Руси, вполовину ослабления Польши. Он простирается до 1686 года, до заключения московского мира.

3) Отделение второе от 1686 по 1771 год. Время влияния русской державы на Польшу, постепенного падения последней, соединения России и окончательного решения задачи унии.

Период первый.

§ V. Духовенство.

Из истории образования унии мы видели, что главнейшими и даже единственными действователями ее были духовные: они произвели пагубную крамолу и, без согласия светских классов, дерзнули обнародовать соединение вер. Каково состояние духовенства было перед униею, нам хорошо показывают акты 1509 г.; в настоящее время эта испорченность еще хуже стала. Если продажность, развращение, трусость, переменчивость были и тогда качествами духовных, то теперь все эти качества пришлось им показать на деле: Обещания милостей со стороны правительства уловляли сердца тщеславных иерархов; трусость, упадок нравственного чувства и принуждения заставляли следовать за ними простых священников. Новообращенные, быв бедны, думали переменою вероисповедания обогатиться, отнимали Церкви и Церковные имения от благочестивых; побратавшись с католическими духовными, заимствовали от них дух суемудрия и нетерпимости: начались диалектические споры и преследования.

Малое число верных православных духовных, при таком направлении противников, делалось их жертвами. Предания, сохраненные нам страницами летописей и живыми устами народа о тогдашнем положении священнослужителей, дышат ужасом. Их гоняли из храмов, секли, жгли, заставляли исполнять унизительные работы; приходы уничтожали, Церкви обращали в униатские, а иногда в питейные дома. По всей Малороссии и Белоруссии рассеялись католические духовные; появились доминиканские монастыри, иезуитские школы; народ принимал не только униатское, но даже католическое вероисповедание, желая сколько-нибудь облегчить свою участь, и православные священники не могли остановить его. Достоинство митрополита, а вместе с ним и значение господствующей Церкви, перешло к униатам. По смерти Рагозы утвержден был в сане архипастыря Поций, ревностнейший проповед-

ник раскола. В четырнадцатилетнее правление свое он старается всеми средствами сроднить народ с нововведением и истребить в духовенстве неприязнь к католицизму; из его поступков видно, что он не столько пекся об унии, сколько самую унию принимал за верную дорогу ко введению католической веры. Так, напр., он испросил у короля указ о том, чтоб священники греческой веры учились в католических училищах; по его же старанию заводились везде на Руси католические монастыри, которых он сам был покровителем [4]. Будучи совершенным папистом по духу, он хотел вовсе истребить неунитство, поступал с противниками жестоким образом, хватал не только простых духовных, но даже иерархов, и самовольно заключал в тюрьму. Везде приходские места заняты были его креатурами—людьми безнравственными, а часто самыми невежественными; православные Церкви отдавались на поругание Жидам.

Преемником его был назначенный им самим Вельямин Рутский, о характере коего можно судить по тому, что он три раза переменял веру. Наглостью не уступал он Поцию, но по уму и хитрости не мог с ним сравниться [5]. Его правление было самою ужаснейшею эпохою притеснения православия; при нем свирепствовал изверг Кунцевич, архиепископ полоцкий; но зато при нем началось противодействие угнетенной партии и восстановление иерархии. Не раз и не два православные испрашивали у короля и сейма позволения избрать митрополита: явно покровительствуя униатам, Сигезмунд не отказывал, но отлагал под разными предлогами [6], как будто выжидая времени, когда порабощенное православие дойдет до того состояния, что уже не в силах будет подняться. И в самом деле, ему не оставалось никакой надежды, если бы не явились его защитниками казаки. Гетман Конашевич-Сагайдашный, захватив в руки всю народную силу и поставив себя в такое положение относительно Польши, что был для нее и страшен, и нужен, старался всеми и тонкими и решительными средствами защитить православие и восстановить отечество в прежнем виде; ему и храбрым его подчиненным обязано духовенство восстановлением своего значения. Его рачением православные духовные завели между собою так называемые конгрегации или братства, членами коих были и светские особы [7]. Несчастье соединило их, очистило нравы духовных, пробуждало чистые религиозные чувства, вдыхало мужество и силу; и оружие казаков ограждало их от злодеяний униатов. Сознавая свою силу и будучи уверен, что обещания правительства относительно избрания митрополита только обман, Сагайдашный решился поступить самовольно и, в бытность Патриарха Феофана в Киеве, без ведома короля, избрал на престол митрополичий Иова Борецкого; также замещены были и другие праздные епархии [8]. Правительство сочло такой поступок бунтом: Сигезмунд приказал переловить новопоставленных епископов [9]. Униаты, ободренные сим повелением, усилили свои преследования: киевский воевода грабил по своему воеводству Церкви, разгоняя конгрегации. В следующем после сего 1622 году, к несчастью православных, скончался Сагайдашный от раны, полученной им от своих утеснителей. Но мужество, вдохнутое им в духовенство, и восстановление прежнего значения православия, совершенное с такой решительностью, оставили благодетельные следы. Духовные, собравшись с некоторыми мирянами, написали к королю оправдательные статьи своего поступка и покорностью, а более ссылками на права свои утишили тщеславного Сигезмунда [10]. Но, действуя просьбами и письменными доказательствами, они простерли свою деятельность гораздо далее: некоторые из духовных ободряли возмущавшихся за веру; так, по наущению Мелетия Смотрицкого, после, к сожалению, посрамившего себя трусостью, мещане убили Кунцевича, запрещавшего хоронить мертвых благочестивых [11]. В разных местах народ бунтовал и умерщвлял униатских игуменов и архи-

мандритов, надеясь найти себе защиту от казаков; гибли также иезуиты, подстрекавшие к злодеяниям униатских духовных. Хотя униаты не только не присмирели, а хотели силою укротить возникшую ревность благочестия, но, возродившись духом, раз шагнувши смело против тирании, оно терпело, но уже не думало падать. Поставленный Феофаном митрополит Иов обнародовал окружное послание к благочестивым, где, ссылаясь на защиту Сигезмундом прав греческой Церкви, уговаривал свою Паству стоять твердо против утеснителей [12]. Везде духовные читали это послание и ободряли народ— иные надеждою на открытие собора; иные, более смелые, вдыхали в прихожан жар к свободе. Самым важным доказательством того, что духовные уже в то время усиливались и православие восставало, служит бессильное прошение униатского митрополита помощи и совета у папы [13].

Еще смелее требовало возвращения прав своих духовенство по смерти короля Сигезмунда, когда на престол взошел сын его, Владислав IV. Благоразумные государственные люди в Польше видели последствия зла, страшились казаков, хотя утесненных, но не терявших духа, и потому расположены были защищать православие [14], и защитили бы его, если бы в Польше не было той разрушительной анархии, при которой никакой благой замысел не приводится в исполнение, никакое спасительное постановление ничего не значит. Зная, что единственною причиною беспорядков на Руси—вера и что представители оной суть духовные, Владислав начал им покровительствовать, и, на сейме 1632 года, подтвердив все права и привиллегии исповедывавшим греческую веру, по прошению архимандрита Петра Могилы, подписал многие выгодные для православного духовенства статьи [15]. Ободренное, оно возвысило еще сильнее голос, и депутат его Могила выхлопотал еще важнейшие выгоды для своих собратий. Положено даровать неунитам права, равные униатам, духовенству возвратить отнятые имения и места, даже такие, которыми владели униаты, только по смерти настоящих владельцев; дано позволение заводить братства или конгрегации и школы; позволено строить Церкви [16]. Духовенство, кроме выгод для себя, выхлопотало многие постановления для шляхетства. Из всех сеймовых актов видно, что правительство опасалось народного восстания и старалось преклонить на свою сторону духовных.

Петр Могила, после поставленный митрополитом, пастырь ревностнейший, запятнавший себя только свержением престарелого Исаии Копинского, приобрел неот'емлемую славу трудами к восстановлению достоинства духовенства. Никто из предшественников его не обращал такого внимания на просвещение духовного класса. Заведение духовной академии в Киеве, других училищ, библиотек, типографий [17] сделало большую перемену в сем классе, поставило его на высшую степень, внушило к нему уважение и, кроме того, способствовало поборникам православия вооружиться против унии. Священниками выпускались уже не невежды, а люди достойные; распространение нужных книг доставляло им средства состязаться с униатами, убеждаться самим в истинах греческой Церкви и доказывать их народу; просвещение духовных сильно действовало на укрепление православия и возбуждение упадшего народного духа.

Но, несмотря на все видимые улучшения, состояние его все таки было угнетено. Не должно обольщаться слишком выгодами, предоставленными от правительства духовным, ибо в анархической Польше никакое постановление не исполнялось, и духовенство было все таки в уничижении; по крайней мере, оно стало на такую ступень, на которой могло сознавать свое достоинство, на которой самое унижение бывает благородно; по крайней мере, оно приготовлено было к новой жизни. Несмотря на все старания ревностного митрополита и иерархов, несмотря на все привиллегии и конституции,— иезуиты по прежнему заводили свои монастыри и училища; униатские иерархи

не переставали издеваться над благочестивыми, запирали церкви и отдавали Жидам; по прежнему св. греко-восточная вера носила название *ереси, раскола хлопской веры*.

Угнетенное духовенство терпело, молчало, но в себе уже хранило юные силы обновления, которые готовые были мгновенно распуститься при благотворном веянии свободы.

§ VI. Светские классы.

Обозревая состояние всех классов народа пред появлением унии, заметил я, что как дворянство, так и посполитые классы были в таком положении, что от них нельзя было ожидать скорого согласия на унию, потому что они были привязаны хотя наружно к вере, питали неприязнь к католицизму и Польше; но, при всем том, они сами предоставляли противникам орудия к совершению их планов, потому что дворянство принимало образ жизни и нравы польские, а народ был угнетен и не имел самобытного духа. Мы видели из истории образования унии, что паны русские были горячими ее противниками, что сами отступники желали обработать дело без ведома и участия их: многие из панов были довольно сильны, владели обширными землями, повелевали городами и деревнями, и поэтому могли явиться сильными врагами раскола. В самом деле, князь Острожский, тщетно протестуя против утеснений, употребив все кроткие и законные средства к убеждению Сигезмунда и сейма, и видя, что вместо обещанного примирения и прекращения притеснений, они день со дня растут, решился собрать войско и устрашить поляков [18]. Правительство, покровительствуя унии, но явно не обижая греко-российского дворянства, старалось ограничить права его и не допускать к важным должностям [19]. Из дворян польских были уже многие евангелического исповедания [20]. Папа боялся за преданную Польшу, и убеждал короля преследовать еретиков. Ксендзы гремели против них на кафедрах; начальство теснило их в делах; на сеймах терпели они не раз оскорбления от католических товарищей. Сколько ни подавали они прошения о защите веры, католические духовные все переделывали по своему; и на требования их часто отвечали насмешками. Сигезмунд, льстя им словами, делал все по наущению иезуитов. Тогда дворянство греческого и евангелического вероисповеданий, собравшись в Вильне 1599 года, заключило знаменитую оборонительную конфедерацию [21], драгоценный памятник, который может послужить к пояснению сомнительных мест истории того времени и показать степень понятий русского дворянства. Собранные диссиденты, (не в первый раз) описывая гонения и притеснения, терпимые благочестивыми, изображая несправедливость, с какою отлучают их от важных должностей и мест, клянутся твердо стоять в своей вере, не признавать никого главою, кроме И. Христа, и избирают из среды своего сословия генеральных провизоров или попечителей благочестия; в таковые избраны почтеннейшие из дворян: князья Острожские, Вишневецкие, Корецкие, Радзивиллы, Рожинские, Горские, Пузины, множество вельмож, кастелянов и рыцарей. Тон этой записи отзывается благородством, справедливостью и согласием.

Православные с евангеликами обязуются составить единое тело под начальством Иисуса Христа, помогать друг другу делом и словом и считать обе веры за единую христианскую. Из этого видно, что упорность дворян благочестивых в вере не рождала в них ненависти к другим христианским вероисповеданиям; что они вооружались против папской тирании, угнетения совести, католического деспотизма, противного учению Христову, дышащему смирением, согласием и свободою, и готовы были простирать руку помощи ко всем страждущим христианам. Это было святое ополчение двух чистых

ветвей христианской религии, ополчение, которое могло напомнить наместнику Петрову и всему его духовному войску, что время их власти миновалось; что, потерявши ее над древними подданными, они тщетно стараются покорить других христиан; что за просвещением нет места суеверию; что божескому терпению настает конец. К сожалению, это ополчение была только благородная вспышка, которая вскоре исчезла, не оставив по себе никаких важных последствий, не облегчив участи народа, не защитив свободы совести. Внутреннее состояние Польши было таково, что уже никакое высокое дело не могло созреть в ней; ибо в той стране, где царствует анархия, ничего не может быть продолжительного. Сами эти дворяне, которые так достойно, так благородно вступились за святое дело, не имели той внутренней силы, с какою утесненная справедливость стряхивает с себя постыдное иго, не могли продлить того единодушия, которое одно из малого возвращает великое. Личные побуждения заглушали в них голос разума; слабость всеобщего характера и отсутствие единой идеи давно сделали их неспособными к положительной деятельности. Папа не мог опасаться того в Польше, что было в Германии. В самом деле, чем кончилась эта конфедерация? Гора мышь родила. Мало-по-малу те же самые дворяне, или, по крайней мере, дети их, не только оставили мечь за свободу совести, но, обольщенные личными выгодами и покровительством короля, сделались католиками и врагами православия. Какие блестящие имена красуются под актом 1599 года. Прошло тридцать—сорок лет, и эти имена православные произносят с ужасом и отвращением. Сыновья Острожского молятся в католических костелах. Князь Иеремия мучит православных, приговаривая: пусть они чувствуют, что умирают. Кто-ж этот Иеремия? Корибут Вишневецкий, отрасль царственного дома православных князей. За одно правление Сигезмунда III православие перестало считать в ряду своих защитников потомков Владимира и Гедимина, а Русь лишилась своего дворянства: оно сделалось польским.

Если дворянство, обладая внешней силой, без внутренней силы и единодушия, не только ничего не сделало для православия, но способствовало его упадку, то чего можно было ожидать от так называемого посполитого класса людей, который, в строгом смысле, стоило назвать, как Байрон назвал Греков, рабами рабов? Выше я заметил, что в Польше того класса, который известен был под общим именем мещан, нельзя было назвать средним классом. Почти все города находились в руках помещиков; состояние жителей было самое несчастное: владельцы обременяли их налогами; Жиды, захватив в руки промышленность, позволяли себе самые крайние дерзости; обычай отдавать дворянам города и уезды на староства произвел особого рода временное помещичье право, столь же несносное для жителей: старосты, стараясь только о временной пользе своей, считали подчиненных хуже всяких рабов и, будучи католиками, грабили и убивали беззащитных православных мещан и цеховых. Подобные тиранства терпели жители городов и от католического духовенства, которое, если верить Конисскому, простирало свое бесстыдство до того, что ездило в костелы на людях и выбирало для прислуги красивейших из русских девиц [22].

Единственною надеждою горожан были казаки. Во время всеобщего бедствия одни казаки сознавали, где надобно искать средств исцеления для всей страны; одни казаки смело поднимали мечь на защиту народа. Таким образом, в числе многоразличных предлогов их восстаний было утеснение городских посполитых людей. Случалось, что польское правительство, страшась казацких списов и рушниц, давало привиллегии городам, ограничивало власть старост, наглость Жидов; т. н. п. при Сагайдашном дарованы права Киеву, магдебургское право Переяславлю и другим городам [23], но эти улучшения не облегчали участи горожан. Горожане сами никогда не были действу-

ющими лицами (исключая некоторых возмущений, и то всегда при помощи казаков); казаки же, их защитники, в царствование Владислава сами упали. Жиды, захватив в руки свои не только промышленность, но даже и Церкви, взимали с горожан постыдные налоги [24], как, напр., пасочный сбор и т. п., и горожане потеряли свое даже видимое отличие от деревенских рабов: иные делались униатами и даже католиками, следовательно, исключались из числа Русских; иные смешались с жителями деревенскими, или бежали в леса и умножали собою число казаков. Таким образом, и на счет городских жителей, как на счет других классов народа, возрастало сие новое сословие.

Поселяне уже решительно не имели никакого значения. Жившие в деревнях, и в ранговых, и в помещичьих, терпели одинаковое притеснение, и были унижены до крайности. Современные историки передают нам раздирающую картину бедственного состояния тогдашних крестьян: они были обременены барщиною и непомерными оброками, сверх того, должны были давать десятину от всего, давать и правительству, и помещику. Жиды брали на аренды имения и разоряли их до крайности [25]. Войско польское, рассыпавшееся по Украине, под видом охранения городов и деревень от казаков, делало, что хотело. Прибавьте ко всему этому утеснения за веру. Обратившиеся в католицизм дворяне принуждали своих подданных; католическое духовенство употребляло всякого рода насилия. Православные, лишенные благочестивых священников, оставляли детей без крещения, соединялись браками без венчания, умирали без исповеди и причащения и даже были погребаемы без христианских обрядов, даже без гробов. Польские удальцы или бродники, под предлогом веры, ходили по деревням, грабили, убивали, мучили, довершая бедства народные [26]. Большая часть народа принимала унию, не чувствуя облегчения, но только увеличивая число врагов православия. Зато, с другой стороны, никакой другой класс народа не готовился так к перерождению, потому что никакой другой так не сблизился с казаками, как города, огражденные крепостями; казаки всегда могли подавать им помощь. Казаки принимали в свое сословие всех, лишь бы не униатов и не католиков: толпы рабов оставляли домы и бежали на Запорожье или в днепровские леса; целые деревни пустели. Свобода и приволье казацкой жизни возбудили дух народа. Чем более бунтовали казаки, тем увеличивали Поляки свои притеснения над простым народом; но этот народ, познакомившись с надеждою, тем упорнее ненавидел своих тиранов, и чем нестерпимее было его мучение, тем он готовее был отплатить за него. Уже в конце XVI века казаки говаривали, что их братью и перечесть нельзя; к концу половины XVII-го века всякий благочестивый, способный носить оружие, именовался казаком [27]. Тогда уже северная часть польской Руси резко отделялась от южной. И там, и здесь были одинаковые притеснения, но в Литве не было казаков. Литовский народ продолжал идти по колее рабства, почти весь принимал унию, а, наконец, и католичество, а православные бежали в Малороссию. Малороссия сделалась сборным местом всех гонимых. В Галиции казаков не было,—но молодежь, а нередко старики и даже женщины, перебирались на *Вкраину, на слободу* [28]. К счастью, казаки, увеличивая число свое беглецами, не заимствовали от них всеобщего бессилия и недеятельности; напротив, сообщали народу, сближавшемуся с ними, свободный и предприимчивый дух. Украина уже не та страна стала, какою была лет за пятьдесят: дворянство все сделалось польским; большая часть горожан и крестьян изменилась в казаков. Прежде они были слабыми, ничтожными; колебались между тем и другим, без всякого направления, даже без веры; разделялись на классы, а все были рабами,—теперь народ теснимый разделялся на два класса—униаты и благочестивые. Первые были рабы, вторые—казаки. Первые рабски покорялись тиранам и, безмолствуя при своем унижении, сделались злы, наглы; похлебствуя Полякам,

в свою очередь, враждовали благочестивым; вторые, терпя гораздо сильнейшее гонение, думали только о свободе, были неукротимы, мужались духом, по мере сильнейшего угнетения, и готовились совершить перемену в судьбе страны и народа.

Из всего видно:

1. Что в то время последовало сильное различие в духе жителей Литвы и Малороссии: в первой оставался народ тот же; во второй возникал новый; первая приближалась к прочнейшему соединению с Польшею; вторая готовилась навсегда разорвать с нею всякие узы.

2. Что виною этой перемены в малороссийском народе были казаки, ибо они подняли духовенство, ослабили панов-отступников и служили надежною опорою посполитым классам; растя же беспрерывно более и более своею массою, сделались, наконец, господствующим классом народа в Малороссии, так что все другие должны были следовать их направлению.

§ VII. Казаки.

Плачевное состояние Малороссии в XIV и XV веках, обуреваемой внутренними усобицами и угрожаемой внешними врагами, породило в ней особенный класс вольных военных людей, которые обязывались защищать святыню отечества. Неустройства соседних стран, географическое положение Малороссии, страсть к грабежу и войне, черта героических веков народа, привлекали к ним множество чужеземцев; на степях нынешней Екатеринославской губернии образовался новый, особенный народ, смесь европейского элемента с азиатским, народ, имевший общим с Малороссиянами веру и язык и отличный от них по духу и нравам. Вскоре из нестройной массы всякого рода беглецов составилось более или менее стройное тело, которого душою стали вера и война. Таким образом, казаки (так звались молодцы) приготовляли себя именно к событиям XVI и XVII веков; ибо с такою идеею могли, с одной стороны, служить оплотом целому христианству против угрожающего магометанства от Турков и Татар, а с другой—защитою православию против угрожающего католицизма; и при ближайшем соединении с жителями Украины могли передать им свежий воинственный дух, оживить дряхлый народ и вдохнуть в него мужество в годину несчастья. Судьба не замедлила повести их к сему назначению. Быв славны и сильны еще в половине XVI века, казаки не имели отечества, не могли назваться оседлым народом, бродили, сражались более из личных выгод корысти, хотя под предлогом веры, славы и свободы; не признавали ничьей власти, готовы были сего дня помогать одному государю, завтра его противнику. Польский король Стефан Баторий, сознавая вполне внутреннюю и внешнюю силу этого воинственного народа, от которого трепетал весь Крым и даже дрожали стены Константинополя, народа юного, свежего,—задумал сделать из него оплот Польше, подтвердил все их вольности, даровал новые права, разделил на правильные отделы или полки, расселил по Малороссии и составил, таким образом, национальное войско. Вместо холостой жизни, какую они вели прежде, у них явилась жизнь общественная, семейная: только часть оставалась в Сиче, первоначальном их притоне; большая часть жила в деревнях и городах с женами и детьми, не теряя воинственного духа, всегда с пламенным желанием лететь на брань, называя себя рыцарями православия (лыцарство—козацтво православне християньске). Тогда Малороссия начала изменяться: число казаков возрастало, угнетенные помещичьи крестьяне находили себе свободу в рядах их. К ним присоединялись пришельцы из Европы и Азии; иные бежали от деспотизма; другие от религиозного преследования; в Мало-

россии появились и лютеране, и кальвинисты, и цвингилияне и социниане, все гонимые инквизициею, все с ненавистию к католицизму, деспотии, все с любовью к свободе. Малороссия стала военной республикою; только что входила в мочь, была под правлением Польши, но носила все отпечатки самостоятельности, и могла, со временем, начать обращаться с Польшею, как равная с равною. Этого Поляки могли страшиться. До начала унии казаки не показывали неприязни к Польше, напротив, всегда были послушны правительству, готовы на брань даже против своих единоверцев—Московитян. При Сигезмунде Польша зацепила их права и веру. За несколько лет до унии сейм ограничил свободу казаков, постановив, чтоб рада их (совет) и гетман состояли в ведении коронного гетмана [20]. Следствием сего был мятеж, под начальством Христофора Косинского, погибшего мучительною смертью. Этот мятеж, которого неудача произошла от несогласия казацких вождей, показывает, что самое ограничение прав не могло решительно поколебать казаков до того, как вера. Вскоре за сим мятежем был другой: за веру, под начальством Наливайка, и отличался иным характером. Число казаков было вчетверо более, чем у Косинского; войско уже без зазрения совести ополчалось на Польшу, защищая святую веру.

По истреблении Наливайкова войска, в начале имевшего блестящий успех, казаки навлекли на себя еще большее гонение и осуждены были разделять утеснения с прочими классами Украинцев. Несмотря, однако, на лишение всех прав, на совершенное порабощение, они не только не перестали быть вольными казаками, чего хотели Поляки, но еще ожесточались чрез бедствия, упорствовали против усилий, стали заклятыми врагами всего неправославного, ужасом помещиков, трепетавших каждый час за жизнь, служили примером и надеждою всем утесненным классам, стали представителями народа, беспрестанно возвышали голос за веру и попранное народное право. Приписать-ли эту непоколебимость духа силе всеобщего характера или великому человеку, управлявшему казаками, гетману Сагайдашному? Кажется, и тому, и другому. И после Сагайдашного, в годину злейшего бедствия Украины, воинственный народ не терял духа; Сагайдашный же более всего способствовал влиянию казаков на судьбу малороссийской нации. Мы видели, как этот смелый и умный человек умел восстановить значение духовенства: еще большую славу заслуживают его действия в отношении к правительству. Избранный вольными голосами в противность правительству, он заставил Польшу признать себя гетманом; помогая Сигезмунду и Владиславу в войнах с Турциею и Московиею, доказал им, что казаки важны и нужны для польской короны, и в то же время доказывал им, что казаки еще слишком сильны для защиты народных своих прав и веры. Когда Польша заключила с Турками мир, Сагайдашный нарочно подымал против них оружие, чтоб показать право казаков воевать с неверными без позволения правительства. Униаты и католики, гонители православия, встретили в нем сильнейшего врага; не раз случалось казакам по повелению гетмана, обагрять руки в крови духовных и светских, осмеливавших печатать Церкви; боялись его и паны отступники, ибо гетман со своим *рыцарством* всегда готов был на защиту утесняемых ими подданных. Докучая беспрестанно королю и сейму жалобами на утеснителей веры и прав, он выхлопотал для своих единоверцев несколько привиллегий, а для своих братий возвращение старинных вольностей. Если эти привиллегии и постановления были нарушаемы, по крайней мере, важно для народа было и то, что он хотя по виду защищен был правительством. Наконец, считая себя представителем русского народа, Сагайдашный избрал митрополита, восстановил духовенство и, сам человек неученый, грубый, сознавал, что единственная сила этого класса есть просвещение. Сагайдашный хотел просвещения своей родины: это доказывают учи-

лища, заведенные им [30]. Несколько раз он был лишаем своего сана Поляками; несколько раз боролся с другими гетманами, которых поставляла против него Польша, страшась казаков и думая сохранением их прав отделаться от Конашевича. И Конашевич всегда оставался победителем, возвеличил свой народ, проложил родине путь к спасению, не запятнал себя и умер, как воин и как христианин, от раны, в монастыре.

Из преемников Сагайдашного долго не было равного ему по уму, зато все не уступали ему в ненависти к тирании и ревности к православию. Не проходило года без того, чтобы на сейме не раздавались смелые требования казаков о восстановлении прав несчастной Руси; не проходило года, чтоб вслед за такими требованиями не гремели против притеснителей казацкие гарматы. Требования эти часто оставались без внимания, еще чаще сопровождались привиллегиями и уверениями всегда пустыми и ложными; мятежи во имя веры и оскорбленного человечества кончались почти всегда дурно, но зато повторялись беспрестанно; гетманы Тарас, Павлюк, Гострыця с товарищами погибали в Варшаве мучительною смертью. С казаков драли кожи, казаков колесовали; казаков лишали всех прав, даже имени; казаки все не теряли духа. Правительство, не знавшее явно веры и народных прав Руси, явно думало истребить казаков. После казни Гострыницы, правительство решило не быть казачеству; имя было уничтожено; казаки обложены повинностями, даже поступали в число помещичьих крестьян [31]. Однако, такое определение послужило во вред самой Польше, и, вместо того, чтобы удержать и упрочить польскую тиранию в Малороссии, содействовало освобождению бедной страны. Не говоря уже о том, что казаки по прежнему выбирали гетманов и воевали с Поляками, большею частью несчастливо, смешение их с посполитыми преобразило не их в посполитых, а последних в казаков. Прежде простой народ был угнетен; казаки сохраняли какие-нибудь права или, по крайней мере, добывали их; теперь казаки были утеснены наравне с простым классом, исчезли в народе и сообщили всей стране воинственный дух: прошло 18 лет, и Малороссия, под именем гетманщины или казачины вся поднялась на решительную брань. Прежде войны Русских с Поляками носили вид мятежей казацких, теперь они слились в единую войну народную, которая ничем другим не могла кончиться, как решительным переворотом в судьбе Руси и Польши.

§ VIII. Правительство.

Никогда польское правительство не показало так очевидно своей слабости; ни в какое другое время не приготовлено было падение Польши, как в этот период. Польская анархия достигла той точки развития, с которой ей прямо надлежало действовать разрушительным образом на государственное и гражданское устройство. Безрассудный, тщеславный, властолюбивый Сигезмунд открыл путь всем интригам, предался воле иезуитов; пускаясь на смелые предприятия, неудачами ослабил во внешних делах значение Польши; восстановил против себя все классы; хотел возвыситься над сеймом и был ограничен им до крайности. Если мы станем беспристрастно рассматривать царствование этого государя, то увидим, что все совершенно дела польского правительства, как внутренние, так и внешние открывали собою ряд погибельных переворотов, долженствовавших некогда уничтожить Польшу. При Сигезмунде начались споры с Швециею, предвестник несчастных эпох Иоанна, Казимира и Августа Саксонского. Сигезмунд, безрассудно вмешавшись в дела Московского царства и неумевши пользоваться благоприятными обстоятельствами, раздражил эту враждебную державу и проложил дорогу неугасаемой неприязни, которая до тех пор была достоянием правительств и

теперь перешла в народ. Но изо всех деяний, ознаменовавших блестящую для современников и гибельную для потомства эпоху Сигезмунда, ничто так вернее и скорее не вело Польшу к погибели, как притеснение вер, особенно греко-российской. Из истории образования унии мы видели, что Сигезмунд покровительствовал униатам, втайне радовался крамоле, давал способы к притеснению православия; за всем тем он не только не показывал себя врагом его, но защитником и покровителем, что явствует из его конституций. Заметим только, что во всех сеймовых конституциях и королевских привиллегиях говорится мельком о притеснениях, а наиболее толкуется о церковных имениях, доходах и пр., как будто ни король, ни сейм не знали, что в Украине люди умирают без крещения, и мать всякий час опасается, чтоб не явился неистовый жолнерж и не разбил ее дитяти о камень.

Дворянство литовско-русское, вначале горячо принимавшееся за дело веры, впоследствии сделалось враждебным ей, особливо когда козацтво взяло верх в Малороссии, и с идеею о вере соединилась идея освобождения народа от ига помещиков. Каждый из них видел тогда в казаках врагов и, будучи католиком, враждовал и к вере мятежных подданных. Впрочем, мы видим примеры уважения к православию, оказываемого самими католиками. Н. Н. Бантыш-Каменский в своей Истории об Унии поместил прекрасное письмо канцлера Льва Сапеги к Иосафату Кунцевичу, в котором добродушный муж порицает ложное направление униатов и приказывает Кунцевичу оставить свои меры обращения [82]. Письмо это дышет истинною христианскою любовью, хотя слишком отзывается католицизмом.

Из него видно, что православие могло найти себе защитников в магнатах. Но письмо это писано при Сагайдашном: после него надежда на таких защитников стала неверною.

В 1632 году возшел на престол сын Сигезмунда, Владислав; его обыкновенно представляют государем добрым, справедливым, защитником утесненной веры. В самом деле, за 17-летнее свое царствование он издал несколько привиллегий и конституций в пользу православия, несколько раз присягал в ненарушимости прав Руси; этого мало,—на жалобы казаков отвечал: у вас есть сабли, ищите расправы; но этим ничуть не облегчил бедствия своих подданных, а только увеличил [83]. Поляки еще более приучались считать определения правительства игрушкою, а королевская присяга, неисполняемая, только роняла свое значение. Что это за государь, если в самом деле правда, будто он написал такие слова Хмельницкому: король подущает к мятежу своих подданных. После этого чего можно ожидать от польского правительства.

Период второй.

§ IX. Восстание Малороссии.

Наступил незабвенный 1648 год. Малороссия стала театром непримиримой брани народов. Человек, посланный Провидением в то время, когда уже семена решительного переворота созрели, когда единственною одушевляющею идеею народною стало освобождение от чужеземного ига, вел от юга несметные полчища гонимых христиан и неверных; города и села пылали; народ ожесточился: Полякам надобно было оставить Украину.

Рассматривая сию брань Малороссиян с Поляками, мы непременно должны обратить внимание на характер оной и главную идею. Эта великая борьба за свободу совести, за независимость страны, не была мятежем для приобретения выгодных прав, не была возмущением утесненной массы в роде попытки,—это было ополчение решительное, предпринятое наверное; война, которая ничем другим не могла кончиться, как вечным раз'единением наро-

дов, брань, после которой нельзя уже было надеяться примирения. Бывают мятежи, поднятые шайкою мечтательных голов, недовольных бродяг, прихотливых богачей, поднятые во имя народа в противность его требованиям: такие мятежи кончаются сами собою и не имеют никаких последствий, кроме потери нескольких голов, конфискаций нескольких имений; бывают возмущения страны, которая, быв брошена под чуждое правление, старается удержать старинные права свои: такие возмущения кончаются часто примирением, если благоразумное правительство сознает справедливость требований, или же необходимою покорностию, если права эти несообразны бывают с духом времени,—но бывают восстания народа, потерявшего не только права гражданские, но и человеческие; восстания в ту эпоху, когда всякое терпение исчезает, когда тирания не одного правительства, но целого народа над другим переходит границы,—такие восстания не кончаются примирением, но совершенным отделением, часто падением одного из народов. В мятежах всех предыдущих родов для успеха нужно великого человека, нужно приготовить средства: здесь недлячего искать их — они явятся сами; не нужно воззваний—всякий чувствует свое бедствие, всякий готов на смерть, потому что для всякого уже надоела жизнь; не нужно даже готового войска: старики и женщины становятся в ряды мятежных полчищ. Таковы были брани Нидерландцев с Испанцами, брани Шведов с Датчанами при Густаве Вазе, брани Греков с Турками в наше столетие: такова была брань Малороссиян с Поляками. Не Хмельницкий поднял ее; не ему принадлежит честь освобождения родины, честь славного окончания первой войны—он был только избранником народа своего, орудием потребностей своего времени, своей страны. Этот человек, которого имя так пышно гремит в истории нашей, не имел даже ума Сагайдашного; ибо первый действовал непрерывно, неизменно, а Хмельницкий изменялся, не доводил до конца дела и оканчивал его вопреки народному желанию. Присоединение Малороссии к Московии можно еще, и то не строго разбирая, назвать делом Хмельницького, но освобождение от Польши—никогда. Не Хмельницький был действующим лицом, а народ; не Хмельницький воззвал народ к восстанию, а народная потребность вывела Хмельницького из бездействия. Успехи Малороссиян в сражениях не столько надобно приписать мужеству и искусству казацкого предводителя, сколько всеобщей единодушной решимости, готовности каждого на смерть, оцепенение, какое овладело Поляками в минуты угрожающей со всех сторон опасности. Подвигаясь с огромным своим полчищем от степей Бористена в польскую Украину, Хмельницкий везде находил помощь, везде слышал о восстаниях; везде по городам резали старост, кастелянов, истребляли гарнизон, по деревням топили Жидов и униатов. В то время, когда более правильное ополчение разбивало польские войска, предводимые Потоцким и Конецпольским,—отчаянные герои православия собирали шайки и пролагали страшным образом дорогу гетману. Имена их, неважные и даже часто неизвестные в истории, живут до сих пор в народных песнопениях; и бандуристы Украины более славят Морозенка, Лисенка, Перебийниса, нежели Хмельницького и его сподвижников, знаменитых в истории и мало известных народу. Не доказательство-ли это, что восстание 1648 года было дело народа: память народная умеет дорожить славою предков.

Главнейшим побуждением этого народного восстания была вера. Притеснения прав казацких и угнетение народа были только побочными предлогами к возмущению. Только именем веры одушевляли предводители своих воинов; только ради оскорбленного православия решились казаки идти поручь Татар, с которыми они столько лет беспрестанно воевали. Мщение Малороссиян, иногда превышавшее свирепостью жестокости притеснителей, простиралось не столько на Поляков, сколько на неправославных. Католик и униат

осуждены были на смерть. Если-б можно исчесть сотни тысяч погибших от гайдамацких шабель и списов, то, наверно, нашлось бы две трети Малороссиян отступников, часто невинных, принявших унию или по невежеству, или наследовавших ее от родителей. Господство католицизма в Малороссии произвело в жителях сей страны какую-то безотчетную ненависть ко всему, что только было с ним в согласии, и безотчетную привязанность к тому, что было с ним в разладе. В войске Хмельницького было множество разных еретиков, бежавших с Запада и приставших под знамена малороссийского предводителя единственно для того, чтоб мстить католицизму. Партизаны, не имея никакой человеческой жалости к католикам и униатам, щадили самых Поляков реформаторов и лютеран. Это была война против католицизма у Славян, к которым перешло, наконец, западное брожение немецкого племени, война, долженствовавшая нанести последний удар честолюбию пап и отнять от них надежду на утверждение своей власти в Европе.

§ X. Соединение Малой России с Великой.

Зборовский мир, заключенный с изнеженным, тщеславным, добрым, но нерассудительным Иоанном Казимиром, прекратил на время кровавую брань, но не положил ей конца. Хмельницький заключил его вопреки народному требованию и обстоятельствам. Условия сего мира не могли удовольствовать ни Поляков, ни Малороссиян. Для Поляков они слишком были тягостны и показывали ясно всему миру бессилие польской державы, принужденной уступать мятежникам. Казакам предоставлена была почти независимость; следовательно, Польша могла опасаться нового восстания [54]. Дворянство и духовенство лишались на Украине своих прав; а так как дворянство и духовенство только и пользовались правами у Поляков, то такой договор оскорблял всю народную силу королевства: все негодовали на короля, требовали разрыва; и если сейм и принужден был утвердить унизительные статьи, то разве для того, чтоб выиграть время. С другой стороны, такой мир не согласовался с желаниями казаков и народа. После таких изуверств, какими ознаменовано восстание 1648 года, трудно было примириться. Малороссия вовсе не хотела мира с Польшею; Малороссияне не могли обольститься уверениями польского правительства, которое издавна отличалось коварством, унижалось в несчастии, пренебрегало клятвами и обетами при удачах. Католицизм стал для них ненавистен до того, что они готовы были лучше поступить под власть неверных; Малороссияне хотели независимости: это было их народным требованием; этого требования не исполнил Хмельницький в то время, когда мог исполнить, когда ловкая политика могла бы удержать хана, и решительная битва отворить дорогу во внутренность королевства. Любовь казаков к Хмельницькому, проявившаяся в таком блестящем виде после пилявской битвы, охладевала. Разумеется, казакам нельзя было не радоваться восстановлению своих прав; народу нельзя было не славить своего освобождения; православию нельзя было не торжествовать своей победы; но эта радость, это торжество были только временные. Украина была облегчена, но Украина все таки была польскою областью. Украина имела права свои, но все находилась под правлением такого народа, у которого не было никакого прочного права. Малороссияне не хотели, чтоб Поляки имели даже и тень власти над их отечеством. Польские помещики думали еще господствовать в своих русских поместьях; крестьяне не повиновались, бегали, иногда убивали господ; казаки им помогали; фамилии, прежде богатые и цветущие, жившие на счет Украины, разорялись и являлись на сейм просить защиты против мятежников; все обвиняли короля в слабости [55]. С своей стороны, Хмельницький увидел невозможность ужиться Малороссии с Польшею,—требовал

свободы, еще неограниченнее; Поляки требовали покорности; народ русский, движимый ревностью к православию, горел утвердить его первенство; народ польский, приверженный столько же к католичеству, смотрел на Русских, как на врагов их вере, готовых отплатить им за свою веру [36]. Дерзкие планы Хмельницького пособляли этой неприязни. Об'явленное посполитое рушение имело чрезвычайный успех: народ, равнодушный к делам отечества, в которых он не участвовал, поднялся за веру, когда считал ее оскорбляемою. Папа благословил этот крестовый поход католицизма. С другой стороны, Хмельницький, испросив благословение патриарха, принял в свое войско митрополита коринфского, предпринял войну во имя православия и хвалился истребить католицизм в польском королевстве. Этот Хмельницький был только велик на словах, мал на деле. Счастливое окончание зборовского мира возгордило его, и отклонило от него сердца подчиненных. Мечтая, что успех первой войны, которая могла бы кончиться гораздо успешнее, принадлежит ему; зазнавшись с владетельными особами,—он думал, что в его руках судьба северного славянского мира, и, не довольствуясь освобождением Малороссии, еще не довершенным, намеревался делить с Рагоцием Польшу и ввести в нее православие. Эти замыслы были не больше, как мечты гордеца, упитанного счастьем и забывшего себя. Зная недоброжелательство к себе Малороссиян, он думал укротить его суровостью и деспотизмом; Хмельницький, пышный гетман, перестал быть славным Богданом, который за два года перед тем вел победоносные полки за веру и родину.

Отвергнув помощь Турков, потеряв любовь подданных, не узнавши хорошо сил неприятеля, с изменническою силою Татар, с гордостью и самоуверенностью выступил Богдан на брань против закоренелых врагов родины. Казаки, не любя его, стали в ряды, потому что ненавидели Польшу. И с той, и с другой стороны ополчение приняло вид священный: там папский легат, здесь коринфский владыка—воэбуждали именем одного и того же Спасителя войско на брань.

Сражение произошло при Берестечке, в нынешней Волынской Губернии, длилось четыре дня, и кончилось гибелью казацкого ополчения [37]. Малороссияне явили пример неслыханной храбрости и твердости духа, а предводитель их, мечтавший о разделе Польши, о короне, постыдно испрашивал помилования у хана.

Тщеславный в счастии, Хмельницький в несчастии упал духом и заключил с Потоцким в Белой-Церкви договор, по которому Малороссия должна оставаться в прежней зависимости от Поляков. Итак, чрез ошибки вождя погибли плоды, стяжанные кровью народа. Начались утеснения; начались бунты против гетьмана. Казаки, не признавая договора Богданова, продолжали сражаться против воли его с Поляками, но всегда несчастливо, потому что слабость Хмельницького ввела между ними крамолы и притом Польша имела искусных полководцев. Гетман, зная, что с участью страны соединена его собственная, видел необходимость воевать; но как? Своей силы недоставало;—у соседей просить помощи? Но утнетенная Украина не могла просить помощи у сильного государства без того, чтоб не опасаться со стороны помощников. Хмельницький задумал прибегнуть к политике, испытавши непрочность оружия. Надобно было для вида искать помощи сильного и поставить себя в такое положение, чтоб освободиться от влияния защитников. К кому же обратиться? Швеция, обещавшая Малороссиянам помощь, могла оставить начатое в самую критическую минуту, по отдаленности места и политическим видам. Турция также готова была предложить Украине свои услуги, но могла-ли Украина положиться на нее? Не представлялася-ли ей судьба броситься из огня в воду? Что могло служить ручательством, что Украина удержит свою независимость, привлекши к себе неверных? А если

она сделается данницею Султана? Под владычеством Польши терпело православие, под владычеством Турции могло потерпеть все христианство. Готов был помогать Украине и Крым, но надежна-ли эта помощь? Крымские полчища легко могли разорить Гетманщину, как и Польшу. Немецкая Империя велика была только обещаниями и ласковыми эпитетами. Оставалось прибегнуть к московскому царю? Малороссияне находили твердую защиту для своей веры и надежду на покровительство от Польши, ибо двор московский и без того негодовал на Казимира и сейм. Малороссия была земля русская, православная, древняя истинная Русь; народ ее некогда жил общею жизнью с народом северным; государи московские давно уже считали ее своим наследием: обратиться Малороссиянам с прошением помощи к царю Алексею Михайловичу нельзя было иначе, как из'явить готовность поддаться ему, и признать в нем истинного, законного владыку. А это было противно честолюбивым замыслам гетмана; и самый народ малороссийский, хотя и помнил о прежнем единстве, но не мог соединиться с Московитянами истинно по братски. Нравы, язык, понятия, все изменилось веками. Участвуя столько столетий в непрерывных бранях Поляков с Московитянами, Малороссияне привыкли считать *Москалей* народом неприязненным. Правление московское, стройное, самодержавное, было очень несогласно с вольными идеями Малороссиян, привыкших и в Польше, и в своей Гетманщине видеть анархию. Все трепетали за свои права: козаки знали ум и любовь к порядку московского государя, были уверены, что царь не станет с ними ссориться и мириться, подобно польским королям, и не будет давать им по десяти лестных привилегий и конституций, из которых ни одна не поправит их участи. Духовенство боялось за свою независимость, страшилось покорности патриарху московскому; одним словом, все отталкивало тогдашних Малороссиян от московского престола [36]. Но за то была идея, одушевлявшая всю массу народа, идея, которая могла прогнать всякие опасения—Вера. Православию угрожало бедствие, а православие было для Малороссиян дороже всего; все видели, что только одно соединение с Московиею могло защитить его—эта идея изгнала всякий предрассудок, всякое народное честолюбие; Малороссияне присягнули царю, но присягнули ему единственно потому, что он и народ его исповедывали святую восточную веру. И совершилось событие великое, обеспечивавшее будущее благоденствие обеих России, событие едва ли не главное, проложившее путь нашему общему отечеству к славе и величию. Но историк напрасно будет искать той поэтической стороны, которая должна бы отсвечивать это братское соединение двух ветвей единого народа. Самые черные черты народной недоверчивости, вынужденная присяга, тайная неприязнь, надежда на обман — характеризуют эту эпоху. Хмельницький не думал искренно поддаться царю: он хотел только этим подданством испутать Польшу, запутать Россию, а потом воспользоваться обстоятельствами для своих честолюбивых планов. Народ присягнул только потому, что белоцерковский договор мог стеснять их веру, и, притом, после уверений со стороны московского правительства в сохранении его прав на веки. Таким образом, уния, приводя народ в движение, внушая ему опасение за веру, произвела то, чего домогались цари от Иоанна III, и чего бы они не достигли без нее.

§ XI. Малороссийская война и московский мир.

Уния возбудила к восстанию Малороссию; восстание имело следствием соединение сей страны с Московиею; а это происшествие повлекло за собою двадцати-семилетнюю, кровавую, переменчивую войну, роковую последствиями для Польши, печальную, но славную для России. Причина такого продолжения брани совсем не заключается в столкновении равных сил, когда труден

бывает перевес: Россия с первого раза поразила Польшу, довела ее до крайности, заставила согласиться на унизительные условия, даже на вечное соединение. Малороссия была виною, что кровь ее чад и кровь единоплеменных Московитян проливалась столько времени и конец брани не соответствовал началу. Народ казацкий, сообщивший свободное и воинственное направление всей стране, особенно чрез усиление запорожской Сичи, привык к своеволию и непокорности. Вся масса Украины следовала по сему направлению, желала чего то, сама не зная, чего. Гетманы (это достоинство особенно возвысилось после Сагайдашного) мечтали о независимости, думали образовать из Малороссии что-то особенное, государство, республику, Бог знает что такое, и, не имея к тому внутренней силы, не сознавая даже ясно своей идеи, колебались между дворами сильных государств, бросаясь то в ту, то в другую сторону,—за ними следовали толпы казаков, готовые обнажать мечи на толпы, набранные другими честолюбцами, замышлявшими иное. Разрушение, погибель были бы следствиями этих беспорядков, еслиб несчастную страну не успокоило то, что уже раз спасло ее,—вера.

Благодаря Провидению, при всех беспорядках, обуревавших Малороссию, народ ее сохранил ту преданность к православию, ту неприязнь к иноверному владычеству, которые были источниками ее освобождения. Точно, буйным казакам совершенно было несносно кроткое, но справедливое правление Алексия Михайловича, любившего порядок, запрещавшего казакам самовольно драться между собою, хотевшего, чтоб Малороссия не только по виду, но и в самом деле была соединена с Московиею; а гетманы, следуя один направлению другого, не оставляли желания быть независимыми владетелями независимой Украины, но за то, всякая попытка к приобретению такой независимости убеждала Малороссиян в необходимости соединения с Московитянами. Надеяться, что Малороссия, без помощи чужестранцев, может добыть себе независимость, было, по тогдашним обстоятельствам, безрассудно; а положиться на помощь других—чтоб из этого вышло? И самая независимость не была бы достигнута, да еще и вере угрожала опасность. Уже неприязнь к иноверству была довольно сильна, чтоб отвратить Малороссиян от такой помощи. Выговский задумал было оторвать Малороссию от Московии, заключил договор с Поляками, по которому Малороссия об'явлена независимою республикою, союзною Польше [39]: главнейшим условием договора было то, чтоб, как в Польше, так и в Малороссии, только и были терпимы два вероисповедания: греческое и римское (странный заговор неприязненных вер). Но Малороссияне, разделявшие желание гетмана освободить страну, не хотели никакой с Поляками дружбы, не полагались на вероломное польское правительство, прибегли к Московии, и Выговский бежал. Подлый Бруховецький задумал искать помощи у Турков, и был убит дубьем опошнинскою чернью: мятежники, простершие своеволие до того, что перебили воевод московских, опять предались на милосердие законного монарха. Явился новый, сильнейший крамольник Дорошенко. Малороссияне изменами своими навлекли несчастие на русские войска и ввергли Россию в запутанное положение: подписан был мир в Андрусове, по которому Малороссия, по течению Днепра, разделялась между Московиею и Польшею; и все негодовали на царя, боясь, чтоб опять не сделаться подданными Поляков; Дорошенко воспользовался всеобщим ропотом: под предлогом угнетения веры за Днепром, воевал Поляков; под предлогом оставления Украины, враждовал Москве. Народ думал в нем найти избавителя; но едва Дорошенко заключил договор с Турками, никто не хотел союза с врагами Христа, и заднепровские города присягнули царю в верности,—Дорошенко пал. Везде, во всем действовала вера: несмотря на неудовольствия с царем и нелюбовь к Москалям, все таки единий царь под солнцем был православным, единый народ московский благочестивым. Коль

скоро предстояла опасность православию—все забывалось; не было нигде защиты, кроме царя *восточного*. Вера, соединив вначале непрочно Малороссию с Московиею, удерживала несколько раз их распадение и, наконец, соединила навсегда для общего счастья.

Малороссийская война, поднятая за честь православия еще более, чем за оскорбление царского достоинства и народных прав, прерывалась несколько раз договорами и перемириями, которых главнейшими условиями со стороны Московии была свобода веры в польских владениях. Казимир, быв сначала кардиналом, не мог отречься от закоренелой привязанности к католицизму; притом, он обязан был ходатайству папы престолом, а еще более позволением жениться на вдове Владислава, своей невестке. В его царствование анархия дошла до высочайшей степени; в несчастное время вторжения Москвитян и Шведов, почти все магнаты приняли подданство Карла Густава, а король обязан своим спасением единодушию простого класса и искусству полководцев: Чарнецкого и Любомирского. В благодарность за спасение отечества положено облегчить участь низшего класса; однако, все кончилось привиллегиями и обещаниями. Права католического духовенства уже для самых Поляков стали несносны: все требовали ограничения их; и Юрий Любомирский поднял мятеж против короля. К этим беспорядкам присовокупилось еще избрание преемника. Королева хотела возвести французского принца; другая партия австрийского; а Русские—Алексия Михайловича. Такая анархия более и более обессиливала власть законов, и конституции сейма не действовали: иноверцев гнали, не взирая, что и Алексий, и Густав ополчались за гонимых. При слабом, больном и телом, и душею, Михаиле Вишневецком, Польша пришла еще в жалчайшее положение: ее разоряло страшное турецкое нашествие. Король Иоанн Собейский думал прекратить споры о верах собором в Люблине; но, видя неуспешность таких мер, занятый войною с Турками, нуждаясь в помощи Русских, заключил в 1686 году московский мир, по которому Малороссия по сю сторону Днепра, Киев с Васильковым, Трипольем и Стайками остались за Россиею. Положено жителям польской Руси даровать право свободного богослужения и зависимости от одного митрополита киевского.

Отделение второе.

Московский мир только в половину решил задачу унии, и в политическом, и в религиозном отношениях. Только половина Западной Руси освободилася и соединилась с Восточною; только в половине Западной Руси перестало гонение на православие. Литва, Волынь, Подоль, Галиция оставались еще в жертву католическому изуверству. В условиях мира положено было свободное отправление греческого богослужения, но уния не прекратилась. Следовательно, в строгом смысле, московский мир не произвел ничего в судьбе жителей Руси, оставшейся под польским владычеством. Пока это зло, возникшее против положительного народного требования, не было искоренено в самом зародыше, никакого прочного обеспечения веры ожидать нельзя было. Конституций и привиллегий так было много, что им не только нельзя было верить, даже не стоило обращать на них внимания.

Но если московский мир не довершил планов русского правительства, по крайней мере, поколебал Польшу; показал, чего, со временем, должно было ей ожидать от России, и проложил российскому двору дорогу ко влиянию на это жалкое, расстроенное государство. Сто лет еще Польша носила имя независимого государства; но этому продолжению своего недостойного существования она обязана единственно тому, что от Петра до Екатерины не было на российском престоле истинно великого венценосца. В продолжение этого столетия не прекращались гонения на благочестивых и диссидентов, не-

смотря на тщательное старание русского двора и даже польского правительства. Тогда гонимые обращались к России: дела синода закиданы были жалобами; и во весь этот период редко год проходил, чтобы российское правительство, и просьбами, и угрозами, не требовало прекращения беспорядков. Но с Поляками надобно было поступать иначе: они этого хотели. Еще Петр 1-й сознавал это, и обращался с Польшею самовольно: заставлял Поляков признавать королем, кого назначал; посылал войска усмирять недовольных. Огромные заботы великого государя не позволяли ему обратить особенного внимания на польские дела; и, притом, Петр заботился не о распространении пределов отечества, а о том, чтобы доставить ему блага гражданского устройства и просвещения, и поставить в ряду европейских держав. Однакож, он не оставлял в небрежении притеснения, терпимые православными: беспрестанно писал к королю и к папе; назначал комиссаров для защиты православия; заставлял униатских иерархов возвращать места благочестивому духовенству [10]. В ходатайстве Петра видно благородное сознание своей силы и права: западные Руссы привыкли с тех пор смотреть на российского монарха, как на единственного защитника, и, видя обман при дворе государя своего, обращались к русскому. При наследниках Петра продолжались те же утеснения, те же жалобы; также русские государи ходатайствовали за жителей польской Руси; Польша слабела, клонилась к падению; Россия крепилась, возрастала и получила решительный перевес в делах с своею соседкою. Настало царствование Екатерины. Великая государыня поняла, что дело Алексия Михайловича не довершено; что Польша давно уже нарушила московский договор,—что она достигла своей последней точки. Екатерина дала ей короля,—но Польша не могла управляться сама собою. Не смотря на новые привиллегии и диссидентам, и неунитам, утеснения продолжались—православных священников били; церкви разоряли; народ мучили.

Екатерина решилась прекратить это бесконечное расстройство. Польша была покорена, и В. К. Литовское с Заднепровскою Малороссиею и Белоруссиею присоединено к России. Образовалась единая Всероссийская Империя: прекратились гонения на православных—унии не стало. Царствованию Николая принадлежит слава уничтожения этой язвы, двести лет терзавшей несчастную Западную Русь и погубившей польскую монархию на веки.

ПОЛОЖЕНИЯ.

1. Западная Русь, вначале имевшая свою религиозную и национальную самостоятельность, теряла ее по мере упадка внутренних сил и единства.

2. Православие сближалось с католицизмом по мере того, как сближалась Русь с Польшею по обстоятельствам. Уния, или религиозное соединение, совершилась во время политического соединения Руси с Польшею.

3. Задача унии была чисто политическою; потребность ее для народа была отрицательною.

4. Народ русский был бессилен устоять в православии и национальности. Уния пробудила в нем чувство того и другого.

5. Притеснения, оказываемые благочестивым со стороны униатов и католиков, поддерживались бессилием правительства.

6. Народ русский в Малороссии, быв сперва единым с народом русским в Литве, отделялся от него и перерождался.

7. Казаки были виновниками перерождения Малороссии и спасителями православия и народности.

8. Хмельницкий заключил зборовский мир против народных требований; ему ложно приписывают освобождение своего отечества.

9. Московский мир в половину только решил задачу унии, и в религиозном, и в политическом отношении.

10. Отторжение Малороссии от Польши приготовило окончательное падение сего государства.

11. Уния прекратилась только тогда, когда прекратилась зависимость Западной Руси от Польши и образовалась истинная Всероссийская Империя.

12. Последствия унии были совершенно противны ее положительному назначению: дело шло о том, чтоб соединить крепко Русь с Польшею, утвердить силу королевства, истребить на Руси православие,—а вышло то, что Русь совершенно освободилась от польского ига, Польша погибла, православие избавилось от врагов и процвело во всем блеске.

ПРИМЕЧАНИЯ.

К главе первой.

1. См. Нарушевича, Hist. Nar. Polsk., t. IV, стр. 263.
2. Памятн. Рус. Слов. XII века.
3. Устав Владимира о церк. судах, напечатан в книге преосв. Евгения: Описание Киевософийского Собора и История Киевской Иерархии.
4. Ист. Рус. Нар. Полевого, т. II, стр. 110.
5. Там-же.
6. Памят. Рус. Слов.
7. Hist. Nar. Polsk., t. VII, c. 43. Widok król. Polsk. p. I. Bielskiego, t. I, стр. 229.
8. Ист. Киев. Иерархии, стр. 90.
9. Ист. Госуд. Росс., Карамз., т. IV, прим. 203, изд. 1.
10. Длугоша, Hist. Polon., lib. IX, p. 1058.
11. Ист. Г. Р., изд. 4, т. IV, стр. 247.
12. Кромера, книга XII, стр. 204.
13. Там-же.
14. Mathei Villani, lib. II, гл. 72.
15. Стриковского, chron. lit., гл. 2.
16. Нарушевича, Hist. Nar. Pols., t. VI, стр. 228. Hist. de la Pologne par Solignac, t. III, стр. 108.
17. Новгор. летописец.—Ист. Г. Рос., изд. 4, т. V, стр. 265.
18. Наруш., Hist. Nar. Polsk., t. VII, стр. 87.
19. Ист. Госуд. Рос., т. IV, стр. 209.
20. Там-же.
21. Длугоша, Hist. Polon., кн. X, стр. 108.
22. Стрик., кн. XIII, гл. 5; в Ист. Р. Г., т. IV, стр. 92.
23. Стрик., книга XIV, гл. 8.—Hist. de la Pol., p. Sol. т. 3, стр. 263.
24. Hist. de la Pologne, p. Solign., t. III, стр. 267.
25. Там-же.
26. Życie Witolda, стр. 51.
27. Каталог Митр. Российск. и Ист. Госуд. Рос., т. IV, пр. 220.
28. Ист. Г. Рос., т. V, пр. 242.
29. Hist. de la Pologne, p. Solign., t. III, стр. 333.
30. Там-же, t. III, стр. 366.
31. Там-же, стр. 368.
32. Там-же.
33. Несецкого, Korona Polska, t. II, стр. 365 и 366.
34. Hist. de la Pol. p. Solign., t. IV, стр. 142.
35. Korona Polska, t. I, стр. 143.
36. Кромера в Ист. Г. Рос., т. VI, стр. 293.
37. Hist. de la Pologne, par Solign., t. IV, стр. 237.
38. Hist. de la Pologne avant et sous le roi J. Sobieski par Salvandi, t. I, liv.1, tableau histor.
39. Hist. consilii Florentini patriar. Sgaropuli.
40. Там-же.
41. Там-же.
42. Оп. Киевос. Собора и Ист. Киев. Иер. мит. Евг., стр. 104.
43. Ист. Малор., Бант.-Каменск., т. I, стр. 66.
44. Korona Polska.
45. Ист. Киев. Иер., стр. 111 и д.

46. Там-же, стр. 112 и 113.
47. Там-же, стр. 112.
48. Там-же, стр. 114.
49. Там-же, прил. стр. 49.
50. Там-же, № 10, стр. 40 и д. до 49.
51. Hist. de la Pologne, par Salvandé t. I, стр. 112.
52. Там-же, стр. 113, 114.
53. Там-же, стр. 118 и д. до 121.
54. Там-же, стр. 125.
55. Dzieje Królewstwa Polsk., Bantk., t. II, стр. 168.
56. Dzieje panovania Zygm. III. Niemc., t. I, стр. 255.

К главе второй.

1. Истор. Киев. Иер., стр. 125, 126 и д.
2. Там-же, стр. 136.—Ист. об Унии, стр. 43, 44, 45. Dzieje Zygm. III, t. I.
3. Истор. Киев. Иер., стр. 140, 141, 142 и д.
4. Там-же, стр. 150.
5. Там-же, стр. 153.
6. Ист. об Унии, стр. 57.
7. Ист. Киев. Иерарх., стр. 154.
8. Там-же, стр. 156.
9. Там-же, стр. 157.
10. Ист. Киев. Иер., стр. 167.
11. Geschichte der Ukraine, Энгель, стр. 123.
12. Ист. Киев. Иер., стр. 157.
13. Там-же, стр. 164.
14. Ист. об Унии, стр. 75.
15. Ист. Киев. Иер., стр. 168 и д.
16. Там-же.
17. Там-же, стр. 175.
18. Зап. Стар., ч. I, вып. 3, стр. 27.
19. Ист. об Унии, стр. 78.
20. Ист. Киев. Иер., прил., стр. 75.
21. Там-же, стр. 68 и д.
22. Истор. Малорос., стр. 178.
23. Ист. Малорос., т. I, стр. 191.
24. Ист. Малорос., т. I, стр. 198.
25. Опис. Украины Боплана, стр. 9.
26. Зап. Старина, ч. I, вып. 3, стр. 24.
27. Сказ. откуду вд. коз. запор., стр. 8.
28. Pjesni ludu Halic. W. z. Oleska.
29. Запор. Стар., ч. I, в. 3, стр. 14.
30. Ист. Мал., Б.-Кам., т. I, стр. 190.
31. Зап. Ст., ч. I, в. 3, стр. 143.
32. Ист. об Унии.
33. Ист. Мал., т. I, стр. 251.
34. Зап. Ст., ч. 2, в. 2, стр. 17 и 18.
35. Зап. Ст., 2, стр. 45.
36. Hist. de la Pologne par Salv., t. I.
37. Ист. Мал., Б.-К., т. I.
38. Там-же.
39. Hist. de la Pol. par Salv., t. I. Рукописная ист. Малороссии Г. Конисского.
40. Ист. об Унии, стр. 170.

ОБЗОР СОЧИНЕНИЙ, ПИСАННЫХ НА МАЛОРОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.*

Язык, называемый обыкновенно малороссийским, которым говорят в юго-западных губерниях России и в Галицком Королевстве, не есть наречие языка русского, образовавшегося в последнее время; он существовал издавна и теперь существует, как наречие славянского корня, занимающее по своему грамматикальному и лексикальному устройству средину между восточными и западными наречиями огромного славянского племени, наречие правильное, богатое, гармоническое и способное к развитию литературной образованности. Но едва-ли доказательства на все это нужны в наше время, когда понятия о славянской филологии довольно ясны, чтоб избавить читателя от скуки слушать подтверждение известных истин, в которых никакой просвещенный человек сомневаться не будет.

Но, может быть, спросят: где же прежняя малороссийская литература? ибо если существовал народ, то как можно, чтобы язык его оставался вовсе без письменности? Но спросим прежде: была ли в северной Руси великороссийская литература? А между тем, язык этой половины нашего отечества так же древен, как и южной. Письменность к нам перешла вместе с С. Писанием, и потому первые сочинения наши были духовные, и, слеводательно, на славяно-церковном языке, употреблявшемся при Богослужении. Потом, мало-по-малу, с развитием общественной и политической жизни, явилась необходимость в других родах письменности; но так как только славяно-церковный язык был приготовлен к этому, то он послужил материалом и для светской общественной письменности, с тем различием, что в него начали входить слова, выражения и обороты языка народного. Но вот Россия разделилась; западная и восточная часть ее начали жить особою друг от друга жизнию; образовалось два письменных языка: в одной из смешения славяно-церковного языка с великороссийским, а в другой из смешения того же языка с малороссийским или южно-русским наречием. В Малой, как и в Великой Руси, была своя литература, свой книжный язык, на котором почти все писали, но едва ли кто говорил;—много сочинений, и политических и деловых и, наконец, ученых, было писано на этом языке, много переводилось на него из других языков; иное издано; большая часть покоится непробудным сном в библиотеках.

Этот язык, известный под именем руського, много имел влияния на образование нашего языка высшего общества и литературы: известно, что Ломоносов учился по грамматике Мелетия Смотрицкого и выучил наизуст Псалтырь, переложенный в стихи, Семеона Полотцкого. Руський язык был гораздо обработаннее, нежели письменный язык Великой России; на нем было

---

* *Молодик* на 1844 год, X. 1843, 157—185; *підпис: Иеремия Галка.*

писано много книг, в которых нуждались и в Москве; притом же, лучшие проповедники нашей первой половины XVIII века были Малороссияне, и хотя старались писать по русски, или по словенски, но не могли не вносить в свои сочинения элементов родного слова. При сильнейшем наплыве иностранного просвещения, язык наш изменялся, принимал другие формы, составились новые грамматики; старинные обороты греческие, латинские, польские уступали место французским и немецким; выступила литература новая, носившая на себе следы влияния Европейской образованности; вкус утончался; публика возымела потребность в чтении легком, служащем к удовольствию; явились романы, повести, театральные сочинения. Вместе с Европейским просвещением развивалась у нас столичная жизнь: в столицах сосредоточивались и просвещение, и науки, и литература, там было горнило языка. Руський язык ушел в западные губернии, бывшие еще под властию Польши, и, гонимый в обществе, доживал век в семинариях и училищах.

С возвращением России западных и южных ее областей, руський язык стал уже ненужным; был другой общий язык: основанием его взяты наречия славяно-церковное и великорусское, а образован он был по всем возможным иностранным формам: и латинским, и немецким, и французским... Во всяком народном духе являлись у нас сочинения, исключая своего; так как и в высших обществах были в моде попеременно всякие языки, исключая русского.

Когда в Европе явилась идея народности, подражательность уступила оригинальности, а школьность таланту; Русские, хватая с жадностью все, что ни попадалось под руку, усвоили себе и эту идею и нашли у себя богатые силы для осуществления ее; мы начали стыдиться своего равнодушия к отечественному и безотчетной привязанности к чужестранному; мы увидели, что, несмотря на огромное количество книг, у нас нет литературы, и обратились к собственному источнику национальности и народности. Изменялся вкус, изменялся и язык. Чужестранные формы, которые наложены были на наше родное слово превратными понятиями об изящном, уступали родным формам народного языка великороссийского, облагороженного просвещением, науками и употреблением в высшем обществе. Изменялась и литература. Главное стремление ее было не к подражанию иностранному, но к своенародности. В таком преобразовании должны были, повидимому, участвовать только одни Великороссияне, а между тем, вся Россия, богатая другими элементами, имела на него право: ближайшее принадлежало Малороссиянам, как народу многочисленному и единому по вере и племени с Великороссиянами. Но народность Малороссии есть особенная, отличная от народности Великороссийской; Малороссияне вовсе или не должны были касаться литературы, или же усвоить себе народность Великороссийскую. Несправедливость того и другого мнения, если бы кто имел несчастие защищать их, очевидна сама собою. Благодаря самодержавию и единовластию, у нас не могут разные противные идеи управлять общественными мнениями, как бы оно ни было разнообразно; у нас необходимо должно быть одно стремление: если какая-нибудь идея в известном отделе нашей цивилизации брошена в одном углу государства, невозможно, чтоб она не проникла в самые отдаленные. Теперь идея народности оживила нашу литературу: и читающая публика, и писатели почитают народность главным достоинством всякого сочинения по изящной словесности. Но как мог явиться на проприще изящной литературы Малороссиянин, получивший первые впечатления в Малороссии, лепетавший, может быть, первые слова на родном своем языке? Не иначе, как с своею малороссийскою народностью, с своим народным наречием. Многие из Малороссиян чувствовали, что на русском языке нельзя того выразить, что можно на малороссийском, и потому начали употреблять свое родное слово. И в самом деле: они правы. Конечно, Гоголь в своих высоких созданиях много выразил из

малороссийского быта на прекрасном русском языке, но надобно сознаться: знатоки говорят, что многое тоже самое, будь оно на природном языке, было бы лучше. Притом, много найдется талантливых людей, которые, по обстоятельствам жизни, так сроднились с малороссийским языком, что еслиб они начали писать по русски, то писали бы худо, а по малороссийски сочинения их читались бы соотечественниками с большим удовольствием.

И так, идея народности, подвинувшая вперед русскую литературу, произвела в ней особенный отдел—литературу малороссийскую, которая, по направлению своему, есть чисто русская, своенародная. Многие из современных рецензентов называют это стремление писать по малороссийски непонятною прихотью, но думают неосновательно: оно есть потребность времени, потому что исходит из того начала, которое оживляет настоящее общество.

Малороссийский народный язык до того времени почти не имел письменных памятников, как и всякое народное слово до появления идеи народности; но, за то, этот язык тайно хранил в себе богатые сокровища поэзии—народные песни и сказки. Долго никому до них не было дела; только в последнее время обратили на них внимание. Сказок у нас никто не издавал; песен существуют четыре собрания: князя Цертелева, 1-е и 2-е издание Максимовича, Запорожская Старина Срезневского и Малороссийские и Червонорусские Думы и Песни, С. п. б. 1836 г. К этим надобно причислить собрания, являвшиеся в Галиции; из них известны мне собрания Вацлава з Олеска, Жеготы Паули и Лозинского Сватьба Русская (Ruskoe wesile). Галичане перещеголяли нас полнотою и точностью своих изданий. Из Русских собраний только Запорожская Старина имеет вид какой-нибудь полноты. Г. Срезневский имел целию собрать одни исторические песни, и издал с замечаниями, очень цельными и ученьми; собрание князя Цертелева ограничивается только осемью думами; в 1-м изд. Максимовича помещено только 130 песен; во 2-м есть замечательные бытовые,—но прекрасное предприятие его остановилось; издатель Мал. и Червонорусских Дум и Песен оказал услугу любителям народности сохранением многих важных исторических песен, из которых одна изумительна по своей величине и эстетическому достоинству. Вот и все. Тысячи драгоценных памятников народной поэзии еще не изданы и вовсе неизвестны. Ждут их издания от Бодянского, Метлинского и других.

Но малороссийские сочинения появились гораздо прежде, нежели издания песен. Уже в 1808 г. было второе издание Энеиды, перелицованной на малороссийский язык И. Котляревским. Он первый начал писать по малороссийски [1].

Во время упадка классицизма и вторжения в европейские литературы романтических идей, вкус общества портился и принял самое странное направление: не смели расстаться с верою в заветные предрассудки, не смели принять форм нового рода, казавшихся еще дикими,—смеялись над тем и другим: плодом такой нерешительности явился особенный род сочинений—пародии. Писатель брал предметы классические, одевал их в романтическую одежду, и таким нескладным нарядом смешил публику. Многие из бессмертных творений древности испытывали горькую чашу пародий: в числе их была Энеида Виргилия. Перелицованных Энеид везде было довольное количество. И к нам, на святую Русь, забрело это направление, забрело так, как обыкновенно и другие идеи заходили к нам. У нас начали писать пародии—не угодно ли прочесть Осипова? Но Котляревский насмешил лучше.

Умный, сметливый человек сейчас отгадал, чем можно позабавить публику, которая, если не пресытилась классицизмом, то, по-крайней мере, дремала за толстыми пиимами в 12 песнях и драмами с тремя единствами. Котля-

[1] Кто писал до него, и что написано, это пока остается нетронутым вопросом.

ревский взял Энеиду для пародии и выбрал для ней такую форму, которая в самом деле могла удовлетворить желанию позабавиться над книгою. Чего лучше? Малороссийский язык—самая романтическая форма; Энеида—самое классическое содержание. Вот и явилась Энеида в малороссийской одежде: троянский герой стал *моторный парубок;* Юнона—*суча дочка роскудкудакталась як квочка;* Зевес—*лигав вышнивку, макивниками заидав,* и Нептун *сидив над водою, и зморщившись, старый шкарбун.* Все читали Энеиду, даже и те, которые не сознавались в том, вменяя в стыд читать на таком наречии, каким говорят их кошохи. Этому-то смешному обязана Энеида своим успехом. Что-ж такое Энеида Котляревского сама-по-себе, безотносительно к тогдашнему обществу? Пародия выполнена прекрасно, но время пародий уже прошло: романтическая форма стала нам не чужда, а классическому содержанию мы возвратили должное уважение. Но истинный талант, в каком бы виде ни явился, не может не показать своих достоинств; пусть сочинение его будет искажено, недокончено—все оно будет носить на себе отпечаток души творца, все-таки в нем найдете такую сторону, с которой, если взглянете, то невольно скажете: сочинение хорошо. Энеида, как пародия, потеряла для нас свою цену; но таже самая Энеида, как верная картина малороссийского быта, как первое сочинение на малороссийском языке, в глазах наших—драгоценное творение: мы видим в нем такие достоинства, которые были скрыты от современных читателей.

Энеида, рассматриваемая с этой точки зрения, имеет для нас три неот'емлемые достинства. Во-первых, мы видим в ней, как я сказал выше, верную картину малороссийской жизни. Автор знал хорошо Малороссию, жил в ней, и с нею, пользовался всем, что было у него пред глазами. Характеры его богов и героев истинно малороссийские в малейших их приемах. Во-вторых, она драгоценна для нас по неподражаемому юмору, с которым автор изображает пороки и смешную сторону своего народа. Стоит только вспомнить описание ада—все грешники носят на себе черты малороссийские и даже осуждены, на муки, которые только придут в голову Малороссиянину. В третьих, язык его, правильный, блестящий, народный в высочайшей степени, останется самым лучшим памятником. И надобно сознаться, что едва-ли у кого он достигает такой игривости и непринужденности, хотя чуждый малороссийскому языку четырехстопный ямб, в который он заковал свою пародию, очень мешал его легкости.

Что касается до тривиальностей, соблазнительных сцен и некоторых отвратительных описаний, которых, к сожалению, много у Котляревского, то они суть плод ложного понятия о смешном: тогда думали, что все отвратительное может забавлять.

Опера Наталка Полтавка есть опыт Котляревского в другом роде: сочинитель хотел представить здесь семейный быт Малороссиян, нежное сердце малороссийской девушки: пиеса приобрела сочувствие в читателях. Наталка представляема была столько раз на сцене; все слушали ее с участием,—и до сих пор она любимое сочинение Малороссиян, не смотря на то, что содержание ее отзывается устарелою сентиментальностью прошлого века.

Стихотворения Артемовского-Гулака, приобретшие такую известность, написаны, исключая перевода Гетева Рыбака, в пародическом духе, подобно Энеиде Котляревского. Необыкновенная легкость и правильность языка, свобода в выражениях и непринужденный комизм обличают в сочинителе высокий талант, от которого можно было бы ожидать драгоценных плодов... лучшее из его творений—это Пан та Собака, сказка, которая, в ряду апологических творений русской литературы, занимает почетное место.

Впрочем, для многих не столько было забавно содержание сочинений Котляревского и Артемовского, сколько слова, выговор, обороты малороссий-

ского языка. Но пришла, наконец, пора получить вернейшее понятие о славянской филологии. Гребенка первый [1] отошел от прежнего пародического направления: этот даровитый писатель, сознавая, что слово, которым потешали публику Котляревский и Артемовский, вовсе не искаженное наречие русского языка, а язык, данный судьбою в удел 12 мил. народа, хотел в своих сочинениях показать способность его к развитию и богатству. Перевесть Полтаву Пушкина на малороссийский язык—идея смелая, приносящая честь тому, кто первый счел язык способным к этому. Как многие первые опыты даровитых писателей—перевод, правду сказать, не удался; но во всяком случае, ценители малороссийского слова всегда будут благодарны писателю за то, что он показал его достоинство и проложил дорогу другим. Но его *Приказки* всегда прочтутся с наслаждением: автор явился в них не пародистом, не насмешником над малороссийскою народностию и словом, но малороссийским баснописцем, и превосходно показал способность малороссийского языка к апологическим сочинениям.

Без всякого сомнения, честь возведения родного слова на высшую степень развития,—смею сказать, честь создания малороссийской литературы принадлежит писателю, скрывавшему себя под вымышленным именем Основьяненка. Далекий от того, чтоб принимать язык малороссийский за орудие к возбуждению смеха, этот талантливый писатель в многочисленных своих творениях имел задачею изобразить домашнюю жизнь малороссийского народа в известных ее проявлениях. Нравственная цель, обилие чувства без сентиментальности, непринужденный комизм без притязаний на искусство смешить и увлекательность рассказа поставили его в глазах образованной публики в числе отличных писателей, а верное изображение народного быта, живость и естественность характеров приобрели ему любовь соотечественников, увидевших в первый раз свое собственное в литературе, изображенное по-своему, своим тоном. Лучшая похвала Основьяненку с этой стороны состоит в том, что даже те, которые ничего не читают, принялись с удовольствием за его повести; но всем этим не ограничиваются его литературные заслуги: человек, имеющий высший взгляд на изящное, откроет в его сочинениях неотъемлемые достоинства: в основании почти каждого из них лежит идея глубокая, человеческая, прекрасно развитая в известной форме проявлений нравственного мира разумных существ. Такие сочинения, где бы они ни были, должны быть включимы в число отличных творений. Тем замечательнее они кажутся при малороссийском элементе, еще мало разработанном, на малороссийском языке, на котором не было ничего написано, кроме двух-трех пародий. Литература, считающая в себе такие творения, не может быть ничтожною: при малом количестве своих произведений она счастлива, если может похвалиться такими, в которых видно не какое-нибудь подражание чужому, не иностранные чуждые идеи, одетые в искаженную форму, не жалкая всеобщность, мысли всем известные, выраженные образами всем известными, но истинное изображение своего, родного, со всем отпечатком национального характера.

Многие поставляли главнейшим достоинством сочинений Основьяненка комизм; но, по моему мнению, это второстепенные качества пред неисчерпаемым родником чувства. Обращаюсь к тем, которым известна малороссийская народная поэзия. Они знают, какое важное место занимают в ряду достоинств этой девственной поэзии глубокое чувство; в какой степени этот истинный источник всего благородного, изящного наполняет очаровательные создания украинской музы. Но это чувство является в песнях отдельно, отры-

[1] Кажется, не Гребенка, а Боровиковский в своих балладах. *(Примечание корректора).*

висто, кроме некоторых романсов, удивительных по своей художественности: оно все в лирических песнопениях, большею частию в рапсодах, отрывках, проявляется мгновенно, вспыхивает сильно, но не продолжительно. Это движение сердца, звуки, издаваемые струнами его, аккорды согласные, пленительные, не исчезающие в воздухе: отголосок их остается только в сердце; умом вы не поймете его, потому что в нем нет мыслей,—в нем есть чувство, доступное единственно сердцу, хранилищу чувств. Оно не осязаемо, невидимо, не уловимо: облеките его в форму, соедините с мыслию, назначьте ему пространство и время, обставьте его теми картинами, при которых оно будет понятно, сообщите его тем характерам, которые могут вмещать его,—и неясное сделается ясным: вы его увидите в образах; вы поймете то, что прежде только чувствовали; доступное сердцу станет понятно ему; красота первобытной поэзии для вас не утеряется; вы тогда можете дать отчет себе в том, что вас занимает, к чему вы влечетесь: оно вполне ваше, потому что все ваше существо проникнуто им.

Писатель воспринимает переданное ему народом и возвращает ему от него взятое полным и сознательным; неправильным отрывистым частицам сообщает целость, собирает рассыпанные перлы и создает из них художественные ожерелья. С этой точки зрения мы должны смотреть на Основьяненка в его прекрасных повестях, где наиболее проявляется эта существенная жизнь Малороссии, вся полная чувства, дышащая ее девственным воздухом. По-крайней мере, такое выражение имеют четыре лучшие его повести на малороссийском языке: Маруся, Козырь Дивка, Щира Любовь и Оксана: изображения женского малороссийского сердца, представленного под разными обстоятельствами жизни и в разных характерах. Отлагая в сторону все впечатления, какие эти повести могут произвести на читателя, который в них видит идиллический мир настоящего времени, мы взглянем, что выражают они, как собственно малороссийские произведения.

Идея любви, общая и священная человечеству, основание истинно-нравственного, а, следовательно, и истинно-изящного, является в различных видах, обусловливаемая, между-прочим, степенью образованности и историческою жизнию народа. В народе юном, но просветленном религиею и стоящем на известной степени нравственного развития, она проста, наивна, не удаляется от чувственности, но облагораживает ее; чувство, обладающее существом, не подавляет его, но направляет к деятельности. Малороссия, по степени образования своего, страна девственная, юная, по жизни же исторической она испытала слишком много, выполнила назначенное ей от провидения и одряхлела.... древняя жизнь умирает в ней, а новая только начинает проявляться. Два характера отличают ее настоящее положение.

Малороссийская женщина, осужденная в течение двух веков на мгновенную радость, на минутные пламенные восторги, а потом на горькую, часто досмертную тоску, окованная в своих желаниях непреодолимою судьбою, получила себе в удел наклонность к мечтательности, оттеняющей ее даже в минуты полного наслаждения своим бытием. Чувства обладают ее существом, в страсти она не предается порывам необузданного восторга, но хочет чувствовать эту радость; печаль ее есть чувствительное созерцание, которое в области сердца тоже, что в области ума ясное сознание. Этот характер переходил из рода в род, от матери к дочери, и до сих пор сохраняется. Но, между тем, эта мечтательность, плод тех несчастных часов, когда женщина, едва расцветшая, тосковала в горьком одиночестве, тщетно призывая милых сердцу из дальней могилы, теперь слилась уже с другим элементом, чувством семейным. Протекли буйные времена, исчезли бедствия, народ начал свыкаться с жизнию мирною, семейною, и женщина уже познала мир души, счастие тихой жизни. Но печать прежнего остается на ней,—и потому, с одной

стороны, любовь Малороссиянки носит на себе отпечаток мечтательности, проникнута глубоким чувством, часто убивающим нежное существо, немогущее преодолеть препятствий, которые завистливая судьба поставляет между ею и любимым предметом,—с другой стороны, согласуясь с духом времени, она не в состоянии органичиваться одною сферою внутреннего чувства; это чувство пробуждает все другие способности души и направляет их к деятельности. Типом первого характера может служить Маруся. Быть может, для некоторых она покажется просто идилиею в роде Геснера; нет, основание повести истинно народное.

Маруся совершенно возможна в Малороссии. Скромная деревенская девушка, воспитанная под надзором простых, но благочестивых родителей, получившая с рождения томный и мечтательный нрав, развившийся, как видно, через отчуждение от подруг и любовь к домашним занятиям, увидела на чужой сватьбе парубка, который ей полюбился. Но так-как у сердец мечтательных мгновенного чувства не бывает, то эта любовь превратилась скоро в тихую страсть. Вот они познакомились, сблизились: судьба поставила им препятствие: страсть сильнее развилась, сердце начало таять,—опять сблизились,—счастие им улыбнулось; но вот опять разлука:—Маруся, в которой томное снедающее чувство развилось до высокой степени, не устояла; воля ее была слишком слаба, мир, окружающий ее, уже давно стал ей чужд, хотя она, по-видимому, жила для него,—Маруся истлела медленным огнем, который при мечательном настройстве духа сожигает свою жертву неприметно. Эта столь поэтическая Маруся ничуть не идеал: она обыкновенна в быте малороссийском; вы можете много увидеть таких Марусь, и, может быть, ни одной не узнаете. Когда после разлуки с любезным вся душа ее тает в тихой страсти, когда вся жизнь ее сосредоточивается в воспоминаниях о незабвенных минутах, проведенных с ним,—она занимается домашними работами: прядет, шьет, еще прилежнее, чем прежде,—и только из того, что чуждается брака и убегает веселости, вы можеет заметить, что ее сердце несвободно; но до какой степени связывают ее узы страсти—этого вы не узнаете. Самая кончина ее для постороннего взора представляется обыкновенною—девушка простудилась, получила горячку и умерла. Но автор раскрыл перед вами ее душу, ввел вас в таинственный мир, и вы изумляетесь обилию неисчерпаемого чувства, которое было от вас закрыто, и вы смотрите на нее с другой точки зрения. Что же это такое? Это чувство, наполнившее бедное сердце поселянки и убившее ее своим обилием: вот малороссийская поэзия! Маруся, будучи ежедневным явлением, типом обыкновенной Малороссиянки, есть вместе существо прекрасное. Автор низвел вас в свой буколический мир для того, чтоб показать всю его прелесть и изящество. А откуда это изящество характера Маруси? Оно истекает из глубины характера Малороссийской нации и понятно из ее исторической жизни. Маруся—это Малороссиянка древнего века, живущая в новом.

Необходимые для обрисовки характеров действующих лиц описания и сцены того быта, в котором действуют они, выполнены очень удачно. Автор избрал лучшие поэтические моменты малороссийской жизни и представил их в привлекательном виде: трогательное описание погребения несчастной жертвы чувств прекрасно в высшей степени, и поясняет самую душу Маруси, становит ее возможною в том роде, которого обряды и обычаи проникнуты до такой степени глубокою мечтательностию.

Но, при всем превосходном изображении характера Маруси, при всех прекрасных описаниях, трогательных и увлекательных сценах,—одним словом, при всех неот'емлемых ее достоинствах, мы должны заметить, что она имеет большие недостатки. Характер Василя не ясен и даже не естествен; в нем не видно такого простодушного чувства, как у Маруси,—он сентимен-

тален, и самое удаление его в монастырь не производит сильного эфекта. Характеры Наума, отца Маруси, и матери ее тоже не отличаются резкими чертами. В отделке нет художественности: иное растянуто, другое не досказано.

Козырь Дивка знакомит вас с другою стороною женского малороссийского мира; здесь тоже народное чувство, но уже при других явлениях и в другом характере. Оно не исчезает в мечтательности, и душа, наполненная им, не делается преждевременною его жертвою; напротив, чем более оно об'емлет ее, тем сильнее побуждает к деятельности, и ведет не к смерти и разрушению, но к жизни. Ивга такая же чистая Малороссиянка, но совершенно противоположная Маруси. Она любит своего Левка, как Маруся своего Василя, а встречает гораздо большие препятствия и лишения. Вместе с каждым из них, усиливается ее чувство; но за то, чем сильнее искушает ее судьба, тем готовее она победить все эти искушения. Для достижения цели, указанной ей чувством, она бросается в другую сферу, совершенно ей незнакомую, и любовь, руководившая ее, остается навсегда в ее сердце, помирившись с жизнию. Вы видите здесь торжество воли,—не думайте искать источника в разуме,—ищите его в сердце; Ивга предается его влечению, и оно-то окрыляет ее волю и доводит до края желаний. Если Маруся может служить типом Малороссиянки, под влиянием судьбы, то Ивга есть таже Малороссиянка в нормальном состоянии, то есть такова, какою ей быть должно при ее характере, при свободном развитии ее способностей: Маруся представлена автором в болезненном состоянии, хотя и естественно; но это потому, что на той нации, в которой она живет, лежит отпечаток болезненной дряхлости,—это девушка доживающей Малороссии;—Ивга дитя свежей жизни, процветшей уже на обновленной почве, которую питали прежние стихии, но освещало солнце возрождения.

Повесть Козырь Дивка по отделке гораздо лучше Маруси; здесь не страдает художественность, соблюдена соразмерность в частях, и все на своем месте. Читатель увидит здесь верную картину нравов различных сословий Малороссии, начертанную с истинным юмором, и тем избавляется от монотонности, неизбежной там, где хотят заставить или плакать, или смеяться от начала до конца пиесы.

Представив в двух повестях характер Малороссиянки в жизни созерцательной и практической, Г. Основьяненко в своей повести Щира Любовь (Вот Любовь) показывает вам самое высокое развитие малороссийского чувства. Если Маруся есть изображение древнего века, исчезающего в новом, если в Ивге глубокое чувство, овладевшее всем составом женщины, вводит ее в сферу практической жизни, то в Галочке оба эти элемента сливаются: мечтательность в ней развита еще живее, чем в Марусе, за то и воля в ней действует сильнее, чем в Ивге. Чувство, обладающее Ивгою, устремляет ее к борению с препятствиями, поставленными судьбою, к достижению цели посреди житейского волнения; в Галочке это чувство служит источником борьбы, происшедшей во внутреннем мире. И Маруся, и Ивга суть типы известных малороссийских лиц с их главными побуждениями: Маруся женщина обыкновенная, черты ее—томность, нежность и слабость вы найдете повсюду, даже всю историю ее можете услышать везде; Ивга делается возможною по мере того, как новая жизнь заменяет старую: народ становится на высшую степень общественности, следовательно, деятельность будет плодом всех побуждений;—Галочка всегда идеал, показывающий высокое нравственное совершенство, до какого может довести глубокое чувство при здравом состоянии других способностей. Но надобно сознаться, что для повести *Щира Любовь* не достает еще много, несмотря на прекрасные описания и трогательные сцены, показывающие в авторе высокий талант. Чувства доходят иногда до сентимента-

ности, напоминающей романы прошлого века; характер офицера неясен, сама Галочка не везде понятна: в некоторых местах она говорит так, как будто бы слушала университетские лекции.

По моему мнению, эти три пиесы, вместе с *Оксаною*, которая может служить как бы дополнением изображения малороссийской женщины, *Ложными понятиями и Панною Сотниковною*, писанными по русски, суть лучшие произведения Основьяненка. Но талант нигде не оставляет его. Повесть: *От тоби и скарб* имеет большое достоинство, как изображение народных верований, и замечательна по своему юмору и богатому описанию. *Салдатский портрет* есть художественный эскиз из малороссийского быта. Не менее замечательна по своему комизму опера *Сватанье на Гончаровке*, доказывающая, что автор может быть и драматическим писателем. Не лишним считаем выставить здесь список сочинениям Г. Основьяненка[1].

Произведения Шевченка, изданные в отдельной книжке под названием *Кобзарь*, показывают в авторе необыкновенное дарование. Он не только напитан народною малороссийскою поэзиею, но совершенно овладел ею, подчинил ее себе и дает ей изящную, образованную форму. Черты в изображаемых им лицах—*Катерине, Кобзаре, Перебеньде* суть те самые, которые нам представляет природа; но, вместе с тем, в них заключается поэзия общая, понятная всякому. Чувство поэта отличается характером томным, унылым; он принимает близко к сердцу прежнюю судьбу народа,—но это тоска вовсе не изученная—это целый народ, говорящий устами своего поэта: душа его сознала сочувствие и сходство между состоянием своим и общенародным чувством: вместе с движениями сердца, которые принадлежат поэту, живо слились движения, свойственные всякому, кто будет в состоянии ему сочувствовать. Оттого всякий—будь только у него хоть несколько тех побуждений, которые наполняют внутренний мир Малороссиянина—будет до того проникнут поэзиею Шевченка, что забудет, чужое ли это, полученное извне, или свое собственное, которое явилось в области сердца с незапамятного времени, так как первые идеи детства. Как, например, превосходно это описание:

Б'ють пороги, мисяць сходить,
Як и перше сходив—
Нема Сичи, пропав і той,
Хто всим верховодив;
Нема Сичи—очереты
У Днипра пытають:
«Де-то наши дити дились?
Де вони гуляють?»

Чайка скиглить, литаючи,
Мов за дитьми плаче,
Сонце грие, витер вие
На степи козачий.
На тий степи скризь могилы
Стоять, та сумують—
Пытаються у буйного:
«Де наши панують?

---

[1] А. *Малороссийские повести* (2 части; издан. в Харьк.): 1) Салдатский портрет. 2) Праздник мертвецов. 3) Делай добро в тебе будет добро. 4) Конотопская ведьма. 5) Вот тебе и клад. *Переводы*, помещен. в период. изданиях: в Современнике и др.: 6) Божие дети (в Утр. Заре). 7) Перекотиполе (в Молодике). 8) Вот любовь (в Современ). На русск. языке помещены в Современ.: 9) Панна Сотниковна. 10) Ложные понятия. 11) Украинские дипломаты. 12) Ярмарка. 13) Фенюшка. 14) Ганнуся (в Телескопе), отпечатана особо. 15) Герой очаковских времен (в Современнике). В Москвит. перевод.: 16) Маргарита. 17) Оксана. 18) Добрый Пан (в Киевлянине). 19) Гаркуша (в Соврем.). 20) Козырь Дивка (перев. в Соврем., особо отпечатана). 21) Основание Харькова (на русском языке, в Молод.). 22) Двенадцатый год в провинции (в От. Зап.). В. 1) Головатый (в От. Зап.) 2) Город Харьков (в Соврем.). 3) Листы до наших землякив (особо отпечат.). 4) О Слободских Полках (в «Совр.). С. 1) Пан Халявский (в От. Зап.). 2) Похождения П. Столбникова, 3 части. D. *Драм. произведения.* 1) Дворянские выборы. 2 части. Комедия. 2) Шельменко—волостной писарь. 3) Шельменко—деньщик. Комедия. 4) Сватанье на Гончаровке. Опера. 5) Щира любовь. Драма. 6) Бой-жинка. Опера. *Мелкие сочинения:* Готороп. История харьковского театра. Бессрочный. Знахарь. Мемуары Пампушкина. Званные гости и многие другие мелкие статьи, помещенные в прежних периодических изданиях, в Харькове выходивших.

Де панують, бенкетують?
Де ви забарились?..
Вернитеся!—Дивитеся,
Жита похилились,—
Де паслися ваши кони,
Де тирса шумила,
Де кров Ляха, Татарина
Морем червонила—
Вернитеся!»

Язык Шевченка превосходен везде; надобно только пожелать его сочинениям большей художественности, недостаток этот виден не в Кобзаре, но в последующих его сочинениях.

Основьяненко и Шевченко, без сомнения, суть лучшие малороссийские писатели; особенно от последнего, при счастливом направлении, можно ждать плодов достойных; но малороссийская литература всегда будет гордиться и другими именами даровитых писателей, каковы, например: *Тополя, Могила* и друг.

Чары г. Тополи, как всякое сочинение, выходящее из обыкновенного круга, испытали две крайности в суждениях наших критиков. Полевой в Б. Х. для Ч. указывал на них, как на необыкновенное, замечательное явление; другие говорили, что в Чарах нет здравого смысла, ни тени народности. Читатель-Малороссиянин не увидит в Чарах отпечатка творчества, но он все таки прочтет их с удовольствием, прочтет не один раз, и всегда с новым наслаждением. В самом деле, если вы будете смотреть на Чары, как на нечто полное, оконченное, то они вам представятся с невыгодной стороны. Но сочинитель не заботился о целом, и сам признался в том: содержанием своей пиесы взял он народную песню *Не ходи, Грицю, на вечорници*, но еслиб он взял для этого и другую песню, Чары б все остались Чарами, нужно бы только изменить разговоры действующих лиц. Он сам их назвал *Чары или несколько сцен из народных былей и рассказов украинских*—и дал самое определенное название. Все сцены чрезвычайно верны, интересны сами по себе, все представлены без малейшей претензии на творчество. Г. Тополя изображает, что видел, слышал, что умел подметить. У него нет развитых характеров, но, за то каждое лицо является со своим отпечатком; по некоторым чертам действующего лица, вы можете представить себе в воображении его приемы, образ выражения, можете судить о его характере. В Чарах нет единства и оконченности в целом, но все окончено в сценах: каждая из них представляет целую, верную картину. Возьмите для примера ту сцену, где девушки спрятались за колодками, чтоб подслушать разговоры своих любовников. Как здесь все живо, как верно описано! Возьмите хоть фантастическую сцену из народных поверий: вы видите здесь всю народную фантазию, как она существует. Например, чорт, начальник ведьм, изображен в виде Жида, говорящего по польски: это в самом деле малороссийский чорт; понятие о нем вытекает из истории и прежней жизни! Или хоть ту сцену в шинку, где изображен разгул малороссийский. Сочинитель ничего не утрировал, не идеализировал; он вам представляет эту сторону народного быта, какова она в самом деле, и между тем как поэтически: дурная сторона не видна, хотя сцена списана прямо с натуры. Это не идеал, которого рассеянные черты вы должны искать везде: это простое описание того, что автор видел, и описание верное, мастерское, а потому так и занимательно. Как безискусственны у г. Тополи песни, которые поют его герои. Они льются непринужденно, без всякой натяжки, совсем не по-оперному, без всякой перемены и переделки со стороны автора, с тою небрежностию, которая характеризует действительность. Вы встретите в песнях очень часто недомолвки, часто одна песня сбивается на другую, иногда не доканчивается; но это-то и достоинство в таком сочинении, как Чары, где автор хочет познакомить вас с действительностью. Язык Г. Тополи не может даже назваться его языком: это язык совершенно народный, чистый, простой, усеянный затейливыми пословицами и поговорками... одним словом, если вы не знаете Малорос-

сии,—прочтите Чары—и вы уже познакомились с известными частями ее многостороннего быта.

Думки и песни Амвросия Могилы есть собрание оригинальных стихотворений и переводов, большею частью лирико-описательного рода. Поэт изливает свои чувства, возбуждаемые вследствие впечатлений малороссийского быта. Большая часть из его стихотворений запечатлена истинным дарованием и отличается особенною художественностию. У Могилы нет того саморазвития, как у Шевченка; он не создает идеалов народной поэзии, не выказывает чувств, которые бы невольно лились из неведомого источника: его чувство идет об руку с мыслию; он изучил сокровищницу поэтической стороны Малороссии и является везде, как талант, сознающий свой предмет. Могила по форме поэт лирический, но суб'ективность в нем прорывается незаметно; вы узнаете его личность, когда будете проникнуты тем, что он вам об'ективно выражает. Возьмите, например, первое его стихотворение *Бандура:*

Про гетьмана, чи про гайдамаку,
Дид заспивае, в бандуру заграе,—
Плаче бандура, мов оживае,
Жаль визьме дитину, визьме и бурлаку.
Его бандура, схоче вин завые;
Его бандура й вороном закряче;
Мов та дитина жалибно плаче...
Слёзы польються, серденько ные...

Собственные чувства поэта выказываются тогда уже, когда явление, пробудившее их, овладеет вами, и вы сталкиваетесь с его впечатлениями и признаете их за свои. Он как будто не хочет высказать всего, что у него на душе, и делится вместе с вами, не сознаваясь. Это достоинство истинного художника, и нельзя не видеть здесь малороссийского характера. Кто следил за Малороссиянином в минуты его сердечного восторга, в те минуты, когда он подымается из сферы обыкновенной жизни,—тот может поверить, как скупо малороссийское сердце на дележ своих движений с другими; Малороссиянин захочет вас наперед увлечь,—вы невольно выскажетесь, а он в глубине души будет делиться с вами и все-таки покажет на лице улыбку равнодушия. Характер стихотворений Могилы отличается глубокою грустию и верными изображениями древнего быта. Он прекрасно понял поэзию степной казацкой жизни; у него казак везде является существом высоким, но вместе буйным и диким; сцена действия его покрыта туманом и слезами. Из лучших его произведений в этом роде: *Чарка,* отличающаяся горькою иронией, *Козачья Смерть,* где представлена страшно-поэтическая картина смерти отца с сыном, *Козак та буря,* где поэт изображает сходство человеческой природы с физическою, и *Смерть Бандуриста,* прекрасная по своим блестящим описаниям и звучным стихам. Два стихотворения *Старець* и *Дитина Сиротина*—изображения другой стороны жизни малороссийской—горького сиротства, безнадежной грусти, мирского несчастия. Язык в Думках и Песнях правилен, благороден и особенно оригинален. Стихи истинно малороссийские; Могила пишет более силабическим размером, который иногда подходит под метрический, часто переменяется в одной и той же пиесе: в каждой мысли своя форма. Поэт не стесняет себя определенною мерою, и оттого у него все так вольно и непринужденно, и мысль выражена вполне, и гармония стиха соответствует гармонии чувства.

В 1883 году напечатаны были *Наськи Украинськи Казки Запорозьця Иськи Материнки,* маленькая книжечка, где помещены три малороссийские сказки в стихах: первая *Сопилка,* замечательная по своему поэтическому содержанию; вторая *про дурня та его коня,* общая всем славянским племенам; третья про *Ивася та змию, та дочку ии Олену,* одна из любимых Малороссия-

нами. Все эти сказки достойны внимания, и показывают в авторе знатока малороссийской народности и языка.

Кроме означенных нами писателей, из которых почти каждый явился с самобытным дарованием, есть еще и другие, которых сочинения имеют более или менее относительную цену в малороссийской литературе. Таковы: *Боровиковский*—переводчик Мицкевичева *Фариса* и сочинитель нескольких баллад; неизвестный автор *Маруси*, стихотворной повести, изданной в Одессе; *Стецько Шереперя*, написавший оперу *Купала на Ивана*, которая, не смотря на некоторые недостатки, заключает в себе довольно верные изображения народного быта; он же написал несколько песен и в том числе известную: *За-Неман иду;—Петренко*,—которого лирические стихотворения проникнуты чувством; *Корсун*, передавший малороссийскими стихами любопытные украинские поверья; *Писаревский*, сочинитель повести *Стецько*, и *Кореницкий*, явившийся в свет с названною им *сатирицькою* поэмою *Вечерници*, которая, не смотря на легкий стих, исполнена местами таких пошлостей, что, прочитавши ее, пожалеешь невольно об авторе.

Доказательством распространяющегося вкуса к чтению на малороссийском языке служат два сборника, вышедшие в прошлом 1841-м году. Один из них издан в Петербурге Гребенкою и наполнен сочинениями: Шевченка, Основьяненка, поместившего там свою прекрасную повесть *Оксана* и два малороссийские рассказа, Боровиковского, Писаревского, Кулиша и других. Сам собиратель приложил к нему прекрасное предисловие *Так соби до земляків*, где изображены четыре времени года Малороссии. Сборник называется *Ластивка*. Другой издал г. Корсун в Харькове из трудов здешних писателей под названием *Сніп*. Там помещены: *Переясловська Ніч*—трагедия, *Вечорници*—Кореницкого, *Стецько* Писаревского и стихотворения Петренки, Шерепери, самого издателя и других.

Вот, кажется, все, на что можно обратить внимание в малороссийской литературе, и едва-ли не все, что было писано на малороссийском языке в России [1].

Харьков. 1842 г.

---

[1] За исключением сочинений автора этой статьи: Савва Чалый, драматические сцены; Переяславська Ничь, трагедия; Украинские баллады; Ветка, собрание стихотворений. Многое, кроме того, пишется и остается нелечатанным. Примеч. издателя *(себ-то Бецького.—Ред.)*.

ЗАМЕЧАНИЕ НА СТАТЬЮ Г. СОЛОВЬЕВА

«Малороссийское козачество до Богдана Хмельницкого». *

В 18 № «Русского Вестника» явилась статья г. профессора Соловьева: «Малороссийское козачество до Хмельницкого». Наука должна быть признательна почтенному ученому за внесение в ее область неизданных сведений; но да будет дозволено высказать наше мнение, несогласное с взглядом г. Соловьева на козачество. Г. Соловьев выразил этот взгляд такими словами:

«Это (козачество) не было выселение масс людей, разрознившихся с большинством в известных убеждениях религиозных или политических, или людей, ищущих большого простора, большого удобства при употреблении своего труда и капитала и потому способных положить прочные основания для гражданского общества. Козак искал в степи через бегство только личной свободы; он являлся в степь вовсе не для того, чтоб трудиться утвердив более правильные отношения к труду; он бежал для того, чтоб быть вольным козаком, а не мужиком, ибо с понятием труда соединилось понятие мужичества. Вольный козак, молодец, вовсе не хотел работать или хотел работать сколько возможно меньше, хотел жить на чужой счет, на счет чужого труда. Таким образом выход козака в степь из государства вовсе не был шагом вперед в общественном развитии, а скорее шагом назад; как бы ни было неудовлетворительно состояние того общества, из которого вышел козак, все же оно было гораздо выше образовавшегося в степи козацкого общества, которое по основному характеру своему, именно по хищничеству, имело часто отрицательное значение в истории, приравниваясь к окружавшим его обществам Ногаев, Калмыков и крымских Татар. Влияние такого общества на государство, разумеется, не могло быть полезным. Когда государство допускало это влияние, то оно обнаружилось точно так же, как и влияние Ногаев, Крымцев, то есть хищническим опустошением. Государства, как Московское, так и Польское, могли еще видеть одну полезную сторону в козачестве, именно—возможность противопоставлять хищничество козаков хищничеству степных орд, Ногаев, Крымцев. Но и здесь польза от козачества перевешивалась вредом, ибо козаки не ограничивались только делом пограничной стражи и по своему хищническому характеру, которого не скрывали, об'являли, что если им не нападать на соседей, то жить нечем, неоткуда добывать зипунов. По этому своему характеру козаки нападали на соседей и тогда, когда государству это было вредно, нападали на турецкие владения и вовлекали оба государства, особенно Польское, в опасную вражду с Турциею. Вследствие этого оба государства с XVI века, со времени усиления козаков, находились постоянно в враждебном отношении к ним. Восточные козаки показали ясно характер своих отношений к Московскому государству в смутное время, и на-

* *Современник*, 1859, том 78, кн. II Современное Обозрение, стр. 51—57; *підп.: Н. Костомаров.*

чале XVII века: под знаменем самозванцев они внесли страшное опустошение в государственную область; государство, благодаря усилиям земских людей, очистилось от козаков, которые после того не находили никогда такого благоприятного времени для успешной борьбы с государством; восстания их, иногда сильные и опасные, особенно по сочувствию и содействию нисшего земледельческого народонаселения, оканчивались однако всегда торжеством государства, которое, наконец, достигло того, что вполне подчинило козаков своим требованиям».

Г. Соловьев не обращает внимания на то отношение, в каком находился южно-русский народ к козачеству; г. Соловьев не хочет знать, какое понятие образовал себе о нем этот народ, эта plebs profana, недостойная того, чтоб ученый муж удостоил спросить у нее, как она сама думает о своей судьбе. О восточных козаках г. Соловьев замечает мимоходом, что их восстания были опасны по сочувствию к ним нисшего земледельческого (какое ж это высшее возделывает землю?) народонаселения, но вслед затем говорит, что на западе, в Польском королевстве, было не так: польские козаки имели возможность поднимать народное знамя, и возбуждали тем сочувствие к своему делу в единоверном государстве Московском; а какого рода сочувствие возбуждали они в единоверном народе не единоверного государства Польско-Литовского, об этом не говорится! А в этом-то и вся сущность истории малороссийского козачества.

Г. Соловьев представляет козака выкидышем из общества; он бежал, по словам почтенного историка, ища только личной свободы, хотел вовсе не работать, хотел жить на чужой счет, на счет чужого труда. Если только такие побуждения руководили козаками, то, естественно, народ не мог иметь к ним сочувствия. Это были разбойники и ничего более. Смотря с государственной точки зрения, с которой г. Соловьев не сходит никогда, действительно окажется, что во время, описываемое г. Соловьевым, козаков было только 6,000, потому что польское правительство признавало их столько, под именем реестровых; но с точки зрения народной,—козаки, с которыми тогда воевали Поляки, были не что иное, как весь народ южно-русский. Г. Соловьев, пользовавшийся польскими рукописями Публичной Библиотеки, конечно, видел из них, что во время вражды Поляков с козаками в 1625, 1635, 1637, 1638 годах дело идет не столько о реестровых козаках, сколько о так называемых выписчиках, то есть об огромной толпе народа, несколько раз исключаемого комиссиями из реестра и несколько раз снова составлявшего козацкую массу. Поляки обыкновенно говорили козакам: «будьте свободными людьми, не много ниже шляхтичей; мы вас не стесняем, только не принимайте к себе хлопов, а напротив, удерживайте их в повиновении нам». И действительно, иногда реестровые и сражались вместе с Поляками против выписчиков. Так, например, эти реестровые взяли Сулиму в 1635 г. и действовали против Остранина и Гуни в 1638 г. Поляки думали достигать своей цели тем, что давали им начальников из шляхты или из козаков, но таких, которых можно было сделать панскими слугами. Но как мало цель эта была достигнута, и как слаба была возможность образовать из реестровых отдельное от народа сословие, показывает та легкость, с какою эти реестровые передались Хмельницкому в 1648 г. Польская попытка образовать из козаков высший класс продолжалась и после Хмельницкого у правительственных лиц и у так называемых значных, соблазнявшихся польско-шляхетским духом; но ей постоянно противодействовала масса народа и противодействовала до тех пор, пока уже государственное влияние имперской России не взяло перевеса над проявлением своенародной политической жизни в Малороссии, парализованной разделом по Днепр. С народной точки зрения козак был не один реестровый, а всякий Украинец, и когда не был им в действительности, то считал себя лишенным

своего права. Пусть г. Соловьев заглянет в наши исторические песни; он там увидит, что народ под словом козак вовсе не разумел записанного в какой-нибудь компут; он этих компутов не хотел знать: он хотел весь окозачиться; козачество было идеалом его общественной жизни. В песнях наших—козак символ молодца, идеал доблести, и это значение он сохраняет не только в том краю, где действительно существовали козацкие реестры, но и там, где их не было никогда, например, на Волыни, в Червоной Руси.

Признавая важное участие народа в козачестве, пришлось бы изменить и взгляд на свойства и характер последнего. Г. Соловьев упрекает козаков в хищничестве. Под этим разумеются морские и сухопутные набеги на Турок и Татар и восстания против Поляков. Что касается до первых, то встречая беспрестанную переписку поляков с татарскими и турецкими властями и жалобы последних на козацкие разбои, г. Соловьев и впрямь заключил, что козаки от лени и охоты ничего не делать нападали на добрых соседей, и не взял во внимание, что положение южно-русского народа было таково, что нельзя было обойтись без таких нападений. Ведь турки и татары требовали уничтожения козаков точно так же, как волки предлагали мир пастухам с условием, чтоб последние истребили собак. Напротив, козаки, не слушая польского правительства и продолжая, наперекор ему, свои набеги на мусульманских соседей, право больше имели государственного инстинкта, чем польские государственные люди, которые хорошо говорили по-латыни. Какие могли быть разговоры и переговоры с Крымским царством. Следовало разрушить его—вот и все. Тогда только в Южной Руси и в Польше была бы возможна гражданственность. Так и думали некоторые умные люди—хоть бы Пальчевский, известный г. Соловьеву, или по имени неизвестный нам автор, написавший сочинение: „Polska niżnia", где предлагает заселение степей. Не так рассуждало большинство панов, хлопотавших прежде всего о собственных интересах. Государственных сил на громадное предприятие было мало, а народных не трогали,—пусть лучше крымцы под боком сидят. Поляки хвастали, что они чужого не желают! Неправда. Как все грешные люди, и они были не прочь, чтоб схватить то, что лежит плохо, что взять легко; а вот там, где трудно справиться—там дело иное; там можно похвалиться, что мы, дескать, народ смирный и справедливый: чужого не ищем! У польского шляхетства было много мелочной удали, но недоставало геройства на великие предприятия, плодоносные для будущих времен. Жившим в Великой и Малой Польше нередко дела не было до того, что Волынь или Подоль грабят татары. Жившим в украинских имениях все-таки было безопасно в своих замках, с толпою надворной команды, а бедному народу не было защиты, кроме своих собственных рук. Паны сами сознавали это, и потому терпели в Украине козаков, только приказывали им защищаться, а не нападать. А будто это возможно? Иметь право выгнать из своего дома врага и не иметь права заплатить ему визит—это не по человечески. Только слабые, развращенные общества способны на такую систему самосохранения,—так и поступала Византия во время своего упадка. Народ южно-русский был еще слишком свеж, молод, имел в избытке елементы деятельности: не в его тогдашней натуре было довольствоваться таким скупым правом защищать себя. Он следовал более человеческому правилу: когда меня заденут один раз, я задену десять! За то, что у нас сожгли одну деревню, мы сожжем целый край. Право, в этом политическом народном правиле более залогов гражданского общества, которые отрицает у козаков г. Соловьев, чем в том государственном строе, который кажется г. Соловьеву гораздо выше козацкого. Варварства козаков очень естественны в то время,—и какой же народ на войне тогда не отличался варварством? Разве лучше поступали великоруссы с поляками в 1654 и

1655 г.г.? А ведь г. Соловьев уж верно не назовет их неспособными к гражданственности.

Могло ли козачество образовать из себя государственное тело? На это можно ответить двояко: и не могло и могло. Не могло при таком стечении обстоятельств, какие сопровождали его историю; но способно ли оно было при других, или даже при тех, но с иным поворотом? На это отвечает Стефан Батори, сказавший, «из этих льотриков козаков может быть современем независимая Речь Посполитая». Верно, козаки были способны, когда такой умный человек считал их способными. А Стефан Батори лучше знал козаков, чем г. Соловьев.

Г. Соловьев думает, что козак убегал в степь оттого, что не хотел трудиться, хотел вовсе не работать. Да разве мало трудов и беспокойств претерпевали козаки в походах? Их привлекала добыча? Чтож? Это—законное, естественное побуждение, вознаграждение за труд, отплата за свое. Притом же не одна добыча служила для них приманкою. Их одушевляли чувства веры и народности. Эти чувства благородны и нравственны. По тогдашним понятиям воевать с неверными было дело святое. В человеке XIX века такое побуждение было бы признаком крайней ограниченности, но не так смотрели в XVI и XVII веках. Кто действует по убеждению, тот справедлив и достоин уважения. Для того, чтобы козаки сознали, что их походы не более, как варварство, нужно было перевоспитываться народу. А кто же мог внушить ему убеждения выше своего века? И кто занимался его воспитанием?

Смотреть на козаков, как на хищников, за восстания против Польши еще менее справедливо. Тут положительно невозможно отделить козаков от народа. Тут под именем козаков разуметь следует весь народ. Г. Соловьев справедливо замечает, что бежавшие из Украины в степь не думали там установлять нового общества: то не были выселения людей, разрознившихся в убеждениях с большинством; прибавим к этому: это были люди большинства, люди массы, недовольные насилиями со стороны меньшинства, бежавшие в степь для того, чтоб найти себе там точку опоры для действия и окрепнувши разлиться в массе народа и поднять ее на дело освобождения. Г. Соловьев говорит: «как бы ни было неудовлетворительно состояние того общества, из которого вышел козак, все же оно было гораздо выше образовавшегося в степи козацкого общества». В противность почтенному профессору позволим себе сказать: как бы ни было слабо сознание у этих людей для создания нового общества, все же оно было выше того порядка, который существовал тогда под влиянием польской аристократии. Даже еслиб у них не было вовсе елементов воссоздания, то все-таки и тем они были выше, что хотели разрушить то, что тогда существовало: хотели спасти отеческую веру, попираемую иезуитским коварством, самовластием Сигизмунда и необузданностию панов; хотели освободиться от панской юрисдикции, ужаснейшего права владельца—судить своих подданных и казнить их смертию, права, большею частию передаваемого подстаростам и евреям-арендаторам. Вот это-то стремление и выказалось восстаниями народа, носившими название козацких. Дело следует понимать не так, что козаки бунтовали и прикрывались народными интересами, и так: народ восставал против польских панов и шляхты, и противодействовавшая таким образом масса называлась козаками. Когда Потоцкий, усмиривши восстание 1637 г., после кумейковского побоища поехал на левый берег Днепра, он, по собственным словам его, до самого Нежина обозначал дорогу посаженными на кол мятежниками. Что ему говорили русские? «Когда тебе хочется усмирить козаков, говорили они,—вырежь всю Украину и на правой и на левой стороне Днепра». Так-то народ не отделял себя от козаков!

Чего же добивался этот народ?

На это дает ответ Богдан Хмельницкий следующими знаменитыми словами: «согрішить князь: уріж ему шію; согрішить козак—и ему теж зроби! Ото буде правда!» И по мнению г. Соловьева, общество, где так говорилось, ниже того, где существовала пословица: „chłopa na pal, panu nic, szlachcica na więżę" —хлопа на кол, пану за то ничего, а шляхтича на башню (под арест).

Неужели домогательство такого гражданского порядка, которое высказано Хмельницьким, говорившим тогда еще устами народа, значит желание жить на чужой счет, как полагает г. Соловьев? Народ хотел жить на чужой счет? На чей же счет мог хотеть жить целый народ? Не на счет ли польских панов, их надворных команд и жидов-арендаторов? А на чей же счет жила эта честная компания, утучнявшая себя потом, кровью и слезами малороссийского хлопа, игравшая для забавы его жизнию и честию и в добавок насиловавшая его душу. Г. Соловьев считает козаков хищниками и тунеядцами; но не более-ли заслуживают такого названия те, которые, проводя дни в бражничанье, сластолюбии и взаимных драках, от которых более всего терпел простой народ, вывели наконец из терпения этот народ. Один англичанин, посещавший Польшу в XVII веке, изумлялся не хищничеству и воровству русского народа, а удивительному терпению его: так видно хорошо показалось свежему человеку в атмосфере этого общества!—а его г. Соловьев предпочитает тому, которое хотели образовать козаки.

О КОЗАЧЕСТВЕ.*

Ответ «Виленскому Вестнику».

> Что вам притча сия на земли Израилеве глаголющим: отцы ядоша терпкое, а зубом чад их, оскомины быша... И речете: что яко не взя сын неправды отца своего, понеже сын правду и милость сотвори, вся законы моя соблюде и сотвори я, жизнию поживет. Душа же согрешающая та умрет: сын не возмет неправды отца своего, и отец не возмет неправды сына своего; правда праведного на нем будет, и беззаконие беззаконника на нем будет.
>
> Кн. прор. Иезек., гл. II, ст. 2, 20.

Статья, напечатанная в «Виленском Вестнике» на польском языке в №№ 34, 35 и 36 по поводу возражений на мнение г. Соловьева о козачестве, напечатанных мною в «Современнике» прошлого года, побуждает меня высказать несколько слов в свою защиту против несправедливых обвинений, какие мне там делаются. Критик г. Тадеуш Падалица обвиняет меня: 1) в неприязни к полякам, 2) в патриотическом пристрастии к козакам и даже в возведении их до апотеозы, 3) в непонимании фактов, и наконец 4) в попирании религиозных и нравственных истин.

Г. Падалица нападает не только на мое возражение против г. Соловьева, но не оставляет также «Богдана Хмельницкого», напечатанного мною прежде, и сказавши, что я как малорусс возвел в апотеозу козачество в упомянутом моем сочинении, критик впоследствии в той же статье выразился, что в прежних моих трудах я смотрел на поляков «из-подлобья». «Его исто-

---

* *Современник*, 1860, том 82, кн. 7, Современное Обозрение, стр. 75—92; *підп.: Н. Костомаров.*

рия Богдана Хмельницкого,—продолжает г. Падалица,—уже носит зародыш неудовольствия ко всему и очевидные следы грызения цепей. Не станем входить, природное или притворное это у него свойство, но тогда поразил нас ожесточенный инстинкт, готовый употребить кулак для убеждения, если бы кто-нибудь не убедился словами. Мы уже видели отчасти, что взгляд почтенного профессора не отличается расположением к нам».

Что до замечаний, касающихся собственно Хмельницкого, то этими голословными суждениями и ограничиваются все замечания. Потому я не могу входить с г. Падалицею в подробные об'яснения, не зная, на что именно он указывает в моем сочинении. Одно только, что носит признак попытки подтверждать мысли фактом—это следующие слова в той же статье: «г. Костомаров находил истинное наслаждение, давая услышать силу холопьего кулака на шляхетской спине и с особенным сочувствием злобной иронии рассказывал, как Хмельницкий принимал послов Речи-Посполитой в Переяславе, подчивая их водкой». Взгляд г. Падалицы на мое историческое сочинение я уже слышу не первый раз от поляков; он был высказываем очень часто и между прочим в заграничных польских периодических изданиях еще с большей резкостью и с большею несправедливостью. Точно также я имел много случаев слышать подобные отзывы словесно от г.г. поляков-патриотов. Такое всеобщее мнение могло-бы действительно меня смутить и заставить уверовать в собственное пристрастие к одной и недоброжелательство к другой стороне, выраженных если не в исторических данных (едва-ли кто-нибудь может убедить в несуществовании того, что существует), то по крайней мере в тоне рассказа; но совершенно противное удавалось мне слышать и читать (между прочим в статьях г.г. Максимовича и Зернина) от малороссиян и русских. Тогда как поляки обвиняют меня в недоброжелательстве к ним и в пристрастии к козакам, малороссияне и даже великоруссы недовольны моим пристрастием к полякам и недостаточным сочувствием к малороссиянам. Такое противоречие во взглядах утешает меня, показывая, что мне удалось неугодить патриотам ни той, ни другой стороны и даже озлобить против себя и тех и других. Тем более отрадно для меня, что люди, не вносящие патриотизма в науку, не обвиняли меня ни так, ни иначе. Патриотам малороссиянам хотелось бы, чтобы их старый козацкий гетман и его полковники были чем-то в роде греческих полубогов, благородными витязями, борцами за священное знамя веры и отечества, образцами для подражания; а враги их поляки были бы все наголо злодеи, тираны; первые должны быть из'яты от слабостей, пороков и недостатков века и времени, вторые—лишены всех добрых свойств человечества и природы... С другой стороны Поляки-патриоты хотели бы, чтобы все дурные стороны, какие являлись в жизни польского народа, стороны впрочем извиняемые веком, были замазаны, заглажены, а выставлены одни хорошие, да притом преувеличенные, и чтобы, прочитавши историю борьбы козаков с поляками, справедливость непременно оставалась на стороне последних. Очень рад, что ни те, ни другие не находят в моем сочинении чего им нужно.

Для польских патриотов вообще указать на что-нибудь темное в их прошедшей истории, значит смертельно оскорбить живущих. Они как будто думают, что когда мы пишем об их отечестве, то непременно оставляем подразумевать что-то другое между написанными строками. Они оскорбляются даже, если мы говорим об их предках без некоторого раболепства. Если-бы писатель, работающий над средневековой историей Франции, стал изображать варварства, какие производились в XIII веке над альбигойцами, трудно было-бы отыскать француза, которого национальное чувство оскорбилось бы этим и побудило-бы обвинять чужоземного писателя, будто-бы он смотрит из-подлобья на всех французов, не только давно умерших, но и на живых!

Не обидится француз и не сочтет оскорбителем своей национальности историка, который-бы в самых ярких чертах изобразил ужасы варфоломеевской ночи. Не примет за оскорбление своей народности итальянец описание всех подробностей развращения и злодеяний в Италии XVI и XVII веков. Отчего же поляк, теперь живущий, обижается, раздражается, когда осмеливаются исторгнуть из исторической могилы темные стороны прошедшего Польши в XVII веке? Не знаем; но не можем не пожалеть о таком неутешительном явлении. Видно даже, что эти господа не могут себе представить тех, против которых поднимаются, иначе как с предрассудками собственного патриотизма, подобными в своем роде тем, какие лелеют в груди некоторые поляки к своей стране.

Выражение г. Падалицы, будто-бы в моем сочинении я показываю оправдание употребления кулака, в случае невозможности уладить словами, более чем несправедливо,—оно оскорбительно. Я прошу г. Падалицу указать в моем сочинении «Богдан Хмельницкий» такие места, из которых он возымел о взгляде моем это мнение.

Обращаюсь собственно к статье моей, по поводу которой написано польское возражение. Г. Падалица изменяет точный смысл вопроса о поводах бегства козаков в степи. Мнение г. Соловьева о том, что козак был синоним разбойника, относит он к первым зачаткам козачества в конце XV (?) и в XVI веке, и то, что я говорил об увеличении массы козаков бегством народа от утеснения со стороны панов, не подходит у него ко времени. Но в самом деле у меня с г. Соловьевым речь идет вовсе не о XV и не XVI веке, а о XVII, именно о той эпохе, когда уже русский народ вступил в борьбу с Польшею и козачество сделалось выражением народного стремления к борьбе с польским строем. Вся статья г. Соловьева обнимает преимущественно события этой эпохи, а не прежних лет. Что до состояния козачества в XVI веке, ранее открытой борьбы его с Польшею, то едва ли г. Падалица (сколько можно судить по его статье) может представить в подробности тогдашние отношения козачества и способ его действий: о тогдашних временах вообще господствует глубокая тьма.

Во множестве памятников, хранящихся в Публичной Библиотеке, до сих пор не удалось нам найти почти ничего, что-бы об'ясняло внутреннюю и внешнюю историю козачества до унии. Только несколько эпизодических повествований у польских историков, да краткие и не вполне отчетливые известия у малороссийских—почти все, чем приходится ограничиваться. Было-ли козачество в эти более старые времена незначительно в сравнении с тем образом, в каком блеснуло во всемирной истории впоследствии, находилось-ли так сказать в зародыше, или же уже тогда оно представляло в себе развитое самостоятельное тело, это надлежит еще подвергнуть старательному историческому исследованию. Достоверно лишь то, что смутная эпоха самозванцев потрясла в России все основания прежнего порядка и более всего способствовала усилению козацкой стихии. Но как-бы то ни было, с чего г. Падалица взял, будто я показываю аристократическую претензию «устроения генеалогического древа, защищая одно из самых демократических обществ, какие когда-либо существовали»? Откуда берет он, что я хочу дать «легитимацию» козачеству, что я как будто хочу во что бы то ни стало доказать, что напрасно упрекают козаков в том, будто они составились из разбойнических шаек? Дело шло вовсе не о первоначальном происхождении козаков, а о составе их, о характере и значении в народной жизни в XVII веке, когда они вступили на историческое поприще в связи с народом. Напрасно г. Падалица думает, что мы имеем те-же предрассудки генеалогии, какие существуют у поляков. Мы вовсе не стыдимся ни Павлюков, ни Наливаек, ни Кармелюков, ни Тараненок: напротив, если эти люди являлись в дикой варварской

форме—все-таки то были люди, проявлявшие собою (хотя неудачно) выражение того, что было затаено в народном сердце—нет, мы не стыдимся безусловно этих людей, в каком-бы ужасном виде они не представлялись. История нам показывает, что вор, разбойник, бродяга, заклейменные презрением, нередко сделались такими именно потому, что не могли ужиться в чадном душегубительном воздухе, исполненном господства произвола, и наконец, не зная исхода и не воспитавши в себе понятий, отличных от тех, среди которых взросли, являются не с иным чем, как с тем же, от чего убегали, только в иной сфере, с другою обстановкою. Бесчеловечный предводитель малороссийских гайдамак в сущности то-же, что польско-русский пан, которого канчуки довели мужиков до гайдамачества. Новые пути в обществе пролагаются не скоро, и чаще всего те, которые убегают из общества, становятся во враждебное к нему положение, или ограничиваются одной деятельностью в отрицательной сфере, или идут по прежней дороге и подчиняются тем же предрассудкам, которые заставили их враждовать с обществом. Но в сущности ни в первом, ни во втором случае они не только не хуже тех, против которых в начале об'явили войну, но еще лучше, особенно до тех пор, пока не показывают попыток облекать своих действий в законные формы. Произвол пана вызвал произвол гайдамака. Но произвол пана говорил, что он вовсе не произвол; он называл себя правом, иногда даже божественным, тогда как произвол гайдамака, по крайней мере в начале не прибегал к этому лицемерству, признавая себя произволом, сознавал, что достоин виселицы, топора или кола. Для нравственного чувства порок отвратительнее под личиною добродетели, чем в своем обнаженном виде. Произвол легализированный вызывает произвол беззаконный, стремящийся ниспровергнуть первый. Но пусть не подумает г. Падалица, что мы разумеем здесь одну польскую историю и польских панов. Отчего-бы, по какой-бы причине люди ни вырывались из общества, часто в этом расхождении с обычным ходом жизни лежит зародыш стремления к чему-то лучшему. Этому доказательством может служить то, что и теперь нередко тяжкие преступники, крупные воры, хитрые мошенники, жестокие разбойники бывают люди с дарованиями. Посредственность довольствуется существующим, но то, что одарено высшими силами, ищет перемены новой жизни. Разбойник часто бывает человек гораздо высшей натуры, чем мирный гражданин, спокойно поядающий плоды своих честных трудов; та же натура, которая при известных общественных условиях явилась разбойником,—при ином, более счастливом строе общества является руководителем общественной жизни в той или другой сфере. Еще Божественный Искупитель научил нас разделять порок от порочного, убегать поступка, но судить снисходительно и более сожалеть, чем ненавидеть того, кто совершает такой поступок. Поэтому нельзя ставить пятном народу или обществу происхождение его от разбойничьей шайки, да и вообще, разве можно ставить народу или обществу в вину какое-нибудь происхождение? Если г. Падалице показалось, будто я стараюсь доказать более честное происхождение козаков, то он ошибается так же точно, как он ошибается, будто бы я имел какой-бы то ни было патриотический повод представлять козаков в лучшем свете, а не в том, в каком рисовать их побуждают поляков патриотические наклонности.

Г. Падалица говорит: «не понимаем, зачем г. Костомаров хочет прикрыть козачество такою легитимациею? Он мог лучше поступить, припомнивши для параллели начало римлян и перестать краснеть за себя». Никто, г. Падалица, не думает легитимировать и еще менее возводить к генеалогическому древу, как вы выражаетесь, козачества. Как и откуда-бы ни явилось козачество в начале, взгляд на его значение в XVII веке не зависит от этого. Но г. Падалица не прав, касаясь некстати и образования козачества; охота раз-

бойничать, свойственная неустроенным или потрясенным обществам, может быть и входила в побуждение к образованию козачества, но естественно не могла быть единственною его причиной, потому что разбойничество бывает в жизни народной явлением только временным, случайным, явлением преходящей необходимости, а не каким либо продолжительным качеством. Г. Падалица забывает, что существование воинственного общества на юго-восточных пределах Речи-Посполитой возникало необходимо от соседства с татарами; гражданственность первой должна же была быть охранена от последних.

Приведя ошибочное мнение Бантыш-Каменского, относящееся только к одним запорожцам, г. Падалица говорит: «и когда существовали такие понятия в козачестве, то можно ли утверждать, что козаки выражали собой лучшую часть народонаселения?» Бантыш-Каменский, имеющий свои заслуги в истории, как первый, показавший на свет деяния Малороссии, вовсе не такой авторитет, чтобы, приведя из него место, говорить, что такое мнение существовало и вообще всеми принималось за истину. Да если-бы оно и признавалось за истину, то и тогда не уничтожает возможности обличать недостатки его. Неужели то, что Бантыш-Каменского «нельзя заподозрить в приязни к полякам», дает его суждениям о козачестве полную веру? Неужели достоинство той или другой стороны в истории козачества должно измеряться расположением или нерасположением историка к полякам?

Пора бы, право пора расстаться с предрассудками, понуждающими поляков видеть во всяком историческом представлении времен прошедших непосредственное отношение к настоящему. Нет ничего неуместнее, как употребление слов... *мы, наше, нас, у нас,* когда дело идет о временах отдаленных от нашего времени на два или на три века. Это своего рода донкихотство, как и всякое другое, приводит к самым ребяческим воззрениям. Как преимущественно аристократический народ, поляки с трудом могут освободиться в своих исторических суждениях от аристократического образа мыслей; для них все, что касается предков, касается их самих; прошедшее живет с настоящим: для нас, русских, это не только неуместно, но даже смешно. Нам более, чем им, понятно, что преступление не только прапрадедов, но и родных отцев не кладет пятна на правнуков и даже на детей. У нас слово *мы* относиться может только к настоящему; что было—то былью поросло, мертвые никак не *мы,* и поэтому сколько угодно и как угодно говорите о них—это все до нас не касается; они за то и отвечали бы, да отвечать уж некому, а нам за них отвечать чего ради? Можно судить о них хладнокровно. Хороши-ли они были—нам от этого не легче. Дурны-ли,—это не кладет стыда на нас, лишь бы нас в дурном нами самими совершенном не уличили. В этом отношении у малороссиян есть еще тень предрассудков, оставшаяся от времени соединения с Польшею, тень исторического суеверия, еще не вполне разогнанная светом практического смысла, и это-то историческое суеверие побуждало некоторых негодовать, когда с героев козатчины снимали апотеозу. Г. Падалица, называя козаков «демократическим обществом, какое когда-либо существовало», замечает, что поляки однако имели на него влияние и «uszlachetnili» его; эта мысль его справедлива, это ушляхетнение и было причиной, что козацкое общество не могло дать дозреть в себе тем завязям, которые обещали было такой богатый урожай; с другой стороны народное чувство не допустило созреть и этому ушляхетнению. Народные массы действуют инстинктивно; зато редко ошибаются, когда дело коснется до их судьбы. Иногда то, что может показаться плодом невежества, предрассудков, что может мыслителя, мало вникающего в глубину вещей, побуждать к негодованию,—к сожалению бывает следствием вполне разумного народного чувства и того прямого здравого ума, который без силлогизмов, без продолжи-

тельной умственной работы видит предметы ясно и идет к истинной цели, минуя всякие окольные пути. Вот в истории являются люди, стоящие по понятиям выше своего народа, люди, повидимому искренно желающие добра своим соотечественникам, люди, обещающие им в будущем благополучие, свободу, довольство, силу—люди, готовые отдать жизнь на служение своему народу—и этот народ топчет их, обвиняет в эгоизме, считает их врагами своими, воздает им злом за добро, поруганиями за уважение, погибелью за желание спасения. Вникните поглубже, и вы увидите, что масса не так неправа, как кажется: масса сразу чувствует и уразумевает, что эти непризванные благодетели готовят ей то, чего она не хочет, и что для ней будет впоследствии злом. В истории южной Руси попадается такая страница, подобных которой можно насчитать много и в истории каждого народа. По смерти Богдана Хмельницкого кружок значных людей, кружок, возвышавшийся над массою образованностию и разумными понятиями о гражданственности, составил проэкт организования козацкой Украины в образе республики, федеративно соединенной с польскою короною и великим литовским княжеством; заключен знаменитый гадячский договор. Читая его, вы найдете в статьях его так много хорошего, так много обличающего светлый ум и широту взгляда составителей, что станете невольно сожалеть: зачем это не состоялось? Зачем народ одних из этих благодетелей своих прогнал, других перебил? Зачем народ не понял всего нравственного достоинства независимости, гражданской свободы и просвещения, обещаемых этим договором? Как не соболезновать о невежестве массы, помещавшем исполниться таким благим намерениям? Как не пожалеть о судьбе людей, столь ужасно расплатившихся за превосходство своих понятий и своего образования? А между тем, присмотревшись к делу поближе, найдете, что народ не совсем неправ, и в своем невежестве масса видела дело яснее, чем этот образованный кружок ее руководителей. Масса поняла по инстинкту, что с осуществлением благих намерений своих передовых людей она останется в тяжком проигрыше, точно так, как осталась в проигрыше после присоединения к Польше, когда выиграли безмерно из нее те, которые образовали высшее сословие. Масса не обольщается внешними признаками свободы и предпочитает незначительное облегчение своей судьбы обширным обещаниям, которые в самом деле чем приманчивее для человеческих желаний, тем меньший круг людей удовлетворяют—насчет большинства. Масса поняла, что гадячский договор заведет ее в теснейшие оковы, что даруя свободные права в таком об'еме, в каком они по самому существу своему могут простираться единственно на избранных судьбою, и следовательно способствовать образованию и укреплению привиллегий высшего класса, постановления этого договора не только возвратят народ к прежнему рабству, от которого он недавно освободился с таким кровопролитием, но еще приведут его к более безвыходному состоянию, по известному изречению: и будут последние горше первых. Каково ни будет грядущее состояние народа под властию московскою, народ все клонился к ней, пренебрегал всеми признаками, которые выставлялись ему передовыми людьми; он надеялся, что во всяком случае судьба его будет лучше того, что ожидало бы его при вожделенном развитии свободы, обещаемой гадячским договором. В Московии видел народ орудием своего ограждения власть, которая необходимо должна была представляться в народном воображении апотеозою справедливости, тем более, что будучи властию единою, представлялась в противоречии с властию многих, слишком испытанною этим народом. Народ скорее перенесет капризную тираннию Ивана Грозного, считая ее напущением Божиим, и покорится суровой рассчетливости державного нововодителя, и свыкнется с новизною, чуждою его дедам, зная, что все, что ему не по нраву, исходит от верховной власти, которая в свою очередь истекает непосредственно от Бога; народ не

входит в доказательство причин своих бедствий: так Богу угодно, так видно на свете устроено—этих ответов достаточно для успокоения совести. Как-бы ни страдал человек массы от близких к нему лиц, облеченных властию, но для него то утешение, что есть где-то далеко на земле существо, которое печется о всех, подобно творцу небесному, которое хотя может не знать всех злоупотреблений, какие дозволяют себе его подчиненные, но если бы увидало, то оказало бы справедливость обиженной стороне. Напротив, в такой стране как Польша, где одна небольшая часть народонаселения пользуется правами в об'еме, превышающем круг, необходимый для общественной связи, а другая наибольшая порабощена первой, там в голове человека массы, простолюдина, не могло образоваться такого успокоительного ответа, приписывающего несчастия свои той высшей воле, которая по своему превосходству над ним и неизвестности для него не подлежит ни чьему рассмотрению и обязывает терпеть в безмолвии, благословлять за посылаемое горе и считать спасительным для себя то, что кажется с виду погубляющим. Царь московский был един; панов польских было много; царь был далеко—паны в глазах народа; жизнь царя для народа являлась в благодатном светлом тумане; в жизни пана выказывалась идея силы во всем ее противоречии с образом жизни массы. При самом начале восстания Хмельницкого, народ искал опоры против панов в польском короле и не нашел ее в нем; мудрено-ли, что он находил в царе московском то, чего искал прежде и не нашел в короле польском, мудрено-ли, что он был доволен этим? Элементы, какие нашел он в московском мире, удовлетворяли его более польских, под влиянием которых ему было душно, и которые, по выражению г.г. современных поляков, его uszlachetniali.

Нам указывают на то, что польскими учреждениями дорожили малороссияне. Но кто ими дорожил? Народная масса? Совсем нет. Ими дорожили те из народа, для которых было приманчиво и выгодно образование привилегированного сословия, когда они сами думали в нем уместиться. Г. Падалица говорит: «для чего г. Костомаров не хочет видеть того, что ни Хмельницкий и ни кто другой после него не желали ничего сверх того, что им предоставили права и привиллегии? Их восстание не имело целью насильственного домогательства новой свободы, но исполнение того, что им дано. Брань была не за приобретение нового, а за утрату старого». Нет,—отвечу я г. Падалице, я и хочу это видеть и вижу; но дело в том, что и Хмельницкий и другие после него носили в себе следы этого благородного «uszlachetnenia», о котором нам возвещают г.г. поляки в похвалу своим прдкам, а по тому самому расходились с требованиями массы. В козацкое сословие вообще внедрялся этот элемент «uszlachetnenia», между козаками являлись люди, которых соблазняло завидное положение польского шляхтича: они хотели самое козачество превратить в шляхетство, в привиллегированный класс, возвышенный особыми правами над остальной массою, и вместе с тем поработить себе эту массу. Но сочувствовал ли этому народ и мог ли он этому сочувствовать? Нигде так резко не высказывалось с одной стороны это «uszlachetnenie», с другой—вся ненависть против него народной массы, как в обстоятельствах, предшествовавших Черной Раде и сопровождавших эту народную трагедию, это самое поучительное явление в истории Южной Руси. С одной стороны, партия значных продолжает дело Зборовского договора, дело Виговского, «uszlachetnenie» Малороссии; с другой—хитрые честолюбцы отгадали народные желания и воспользовались ими для своего личного торжества. Нужно-ли подробно толковать, чего хочет этот народ? Нет, лучше скажем, чего он не хочет; он не хочет—«uszlachetnenia», прав одних над другими, обогащения немногих, не хочет, чтобы «кармазинник, значный» с высока смотрел на бедного наймыта в «сиряке» и в «лычаках»; он не хочет, чтобы его собрат был избавлен от побоев, в то время, когда бьют других; лучше пусть, если

бьют людей, то всех равно бьют; он не хочет, чтобы один себе позволял то, что запрещается другому; не хочет, чтобы один освобождался от произвола, а другой подлегал ему; пусть лучше все равно подлегают. Он ненавидит закон, ибо этот закон составлен немногими в ущерб многих; нет, пусть лучше будет безграничная воля одного над всеми,—и вот этот народ с таким отвращением к «uszlachetnieniu» добродушно обольщается коварными обещаниями Бруховецкого, который прикрывает свои эгоистические замыслы с одной стороны угождением народному чувству, с другой, притворною преданностию царю. Голос боярина именем царя решает дело, ибо народ в образе царя сознает ту высочайшую правду, которая, будучи отражением на земле высшей небесной правды, подводит всех под один уровень. Мысль, что пред царем все равны—нравится народу. Боярин, воевода, дьяк, подьячий могут наложить на народ тяжелые руки, но эти руки для него все легче шляхетских; утешительно по крайней мере сознавать, что есть на земле другая, высшая рука, которая тоже может налечь и на них; есть владыка и судия, пред которым привиллегированное лицо также ничтожно, как пред этим лицом последний посполитый. Народ имеет право спросить воеводу, дьяка, всякого царского человека—кем ему дано такое право над ними, и тот отвечает: царем. Он не сам собой действует, следовательно он в сущности то-же, что и простолюдин; царь может и этого последнего восставить от гноища, а первого обратить в прах, слабого восставить, сильного потоптать. Напротив, что скажет простолюдину шляхтич, пан, если у него спросят отчета, на что он укажет? На право, закон, на обычай; но что это другими словами, как не облечение в легальную форму произвола того самого, кто порабощает народ? Этот народ видит в шляхтиче, в пане человека себе подобного, и который хочет быть выше других и давить других. Разумеется это оскорбительно. Пусть-бы еще в старину до революции при прежних панах, тогда по крайней мере производило магическое действие, хоть до некоторой степени, слово древность. После того, как холоп решился поднять на эту древность свою новообтесанную дубину—каким священным атрибутом, в глазах толпы, мог украсить козак свои претензии стать по среди народной массы в роли польского шляхтича? А между тем эту претензию имели Хмельницкий, Выговский, Дорошенко и Мазепа—и всем им народ не сочувствовал, как только проявлялось это желание. Хмельницкий более других склонялся то на ту, то на другую сторону: Хмельницкий нередко являлся народным человеком, и потому народная память простила ему, забыла многое, чего не забудет история; за то не забыла других эта народная память и сопровождает имена их эпитетами изменников в песнях и преданиях.

Эпоха Мазепы была последним движением в пользу этого «uszlachetnenia», которое даровала Южной Руси Польша. А как принял его народ? Был-ли Мазепа хуже других? Достоин-ли он в самом деле более позорной памяти чем другие? Не думаем, если судить его намерения. Заклейменное проклятием в свое время, это несчастное историческое лицо невольно возбуждает к себе историческое сострадание, если можно так выразиться. Дитя «uszlachetnenia», воспитанник польской образованности, старик этот не мог иначе вообразить себе в грядущем благоденствия свого отечества, как в форме, приблизительной к гадячскому договору. А между тем в отношении Малороссии он действовал искренно, по своему. Он хотел независимости и свободы своего отечества. Он виноват тем, что не понимал, что украинский народ вовсе не нуждается ни в независимости ни даже в свободе—равноправности и правды искал он, а не свободы—ибо свобода в то время иначе не понималась и понимаема быть не могла, как только в смысле права одних пользоваться тем, чем не могут другие. Идея той правды для всех, которой желал народ—являлась для народа все еще не иначе, как в образе царя, святом образе царя, судии,

владыки, воздаятеля доблестным. Идеал народа, неясный в подробностях, олицетворялся, в его воображении, монархиею российскою; вот почему народ массою пошел за Петром, вот почему он терпеливо сносил все то, что налегало на него впоследствии. Худо бывало, а все-таки хуже, гораздо хуже, казалось ему «uszlachetnenie». Конисский в своей приторной и фальшивой истории, с трудом скрывая тайное доброжелательство к замыслу Мазепы, уподобляет тогдашних малороссиян диким американцам, за то, что будто-бы они ополчились на пришедших к ним на помочь шведов, соблазняясь тем, что они ели в середу и пятницу скоромное! Какая ложь! Ведь не соблазнялись же козаки общением с татарами и турками? Нет; не середы и пятницы вооружили против шведов народную массу, а сознание, что Мазепа, шляхтич душею, не доставит Малороссии ничего, кроме ненавистного для нее панства на польский образец, от которого она освободилась с таким кровопролитием.

Последние минуты Мазепы выказывают его душу и очень трогательны и поучительны. Сжигая свои бумаги, он говорил: «пусть я один буду несчастлив, а не те, о которых враги мои не знали и не подозревали; я хотел устроить счастие моему отечеству, но судьба судила иначе на неведомый конец!» В эти минуты, когда человек самый лживый говорит правду, сказанное Мазепою смывает с него, до известной степени ругательства, которыми заклеймили его современники. Старик, заботясь о спасении своих единоплеменников, сознает с одной стороны чистоту своего намерения, с другой—суету его, несбыточность, сознает, что его отечеству суждено другое что-то! Не то, чего мог он ожидать близорукими глазами: нет... *неведомое!*

Как много и правды и поэзии в этих незабвенных словах последнего из деятелей бурной южно-русской истории XVII века, этой кровавой гетманщины, этого периода стремления к образованию на юго-западе России независимого государства с польскими началами политического и гражданского строя, стремления, которому осуществиться помешало не только столкновение неблагоприятных политических обстоятельств, но еще более совершенное нежелание массы народной! Что касается до личности самого Мазепы, то она еще ожидает беспристрастной истории, которая-бы изобразила его, не подчиняясь отнюдь влиянию взгляда, извинительного в первой половине XVIII-го века, но неуместного теперь, когда споры порешены, все улеглось, все прошло, былью поросло, и настала пора ввести давно забытые события в колею действительности.

Все это я привел здесь, чтобы представить г. Падалице, что масса южнорусского народа не получила благодеяний от Польши, за которые требуют от нас благодарности поляки за наших предков. В опровержение моего мнения, г. Падалица может указать мне на те следы образованности, которые проявились в XVII веке в киевской академии, и при посредстве малороссиян вошли в общее русское образование. Здесь взгляд его будет на своей стороне иметь долю истины, но не следует забывать, что у нас идет речь о массе народа, оставшейся за пределами влияния этого образования.

Г. Падалица говорит: «желательно, чтобы исторические писатели смотрели на историю нашу с высшей точки зрения. Хищения и негодования за частные злоупотребления давно уже утроили расчет между экономом и хлопом. Раздувать ту самую кучу угольев, которую время покрыло пеплом—значит протягивать в бесконечность племенные ненависти и держать в напряжении побуждения черни, которые бы привели ее, в эпоху разнузданности, до тех же поступков, как в былое время. Это не призвание историка, которого священная обязанность есть давать беспристрастный суд и называть вещи их настоящими именами. Пусть г. Костомаров захочет только оставить похвальбу и досадливость, и убедится, что учреждения Речи Посполитой, эти основы каждого политического тела, никогда не заграждали Украине дороги

к развитию народной жизни, были благородны и мудры, а их портило только приложение к делу». Не спорю против благородности и мудрости польских учреждений,—пусть они будут не только мудры, но хоть премудры; но то несомненно, что народ в Украине их не желал и противился всяким попыткам строить на них общественное здание. Г. Падалица ошибается, обвиняя меня в том, будто я раздуваю угольев, давно покрытые пеплом, одним словом, тогдашнюю народную ненависть. Что же делать с историею? Где же правду деть? Шила в мешке не утаишь. Г. Падалица, написавши в трех нумерах «Виленского Вестника» возражение, не опровергает однако фактически того, что я говорил, а сводит речь на происхождение козаков, о чем я не толковал с г. Соловьевым, соглашается со мною в значении, какое имели козаки для народа по симпатии к ним народных масс, соглашается в том, что козаки, при других, как я сказал, обстоятельствах, были способны и к организации государства, и в том, что приведенные мною слова Хмельницкого: согрішить князь, уріжь ему шію; согрішить козак—і ему тежь зроби, ото буде правда,—превосходно выражают идею справедливости, тогда как приведенная мною же польская пословица: chłopa na pal, panu nic, szlachcica na wężę изображает неравенство сословий перед лицем закона; признает справедливость того, что народ терпел от своевольства оффициалистов и урядников (а не шляхты? Боже сохрани!), признает, что в Польше господствовала полная необузданность и безуправность. В чем же опровержение? За что же нападает на меня г. Падалица? Ему хочется доказать, что виною были злоупотребления, а не права (хотя на это у нас тоже есть в запасе пословица, говорящая, что польские права походят на паутину: овод пробьется сквозь них, а муха пропадет, bąk się przebije, a mucha ginie, что, напротив, польские права и учреждения были превосходны. Что же? поздравляем с этим и г. Падалицу и всех польских патриотов. Для них же лучше. Да нам-то что до этого! Да и нашей истории с этим нечего делать! Пусть себе эти права и учреждения будут мудрее всех прав и мире, довольно с нас того, что сам г. Падалица, признавая их мудрость и благородство, сознает, что исполнение их никуда не годилось. Вот ни дать ни взять наши московские славянофилы с старою московскою Русью (которую они хотят навязать в идеал всем славянам, как польские патриоты нам свои права): у них всему оправдание: и воеводскому кормлению, и домостроевой плетке, и чему угодно; и действительно, стоит рассматривать явления с их идеальной стороны, задать себе вопрос, как это явление быть должно—тотчас и придешь к светлой стороне. Да что нам в этой светлой стороне? Историку дело не в том, чем такое то учреждение, такое то устройство было бы, в том, что оно в самом деле было. Вот современному юристу с современными учреждениями иное дело; он может отличать злоупотребление учреждения от его идеи, он может и должен указать, что такое то учреждение, такой то закон сами по себе хороши и могут принести хорошие плоды, если бы не препятствовало то и другое, и потому необходимо отстранить, искоренить то и другое. Но такое учреждение, которое давно отжило свое время—для чего историку отделять его идею от исполнения? Тут злоупотребления могут быть фактом. Если закон был хорош, да не исполнялся—на что нам его светлые стороны и почему могу сказать я, что он хорош? Хорошо то, что практически хорошо—что сознавалось хорошим, чем дорожили современники, то исторически было хорошо. Конечно учреждения шляхетские хороши были для шляхты и она ими дорожила, но вовсе не хороши были для массы, которая, как всегда бывает, под угнетением привиллегированных сословий, страдает от того, что было хорошо для первых. Что из того, если мы будем указывать на факты—г.г. поляки будут соглашаться, а сами станут только пояснять, что это злоупотребления? Хорошо: пусть и злоупотребления, но если они были очень часты, а с этим

соглашается сам г. Падалица—то от этого легче-ли было тому народу, который от них терпел? Это напоминает медика, который об'ясняет причины смерти умершего, утешая его домашних тем, что у покойника была такая и такая болезнь, и что смерть произошла оттого-то, как будто домашним легче оттого, что врач об'яснит происхождение болезни, которую уже нельзя вылечить! Ведь уже двести лет прошло, как нет ни тех поляков, ни тех козаков, о которых идет речь!

Далее г. Падалица говорит: «зачем г. Костомаров не вспомнит известного ему ответа короля Владислава, данного козацким послам на жалобы, принесенные пред его трон: вы носите сабли и можете достать себе права. В признании справедливости этого дела лежит и основание справедливости в отношении Руси».—Этот ответ (если только он был в самом деле) говорит вовсе не в пользу справедливости поляков в отношении Руси. Этот ответ показывает, напротив, с одной стороны совершенное разложение общественного порядка в Польше и высшую степень несправедливости, какую терпели те, которые жаловались; с другой—неспособность, двоедушие и коварство короля, посягавшего на спокойствие края, избравшего его правителем; в благодарность этот правитель подущает одних граждан против других и устраивает междоусобную войну!

«За то, продолжает г. Падалица, что куралёсил эконом на хуторе, а пан давал ему поблажку, справедливо-ли взваливать вину на народ и закон? Не все-ли это равно, что приписывать влиянию варварского права кроткое управление какого-нибудь деспота? Костомаров дополняет реестр оскорблений; он у него длиннее, чем тот, который был подан Хмельницким королю!»

Выражение взваливать вину (zwaliać winę) в том значении, в каком принимает его г. Падалица, вовсе неуместно в истории. Я никогда не думал взваливать вины ни на кого, кроме века, известного развития понятий и стечения обстоятельств. Вопрос в том, терпел-ли народ от панов и шляхты. Терпел, очевидно терпел, и даже был выведен из терпения: а это одно показывает, что терпел много и сильно!

Но в этом невинен целый народ польский? Что значит невинен? Не участвовал? Конечно, не участвовали те, которые поставлены были в невозможность участвовать. В этом невинно польское право? Опять таки, что значит невинно? Истекли-ли из польского права эти угнетения? Конечно истекли, потому что по праву польскому владелец имел в своем имении юрисдикцию, следовательно право предоставляло ему широкое поле произвола. Г. Падалица лучше-бы потрудился привести нам то, что сделано было для простого народа, для хлопов в их ограждение, а потом показал-бы, как это исполнялось. Вот этим-бы он мог вразумить нас на счет высоких достоинств своих предков. А ссылаться на право и выхвалять его без фактов—ведь это слова и более ничего! Неоднократно слышал я от многих поляков подобные намеки на превосходные качества их права, неоднократно уверяли они, что угнетение простонародия если и было, то не на основании польского права, и по этому поводу неоднократно перебирал я «Volumina Legum». Я усерднейше прошу г. Падалицу показать (не мне, а всем нам, русским) такие постановления, которые охраняли хлопа от произвола пана, и вместе с тем показать, что всякие утеснения, будучи злоупотреблениями, могут считаться исключительными явлениями. Пока этого не сделают поляки, все их апологии будут бесплодны: мы будем против них выставлять исторические факты, а они будут отражать нас фразами! Но если бы они и доказали, что их права были превосходны и утешительны для народа, то остались не опровержимые громады частных случаев, показывающих горькое его положение, и их доказательства все-таки мало-бы принесли им пользы. Положим, что мы-бы тогда не обвиняли права польские; факт от этого не перестал-бы оставаться тем же, чем прежде был;

так точно и в сравнении, приведенном г. Падалицею—противоречие варварских законов с правлением кроткого деспота не заслонило бы факта народного сознания о счастливом времени, проведенном под властью этого деспота.

Укор, делаемый мне г. Падалицею в том, что у меня реестр оскорблений полнее чем у Хмельницкого, наивен. Г. Падалица не сказал своего мнения об этом реестре, справедлив-ли он или ложен; если справедлив, то я не подлежу за то укору.

Г.г. полякам патриотам очень не нравится, когда мы открываем дурные стороны в их прежней истории; им кажется, как будто-бы это делается в намерении досадить живым. Вот исходный пункт этого неблаговоления к осмеливающимся заниматься русскою историею в соприкосновении с Польшею. Сознаемся с полною откровенностию, что и нашей стороны здесь есть поводы; были у нас писатели, работавшие над прошедшим с намеком на настоящее; но г.г. поляки должны же отличать от них тех, которые в прошедшем не видят ничего, кроме прошедшего. Смею уверить г. Падалицу, что ни в прежнем своем сочинении «Богдан Хмельницкий», ни в возражении г. Соловьеву я не думал и теперь не думаю о живых поляках. Едва ли справедливо, чтобы мы, по словам г. Падалицы, «будучи тесно связаны прежнею солидарностию доблестей и заблуждений, теперь должны быть связаны и солидарностию покаяния». Не в чем нам каяться перед поляками и полякам перед нами (под словом *нам* я разумею круг людей одних нравственных убеждений). Что делали наши предки—нам то что до них? Можем хладнокровно и беспристрастно описывать их историю, можем даже иногда наклониться сердцем к тому или другому прошедшему явлению, по свойственной человеческой натуре невозможности сохранить полнейшую об'ективность воззрения, но не станем отнюдь переносить на живых то, что может относиться исключительно к мертвым. Живой о живом пусть живое и думает!

Мертвый—мирно в гробе спи,
Жизнью пользуйся живущий!

1 июня, 1860 г.

ОТВЕТ Г. ПАДАЛИЦЕ. *

Bròdne, brzydkie i pijane—czysto jak nędzarze,
W poszarpanych siermięgach ledvie włoczą ducha,
Lecz sami sobie winni, to Bożia ich karze
Że chłopstwo papy nie słucha.
(Lalka. Gawędy Wł. Syrokomli, stron. 142).

По поводу статьи моей «О козачестве», напечатанной в июньской книжке «Современника» нынешнего года в ответ г. Падалице, противник мой напечатал в «Виленском Вестнике» новое мне возражение. Несогласие между нами происходит от того, что г. Падалица смотрит на события прошедших веков с точки юридической, тогда как мы предпочитаем оставаться на точке исторического взгляда. Г. Падалица, исследуя события борьбы поляков с козаками, задает себе вопрос: кто прав, кто виноват,—и решает его, как подсказывают ему его убеждения и его симпатии, тогда как для нас самого этого вопроса не существует. С точки исторической мы не признаем абсолютной правды. Для каждого в свой век была своя правда и неправда, в одно и то-же время для одного то было правдою, что для другого неправдою, если только

* *Современник*, 1860, т. 84, стр. 373—382; *підп.: Н. Костомаров.*

один и другой искренно следовали убеждениям, которые управляли их мыслью и сердцем. Толковать о том, кто прав, кто не прав: поляки или козаки—не дело исторического размышления. Еслиб воскресить тех и других, то обе стороны представили бы достаточный запас оправданий для себя и обвинений для соперников. Дело истории не отыскивать справедливости в протекших спорах, а показать те убеждения, под влиянием которых спорные стороны соперничали, найти связь событий между собою, их причины и обстоятельства, способствовавшие тем положениям, в каких дела устанавливались. Г. Падалица ошибается, думая, будто бы я выставляю стремления и понятия, которые, по моему крайнему разумению, были народными, для того, что сам им сочувствую и разделяю их, что я умышленно желаю стоять на стороне козаков.

Держась чисто исторического взгляда и встречая несомненный факт, что простой народ Руси в XVII веке поднялся огромным пластом против польских панов, мы не станем доискиваться, прав или виноват весь народ; по нашему, такой вопрос—лишний; но также точно странно задавать себе вопрос: правы-ли были паны, когда защищали свои интересы, которых хотели их лишить. А потому, предоставляя польским панам быть правыми с точки зрения г. Падалицы, лучше рассмотрим поводы к восстанию против них.

Г. Падалица уверяет меня, что я плохо читал Volumina Legum, когда не нашел в них никакого права, покровительствующего простонародию. Не этого я не находил в Volumina Legum; я не нашел там постановлений, которые охраняли-бы хлопа от произвола его пана, а не таких, которые-бы ограждали его, как гражданское лицо. Г. Падалица дает моим словам превратный смысл, и приводит следующие места из Volumina Legum:

1327 г. Vol. Leg. 1. 9. 29. . 40.
1422 „ „ „ 1. 28.
1320 „ „ „ 1. 296.
1376 „ „ „ 11. 943.
1578 „ „ „ 11. 982 и т. д.

Статута литовского второго издания весь раздел XII-й, статуты мазовецкие, продолж. 403.

Несмотря на значительное количество выписанных статей, бедность человеколюбия польского права видна с первого раза уже в том, что защитник их премудрости, говоря о делах XVII в., должен ссылаться на вислицкий устав Казимира Великого,—законодательство, от которого до времени восстания прошло чуть не триста лет. Да ведь г. Падалица знает, что кошицкий договор, привиллегия Ягелла и в особенности Казимира Ягеллоновича даровали дворянству широкие размеры преимуществ, которые должны были изменить во многом дух общественного строя. Но и в самом вислицком уставе ограждение хлопов является в незначительном размере. В статье на стр. 29 мы видим, что хлопы не смели уйти из села от своего господина, кроме одного или двух числом, и то не без господского дозволения (praeter domini illius villae, in quo degunt, voluntatem). Вот право крестьянское. Исключение в пользу крестьянина является тогда, когда господин будет насиловать дочь или жену его. Есть еще и другие случаи, но они не идут к нашему вопросу, ибо тут нет никакого ограждения крестьянам от произвола своего владельца, если позволяется им уходить тогда, когда за вину пана будут грабить их имущества (si pro excessu seu culpa haeredis ibidem villani bonis iporum depraedantur). На стр. 49 об'яснение того же с прибавкою, скорее затруднительною, чем облегчительною для крестьян—именно, что, не доказавши вины господина над крестьянскою женщиною, они не смели уходить от

его. На стр. 9 говорится об обязанностях чиновников — судей не делать насилий крестьянам, когда приходилось отвечать их господину за свою вину пред судом. Тут нет никакого ограждения крестьян от владельца. Под 1422 г. мы не находим 28 страницы, указанной г. Падалицею, и потому не можем ни соглашаться с г. Падалицею, ни возражать ему. На стр. 296 мы находим об устройстве двора, и то не под 1520, а под 1504 г. Но тут г. Падалица поторопился: он, должно быть, хотел указать на очень привлекательное постановление быдгощенского сейма о работах хлопов: чтоб во всех селах королевских, духовных и светских хлопы работали на господ своих один день в неделю. Как я ни плохо, по словам г. Падалицы, читал Volumina Legum, но смею его уверить, что мне это постановление и прежде было известно, только я все таки хотел сказать об отсутствии постановлений, ограждавших произвол пана, потому что мне было известно пояснительное к этому постановление другое в турунском статуте 1521 г., где об'яснено, что означенное правило об однодневной работе не распространяется на тех крестьян, которые работают более одного дня в неделю, а только на тех, которые работают менее одного дня (nam haec lex pro his tantum constituta est, qui minus quam diem in septimana nobis et dominis suis laborare soliti erant). На 500 стр. под 1532 г. опять нет ничего о нашем предмете, и говорится о необходимости списать и привести в известность разные обычаи, употребляемые в разных краях Речи Посполитой. Места эти скорее в нашу пользу, чем в пользу г. Падалицы; они не дозволят ему по мазовецким обычаям судить об украинских. Под 1576 г. на стр. 948 мы находим только статью о том, что шляхтич, который наедет насильно на дом чей-нибудь, подлежит суду и взысканию. Все-таки и это не ограждает хлопа от произвола пана своего. Под 1578 г. на стр. 982 из'ясняется способ и порядок платежа повинностей государственных, а не панских. И это не идет к делу. Вот и все, что нам указал г. Падалица в Volumina Legum, за исключением неизвестных величин, означенных словами *и так далее*. Wet za Wet. Г. Падалица сказал, что я плохо читал Volumina Legum. А я скажу теперь: плохо вам, г. Падалица, помогают ваши Volumina Legum, когда, при всех ваших познаниях и их сфере, не могли вы найти ровно ничего для подтверждения вашей любимой идеи.

В XII разделе Литовского статута в I артикуле действительно запрещается убивать человека простого класса; но это правило опять не касается самого вопроса, не относится к правам владельца, а обеспечивает жизнь человека вообще от всякого стороннего. Даже неясно, включается-ли в число случаев, запрещаемых этим артикулом, такое убийство, которое мог сделать над своим *отчистым* господин. Но в таком случае мы разделяем с г. Падалицею мнение, что польское право не дозволяло панам убивать по произволу своих людей; однако, при праве судить их пану и не представлялось и нужды убивать людей без суда, когда он мог их лишать жизни по суду—засудить и проглотить. В остальных артикулах того же раздела ясно различаются слуги вольные, свободные люди, находившиеся в службе и принадлежащие панам: первым везде даются гражданские права независимой личности, тогда как о последних установляются правила в случаях споров о них, подобные тем, какие существуют и в нашей Русской Правде, когда о принадлежности человека происходит недоумение, как о принадлежности неодушевленных вещей, при чем мало показывается права участия личности несвободного человека в решении своей судьбы. Вообще, указанный г. Падалицею раздел не обеспечивает последнего от произвола господина. Г. Падалица это очень хорошо знает, и потому, не жалея слов в других частях своего ответа, здесь и вообще там, где хочет подтвердить свое положение статьями из законодательства, ограничивается указаниями на цифры страниц или статей, тогда как здесь

необходимы были-бы подробности: надлежало-бы ему выписать те самые места, которые он считает для себя верными, и представить их смысл в соотношении с предыдущим и последующим.

В Мазовецком статуте на указанной 403 стр. мы нашли только правила о случаях обид, чинимых людьми благородного происхождения кметям, и о тяжбах между ними; но здесь под благородными людьми по отношению к кметям разумеются не господа последних. Доказательство тому то, что в случае, если бы шло дело об обвинении лиц благородного происхождения в преступлениях уголовных и касающихся чести, то ни кмети, ни мещане не имеют права звать их к суду, а в таком случае могут этим заняться их господа (pro causis autem criminalibus et honorem tangentibus kmethones et oppidani non possunt citare nobilitatem, sed domini eorum).

Г. Падалица почти заподозревает даже существование некоторых унизительных для человечества сборов, будто бы собираемых в панских имениях на Украине, как, напр., дудков (поборы с крещения младенцев) или поемщизны (подати с браков), или млиновое (с мельницы), и т. д., и приписывает их вымышлению Конисского и других малороссийских писателей. Но в летописи Самовидца (стр. 7), при исчислении разных отяготительных поборов, говорится *о дудах;* в Pamiętniki o woinach kozackich za Chmelnickiego, историческом польском памятнике, изображается, что под Збаражем хлопы дразнили осажденных панов и припоминали им поемщизну и млиновое, а польский историк XVII века Гродский — под именем дудков разумеет вымышленные жидами-арендаторами подати с новобрачных и новорожденных. Подати такого рода были древним и повсеместным обычаем; были они и у нас в старину. В начале, по об'яснению Гродского, они не были отяготительны, но жидовское коварство сделало их бременем, ибо жиды брали нередко более, чем сколько следовало [1]. Польское историческое сочинение старого времени Pamiętniki do panowania Zygm. III, Władysł. IV i Jana Kazimierza, (издание Войцицкого, вариант Коховского) говорит, что паны на Украине ради своих выгод отдали жидам в арендное содержание имения и даже церкви, от которых ключи хранились у жидов, и каждый, если хотел крестить дитя или сочетаться браком, должен был заплатить жиду-арендатору [2].

Г. Падалица вообще хочет показать, что утеснительное состояние хлопов было исключительным явлением в некоторых местностях, где злоупотребляли обычным порядком вещей, а что вообще простой класс благоденствовал под правлением панов; но иностранцам, заехавшим в Польшу и Украину в XVII веке, на свежие глаза не такою аркадиею представляется тогдашний сельский быт. Вот, например, один италианец Пьетро Дуодо в 1598 г. что писал о состоянии литовских и украинских мужиков: «Что касается вообще до обращения дворянства с простонародием, то здесь господствует произвол, по причине верховной власти, которую дворянство имеет на сейме, и

[1] Apud quos autem complures reperiebantur filii, tum relicto patri uno, cum quo officio domino praestari debita perageret (proventum hunc judaeis intimantibus et exigentibus) a reliquis omnibus uxoratis singulis septimanis exigebat unum numisma dictum dudek constans 6 nummis hung. Praeterea si natus est infans praesertim masculus non prius baptizari concedebatur donec simile numisma exolveret. Si etiam filia in matrimonium elocanda esset non prius copula jungi licuit donec similiter in rationem domini terrestris illum dudkum persolvisset. Quod quidem primo intuitu leve videbatur sed postea astutia judaeorum in grave excrescebat onus. Quando namque vel filio baptizando vel a filia elocanda constitutum adferebat censum, judaeus praetendendo varias difficultates non recipiebat statim, sed de industria instituta tergiversatione necessitatem imponebat plus sibi solvendi (Histor. belli cosacco-polonici authore Samuele Grondski de Grondi conscripta anno MDCLXXVI).

[2] Żydów wprowadziwszy wszystko dla grosza w arendę puścili nawet cerkwie do których żydzi klucze mieli: kto chciał ślubu lubo krztu musiał się żydowi arendarzowi opłacać. (Pamiętn. Zygm. III, Wład. IV i Jana Kazimierza t. I, 255).

нет ни закона, ни правила, что бы этот произвол ограничивало. Простой народ, преимущественно поселяне, до такой степени предан тиранству дворян, что никто почти не может назвать своею собственностью одежды, которую носит, в особенности те, которые живут не в Литве, и хотя они получают обильные плоды с земли, однако, им не остается ничего, чем прокормить себя с сем'ями своими; но эти еще могут назваться счастливыми в сравнении с теми, которые живут по соседству с турками и татарами» [1].

Другой иностранец, посещавший Польшу и Украину, Боплан, говорит: «Они (крестьяне) должны давать своим господам все, что тем вздумается потребовать, и неудивительно, что они находятся в самом жалком положении. Но это еще не все, ибо господа имеют безусловную власть не только над их имуществом, но и над их жизнью,—так велика свобода польского шляхетства (которое живет, как я раю, когда поселяне их будто в чистилище); и часто случается, что если эти несчастные поселяне попадутся в руки злого господина, тогда их состояние хуже каторжников [2].

Неужели Пьетро Дуодо, Боплан, Гродский, автор памятников, изданных Войцицким, стакались с нашим самовидцем и другими малороссийскими летописцами, чтоб оклеветать бедных панов, которых по родственной симпатии г. Падалица хочет защитить и оправдать? Но да не подумает г. Падалица и другие поляки-патриоты, что мы домогаемся с своей стороны обвинить тех, за кого они так заступаются. Повторяем, что для нас в истории нет абсолютно правых и виноватых. Польские паны и южно-русские хлопы в равной степени были правы в отношении себя и виноваты в отношении друг друга. Равным образом прав г. Падалица, защищая панщину и указывая даже в грядущих временах тот же, в сущности, порядок отношений владельцев к крестьянам, прав г. Падалица, с таким апломбом изрекающий за себя, своих предков, за своих современников и потомков: tak było i tak będzie. Но, с другой стороны, почему же не прав будет с своей точки зрения тот, кто воспитан с другими понятиями и с другими желаниями, чем г. Падалица, и польские патриоты, которых органом мы признаем почтенного нашего противника?

В заключение считаю нелишним сделать несколько об'яснений на счет некоторых упреков, делаемых мне г. Падалицею, но единственно с тех сторон, которые имеют непосредственное отношение к историческим вопросам.

Г. Падалица говорит, что я прежде защищал Запорожье и козачество и видел в них зерно народной мысли и средоточие народной жизни, а потом должен был отказаться от такого взгляда, когда меня убедили, что Запорожье было слепком разнородных стихий и служило каждой стороне без исключения, а козачество воображало идею Речи Посполитой, и шляхта, которая предводительствовала им, была столько же козацкою, как и поль-

---

[1] Quando alla trattation dei popoli la nobiltà universalmente è in tanta a licenza per la suprema autorità qu'ella ha nell diete, che non ha ne legge ni ordini che la ritergono. Il popolo minuto et specialmente i contadini sono talmente tirannizati dai nobili, che a pena possono dae haver libero l'habito che portono: e sopro gli altri quei della Luttuania iquali benchè raccolgono abondantamente, tutta via non gliene resta per poter nudrirse et de loro famille et questi ancora si possono dire felici chi arrivono a poter vivere in confronto di quelli chi habitano vicino dei Turchi et dei Tartari... (Relatione di Polonia del chiarissimo Pietro Duodo nel 1598. Рукоп. Венец. архива. Выписка сообщ. г. Марковым П. А. Кулишу).

[2] Ils sont contrains de donner à leur maistres ce qu'il leur plaist demander de sorte que ce n'est pas merveille qu'ils sont à de conditions si dures: mais c'est encor peu de chose, car leur seigneurs ont puissance absolue non seulement sur leur biens, mais aussi sur leur vies; tant est grande la liberté de la noblesse polonaise; qui vivent comme en un paradis et les paysans comme ils estoient en un purgatoire, de sorte que s'il arrive que ces pauvres paysans tombent asseruis en la main de méchans seigneurs ils sont en état plus déplorable que les forçats de galières (Description d'Ukraine qui sont plisieur provinces du royaume de Pologne, par le sieur de Beauplan, à Rouen 1660).

ской. Я на это замечу, что Запорожье и козачество имели другое значение для народной жизни до Хмельницкого и после Хмельницкого. Козачество было действительно средоточием народной мысли и жизненных потребностей, когда задачею народа было освобождение от Польши, но то же козачество начинает расходиться с народными желаниями, когда под начальством шляхты оно стало устраивать себя на польский образец. Г. Падалица спрашивает: «чего хочет эта масса?» и далее говорит: г. Костомаров не знает этого, но знает, чего она не хочет. После того, как написана была июньская моя статья против г. Падалицы, я просматривал дела архива министерства иностранных дел, относящиеся к Малороссии (которых изданием теперь занимаюсь, по поручению Археографической Комиссии) и нашел в них не только, чего не хотела, но и чего хотела эта масса. Тотчас по смерти Хмельницкого высказывалось в Малороссии в разных местах (особенно на левой стороне Днепра) желание, чтобы введены были воеводы и с тем вместе весь московский порядок; разнесся слух, будто царь хочет уничтожить гетманское устройство. Эти слухи произвели испуг между старшинами и способствовали их наклонности к соединению с Польшею; но простой народ не только не боялся таких слухов, но повсеместно показывал желание, чтобы они оправдались. «Мы хотим», говорили малороссияне на разных концах своей родины, «чтоб, имея одного царя, Христа небесного, имели и одного *совершенного* царя земного, чтоб было к кому прибегать в наших нуждах». Самодержавия—вот чего хотел малороссийский народ, а хотел он его оттого, что находил такою формою, при которой все равны, и знатные и незнатные, и бедные и богатые, и нет произвола сильного над слабым. Когда воеводы, которых хотела чернь, были введены, увидели малороссияне, что во многом действительность расходилась с ожиданиями. Но, тем не менее, высказываемое так единодушно желание украинского народа после смерти Хмельницкого служит несомненным доказательством, что основы польского порядка, выше которых не могли подняться умы народных вождей, не удовлетворяли южно-русской народности. Этого мало, что польские начала были мудры и свободны, как говорит г. Падалица,—надобно еще, чтоб они приходились по мерке народу. Никто не станет отрицать достоинства английских учреждений, но введение их в другие страны может быть иногда не только не полезным, но вредным и разрушительным. Народные побуждения, инстинктуальный произвол, естественно, искали себе удовлетворения в первой форме, какую народ видел; довольно было с него и того, что эта форма противна была той, которую ему навязывали снова, тогда как, испытав ее на себе, он чувствовал к ней отвращение. Г. Падалица говорит, что ему было-бы любопытно слышать, как я об'ясняю наклонность народа к подданству Оттоманской Порте после 1668 года. Точно то же стремление к идеалу самодержавия и здесь играло важную роль. Андрусовский договор отдавал Польше половину Украины; еще прежде заключения договора народ знал, что к тому делу склоняется, и боялся этого; многие, познакомившись поближе с воеводами, увидели, что московский порядок не тот, каким представлялся издали; побуждения народные переплетались между собою, получали то один, то другой путь, смотря по тому, что встречали на том и другом пути, ломались, расщеплялись, так сказать, сохраняя свое единство только в главных основаниях. Народный инстинкт оставался все тот же, но смысл народный более и более хворал от беспрестанных толчков, ушибов и падений. Дорога была неровная и опасная; в глазах тьма, а светоносца-предводителя не было. Не следует, однако, терять из виду, что Оттоманское дело в Украине вращалось всегда только, как дело партии; жители то в большем, то в меньшем количестве приливали к этой партии, то отливали от нее, смотря по тому, как обстоятельства колебали

инстинктами этой массы. Наклонность к московскому самодержавию, напротив, была постоянною чертою народной воли: много раз, получивши с этой стороны неприятные толчки, народ как будто отшатывался и бежал к иному краю искать своей цели, но потом опять прибегал к тому же. Ни в народной памяти, ни в народной поэзии, ни в народном чувстве не сохранилось ни малейшей тени недовольства к соединению с Россией, хотя были моменты, когда петербургское правительство не всегда действовало с целью удовлетворять народным потребностям и желаниям. Мы говорим петербургское, разумея времена XVIII века. Московское, при всей относительной его грубости, гораздо более старалось сообразоваться с народными побуждениями, а если и ошибалось, то более оттого, что малороссийские события ставили его в тупик. Народ забывал все скоро; но не забыл он до сих пор ненавистного для него польского порядка и не станет он петь песни quasi-народные, сочиненные для него поляками, где прославляется дружба двух народов, польского и русского; не станет потому, что у него есть свои заветные песни, где имена «лях», «католик», «пан» облечены старою ненавистью. Этого не хотелось бы г. Падалице. И нам-бы равным образом этого не хотелось, да что же делать! А правды негде деть!

Странно слышать нам от г. Падалицы, которого мы все таки признавали сведущим в истории Малороссии, будто бы в «Чорной Раде» со свечою в руке нельзя найти ни малейших доказательств, чтоб народ играл там какую-нибудь роль! Опровергать г. Падалицу, значило бы писать подробную историю того события. В свое время мы представим ее, а теперь пока посоветуем г. Падалице обратиться хотя к рассказу Самовидца. Собственно, мой взгляд на это событие я уже имел честь высказать в моей рецензии на историческую хронику г. Кулиша «Чорная Рада», напечатанной в № 1 «Современника» 1858 г. Теперь прибавим, что масса простых козаков тоже часто принадлежала к народу по взаимным интересам, хотя и называлась козачеством.

Напрасно г. Падалица колет нам глаза Конисским. Мы очень хорошо знаем, что Конисский не может служить авторитетом, хотя по некоторым чертам замечаем, что в кучу вымыслов внесены народные предания, ибо кое-что повидимому соответствующее рассказам его, является в народных песнях. Но мы не только не хотим верить Конисскому, мы считаем обязанностью и другими малороссийскими летописями пользоваться с крайнею осторожностью, ибо у всех встречаются неверности, даже у Самовидца,—хотя несравненно более других достоверного. Но причины, произведшие волнения южно-русского народа, и равным образом состояние этого народа под властью польских панов ясно высказываются, и без Конисского, из современных дел, актов, свидетельств иностранцев, которых нельзя упрекнуть в пристрастии в той или другой стороне, и, наконец, из сознания самих поляков.

Г. Падалица оскорбляется, что мы напоминаем живым полякам очевидную для нас истину: что живые не мертвые, и они сами не их предки. Г. Падалица упрекает нас, будто-бы мы советуем им отступничество. Но разве мы простираем к полякам требования отказаться от своего языка, от своей народности, от своих стремлений в настоящем и будущем итти своеобразным путем в сфере общечеловеческой образованности? Но пусть же, с другой стороны, не теряют из вида патриоты-поляки того, что, держась слишком крепко обоими руками за своих предков XVI и XVII столетий, можно уйти с ними далеко назад и совершенно разойтись с движением истории целого образованного человечества, которая идет все вперед и хотя оглядывается на предков, но не останавливается ни на одну минуту для того, чтобы любоваться ими в блаженном спокойствии.

ОТВЕТ НА ВЫХОДКИ ГАЗЕТЫ (КРАКОВСКОЙ) «CZAS» И ЖУРНАЛА «REVUE CONTEMPORAINE».*

Посунься, Ляше,—най Русин сяде.
Галицкая пословица.

«На-віщо ви, Ляхи, принесли нам сі цяцьки?.. Майте ви собі свою Польщу, а нам Україна нехай зостаетця».
Слова, сказанные польскому послу, Киселю, на раде у Богдана Хмельницкого.

Едва только мы успели написать (в последнем № «Современника» прошлого года) опровержение на статью г. Падалицы, как случайно попавшиеся нам в руки—256 № 1860 г. газеты «Czas» («Время») и 210 № (31 декабря) «Revue Contemporaine»—вызывают нас вновь на полемику против антиисторических польских взглядов на Русь.

В 256 № «Czas'а» извещается о выходе в свет книги «La Russie Rouge», где, как выражается означенная газета, высказаны домогательства на присоединение Червоной Руси к России на том основании, что эта земля Русская и Славянская. Мы не знаем «La Russie Rouge», да нам до нее и дела нет; те же, кто знаком с этой книгой, сколько нам известно, отзываются о ней вовсе неодобрительно. Но газета «Czas» касается вопроса, по поводу которого мы считаем уместным сделать замечание. Она об'ясняет нам, что «Русские не знают, что такое Русь; что Русь не есть Россия, а Польша, и что Россия—страна не Славянская, а Русские сами не знают, что они такое». Выписываем слово-в-слово эти выражения подлинника, потому что в точности пересказанного нами в переводе могут усомниться, по крайней нелепости приведенной фразы: „autor zapomina że Ruś nie jest Rosyą,—że jest Polską, i że Rosya nie jest Słowiańska,—nie wiedzą czém są i czem jest Ruś". Такого рода мнения совестно опровергать, но нельзя оставаться безмолвным, когда они высказываются—умышленно или по невежеству—устами многих польских патриотов вслух всей Европы.

Можно согласиться, что *Русь* была *Польшей,* если принимать последнее имя в государственном смысле и опираться на то, что Русь принадлежала некогда Польше,—так же точно, как и Польшу можно, на том же основании, назвать Россией. Но кроме государственной связи, есть связь внутренняя, народная: она только и может служить ручательством прочности государственных сложений. Русь Червоная, в народном смысле, есть *Русь,* следовательно—и Россия. Название: Русь—не местное, а общее для всей суммы Земель Восточных Славян, в глубокой древности сознавших свое взаимное сродство и образовавших удельную федерацию. Сначала имя Руси давалось Земле Полян (Земле Киевской), где зародилось зерно этой связи, а потом оно перешло на все Земли, вошедшие в эту связь. Русь Червоная была Земля Русская,—точно такая же, как и Рязань и Великий Новгород, и Псков, и

* *Основа,* 1861, II, февраль, стр. 121—135; *підп.: Н Костомаров.*

Тверь, и Полоцк,—все они были связаны одинаково сознанием единства, верою, книжным языком, сходными основами общественного устройства и институциею единого правительственного рода. Печальные внешние события не дали этому складу Русских Земель развиваться в строгой гармонии федеративного начала. Внешние признаки их связи порвались; внутренние—остались до сих пор неизменны.

Недавно получены были у нас из Червоной Руси стихи, написанные по-польски, под названием: „Niéma Rusi. Odpowiedz na plakaty Polaków w Uniwersytecie we Lwowie 1860". (*«Нет Руси*. Ответ на памфлеты Поляков, выставляемые в Львовском Университете»).

Вот точный перевод этого стихотворения[1]:

---

[1] Приводим в подлиннике:

NIEMA RUSI!

Odpowiedz na plakaty Polaków w Uniwersytecie we Lwowie 1860 r.

Dziwi mię, dla czego pragniesz tak gorąco
Do Polski nawrócić Ruś protestującą,
Po co tyle starań dla tej Rusi łożyć,
Po co plakatami siebie i ją trwożyć?
Wszakże „Rusi niéma" w dawnej jej stolicy,—
Chyba tych Rutenów trzysta na wszechnicy!

„Niéma Rusi, niéma" a przecież sumienie
Lęka się na samo o niej przypomnienie!
Snać widzenia miewasz jakieś nieprzyjemne,
Snać spotykasz we śnie jakieś mary ciemne,
Co po całych nocach niepokoją straszą
Twoję wyobraźnię tolerancką, laszą.

Nie trwóż się, mój bracie,—wszakże Rusi niéma:
Wielki twój Kazmierz w grobie Ruś tę trzyma,
Głazem ją przywalił, przysiadł na jej grobie,
Sobie wziął jej życie,—grób zapisał tobie!..

Mówią, że po owych Kazimierza czasach
Długo upior Rusi tułał się po lasach,
Całe wieki stękał po odludnych szlakach,
Aż tam znowu odżył na chwilę—w Kozakach...

Mówią że w Warszawie senatory zbledli,
Gdy ruskich upiorów w łańcuchach przywiedli;
Ależ napisano uniję Lubelską,
Nią dobito w grobie twarde Rusi cielsko,
Więc pod okiem sejmu już wcale nie sztuka
Spiec w miedzianym wole upiora—Pawluka...

Mówią, że potemu gdzieś na Dniepru brzegach,
Znow ruskie upiory stanęły w szeregach;
Z krzyżem szyzmy w ręku—powietrzem niezdrowem
Niosły się ich pułki na bój pod Zborowem;
Widziano ich tłumy nawet pod Zbarażem,—
Ale takie dzieje z pamięci wymażem.

Mówią że już potem zczezły te widziadła,
Lecz z niemi od Polski część ciała odpadła!
Od tych lat już Rusi lękano się cienia,
I nie wspominano, w sejmie jéj imienia,
A tylko czasami, jakby mimochodem,
Coś o Hajdamakach mówiono z narodem...

Minęły te czasy,—wspomnąć by nie warto,
Gdyby nie przez Ruś—to i Polskę rozdarto!
Wszak za krzywdy Rusi—od śmierci Bohdana
Jątrzy się i jątrzy ciężka Polski rana...
. . . . . .

«Удивительно зачем ты так пламенно желаешь обратить к Польше неподатливую Русь! Зачем прилагать об этой Руси такое старание, зачем и себя и ее тревожить памфлетами? Ведь *Руси нет* в ее древней столице... разве только каких-нибудь триста Русинов в университете!

«Нет, нет Руси!.. и между тем, совесть пугается при одном о ней напоминании! Верно, Лях, какие-то неприятные сновидения, темные призраки беспокоят, по целым ночам, твое *толерантное* воображение. Не тревожся, брат,—Руси нет: твой великий Казимир заключил ее в гробе, привалил камнем и сам сел на могиле; себе взял ее жизнь, тебе завещал ее гробницу!

«Говорят, после оных времен Казимира, *навь*[1] Руси долго скиталась по

Owoż dzisiaj prawią, że późnym wieczorem
Upior Polski i Rusi schodzi się upiorem:
Ów pierwszy w kontuszu i z szablą u boku,
Ów drugi w siermiędze i ze łzami w oku.
Pierwszy—choć za grobem—dumne czoło nosi,
Równość i braterstwo przed Europą głosi,
Ale Rusinowi mówi: „Wara, chamie!

Bądź Polakiem,—albo dam poczuć me ramię!»
A zaś ruski upior—służalec wiekowy—
Staje niby Lachem i nachyla głowy;
Ale zcicha—zwykle jak sługa w przestrachu—
Szepcze w duchu k' sobie: «Brate, ne wir Lachui»
Tak, dobry kolego! Masz obrazek mały,
Zdjęty z tycz upiorów co ci spać nie dały.

Bracie, pojrzyj w obraz, kreślony nie w żarty,
I wglądnij sumiennie w polskich dziejów karty,
A może nakoniec poznasz, że plakaty
Już nie wskrzeszą Polski onej, co przed laty
Na ruinach Rusi dźwigła się z nicości,
I wyrosła w pierze z ruskiej krwi i kości...

Dziś tej Rusi niéma,—tylko w wiejskich chatach
Włóczą się upiory jej w podartych szatach,
Zostaw ich na siołach, pośród nędzy, głodu,
Nie dopuść, by weszły kiedy i do grodu—
Do starego grodu, w którym niegdyś władał
Książe Lew, co z ludem swym *po rusku* gadał...

Niebespiecznie wwodzić włóczęgów natrętnych
W katakomby Rusi do pamiątek swietnych;
Bowiem stać się, może, że śród katakomby
Ozwie się głos ruski, jak dźwięk onej trąby
Co umarłych wskrzesza, i do życia budzi,
I przemieni trupów w żywych ruskich ludzi...

Lecz dziś Rusi niémal i nawet jej Ziemi
Imię nie zostało pomiędzy obcemi;
Polski mędrcy piszą: «Lwów, Ziemia Podolska,
Wołyń, Ukraina—że to wszystko—Polska!!...

A więc niéma Rusi, bo jéj niéma w głowie
Dziennikarzów polskich, ni w spolszczonym Lwowie!
Niéma ruskiej mowy,—bo nawet jéj zgłoski
Zamienia polskiemi hrabia Gołuchowski!...

Niéma Rusi, niéma!—z książek ją wymażcie,—
Choć jest ruskich chłopów miljonów piętnaście!
Niéma Rusi, niéma!—choć jest i być musi
Przeciw rządom Polski wieczny protest Rusi!..

[1] Слово upior — бродящий (живой) мертвец, — мы переводим древне-славянским словом: *навь* (существовавшим в южно-русском языке). Оно значило именно мертвеца, выходящего из могилы (см. у Иоанна, Экзарха Болгарского).

лесам и целые века стонала в безлюдных пустынях, а потом снова ожила на мгновение—в Козаках...

«Говорят, что в Варшаве побледнели сенаторы, когда этих русских упырей привели в оковах; но—написали *Любельскую унию,* и доколотили ею лежавшее в гробе крепкое тело Руси; а после того уж было нетрудно, в глазах сейма, сжечь упыря—Павлюка[1] в медном воле.

«Говорят, что вслед за тем, где-то на берегах Днепра, русские упыри снова стали строями; подобно нездоровому ветру, понеслись полки их, с крестом схизмы в руках, на бой под Зборов; были виданы толпы их и под Збаражем... но—изгладим из памяти такие события.

«Говорят, что после того эти привидения исчезли, но с ними отпала от Польши и часть ее тела. С тех пор стали пугаться тени Руси и имени ее не вспоминали на сеймах, а только по временам, как бы мимоходом, что-то говорили с народом—о Гайдамаках...

«Эти времена миновались! И не для чего было их вспоминать.. еслиб не через Русь—то и Польшу разорвали. За оскорбление Руси, от смерти Богдана все растравляется рана Польши.

«А теперь, говорят, в поздние вечера навь Польши сходится с навью Руси: первая—в кунтуше и с саблей при боку, другая—в сермяге, и со слезами на глазах. Первая и по смерти сохраняет гордый вид,—равенство и братство гласит пред Европой, а потихоньку говорит Русину: «Назад, хам! будь Поляком! не то—я дам тебе почувствовать свою руку!» а Русский упырь, этот вековой слуга, прикидывается Ляхом и голову склоняет, но мысленно—как обыкновенно раб в испуге—шепчет сам себе: *брате, не вірь Ляху!*

«Так-то, любезный товарищ! вот тебе маленькое изображение этих двух мертвецов, что тебе спать не дали. Брат, посмотри на это изображение, оно не для шутки написано; вглядись добросовестно в страницы польской истории и, может быть, ты, наконец, поймешь, что памфлеты не воскресят уже той Польши, которая некогда, на развалинах Руси, воздвиглась из ничтожества и возрасла и оперилась от русских костей и русской крови...

«Нет уж той Руси... только в сельских хатах бродят живые мертвецы в изорванных одеждах. Оставь же их в селах, среди нужды и голода, и никогда не дозволяй им входить в старый город, где некогда властвовал князь Лев, говоривший *по-русски* со своим народом. Опасно вводить нахальных бродяг в катакомбы Руси и допускать их к славным памятникам; может статься, что посреди катакомбы раздастся русский голос, как звук той трубы, которая воскрешает умерших, будит их к жизни и обращает трупы в живых русских людей.

«Но теперь—нет Руси! И даже имя ее страны не осталось между чужими названиями; польские мудрецы пишут, что Львов, Подоль, Волынь, Украина—что все это—Польша!

«И так, нет Руси; нет ее в голове польских журналистов, и в ополяченном Львове... нет и Русского языка, ибо даже его буквы граф Голуховский заменяет польскими.

«Нет Руси, нет! Вычеркните ее из книг... хоть и есть русских холопов миллионов с пятнадцать... Нет Руси, нет! хоть есть и должен быть вечный протест Руси против Польской власти!»

Повторяем, нам нет дела до политических стремлений; но это стихотворение, присланное к нам с просьбою—«*напечатать его,—за что будут благодарны 3 миллиона Русинов*», довольно ясно показывает, что этногра-

---

[1] По народной песне—не Павлюка, а Наливайка. Факт, не подтверждаемый историческими доказательствами.

фическое и историческое сознание единства Червоно-русской Земли с остальною Русью не исчезло и до настоящего времени, не смотря на все иноплеменные усилия.

Автор говорит, что *они* (кто они? Великоруссы?) сами не знают, что такое Русь и что они такое; утверждает даже, что Россия—не славянская страна, но не приводит никаких доказательств. Мы, однако, догадываемся, по прежним теориям, что это значит. Не раз думали унизить Великоруссов, провозвещая, что они—не Славяне, а Финны. Если-б это была и правда, то разве есть в этом что-либо унизительное? Нелепо и нечеловечно отзываться с презрением о каком-бы то ни было племени. Для Великоруссов не составляло-бы ни малейшего стыда быть Финнами, Татарами, хоть Калмыками, если-б они действительно ими были, и вопрос может рассматриваться без всякой примеси донкихотовской национальной гордости.

Великоруссы—не Финны, а Славяне, потому что не знают Финских наречий, а говорят Славянским. Правда, крови финской много вошло в великорусскую, но она ассимилировалась славянскою. Подмесь финского племени не осталась без некоторого влияния на материальный и интеллектуальный строй великорусского народа, но господство осталось за Славянскою стихией. Мы не можем назвать Славянами Меклембургцев на том лишь основании, что их предки некогда были Славяне,—хотя славянское происхождение Меклембургцев видно и в их перерожденном виде: тем не менее, как ни рассуждай, а все-таки они останутся немцами. Так же точно мы не считаем русскими тех фамилий, которые давно уже ополячились. Забытое происхождение ничего не значит, и может составить сущность только археологических рассуждений.

Притом же, финского элемента вошло в великорусскую народность не столько, чтоб даже физиологически можно было назвать Великоруссов более Финнами, чем Славянами,—вошло несравненно менее, чем славянского элемента в немецком племени нынешней прибалтийской Немеччины. Уже в IX веке широкий бассейн Оки был заселен Славянским племенем Вятичей, которые, по своим преданиям, вели происхождение от Ляхов. Вятичи, без сомнения, и составляют зерно великорусской народности. На севере, в незапамятное время, поселилась ветвь южнорусского племени,—часть Русинов, как показывает ее наречие,—ветвь, образовавшая землю Новгородскую. Восточная Россия, страна Суздальско-Ростовская и Белозерская, также в глубокой древности приняла в себя Славянский элемент; даже во время призвания Прусско-Варяжских князей под именем Веси и Мери, по всем вероятиям, надобно разуметь Славян, поселившихся в этом краю и усвоивших ему древние этнографические и географические названия: самые названия Ростов и Бело-Озеро достаточно свидетельствуют об этом. Вскоре затем мы уже видим в этой стране одну Славянскую народность, так что финские племена, давшие, в доисторическое время, названия местностям, сохранившим их и до сих пор,—уступая наплыву славянского племени, отодвигались далее к востоку и юго-востоку. С одной стороны, племя Вятичей, следуя в своем расселении от запада к востоку, занимало эти страны, с другой—туда двигались, с севера, Новгородские переселенцы. Только последним и об'ясняется факт, почему около Белого-Озера наречие—Новгородское, тогда как самая страна не составляла Новгородских владений. Этим об'ясняется также известие, сохраненное в житии святого Всеволода-Гавриила,—отчего даже в XII веке прорывался у Новгородцев взгляд на Ростовскую землю, как на свою принадлежность. Наконец, Славянский элемент в этих краях водворялся, подвигаясь с юга, особенно в конце XII и начале XIII века, когда бури, волновавшие южный край, заставляли народ и южную его цивилизацию искать убежища в более спокойной стране. Таким образом составилась

Великорусская народность, народность самая поздняя, но ясно показывающая в себе перевес славянских начал. Финские племена ассимилировались только отчасти; гораздо в больших массах они подвигались далее и убегали от поглощающей славянской стихии. Подобные факты совершались и на наших глазах: Мордва подвинулась, в начале XVIII века, в Саратовскую губернию из Пензенской, где теснило ее распространившееся русское народонаселение. Печальная правда, и деть ее негде: Восточно-тюрко-финские племена в России очень часто, подобно аборигенам Америки, столько же вымирали и исчезали, сколько ассимилировались, но и там, где их столкновение со славянскою стихией повлекло за собою более мирное слитие, они слишком мало внесли из старой жизни в новую, так мало, что в краях Пензенском, Тамбовском, Нижегородском, где произошло наибольшее ассимилирование — в языке, нравах, обычаях мало такого, что бы напоминало древнее иноплеменное происхождение, в сравнении с признаками Славянской народности. По всем этим данным, мы не можем назвать Великоруссов, даже с физиологической стороны, не-Славянами; а о духовной стороне и говорить нечего. Мы сознаем важные народные особенности от других Славян в характере, склонностях, понятиях и образе жизни Великоруссов, но эти особенности возникли и образовались более от географических и исторических причин, а вовсе не от влияния уральского племени. Всего лучше на это могут указать особенности, отличающие Великоруссов от других Славян: они состоят вовсе не в тех чертах, какие мы находим в тюрко-финском племени. Предприимчивость, склонность к практической деятельности, скудость фантазии, удобоподвижность—вовсе не качества Мордвы, Черемисов, Чувашей и вообще тюрко-финских и всех финских племен. С этим согласится всякий, кто только видел и наблюдал их.

Рецензент «Czas'a» говорит: «история лучше означила, что нужно для народонаселения между Одером, Двиною и Днепром. Народонаселение это, соединенное равенством прав, не нарушающих никакой сущности (?), и свободою, которая есть душа ушляхетнения (uszlachetnenia), могло бы создать прекрасное и ядреное (jedrne) тело, которое бы отодвинуло Россию к XVI веку».

Если-бы здесь не ссылались на историю, то, отнеся всю эту тираду к категории политических мечтаний, мы бы ее и не коснулись. Но автор говорит: «*история* так означила». А чем же она означила (спросим у г. автора)? Тем ли, что эти страны принадлежали некогда Польше, или соединены были с Польшею? Но против этого достаточно указать на то, что страны на правой стороне Двины и Днепра после того соединены с Россией: ведь это тоже *история*. Следовательно, когда одна часть истории говорит так, а другая, позднейшая, иначе, то можно ли что-нибудь строить на таком противоречии? Автор вправе был-бы сказать: «*история так означила*» только в том случае, если-б история указывала на какое-либо внутреннее народное сродство, на взаимную симпатию народов и на очевидные потребности края, от удовлетворения которых зависит его счастье. Но история нам показывает, что польский элемент в этом крае высказался в качестве господственного, поработительного, первенствующего между туземными народностями, которые были осуждены прозябать в тесной сфере сельского рабства. А как выразилась симпатия Русского народа к Польше, всего лучше об'ясняется кровавою историей XVII века, когда этот порабощенный и забитый русский элемент показал признаки самобытной жизни. Что касается, наконец, до благосостояния края, то доведенное до скотоподобия положение простого народа, заколоченного панами, католиками и жидами, в таком виде существовавшего под цивилизующей опекой польской, не доказывает, чтоб история с этой стороны что-нибудь сказала рецензенту в пользу его «прекрас-

ного ядреного тела». Последняя фраза «Czas'a» непонятна: неужели рецензент желает поставить Россию в то политическое и нравственное положение, в каком она находилась в XVI-м веке? Мы желаем просвещения и благополучия и Калмыкам и Бурятам, и Юкагирам: отрадно было бы, если-б и они вступили в жизнь общей цивилизации, сообразно потребностям XIX, а не XVI века. Желать движения назад какому-бы то ни было народу может только узкий, слепой, хотя бы и национальный эгоизм, чуждый истинному просвещению, и тем более неспособный устраивать счастье других народов.

Обратимся к Revue Contemporaine. Г. Paul dè Saint-Vincent написал статью «La Poésie Oukraïnienne». Довольно нам случалось читать нелепых и фальшивых взглядов на нашу народность и на нашу историю, но это сочинение, можно сказать,—chef d'oeuvre в подобном роде. Неизвестно, вычитал-ли где г. Saint-Vincent всю дичь, которую написал, или сам составил ее, поверив чьим-нибудь словам,—но с незнанием истории здесь сочеталось самым нахальным образом умышленное извращение правды для надувательства европейской публики. Вот примеры: г. Saint-Vincent, без зазрения совести, утверждает, что обитатели Украины и других южно-русских местностей—одной ветви с Поляками, разумея не то единство племенного происхождения, в котором никогда мы и не сомневались, а совершенное, полное тождество народности, так-что кто не знает наших взаимных этнографических отношений, тот может подумать, что жители Варшавы и Киева также между собой тождественны, как жители Москвы и Серпухова. «Нашествие Варягов, а потом нашествие Татар (об'ясняет Mr. Saint-Vincent) разорвало их между собою, но в XIV веке совершилось соединение—без борьбы, без потрясений, без войн. Между тем, еще в конце XII века, одна ветвь княжеского варяжского рода, властвовавшего над Русью до присоединения ее к Польше, основала на востоке монархию, известную под именем Московии. Московитяне—народ племени Уральского [1], а не Славянского, а потому не имеют ничего общего с Русским и совершенно отличны от последнего и по происхождению, и по нравам, и по обычаям, и по преданиям, и наконец—по религии, вопреки тем, которые хотят ложно доказывать религиозное их единство. Русский народ в Украине, в Южной Руси вообще, всегда стремился к унии с католическою верою и признавал первенство папы; напротив, Московитяне, как народ азиатский, упорно отвергал всякое примирение с Римом. Московские государи насильственно и несправедливо присвоили своему народу название Русского и навязали ему это название произвольно. Это сделала (по г. Saint-Vincent'y) императрица Екатерина II. Она понудила ученых принять свои выдумки на счет происхождения Московитян; таким образом, Московитяне начали называться Русскими, и с тех пор, в угодность правительству, стали отвергать свое прежнее имя и заменили его чужим.

Автор очень мило сожалеет о потере «такого славного древнего народного названия, которое равным образом представляло и почтенную старину и содержало в себе зародыш прогресса и развития в будущем» [2], и как будто

---

[1] Dans un pamphlet russe récemment publié sous le titre de *la Russie Rouge*, par un étrange oubli de toute science historique, on s'efforce de confondre dans une même origine *Slave* les Russo-Moscovites avec les Polonais. Les uns sont de race *Ouralienne*, les autres—de race *Arienne*. Il y a juste la même différence entre les Russo-Moscovites et les Polonais qu'entre les Arabes et les Français (R. C. 31 décembre 1860)!!.

[2] Quand au grand peuple moscovite, que gouvernait la célèbre souveraine, il ne paraît pas avoir fait obstacle à ce changement de nom et répudier volontiers le sien pour plaire à la czarine. Cathérine... contraignit même quelques savants opiniâtres à adopter ses idées sur l'origine des Moscovites. Dès lors on commença à repousser, et on repousse encore aujourd'hui, le nom de Moscovite dans un pays où ce nom exprime seul une grande nationalité, représente un passé respectable et constitue pour l'avenir un germe de progrès et de développement. On répudie un nom générique s'appliquant à une population homo-

хочет убедить—перестать называться русскими, и называться Московитянами. Читая статью Revue Contemporaine, можно подумать, что Великоруссы—народ уральского племени, даже говорят языком не славянского корня...

Нельзя допустить, чтобы подобные нелепости могли произойти от невежества, потому что из всех мест, приводимых здесь, видно, что автор знаком со славянскою речью. Мы выше высказали наше мнение *об урализме* великоруссов. Выдумка—считать их народом не славянского корня возникла в заграничной польской литературе лишь в недавнее время; в старину в Польше не сомневались в единоплеменности Московитян с Поляками и происхождении тех и других от одного славянского корня. По крайней мере, польский писатель Коховский, под 1658 годом, говоря об универсале короля Яна Казимира на собрании сейма, где предстояло рассуждать о соединении Польши с Московиею, выражается: in quibus (Comitiis) cum eodem principe ac vicina Moschorum natione ex uno eodemque sanguine et originis Slavonici fonte nobiscum deprocedente religione, idiomate, moribus, vix in paucis diffor-mibus, in confusionem invidorum universo Slavonico nomini vicinorum perpetua pax, conjunctio ac firmum unionis foedus coalesceret instituere-turque (Ann. Pol. 11, 293). Из этих слов не заключить-ли, что понятия об этнографии и древностях славянских народов, были гораздо правильнее в XVII веке, чем теперь? При всехраспрях и войнах не доходили до таких дикостей, до каких доходят в наше время!

Странно было-бы здесь доказывать, что южно-русский народ—не Поляки; что присоединение Червоной Руси и Волыни к Польше совершилось с кровопролитиями; что народ южно-русский всегда исповедывал одну веру с великорусским и вовсе не стремился добровольно к унии, а отбивался от нее упорно и отчаянно; что, наконец, название русских не навязано Великороссиянам Екатериною II, а издревле было для их народным отечественным прозванием; что название Московии, правильнее—Московщины, могло употребляться только по отношению к другим этнографическим отделам русского мира, а национальным названием никогда не было; что иностранцы, называвшие Южную Русь—Руссией, а северную—Московией, нам не указ, ибо еще в XII веке митрополиты наши титуловались митрополитами *всея Руси* и, разумея под этим весь круг Русских Земель, связанных единством княжеского рода и церковного управления.

Доказывать всего этого не станем, как равно и опровергать голословных нелепостей [1]; но скажем польским *так-называемым* патриотам вот-что: неужели вы думаете, что извращением правды можно выиграть в каком бы то ни было вопросе? У нас, которых вы считаете тождественными с собою, есть пословица (на своем, а не на вашем, языке): *брехнею світ пройдеш, та назад не вернешься!* Если-бы вы нашли себе в Европе читателей, которые поверят вам на слово, то все-таки это обольщение не будет продолжительно. Испытав, что вы способны, для своих целей, провозвещать умышленную неправду, Европа не станет вам верить уже ни в чем, и вы разыграете роль пастуха в басне, который ради шутки скликал народ на волков, когда в самом деле волков не было, а впоследствии никого не мог призвать себе на помощь,

---

gène de 30 à 40 millions d'âmes, un nom illustré par ses luttes gigantesques contre les Tartares par des héros, tels que Dimitr Wasilewitch (?) dans la guerre de l'indépendance, par des Minines, des Pozarskis, et enfin des nos jours, en 1812, par des traits d'héroïsme et d'abnégation que le font l'égal des plus fameux; on le répudie pour le remplacer par le mot R u s s e... (Ibid.).

[1] Кроме вышеприведенных, укажем еще на повторяемые автором басни: что „некий Лех, по имени Симеон, в X веке (!) положил начало польским козакам, т. е. Запорожцам"; что „Запорожцы набирались между Поляками с берегов Вислы, или—что выходит на-одно—между Русинами с Днепра и Днестра", и т. п. (Там же, стр. 619).

когда волки действительно напали на стадо. И что вы думаете выиграть, утверждая, что великорусский народ уральского происхождения? Этим не выкинете его из Славянской семьи, откуда-бы ни происходили его предки. Будут-ли Великоруссы—ославянившиеся Уральцы, или смесь племени, или, и что всего вернее,—Славянское племя с примесью Чудского и Тюркского, они все-таки останутся тем, что они теперь, т. е. Славянами, потому что говорят наречием славянского корня и никак не могут быть тем, чем, по вашим предположениям, были в незапамятные времена. Или, быть может, вы хотите унизить этим Великороссиян? Но одним таким побуждением вы показываете крайнюю собственную односторонность и неспособность—выступить из тесной национальной исключительности в круг более широких, возвышенных, общечеловеческих понятий. Как отдельного человека нельзя унизить происхождением, так и целого народа. Вопрос о том, какую связь имеет великорусская народность с уральским племенем и какие стихии вошли в нее из последнего, должен рассматриваться совершенно отдельно от всяких ваших предрассудочных воззрений, ибо он не имеет к ним отношения... Доказывать, что Великороссияне должны называть себя не Русскими, а Московитянами, на том основании, что вам так хочется, все равно, что требовать, чтобы Итальянцы называли себя Влохами, потому что на Польском языке они так называются, или если бы Французы начали домагаться, чтобы Немцы себя называли Аллеманами. Мы просим вас—представьте нам доказательства, что великороссийский народ не называл себя Русским, а Московитянами, и что Екатерина II принудила его принять новое имя. Любопытно было-бы выслушать такие доказательства. Но к сожалению, мы наперед уверены, что у вас не найдется такого смельчака: подобные положения легко писать из собственной фантазии, а фактически доказывать нечем.

Провозгласив тождество Польского и Южнорусского, народа, будет уже последовательно—дать Богдану Залесскому значение Украинского поэта и уверять, что его читает и любит народ русский. На самом деле—не то. Богдан Залесский есть поэт Поляков, живущих в Украине, читается польским населением, состоящим почти исключительно из дворянства, и отнюдь не может возбуждать сочувствия в том, кто сохраняет в душе своей стихии южнорусской народности, взлелеянной историческими воспоминаниями и тесной связью с существующим поколением народа. Его польский патриотизм, который насильственно привязывается к Украине, далек от того, чтоб возбудить симпатию Южнорусса; напротив, он делается для него несносен именно тем, что обличает намерение провести затаенную мысль, внушая уверенность в том, что белое—черно, а черное—бело! Мы не отрицаем поэтического таланта Богдана Залесского, хотя вообще нельзя не признать, что он больше щеголяет блестящей фразеологиею и яркостью красок, чем глубиною мысли, теплотою чувства и внутренним изяществом склада своих образов, но уж никак не можем видеть в нем сколько-нибудь украинского народного поэта. Он любит украинскую природу, живописует ее подробно, но редко удается ему стать на точку созерцания, присущего Южноруссу; он любит народные песни, подражает им, нередко целиком переводит их, но не продолжает их бытия своим творчеством, что можно сказать о Шевченке, у которого редко (только в слабейших произведениях) можно найти повторение взятого из запаса народной поэзии, или что-нибудь написанное, как говорится, в народном тоне; но у которого лучшие стихотворения таковы, что народ, развивая свое творчество в поэтических созданиях далее, мог бы творить только так, как Шевченко.

У Залесского нет ничего подобного. Весьма немногие из Южноруссов знают его, и не только не считают его народным поэтом, но даже таким, который-бы возбуждал к себе сочувствие любовью к украинской народности.

Его знают только те, кто знаком с польскою литературою, и знают как польского поэта, чуждого нам, и более чуждого, чем, например, Мицкевич. Последний,—великий творец и художник,—касаясь белорусской народности, близкой и родственной с южнорусской, в некоторых своих стихотворениях несравненно способнее Залесского напомнить южнорусскому сердцу его жизнь и возбудить в нем сочувствие. Да и вообще польская народность имеет с южнорусскою большое сходство; польская поэзия может отозваться родственно душе Южнорусса, но уж никак не с тех сторон, с каких заходят Поляки. Старание представить в светлом виде такие исторические воспоминания, как например Уния, которые Южнороссам ненавистны от предков, и вместе с тем прельщать их идеалом отдельного, и соединении с Поляками, государства,—такие приемы поведут единственно к тому, что древняя несчастная неприязнь наша к Полякам будет находить себе пищу,—чего мы отнюдь не хотим и не хотели. Для нас ничего не может быть желаннее изгнания из серца старинных печальных воспоминаний, утверждения братской любви и духовного согласия с Поляками; но пусть же они возлюбят и *уразумеют* историческую *истину:* только *истина* сделает их *свободными,*—свободными от всяких искусственных переделок и подделок исторических событий: от оправдания Унии, от восхваления былого господства своих начал над нашим народом и от ребяческих замашек забрасывать международную вражду, в надежде разложить наше Русское отечество... Не разложилось оно политически в междусобиях земель и князей, не разложилось оно духовно под татарским, литовским и польским владычеством,—не разложится оно и от выстрелов ультрамонтанских газет и журналов, задаваемых нам из-за таких плохих *гуляй-городин.* История, очевидно, ведет к сближению, к сознательному сродству и соединению всех славянских племен, а никак не к разложению. Кто против Истории, против того—История. Против такого рожна трудно прати.

14 января 1861 г.

СЛОВО НАД ГРОБОМ ШЕВЧЕНКА.*

Смертный одр усопшего поэта не окружали ни родные, ни жена, ни дети. Одинока была его смерть, напоминавшая украинскую песню:

Ой, загинула козацька головонька
Без роду-родини,
Без вірної дружини.

Но гроб его теперь окружен не чужими. Поэт не остался чуждым и для Великорусского племени, которое воспитало его, оценило и приютило в последние дни его, после долгих житейских страданий. На его закат блеснула прощальною улыбкою любовь,—не женская любовь, часто изменчивая и лукавая, а бескорыстная, святая любовь душ, способных понимать изящное.

Такова сила поэзии! В какой-бы исключительной форме ни проявлялась она, как-бы тесно ни соединялась она с народностью и местностью,—ее общечеловеческий смысл не может укрыться и сделаться общим достоянием.

Шевченко не был только поэтом для Украины: он—поэт сельского народа, воспитавший в себе поэтическое вдохновение его существом и передавший его образованному миру в прекрасных безискусственных образах, добытых им в сокровищницы своей богатой природы.

Простимся с дорогим поэтом словами украинской думы:

Слава твоя не вире, не поляже!
Буде слава славна
Поміж козаками,
Поміж друзями,
Поміж рицарями,
Поміж добрими молодцями!
Утверди, Боже, люду Руського,
Народу Християнського,
З черню Дніпровою, Низовою,
На многії літа,
До конця віка!

---

* *Основа*, 1861, III, март, стр. 8, Воспоминание о Шевченке; его смерть и погребение. Слова над гробом Шевченка. III. *Н. И. Костомарова.*

ВОСПОМИНАНИЕ О ДВУХ МАЛЯРАХ.*

В одном селе восточного малороссийского края была, а может быть и теперь существует, личность в высшей степени замечательная. Эта личность способна возбуждать в душе много дум и оставлять неизгладимые впечатления: то был крестьянин именем Грицько́, ремеслом — маляр. Как известно, в малороссийском крестьянском быту, маляр—явление частое. Малярство—одна из обычных первых ступеней, на которую восходит крестьянин, коль скоро собственное дарование выводит его из земледельческой колеи. Маляр, обыкновенно, вместе с тем и гро́мотный; искусство располагает его к любознательности; маляр рисует Богородицу, святых мужей и жен,—надобно знать, как изобразить того или другую; является охота узнать, кто они были и что с ними творилось в жизни, и маляр читает священное писание, жития святых. Маляр имеет дело постоянно с церковью и потому интересуется церковными вопросами; таким образом, маляр входит в область книжного мира, которая у поселян начинается с религиозного круга, точно так, как начиналась она в истории Русского народа. Но известно, что Малороссиянин, как только сделается благочестивым человеком, сейчас начинает философствовать; у него религиозность ведет не к толкованиям обрядов и частностей богослужения, как это бывает с Великороссиянином, а обращается либо к пиетизму, либо к размышлениям, и—в первом случае—ведет к поэзии в жизни, во втором—к желанию знать природу, человека, одним словом—к науке. Это желание обыкновенно находит себе скоро предел по скудости материалов для питания... Не так, однако, было с нашим маляром Грицько́м.

Он родился крепостным. В детстве потерял он родителей и остался на попечении родни. Его приставили пасти господское стадо, не помню—какое. В мальчике было что-то странное; крестьяне считали его придурковатым. Лишним будет рассказывать, как удалялся он от детских игр и как мальчики за то щипали и тормошили его. Иначе, пришлось бы невольно повторять то, что так часто встречается в житиях святых при описании их детства. Когда безветрие не дозволяло работать мельникам, Грицько усаживался близь села под ветряной мельницей, и рисовал углем или мелом на стене разные фигуры; так, однажды он растерял своих животных; за что его высекли. Тоже повторилось и в другой раз. Помещик рассудил, что его дворовой мальчик не даром чертит изображения и, ради таких занятий, дурно проходит свою служебную кар'еру: из него скорее выйдет живописец, чем свинарь или овчарь; подумал помещик и отдал его в науку к какому-то художнику в своем уездном городе. Так поступил помещик в тех видах, что мальчик может выучиться, станет ему платить оброк; и принесет, со временем, барину больше пользы, чем сколько мог-бы принесть в звании пастуха. И вот Грицько живет у хозяина, учится прилежно; хозяин не нахвалится его понятливостью; его

---

* *Основа*, 1861, IV, апрель, стр. 44—56; *підп.: Н. Костомаров.*

не нужно понукать—приходится отрывать его от работы; ему не надобно десять раз одного и того же вбивать в голову,—он сам спросит и не забудет того, что ему скажут. Захотелось самому Грицьку научиться грамоте: хозяин дал ему букварь, показал раз, другой—и Грицько, в короткое время, выучился складам и стал читать бегло. Впоследствии он сознавался, что когда рисовал на мельнице фигуры, то это были вымышленные им буквы. Грицька занимала мысль: как это люди читают? «Я», говорил он, «долго думал над этим и дошел до того, что, верно, какое говорится слово, такое и малюется; и начал в уме сам с собою говорить, да какое слово скажу, то и намалюю, а потом и помню, что вот так я его намалевал; после того пришло мне в голову, что, верно, не так: слов много,—как можно все их припомнить! Тут я начал примечать, что иное слово на другое походит, а иное разнится: так я, что похоже, то на одну стать и малюю». Сколько припоминаю, таким образом, кажется, он об'яснял этот путь. Но как-бы то ни было, наш Грицько самобытною дорогою шел к цели, которую давно нашло человечество. Он не дошел до нее под своей мельницей, а достиг ее обычным для всех путем за букварем у уездного художника.

Грицько начал читать что ни попало: читал и священную историю, читал и романы, читал Библиотеку для чтения: там, как говорил он,—на него сделали впечатление особенно жизнеописание папы Гильдебранда и какая-то космографическая статья. Когда он вчитался более, его стали занимать помещенные в «смеси» известия о разных открытиях в области естествознания. Беда только, что, по причине множества научных терминов, он понимал там с пятого на десятое. Более всего хотелось ему знать: как это свет стоит, как он держится и как всякие вещи сложились, как одно с другим вяжется. Грицьку представлялись бесчисленные вопросы; они мучили его, потому, что он на них не находил ответа, ни в тех книгах, какие ему попадались, ни у людей, с которыми приходилось ему говорить. Грицько чрезвычайно полюбил арифметику; он получил указания от других только в четырех правилах, а потом уже сам собою уразумел таинства дробей и сложность тройного правила.

Пробыв несколько лет у хозяина, Грицько стал платить помещику оброк и работать в разных селах своего околотка по церквам. Однажды, на пасху—это было в 1837 году,—он прибыл в свое село к родным. Здесь, в церкви, в ночь светлого воскресения, пред заутреней он читал деяния... тогда я в первый раз его увидел. Он должен был, между прочим, провозгласить: трудно противу рожна прати... Это было пророческое слово о судьбе его!

Грицько был невысокого роста, черноволосый, чрезвычайно худощавый, с необыкновенно выразительными и добрыми глазами и с слабой грудью, как показывал его прерывистый, хотя крикливый, но скоро упадающий, голос. В характере его была удивительная кротость и мягкость. Он был молчалив и робок; не спешил сам ни с кем разговаривать, а если начинал разговор, то для того, чтобы спросить о чем-нибудь и научиться от других, и только тогда становился смелее, когда видел, что его любят. Он знал священное писание изумительно и мог потягаться в текстах библейских с любым Поморским начетчиком. Но заметно было, что не чувство благочестия влекло его к такому чтению: он искал в нем того, что называется положительным знанием. Любознательность Грицька обращалась более всего на материальную природу и странно было слышать, как он задавал себе вопросы, давно уже разрешенные физикою или естественной историей, и искал ответа то в библии, то в Иване Выжигине Булгарина, то в повестях Марлинского. Один помещик, получивший образование в харьковском университете, начал давать ему книги и расширил круг его чтения. Грицько читал их с жадностью. Ему подарили Всеобщую Историю Аббата Миллота, популярную Астрономию и курс мате-

матики, и он был вне себя от восторга. Несколько лет не видал я Грицька после этого, но случай привел меня увидеть его в том же селе, в 1845 году. Грицько был уже женат на крестьянской девушке из своего села, имел свою собственную хату, платил оброк и занимался малярством, выручая насущный хлеб на иконах. Без постороннего руководства, Грицько уразумевал свою книгу—курс математики и с изумительною правильностью и верностью решал трудные алгебраические и геометрические задачи. Он прочитал уже физику, знал изложенные в ней законы природы, любил толковать об опытах, которыми человеческий ум достигал до уразумения этих законов. Но библии он уже не читал и, вообще, его мало занимал священный круг. Он, повидимому, лишен был поэтического чутья. Его не пленяла красота природы: он стремился к природе рассудочным анализом; он хотел исследования, а не восторга; чудесное не пленяло его—он отвращался от него; на первом плане у него стояла мысль: «это невозможно; а что невозможно—о том и толковать нечего». Ему скучны казались Пушкин и Жуковский; даже стихи Шевченка не пробудили в нем сочувствия по родственности языка. Только Квитки повести заняли его, но не по художественности, а по верности изображения крестьянского малороссийского быта, в котором он сам родился и взрос. Прежняя кротость и скромность остались в нем неизменны. Грицько, казалось, с покорностью и без ропота сносил свою долю, но когда ему заметили—как было-бы хорошо, если-бы он родился вольным—он заплакал. Находились люди, хотевшие и тогда выкупить его у помещика и давали, по тогдашнему счоту, 500 р. асс.; помещик не соглашался: по своим расчетам мог в несколько лет получить с него более оброком... И Грицько остался крепостным. «Больно то», говорил Грицько, «что нас, бедных людей, держат в заблуждении и невежестве».

Быть может, неизбежная борьба внутреннего саморазвития с гнетущим положением уже свела его в могилу; быть может он и теперь платит господам оброк и пишет какую нибудь Иродиаду с кинжалом над головой Иоанна Крестителя... Во всяком случае, ему теперь под пятьдесят лет; он утас для всего будущего в этой жизни.

В тот же год, когда я видел в последний раз Грицька-маляра, на противоположном, западном краю Малороссии, случай свел меня с другим маляром. Первоначальная судьба его была похожа на судьбу Грицька; но природа щедрая для обоих, даровала этому маляру иные дарования и потому судила иной путь. Этот маляр назывался Тарас Григорьевич Шевченко. Нет нужды здесь излагать повесть его детства, о первоначальном его воспитании: он сам описал это в своей автобиографии. Этот маляр не завяз в цепях, которые обвивали его при рождении,—его талант прорвал их, вывел его из тесной сферы неизвестности для высоких дум, тяжелых страданий и бессмертия. «Той бе слава дней своих», скажет о нем некогда Малороссия, как это некогда сказано было об одном из ее гетманов.

С Тарасом Григорьевичем я познакомился в Киеве в 1845 году. На первый раз в нем не показалось ничего привлекательного, ничего теплого; напротив, он был холоден, сух, хотя прост и нецеремонен. Он измерял мои слова и движения с недоверчивостью: он поступал, как часто поступает очень честный и добрый малороссиянин, встречая незнакомое лицо, и чем это лицо навязчивее старается вызвать его на откровенность и искренность, тем становится он осторожнее. Иначе и быть не может в народе, который слишком часто видит обман и двоедушие. Это качество изменилось у Шевченка в последние годы, когда мы с ним увиделись после долгой разлуки: оно даже перешло у него в другую крайность,—излишнюю доверчивость. Но в те времена, в те поры его молодости, он сохранял эту свою народную черту. Скоро, однако, мы сошлись и подружились. Тарас Григорьевич

прочитал мне свои ненапечатанные стихотворения. Меня обдало страхом: впечатление, которое они производили, напоминало мне Шиллерову балладу «Занавешенный Саисский Истукан». Я увидел, что муза Шевченка раздирала завесу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!!! Поэзия всегда идет вперед, всегда решается на смелое дело; по ее следам идут история, наука и практический труд. Легче бывает последним, но тяжело первой. Сильное зрение, крепкие нервы нужно иметь, чтоб не ослепнуть или не упасть без чувств от внезапного света истины, дружелюбно сокрытой для спокойной толпы, идущей по торной колее, мимо таинственного занавеса,—не знающей, что скрывается за этим занавесом! Тарасова муза прорвала какой-то подземный заклеп, уже несколько веков запертый многими замками, запечатанный многими печатями, засыпанный землею, нарочно вспаханною и засеянною, чтобы скрыть для потомства даже память о месте, где находится подземная пустота. Тарасова муза смело вошла в эту пустоту с своим неугасимым светочем и открыла за собою путь и солнечным лучам и свежему воздуху и людской любознательности. Легко будет входить в это подземелье, когда воздух туда проникнет; но какая человеческая крепость может устоять против убивающего в мгновение все силы жизни, погашающего всякой земной огонь, векового испарения! Горе дерзкому поэту! он забывает, что он человек; и если первый решается вступить туда,—то может пасть... Но поэзия не устрашится никакого губительного испарения, если только она истинная поэзия; и не погасит ее светоча никакая историческая или нравственная углекислота; ибо этот светоч горит нетленным огнем—огнем Прометея...

Не долго видел я Тараса-маляра в Киеве; обстоятельства нас разлучили... Не мне рассказывать его дальнейшую биографию... В 1858 году мы увиделись снова в стенах Академии Художеств. Тарас не узнал меня. Целый час я не говорил ему своего имени, и он все таки не назвал его, пока не услышал от меня самого. Тогда он заплакал и этим показал, что не от того не узнал, что забыл обо мне. Но в нем—все напоминало прежнего Тараса: его железная натура много выстояла и не пала физически; чист он остался в своих убеждениях, свежо еще было в нем поэтическое чутье; любовь к доброму и прекрасному прорывалась во внутренней борьбе с влиянием внешнего растления; но талант его великого творчества—начал ослабевать. Тарас чувствовал это, хотя, от страха пред отверзающейся пропастью, хотел отвернуться и уверить самого себя, что нет того, что ему утрожало. Читанные им в Петербурге, в последние годы, его стихотворения были слабее тех огненных произведений, которые некогда он читал мне в Киеве. Время возьмет свое над человеком, *зане перстен есть*.

Пострадавший всю жизнь, Шевченко, пред концом дней своих, был облечен заслуженною славою. Его родина—Малороссия—видела в нем своего народного поэта; Великороссияне и Поляки признавали в нем великое поэтическое дарование. Он не был поэтом тесной исключительной народности: его поэзия приняла более высокий полет. Это был поэт общерусский, поэт народа не малорусского, а вообще Русского народа, хотя и писал на одном из двух, искони существовавших, наречий этого народа, оставшемся внутри народной сферы, не испытавшем насильственных школьных изменений, и потому-то более способном для того, чтоб дать России истинно народного поэта.

Некоторые близорукие судьи изящного меряли его с Кольцовым, и даже находили последнего выше. Это происходило оттого, что они не понимали, что такое народный поэт, и не могли возвыситься до уразумения его достоинства и значения. По их понятию, народный поэт есть тот, кто может удачно изображать народ и заговорить в его тоне. Таков и был Кольцов; в некоторых своих произведениях он превосходно выполнил эту задачу, и достойно

светлеется его имя в ряду знаменитостей русской литературы. Не таков был Шевченко, и не такова была его задача. Шевченко не *подражал* народным песням; Шевченко не имел целью ни описывать своего народа, ни подделываться к народному тону: ему не зачем было подделываться, когда он по природе своей иначе не говорил. Шевченко, как поэт—это был сам народ, продолжавший свое поэтическое творчество. Песня Шевченка была сама по себе народная песня, только новая,—такая песня, какую мог бы запеть теперь целый народ,—какая должна была вылиться из народной души, в положении народной современной истории. С этой стороны, Шевченко был избранник народа в прямом значении этого слова; народ как бы избрал его петь вместо себя. Народные песенные формы переходили в стихи Шевченка не вследствие изучения, не по рассуждению—где что́ употребить, где какое выражение годится поставить,—а по естественному развитию в его душе всей бесконечной нити народной поэзии; не потому, что Шевченко хотел ввести и поставить, а потому, что они, по существу народной поэзии, сами устанавливались так, а не иначе. Шевченко сказал то́, что каждый народный человек сказал-бы, если-б его народное существо могло возвыситься до способности—выразить то́, что хранилось на дне его души. Святое сокровище—оно скрывалось там под тягостью житейской прозы, и было для него самого невидимо, незаметно, пока животворные звуки гения не коснутся до сокровенных тайников души, и не нарушат безмолвия мысли своею упоительною мелодиею и не покажут чувству того, что составляло его достояние и не было до сих пор им ощущаемо. Пробужденный от своей прозаической апатии голосом такой поэзии, народный человек, с трепетом и восторгом, готов воскликнуть: «Это самое я только-что готов был сказать точно так, как сказано поэтом!» Этого не дано было ни Кольцову ни кому другому русскому поэту, кроме одного Пушкина (но не для простого народа, а для высшего русского класса). Кольцов заговаривает в народном тоне; Шевченко говорит так, как народ еще и не говорил, но как он готов был уже заговорить, и только ожидал, чтобы из среды его нашелся творец, который бы овладел его языком и его тоном: и вслед за таким творцом точно так заговорит и весь народ, и скажет единогласно: это—мое; и будет повторять долго-долго, пока не явится потребность нового видоизменения его поэтического языка. Поэзия Шевченка есть непосредственное продолжение народной поэзии; и не даром явилась она тогда, когда прежние народные песни стали забываться. Поэзия Шевченка—законная, милая дочь старой украинской поэзии, организованной в XVI и XVII веке, так как эта последняя была точно также дочерью древней южно-русской поэзии, той далекой от нас поэзии, о которой гадательно можем судить по произведениям Игорева певца.

Народная украинская поэзия видимо приближается к утасанию. Многие думы козацких времен, к счастию, записанные в тридцатых годах и сохраненные для литературы, теперь уже совершенно исчезли в народе. Уже и песни семейного быта исчезают мало по малу, или портятся: таков удел поэзии. Поэзия утасает не иначе, как упадая в своем достоинстве, растлеваясь; и потому-то новейшие переделки старых песен и новейшие плоды малороссийского народного творчества дышали таким отсутствием изящного. Народ не может творить целою массою, ибо для этого нужно было-бы, чтоб какое-нибудь сильное потрясение вызвало его к творению новой поэзии. Да притом и в такие эпохи потрясений везде бывают личности, обладающие талантом первоначального творчества; в сфере существующих народных песен, эти творческие личности исчезли в массе: их запевы переформировались в течение долгого времени; к ним присоединялись новые мотивы; таким образом составлялись и пересоставлялись произведения существующие в бесконечных отрывках, связуемых народом по призыву народного вкуса. Между тем, потребность самооживления ощущается в народе; народ чувствует, мы-

слит; многое переполнилось в его душе, много страданий в ней накопилось, много желаний он готов заявить: он ищет выражения; он находит его в своих избранниках, поэтических личностях, живущих народною жизнью, стоящих выше каждого в отдельности по дарованию и потому способных выразить надлежащим образом то, что всеми чувствуется, думается, желается. Вот такою-то личностью был Шевченко.

Мы сказали, что будучи малорусским поэтом по форме и языку, Шевченко в то же время и поэт общерусский. Это именно от того, что он—возвеститель народных дум, представитель народной воли, истолкователь народного чувства.

Судьба связала малорусский народ с великорусским неразрывными узами. Только легкомысленное скольжение по поверхности политических событий может находить единственно государственную связь между этими народами, смотреть на Малороссию не более как на страну, присоединенную к Российской империи; но, с другой стороны, только насилующая централизация, убивающая всякую человеческую свободу и всякое духовное саморазвитие мыслящего существа, может, закрывши глаза, утверждать совершенное тождество русского народа. Понятие, основанное на изучении истории и этнографии русской, всегда признает, что русский народ должен быть понимаем в смысле двух народностей; между этими народностями лежит кровная, глубокая, неразрывная духовная связь, которая никогда не допустит их до нарушения политического и общественного единства,—та связь, которая не уничтожилась под влиянием прошлых исторических обстоятельств, насильственно разрывавших эти народности,—та связь, которую не разорвали ни внутренние неурядицы, ни Татары, ни Литва, ни Поляки,—та связь, которая до сих пор обращает к нашему русскому горизонту Червоную Русь, уклонившуюся, уже несколько веков тому, к иной сфере. Ни Великоруссы без Малороссов, ни последние без первых не могут совершать своего развития. Одни другим необходимы; одна народность дополняет другую; и чем стройнее, уравнительнее, взаимодейственнее будет совершаться такое дополнение, тем нормальнее пойдет русская жизнь. Шевченко, как поэт народный, чувствовал это и уразумел, и оттого-то его понятия и чувства не были никогда, даже в самые тяжелые минуты жизни, осквернены ни узкою, грубою неприязнию к великорусской народности, ни донкихотскими мечтаниями о местной политической независимости: ни малейшей тени чего-нибудь подобного не проявилось в его поэтических произведениях. И это, между прочим, служит подтверждением высокого достоинства его таланта... Поэт истинно народный, он естественно должен был выражать то, что, будучи достоянием малорусского элемента, имело в то же время и общерусское значение. Оттого поэзия Шевченка понятна и родственна Великоруссам. Для того, чтоб сочувствовать ему и уразуметь его достоинство, не нужно быть исключительно Малороссом, не нужно даже глубоко в подробностях изучить малорусскую этнографию,—что можно сказать, например, о *Марусе* Квитки, превосходнейшей, вернейшей картине народных нравов, но дурно понятой некоторыми великорусскими критиками именно по недостаточному знакомству их с частностями малорусской народности. Шевченкову поэзию поймет и оценит всякий, кто только близок вообще к народу,—кто способен понимать народные требования и способ народного выражения. Не поймет и не оценит его только тот, кто смотрит на народ в лорнет,—кто, желая узнать его, не в состоянии принять другой методы, кроме той, чтоб изучить его жизнь и быт, как изучают энтомологический кабинет; заносить в дорожную книжку схваченные у ямщика фразы и составлять по ним систему народных понятий; записывать со слов барских горничных девушек песни, слышанные ими в детстве на селе, и по таким песням произносить суждения о сущности народного поэтического гения:—кто, быть

может, и в самом деле любит народ и готов заботиться о народном благе, но не знает, чего хочет народ и как он этого хочет; кто думает дерзко воспитывать народ, забывая, что для этого прежде надобно самому поучиться у народа, быть им избранным и признанным для такого важного дела. Такой мудрец не поймет Шевченка,—и, естественно, что Кольцов покажется ему выше по своему поэтическому дарованию: ибо Кольцов поет—как народ уже пел; а Шевченко поет так, как народ еще не пел, но как он запоет за Шевченком. Естественно, для уразумения последнего нужно чего-то поболее, чем для Кольцова: мало изучения,—души народной нужно! К таким же незрелым суждениям мы должны отнести и то, которое брошено было недавно на свежую могилу поэта,—суждение, признавшее его гражданином, а не поэтом. На деле выходит наоборот: Шевченко гражданином-то никогда не был, и оставался поэтом и в литературе и в жизни. Такие приговоры не более, как плод запоздалых узких теорий, признающих поэзию только при соблюдении известных, усвоенных привычками, условий, имеющих силу для того, кто не способен чувствовать поэзию. Большинство Великоруссов смотрит на Шевченка не так. Когда еще Шевченко был мало известен, были люди не видавшие во всю жизнь Малороссии, с некоторым затруднением, по причине языка, прочитавшие *Кобзаря* (хотя самый язык Шевченка отличается пред сочинениями других Малорусских писателей удобовразумительностью) и говорившие с первого раза: «это—великий поэт!» В сочинениях его так много общерусского, что Великоруссы читают его даже в чрезвычайно плохих стихотворных переводах: как ни искажали его переводчики, все-таки не могли испортить до того, чтоб первородная поэзия не высказывалась наружу. По нашему мнению, переводить Шевченка отнюдь не следует: достаточно будет напечатать его с об'яснениями слов, непонятных для Великоруса,—да и слов таких будет совсем не много.

В то время, когда в великорусской литературе находились критики, не понимавшие достоинства малорусского поэта, в польской,—хотя постоянно признавали его великий талант, но соблазнялись некоторыми его произведениями, где поэтически воспроизведены древние времена вражды Малороссов с Поляками: видели в этом какую-то неприязнь к польской нации. Между тем, таланта у Шевченка отнять нельзя. Как тут поступить? Поэт великий, а Поляков обличает. И вот—в одном из периодических польских изданий в Червоной Руси явились презабавные сведения о жизни нашего поэта. Писали,—что Шевченко поселился у какого-то Hrabiego Dzialynskiego, который, по своему панскому великодушию, оказал приют поэту, заявившему себя так непочтительно к бывшим господам своего народа—Полякам; что Шевченко проникнулся чувством признательности за такое великодушие, живет у графа в качестве придворного поэта, пользуется его благосклонностями и, в порыве справедливой благодарности, wszystko, co napisał przeciwko Polakom, powymazał i poprzerabiał[1] в последнем издании своих сочинений. Клеветы на поэта хуже выдумать невозможно; но она до такой степени нелепа, что, вероятно, еслибы Шевченко ее услышал, то скорее смеялся-бы над ней, чем стал-бы оскорбляться.

В настоящее время, когда совершается великая эпоха обновления народной жизни, с грустью обращаюсь я к воспоминанию о двух малороссийских малярах, которых я знал в своей жизни. Освобождение народа не принесет пользы моим бедным малярам. Грицько-маляр слишком рано родился, и прожил лучшие годы под гнетом крепостного права, не давшего ему развить свой замечательный талант для собственного духовного наслаждения и для пользы других; Тарас-маляр рано умер, не доживши всего шести дней до

[1] Все, что написал против Поляков, исключил и переделал.

дня, который был бы радостнейшим днем в его страдальческой жизни: ибо этот день положил начало исполнения того, что было душею Тарасовой поэзии.

Но стоит ли, скажете вы, жалеть о двух малярах, когда радуются миллионы за себя и за своих потомков? Стоит,—потому что с воспоминанием о двух малярах, теснятся в воображении тысячи, миллионы маляров, бондарей, столяров, пастухов, земледельцев, берской челяди—лакеев, кучеров, дворников, из которых многие также, может быть, рождены были природою с правом быть чем-то иным, а не тем, чем они были на самом деле; тогда как другие великие мужи слова и дела—книгописцы, художники, законники, сообразнее бы своим способностям исполняли-бы обязанности первых. Стоит—потому что со всевозможнейшими человеческими улучшениями не уничтожатся препятствия к исполнению на земле человеком его природного призвания. Стоит, наконец, потому, что при каждом воспоминании о человеке, который не достиг в жизни того, к чему стремился, невольно останавливаешься на убийственных безответных вопросах: Зачем мы смертны?—Зачем мы глупы?—Зачем мы стареемся?...

Апреля 14. 1861.

ПРАВДА ПОЛЯКАМ О РУСИ. *

(По поводу новой статьи «Revue Contemporaine»).

Добре речеш, та в громаду не беруть.
Народная пословица.

В начале нынешнего года нам пришлось опровергать недобросовестные выходки Revue Contemporaine, писанные под влиянием узкого польского патриотизма, который имеет в виду не современные потребности и действительно-осуществимые надежды своей нации, а утешается мечтами о возвращении былого, в настоящее время невозвратимого, потому что сделалось анахронизмом, несообразным с современными понятиями о народных правах. В октябрьской книжке того же журнала нынешнего года напечатана одним поляком статья (lettre d'un Polonais) под названием: «La vérité sur l'esprit russe». Она направлена против всех русских, которые осмелились бы заявлять, что во всякое время, во всяком случае, при всяком возможном изменении обстоятельств, управляющих судьбами Русской Земли, притязание Поляков на принадлежность им юго-западных русских областей, возбудят негодование и противодействие всего русского народа. То же, как и прежде, наглое извращение исторической истины, те же иезуитские увертки, умышленное неведение общеизвестных событий, насильственные сближения и распространения; те же, одним словом, замашки бессильной злобы, пустого хвастовства и суетного высокомерия. Мы никак не хотим считать таких произведений голосом всей вообще польской нации, как некоторые у нас позволяют себе смотреть на них; мы почитаем их делом партии, для которой истина не имеет святости, делом тех, которых узкому рассудку кажется возможным дать выигрыш своим политическим видам, посредством напущения тумана в Европе, мало знакомой с частностями истории славянского севера. Их надежды напрасны, потому что опираются на лжи, а *брехнею*—говорит наша пословица—*світ пійдеш—та назад не вернесся.*

Мы не станем шаг за шагом опровергать эту статью, ибо автор не знает, или притворяется, что не знает азбуки—русской и своей, польской—истории. Мы укажем только на особенно-разительные выходки единственно для того, чтобы наши земляки знали, какую паутину плетут для них эти *паны-ляхи*, которые либо нас считают невеждами и простаками, способными попасть в нее, либо сами так невежественны и простоваты, что эта искусственно-сплетенная паутина им кажется чем-то крепким.

Ссылаясь на каких-то премудрых своих историков, доказавших между прочим, не-славянизм Москалей (кто ж это? уж не Мицкевич-ли—такой же плохой историк как великий поэт), автор *Письма* уверяет, что между названием Русские и Русины (les Russes et les Ruthènes, en polonais Roussini)—

---

* *Основа*, 1861, X, октябрь, стр. 100—112; *підп.: Н. Костомаров.*

большая разница, и что имя Русинов издревле служило названием народа, находившегося под властью Поляков, и всегда добровольно стремившегося к слитию с польским; Московитян он признает народом другого—отличного—племени, враждебным Русинам; говорит, что от Московитян Пясты и Ягелоны защищали Русинов оружием, и что эти Московитяне, назвавшись Русскими, навязали Русинам свою веру, язык и национальность [1].

Автор с умыслом не обозначает положительно, к какому времени относится такое положение дела, но упоминовение о Пястах и Ягеллонах дает нам право видеть, что все это признается существующим с древних времен до половины XVI в., когда прекратился дом Ягеллонов. Здесь все ложно. Пясты не могли защищать Русинов от Московитян, потому что при Пястах имени Московитян не было и быть не могло. Слово *Московия* образовалось тогда, когда московское великое княжество покорило восточные и северные русские земли и составило единодержавное государство. Никакие хроники того времени не упоминают о Московитянах и не могли упоминать о том, чего на свете не было. Если что в те времена было *совершенно неизвестно* (complètement inconnu), так это имя Московитян.

Но полюбуёмся нашим *сочинителем*.

«Русь всегда была и теперь остается родовым именем для областей, которые от Карпатских гор простираются на северо-запад до Днепра и Двины и даже за Двину. Была Русь Белая, Русь Червоная, Русь Малая. Обитатели этих областей назывались *Русины*, по-латыни из этого слова сделалось *Рутены*. Но это не имеет ничего общего со словом *Россия* нового изобретения. Первый Петр Великий окрестил Московитян именем Русских. Прежде того Московитяне были Московитянами и не помышляли быть чем-нибудь другим. Екатерине II принадлежит заслуга, что она увидала всю пользу, какую можно извлечь из этой подмены. Она схватилась за эту идею; благодаря же друзьям ее энциклопедистам, стало возможно ввести слово *Россия* (Russie) во французский язык и через то сделать употребительным. Они с таким усердием повели свое дело, что успех превзошел собственные их ожидания. Слово пошло в обращение с вариантом—*всероссийским*. Вот точная истина. Слово это, как видите, родилось с первыми притязаниями и с ними распространилось. Оно осталось в дипломатическом словаре, как ирония над историей [2], как вызов на брань к потомству».

---

[1] Vous trouverez partout le mot *Ruthènes* (en polonais *Roussini*), employé pour désigner une nationalité alliée et soumise à la Pologne, vivant de la même vie et cherchant à se confondre avec elle, et vous ne trouverez nulle part les mots de *Russes* et de *Russie*. Y a-t-il, oui ou non, une distinction entre ce qui a toujours existé et ce qui est complètement inconnu? Il y avait bien *Moscovites*,—les chroniques en parlent souvent.—mais comme d'une race à part et toujours ennemie. L'élément Slave était encore dans toute sa virginité. Qui eût songé à l'époque où régnaient chez nous les Piasts et les Jaguellons, à défendre les Ruthènes autrement, que par les armes contre les empiètements de leurs voisins les Moscovites et il ne serait venu à l'idée de personne qu'un jour viendrait où ces mêmes Moscovites s'appellerait Russes, pour imposer à des *Ruthènes* leur foi, leur langue et leur nationalité.

[2] *Rus* (lisez *Rous*) a toujours été et est encore le nom générique des provinces, que des monts Carpathes s'étendent vers le nord—est jusqu'au Dnieper et la Dwina et même au delà (т. е. на сколько нужно автору, для своих видов, растянуть или укоротить эту границу). Il y avait une Rus Blanche, une Rus Rouge et une Petite Rus. Les habitants de ces provinces s'appelaient et s'appellent encore *Roussini*, dont on a fait jadis le mot latin *Rutheni*. Mais cela n'a rien de commun avec le mot *Rossya* (Russie), de facture toute moderne. C'est Pierre le Grand le premier, qui baptisa les Moscovites du nom des Russes. Avant lui les Moscovites n'étaient que des Moscovites et ne songeaient pas à être autre chose. L'impératrice Cathérine eût le mérite de voir tout le parti, qu'on pouvait tirer de cette substitution. Elle s'empara de l'idée, elle la développa. Ses amis les encyclopédistes furent chargés d'introduire le mot de Russie dans la langue française afin d'en saisir l'opinion. Et comme ils n'avaient rien à lui refuser, ils le firent de si bonne grâce, que le

Автор знает несколько *Русей*, но очевидно игнорирует Великую Русь... не может же быть, чтобы он ее не знал. Что не Петр выдумал имя России, пусть заглянет этот автор в бесчисленное множество предыдущих актов, где найдет титул царей—при Алексее Михайловиче, после присоединения Малороссии: *всея Великия и Малыя и Белыя России*, а прежде: *всея России;* в более древние времена *всея Руси:* так именно писал еще в XIV в. князь Симеон Иванович. Имя Руси еще в XI и XII в. употреблялось в двух значениях: в тесном для киевской земли, в обширном для всего материка, состоявшего в одной удельной федерации, под управлением князей Рюрикова дома. В этом смысле наш первоначальный летописец, перечисляя славянские народы, жившие в этом материке, говорит *се токмо словенск язык в Руси.* Слова Русь, Русские, в этом обширном значении для всех жителей славянской России, употреблялись всегда и внутри русской Земли, и вне ее иностранцами, когда дело шло о внешних сношениях. Так, немецкие летописцы, говоря о войнах Ордена и Шведов с Новгородцами и Псковитянами, называет их Русскими. Говоря о том, что, в исходе XIII столетия, хан Батый сделал князя Ярослава старейшим между князьями, летописец выражается так: И рек ему: *Ярославе, буди ты старей всем князем в русском языце* (Лавр. Лет. 201). Очевидно, здесь русским языком летописец называет совокупность племен, составлявших нечто целое, под общим именем Руси, Русских, и в этом числе Восточную, т. е. великую Русь, где княжил Ярослав. В XIV веке, когда начала Москва брать первенство над уделами, восточная Русь, по отношению к иноплеменникам, называлась Русскою Землею. Когда Мамай собирался идти на Дмитрия, он, по известию летописца, говорил: *пойдем на русского князя и на русскую землю* (Воскр. ст. 34), а не на *московского* князя и *не на московскую землю.* Точно также при описании нашествия Тохтамыша на Москву говорится: *злое пришествие на русскую землю* (Воскр. 42), а не на *московскую.* Не станем нагромождать других подобных указаний: и этого довольно, чтобы видеть, как лживо мнение, будто Петр (а иные говорят даже Екатерина) навязали Московитянам имя *Русских.* Имя — *московская земля* имело значение, по отношению к соседям также Русским, как и в Московском государстве, а в последующее время, означало русское государство, имевшее столицу Москве, в отличие от другого русского государства—литовского великого княжества. Слово *Московитяне* было совершенно неизвестно у нас; несколько сходное с ним было название *Москвичи,* но оно означало жителей города Москвы—и в самом обширном смысле—ее земли, ее пригороды, но никогда не имя великорусского народа. Никто бы не назвал Суздальцев, Владимирцев, Нижегородцев—Москвичами, но все равно звались Русскими. Очень характеристично высказалось значение русского и московского государства в смутную эпоху: тогда московское государство отличалось от великороссийской державы. Первое было вид, часть последнего, что, например, видно из таких выражений: *Великие Российские державы Московского государства.* (Акт. Арх. Э., № 256, 262). Тогда существовало понятие о новгородском государстве (Акт. Арх. Э., № 268, 318), о казанском государстве (328); с московским вместе они составляли одно российское государство (269) или российскую державу. Царь потому и назывался царем всея Руси, и не московским, что действительно управлял не одною московскою землею, но и другими. Уже владея, например, Владимиром или Бежецком или Белозерском, он не был московским государем, а русским.

---

succès dépassa leur attente. Le mot fût mis en circulation avec le variant *de toutes les Russies.* voila l'exacte vérité. Le mot comme on le voit, est né avec les premières prétentions et il s'est étendu avec elles. Il est resté dans le vocabulaire diplomatique comme une ironie à l'histoire et un défi à la postérité.

Обращаясь к церковной стороне прошедшей русской жизни, автор говорит:

«Вы знаете, что с XVI века русская или, скорее, московская церковь возымела поползновение к независимости. Это поползновение возрастало мало-по-малу, и вы теперь уже совершенно оторвались от восточной церкви... Если для нас, католиков, греческий обряд не более как раскол, вы, говоря исторически—протестанты раскола, вы—малый раскол в большом. Что же значит это имя православия, которым вы рисуетесь, при всяком случае, и в чем его значение? Западные протестанты (надобно отдать им справедливость) никогда не претендовали на звание православных: откуда же такие притязания у восточных протестантов?» [1].

Этот странный для нас, Русских, взгляд пояснится несколько, если примем во внимание, что автор—католического воззрения. Для паписта все, что вышло из-под власти папы, есть не только раскол, секта, но даже как-бы недостойно называться истинным христианством. Единство иерархии считается на равной степени с единством догматики. Автор воображает, что тот же дух, те же основания и в восточной церкви,—что не желая подчиняться папе, она имеет своего папу и этого папу автор видит, кажется, в константинопольском патриархе. Зная, что великорусская церковь находилась от него в зависимости, а в конце XVI века вышла из-под этой зависимости и получила своего патриарха, но не зная и, может быть, (судя вообще по тону всей статьи), игнорируя обстоятельства, сопровождавшие это событие, автор представляет его в таком виде, будто бы великорусская церковь, по неудовольствию, оторвалась от патриаршей зависимости и поставила себя в положение, подобное протестантскому. Но восточная церковь никогда не признавала такого видимого главы, или единого начальника, какого признает у себя западная. Патриархи: Константинопольский, Антиохийский, Александрийский и Иерусалимский считались равными между собою, каждый в своей части, а отношения и пределы их управления установлялись соборами; иерархические положения не имели абсолютной важности догмата и, смотря по потребностям, границы их могли изменяться с общего согласия. Единство церкви этим не нарушалось. Таким образом, в конце XVI века, по общему согласию всех патриархов, великорусская церковь, входившая прежде в константинопольскую диецезию, получила самостоятельное управление; в Москве учреждено патриаршество и патриарх признан равным прочим четырем вселенским патриархам. С тех пор, имея свое управление, независимое от вселенских патриархов, великорусская церковь сохраняла строгое и полное единство с восточною: важные дела решались по совету с восточными патриархами, самая тесная нравственная связь неослабно поддерживалась с христианским востоком. Замена звания патриарха колективным учреждением Синода совершилась при Петре Великом, с согласия восточной церкви. Синод признан восточными патриархами как бы одним лицом, братом патриархов. До сих пор, не только в догматах и в законоположении, но и в церковном чине богослужения, церковь русская не допускала существенных перемен, которые бы не признавались восточною и считались ей противными. Церковь русская не протестовала никогда ни против чего, что принимала восточная, как равно и восточная не выражала неодобрения чего-нибудь такого, что вводила русская

[1] Vous savez, que dès XVI siècle l'Eglise russe, ou plutôt l'Eglise moscovite eut des velléités d'indépendance. Ces velléités grandirent petit à petit et aujourd'hui vous êtes complètement détachés de l'Eglise d'Orient.—Si pour nous, catholiques, le rit grec n'est qu'un schisme, vous n'êtes, historiquement parlant, que les protestants de schisme, le petit schisme dans le grand. Or que vient faire ce mot d'orthodoxie, dont vous faites parade à tout propos et quelle peut être sa signification? Les protestants d'Occident (c'est une justice à leur rendre) n'ont jamais prétendu être orthodoxes; d'où vient cette prétention aux protestants d'Orient?

церковь. Полнейшее согласие и единство с христианским востоком ненарушимо существует у нас до сих пор; Русский на востоке молится в церкви точно так же, как и в своей на Руси; приезжающие к нам с востока вступают в наши храмы с одинаким благоговением и ничем не соблазняются. То, что говорит польский автор — есть совершенная ложь — и если это не следствие умышленной злонамеренности, если и самом деле автор думает так, как говорит, то нельзя не удивляться той изумительной наглости, с какою он, круглый невежда в общеизвестных данных истории, (каковы сущность восточной церкви и отличие ее от западной), решился выступить и печать и взять на себя роль об'яснителя важных исторических вопросов, имеющих великое современное значение.

До сих пор мы приводили места, касающиеся более Великой Руси; теперь взглянем, что говорит автор собственно о южнорусской народности.

«Национальность Русинов, также как и их язык, и теперь те же, чем были прежде: без особенности, без определительного характера в истории. Она никогда не будет ничем другим, как только чертою (приметою) соединения: это поле битвы между двумя соперничествующими национальностями, для которых она служит, так-сказать, переходною ступенью. Ее прошедшее, ее стремления и предания—все склоняет ее к Польше и отлучает от московского елемента, который она всегда от себя отбивала и отвергала» [1].

Далее автор говорит о нашем языке:

«Русинский язык отличается от русского, также как и национальность. Этот язык скорее наречие и почти непонятен для русских; по своему славянскому происхождению, он имеет все особенности наречия польского. Греческая азбука, введенная вначале, скоро была заменена Кирилловскими буквами, которые окончательно и усвоились. Письменный язык, таким образом составленный, оставался в употреблении в оффициальных актах до конца XVI века и служил даже для дипломов наших королей, когда они назначались для русских провинций. Признаки его встречаются в некоторых печатных библиях и летописях этой епохи. В начале XVII века латынь заменила почти повсюду, в публичных актах, русинский язык и, таким образом, он потерял ту малую долю своей оригинальности, которая у него оставалась. Он еще более слился с польским и сделался, так сказать, *перевертью*, различною, смотря по провинциям. Этот характер его сохранился до наших дней, не смотря на вторжение московского элемента» [2].

Билиберда о языке показывает в авторе такого же круглого невежду в азбуке славянского языкознания, каким он оказался в вопросах церковной истории. Толкуя о языке, он смешивает три наречия в одно: славяно-церковное, западно-русское книжное и народное южно-русское. Очевидно, что такое

---

[1] La nationalité Ruthène ainsi que la langue est encore aujourd'hui ce qu'elle était jadis—sans individualité, sans caractère tranché dans l'histoire. Elle ne sera jamais qu'un trait d'union, ou un champ de bataille entre deux nationalités rivales, auxquelles elle sert pour ainsi dire de transition. Mais son passé, ses tendances, ses traditions tout la porte vers la Pologne et la sépare de l'élément moscovite, qu'elle a toujours combattu et repoussé.

[2] La langue Ruthène diffère tout autant du Russe que la nationalité. Cette langue, qui est plutôt un dialecte, est à peu près inintelligible à de Russes et par son origine slave elle a tout les caractères d'un Idiome Polonais. L'alphabet grec, introduit dans l'origine, fût peu de temps après remplacé par les lettres Cyrilliques, qui furent adoptées definitivement. La langue écrite ainsi faite resta en usage dans les actes officiels jusqu'à la fin du XVI siècle et fût même employée dans les diplômes de nos rois, destinés aux provinces Ruthènes. On peut aussi la voir imprimée dans quelques bibles et chroniques de cette époque. Au commencement du XVIII siècle, la latin remplaça presque partout, dans les actes publics, la langue Ruthène, qui perdit dès lors le peu qui lui restait de son originalité. Elle se confondit encore davantage avec le polonais et devint, pour ainsi dire, un patois, variant selon les provinces. Ce caractère s'est conservé jusqu'à nos jours, malgré l'invasion de l'élément moskovite.

произвольное смешение повело к представлениям, которые, по их крайней нелепости, опровергать нет возможности, тем более, что нельзя и понять, к которому из наречий можно отнести то, что говорит автор, признавая существование только одного. Язык славяно-церковный был книжным и письменным языком со времени введения христианства, но с XV века начал брать верх в письменности язык западно-русский; в него входили формы и славяно-церковного, и польского, и народного. Славяно-церковный язык не исчезал и после; оставаясь неизменно языком богослужения, он иногда имел по разным предметам и сочинителей, предпочитавших его западно-русскому, который вообще был в ходу. Западно-русский язык исчез, мало-по-малу заменяясь польским и образовавшимся уже книжным великорусским; народное наречие долго оставалось за пределами письменности и только, так сказать, ненароком, вторгалось в письменный язык, а между тем подвергалось, незаметно для письма и, следовательно, неуловимо для истории, вековым изменениям, сообразно с обстоятельствами, действовавшими на судьбу народа. Не прежде, как наступила всеобщая потребность в образованном мире приблизиться к живому народному образу выражения, и оно вступило в область письменности. Вот, в главных чертах, история языка нашей Южной Руси. О греческой азбуке, замененной кирилловскими буквами, мы знать не знаем и ведать не ведаем. Что касается до относительной близости к польскому и великорусскому, то славяно-церковный и народный языки ближе к последнему, чем к первому. Сходство народного языка нашего с польским выражается некоторыми словами и оборотами: из них одни, быть может, действительно заимствованы из польского, по взаимодействию народов, соединенных некогда одной политической связью; другие же, хотя сходные с польскими, в то же время встречаются в разных местах Русской Земли, неподвергавшихся польскому влиянию и особенно в северной Руси, древней Новгородской земле, где, вместе со сходством выговора, служат, с одной стороны, свидетельством о древнем ближайшем этнографическом родстве между собою южной Руси и славянских поселенцев на севере, образовавших республику Великого Новгорода, а с другой доказывают, что и южно-русском языке многое, что с первого взгляда можно почесть следствием влияния польского, в самом деле есть собственное древнее достояние. Нет ни малейшего основания считать южно-русский язык наречием польского уже и потому, что первый не терпит признаков, составляющих наглядное отличие польского говора от русских наречий вообще, как напр. носовых звуков, стечения согласных, смягчения шипящими и свистящими и т. п.

Имеет-ли южно-русская национальность *особность и определительный характер в истории*, мы предоставляем судить каждому, кто сколько-нибудь знает нашу историю. Положение автора, будто прошедшее южно-русского народа, его стремления и предания склоняют его в сторону Польши и отвращают от елемента великорусского, иначе называемого московским, не выдерживает критики, и противоречит всему историческому ходу прошедшей жизни. Часть южно-русского народа в конце XIV ст. была покорена оружием Польше, а не добровольно с ней соединилась. Другая, в соединении с в. кн. литовским составляла государство русское, как по характеру, так и по массе народонаселения, и хотя в XV веке и в первой половине XVI, на польский престол выбирались великие князья литовские, но это отнюдь не давало русско-литовскому государству вид присоединения в Польше. Действительное соединение совершилось уже в 1569 г. на Люблинском сейме. С русской стороны действующим классом народа, решившим судьбу своего края, было одно дворянство. Уже в XV в. князья литовские, будучи королями польскими, расположили высший класс дружелюбно к польскому порядку, раздавая ему выгодные привиллегии, которыми прежде пользовался высший класс в Польше.

Когда наконец дошло дело до решительного акта, по которому западно-русский край должен был составить навсегда с Польшею одно политическое тело, и дворянстве пробудились национальные опасения. Они были заглушены не иначе, как с уверенностью Русских и продолжении своего особного политического существования. Но и то же время, когда вел. княжество литовское соединялось с Польшею на федеративных началах связи двух самобытных государств, Южная Русь присоединена к Польше, как провинция. В этом деле со стороны Южной Руси участвовало одно дворянство, да и то не все: и в дворянском сословии отзывались противудействие и ропот. Народ осужден был на совершенное безмолвие. Его участь решали на вечные времена, не спросившись у него, потому что государственные понятия не признавали за ним права сказать свое мнение. Скоро, однако, народ заявил свой голос и протест: безграмотный, неученый, он заявил его не на бумаге, а на деле. Около двадцати лет перед началом XVII в., уже встречаются в польских конституциях известия о замечательном появлении вооруженных шаек из простонародья, нападавших на шляхетские дворы и замки. Вражда народа к дворянству и вместе с тем к Польше разросталась, и ее проявления делались шире и грознее по мере того, как это дворянство, без спроса у народа отдавшее Южную Русь Польше, стало принимать в себя польские елементы и терять народность своих предков. Церковная уния и покушения католичества на свободу древней отеческой веры еще более раздражили народ и даровали его противодействию священное знамя религии. Корпорация козаков стала зерном народной оппозиции. Эта корпорация стремилась расшириться и захватить в себя народные силы. Польское правительство старалось удержать ее в тесных пределах немногочисленной пограничной стражи. Мятежи следовали за мятежами. Косинский, Наливайко, Жмайло, Павлюк, Остранин—оканчивали свои попытки неудачно, но несмотря на то, дело шло прогрессивно; с каждым новым мятежем козацким участие народа становилось шире и знаменательнее; казалось, самые несчастия возбуждали и поддерживали народные силы,— и когда народное негодование созрело, весь народ громадным пластом поднялся, на всем протяжении соединенного с Польшею русского края. Это было выразительное заявление народной воли по вопросу о Люблинской Унии, когда народа не спрашивали, и где не думали не гадали, что он на нее ответит через 80 лет. Окончательною функциею этого народного отзыва было соединение с Великороссиею. В то время это было событие всенародное, дело массы; Хмельницкий угадал ее побуждения. Доказательством может служить то обстоятельство, что после Хмельницкого, когда передовые люди, путаясь в политических комбинациях над неясным и неопределенным положением своего отечества, задумали было соединяться с Польшею, на федеративных началах особности Южной Руси, масса не пошла за ними, покарала их и заявила себя в пользу московского государя. Неуменье московской политики утратило то, что само собою ей отдавалось в руки: западная часть Южной Руси по Днепр была уступлена Польше. Народ энергически противодействовал насильственному андрусовскому договору и, после тяжелой, но безуспешной борьбы, Южная Русь досталась снова Польше, но не иначе, как почти безлюдною. Остатки прежнего населения со временем разрослись, страна обледнела, дедовские воспоминания передавались от родителей к детям, тлели как искры под пеплом в сердце народа, всегда готовые вспыхнуть прежним пожаром, когда случай представится. И этот случай пришел: *Колиивщина* напомнила Полякам, что в южно-русском народе, повидимому порабощенном, забитом, безропотно покорном своей участи—еще может проявиться прежняя саможизненность. По присоединении к России, совершившемся в конце XVIII в., южно-русский народ остался надолго под властью польских помещиков, и, правду надобно сказать, только силе русского правительства эти

польские паны должны быть благодарны за безмятежное сохранение своей власти над древнерусскими землями и порабощенными русскими земледельцами: без этого движение колиивщины отразилось-бы последующим рядом событий в привычном духе. Только событие 19 февраля 1861 года, освободившее южно-русских крестьян от произвола панов, подает прочную надежду на окончательную сдачу в архив трехвекового дела о заявлении народной воли, по вопросу о соединении Руси с Польшею. От благоразумия Поляков будет зависеть на будущее время прекратить всякую возможность перейти этому делу из истории опять в современность.

По нашему общему убеждению, международные споры с Поляками в настоящее время должны прекратиться и не возобновляться никогда. Ни бракосочетание Ягейла, ни Городлянский сейм, ни Люблинский с его политическою унией, ни Брестская церковная уния, ни деулинские, андрусовские, московские договоры, и никакие исторические события, служащие польским патриотам доводами прав Польши на Югозападную Русь, в настоящий век не имеют значения. Обо всем этом можно писать исторические книги, ученые диссертации, читать лекции, многое из этого может пригодиться для картины, драмы, повести, оперы... но все это равно никуда не годится для практического установления международных наших отношений. На старые договоры и межевые записи уже и потому нельзя опираться, что последующие договоры и размежевки уничтожили действительность первых: последующие также точно опирались на силу, как прежние в свое время. Современные понятия о народных правах не допустят называть Люблинскую унию добровольным соединением двух братских народов: она всущности не была тем, чем выставить ее хотят польские патриоты. То было дело одного сословия, а не целого народа. Народная масса не была тогда спрошена и заявила впоследствии свое несогласие рядом отзывов, которые ревнитель последнего соединения постарался пройти *скромным молчанием,* по ясной причине: эти отзывы не слишком приятны его патриотическому сердцу, и вовсе не говорят в пользу его патриотических целей.

Пора, братья Поляки, пора оставить ваши старые погудки, пора сознать полное, совершенное отсутствие в настоящее время всяких прав польской народности на наш южно-русский край; пора обращаться с нами, как с народом равным себе, уважать наше стремление к самостоятельному и независимому развитию наших народных сил, и не считать нас массою, которая не имеет, по выражению автора *Истины о русском духе,* ни особности, ни определительного характера, только для того и годною, чтобы служить сырым материалом для польской национальности;—пора искать с нами не прежней—истлевшей от древности, внешней—но той внутренней, духовной, нравственной—на справедливости основанной—связи, которая одна может быть залогом взаимных стремлений ко всем благам образованности и к успехам на пути умственного и вещественного благосостояния.

Если, вместо обманчивых и извилистых тропинок, Поляки изберут этот прямой путь отношений к нашему народу, то из того возникнут благие плоды как для нас, так и для них. А тот путь, по которому хотят вести свой народ г.г. сочинители, строющие карточные домики в Revue Contemporaine,—это путь погибельный. Мы вполне сознаем это. Дай Бог, чтоб и Поляки сознали тоже.

ПРАВДА МОСКВИЧАМ О РУСИ.*

Вознесеся умом высоты ради сана своего, яко от Москвы прииде, величаяся гражданом, яко и племенем их укори...

(Из жития Моисея, архиепископа Новгородского «Чудо о Сергие архиепископе». Рукоп. XVII века).

В № 6 *Дня* появился критический разбор моей статьи «Две Русские народности», помещенной в одном из нумеров журнала *Основы*. Как видно, это только начало целого ряда статей. Мы решились возражать автору последовательно, не ради пустого словопрения, часто скрываемого авторским самолюбием, а из видов отстоять те убеждения, которые мы считаем истинными, либо согласиться с противником нашим, если он представит убедительные против нас доказательства.

Критик, полагая, что на каждом народе лежит обязанность самопознания или обязанность добросовестно изучать коренные стихии его народности, говорит: «Но именно исполнение этой-то обязанности и трудно. Случайные положения, в которые история, а вернее то неразумие народов, о котором мы говорили выше, ставит, на более или менее долгое или короткое время, тот или другой народ,—образуют в нем *привычки*, которые, по пословице, становятся второю природою. Эти привычки, заслоняя в народе коренные свойства его природы, обольщают его и заставляют обольщать других».

Далее он говорит:

«Тем не менее исцеление возможно. *Изучение истории* делает его возможным. Под внешними очертаниями изменчивых событий, история указывает внутренние качества, которыми определяется сущность (субстанция) народного духа до такой степени, что народ никогда успокоиться не может, пока не найдет в себе быта и обстановки (форм и ассоциаций), соответствующих его духовной сущности. Само собою разумеется, что такое изучение истории сразу не дается ни всему народу, ни отдельным в нем личностям. Национальные привычки, о которых мы сказали выше, вносят и в историческую науку самолюбивый *партикуляризм*, от которого она должна очищаться постепенно. К счастию, самая ложь и противоречия, неизбежные в таких случаях, мало-по-малу саморазрушением приготовляют торжество истине».

Действительно, национальные привычки вносят в науку самолюбивый партикуляризм, и наглядным доказательством этой правды служит статья нашего критика, который, под влиянием самолюбивого национального партикуляризма, делает погрешности против исторических свидетельств и очевидной истины.

Придираясь к моим словам «о силе неизвестных обстоятельств», критик хочет представить дело так, как будто бы я, на основании этих неизвестных

---

* *Основа*, 1861, X, октябрь, стор. 1—15; *підп.: Н. Костомаров.*

обстоятельств, делал вывод о колонизации Новгородского края с Юга. Нет, я говорю только о существовании каких-то неизвестных обстоятельств, давших в свое время, повод к факту, который мне известен вовсе не на основании неизвестных обстоятельств. Из нашей летописи (которую автор называет Нестеровою, и которая не как сочинение, а как состав, должна скорее называться Сильвестровскою) видно, что Новгородские Славяне вместе с другими пришли с Дуная, следовательно—с Юга. Подвигаясь на север, они естественно расселялись так, как указывало положение страны, а не так, как нужно московскому критику для своих славянофильских тенденций,—именно, поместившиеся далее к северу пришли на свое место позже, чем те, которые заняли свои новые жилища южнее. Если-бы летописец этого не сказал, то это необходимо было бы принять само собою, в особенности потому, что земли более южные гораздо плодороднее и привольнее, а потому не могли же переселенцы только пройти через них, а для жилищ искать холодных дебрей и топей. В нашей летописи так перечисляются народы в последовательном порядке от юга к северу: Поляне, Древляне, Дреговичи, Полочане, потом уже Славяне Ильменские. Зайти на берега Ильменя колония Славян переселенцев могла только вследствие каких-нибудь побудительных обстоятельств, которые бы помешали им жить на юге. Эти обстоятельства нам неизвестны. Об этом и я сделал намек. Впрочем в одной сказке, вошедшей в разных вариантах в списки наших хронографов XVI и XVII веков, рассказывается, что именно эти Ильменские Славяне пришли с юга России, вследствие разрушительных потрясений, заставивших их искать убежища; что на берегах Ильменя и в окрестностях его они нашли уже Славянский народ, говоривший белорусскою речью (Кривичей), и что река, близ которой пришельцы основали поселение, называлась Мутная и переименована новыми колонистами в Волхов, а озеро, из которого истекала река, прежде называлось Мойско, и переименовано в Ильмерь. Сказание это сильно обезображено мудростию книжников, но что оно не выдумано и что кое-что в нем взято из народных преданий, доказывает то, что до сих пор осталось в народе местное предание о том, что прежними жителями Волхов назывался Мутною, а Ильмень—Мойско и переименованы Новгородцами, пришедшими издалека. Вероятность, что страна, где поселились Новгородцы, была или обитаема, или граничила с обитаемою Кривичами (Белоруссами), подтверждается тем, что белорусское наречие действительно вторгается в глубину Новгородской земли. Говор белорусский, по уверению местных наблюдателей, слышен уже на Шелони и попадается в северных провинциях Великого Новгорода, в Архангельской губернии. С первого взгляда видно достаточно, что в Новгородской земле Белорусское наречие столкнулось с другим наречием, Новгородским. Особенности этого последнего (Новгородского) наречия даже и до сих пор сохранили довольно яркие оттенки, несмотря на многовековое смешение с восточно-русским. Они-то показывают, что пришлая колония принадлежала к той группе Славян Русского населения, от которой произошла нынешняя народность Малорусская. Я уже говорил, и теперь повторяю, что нашего мнения не следует понимать так, что Новгородцы—чистые Малороссы в том виде, как последних мы себе воображаем по настоящему типу. Тогда в отдаленную эпоху, разумеется, не было таких Малороссов, как теперь: их нынешний тип выработался под последующими историческими условиями. Но мы утверждаем и уверены в том твердо, что Славяне Ильменские принадлежали первоначально к той народности, которая была родоначальною для Малороссов и Новгородцев одинаково и ближе к ним относительно, чем обще-Славянская, а потому древние Новгородцы и Малороссы состоят между собою в ближайшем сродстве, нежели те и другие с Белорусскою и Великорусскою ветвями. До сих пор по берегам Волхова, в Новоладожском уезде и вообще в некоторых местах земли Вели-

кого Новгорода, слышится это сродство в языке, до-того поразительное для Южнорусса, что с первого раза он может счесть Новгородца за своего земляка Малорусса, говорящего по-великорусски, или уже несколько обмоскалевшего [1].

Вот на каких основаниях, а не по силе «неизвестных обстоятельств», как говорит критик, я признаю Новгородцев ветвию Южнорусского племени.

Автор замечает, что Ильменские колонисты не приняли никакого местного видового названия, как произошло с другими, а назывались просто: Славяне. Это он приписывает тому, что славянство сохранилось в своей чистоте на самом севере.

Если-бы так было, то надобно предположить, что Ильменские Славяне, прежде чем постановили и решились навсегда называться Славянами, принимали меры для сравнения себя с другими одноплеменными народами. Но так не бывает у народов, стоящих на слишком малой степени развития, на какой, без сомнения, стояли древние Славяне. Не думаем же мы, чтобы Ильменские поселенцы отправили этнографические экспедиции с целью сравнить себя с другими и упрочить за собою почетное наименование. А иначе как могли они удостовериться в своей относительной чистоте? И где же доказательства, что они назывались так именно по той причине, по какой хочется автору? Разве он думает, что, коль скоро представится пример, что где-нибудь горсть народа называется общим племенным названием, то это свидетельствует о его особенной чистоте? Но вот я представлю ему противное. Есть в Воронежской губернии, в Острогожском уезде, немецкая колония Рибендсдорф. Название ее редкий знает, а зовет обыкновенно *колонок*, а жителей ее просто— Немцы; да и сами себя перед Русскими они иначе не зовут, как так же. Но у них вовсе не самая чистая немецкая народность. Случаи, когда народные группы удерживают, вместо видового, родовое наэвание, обыкновенно означают то, что эти группы были отброшены среди иноплеменного населения,— что, вероятно, было поводом и тому, что Ильменские поселенцы назывались Славянами: кроме Кривичей, они видели вокруг себя финские народы, с которыми приходили в столкновение и над которыми шаг за шагом брали господство. Впрочем, могли быть и другие причины, нам теперь неизвестные, но никак не сознание своей особой племенной чистоты.

Автор справедливо замечает, что Радимичей и Вятичей не следует причислять к группе Славян, прибывших с Дуная. Но к таким же, по моему мнению, Славянам-аборигенам в России следует причислить и Кривичей, ибо их, точно также, как Радимичей и Вятичей, летописец отделяет ясно: он наравне

---

[1] Вот на выдержку свадебная песня, записанная в Новоладожском уезде. Мы соблюдаем для нее правописание малорусское: о за о, и и е—твердое, ѣ за і, но г за *g*, а не за *h*.

Хто у нас хорошой?
Хто у нас пригожой?
Ой люшеньки люли!
Омельян світ хрошой,
Світ-Федотович пригожой.
Ін по горниці ходи,
Сапог не ломае, [2]
Чулок не марае;
Сапожки козлови,
Чулочки ковровы.
Ін коня сідлае,
Конь под ім играе.
На коня садиться,
Конь под ім бодриться.
Ін плеточкой маше,
Под ім коник пляше.
К лужочкам под'їжае,
На їх травка зеленіе;
К річки под'їжае—
Вода розливае;
К терёму под'їжае,
Его дівиця стрічае,
Его Оленушка стрічае,
Світ-Івановна стрічае.
«Поди, мой хорошой,
Поди, мой пригожой!
Долго тебя ждала,
Долго дожидалась:
Со білого лиця спала,
А румянець потеряла,
Теперь увидала—
Серцем свеселилась».

с Радимичами и Вятичами умалчивает о них, когда перечисляет народы собственно Славянские, то есть пришлые с Дуная. Например: «Се бо токмо Словенеск язык в Руси: Поляне, Древляне, Ноугородци, Полочане, Дреговичи, Север, Бужане. Точно также и в другом месте, описывая расселение Славян, летописец не поминает Кривичей наравне с Радимичами и Вятичами: «Словяне, пришедше, и седоша по Днепру и нарекошеся Поляне, а друзии Древляне, зане седоша в лесех; и друзии седоша межю Припетью и Двиною, и нарекошеся Дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошеся Полочане, речьки ради, яже втечеть в Двину, имянем Полота, от сея прозвашася Полочане. Словени же седоша около езеря Илмеря, прозвашася своим именем и сделаша град и нарекоша и Новгород, а друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле и нарекошася Север. Тако розидеся Словеньский язык..» (П. С. Лет. т. I, стр. 3).

Между Кривичами поселилась только колония пришлых, Полочане и Дреговичи. Племя Кривичей было многочисленно. Летописец не указал его точных границ: мы видим их у него только на верховьях Двины, Днепра и Волги, но известно, что они простирались далеко и сохранили свое местное название долее, чем другие русско-славянские народы. Оно заходило и в нынешние губернии Псковскую и Новгородскую, как это видеть можно из белорусского говора, очевидно, составляющего оттенок этого племени. Оно, вероятно, составляло важный елемент в образовании Великорусской—московской народности, ибо изменение о на а есть принадлежность его говора, как и великорусского—московского; *дзеканье*, другая своеобразная черта наречия Кривичей, попадается в таких местах, где Москали в историческую эпоху не находились в возможности усвоить себе его от Белоруссов. Это тоже можно принять, как один из следов распространенности Кривичей по Русскому материку. И потому очень вероятно известие в сказании об основании Новгорода, о переименовании пришельцами в Волхов названия реки Мутной, и озера Мойско в Ильмень: старые, замененные названия—белорусские. Пришельцы Славяне очевидно внедрились в племя Кривичей; на дальнем севере, на окраине их земли, сели Славяне Ильменские, по реке Полоте среди Кривичей уселись Полочане, а между Припетью и Двиною—Дреговичи. Замечательно, что в этих местах преобладает Белорусское наречие; но по близости к Припети до сих пор видны следы Южнорусского языка в поднаречии, имеющем некоторые свои местные особенности и которое можно назвать переходным. Что касается до Радимичей и Вятичей, то кажется, что летописец под Ляхами, от которых их производит, разумеет не Поляков-Ляхов, а других Ляхов, которых он отделил от Поляков словом *друзии* и которых, должно думать, он также не причисляет к пришедшим с Дуная в Польском мире также точно, как и в Русском, пришедшие с Дуная встретили Славян аборигенов. Поселенцы под именем Полян были родственны Южно-русской ветви, и теперь это сродство сильно видно, но летописец, говоря, что есть «Ляхове друзии: Лутичи ини Мазовшане, ини поморяне» отделяет последних резкою чертою от Полян, и когда, в другом месте, он производит Радимичей и Вятичей от Ляхов, в противоположность пришедшим с Дуная Славянам, то этим дает знать, что считает их происходящими не от Поляков, также прибылых с Дуная, а от таких Ляхов, которые с Дуная не пришли. Что касается до Улучей и Тиверцев, то мы соглашаемся с критиком, что их следует причислить к группе Дунайских Славян, хотя они и не были в числе пришедших с Дуная в страны Русского материка от насилия Волохов. Древние жилища Улучей и Тиверцев, прилегая к Дунаю, ставили их в ближайшее сродство с Дунайскими переселенцами, ибо и последние, еще прежде своего переселения на русский материк, жили по соседству с первыми, по течению Дуная, и бежали от Волохов (Италианцев) вероятно тогда, когда Римская империя покорила эти страны (при Траяне).

Автор забавно нерасположен к Радимичам и Вятичам, и называет их искаженным уже ляшским елементом. Это все от нерасположения к современным Полякам. Критик не даром же печатает в такой газете, которая вскоре после своего появления обратилась к Полякам с высокомерною речью. Конечно, для людей этой партии, которой органом служит *День*, все, что Ляшское, Польское, то искажено, то дурно! По делом и Радимичам и Вятичам! Вольно было их праотцам, Радиму и Вятку, заходить из Ляшской земли в нашу Русскую!..

Критик приписывает при-Ильменским Славянам колонизацию восточной, западной и даже южной областей нынешней России, берегов Двины, всего Поволжья до устья Оки, Десны и Днепра. Вот что говорит он: «при-Ильменскиее поселенцы с Дуная прямо назывались Дунайским своим именем: «Словене». Они раскидывали свои колонии по всей центральной области нынешней России, т. е. по верховьям Двины, Волги и Днепра, владея узлом главных жил нашей территории; далее они своими колониями спускались по левой стороне Днепра так, что вся область Десны до Трубежа была занята ими к Югу, а на Восток ими колонизовано было по-Волжье до устьев Оки. Хотя такая обширная колонизация не могла не разбиться на новые, меньшие округи, которые приняли свои местные названия, но члены ее даже на Юге помнили о своем корне, о своей старшей, коренной метрополии, и выразили связь с нею в самом названии своего округа: «Север» или «Северяне». Вот как очерчивает эту *северную* колониальную систему летописец: «*Словени* (держати почаша княженье) *свое* Новегороде, а *другое* на Полоте, иже Полочане. *От них же* Кривичи, иже седят на верх Двины и на верх Днепра, их же град есть Смоленск; туда бо (т. е. в ту сторону от Новгорода) седят Кривичи, таже Север от них», говорит летопись.

Критик умышленно поставил Славян Новгородских с начала и не сказал, что в летописи перед ними говорится: *И по сих братья держати почаша род их княженье в Полях, в Деревьех свое, а Дреговичи свое;* вслед за тем у летописца следуют слова: *а Словени свое в Новегороди, а друзии на Полоте, иже Полочане.* Таким образом очевидно, что летописец дает известие о том, что каждый Славянский народец имел свою автономию, а между ними, наравне с прочими, и Славяне Новгородские. Но нет ни малейшего повода заключать, чтобы эти Словени были какими-то колонизаторами. Выражение *от них*, здесь употребленное, двусмысленно; можно разуметь, что летописец думал указать на происхождение Кривичей и Северян, но можно думать, что он употребил слово *от них* только в географическом смысле. Нам кажется вероятнее последнее; но если допустить другое, то остается еще новое двусмыслие. Можно сказанные слова разуметь: или 1) в смысле одноплеменности Кривичей и Северян с другими, то есть, что Кривичи и Северяне одного Славянского корня с Полянами, Древлянами, Словенами, Дреговичами, Полочанами, или 2) в смысле происхождения от одного из Славянских народцев, именно так, как критик хочет. Но в последнем случае выйдет, что Кривичи и Северяне происходят от Полочан, а не от Ильменских Славян. Но принять последнее, то есть происхождение от Полочан, невозможно, потому что: 1) летописец, исчисляя два раза Славянских переселенцев с Дуная, о Кривичах не упоминает; 2) что он, причисляя Северян к переселенцам, говорит о поселении их на Десне, Семи и Суле, наравне с другими народами, и в числе их с Полочанами, а не производит их от этих Полочан, да и ни от какого-нибудь другого из Русско-Славянских народцев.

Критик справедливо думает, что Белоозеро и Ростов указывают своими именами на Славянское заселение Веси и Мери издревле, и полагает, что призывавшие, вместе с Новгородцами, Варягов Весь и Меря были Славянские посе-

ленцы этих Финских краев. Подробное мнение об этом вопросе я изложил уже в статье «Начало Руси», в 1 книжке *Современника* на 1860 год.

Автор противопоставил строй жизни и политическую организацию северных Славян южным и ссылается на место из летописи XII века: «Новгородци бо изначала и Смольняне и Кыяне и Полочане и все власти, якоже на думу, на вече сходятся; на что же старейшии сдумають, на том же пригороди стануть». Автор неправильно переводит слово *власти* словом *метрополии: власти* значит—*волости, земли;* односторонне слово *пригород* переводит он словом *колонии*. Действительно, колонии делались пригородами, но не все пригороды были колонии главного града. На это нигде указания нет, и быть этого не могло, потому что нельзя же предположить, чтобы в древности Славяне, расселяясь по Русскому материку, непременно сбивались в кучки и из этих кучек расходились в страны, сознавая зависимость от тех мест, где в первый раз собрались в кучку. Не только односторонне, но противно истории и смыслу летописи, критик говорит, будто из этого места летописи видно, что иной был строй жизни у южных Русских Славян, чем у Северных. Как же это, когда в этом месте летописи помещаются Кыяне зауряд с северными народами? Между тем вот как критик импровизирует о судьбе южных Славян: «Южные племена не стояли между собою в такой генетической связи, как Северная группа. Это были спорадически, отдельными группами, расположившиеся выходцы. Это было, если угодно, несколько метрополий, раскинувших около себя пригороды, хотя и на значительное пространство, но на этих первых актах колонизации и остановившихся. Каждая метрополия произошла сама по себе. Это отсутствие связи и энергии выразилось на Юге в слабом развитии городовой жизни. В то время, как Северные Славяне при Ильмене прямо садятся городом Новгородом и оттуда городами выдвигаются в другие места (Полоцк, Смоленск, Ростов и др.), на Юге, в самом представительном племени, у Полян, еще нет города и, долго уже спустя, три брата—Кий, Щек и Хорив «сотвориша град во имя брата своего старейшего и нарекоша имя ему Киев». Такой спорадический характер поселения не много обещал для политической и социальной жизни Южных племен».

Откуда известно, что у южных Русских Славян был такой строй?

«На юге, говорит автор, было слабое развитие городской жизни». А между тем в глубокой древности у Улучей и Тиверцев были города на Днепре и по Черноморскому поморью: *седяху по Днестру оли до моря, суть гради их и до сего дне*. Да в XII веке на юге городов было более, чем на севере, и о многих известно, что они были значительны по своему времени, например, Киев, Владимир, Галич, Перемышль. Критик уверяет, будто в те времена, когда уже существовали, кроме Новгорода, Полоцк, Смоленск, Ростов (в фантазии славянофила—населенные из Новгорода!), еще не было Киева. Откуда это ему известно? Разве год или даже век основания Киева известен кому-нибудь точно также, как и других упомянутых городов? Желательно знать каких читателей автор воображал перед собою, когда писал подобное. Неужели ему неизвестно, что теперь прошли добрые времена *Маяка* и Савельева-Ростиславовича? Ведь теперь эти вещи достаточно известны и гимназистам высших классов, и те засмеются, услышав, что кто-то пытается доказать, какой город построен прежде другого из числа тех, о которых им уже самим по источнику известно, что нет возможности этого сделать.

Питая постоянную злобу к бедным Радимичам и Вятичам, критик приписывает грубость нравов у Северян влиянию Ляшских колонистов Радимичей и Вятичей. «Это огрубляющее влияние отдельности от единокровных братьев сказалось и на Северянах, как скоро Ляшские колонисты Радимичи и Вятичи поселились возле них». Все эти Ляхи! Эти несносные Ляхи! Одно прикосновение их вредно Русскому человеку! Что я говорю—прикосновение? Сидеть

близко нас им не следует! Это язва здешних мест! За тысячу слишком лет Русские Славяне жили в любви и согласии между собою, имели кроткие обычаи, цивилизацию, высокую *духовную сущность*, наслаждались созерцанием своего племенного единства и чистоты Ильменских Славян... Как хорошо тогда было! И почему бы так не оставаться! Так нет же!—принес бес этих Радимичей и Вятичей, этих досадных Ляхов! Как уселись они подле Северян, так сейчас Северяне и испортились и огрубели, завелись у них «игрища межю селы, бесовское плясанье», завелось сожигание мертвых, срамословие пред отцами и снохами (на последнее Ляхи заметить могут буквально тоже, что и басне заметил бес отшельнику о яйце, испеченном на свечке). А как Северяне испортились,—все блаженство Русских Славян пропало!

Было-бы очень кстати, если бы какой-нибудь наставник юношества, читающий своим питомцам басни Крылова и Хемницера, прочитал им тираду славянофила о Радимичах и Вятичах и в заключение сделал-бы такое об'яснение: Сия басня, любезные дети, поучает нас, что в Москве существуют люди, называющие себя славянофилами, еже сказуется славянолюбцами; но в сущности они не таковы, каковыми себя выставляют, они хотят воспитывать в своем народе неприязнь против другого славянского народа, который и малочисленнее и слабее того народа, к которому они сами принадлежат; и с этой целью они, сии так-называемые Славянолюбцы, уродуют и искажают преданья старины глубокой, прибавляют к рассказам летописцев свои выдумки и тем показывают, что не уважают истины. И так, любезные дети, когда возмужаете и будете встречаться с писаниями выше-означенных Славянолюбцев, то не доверяйте их историческим теориям: знайте, что они создают их не по любви к истине, и из желания удовлетворить национальному тщеславию, от которого, любезные дети, старайтесь сохранить себя, аки от злыя заразы: она тем опаснее, что очень прилипчива. Вот, эти Славянофилы—добрейшие, честнейшие, умные и сведущие люди, а от нее не могут избавиться.—О, Москва! как в нынешних чадах твоих зрятся отцы и деды их! Вспомнишь поневоле Конисского, который, описывая солдат великорусских, «бывших еще тогда в серых зипунах и в лычаных лаптях, не бритыми и в бородах, то-есть во всей мужичей образине», замечает, как «они имели однако о себе непонятное высокомерие или какой-то гнусный обычай давать всем народам презрительные названия, например: Полячишки, Немчурки, Татаришки и так далее». (Конисский, 145). Много налгал Конисский в своей истории, но в этом месте сказал сущую правду, да и сказал метко.

Задав себе фальшивое, ни на чем не основанное, положение—наваливать на Ляшское население все, что можно выдумать худое и зловредное для древней Руси, именно потому, что они—Ляхи, критик, ни с сего ни с того, в покорении Северян Козарам обвиняет Вятичей.

Взявшись, таким образом, за перо с целью—доказать неверность моего взгляда на двойственность Русской народности, критик создает прежде всего целых три теории, совершенно мечтательного и произвольного свойства, и на своих положениях зиждет свою систему, которая имеет претензию уничтожить мой взгляд на древнюю нашу историю и вообще на сущность Русской народности; он, произвольно, без всяких оснований: 1) признает чуть не всю Русь колонизациею Новгорода; 2) произвольно находит особые свойства строя у северных и южных Славян и приписывает северным русским Славянам исключительно, еще в древнейшую епоху, мысли политического единства, отрицая их у южных,—в глубокой древности видит у северных какой-то особенный городовой строй и цивилизацию, чего не было у южных; 3) произвольно приписывает Радимичам и Вятичам какое-то враждебное и вредное влияние на других Славян, на том основании, что они Ляхи. Первое и второе выводится с целью проповедывать превосходство севера над югом, из местного высоко-

мерия перед южно-руссами и притязания на право власти первых над последними,—третье—с целью унижать Поляков, к которым не благоволит вообще газета *День*.

Не ясно-ли, что критик хочет употреблять науку средством для поддержания посторонних своих убеждений, имеющих для него смысл уже не в науке, а в современной жизни? Достойно ли это того, кто принимается за науку? И этот критик хочет обвинить меня в тех качествах, которые имеет сам и заявляет самым резким и ребяческим образом. Употреблять науку для посторонних целей! это недостойно честного ученого. Было бы извинительно, если бы автор только заблуждался невольно; нет, он *не заблуждается* невольно: он сочиняет, он напускает туман.

Далее у автора произвольные фантазийки следуют одна за другою. Что, например, скажет всякий, занимающийся русскою историею, о такой фразе: «во время варяжского владения и под его влиянием нарушена была та *правда*, та честность отношений, какая изначала была между *властями*, или метрополиями, и *пригородами, или* колониями?» Откуда автору известно это ■ где есть современные свидетельства или сведение о такой правде и честности перед нападением Варягов? Далее автор говорит: «В призвании князей Новгородцы увидели средство умирить колонии с старшею метрополиею». В летописи говорится об усобицах между родами, а не между колониями и метрополией; может быть, и так было; может быть, колонии (исключая самобытных Кривичей) действительно входили в раздор с Новгородом; но все это может быть, а может быть этого и не было. Автор же свои выдумки выдает за несомненную историческую истину.

О походе Олега в Киев автор рассказывает такие небылицы: «Олег идет искать себе дела на Юге. Его движение из Новгорода привлекает множество охотников из северного населения, и вот северная цивилизация движется с ним на Юг. Юговосточная отрасль Кривичей, после занятия Смоленска и Любеча, присоединяется опять к Новгородской системе—и население ее, увеличив новыми северными повольниками массу идущих с Олегом, увеличивает только имеющее начаться влияние севера на юг. Теперь должна установиться прочная связь юга с севером, и самый юг, при помощи северного колониального начала, сплотится своими доселе разрозненными членами ■ одно целое. Северное начало встречается с югом (уже не впервые) на земле Полян. Освобожденные было вольными дружинниками, Аскольдом ■ Диром, от власти Козар, Поляне устраиваются теперь по северным началам. Аскольд ■ Дир, образчики тех Варягов, благодаря которым между едиными во всем северными Славянами «не бе правды», умерщвлены. Слабые Поляне принимают Олега и пришедшую с ним северную систему без сопротивления. Какая же это система? Это система Новгородская, система колонизации, приводимая ■ исполнение массою северных повольников, двинувшихся изо всех северных центров при движении оттуда Олега и тесно к нему примкнувших: это та Русь—Новугородцы, о которых слишком прямо говорит летопись, чтобы незнать этого кому-нибудь, а тем более г. Костомарову».

Что охотники северные были у Олега—это так: это видно в летописи; но там нет и следа какой-то северной цивилизации. И откуда взялась эта северная цивилизация, и в чем она состояла? Если что-нибудь было тогда похожее на цивилизацию, то скорее на юге, по близости к Греции, с которою Южноруссы были ■ сношениях. Правда, что с покорения Киева Олегом, Киев и за ним южная Русь вошли, так сказать, в ту систему связи, которая возникла на севере вследствие однако не каких-нибудь прежних начал, а чужеземных покорений; но где доказательства, что Олег приходил туда с заранее сознанною системою колонизации? Мы видели прежде, что самая система эта на севере, по отношению севера к другим Русским Славянам, есть мыльный

пузырь, исчезающий от малейшего дуновения критики. Если историк-исследователь по следствиям исторических явлений будет искать сознания таких следствий в головах тех, которые были виновниками этих явлений, то его исследование будет в большей части случаев ошибочно. О Руси-Новгородцах я положительно не знаю и не ведаю, хотя критик и думает меня пристыдить таким незнанием; я я знаю только то, что имя Руси в конце XI и в начале XII века (когда складывалась летопись) принималась в двух значениях: в смысле Киевской Земли и в смысле вообще федерации земель, состоящих с Киевом под управлением одного рода. Новгород, в последнем смысле, был Русь, но в первом никогда; напротив, и после того нередко противополагался Руси, когда говорилось об отношениях его к Киеву. Известие, что от Варяг прозвались Новгородцы Русскою землею, не доказывает, чтобы Киев от Новгорода назвался Русью, когда сам Новгород сделался Русским от призвания Русских князей, а эти пришельцы не Новгородцев послали, а сами перешли в Киев; следовательно если Поляне приняли имя Руси, то непосредственно от тех пришельцев, которые пришли к ним, а не от Новгородцев, которые, как и Поляне, заимствовали это имя так недавно в сравнении с последними. Притом, мы видим, что Новгородцы его местно потеряли, а Поляне удержали. Покажите мне хоть одно место, где-бы Новгород назывался Русью в местном значении! Сам Новгород почти исчезает из летописей до самого избрания Владимира.

На первый раз довольно. Критик задает нам целый ряд вопросов. Мы боимся, чтобы московский партикуляризм не увлек его до того, что мы станем вне возможности толковать с ним серьозно. А на то похоже, когда он выкидывает из науки *привычки*, отличая их от истинных элементов *народности*. Таким образом все, что ему не нравится, он относит к *привычкам*, а чего хочет—к истинным *элементам* народности, и, конечно, к последним отнесет и то, что сам выдумает и чего на самом деле не было, как например, северная цивилизация на русском материке в неизвестные и незапамятные времена. Отделение *привычек* от истинных *элементов*—это московская лазейка; мы будем говорить: это наши истинные элементы народности; они нам дороги, священны, и вы скажете: неправда, это привычки, вы должны с ними расстаться, а вот ваши элементы,—и будете указывать на то, чего в самом деле не было в истории и теперь нет в духовной и общественной жизни, или же на то, что хотя и существует, но от чего мы отвращаемся, как от временных привычек.

25 ноября 1861 *.

---

* Sic.

ИУДЕЯМ. *

Нам запрещают употреблять название *Жид:* некоторые из тех, которых мы по простоте сердца так называли с незапамятных времен, оскорбляются этим. Трудно заставить Малороссиян вообще оставить название, которое вошло в привычку, но что касается до меня, то я стану употреблять название, которое до сих пор у нас было в обычае только в высоком слоге. Надеемся, что этим не только не оскорбятся, но примут его с такою же охотою, с какою мы предлагаем его. Это название—Иудеи. Слово *Жид,* с древнейших времен общеупотребительное у Славянских племен, принятое, быть может, из Италии (Giudeo), однозначительно со словом *Иудей,* но не однозначительно со словом *Еврей,* которым велят нам называть их. В этом мы не согласны с г. редактором *Основы* (VI, 137). Иудеи—видовое, Евреи—родовое название; это все равно, что название Русские и Малороссы, или Белоруссы. Все Иудеи—Евреи, но были Евреи—не Иудеи; а те Евреи, с которыми мы имеем теперь дело,—Иудеи. Итак, кажется, мы угодим вполне и тем, для которых слово *Жид* пахнет чем-то неприязненным, и своему хохлацкому упрямству, чтобы нас не заставляли называть народ так, как мы его никогда не называли.

У нас возник ужасный спор с Иудеями. Что же это за спор? Уж не продолжение ли того, который в XVII веке вел против них наш знаменитый Голятовский в своем «Мессии Праведном», побуждая делать Жидам всякие пакости за то, что будто бы они делают пакости христианам? Ничуть не бывало. Этот спор начался с названия. Это спор, напоминающий знаменитую ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифировичем. Что же делать? Ведь ничтожное, повидимому, название *гусак* довело же до взаимных обвинений в ехидных и в ужас приводящих поступках, и до страшного прикосновения к делу бурой свиньи! Подобно тому и спор Иудеев с Малороссами начинает разрастаться до исполинских размеров. Уже название осталось назади; враждебные стороны готовы перенести свою войну на поле истории и статистики; но и за Иудеев восстает на нас вся литературная Великороссия. Вратов у нас много, враги сильны. Но делать нечего, убежать постыдно, и *громады* бросать не подобает. Так или иначе, а придется, по выражению Богдана Хмельницкого, «без найменшого откладу, все настоящие господарские дела и жнива оставивши, з добрым риштунком военным в совокупление войсковое прибувати и на хвалебном пляцу военном умерати и страдальческий, при своей истине и обороне, венец прияти».

С чего склалась колотня, кто начал? Иудеи. *Основа,* занимаясь своими господарскими делами, коснулась как-то Иудеев и назвала их Жидами, то есть назвала так, как называют их миллионы Русского народа, не зная ни Еврея, ни Иудея. За это кто-то, подписавшийся П—в, написал к редактору укорительное письмо: «как де смеют называть Евреев Жидами, когда *это имя сделалось нарицательным словом вообще всякого плута и мошенника—все равно,*

* *Основа,* 1862, I, січень, стор. 38—58; *підп.: Н. Костомаров. З приводу сеї статті див. Передмову.*

был ли он еврейского, католического или православного вероисповедания!» По доводам г. П—ва, это значит, что *Основа хочет пробудить средневековую вражду, возвратить свой народ ко временам Богдана.* Г. П—в спрашивает г. редактора *Основы:* «доставить ли ему душевное удовольствие, когда раз'яренная чернь проведет свой неумолимый нож по тысячам несчастных жертв и кровь почти полумиллиона Евреев безвинно прольется на Украине?» И добавок г. П—в присовокупил, что только вера в благородство целей и стремлений редактора побуждает его просить письменно, а не печатно, не гласно, не употреблять гнусных выражений, принятых журналом, и заменить их национальным именем.

Очевидно, что г. П—в страдает невообразимою трусостию, когда употребление обычного в народе названия могло пугать его видением гайдамацких ножей. Судя по себе, он и в редакторе *Основы* предполагает подобную трусость. Но ошибся: редактор напечатал его письмо вместе с своим ответом.

Требование г. П—ва было очень странно, претензии его до крайности наивны. Иудей сознавал сам, что название, бывшее у нас много веков собственным названием народа, сделалось нарицательным словом вообще всякого плута и мошенника. Что же нам делать? Тем хуже для Иудеев, но пособить этому не в наших силах. Редактор *Основы,* по нашему убеждению, отвечал то, что следовало, именно: что слово *Жид* есть собственное имя, употребительное для этого народа с незапамятных времен, и само по себе не заключает бранного, оскорбительного смысла; что презрительный и невыгодный взгляд на Жидов в народе не происходит от слова *Жид,* а от исторических причин; и привел при этом народную думу, где изображает те утеснения, какие некогда Украинский народ терпел от Жидов-орандарей, находившихся под покровительством польских панов. Очень кстати было привести эту думу: редактор *Основы* отстранял от себя все, что мог бы сказать неприятного для Иудейского племени, а заставил говорить сам народ. В заключение редактор сказал: «До-сих-пор Еврейское племя живет особняком среди Южно-русского населения; до-сих-пор оно не имеет ничего общего с нашим народом и не сделало ни одного шага к сближению с ним, а, напротив, не редко действуют противно духу и пользам нашего народа. Для нации ничего не может быть вреднее, как существование посреди нее других народностей, которые держат себя в стороне и равнодушны к ее судьбам, или—что еще хуже—стремятся подчинить ее своей власти, или своему влиянию. Взаимное сближение, просвещение понятий, изменение вредных общественных отношений—вот то дело, которому с пользою и успехом могут посвятить себя люди, желающие послужить своему народу. Вместо того, чтобы тратить свои силы в тщетных спорах и несправедливых притязаниях, лучше постараемся, отложив в сторону всяческое самолюбие, внимательно и беспристрастно исследовать зло во всех его проявлениях; тогда мы откроем причину и средства, тогда мы достигнем и до взаимного понимания друг друга,—а понимание есть начало примирения».

Мы нарочно выписали эти слова, потому что на них-то впоследствии посыпались обвинения. Последний период, начиная со слов: «взаимное сближение», показывает, что редактор вовсе не проповедник вражды к Иудеям, и следовательно с этой стороны не честно будет нападать на него. Остается то, что стоит перед этим: т. е. взгляд редактора на современные и на прошлые отношения Малороссии к Иудеям. Здесь редактор может быть неправым: он говорит, что Иудеи не сделали ни шага к сближению с Малороссийским народом; но те, которым это не нравится, пусть представят факты Иудейских стремлений к сближению с Малороссийским народом. И если факты эти будут убедительны, то мы надеемся в редакторе видеть достаточно благородства, чтобы сознаться в прежней ошибочности своего взгляда; так точно,

как в подтверждение слов: «нередко действуют противно духу и пользам нашего народа», редактор мог бы привести хоть такой подтвердительный факт:

В городе Радомысле, Киевской губернии, полиция получила сведения, что местные мясники Евреи, вместо баранины, продают дохлых собак; поэтому 16 ноября вечером осмотрены были мясные лавки, и в одной из них найдены три убитые собаки, с которых Евреи снимали кожу. Лавка была немедленно запечатана, и к ней приставлен караул; но когда на следующее утро полиция прибыла с понятыми и медиком для составления акта, то в лавке вместо собак найдена свежая говядина самого лучшего сорта; между тем, печати, приложенные накануне к дверям лавки, не были повреждены. (С. П. Б. Вед. 1862 года, № 8).

Также точно следовало фактами опровергнуть мысль, что для нации вредно существование посреди ее других народностей, которые держат себя в стороне и равнодушны к ее судьбе. Признаемся, мы сами первые в этом отношении не согласны с г. редактором *Основы*, и нам кажется, что он сказал не то, что хотел сказать, тем более, что в какой бы точки зрения ни смотреть на Евреев, они не были равнодушны к Малороссам и не держали себя встороне: даже дума, приведенная редактором, говорит совсем не то об этом народе. Как бы то ни было, с редактором можно было спорить, не соглашаться, но никак нельзя было его упрекать нравственно во вражде к Еврейскому племени и в исключительной национальности, не терпящей сближения с другими, коль скоро он заявляет желание этого сближения.

Не так поступил *Сион*, иудейский журнал, поместивший в 10 № 1861 года статью: *Основа* и вопрос о национальностях. Соглашаясь с редактором *Основы*, что слово Жид действительно не имеет ничего оскорбительного,—из слов редактора, что «для нации вредно существование других народностей, которые держат себя в стороне и равнодушны к ее судьбам», *Сион* выводит, что тут проповедуется истребление и изгнание таких народностей, вспоминает инквизицию, времена варварства и феодализма; тогда как все, что высказал редактор *Основы* о необходимости сближения между Южноруссами и Евреями, ясно охраняет его от таких недостойных намеков. Считать вредным пребывание хотя бы Иудейского племени на своей родине не значит еще проповедывать их истребление или изгнание. Вред этот можно желать исправить более гуманными, мирными средствами, на какие и указывает редактор в общих местах. По нашему мнению, редактора можно было обвинить за неточность и общность выражений. Редактор виноват в том, что хотел выразиться слишком мягко об Иудеях, и попал в ошибку. Мы пишем теперь смело то, что думаем об этом, и пусть, пожалуй, Иудеи поднимут на нас такой же всеобщий протест всей русской литературы, как на *Иллюстрацию*. Народность, которая только равнодушна к благу страны, где живет, и держит себя встороне, по этому одному не может считаться вредною: у нас в городах живут ремесленники и торговцы Немцы, Французы, Греки, Татары и проч. Мы не можем видеть в этом ничего дурного, а правду сказать—они по большей части и очень равнодушны к благу нашей страны. Народность чуждая, живущая посреди господствующего по массе туземного населения, бывает вредна тогда, когда, пользуясь обстоятельствами этой страны, захватывает в свои руки исключительно какую-нибудь ветвь общественной деятельности и вместе с тем сохраняет свои особые цели и стремления.

Такими действительно были у нас Иудеи. В Польском мире, которого основания сохранялись и до позднейших времен, благодаря крепостному праву, народ, порабощенный панству, мог только через промыслы, ремесла и торговлю возвышаться и противодействовать сколько-нибудь роковой судьбе, постоянно осаживавшей его все глубже и глубже в печальную яму бесправия и страдательного терпения. Так действительно и было на западе, где среднее

сословие поставило оплот произволу баронов, и хотя все-таки не вывезло с собою разом всего низшего класса, но по крайне мере действовало постепенно на этот класс и послужило на будущее время горнилом народной самобытной цивилизации, действовавшей на развитие равноправия. В Польше и Малороссии эта роль не досталась народу: ее заняли Иудеи, народ, который, по своей древней исторически развитой природе, не мог действовать иначе, как для собственных, отдельных от туземцев целей. Что бы не говорили Иудейские патриоты о гуманности и общечеловечности Евреев, какие бы не приводили отрадные факты из сочинений своих раввинов, но все это не более, как второстепенные явления еврейской мыслительности, а не дух иудейства. Довольно знать «Ветхий Завет», чтоб видеть, что Иудеи во все времена, пока оставались истыми Евреями, должны были пребывать изолированными от других племен, почитать себя единым избранным от Бога народом. В длинный период своего изгнания, Евреи питались и питаются надеждою возрождения и пришествия Мессии; а эта эпоха представляется в воображении их эпохою власти и могущества над всеми племенами земными. Буквально принимаемы места ветхого закона (в христианской церкви понимаемы в высшем, духовном смысле) прямо указывают им на это. Страна, где живут они, не есть их отечество: оно у них впереди, оно откроется им тогда, когда совершится обетование Мессии, а то, что временно соединяет их на земли, есть Иудейское племя. Таким образом, вся деятельность истинного Иудея должна быть посвящена исключительно пользам своего племени. Живучи среди иноверных и иноплеменных народов, Иудеи не смешивались с ними и искали среди них только средств собственной выгоды, хотя бы она сопряжена была и с невыгодою чуждого им населения. Самая библия научает их обращать благосостояние края, где живут, на исключительное свое благосостояние: «богатства язык снеси», говорит им пророческое обетование. Слова нет: Евреи народ вообще чрезвычайно способный и умный, содействовавший развитию человеческой образованности в большей степени, чем сколько нам представляет до сих пор историческая наука. Важный вопрос этот еще впереди для разрешения, но несомненнно и то, что они же ему и препятствовали, когда дело касалось вопросов более широких, вызывавших новые силы из недр подавленных веками масс; ибо Иудеи всегда обращались с своими стремлениями на ближайшую практическую дорогу, ведущую прямее к удовлетворению их народных целей, а эта дорога была всегда дорога угождений существующей силе,—хотя бы и несправедливому произволу. Таким образом, когда Иудеи рассеялись в Польше и Малороссии, они заняли место среднего сословия, сделались вольными слугами и агентами могучего панства: они прильнули к сильнейшей стороне, и было им очень хорошо, пока народ, восставши против панства, не подверг своему осуждению и помощников последнего. Иудеи, имея в виду только свои и своего племени выгоды, стали извлекать их из тех отношений, какие образовались между панством и хлопством. Таким образом, Иудей стал factotum пана; пан доверил ему все свои доходы, свои шинки, мельницы, заводы, или свои имения и своих подданных, даже иногда и веру последних, когда она, в глазах его фанатизма, перестала иметь святость. Иудей почитал себя действующим справедливо и законно, ибо закон был то, что было угодно сильному классу, правившему страною. Козаки, восставши против панства, истребляли Иудеев безчеловечно. Без сомнения, кроме поводов, вытекавших из общественных и административных условий страны, примешивался к этому несчастный христианский фанатизм, но и то несомненно, что в Южнорусском народе один этот фанатизм не произвел бы таких печальных явлений, все равно как одна религиозная привязанность к православию не ополчила бы народ и на католичество. Этот народ дружил же с Татарами-мусульманами и шел с ними на Поляков, дружил он и с Поляками, пока Поляки не вывели его из

терпения. Прислушиваясь к суждениям Южноруссов об Иудеях, мы не раз имели случай заметить, что они редко и мало смотрят на последних недружелюбно с религиозной точки. Иудей для Украинца не мил потому, что он считает последнего способным его обмануть, воспользоваться его стесненным положением для своих выгод, прижать его, если будет случай. В Иудействе вообще для Южнорусса есть что-то, если не враждебное, не постоянно тяготеющее, то холодное, бесчувственное к его состоянию, прозябающее в его среде только для себя, проходящее по одной с ним жизненной дороге, но к другим целям. Он знает, что Иудей всегда ему посторонний: высечет ли его эконом—Иудей не почтит сочувствием его раны; возьмут ли у него дочь на растление—Иудей посмеется над его горем, а может быть и сам поможет его совершению, повезут ли его сына в рекруты—Иудей не разделит с ним семейного горя; неурожай ли у него, пожар ли—Иудей не пожалеет об этом, если не увидит, что бедствия эти простираются на него самого. Нет у него с Иудеем ни дружеской беседы, ни общей трапезы; поселянин обращается к нему только тогда, когда есть нужда, и притом зная, что Иудей будет наблюдать одну свою пользу. Иудеи—надобно честь им отдать—часто люди, в сущности, очень нравственные, хорошие отцы семейства, не затруднятся пользоваться как угодно безнравственностью Южнорусса. На лице этого народа Южноруссы будут видеть начертанную холодною рукою судьбы надпись: «я сам по себе, ты сам по себе». Между тем, такого отношения нет у них положительно ни с каким другим народом. Все другие иноземцы, если и стоят в особности от народа, то по разности приемов жизни и более по языку, а не по принципу отделения. Они равнодушны к вопросам национальным, но это равнодушие часто стирается и делается незаметным в частных отношениях. Например, нельзя сказать вообще, чтоб между Немцами и Русскими была большая симпатия, если принимать массу тех и других; но в отдельности стоит только Немцу знать по-русски и Русскому по-немецки и несколько сходиться в нравах и понятиях, и между ними может быть даже дружба. И в самом деле, нередко случается, что Русский, по принципу и разным взглядам нерасположенный к положению Немцев в России, имеет у себя искренних друзей между Немцами. Признаемся, нам не случалось видеть, чтобы Русский сошелся и подружился с Евреем; это трудно видеть даже между образованными людьми обеих наций. В Иудее, развитом человеке, нередко Русский встречает какую-то холодность, сухость, бессердечность: так и видно, что за пределами его иудейства для него хоть волк траву ешь. У тех же, которые принимают христианство и, повидимому, отрекаются от иудейства, прежние национальные побуждения нередко заменяются одним сухим эгоизмом, и вот причина, что у нас к *выхристам* не только не выражают симпатии, как бы можно было надеяться по отношению к новопоступившему в наше общество, напротив, смотрят на них недоброжелательнее, чем на сохраняющих свою веру. Это оттого, что у последних видят достойную уважения любовь и преданность своей религии и своей национальности, выкрестов же считают потерявшими в душе эту праотческую святыню и не заменившими ее ничем другим священным. Разумеется, бывают исключения, но мы говорим о современном воззрении: так привыкли смотреть на тех и других.

Эти характеристические черты иудейской национальности, по нашему мнению, истекают из духа ветхозаконности, необходимо долженствовавшей принять образ отложения от прочего мира. После потери Иудеями отечества, они подвергались крайним унижениям, в котором находился Иудейский народ в продолжение тысячелетий. В истории иудейского рассеяния есть сторона в высокой степени величественная, поэтическая. Народ, давший почти всему образованному миру религиозный строй, народ, положивший фундамент

всему, что составляет сущность нравственного развития, цивилизации человеческого рода,—народ этот остается со старыми формами недвижимо среди грядущих поколений. Перед ним совершаются радикальные перевороты, перед ним исчезают племена, возникают новые народности, совершают течение своей жизни и перерождаются,—а этот народ все тот же, непоколебим и крепок, живет прошедшим, не глядит в будущее; повсюду гоним, попираем, унижаем; национальности, зверски враждебные друг против друга, примиряются и сходятся на одинаковом презрении к бедному, проклятому небом, отверженному *Жиду:* ему плюют в лицо в благодарность, когда он окажет услугу, ожидая за нее куска хлеба; его сожигают и убивают для потехи; чувства совести у народов не оказывается, когда дело идет об оскорблении Жида: Жид не человек, Жид хуже собаки! И, не смотря на такую всеобщую анафему всего образованного человечества, это *отребие* народов не падает духом: этот народ признает за собою нравственное величие и превосходство перед теми, кто ругается над ним; он изучает пружины общества, среди которого осужден на безвыходное терпение, узнает его слабые стороны, пользуется ими и, как-будто в посмеяние безумия тех, которые презрительно с ним обращаются, находит себе в этом негостеприимном обществе такое положение, что овладевает важнейшими ветвями общественных сил, вертит королями, панами, баронами, в его руках торговля, деньги—душа мира. Деньги! «Жид любит деньги, больше всего любит Жид деньги»—повторяется с незапамятных времен эта избитая фраза. Действительно, и в XII веке Жид через деньги управлял борьбою Итальянских партий, и в XVI веке Жид вышел на сцену в гениальном типе Шекспира, в его Шейлоке, и в XIX веке тот же вечный Жид является в многосложном образе европейского банкирства. Этот вечный Жид поймал слабую струнку мира и держится за нее и водит миром, а мир был обманут: мир думал, что Жид у него под пятою, а сам и не услышал, как очутился у Жида на привязи. Иудей совершает изумительную борьбу с историей: история осуждает его на бедность и нищету,—Иудей овладевает богатствами мира; история осуждает его на невежество и одичалость порабощенного состояния,—Иудей делается великим философом, поэтом, композитором; история выбрасывает его из колеи человеческого развития,—Иудей пролагает себе собственный путь, заходит вперед и смотрит иронически на это развитие, говоря сам себе: «идите, идите, боритесь... я буду смотреть и дожидаться; все для меня; безумцы вы, не знаете, что трудитесь, терпите для меня, пренебреженного, забитого, оплеванного, грязного Жида». История не раз грозила стереть Иудейское племя с лица земли,—и на зло истории, Иудейское племя распространяется по всем концам земли. Жиду говорят: «ты хуже всех колен земных»,—и он не спорит, он кланяется и, повидимому, соглашается, и в душе у него остается сознание превосходства над всеми. Поразительна черта, которую, без сомнения, редкий не испытал в своей жизни, имея случай вступать в дело с Евреями. Вот иностранец Еврей приходит к вам в дом с фальшивым золотом. «Ты Жид!»—говорят ему—«Нет, Боже сохрани!»—отвечает он и начинает с презрением отзываться о Жидах. «Я честный Немец, не извольте меня обижать!» и укладывает свой товар. И вы чувствуете, что оскорбили его, и готовы просить у него прощения, чтобы успокоить его оскорбление, покупаете у него медь за золото, а он смеется над вами. Браните его племя, как угодно! Он не дорожит вашим мнением; он пренебрегает вашим словом: он вас презирает делом. «Иудеи выше всех колен земных», думает он, и доказывает это своей гигантской борьбой с роком, перед которым падали во прах сильнейшие племена земли. И что ожидает этот народ в грядущем? Что если наше цивилизованное общество, после многотрудной борьбы со своими недостатками и страстями, кидаясь то в ту, то в другую сторону, доходя почти до отчаяния и потеряв веру в свою нрав-

ственную мощь, обратится к этому некогда отверженному народу и призовет его, как некогда наши предки варягов, устроить у себя наряд?

Как бы то ни было, очень понятно, что Иудеи, живя в обществе с своеобразными древними формами верования и жизни, с сознанием особого для себя будущего, в котором им предстоит первенство над всеми земными племенами, в обществе, которое единодушно пыталось стереть их с лица земли,— эти Иудеи не могли иначе сохранять свое существование, как овладевая слабыми сторонами этого общества для того, чтобы обратить в свою исключительную пользу его жизненные силы. Это был единственный путь самосохранения; иначе от Иудейства давно уже не осталось бы ничего.

В нашей родине Иудеи действовали с таким же тактом, как и везде, и если здесь они испоместились особенным образом, то это зависело от тех сторон, которыми они воспользовались, найдя их в земле нашей. Слабейшая сторона нашего общества, в эпоху соединения нашего с Польшею, состояла в разрыве между панством и народом и отношениях власти первого над последним. Иудеи ударили прямо в эту струну. Способствуя порабощению и унижению народа, они в то же время обращали в свою пользу значительную выгоду, какую получало панство, мазали панов по телу собственным их салом, как выразился один из наших старых летописцев. Порабощенное состояние земледельцев, продолжившееся и впоследствии, причина, повод, что Иудеи продолжали держать в руках промышленность и торговлю, лелеяли барскую лень сильного пана и апатичную лень забитого мужика. Они не питали симпатии ни к тому, ни к другому, а пользовались только известным statu quo. Нравственные интересы края и народа существуют для них только по отношению к себе. Столкнулся ли Иудей с человеком нравственным, которого нельзя никак искусить на худое,—он пользуется, на сколько может, тем отношением, в какое с ним поставлен; он даже может побудить его на какое-нибудь доброе дело, но имеет в виду только то, что ему перепадет из этого доброго дела; но если перед ним суб'ект безнравственный, он также станет потворствовать его дурным побуждениям, чтобы воспользоваться ими. Жившие в южных и западных губерниях знают, как часто Иудеи развивают у поселян склонность к пьянству, охотно дают ему *на-борг* водки, чтоб потом запутать, разорить, чтоб все достояние пьяницы перешло в их шинки, как побуждают поселян на воровство и принимают краденные вещи, как услуживают разврату и соблазняют женщин, как умеют извинить всевозможные страсти, чтоб довести человека до положения, выгодного для себя, хотя бы окончательно разрушительного для него. Это делается, однако, не по какому-либо глубоко безнравственному побуждению, не по склонности ко злу, а по холодности и безучастию к миру, стоящему за пределами Иудейства. Иудей редко будет сознательно делать зло, как и добро; он посторонний причинам, управляющим тем, что вокруг него происходит; ему посторонни и светлые, и темные жизненные явления: его дело—пользоваться ими, когда случай представляется, когда они сами, так сказать, напрашиваются быть ему полезными.

В таком духе поступил и *Сион*, иудейская газета. По поводу возникшего спора иудейства с *Основою*, он тотчас увидел у противника то, что во внешности показывается слабою формою; это—узкость национальности, в которой могут, по расчету *Сиона*, обвинять *Основу*, как журнал, имеющий целию специальное изучение одной половины России. Кто привык смотреть на Россию и русскую жизнь только с внешней стороны (а таких—ух!—как много у нас!), тот легко дойдет до такого заключения: писать на южнорусском языке, поддерживать южнорусскую народность—не значит ли расторгать единство русской жизни, не значит ли возбуждать народные антипатии, приготовлять в будущем раздвоение, разделение и даже разложение государства?

и пишущие по-южнорусски не враги ли политической целости России, противники единовластия?—Кто рассудил, что *Основа* и малорусские писатели не создают никакой народности; кто знает, что народность русская существовала всегда в двойственной форме, и что из потребности сближения литературы с народом вытекает сама собою необходимость вступления в область письменности народного элемента обоих видов, как великорусского, так и южнорусского; кто поймет, наконец, из примеров тысячелетия прошедшей истории, что цельность русского народа, а тем менее его политическое единство никогда этим не может быть нарушено, после того, как это единство не затерялось, не забылось и, с добровольным напряжением всех народных сил, возродилось даже и после многовековых обстоятельств, насильственно его расторгавших; кто взвесит все это, тот, разумеется, смехом ответит на подобные опасения. *Сион*, как газета умная, прежде многих Русских внутри себя засмеется над этим. Но она знает, что не все ясно видят вещи, а найдется много таких, которые будут судить по внешним признакам некоторого подобия явлений с явлениями, только внешним образом имеющими сходство между собою; на этих-то *Сион* и рассчитывает, и набрасывает на *Основу* такие тени: «не в частном употреблении слово Жид усматриваем мы опасность, а в исключительно-национальных выражениях *Основы*, которые заставляют ее предпоставлять национальное общечеловеческому», и проч. Еврейство отходит на второй план: надобно обвинить Малороссиян в чем-нибудь поважнее: «Вообще», говорит *Сион*, «стремления исключительно национальные никак нельзя назвать плодотворными; оне могут быть иногда хороши, как реакция, и имеют отрицательное значение. Особенно же бесполезны и даже вредны эти стремления, когда они имеют целью раз'единить народы, которые, по племенному родству или общим политическим и политико-экономическим интересам, должны составлять одно целое. Тут деление не имеет конца, и распри за первенство между отдельными мелкими национальностями, или между частями одной и той же национальности, никогда не дадут им совершенствоваться в общечеловеческом развитии».

Что это такое, ясно́ видеть может всякий. Разумеется, здесь говорится о раз'единении народов—не Южнорусского с Еврейским, потому что поминается о племенном родстве, в котором мы не имеем чести состоять с Евреями. Здесь *Сион* прямо обвиняет *Основу* и всех разделяющих одно с нею общее направление в стремлении раз'единить Южнорусский народ с Великорусским. В заключение своей статьи *Сион* говорит: «В высшей степени печально такое положение дел и для литературы, и для самой страны, но еще печальнее, что в эту так малочисленную публику стараются разбить на мельчайшие еще кружки, с своими особыми наречиями и подречиями, внося в нее таким образом рознь,—вместо того, чтобы вести ее под знаменем одного общего литературного языка, помимо мелких племенных распрей, к великим общечеловеческим целям, к распространению всеми силами гуманности и образования в массе народов нашего отечества, к дружным усилиям усвоять ему те блага, которые составляют лучшую часть в достоянии современного человечества».

Как удачно, как ловко Иудеи рассчитывают на слабые стороны общества, среди которого живут! С одной стороны, они возбуждают современные модные движения громкими фразами: «образованности, гуманизма, общечеловеческих целей», и располагают в свою пользу все, что имеет желание казаться просвещенным, современным; с другой—возбуждают против нас негодование великорусского патриотизма и даже, если можно, нерасположение правительства, выставив нас тайными злоумышленниками и раз'единителями отечественной целости! Все, что Иудеи написали здесь, есть ли сколько-нибудь добросовестный ответ на то, что к ним относилось в *Основе*? Против чего они спо-

рят, что защищают? Назвали Евреев Жидами — П-в оскорбляется; *Сион* признает за своим племенем это название: тут спора нет. Редактор *Основы* полагает, что чуждое население, живущее посреди страны, не должно быть равнодушно к судьбам ее—и в этом *Сион* соглашается, только замечает, что «отказываться от вековых особенностей Иудеи могут только в пользу целого, а не одной какой-нибудь части». Здесь *Сион* хватает больше, чем сколько *Основа* желает. *Основа* не заявила мысли, что Евреи должны отказываться от своих вековых особенностей, то есть от народности, а только напомнила, что они должны действовать на пользу, а не во вред тому краю, где живут. Что значит отказаться в пользу целого, а не одной какой-нибудь части? Да разве *Основа* или кто-нибудь из южно-русских писателей, где-нибудь и когда-нибудь, выказывали, что могут быть условия, полезные для общего и вредные для частей, и наоборот? Полезное для Южного края разве не полезно для Москвы, Вятки, Новгорода? Очевидно, показывая вид, будто бы понимают с нашей стороны какое-то разделение польз части, то есть Южной Руси, от польз целого, то есть России,—*Сион* хочет очернить *Основу* и южнорусскую литературу. В том же тоне *Сион*, приводя место из *Основы*: «нередко действуют противно духу и пользам нашего народа», делает в скобках такое замечание: «заметьте, что дело идет все только о Южнорусском народе». Да, разумеется *только* о Южнорусском народе, во-первых, потому, что *Основа* — журнал, специально посвященный изучению Южнорусского края, во-вторых, потому, что Иудеев нет в Великороссии, следовательно, их масса не может там действовать ни в пользу, ни во вред народу. Если бы *Сион* добросовестно хотел возражать *Основе*, то должен был привести фактические доказательства, что Иудейское племя действовало к пользе Южнорусского края, и рассеять древнее всеобщее убеждение в противном. Но *Сион* едва-ли в силах это сделать при всем искусстве защищать себя и представлять светлые стороны, чем обладают иудейские писатели... *Сион* принял обыкновенную иудейскую уловку: зацепить своего противника с тех сторон, которые считает у него слабыми.

Что должна была отвечать на это *Основа* или ее сотрудники? Именно то, что отвечал Иудеям г. Кулиш, в своей статье «Передовые Жиды», напечатанной в IX № *Основы*. Спорить с Иудеями было невозможно: они свернули с дороги. А вести спор о правах, или об отношениях наших к общерусской национальности и к нашему общерусскому отечеству с Иудеями нам вовсе было не кстати. Г. Кулиш очень справедливо ограничился указанием, что хорошо понимает их цель и оценивает приемы их полемики, и при этом привел им на память протест, подписанный южнорусскими писателями в пользу Евреев. *Сион* в ответ на это в 21 № напечатал вот что:

«В ответ на статью в № 10-м «Сиона»: «Основа и вопрос о национальностях»—в сентябрской книжке «Основы» напечатана статья г. Кулиша под заглавием «Передовые Жиды». Статья эта содержит в себе не разбор мнений, изложенных в «Сионе» по вопросу о национальностях, а беспримерно-наглые ругательства и ни на чем не основанные обвинения в таком образе действий, которого не может не гнушаться честный человек. Такого рода обвинения, возводимые против какого бы то ни было органа гласности в России, по нашему мнению, не могут и не должны быть оставлены без внимания русской литературою. Почва, на которой она стоит, не на столько еще тверда, обстановка, среди которой она развивается, не на столько еще благоприятна, чтобы она могла оставаться равнодушна к делам подобного рода, предоставляя разрешение их только ближайше-заинтересованным лицам и журналам, она должна сама вникнуть в сущность такого рода обвинений и взвесить, заслужены ли они действительно, и за тем отвергнуть от себя или тот журнал, который ***«для достижения своих целей прибегает к неравному оружию, ведет***

свою полемику недостойными литературы способами, оскорбляет достоинство печатного слова, употребляет в дело с известного рода ловкостью и дальновидностью плутовство и хитрость» и т. д.,—или же тот журнал, который позволяет себе, незаслуженным образом, так клеймить своего собрата, возводя на него без всякого права и основания такие гнусные вины. Воздерживаясь поэтому от всякого предварительного самозащищения, мы передаем свое дело с «Основою» на суд всей русской публицистики, и, обращаясь к ее представителям с просьбою разобрать это дело, мы наперед уверены, что они вменят себе в нравственную обязанность принять на себя такой труд и произнести свой приговор в одном из ближайших нумеров своих журналов».

Опять та же иудейская замашка употреблять в свою пользу слабые стороны. *Сион* хорошо знает, как в русском обществе теперь в моде гласность, общественное мнение и общественный суд: их призывает он. *Сион* тоже знает, что с требованиями гуманности и равноправности является расположение к Иудеям: Иудеи теперь любимцы современной передовой России. Рассчитавши на это, Иудеи смело подают на *Основу* жалобу всей Русской литературе. При этом однако не обошлось и без того, чтобы в жалобе не оказалось неверности. Так, например, курсивные фразы, очевидно, *Сион* выставляет, как обидные для себя. Но, во-первых, он их соединил из разных мест статьи г. Кулиша, почему им и придано усиленное значение, во-вторых—нападает на то, чего нет вовсе у г. Кулиша; так, например, фраза: «употребляет (журнал *Сион*, по обвинению *Основы*) в дело с известною ловкостью и дальновидностью плутовство и хитрость». Этого сочетания *нет* у г. Кулиша; г. Кулиш *этого не говорил*. Он заметил, что Иудеи с известного рода ловкостью и дальновидностью вывели заключение, что стремления *Основы* исключительно национальные,—а слов: *плутовство и хитрость*, которые действительно были бы и оскорбительны и невежливы, если бы были обращены к журналу, у г. Кулиша *вовсе нет: Сион* взял их из протеста, который он писал некогда *в защиту* Евреев!

Иудеи достигли своей цели. Русские журналы приняли жалобу и изрекли приговоры. *Русский Вестник* совершенно оправдал *Сион* и обвинил *Основу*. Он не разделяет нашей мысли, чтоб Иудеи писали для того, чтобы бросить тень на Южнорусскую литературу; для нас напротив, эти побуждения ясны, как день, ибо Иудеи отвечали вовсе не на то, что говорила *Основа*, а свели полемику на другую дорогу: бросили на сцену совершенно другой вопрос, не касающийся их,—вопрос *о вреде* южнорусского литературного движения, об опасности раз'единения...

Русский Вестник говорит:

«По мнению *Основы*, еврейское племя живет в Малороссии особняком. До сих пор, говорит Основа, оно не имеет ничего общего с нашим народом, и не сделало ни одного шага к сближению с ним, а, напротив, нередко действует противно духу и пользам нашего народа». *Сион*, как орган русских Евреев, не мог оставить без возражения таких сильных упреков. Он счел своим долгом оправдать свое племя от взведенных на него обвинений. Естественно, что молчать ему не приходилось, когда те, кому он служит органом, подверглись тяжкому обвинению в действиях противных пользам приютившей их страны. Они не могли оставить без ответа и того упрека, что они остаются особняком, в эгоистическом отчуждении. Если *Основа* не желала слышать ответа *Жидов*, то она не должна была бы подвергать их такому обвинению; а коль скоро она считала нужным высказать публично эти обвинения, то она должна признать и за противниками право отвечать на обвинение. Можно ли отрицать это право защиты? Честно ли рассчитывать на какие-нибудь обстоятельства, которые будто бы, по нашему чаянию, помешают обвиняемому оправдываться от наших улик? Еслиб *Основа* подумала хорошенько

об этом, то она либо воздержалась бы от своих обвинений, либо заранее допустила бы право ответа, и не удивилась бы этому ответу как нечаянности, и не пришла бы от него в негодование и не стала бы, в лице г. Кулиша, прибегать к неприличным уловкам».

Ни из чего не видно, чтобы *Основа* рассчитывала на то, что Евреи отвечать не будут. Не видно, чтоб она не желала ответа. Если *Основа* говорит, что Евреи не сделали ни одного шага к сближению с народом, с которым они живут, то Евреи могли доказывать противное и приводить факты, которые могли бы опровергнуть мнение, принадлежащее вовсе не одной *Основе*, но всей Южнорусской стране. *Сион не отвечал,* а заговорил о другом. *Сион* является здесь по другому вопросу обвинителем, и г. Кулиш возражает им, становясь по неволе в оборонительную позицию. Если бы тот же *Сион,* или другой какой журнал, без всякого предварительного постороннего побуждения, говорил о вреде южнорусского стремления и подтвердил бы его доказательствами, конечно, *Основа* и г. Кулиш, или кто-бы то ни был, вступил бы с ним в спор по этому предмету; но, как *Сион,* принявшись говорить о своем предмете, вдруг сходит на другой, к первому не относящийся, и тем явно показывает, что у него задняя цель,—тут *Основе* что было отвечать? унизительно отвечать, когда спрашивают не для вопроса... *Основе* оставалось только заметить, что она понимает слишком хорошо переход от еврейского вопроса к русскому. В том же *Сионе* говорится: «придет время, и может быть, в нашем же журнале раз'яснены будут и отношения нашего племени к этой *во всяком случае* значительной части Русского народа». По нашему мнению, с того и следовало бы начинать *Сиону,* в ответ на заявленное *Основою* мнение Малороссиян о Евреях. Тогда спор *Основы* с *Сионом* мог бы быть полезен: *Основа* старалась бы представить темные, *Сион* светлые стороны влияния Евреев на Малороссийский край; столкновение мнений повело бы к их сочетанию и уяснению еврейского вопроса. *Русский Вестник* смотрит на *Основу* так, как будто-бы она заявляла требование, чтобы Евреи потеряли свою народность и религию. Никогда этого *Основа* не говорила. Она только выставляла то, что было и есть, а не формулировала правил и законов, и вся филиппика *Русского Вестника* по поводу этого... неуместна, чтоб не сказать более.

Некоторые фразы г. Кулиша, как, например, намек на сцену из Гоголя, где Жиды уверяют Запорожцев, что они с ними как братья родные,—действительно резки, но кто вызвал их? *Сион,* своею выходкою, в которой видно побуждение, которое, по нашему мнению, г. Кулиш понял справедливо, не смотря на негодование *Русского Вестника.* Выражение г. Кулиша *сионское оружие, Русский Вестник* не обинуясь переводит: *донос,* и подводит г. Кулиша под уровень моды. Мы не назовем это оружие доносом в прямом смысле, но все-таки это нечто близкое к такому слову: это рассчет на возбуждение в обществе, и даже в правительстве, невыгодного взгляда на своих противников. Не г. Кулиш, а скорее *Русский Вестник* увлекся модою. Для него при слове Еврей существует одна отвлеченная идея равноправности; исторической почвы совсем нет; современных отношений к юридическим и экономическим условиям жизни южнорусского народа он знать не хочет: он симпатизирует к одним Евреям, потому что они истцы перед литературою и общественным мнением; а что, если на этих Евреев подал бы жалобу литературе простой Малороссийский народ и представил бы во всех подробностях ту картину многовековых страданий, где Евреи были вернейшими помощниками, слугами и нередко откупщиками прав его недругов?—До этого народа дела нет: он теперь уже не в моде! Его удовольствовали; очередь за одними Евреями! Мы не находим, чтоб *Русский Вестник,* успокаивая Малороссиян на счет преследования и запрещений, поступал очень кстати, по многим причинам, не подлежащим здесь обсуждению...

Русская Речь считает и *Сион* и *Основу* виновными, но *Сион* виновнее. *Основу* он винит, если мы не ошибаемся, за выражения г. Кулиша. Ее соблазняет, между прочим, эпиграф из Гоголя, поставленный г. Кулишем в своей статье «Передовые Жиды»: «а знаете-ли, пане, что делается?». Но мы заметим *Русской Речи*, что этот эпиграф невольно должен был придти на память г. Кулишу после слов *Сиона:* «Заметьте, что идет дело все только о южнорусском народе». Не понимаем, почему *Русская Речь* находит неразумными и несправедливыми сказанные г. Кулишем слова: «не восхищаемся тем, что делали предки их на украинской почве, и не видим благословения небесного и том, что делают вообще Жиды в наше время везде, где им дозволено и недозволено жить». Все это совершенная правда: не один г. Кулиш, вся Малороссия в один голос скажет тоже, не по одним умозрительным теориям о равноправности человеческого рода, а по житейскому опыту; а что истинно, то и разумно и справедливо. Русские журналисты, живущие в столицах, не бывших с Иудеями в близких соотношениях, не знают их и судят о них только на основании общих гуманных идей. Малороссияне их знают поближе и не могут отвлекаться до такой степени от действительности и уноситься в сферу чистых принципов: вопрос о Евреях слишком близок их прошедшего и настоящего; они не в силах потерять под собой исторической и современной почвы. *Русская Речь* укоряет г. Кулиша за слово *недостойная* полемика, потому что сама считает выходку *Сиона* только необдуманною и ошибочною. Но что же делать, если мы не можем *так* смотреть на этот поступок? Наше чутье и убеждение уверяет нас как нельзя яснее, что в поступках *Сиона* не мало обдуманности, напротив—ее там черезчур много.

Русское Слово, вероятно, всех более сделало приятного *Сиону*. Приведши выписку из *Сиона*, рецензент, принимающий на себя по приглашению *Сиона*, достоинство судьи, говорит: «не имея под рукою статьи г. Кулиша, я, тем не менее, уверен в точности выписки, сделанной *Сионом* из *Основы*». Далее он находит оскорбительным слово *Жид*, не зная, что сам *Сион* признал это слово не оскорбительным, а далее уже глумится над г. Кулишем не по еврейскому вопросу. Если бы это была простая журнальная заметка о мимотекущем явлении, тут *Русское Слово* могло бы смотреть и вскользь, если не считает его важным; но *Сион* обращается к журналам, требуя разбирательства, пересуда и приговора. *Сион* был пред глазами у рецензента. Рецензент сам его перепечатал, и, следовательно, показал, что за тем собственное его суждение произносится вследствие такого требования *Сиона*. Можно-ли же произносить приговор, выслушивая только одну сторону? Если бы *Сион* был вполне прав, *Русское Слово* не избежало бы и тогда упрека в несправедливости, пристрастии, недобросовестности за такой прием суда.

Малороссияне сознаются откровенно, что не имеют вообще симпатии к Иудейскому племени, среди их родины живущему, которую открывают мало знакомые или вовсе не знакомые с его отношениями к ней великорусские журналы, и странно было бы ее навязывать насильно, принуждать Малороссиян любить то, к чему у них сердце не лежит, хвалить то, что им не нравится. Во имя священной идеи свободы они просят уволить их от этого. Можно судить справедливость их убеждений, а не симпатии или антипатии: оне возрасли с их историей; оне влиты в каждом из них с детства; они поддерживаются тем, что Малороссиянин видит постоянно на своей родине. Но, при отсутствии симпатий к иудейству, несправедливо же и бездоказательно обвинять южнорусский журнал и южнорусских писателей в намерениях изгнать Иудеев, истребить их, подвинуть на них инквизиционные гонения и тому подобное. Причины нерасположения (а не враждебности,—ее нет вовсе) между Малороссиянами и Иудеями в тех и других. Евреи по своей религии, по своим верованиям и надеждам неизбежно должны стоять особняком от той страны,

где проживают: иначе они будут перероды, а не Евреи. Со стороны христиан преследовать Евреев—тупая ненависть, сопровождавшаяся фанатизмом, часто варварским и бесчеловечным. До сих пор гражданский порядок в нашем крае был таков, что Евреи, пользуясь им для своих целей, могли быть полезны только для внешней стороны жизни высших классов и, напротив, должны были увеличивать тягость и без того униженного и порабощенного народа. Если новый порядок утвердится и окрепнет,—и отношения Евреев к народу должны будут измениться. Чего же нам желать? По нашему убеждению—отнюдь не истребления, не изгнания и не насильственного перерождения. Нам надобно желать, чтобы Иудеи получили совершенно равные права, чтоб им действительно предоставлено было сколько возможно обширнейшее поле[1]; но в таком случае, нам нужно будет стараться возбудить в нашем народе сильнейшую конкуренцию против Евреев, дабы не дать им возможности иметь в чем бы то ни было монополии в нашем краю. При полной обоюдной свободе, при сообщении нашему народу средств стать в полную конкуренцию, если Иудеи возьмут над нами верх, тогда уже мы не можем жаловаться: значит, мы не способны бороться с ними; тогда как до сих пор, еслиб мы и были на это способны по своей природе, то стояли долгое время в невозможности употребить свои способности и силы. От Иудеев же мы ровно ничего не требуем: напрасно, подделываясь к сторонникам этнографической нивеллировки в государстве, Иудеи предлагают свою народность в пользу общерусской; напрасно при этом дают знать, что они готовы переродиться в Великороссиян, но не хотят быть Малороссиянами. Малороссияне этого от них не требуют и не желают. Мы сочувствуем всякому стремлению Иудеев поддерживать и развивать свои вековые особенности; всякое нерасположение к Иудеям по религиозному различию есть в наших глазах признак крайнего невежества и глупого фанатизма, противного духу христианского благочестия. Мы уважаем еврейскую религию тем более, что к этому обязывает нас высота учения нашей собственной религии (Посл. к Римл., гл. XI, 23—27). Говорить вещи, противные Иудеям, мы принуждены потому, что историческая истина нас к тому обязывает; а что касается до *Сиона*, то, сколько бы он ни вызывал на нас протестов всех великорусских журналов и великорусских передовых людей, мы все-таки будем видеть в его выходках единственно то побуждение, которое привело г. Кулиша в справедливое негодование.

ЕЩЕ ЗАМЕТКА ОБ ИУДЕЯХ.*

Недавно «Русский Вестник», приняв сторону иудейского журнала «Сион», выступил с грозною филиппикой против «Основы», и в особенности против г. Кулиша. Побуждение было благородное, но «Русский Вестник» был неправ: ни Основа вообще, ни г. Кулиш, не думали оскорблять и унижать еврейское племя, еще менее проповедывать против него ненависть: дело шло только о том, что *бывало и бывает*. Но все образованные Малороссияне и Великоруссы не одобрят вот-такой выходки против Иудеев. Явилась на петербургской сцене пиеса г. Погосского «Легкая Надбавка». В ней выведен петербургский домовладелец, безжалостный эгоист, выталкивающий на улицу бедную вдову писателя. В афише напечатано о нем: *из немецких Жидов*.

---

[1] Статья эта уже печаталась, как мы узнали о новом распоряжении правительства, дарующем Евреям, окончившим курс в университете, равные с нами права службы и жительства во всей Империи. Искренно сочувствуем и радуемся этой мере. *Ред.*

* *Основа*, 1862, V, травень, стр. 75—76; *підп.: Н. Костомаров.*

К чему это бесполезное и неуместное оскорбление племени, столь часто напрасно оскорбляемого и поругаемого. Нужно ли было это для хода пиесы? Нимало. Домохозяин мог быть Немец, Француз, Великорусс, Малорусс, Татарин, также как и Жид. Его жидовство почти только тем и ограничивается, что возвещает о нем афиша, напоминая подпись: *Се лев, а не собака,* которую сделал под своей картиной живописец, хотевший изобразить льва: он никак не мог нарисовать так, чтобы лев не был похож на собаку..... По всем своим приемам домохозяин—в пиесе г. Погосскаго—совершенный Немец и как Немец изображен удачно. Неужели же автор свернул *на Жидов* из раболепного уважения к Немцам [1], между которыми есть сильные мира сего. Естественно, что безграмотный дворник, соблазняясь бессердечностью своего хозяина, называет его Жидом: но уместно ли это для писателя, особенно еще народного. Нельзя не поблагодарить г. Зуброва, который, несмотря на то, что сообразно напечатанному в афише, должен был играть *Жидка,* не побоялся, однако, представить настоящего Немца. Домохозяин—Немец—явление обыкновенное в Петербурге, и ни один умный Немец не оскорбится явлением какого-нибудь Плюмфа, как не оскорбляется на своего Шиллера за его Вурма; ибо знает, что если есть Немцы-негодяи, то есть и честные и благородные люди, поддерживающие доброе имя своего племени. К чему же такой страх у Славянина пред именем Немца, к чему такое бесстрашное попирание Иудея, неудостоиваемого даже полным именем Жида, и осужденного довольствоваться кличкою *Жидка?*

---

[1] Мы имеем основание думать, что г. Погосский не руководствовался этим побуждением. *Ред. (Замітка Редакції «Основи»).*

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ. *

Jam nova progenies coelo dimittitur alto.
Virg. Bucolica, Ecl. IV.

Тысяча лет кончилась. Наконец, мы можем сказать это поздравление Руси, нашей доброй кормилице, нашей крепкой страдалице, нашей дорогой родной земле... Тысяча лет кончилась! Как многознаменательно значение настоящих минут! Невольно пред воображением нашим проносятся вереницы прокатившихся событий, проходят ряды поколений, сменявших друг-друга; встают из-под древнего праха забытых могил мучители мира, мученики правды, подвижники воли, герои веры и мысли, яркие личности—руководители масс, бесцветные массы, идущие бессознательно по следу путеводных нитей, приготовленных без их желания... Старое житье-бытье сбрасывает с себя вековую плесень; нам слышатся стоны рано-отцветших надежд, бесполезно растрачених сил, вопль мильйонов страдальцев, погибших в эпохи ломовых бедствий, без участия современников, неоплаканных потомством, забытых историею—зверский разгул произвола, тихая скорбь безвыходного терпения... Все, прожитое русским народом в минувшее тысячелетие, просит нас вспомнить его, подумать о нем, поплакать над ним. Даже и поплакать... научное беспристрастие истории должно хоть на эти торжественные минуты дать волю чувству. Ведь эта протекшая жизнь нечужая нам; это плоть и кровь наша, в ней наши семейные предания, в ней оставленное нам благословение праотцев наших. А как не остановиться, как не задуматься над ним, когда мы, стоя на рубеже десяти веков, едва только отвернемся от своего минувшего, как уже встречаемся лицом к лицу с нашим будущим! Эта полная таинственности будущность манит к себе наши надежды и желания. Тысяча лет кончилась! Наступает другая: пройдет некогда и она; настанет время, от которого наша эпоха будет так-же далеко стоять, как от нас эпоха Гостомысла и Рюрика. Чем вспомнят тогда нас и грядущие после нас века? Пытаться ли нам угадывать, что вперед будет? Конечно, произойдет то, о чем теперь мы и мыслить не можем—но, несомненно, что грядущим временам передадутся наши стремления, что потомки наши примут то, что мы им приготовим, и как-бы ни повернули нашу будущую историю непредвиденные обстоятельства, а в ней отразятся неизбежные последствия наших теперешних желаний, понятий и взглядов, точно так-же, как устроенное в IX веке отразилось на последующих веках, хотя обстоятельства и произвели то, о чем, разумеется, не думали и думать не могли Русские, призвавшие Варягов.

Итак, дошедши до рубежа тысячелетия, с одной стороны обозревая длинное наше прошедшее, с другой невольно порываясь к грядущему, оглянемся на себя. Много лет прожито, а что нажито? Много перенесено, а что вынесено? Много думано—до чего додумано?

---

* *Санктпетербургские Ведомости*, 1862, № 5; *підп.: Н. Костомаров.*

Посмотрим внутрь себя. Какие задатки можем мы, теперь живущее поколение, оставить для будущего? Не станем толковать о наших общественных, государственных, экономических формах: эти предметы должны входить в область научных исследований. Но все вообще формы составляют мир внешности, которая может принимать такой или другой образ, завися от духа, сообщающего ей жизнь и движение. Оставим пока этот внешний мир жизненных явлений, и посмотрим на свои внутренние, нравственные силы, на способ их употребления, на приемы, с которыми мы управляемся с нашими общими стремлениями, убеждениями и желаниями. Неясный гул кругом нас. Мы слышим заветные слова: вперед, прогресс, развитие, свобода, гласность и проч. и проч.—целый словарь волшебных речений, приводящих в движение нервы того, кто хочет быть общественным деятелем. Но мы не уяснили себе значения этих слов, потому что не нашли еще непосредственного, тесного приложения их к условиям своей жизни. Они для нас неболее, как общие места, потому что прилагаются разом ко многому и разом многими способами. От этого, если бы собирать голоса в чем состоит их сущность в сфере потребностей нашей жизни, то вышла бы тотчас разноголосица, не от многосторонности убеждений, приобретенных, думою и опытом, а от недостатка мысли в опыта, оттого, что каждый из нас был бы, так сказать, захвачен в-расплох этим вопросом, и должен был бы, может быть в первый раз, импровизировать на тему, которую до сих пор повторял машинально. У нас—не сознанная потребность факта вызывает отвлеченное понятие, а последнее принимается за необходимость в его общем значении, и потом уже мы ищем факта; а так как оно, само по себе, прилагается к слишком многому, то из этого и выходит, что мы разом хотим слишком много, хватаемся за тысячу фактов, ко всем разом стремимся, ни одного как следует не осмотрим со всех сторон, ни одного не оценим, не знаем, что нам поставить прежде, что после, и наше понятие остается чем-то неуловимым, неприменимым, а потому, в сущности, ненужным. От этого у нас шаткость в суждениях, нетвердость в приговорах в несообразность слова с делом. Много толков об уважении к науке и о необходимости образования, а на деле и мало уважения к науке, в образование неполно: когда возникает нужда в специалистах по той или другой ветви человеческих знаний, приходится искать их с Диогеновым фонарем, или прибегать к иностранцам. А это оттого, что большая часть из нас, желая образовать себя, заранее задает себе такой широкий круг, с которым нет сил сладить, а изучая какой-нибудь предмет, хочет сразу проглотить его и быть в нем законодателем. Наши учебные программы пишутся так широко, что незнакомый с делом придет в изумление от громадной учености кончившего курс в любом заведении, получившего свидетельство об умственных успехах по такой программе; а до какой степени это несправедливо в невозможно, обличает нас собственная совесть. Во всех сферах жизни мы берем не по силам, слишком многого хотим, слишком много на себя надеемся и в слишком многом теряемся; и отсюда, естественно, вытекает, что только на словах у нас то, чему следовало быть на деле. Мы на словах готовы на какое угодно предприятие, гражданское, экономическое или другое, и скоро оставляем его, иногда потому, что вовсе не решили, действительно ли оно уместно, и не удобнее ли было бы обратить наши силы совсем на другое, а иногда, при всей его уместности, охладеваем к нему, потому что хотели осуществить его в слишком широком размере, и хватились, прежде всего, за такие стороны, которые надлежало затронуть уже после других. На словах мы готовы на всякое пожертвование в пользу общую, но тут является такое множество пожертвований, что нам становится трудно: оказывается, что не цели пожертвований были для нас нужны, а самая идея пожертвования искала цели, но ни сердце наше, ни убеждение не подсказало нам куда обратиться с нашею готовностью

жертвовать, и выходит на деле то, что мелкое мотовство для себяуслаждения житейским комфортом нам отраднее всякого пожертвования. Труд и терпение необходимы, говорим мы, но как мало в нас и того, и другого! Правда, в нашем народе много завещанного праотцами страдательного терпения, часто изумительного, но нет у нас терпения свободного, которое вытекает из твердой решимости идти по дороге, указанной разумным убеждением. Мы говорим об общественном единодушии, о взаимодействии, но как мало этого на деле доказывает та черта нашего общежития, что мы постоянно стесняемся в обществе незнакомых нам людей и не можем быть искренны. А это оттого, что у нас нет целей, вызывающих взаимодействие и общественное единодушие. В мнениях о самих себе мы переходим то к высокопарному самовосхвалению, то к крайнему самоуничтожению. Идя ощупью по стезе западной цивилизации, нам иногда кажется, что мы на этой стезе вовсе не отстали от тех, которые пошли по ней прежде нас, и иногда мы называем себя недозрелыми детьми, с унынием видим на западе недосягаемую для нас высоту, а потом, в утешение себе, воображаем, что у нас дома есть такие сокровенные начала, которые не только составляют неоценимое богатство и надежду для нас, но послужат, некогда, средством возрождения и преобразования всей вселенной. Давно ли, в наших патриотических стиходействиях, мы воспевали свою материальную громадность, и думали, что все должно преклониться пред нею, и давно ли, после того, впадали в такое отчаяние, что готовы были признать за собою совершенное бессилие, и нравственное, и физическое? Все это оттого, что у нас готовые, но неясные и слишком общеприменительные понятия ищут явлений для своего воплощения, а не вырабатываются из явлений и не уясняются вместе с ними. У нас много идеалов, и нет ближайших прямых целей, а потому наши стремления, вместо действительной жизни, обращаются в область моды — самый печальный исход! Свойство моды меняться и не иметь разумного основания. Кого только занимает мода, в чем бы то ни было, тот непременно одержим болезнию пустоты, бессмыслия и неспособности ни к умственному, ни к гражданскому подвигу. Иные явления моды видят соотношение с прогрессом, и противопоставляют ей обычай, в котором находят застой и рутину. Те ошибаются, которые так смотрят. Мода имеет те же отрицательные стороны, какие есть в обычае, и не имеет положительных сторон последнего. Сходство между ними в одинаковом устранении мысли и критики. Наши модные прогрессисты, гуманисты, либералы, с презрением глядят на раскольников, убегающих «богомерзкие травы табака и чайного пития, еже есть от Бога отчаяние», но, в сущности, между нами не так велико различие. И те, и другие руководствуются примером. Модники говорят: так говорится и делается в Германии, Англии, Франции; а раскольники опираются на то, что отцы их так думали и делали! Различие между модой и обычаем то, что в обычае, при отсутствии мыслительной критики своих убеждений и поступков, участвует сердце; в моде нет его—там холодная пустота и бесплодное воображение, творящее даже не очерченные образы, а неясные тени, облачные призраки. Передовые люди в сфере обычая всегда лучшие личности: в сфере моды напротив: тут передовые люди—личности, наиболее неспособные и пустые. Мы не говорим: передовые люди идей, которые, по несчастию, достаются игрушкою моде, но разумеем передовых людей—именно моды. Если идеи не воплощаются в мире прочных явлений, то значит первого рода передовых людей и нет; все вращается в одной моде. Мода имеет то гибельное свойство, что коль-скоро какая-нибудь идея, самая священная, самая удобоосуществимая, самая сообразная с нашими действительными потребностями, прежде чем начнет выражаться действительным применением к жизни, попадает в вихрь моды—становится на долгое время неприменимою, и годится только для комедии.

Вот, по нашему крайнему разумению, те характеристические черты нашего внутреннего мира, наших приемов обращаться с своими нравственными силами. Многие, которые видят задачу всего человеческого развития в определенных формах, выработанных западною Европой, и признают, что нам следует раболепно идти по пути, указанному другими обществами, находят, что это оттого, что мы еще молоды, что мы еще не созрели вполне, не дошли до совершенного возраста. Эта мысль основана на сравнении жизни отдельных лиц с жизнью народов и обществ; но такое сравнение очень часто бывает неудачно. Мы едва-ли можем назваться молодым народом, когда уже история нашей гражданственности насчитывает целую тысячу лет, и если мы, в самом деле, несозревшие, то разве в том смысле, в каком называют детьми шестидесятилетних стариков, остающихся неразвитыми на всю жизнь, с ребяческими приемами и воззрениями. Сравнение отдельных лиц с народами уже потому несостоятельно, что первые, во всяком случае, должны стареться и умирать в определенные сроки, тогда как мы не видим необходимых сроков стареться и умирать целым народам, коль скоро они сами не впадут в условия, склоняющие их к бессилию, подобному старости, и к смерти. Наши недостатки не от молодости нашей, но также не от прямой неспособности думать и действовать—иначе в русском народе не было бы умных и талантливых людей—а от слишком большого многообразия и сложности наших общественных вопросов. Мы похожи на силача, у которого такие крепкие мускулы, что может сразу поднять четыре пуда, но хочет поднять двадцать, и не поднимает ни одного. Нам нужны не идеалы, а ближайшие, практические цели. Нам следует собрать свои требования, все свои современные вопросы и отделить из них те немногие, от решения которых зависит успешное решение других, и сосредоточить свои силы на первых, формулируя их возможно теснее и осязательнее, не страшась трудностей, которые окажутся в деле их разрешения и не пугая себя темными сторонами, неизбежными в каждом предмете. Есть потребности общие для всех специальностей, такие потребности, от которых зависит успех всякой специальной деятельности, во всех сферах: умственных, гражданских, экономических. Вопросы, касающиеся таких потребностей, должны быть упрощены и уяснены до возможности выразиться в самых коротких выражениях, и сделаться предметом взаимодействия всех нравственных сил наших. Нам нужно целей, целей, целей, и крепкого, непреодолимого терпения к их достижению.

В таком положении, вместо того, чтобы повторять избитую модную фразу: вперед! не уместнее ли будет сказать: назад! Даже назад к половине IX века, за тысячу лет. Разумеется, не в том смысле назад, чтобы нам терять плоды всего нашего тысячелетнего развития, возвращаться к патриархальной простоте разумения предков и к тесному горизонту их знаний и опыта, а в смысле простоты действия и решимости, с какою, по рассказу нашего летописца, поступили они в важном деле закладки русского политического общества. Послушаем нашего летописца: «Изгнаша Варяги за море и не даша им дани и почаша володети сами в себе и не бе в них правды, и вста род на род, быша в них усобице и воевати почаша сами на ся. Реша сами себе: поищем себе князя ижебы володел нами и судил по праву. Идоша за море за Варягом к Руси: сице бо ся зваху ти Варяги Русь яко се друзии зовутся Свее, друзии же Урмане, Англяне, друзии Готе, тако и си. Реша Руси Чюдь, Словени и Кривичи и Вся: земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет; да поидете княжить и володети нами. И избрашася 3 братья с роды своими, и пояша по себе всю Русь и приидоша...» (Собр. Лет. 1. 8). Здесь поразительно для нас то, что народы, живущие на большом пространстве и при множестве естественных условий, неблагоприятных для их соединения, единодушно собираются для изгнания от себя чуждых завоевателей, и достигают цели. Недавность их

связи и, без сомнения, тотчас же возникшее многообразие вопросов в тогдашней сфере жизни, порождают хаос. Они призывают, для водворения порядка, силу совершенно постороннюю, непричастную их домашним неустройствам, беспристрастную и, потому, способную быть посредником и миротворителем. Они не возвращаются к прежней силе, которая тяготела над ними и от которой они себя избавили. Летописец, кажется, особенно хотел это заметить в своем рассказе, узнавши, что Варяги, которых теперь призывали, не принадлежат к группе народов, бравших прежде дань с Славян. Они призывают их не раболепно, с самоунижением, но, откровенно сознаваясь в неустройстве земли своей, предлагают судить и володеть у себя по праву. Князья призываются не из сильного и влиятельного народа, напротив, из такого незначительного, который, взошедши в славянский мир, не только не внес туда каких-либо посторонних элементов, но скоро даже память его происхождения затерялась. Как не видеть в этом событии политического такта, несмотря на скудные зачатки цивилизации. На этом призвании, случившемся в половине IX века, совершилось развитие нашей последующей истории. Земство, составляющее издревле автономию туземной народной силы, через это призвание не лишилось своей самобытности и самодеятельности. Пригласив к себе княжеский род, оно постоянно оставляет его в отдельном от себя положении, дав ему то достоинство, что его членов, а не кого другого, оно будет всегда считать способными быть правителями. Вече, выражение земства, считало необходимостью иметь князя, как средоточие власти, охраняющей внешний и внутренний порядок. Князь чувствовал и сознавал свое право на Руси, но допускал существование веча: князь и вече два различные, по происхождению, начала, подававшие друг другу согласие на взаимодействие, одно с другим связанные, одно другому необходимые. Правда, нередко происходили столкновения между ними, но это были следствия индивидуальных страстей, а не желания переменить порядок вещей, и всегда почти князья, в таких случаях, должны были прибегать к чуждым пособиям. Подобные явления были, сами по себе, всегда ненормальными, самый же принцип двоевластия оставался непременен в своей силе до тех пор, пока не явилась необходимость усвоить иной принцип—единодержавный. Призывавши, в IX веке, Варягороссов, призывали не одного правителя, а целый род: это основание так и осталось на последующие века. Русские земли существовали каждая самобытно, и все вместе сознавали свою связь в единстве русской державы, как неразрывном союзе земель; сообразно этому, и члены княжеского дома сознавали каждый свою независимость, и все вместе составляли один правительствующий род, одно сословие в цельной русской державе. В землях возникали города, около городов определялись волости; эти города с волостями достигали автономии, не теряя связи с своею землею и со всею русскою державою; так и княжеские роды разветвлялись, устанавливались новые княжеские линии, князья множились, но не утрачивали своего родового единства. Связь территориальная поддерживалась родовою связью князей, и наоборот, родовая связь служила поддержкою территориальной. Этот порядок был прочен и удовлетворителен для своего времени, несмотря на многие недоразумения и столкновения, и вовсе не носил сам в себе, независимо от посторонних воздействий, задатков разложения. Княжеские междоусобия, поддерживаемые соперничеством земель и, в свою очередь, продолжавшие их, были, конечно, неутешительными явлениями; но виною тому был не удельно-вечевой строй русской державы, а степень развития общественных отношений: смуты были неизбежны и при всяком другом политическом составе. На эти междоусобия, благодаря привычке и способам выражения у наших летописцев, мы приучили себя смотреть в увеличительное стекло. Летописцы обратили на них почти исключительное внимание; оттого они так резко и бросаются нам в глаза, и сму-

щают нас своею утомительною нескончаемостию. Самые бедствия, постигавшие от них страну, представляют в преувеличенном, до крайности, виде. Стоит только сравнить их с тем, что происходило в средние века на западе, и тотчас можно видеть, что пагубные следствия общественных неустройств у нас, при нашем удельно-вечевом строе, были несравненно слабее и сноснее. Этот строй, сам по себе, совершенно был по мерке тогдашнему русскому народу. Его уничтожили не внутренние потребности самоизменения, но сильные, чуждые элементы. На юге, вмешательство диких орд воспрепятствовало развитию славянской цивилизации вообще, и разом подорвало нормальное развитие удельно-вечевого порядка. Из Византии пришли к нам гражданские и государственные мнения, несходные с нашими, и, распространяясь в классе наиболее образованном, по тогдашнему времени, мало-по-малу приготовляли вызов иного политического принципа. Татарское завоевание поставило верховным законом волю завоевателей, сначала сообщило князьям, в их уделах, достоинство вотчинников, и тем ослабило вечевую самодеятельность народных сил; потом, признавая все земли русские одинаким достоянием победителей, возвысило значение одного из старейших князей над всею русскою землею. Наконец—и это было важнее всего—оно возбудило против себя религиозную и патриотическую борьбу всего русского народа: и русский народ пришел, чрез то, к сознанию необходимости единой сильной власти, для своей охраны и независимости. Порядок, устроенный в IX веке, рушился во всех своих трех стихиях: умолкли веча, пали удельные князья и, вместе с тем, прекратилась самостоятельность земель. Московские князья, творцы нового порядка, уничтожили разом эти три стихии: веча и удельность князей должны были исчезать, коль-скоро земли собирались под власть Москвы! Борьба длилась медленно и упорно, и новый принцип окончательно восторжествовал над старым неранее XVI века. Катастрофа Новгорода, а потом Пскова, были последними падениями самобытности удельно-вечевого порядка, некогда общего всем землям русским. Только обломки его оставались долго и среди нового порядка; одни дополняли его, другие мешали его развитию. Освободившись от татарского ига, при помощи единовластия, еще не вполне утвердившегося, русский народ продолжал терпеть, со всех сторон, от внешних врагов. Его самобытность не была еще слишком крепка; только при строгой неограниченности единой власти он мог охранить себя: это чувствовал и понимал русский народ, и сознание необходимости, а затем святости единовластия привилось к нему, стало его природою, и отодвинуло в сумрак отживших и холодных преданий строй общественной и политической жизни его праотцев. Во всяком случае, несомненно, что важнейшие черты нашего протекшего тысячелетия зависят от события, совершившегося в половине IX века, именно в призвании князей русскими землями. Итак, по истине, событие это может назваться великим, мировым событием, ибо оно дало толчок и направление жизни многих племен, составивших народ русский, на многие века, пока новые потребности не вызвали иного строя.

Несмотря на несходство нашей цивилизации с цивилизацией наших предков IX века, в нашем настоящем положении есть много такого, что сближает нас с этой отдаленной эпохою. Если наше настоящее государственное устройство не представляет ничего подобного с бытом Кривичей и Славян ильменских, то мир наших нравственных сил, наших понятий и стремлений можно уподобить такому же хаосу; поле нашей духовной и общественной деятельности так-же велико и обширно, как земля наших предков, и так-же нет в нас *порядка*, как его не было в этой земле. Как предки наши, в IX веке, пришли к необходимости призвать к себе княжеский род, так и нам следует обратиться к главным целям, около которых должны сгруппироваться, сложиться и им подчиниться все наши многообразные современные вопросы.

З приводу публічної лекції 8 березня 1862 року.

ОБ'ЯСНЕНИЕ. *

В мартовской книжке «Библиотеки для Чтения», во внутреннем обозрении, напечатано замечание о происшествии, случившемся в зале городской думы, на моей лекции, 8-го марта, с некоторым искажением фактов. Считаю неизлишним сказать, по этому поводу, несколько слов, для восстановления истины. «Библиотека для чтения» говорит:

«Г. Костомаров, столь-много ратовавший, нашел, что прекращение лекций не соответствует предположенной цели. Разойдясь, таким образом, с комитетом, г. Костомаров, сколько кажется, должен был об'явить, что покидает своих товарищей, и откроет продолжение курса вне их действий».

«Библиотека для Чтения» выше поясняет, что комитет этот составлен был из профессоров и некоторых слушателей, и заведывал делами лекций.

Ни о каком подобном комитете я не слыхал. Профессоры между собою, без участия слушателей, также не составляли комитета, которому каждый из читающих должен был бы подчиняться. Наблюдалось только, чтоб лекции не сталкивались между собою в одно и то же время; но для этого раз навсегда сделано было распределение часов. Другого рода взаимных отношений между профессорами, по чтению публичных лекций, не было. Что касается до слушателей, то так как почти все из читавших согласились отдать сбор с посетителей в пользу студентов, то несколько студентов заведывали выдачею и поверкою билетов. Может быть, этих господ «Библиотека для Чтения» разумеет под именем комитета. Не вхожу в рассмотрение: составляли ли они комитет или нет, но если бы и составляли, то подобный комитет имел отношение только к студентам, в пользу которых предоставлялся сбор, а никак не к читающим лекции. Единственная точка соприкосновения моего с этими господами была добровольная с моей стороны услуга—пожертвование в пользу тех, которых интересы они приняли на себя. Но соразмерять свои поступки с их желанием или нежеланием, чтоб лекции продолжались, я не считал себя обязанным. Далее «Библиотека для Чтения» говорит:

«Г. Костомаров поступил иначе. Уже разойдясь во мнениях с комитетом, он пришел читать свою лекцию в прежнем месте, подведомом комитету, и по окончании ее, обратился к публике с вопросом: желает ли она продолжения лекций?»

Выше я сказал, что комитета никакого не знал и не знаю, а потому ни сходиться, ни расходиться с ним во мнениях мне не предстояло необходимости. Зала городской думы была—место, подведомое не какому-то комитету, а городскому обществу, которое уступало ее для чтений также не какому-то комитету, а профессорам, и в том числе мне. «Библиотека для Чтения», повествуя, что я обратился к публике с вопросом: желает ли она продолжения

---

* *Санктпетербургские Ведомости*, 1862, 24 апреля, № 86; *підп.: Н. Костомаров.*

лекций, должна была бы привести и повод, побудивший меня к этому. Это произошло после того, как один господин возвестил, будто-бы профессоры прекращают свои лекции, по случаю высылки г. Павлова. Рассматривать справедливость этого об'явления я не считаю уместным, потому что «Библиотека для Чтения» о нем молчит.

Далее «Библиотека для Чтения» спрашивает:

«Для чего это сделал г. Костомаров? Думал ли он подчиниться приговору слушателей, если-б он был единогласен и как бы он стал собирать голоса в противном случае?»

Странный вопрос! Для чего мне нужно собирать голоса? Довольно было услышать, что есть желающие. Неужели, по понятию г. рецензента, такое дело можно решать голосами? Неужели, еслиб девяносто девять сказали, что они слушать лекций не хотят, то это обязывало бы сотого не слушать их, а профессора не читать ему одному? Но, кроме желания узнать: есть ли желающие слушать меня, я должен был обратиться к публике преимущественно для того, чтобы, вместо тех распорядителей, которые тогда отказывались от принятой, прежде того, на себя обязанности, нашлись другие, желающие взять на себя выдачу и поверку билетов для входа на лекции.

«Библиотека для Чтения» об'ясняет:

«Кто-то ответил из толпы, что отчего же не продолжать? Г. Костомаров об'явил, что он будет продолжать».

Я слышал не голос *кого-то* из толпы, а, может быть, больше сотни голосов: читайте, читайте! «Библиотека для Чтения» умышленно выражается *кто-то*, для того, чтобы представить факт в таком свете, будто-бы желание прекращения лекций было общим, а хотели их продолжения немногие... даже, быть может, один человек, не более... Кто-то! Понятно!

Далее «Библиотека для Чтения» говорит:

«Он об'явил, что не намерен потакать «пошлому либерализму», говорил что-то о гаерстве и проч. Наконец, г. Костомаров сказал, что какие-то Репетиловы кончат Расплюевыми. А давно ли г. Костомаров уверял печатно, что его слушатели преданы одной науке. Сколько известно, Репетиловы наукой не занимались, а Расплюев—«известно кто!»

Я никогда не уверял, ни печатно, ни письменно, ни словесно, что мои слушатели преданы одной науке. У самых ревностных тружеников науки есть, конечно, свои семейные и домашние дела, составляющие для них отдельную от занятия науками сферу. Я знаю, что были и есть слушатели, искренно-преданные занятию науками—это и теперь я повторяю; но какое же соотношение между ними и теми, по поводу которых я упомянул о Репетилове и Расплюеве? Последние слова исключительно касались тех, которые своими дикими выходками хотели, во что бы то ни стало, сделать невозможным выбор новых распорядителей, и наносили оскорбления многочисленной публике, ясно заявившей, в то время, желание, чтобы лекции продолжались, а не прекращались!..

МЕШАТЬ ИЛИ НЕ МЕШАТЬ УЧИТЬСЯ? *

В одном из нумеров «Санктпетербургских Ведомостей» была напечатана статья: *Учиться или не учиться?* Против нее, в той же газете, напечатал г. Лавров статью: *Учиться, но как?* [1] Эти статьи писаны по поводу предстоящего открытия санктпетербургского университета. Нам кажется, в этом

---

* *Санктпетербургские Ведомости*, 1862, № 113; *підп.: Н. Костомаров.*

[1] Удивительно, как г. Лавров решился, как-будто, *льстить молодому поколению* и в защиту его прибегать к искажению фактов. Так касаясь происшествия,

случае едва-ли не приличнее задать другой вопрос: *Мешать, или не мешать учиться?* Мы, разумеется, придем к общеизвестной, избитой истине, что для успеха в деле просвещения, прежде всего, нужна свобода—свобода и сверху, и с боков, и снизу. Как вы ни устраивайте университет, если в нем не будет духа свободы, не будет в нем процветать наука. Сохрани Бог, если станут заставлять учиться, или навязывать учащимся мудрость принудительными мерами! Насильно-навязанное просвещение—все равно, что насильно-навязанное добро. Цель не будет достигнута. Сохрани Бог, если, под видом школьной дисциплины и всяких формальностей, начнут ставить барьеры и профессорам и слушателям! Пусть профессор, в об'еме и способе преподавания, пользуется полною свободою мысли и ее изложения; пусть дорожит судом специалистов в своей науке и сочувствием к себе слушателей; пусть слушатели входят в стены университета, обращаются в этих стенах и выходят из них непобуждаемы ничем, кроме собственной воли и сознания. От них мы вправе требовать одного—не приходить в университет с целями, не касающимися непосредственно науки, и не мешать тем, которые понимают, что в университет, кроме дела науки, ходить незачем. Между молодыми людьми в последнее время нам случалось встречать таких господ, которые проповедуют, что наука сама-по-себе не только бесполезна, но даже вредна, потому что отвлекает умы от других, более плодотворных сфер деятельности. «Теперь не то время», говорят эти господа: «пришла пора общественной деятельности — будем заниматься современными вопросами». Вследствие этого, они требуют от профессора, чтобы он пред своими слушателями кокетничал модными либеральными фразами, притягивал факты своей науки к любимым модным тенденциям, хотя бы то было ни к селу, ни к городу, и вообще имел бы в виду не научную истину, а легкое приложение того-сего из своей науки к современным вопросам жизни. Чуть только профессор в своих чтениях об'ективен, эти господа решают, что он *отстал*, что сущность его лекций—*мертвечина*, что, поэтому, его не только не должно слушать, но следует прогнать; при этом не берется во внимание то, что есть много других слушателей, которые находят для себя небесполезным посещать его аудиторию. Вздумается воображающим себя *передовыми* людьми молодого поколения устроить демонстрацию—профессор должен показать к ним сочувствие, хотя бы против собственного убеждения, иначе—ему грозят свистками, ругательствами, даже побоями... Дивный способ распространения либеральных и гуманных идей! Мы не станем доказывать этим господам ясную, по нашему мнению, мысль, что наука способствует развитию политической и общественной свободы не отрывочным, часто неудачным, применением ее фактов к вопросам современной жизни, а многосложным и продолжительным процессом образования. Можно было бы об этом толковать много... но к чему? *Передовые люди молодого поколения* считают отсталыми не только нас, но даже знаменитых, великих деятелей мысли и слова, и уверены в непогрешительности своих собственных вдохновений. Поэтому бесполезно давать им, в этом отношении, советы: опыт научит их в свое время, когда придет для них пора действительной общественной деятельности, и они с грустию почувствуют в себе

случившегося на моей лекции, 8-го марта, он дает ему такой вид, будто-бы оскорбления, которые позволяли себе делать мне некоторые слушатели, последовали после того, как я сказал замечание, припомнив Репетилова и Расплюева. Напротив, свистки и брань я слышал именно после того, как изявил охоту продолжать свои лекции для тех, кто пожелает, а замечание о Репетиловых и Расплюевых сделано было вследствие этих диких выходок: после этого замечания никто не свистал, не бранился, и я спокойно ушел из аудитории. Г. Лавров неоднократно посещал мои лекции; не помню, был ли он на последней, но смею думать что не был и писал по слухам; иначе он бы должен был, по долгу совести, выставлять дело, как оно происходило.

скудость необходимого для этой деятельности запаса. Пока довольно будет, если мы предложим им такой компромисс: не станем препятствовать одни другим; вы, господа, нам не мешайте, а нам до вас нет дела. Будьте себе чем хотите—красными, желтыми, зелеными; только не ходите в университет, потому что вам тут делать нечего, и вы, по духу вашего направления, не можете не мешать тому большинству, которое неспособно достигнуть такого ясновидения вещей, каким вы обладаете. Ведь вы считаете себя либералами: неужели вы не знаете и не разумеете, что первое качество свободы есть терпимость чужих убеждений и действий, уважение к противным мнениям, ради желания найти истину, и, наконец, готовность отказаться от своих убеждений, если этого потребует истина? Неужели вы думаете, что достаточно громких фраз и равносильных им, несбыточных и противных человеческому существу утопий, чтобы на самом деле быть либералами? Либерализм высказывается более в способе действий, в приемах обращения с идеями, чем в самых идеях. Это аксиома для всякого, кто хоть по складам учился истории человеческих обществ. Трудно выдумать такую либеральную теорию, которая бы прежде нас не высказывалась почти в тех же фразах, в каких теперь повторяется: Но всегда недостаток либерализма в способе действия не допускал красотам такой теории явиться на практике. Не говорим уже об истории образованного Запада, где звуки животворной триады: liberté, fraternité, égalité так же гармонически сочетались с ударами гильйотины, как христианская проповедь мира, любви и милосердия со звуками инквизиционных орудий; наша бедная либеральною схоластикою, наша грубая старина, в этом отношении, не отставала от просвещенного человечества. Был у нас в XVII веке батюшка Степан Тимофеевич, Стенька Разин по прозванию: чем он не передовой человек? Прислушайтесь, какие фразы он отпускал: я всем брат—говорил он—хочу установить на Руси казацкую волю; хочу, чтобы всяк всякому был равен! Чем это не liberté, fraternité, égalité? А когда приходилось показать себя на деле, тогда либерализм его выражался тем, что он вешал людей за ребро на крюк, да жег в печи, вместо дров...

20-го мая 1862 г.

ПОСЛЕДНЕЕ ОБ'ЯСНЕНИЕ ПО ПОВОДУ МОЕЙ ЛЕКЦИИ 8-ГО МАРТА.*

И вы исполните меру отец ваших.
(Матф. гл. 23, стих. 32).

В примечании к статье моей «Мешать, или не мешать учиться» я заметил о г. Лаврове, что он как будто льстит молодому поколению. Я сказал: *как будто* потому, что (как и об'яснил в том же примечании) не знал наверное, был ли г. Лавров на моей лекции, или писал по-наслышке. Если б я был уверен в первом прежде, то не употребил бы выражение *как будто*, но г. Лавров уже после того, в № 117-м «Санктпетербургских Ведомостей», заявил, что он был на этой лекции. Теперь я вычеркиваю *как будто*, и говорю прямо: г. Лавров *льстит молодому поколению*.

Лесть г. Лаврова состоит не в том, что он утверждает, что молодежь хочет учиться и посещает дельные лекции: г. Лавров здесь прав; да и в моей статье не сказано ничего противного этому—таких, которые желают учиться, я назвал большинством; слова мои о ложном понимании значения науки для современной жизни относились к меньшинству (по крайней мере, между сту-

* *Санктпетербургские Ведомости*, 1862, № 124; *підп.: Н. Костомаров.*

дентами); но вот этому-то меньшинству льстить г. Лавров и некоторые другие литераторы, когда хотят представить дело так, будто бы свист и ругательства последовали после того, как я сделал замечание о Репетиловых и Расплюевых. Повторяю и утверждаю, что дело происходило не так, как они представляют, и вот как: при входе в залу, на лекцию, студенты сказали мне, что они раздумали прекращать лекции и желают их продолжения прежним порядком. Но едва я дошел до кафедры, как один из распорядителей об'явил мне, будто бы уже все профессора единогласно решили прекратить лекции и прислали студентам-распорядителям записки, уполномачивавшие их об'явить публике о прекращении лекций. Я знал, что это была ложь, ибо накануне, в 12 часов ночи, виделся со многими из своих товарищей; но, не имея ни времени, ни нужды опровергать г. студента, сказал ему, что и в таком случае желаю продолжать, потому что не вижу логической связи между лекциями и поводом к их закрытию. Студент предложил мне самому об'явить об этом публике, но просил, чтобы это сделать уже после того, как распорядители об'явят о прекращении лекций других профессоров. Я согласился. По окончании моей лекции, другой студент-распорядитель прочитал публично, что лекции закрываются по желанию профессоров. Тогда я сказал вот что: «Независимо от всего только-что сказанного, я об'являю, что, давши слушателям своим обещание прочитать историю Ивана Грозного, считаю нравственною необходимостию продолжать свой курс, если найдутся желающие меня слушать». Мне отвечало множество голосов: «читайте, читайте». «По случаю отказа бывших распорядителей, надобно выбрать других, для соблюдения обычного порядка на лекциях», продолжал я. Тут-то из толпы молодых людей поднялись свист и ругательства, касавшиеся, конечно, не одного меня, но и всех из'явивших желание меня слушать. Я не порицал поступка студентов-распорядителей, закрывших лекции, я не осуждал мнение считавших необходимым, чтобы лекции закрыть; никто не мог считать себя оскорбленным моими словами; никто, разумеется, не имел права претендовать, почему не все так думают, как некоторым хочется. И, однако, именно за эти, ни для кого неоскорбительные, слова поднялись на меня свист и ругательства. Тогда только вынужден был я об'явить, что, после таких выходок, прекращаю лекции, и прибавил, что «служа, по силам своим, науке, просвещению и русской гражданской мысли, всему, что может вести отечество к свободе, не хочу служить пошлому либерализму Репетиловых, из которых современем, быть может, выйдут Расплюевы». Повторяю, что, уходя после того тотчас из залы, я не слышал свиста и ругательств. Пишу эти строки не с намерением оправдываться перед кем бы то ни было, а с целью восстановить истину фактов, умышленно-искажаемых теми, которые хотят, во что бы то ни стало, сделать правым свое обожаемое молодое поколение. Если-бы эти поступки были следствием минутного увлечения, они были бы извинительны в юношах, способных впадать в ошибки часто с благородными побуждениями. Но не так было... После того, я получил двадцать четыре безименных ругательных письма, писанных, без сомнения, все теми же передовыми представителями молодого поколения (из них только один имел смелость и благородство подписать под таким письмом свое имя): в них грозили мне свистками, ругательствами, мочеными яблоками и даже палками, если я когда-либо взойду на профессорскую кафедру. Конечно, меня не устрашали эти угрозы; если-бы оне исполнились, то замарали бы не меня, а тех, которые решились бы употребить их надо мною; но я вовсе не желал, и теперь не желаю быть поводом к арестам и ответственности пред законом безразсудных *передовых* людей молодого поколения, которые сами не ведают, что творят, и достойны сожаления, а не ненависти. С моим удалением из университета это искушение мимо идет их. Дай Бог, чтобы никто из моих преемников на кафедру рус-

ской истории не испытывал подобных проявлений живучести грубейших элементов русской старины. Стыд и срам этим передовым представителям молодого поколения; но еще более стыд и срам тем писателям, которые укрывают, искажают и перетолковывают в их пользу проявления пошлого мальчишества! И те и другие доказывают, что фразы о свободе, о гражданском долге, о просвещении, в их устах не всегда имеют смысл. Думая о приобретении свободы, надобно же и самим делаться достойными свободы; надобно покидать отцовские и дедовские привычки барства и холопства, чтобы они, по крайней мере, не выскакивали наружу тогда, когда мы воображаем себе, что действуем во имя свободы, и не припоминали нам невольно пословицы: гони природу в дверь—она войдет в окно! Да неужели же, несмотря на все наши громкие фразы о нашем движении вперед—мы еще недалеко ушли от знаменитого изречения Монтескье о наших дедушках?

Я высказал все: ни на какие новые, чьи бы то ни было толки, заметки и клеветы по этому предмету не стану отвечать.

3-го июня 1862 г. Санктпетербург.

МЫСЛИ ЮЖНОРУССА.

I. О ПРЕПОДАВАНИИ НА ЮЖНОРУССКОМ ЯЗЫКЕ. *

Всякому другу южнорусской народности бесспорно мило и драгоценно все, что заявляет о стремлении к возрождению нашего языка и литературы. Не можем мы не дорожить всем, что явилось замечательного в области нашего слова; произведения Квитки, Шевченка, Кулиша, Марка Вовчка, составляют уже нашу народную славу; появлением «Основы», вызвано несколько новых даровитых личностей. Все это утешительно для Южнорусса, но вместе с тем чувствуется, что все это не главное в нашей литературной задаче: недостает чего-то самого существенного, того, что бы дало твердость и плодотворность нашим стремлениям. Мы видали в нашей южнорусской литературе много хорошего, взятого из народа; но видали слишком мало того, что мы взамен дали народу. Соловья баснями не кормят—говорит пословица; так и народ нельзя насыщать повестями и стишками. Ему нужна крепкая, питательная пища знания и образования.

Не знаю, как скажут другие, но мне кажется, что пока на южнорусском языке не будут сообщаться знания, пока этот язык не сделается проводником общечеловеческой образованности, до тех пор все наши писания на этом языке—блестящий пустоцвет, и потомки назовут их результатом прихоти, охоты для забавы переряживаться из сюртука в свитку и припишут их более моде на народность, чем любви к народности. Горькая истина лучше сладкой лжи. Кто любит свой народ—пусть любит его не по дон-кихотски, не воображением, а сердцем и делом,—пусть любит не отвлеченное понятие о народе, а народ в действительности, в осязаемости; пусть любит живые существа, принадлежащие к народу, и ищет того, что им полезно и нужно. В сфере всенародного слова мы не можем быть полезны народу ничем другим, как употребив это слово орудием общечеловеческого образования. Народ должен учиться, народ хочет учиться; если мы не дадим ему средств и способов учиться на своем языке—он станет учиться на чужом—и наша народность погибнет с образованием народа. И вправе-ли мы будем тогда жалеть о ней? что отраднее: видеть ли народ в невежестве сохраняющим свою народность, или образованным, но потерявшим эту народность? Конечно, при таком выборе, придется пожертвовать народностью. Но для чего же приносить бесполезную жертву, когда можно совместить и то и другое, когда это будет и нравственно—справедливо?

Нам нужно преподавание науки на нашем родном языке, преподавание не тем, которые уже привыкли не только говорить, но и мыслить на общерусском языке, но тому народу, для которого родной язык до сих пор—удобнейшая и легчайшая форма передачи и выражения мыслей. Вместо повестей, комедий, стихов,—нужны научные книги. Разумеется, в выборе следует быть благоразумным. Смешно было бы, если бы кто нибудь перевел на южнорус-

---

* *Основа*, 1862, V, травень, стор. 1—6; *підп.: Н. Костомаров.*

ский язык «Космос» Гумбольта, или Римскую историю Момзена: для такого рода сочинений еще не пришло время. Надобно ограничиться элементарным изложением научных знаний, необходимых для первого образования. Таким образом, кроме букварей, в настоящее время необходимы для народа: краткая священная и церковная история, катихизис, отрывки из поучений святых отцев церкви, из житий любимых народом святых, и об'яснение богослужения. Что бы ни говорили модные прогрессисты, которым кажется удобным навязать народу материализм,—народ с омерзением отвернется от их учения, коль-скоро заметит, что прежде всего, под видом этого ученья, хотят посягать на святыню его сердца. Народ южнорусский способен с любовью принимать образование, если оно ему будет даваться в православно-христианском духе. Православное христианство было в продолжение многих веков основою его нравственной силы; за православие страдали его предки; православие слилось с его существом; да и самое православие южнорусского народа гораздо духовнее, жизненнее, внутренно сильнее чем некоторые полагают, и не состоит, как часто у Великоруссов, в соблюдении одних внешних обрядов. Во всяком случае, если бы мы сами, в этом отношении, стояли под влиянием иных взглядов, то все таки не смеем насильственно подкладывать народу чуждые ему нравственно-религиозные или иррелигиозные начала, противные тем, с которыми он родился, сросся, сжился. Когда его умственный кругозор расширится, тогда он сам выработает себе сообразную сферу идей, на основании новых для него данных в природе. За сферою религии должно следовать знакомство с природою: надобно написать для народа арифметику, космографию, географию и удобочтимые сочинения, которые бы знакомили его с важнейшими сторонами естествознания вообще. Вместе с тем надобно составить грамматику родного языка, по которой бы народ ознакомился с построением человеческого слова. Наконец, надобно написать книжечку, в которой сообщить народу главные основания его положения в государстве и его юридических прав. Этим пока можно ограничиться. Историю, вопреки некоторым, мы не считаем нужным вводить в этот план первоначального воспитания. История есть такая наука, которая требует уже большего запаса предварительных сведений и значительной степени развития: без того—она бесполезна. Книги, сочиненные для народа, должны быть написаны так, чтобы они читались, а не вызубривались,—понимались, а не вдалбивались; сведения пусть укладываются в голове учащихся процессом часто-повторяемого чтения, размышления, пересказывания другим, и толков о прочтенном.

Вот, по нашему мнению, чем бы следовало заняться теперь южнорусским писателям, а люди состоятельные, живущие в Малороссии—пусть покажут свою любовь к народу на деле, приняв на свой счет издания таких сочинений и заведение училищ, где бы дети поселян приобретали воспитание на родном языке.

Против нашего проекта восстанут те защитники государственного единства, которые думают, что для спокойствия государства необходимо насильственно подвести к одному знаменателю все народные обычаи и приемы жизни. Но государство и народ—не одно и тоже. Государство есть необходимая внешняя форма соединения обществ и может быть составлено из многих народов, которые, в государственном смысле, все вместе составляют одно тело, но во внутренней жизни каждый пребывает самобытным целым. Не смешивая себя с народом, государство не должно предпочитать одного из нескольких подвластных себе народов и ставить его выше других, но равным образом охранять порядок их взаимных отношений и не мешать свободному развитию каждого из них. Для власти, выражающей государственное начало, обычаи и особенности народов должны быть в равной степени законны, и нравственные требования жизни каждого из их не должны встречать

препятствий. Ложно думать, будто при таком разнообразии может порваться связь, соединяющая народы. Если государство станет на точку сознания права народностей, то каждая народность будет естественно видеть в связи с другими залог своего благосостояния. Зачем народу желать отторгаться от государства, когда это государство его удовлетворяет? Ведь без власти обществу существовать нельзя; вырвавшись из государства, нужно будет творить новое государство... Для чего же ломать прежнее, когда оно удовлетворительно? Коль скоро государственное начало, соединяя под собою несколько народов, будет соблюдать только взаимную связь между ними с одинаковым уважением ко всем народностям вместе, и к каждой относиться не как ко второстепенной, подчиненной, низшей, выше которой есть—господствующая, а как к самобытной, самоправной: тогда не может быть недовольства к государству, ни вражды к другим, вместе соединенным, народностям, если бы даже в коренных основаниях народностей не было органической связи. Но такого расторжения никак нельзя ожидать между южнорусской и великорусской народностями, потому что они соединены не только по принципу государственной необходимости, но связаны и духовным родством веры и происхождения. Возможно-ли ожидать расторжения там, где разделенные насильственными обстоятельствами в продолжении веков стремились к взаимному соединению? Возможно-ли это расторжение тогда, когда во всем славянском мире чувствуется и сознается братская взаимность и стремление к соединению? Только при глубоком незнании смысла нашей прошедшей истории, при непонимании духа и понятий народных, можно дойти до нелепых опасений расторжения связи двух русских народностей при их равноправности.

Русское государство, в его первобытном зачине, возникло не по насильственным побуждениям, и хотя впоследствии чуждое завоевание вызвало элемент насильственной централизации, но древние свободные начала самоправности народов, входящих в государственный круг, не оставались мертвыми. После соединения Украины с Москвою, московское государство оказывало уважение к принципу местной своеобразности Малороссии и признавало, что Малороссияне должны пребывать по их черкасским обычаям. Отклонений, правда, было много; некоторые были очень резки; но принцип признания малороссийской народности оставался и признавался. Только уже в последние времена влияние европейских идей—сочетания государственного единства с единством народности, заронило и у нас несправедливую мысль, что поддержка южнорусской народности и развитие южнорусского языка могут быть вредны для государственной цельности. Откинуть принятое извне (и там уже, откуда оно занято, сделалось оно несостоятельным и признается таким), не будет опасно в настоящее время. Народ южнорусский своим уважением к законности и порядку, своим постоянным сознанием необходимости органической связи с великорусским, заслужил, кажется, от власти столько доверия, чтобы не считали его языка и саморазвития зловредными для цельности государства.

Есть другая опасность для нашего проекта:—это наша уже не южнорусская только, но всероссийская лень и апатия к истинно-полезному труду и действительно-высокому подвигу. Писать повести и стишки часто бесцветные, пустые «з чорнобровими дівками, буйним вітром, могилами, степами і зозулями» гораздо легче, нежели предаться предварительному изучению и трезвому труду для составления научных книг, необходимых народу; также точно и наши состоятельные народолюбцы охотнее оденутся, для забавы, в quasi-национальный костюм, ввернут в свою речь два-три малороссийских выражения, поспорят о достоинствах Шевченка, чем уделят рубль-другой из своих доходов на дело общественного образования. Дай Бог, чтобы мы ошиб-

лись; дай Бог, чтобы нас обличили в несправедливости этих слов—не словами, а делом. Тогда и все предыдущие сочинения наших даровитых писателей будут иметь важное значение предварительной обработки народного слова и приготовления его для народного образования. Если же, сохрани Бог, станется так, как мы опасаемся,—тогда наше стремление к возрождению народности не более как мода на народность, не имеет корня в жизненных потребностях, и нашей южнорусской народности суждено погибнуть.

II. ХРИСТИЯНСЬТВО Й КРІПАЦТВО. *

Les extremités se touchent.

Здавна велось и тепер ведетця, що вороги и хулители віри и науки христової сікались виводити з християньства буцім воно освящае и похваляе неволю и гвалт, не дае людському розуму розвернутись, примушуе—заплющивши очи, без власної розваги, узнавати за правду, те що сказано и робить як показано; що бог християнський есть пан, а ми—кріпаки его, що він держить нас під страхом хлости и кари, що він сам нас катуе и ніби радуетця з нашої муки, наказуючи нам любити свое горе и самим шукати собі бідности и болістів, и всякого лиха. Так казали вороги христової віри и тим підкопували й в сердцях людських. Теж саме викладали и викладають ті пустосвяти, що думають вічно правду небесну зробить підпоркою дочасних звичаїв и порядків, які им уподобались.

Оце ж так робить и пан Аскоченський (нехай нас вибачае), що удае себе за благочестивого и побожного, жалкуетця на безвірье и нечестье,—у инших помилки підмічае, и сам тим-часом ще гірш помиляетця.

В «Основі» пан Володько Нечуя сказав: «бог милосердий—не пан, а ми ему не кріпаки доводимось... пану можна втішати себе помстою, а бога самиж ви взиваете милосердним! бог—правда. А хибаж була б правда, коли б він почав нас карати за те, що не такі ми, як треба?»

Проти сего п. Аскоченський озвірився и написав так:

«А що це ви, пане? Чи не хлиснули часом тіеи проклятущої, або чи не на молодику з вами таке бува? Як же це ви кажете, що бог нам не пан, и ми его не кріпаки? Кріпаки, добродію, та ще які кріпаки! Куплені честною его кровію и закріплені на віки вічні и его підданство».

Кому ж вірить? Чи справді пану Аскоченському? А чи не краще буде, як ми послухаемо самого Ісуса Христа, бо той зовсім противне тому сказав:

«Не к тому вас глаголю рабы, яко раб не весть, что творит господь его, вас же рекох други, яко вся, яже слышах от Отца моего, сказах вам». (Ев. от Иоанна, гл. XV, ст. 15).

Уже й сих слів Христових досить, щоб завважити, як противні слова п. Аскоченського науці християнській. Ся свята и спасенна наука не поучае нас, що ми кріпаки, и повинні добро діяти з-під страху, що нас за те побьють, коли ми инак робити почнем; не купував нас Христос у підданство, а искупив з підданства и кріпацтва. А від якого кріпацтва искупив нас Христос, про те він сам ясно и просто навчае: «Аминь, аминь глаголю вам, яко всяк творяй грех, раб есть греха. Раб не пребывает в дому во век, сын пребывает во век. Аще убо сын вы свободит, воистину свободни будете» (Евангелие от Иоанна, гл. VIII, ст. 34—36). От бачите, пане Аскоченський: «свободны будете», каже господь, а не—«закріплені на віки вічні у мое підданство»—як ви слебезовали. Не бог нас карае и муки и лиха нам посилае; бог тільки

* Основа, 1862, VI, Червець, стор. 9-12; *підп.: Н. Костомаров.*

так установив, що муки и лиха и всякі болісти бувають послідком неправди, бо и в природі ми бачемо, шчо коли закон ії ламлемо, то за те и стражлемо. Бог не тільки на нас лиха не посилае, а ще одвертае нас од лиха, указуючи нам путь истини и добра. Тим то господь и говоритъ, що він не буде осуждовати за те, що не повірять ему; він приходив не судити мир, а спасти мір. а судить грішника само слово Христове, которе есть истина. «И аще кто услышит глаголы моя и не верует, аз не сужду ему. Не придох бо да сужду мирови, но да спасу мир. Отметаяйся мене и не приемляй глагол моих, имать судящего ему: слово. еже глаголах, то судит ему в последний день— (Ев. от Иоанна, гл. XII, ст. 47—48).

Се те ж саме, що и народ наш каже: добре роби, добре й буде. Не требуе од нас християнска віра, щоб ми, заплющавши очі, вірували тому, що нам говоритця, а противно сему требуе, щоб ми своїм власним розумом розважали [1] и мирковали, и сами за истину узнали слова Христові и серцем щирим полюбили віру святу,—щоб ми сповняли заповіді Христові не з примусу, не з-під страху, а з любовію, и до бога з молитвою приходили—не так, як кріпаки до пана, а як діти до батька: тим то и в молитві, що сам Ісус Христос дав нам, зовемо бога—«не пане наш», а «Отче наш»! Ті, що хотять виставити християнського бога паном, а нас кріпаками, шукають собі опори в старому завіті; але відомо, що за старий завіт треба прийматись з оглядкою, що там е згодного з наукою Христовою, а що незгодного. Бо вельми есть там багато такого, шчо колись—то було до-ладу, а тепер не годитця. Бо в законі моисеєвім сказано: око за око, зуб за зуб, а Господь велить добро діяти ворогам нашим; в старому завіті велено невірну жону каміннем побивати, а Христос простив таку грішницю; в старому завіті в субботу заказано ніякого діла не робити, а Христос у субботу свои добрі діла творив, и сказав, що суббота для чоловіка установлена, а не чоловік для субботи; в старому завіті велено обрізоватись и різні правила держати, що Жиди и тепер содержують, а нас християн, не обовьязали не те апостоли и отці святі. Недивно, що з старого завіту можна вивести, що бог есть нам пан, а ми его кріпаки, да християнська наука такий погляд одкинула, бо то колись були инші віки и часи, а після Христа другі почалися. Сю річ так виясняе ап. апостол Павел, що здаетця нічого більш говорити: «Глаголю же в елико время наследник млад есть, ничим же лучший раба, господь сый всех; но под повелители и приставники есть, даже до нарока отча. Такожде и мы, егда бехом млади, под стихиами бехом мира поработощени: егда же прииде кончина лета, посла бог сына своего единородного, рождаемого от жены, бываема под законом: да подзаконные искупит, да всыновление воспримем, и понеже есте сынове, посла бог духа сына своего в серца ваша, вопиюща авва отче. Темже уже неси раб, но сын: аще ли же сын—и наследник божий Иисус Христом». (К Галатам, гл. IV, ст. 1—7).

Так як же се пан Аскоченський каже, що ми кріпаки божі, коли Ісус Христос говорить: *не ктому вас глаголю рабы,* и апостол Павел говорить: *уже неси раб?* Се мабуть (скажемо ему) так как язычники вимишляли собі богів и надавали им те, що сами любили, так и ви діете: подобалось душі вашій кріпацтво, так ви его и до християнства тулите! Ні, не прилажуетця воно до его, бо не мимо сказано: «идеже дух господень—ту свобода». Може ви, пане Аскоченський, почнете говорити: «сей та той, та инший так да так вияснив сі міста письма святого». На таке ваше слово ми зазделегідь одвітимо, що, по заповіді апостольській, колиб и сам ангел з неба зійшов, та почав нам викладати противне тому, що сказано Христом и его апостолами, так ми б и ему не повірили.

[1] Иоанн. V, ст. 39.

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕПРАВДА И ЗАПАДНО-РОССИЙСКИЙ ПАТРИОТИЗМ. *

> Мы не будем увлекаться какими-нибудь предвзятыми теориями, льстящими нашим национальным интересам: наше оружие в материалах непоколебимой достоверности.
>
> (Из программы «Вестника Западной и Юго-западной России»).

Явился в Киеве *Вестник Югозападной и Западной России*... Да не оскорбится почтенный редактор (которого мы истинно уважаем), если мы позволим себе откровенно высказать несколько замечаний, с которыми предоставляем ему соглашаться или не соглашаться, открыть против них войну или оставить их без внимания.

На обертке журнала г. Говорского девизом *«историческая истина»*... При всей достоверности печатаемых материалов, при возможно-добросовестной их обработке в отдельности, историческая истина не всегда достигается; напротив, при таких прекрасных достоинствах можно дойти до противных результатов, именно—до распространения между читателями ложного понимания истории. Если мы из огромной массы исторических материалов будем выбирать только те, которые относятся к какой-нибудь одной группе явлений прошедшей жизни, притом такие, которые окрашивают эти явления известными цветами, именно теми, какими нам особенно приятно видеть их окрашенными; если, при этом, станем уклоняться от обнародования материалов, относящихся к другим, менее интересным для наших настоящих (в-сущности противных чистой науке) побуждений, сторонам прошедшего: то—вместо исторической истины—читатели усвоят историческую ложь, потому что, познакомясь с этими явлениями, не будут знать, какое надлежащее место занимают они на самом деле в ряду всех исторических явлений вообще.

Мы не считаем себя вправе произносить приговора о журнале, которого только первая книжка появилась в свет; но если остальные будут издаваться в том же направлении, то легко статься может, что он невольно придет к указанному нами печальному результату. Из первой книжки видно, что редакция обращает главное и почти исключительное внимание на вопрос о борьбе православия с католичеством и на соединенный с ним тесно вопрос о борьбе польской народности с русскою. С этой целью, конечно, редакция перепечатывает слишком известное письмо Исаии Копинского к Вишневецкому, которое три раза уже было в печати, а теперь является в четвертый раз. Это одно уже обличает, что редакция становится на полемическую точку, а такая точка, по нашему мнению, будет более вредна, чем полезна не только для исторической истины, но и для разрешения, в будущем, наших политических и общественных недоразумений. Мы встречаем в *Вестнике* «Ответ г. Юзефовича г. Падалице». Г. Падалица жаловался, что Киевская Комиссия, издавая старые акты, добывает из своего сада одни кислицы, хотя в нем есть и сладкие, хорошие яблока. Г. Юзефович, вспоминая, что он распорядился уже о том, чтобы в Комиссии был редактор из Поляков, по выбору дворян, замечает, что негде взять других плодов и что приходится подчивать Поляков такими, какие насадили их предки.

По нашему глубокому убеждению, при обнародовании исторических материалов и при разработке и обследовании представляемых этими материалами сторон протекшей жизни, не следует обращать внимания, что кому кажется кислым или сладким, иначе—что способствует или препятствует

---

* *Основа*, 1862, VII, липець, стор. 1—13; *підпису нема;* за автора вказує Костомарова покажчик його творів в «Литерат. Насл.».

известным политическим или народным тенденциям; а следует безотносительно и беспристрастно стараться об изображении прошедшего в возможно-действительном свете, искать одной истины. Есть много таких материалов, которые кажутся то кислицами, то сладкими яблоками; но несравненно больше таких, которые безвкусны как вода—свежая, здоровая, отрезвляющая, и эти-то материалы более всего важны в настоящее время. Познакомьте нас с городским и сельским устройством, с многообразными проявлениями общественной и домашней жизни, быта шляхетского, духовного, городского и сельского, с гражданским и военным бытом, с понятиями религиозными, юридическими, нравственными, экономическими; покажите, под какими влияниями эти понятия между собою сходились, расходились, переплетались, переменялись; подведите ваш любимый вопрос о православии под условия полной исторической цельности, да, кроме того, явления составляющие эту цельность—в отдельности каждое само по себе и все в их совокупности—поставьте в паралель с историческим течением жизни других народов и других цивилизованных обществ:—тогда только вы уразумеете истину, тогда только вы увидите настоящее место, которое занимали в действительности те явления, которые вас особенно интересуют, тогда только вы можете быть справедливы и вполне добросовестны в ваших суждениях и приговорах. Иначе—вы не избежите пристрастия, вступите в борьбу с пристрастиями; а через борьбу одних пристрастий не достигается истина.

Несомненно, что православие терпело насилия:—напрасно патриоты старались и стараются укрыть и смягчить эту горькую истину; но и то несомненно, что причины этому лежат не в духе нетерпимости и фанатизма Польского народа, а в своеволии частных лиц, подстрекаемых избранными фанатиками [1]. И это всего лучше доказывается тем, что Польша, платя дань веку,

[1] Для уяснения этого вопроса, весьма важно свидетельство известного исследователя по истории Юго-Западной Руси, *Н. Д. Иванишева*, заключающееся в статье его *«о постановлениях дворянских провинциальных сеймов» («Архив Юго-Западной Руси», т. II; «Основа» за март 1861 г.)* Народ Польский, как и все другие Славянские народы, никогда не обнаруживал в своем национальном характере, религиозной нетерпимости. Рассмотрев несколько сот актовых книг Волынских, Киевских и Брацлавских, также акты Трибунала Люблинского и Метрики Коронной, мы не нашли ни одного случая, который бы доказывал фанатическую ненависть Польского народа к другим христианским вероисповедакиям. Мы даже видим из актов, что католики, жившие в Юго-Западной Руси, не делая строгого различия между католическою и православною религиею, приглашали священников крестить детей и принимали от них святое причастие; православные священники совершали над католиками обряды венчания и погребения (Архив Югозападной Руси, ч. I, т. I, стр. XXXVIII). Большинство польского дворянства на сеймах подавало голос в пользу веротерпимости и охотно соглашалось на все меры, которые предлагаемы были для примирения враждовавших религиозных партий, что особенно заметно было во время междуцарствий, когда дворяне получили право действовать по внушению собственной своей совести (Krzyżanowsky. Dawna Polska, 1857, CXLI). Но в государственном составе древней Польши существовала чуждая народным интересам, иноземная власть, старавшаяся наложить оковы на разум и совесть Польского и Западнорусского народа, эта власть заключалась в Римской пропаганде. Религиозный фанатизм, занесенный в Польшу Римскою пропагандою, поселил раздор между единоплеменными народами; он, как погребальный факел, бросал свой зловещий свет на всю историю Речи-Посполитой и вел это государство к политической смерти. Как только король и сейм, для предотвращения междуусобной религиозной войны, постановили примирительные статьи (1632 г.) и подтвердили их дипломом, данным Русскому народу, тотчас раздались протесты высшего католического и униатского духовенства. Примас королевства и, вслед за ним, клерикальная партия об'явили, что все постановления короля и сейма, в пользу православной религии, не могут иметь никакой законной силы, пока не будут утверждены столицею апостольскою. В след за тем отправлено было, со стороны католического и униатского духовенства, посольство в папе Урбану VIII, с жалобами на распоряжения Польского правительства, нарушившего права Римского костела, в пользу еретиков и отступников. Напрасно Владислав IV старался убедить

все таки в сравнении с тем, что делалось в те же времена в Западной Европе, была веротерпимою и гуманною страною. Было-ли в Речи-Посполитой что нибудь подобное Варфоломеевской ночи, испанской инквизиции, бойням в Басси, в Эпери, подвигам герцога Альбы, преследованиям католиков в Англии и Швеции? Поэтому, как несправедливо польские патриоты выгораживают свое отечество из-под общего уровня господствовавших предрассудков, так же несправедливо будет, если русские патриоты станут подбирать и выставлять напоказ одни черные стороны этого дела, безотносительно к тому, как тот же дух времени проявлялся в других краях,—и чрез то Польша покажется страною, будто бы отличавшеюся в высшей степени нетерпимостью и фанатизмом.

Несомненно, что западная и южная Русь была не польским, а русским краем. Несомненно, что большая часть дворянских фамилий были православные по вере и русские по происхождению. Их ополячение—факт прискорбный для русского сердца. Скажем более—он должен быть прискорбен и для поляка, коль-скоро поляк глубже всмотрится в свою историю: именно, с ополячения Руси началось падение и разложение Польши. Пока Русь была Русью и держалась с Польшею свободно, дорожа, разом, и своею отдельностью и необходимостью неразрывной связи по взаимности духовных и материальных требований, а не по бу́кве, которая всегда становится насилием, коль-скоро получает значение неизменяемости; пока Польша признавала эту самобытность Руси и свято чтила ее,—до тех пор велик и могуч был этот союз двух славянских народов и обещал он многое в будущем не только для них, но и для остального славянского мира. Но как только русское дворянство стало терять веру и народность, а поляки обрадовались, думая, что тут-то и сильно будет их отечество, когда все начнут говорить одним польским языком и будут католиками,—тот же час неукрепившееся еще здание союза и стало подгнивать и клониться к разрушению. Мы уверены, что если-бы Русь не переставала быть Русью,—Польша с Русью продолжали бы возрастать в силе и благоденствии, и Бог знает—каких размеров достигали бы они. Польша росла не в государство, а в союз; чем разнообразнее были элементы в Польше, тем Польша была и тверже и могущественнее, потому что разумная свобода и довольство требуют разнообразия. Правда, свобода имела свои невыгоды и темные стороны, ибо никакой склад человеческих обществ не изъят от них; но они изглаживались бы от дальнейшего развития свободы, а не от противных ей начал. Речь-Посполитая, напротив, задумала сделаться государством, погрешила против своей природы, искусилась занесенною из запада теорией единства веры и народности,—и за то была наказана.

С этой точки зрения рассматривая судьбу Речи-Посполитой, нам очень прискорбно вспоминать об ополячении Руси; но при этом надобно сознаться, что несправедливо будет воображать, будто это случилось только от насильственных воздействий польской народности на русскую... Не кроется ли вина

столицу апостольскую, что восстановление религиозных прав Русского народа основано на неприложной справедливости, что неминуемо возникнет междуусобная война, и что сама уния подвергнется опасности, если папа не утвердит статей, постановленных сеймом, для примирения религиозных раздоров. Урбан VIII передал дело на рассмотрение конгрегации, учрежденной для распространения католичества. Конгрегация отвергла все сеймовые постановления в пользу православной религии и диплом, данный Русскому народу, об'явив их противными божеским и человеческим законам. Вместе с тем, повелено было папскому нунцию Гонорату издать от имени столицы апостольской манифест против всяких прав, какие бы ни были предоставлены православной религии. (*Ostrowskiego* Dzieje y prawa kościoła Polskiego. Warszawa. 1793 t. III. str. 484. *Łukaszewicza*. Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w Litwie, t. I, str. 201). Такое решение столицы было причиною всех религиозных смут и несчастий для западнорусского народа.

скорее в самой русской народности? При польском устройстве, при той свободе, какая составляла коренной принцип существования Польши, разве русские не могли сохранить своей веры и своей народности? Разве существовала в Польше какая-нибудь власть, которая бы мучила, била, секла, запирала в тюрьмы, жгла, заставляя верить, думать, говорить, писать так как ей угодно? Нет. Несмотря на то, что король Сигизмунд III находился в руках у иезуитов и старался, на-сколько ему давало власти польское устройство, проводить торжество католичества над православием,—никто не мог воспрепятствовать явиться смелым сочинениям в защиту православия; никто не мог воспретить панам русской веры быть сенаторами, воеводами. Ни козни иезуитов, ни интриги чужеродных королей не поколебали бы русской веры и народности, если бы сами дети православной веры не изменили ей, если бы их русские кости не поросли так легко польским мясом. Иезуиты заводили школы, куда принимали русских детей и подготовляли их отступничество... А разве православные не могли также основывать школы, чтобы готовить крепких и доблестных защитников отеческого наследия? Да разве Русь не была и более Польши? Последняя не могла бы сладить с нею материальными средствами, если бы употребила насилие... Ополячение Руси произошло более от слабости Руси, чем от насилий и интриг католичества и полонизма. Нас обманули, нас соблазнили иезуиты,—скажут русские. А зачем же вы поддавались им?—можно сказать русским. В таком случае, вините собственную слабость, столько же, как иезуитов. Да, слабость—вот что погубило русское дворянство! Эта-то слабость—потому что она слабость—была провозвестницею дальнейших слабостей и падения. Какие печальные плоды принесла она! Разъединение дворянства от народа; то кровавые народные восстания, то крайний упадок духа, узкий—личный—эгоизм, естественный в верхнем слое, коль скоро последний отрывается от массы; вмешательство соседней политики и ниспровержение здания, подорванного внутреннею гнилью... В самом деле, кому было защищать это здание? Наибольшая масса населения в нем это русский народ: какой интерес мог побуждать его охранять это здание, когда он сам был чужой в нем? Притом, и те, которые из русских переделались в поляков, носили в себе последствия этой переделки. Не имея солидарности с народом, они не имели ее и между собою; легкость, с какой они потеряли прежнюю народность, осталась и утвердилась в их характере. Общество, потерявшее прежний корень, не сразу пустит новый; оно не имеет за собой исторической святыни; судьба их предков служит для них укором, и они отвращаются от нее, стараются забыть старое, ибо им от него невольно стыдно; а новое еще не успело сделаться историческим достоянием. На перевертнях вообще лежит отпечаток слабости, вялости, недостаток сознания целей, крепости взаимодействия и энергии труда и воли. Изменивши раз душе своей, они долго еще готовы изменять ей в другой и третий раз... Нужны века, чтобы старое совсем изгладилось из памяти, а новое, в свою очередь, сделалось стариною. Но Южная и Западная Русь могли дойти до этого только тогда, когда бы весь народ переделался в Поляков, когда бы на земле русской не оставалось ничего, напоминающего народу прежние основы жизни, когда бы Русь для Руси стала тем, чем для нас, христиан, теперь славянское язычество. Иначе было бы, если бы русское дворянство держалось с народом одних основ жизни: народ не мог бы упасть до такой степени политической и общественной апатии. Свет просвещения, конечно, входил бы в него, когда бы слово просвещенного человека было для него свое слово; дух свободы передавался бы ему от единоверцев, говорящих с ним одним языком; народ бы сознавал, что у него есть отечество, и защищал бы его; дворянство смотрело бы на это отечество под одним углом зрения с народом, и, конечно, союз Польши с Русью не мог бы так легко разрушиться.

Таким образом, вина ополячения Руси, которое было главным началом разрушения Речи-Посполитой, лежит в самом русском дворянстве; посмотрев глубже, мы ее найдем в самих себе: окажется, что главным образом виною ополячения части русского народа собственный народный порок. Сознание собственных пороков в народе всегда бывает спасительно: оно укрепляет народные силы и народ делается способнее к энергичной деятельности самосохранения и нравственного саморазвития. Может быть, это сознание пришло уже поздно. Но лучше поздно, чем никогда. Поздно для прежних отживших форм,—не поздно для дальнейшей исторической жизни в будущем.

Признавая факт ополячения и окатоличения Руси собственною народною виною, мы уже должны будем сойти с точки неприязни и вражды к польской народности. Между тем, известно, как часто смотрели у нас на вопрос односторонне, воображая, что русская народность потерпела от сильных ударов, против которых устоять не было у нее средств. Да и на самую народность русскую смотрели фальшиво: воображали себе тождество или прямое наследственное преемничество этой народности с, так называемою, общерусскою, т. е. народностью высшего класса в Российской империи. Но народность, которую теряли ополяченные дворяне, была вовсе не та, которую хотели бы некоторые писатели навязать им теперь, как их прежнее историческое достояние. Если бы те ее приняли, то отнюдь не возвратили бы народной святыни предков, а еще один лишний раз переделались, и после того могли бы еще и третий раз переделаться, пожалуй, хоть в Немцев. «Вестник Югозападной и Западной России» ратует не за ту народность, которая была действительно народностью их предков и до сих пор живет в народе, а за так называемую общерусскую. В разборе статьи г. Чернышевского: «Национальная бестактность» (где, при действительном незнании многих сторон галицко-русской жизни, есть, однако, верные взгляды, возбудившие, как нам достоверно известно, сочувствие у западных славян, которым сильно опротивело австрийское покровительство), неизвестный критик заранее изрекает Южнорусской народности и языку приговор, называя нелепостью стремление к самостоятельному их развитию. Трудно спорить об этом и впрямь, и вкось. Успех и неуспех зависит, во-первых, от большей или меньшей степени свободы, какою будет пользоваться это стремление, и, во-вторых, от явления талантливых писателей на этом языке. После Квитки и Артемовского-Гулака, этот язык в литературном движении был уже не таков, как в сочинениях Котляревского, после Шевченка и Кулиша он подвинулся далее, чем был при Квитке. Что может на нем явиться—кто в силах пророчить? Но, во всяком случае, автор «Национальной бестактности» совершенно прав, советуя Русинам держаться южнорусского языка, на котором образовалась уже литература. Мы не поставили бы «Львовскому Слову» в вину, еслиб оно писалось и на чистом великорусском наречии; но что же делать, если жаргон производит на наши уши впечатление, какое оставляет ёрзание грифеля по стеклу. Отвращение к такому языку, очень напоминающему бессмертные творения Василия Кириловича, мы вполне разделяем с автором «Национальной бестактности». *Впрочем, с удовольствием мы замечаем, что «Слово», в последнее время, более и более покидает свою тарабарщину и усвоивает живую народную речь.*

Мы излагаем наши замечания, вовсе не желая этим говорить ополяченным потомкам южнорусских дворян: будьте снова малороссами [1]; мы хотим

[1] Хотя, разумеется, мы и желали бы, чтобы живущие в Южной Руси поляки уразумели ту очевидную истину, что их родина—вовсе не Польша, а Южная Русь, Малороссия, они же в ней—потомки ренегатов, некогда утративших свою веру и народность; с таким значением они хотя имеют полное право быть гражданами страны, где живут, но не иначе, как указывая уважение к народу и не возбуждая против себя вражды покушениями порабощать или извращать его народность.

только сказать, что, занимаясь историей западной и южной Руси, не следует становиться исключительно на точку вражды православия с католичеством и русской народности с польскою, и подводить под нее все явления прошедшей жизни; а то можно как-раз дойти до недобросовестного искажения фактов. Пред нами два примера тому из двух враждебных лагерей. Г. Падалица в «Виленском Вестнике» хотел во что бы то ни стало доказать, что положение хлопов было как нельзя точнее гарантировано законом. За неимением действительно существовавших законов, он прибегнул к вымышленным и указывал в Volumina Legum небывалое постановление, или давал там находящимся совсем не тот смысл, какой они имеют. В «Вестнике Югозападной и Западной России» мы встретили подобное, в статье: «Литва в отношении к России и Польше». Так, автору хочется доказать, что литовский князь Витольд был православный. *Весьма многие*—говорит он—*первый раз услышат, что литовский князь-богатырь, составлявший гордость народа литовского, был сыном православной церкви. Но это подтверждается словами ученого и достовернейшего польского историка, Длугоша.* При этом автор приводит следующее место из Длугоша: „Witholdus Grodnensis dux magis modesti magisque vegeti et semper sobrii vir ingenii, et propter Ruthenorum assistentiam, qui illi propter vitus (читай ritus) sui identitatem magnopete officiebantur".

Из этого места ничего понять нельзя, потому что тут нет глагола, относящегося к *Витольду*. Автор умышленно пропустил остальную часть периода, потому что из нее выходит противное тому, что ему доказать хочется. Длугош говорит о вражде Витольда с Скиргеллом, описывает последнего человеком жестоким и пьяным, далее рассказывает, что Витовт,—опасаясь его, во-первых, потому что *он* имел при себе кружок из русских, которые склонились к нему по причине одинаковости обрядов, а во-вторых, по братству его с Ягеллом, и услышав, что Скиргелло замышляет умертвить его либо ядом, либо кинжалом, или каким нибудь другим способом,—убежал из Литвы, оставив гарнизон в Гродне и Бресте. Это место у Длугоша читается вот как:

Hunc Withaudus, Grodnensis dux, magis modesti magisque vegeti et semper sobrii vir ingenii et propter Ruthenorum assistentiam, qui *illi* propter ritus sui identitatem magnopere addicti erant et propter Wladislai Poloniae regis germanitatem, pertimiscens, et ex plerisque avisamentis praesumens illum in suam omniumque suorum necem ferro, veneno et qualibet occasione inferendam vehementer grassari, vitae suae ac suorum consulturus, cum Anna coniuge sua et omnibus boiaris militibus ac familiis suae ditionis Grodno et Brzeszcie castris, quae suo parebant imperio, forti militum praesidio locatis ex Lithuania effugit.

Далее об'ясняется, что он убежал к мазовецким князьям, а когда ими дурно был принят, то к ордену крестоносцев. То, что автор отнес к Витовту, у Длугоша относится к Скиргеллу, врагу Витовта. Автор указывает еще на свидетельство другого историка, Виганда, из Марбурга. Прибыв в Литву—говорит автор—Витовт крестился в православие. Затем делается ссылка на книгу: Pusczizna po Janie Długoszu, to iest kronika Wiganda z Marburga, Poznań, 1842. Стр. 304 и 305. Развернув указанные страницы в этой книге, мы нашли там следующее, на стр. 304: Sed antequam huiusmodi dolos perferisset ut ampliorem haberet inter Cristicolas confidentiam baptizari se fecit in Tappiow, Magisterque Wigandus supra dictus et schultecissa de Tappiow eum ad fontem baptismatis tenuerunt; на стр. 335 тоже по польски: Lecz nim te zdrady do skutku przywiódł chcąs większe u chrześcian mieć zaufanie, dał się ochrzcić w Tapiow. Wigand, mistrz wyżéj wspomniony, i wojtowa w Tapiow trzymali go do chrztu.

Здесь говорится о крещении Витовта у крестоносцев: кто же может тут подозревать *православное* крещение? Как же автор решился указывать на источники, где совершенно противное тому, что хочется доказать, и ссылаться в надежде, что слова его примут без рассуждений и поверять источников не станут? Wet za wet. Г. Падалица и автор статьи, помещенной в «Вестнике», воюют одним орудием: они смело указывают в цитируемых источниках на то, чего там нет вовсе. Вот до чего доводит пристрастие! Неужели же, в каком бы ни было отношении, подобные средства могут принести какую-нибудь пользу?

В таком же духе написана статья г. Воронина: «О польском аристократическом элементе в югозападной России». Странно видеть, что в 1862 году печатаются и выдаются за истину сказки, выдуманные в разные времена, а в особенности украшенные вымышленными подробностями тем, кто составил «Историю Руссов», приписываемую архиепископу Конисскому. Автор с наивностью, достойною 1820-х годов, верит не только в каменный столп Косинского, в медного вола Наливайка, в содраную кожу Павлюка, в варварские истязания Остранина (переделанного в Остряницу), с тридцатью семью старшинами с их женами и детьми в Варшаве. Г. Воронин остается в блаженном неведении того, что, по свидетельству несомненных актов, Остранин, постыдно убежав с поля битвы, поселился в пределах московского государства, в Чугуеве, а там был убит своими же козаками, не взлюбившими его за что-то на новосельи, и по смерти гетмана, ушедшими назад во владения Речи-Посполитой. Вот какие страсти рассказывает автор о сейме 1597 г. На этом сейме—сообщает он—*русские депутаты лишены были права участвовать в народных сеймах, а дворянство—права выборов и должностей правительственных и судебных; оно названо хлопством, а народ, отвергавший унию, схизматическим; велено от русских урядников отобрать все ранговые имения и передать полякам; весь русский народ об'явлен бунтующим и состоящим вне законов.* Неужели автор, составляя такую чушь, не знал, что существует свод сеймовых постановлений под названием: Volumina Legum. Заглянувши туда, он мог бы поверить, действительно-ли состоялось в этот год такое постановление на сейме.

Окончание статьи г. Воронина обещается *вперед*. Ну, хороша будет историческая истина в «Вестнике Югозападной и Западной России», если он будет и вперед наполняться такими жалкими компиляциями. Мы не имели целью писать разбора «Вестника» (мы решились сказать несколько слов только по поводу старых предрассудков, которые, к сожалению, видим здесь в полной жизни, когда напротив, думали, что они давно уже отошли к праотцам, при большем расширении средств узнать и уразуметь прошедшую жизнь южной и западной Руси); поэтому не станем распространяться ни о статье г. Кулиша «Падение шляхетского господства в Украине обеих сторон Днепра», написанную с обычным автору талантом и основательным знанием исторических источников, ни о заметке по университетскому вопросу г. Юзефовича, замечательной по верности взгляда на некоторые стороны столь важного, в настоящее время, вопроса. Не можем только удержаться, чтоб не сказать несколько слов по поводу одной статистической новости, поразившей нас и приведшей в недоумение. На 88 странице IV отдела, в перечне жителей Киевской губернии по племенам, напечатано следующее:

Поляно-руссов (остаток племени древних Славян, обитавших по Днепру, в окрестностях Киева, и сохранивших древние обычаи, язык и нравы): 1355... Хорошо было бы, еслиб «Вестник» сообщил нам более подробные сведения о таком интересном народе! Полезно было бы также и для читателей, и для успеха *Вестника,* чтобы он уделил какую нибудь долю внимания современному положению края,—настоящим его потребностям—нравственным и вещественным...

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР МОНОМАХ И КАЗАК БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ. *

В протекшей жизни южной Руси светлеются две исторические личности—великие вожди судеб народных, их память не умерла в потомстве. Хотя по общему печальному закону, не так сталось, как ими думалось; но правда никогда не погибает, незаметно зреет, пробираясь скромными путями посреди заметных людских заблуждений. Не погибло в истории нашей внесенное в нее этими личностями. Первая—это Владимир Мономах, вторая—Богдан Хмельницкий.

Чтоб оценить значение этих личностей в нашей истории, надобно на минуту перенестись в отдаленную эпоху, раз'единенную с нами целым тысячелетием,—к половине IX века. На пространстве, занимаемом западною половиною нынешнего русского материка, с давних времен обитали славянские племена, не связанные между собою ничем, кроме единства происхождения, и находившиеся в постоянной вражде, которая мешала и развитию их цивилизации, и сохранению их независимости. Они подпали игу чуждых завоевателей. Тогда возникло у них сознание необходимости взаимной связи, и они, по понятиям своим, нашли эту связь в призванном извне княжеском роде, с тем, чтоб в лице своих членов он должен править ими всеми сообща. Народы хотели иметь одну общую защиту, но не думали утрачивать каждый ни своей самобытности, ни своего земского народоправства, хотя и сознавали необходимость такой власти, которая бы в своей части сдерживала увлечение массы. С этих пор наша русская история, ее главный смысл, заключается в колебании между единством всех земель вместе и самобытностью каждой порознь, между разнообразием народоправления и централизациею единовластия. Одна половина ее до XVI века представляет постепенно упадающее господство первого рода стихии, другая—первенство второго рода.

Идеал нормального сочетания того и другого не был никогда достигаем; даже история представляет более отклонений от него, чем приближений; но были исторические личности, которые сознательно для своего времени вели к тому свой народ, и если не совсем успешно, то поставляли плодотворные начала для будущих времен. К таким личностям принадлежат упомянутые выше. Владимир Мономах жил в то время, когда связь удельно-вечевого строя, под цивилизующим началом христианства, должна была облечься в осязательные гражданственные формы. Этому мешали натиски кочевых племен, нападавших беспрестанно на южные земли, и недоразумения в правах членов княжеского рода в связи с земельными отношениями. Владимир умел подвинуть князей и ополчение русских земель на взаимный отпор врагов, и если не избавил совершенно отечества от враждебного соседства, то, по крайней мере, на будущие времена дал в борьбе с ними первенство русскому

---

* *Отдельный оттиск из «Русского Инвалида»*, 1863 г., № 86, стр. 1—15, печатано в Военной типографии, СПБ., дозволено цензурою. *Підп.: Н. Костомаров.*

христианскому и цивилизующему элементу. Оно стало для русского народа живительною традициею даже и в страшную эпоху татарской неволи. Владимир постоянными попытками и стараниями прекратить междоусобие князей утвердил в их потомстве нравственный долг единства и согласия, хотя беспрестанно нарушаемый силою страстей, но никогда не искорененный, а тем самым и политический долг взаимности и родства всех русских земель, которых местнонародные побуждения всегда тесно связывались с княжескими побуждениями; он установил обычай, что князь должен иметь свою волость, и тем самым уяснил значение княжеского рода, призванного управлять русскими землями; он способствовал и автономии частей, не допускавшей их до взаимного слития; он пытался учредить правильные княжеские с'езды, где бы князья—правители земель—общим своим собранием представляли единство всего удельно-вечевого строя русской державы. Владимир поддерживал древний принцип славянского вечевого народоправства; это показывается участием народа—смердов—на княжеском с'езде, против чего вооружался черниговский Олег, соперник Мономаха; равным образом то же видно и из того, что он сам не иначе сделался киевским великим князем, как по избранию, и тем самым поддерживал древнее вечевое право, которое могло бы иначе, как и случалось впоследствии, быть сменено другим, наследственным правом одних князей. Одним словом, Владимир старался в конце XI и начале XII века возрастить то, что было посеяно в половине IX века.

Попытки его не довели русский мир до определительных, точных и твердых форм политической и общественной жизни, но, несомненно, эпоха, которую он собою создал, оставила нравственное впечатление, способствовавшее сохранению связи и гражданственности посреди внутренних и внешних бурь, потрясавших землю русскую. Это был человек-борец федеративного начала в протекшей нашей истории. Но те ощутительные следы, оставленные его деятельностью в нашей последующей истории, слабы в сравнении с тем благодушием, которое привлекало к нему современников, и князей и народ, и освежало вокруг него людскую атмосферу,—с тем избытком духовной силы, с какою он повелевал своим веком. В нашей истории постоянно содержание является выше формы, сознание правды крепче долга, чувство добра святее теории добра, благое побуждение сильнее закона. У нас и в общественном, и в частном кругу всегда появлялись и появляются личности, за которыми немного дел, а многие влияния на окружающую их среду. Это те высокие нравственные натуры, что без задних целей обрекают себя на служение добру и правде, по своему убеждению, и с нелицемерною любовью относятся ко всему, с чем соприкасаются. Они имеют в виду живых людей современников, кому могут делать добро, а не отвлеченную идею потомства, и потому мало остается осязательных результатов их деятельности, а память о них живет долго. Пословица говорит: русский человек добро помнит,—добро, а не дело: важность доброго дела измеряется более побуждениями к нему, чем его плодами. Это самое представляется и в отношении народной памяти к Владимиру Мономаху. Его помнили и уважали не столько за дела, сколько за то благодушие, которое светится так живо в его поучении, чрез него то он сделался идеалом русской древней истории. Не плоды дел его были важны, а дух, управлявший его деятельностью; ибо этот дух собирал в себя ослабевшие народные желания и стремления, для того, чтобы они не умирали в народном чувстве на будущие времена.

Союзная удельно-вечевая держава, которой одним из организаторов был Владимир Мономах, обессиленная последовавшими после него междоусобиями, окончательно была потрясена до основания татарским завоеванием. Внешняя политическая связь северной и южной Руси была разорвана; мало-по-малу слабела и внутренняя. Московское самодержавие, вызванное и одобренное

народом, имевшим в нем удовлетворение по главной своей жизненной потребности—необходимости защиты от внешних врагов,—поразило удельно-вечевой строй и в XVI веке в лице Иоанна Грозного достигло своего апогея. В это время, именно в 1569 году, последовало соединение южной Руси с Польшею. Это событие, казалось, окончательно вырвало южно-русский край, отечество Владимира Мономаха, из русской семьи. Но вышло не то. Народ заявил свою оппозицию против соединения с Польшею. Борьба шла более полувека, то глухая и мало заметная, то громкая и воинственная. Много раз народная оппозиция была заглушаема; много раз, казалось, признавала себя побежденною. Наконец, ее знамя взял могучими руками Богдан Хмельницкий. Это знамя было—знамя древнего федеративного начала, уже не только подавленного единовластием, но готового исчезнуть в воспоминании народном. Богдан Хмельницкий напомнил о нем и указал, что оно может еще ожить в народе и в других формах, при иных понятиях. Дело Люблинской унии ошибочно называют актом добровольного соединения народов. Нет, это был союз внешний, государственный, искусственный, не вытекавший из сознания взаимности существования народов; это был один из тех актов, каких много встречаем в истории, когда земли присоединялись к государствам и владетели размежевывались между собою, не нуждаясь в воле и согласии жителей, поселенных в этих землях. Люблинская уния в отношении южной Руси была вовсе не соединение, а присоединение. Тут не было ни равенства между обоими народами, ни обоюдной свободы, хотя и были блестящие фразы, как равный с равным, вольный с вольным. Это не было народное соединение уже и потому, что тогда имели сделку только с одним классом народа—с дворянством, а всей остальной массы не спрашивали и не обращали внимания, хочет-ли она или не хочет. Народ должен был, как стадо скотов, подчиняться жребию, который ему приготовлялся. Заправлявшие этим делом заранее решили его, и потому мало обращалось внимания даже и на то, что в том классе, за которым признавали право согласия, было много несогласных. Даже то, что Поляки в последующие века упирались постоянно на этот давно минувший акт, показывает, что добровольного соединения народов не было, что дело было внешнее, а не внутреннее; иначе никакие бумажные документы не оказались бы слишком важными там, где связь почиет на взаимном сочувствии народов. Как может итти речь о братстве и равноправности двух народов, когда русская вера, русский язык, русская народность,—все, что гарантировалось актом соединения южной Руси с Польшею, все это в какое-нибудь столетие должно было уступить место польским стихиям?... Возражают против этого обыкновенно так: южно-русское дворянство добровольно и свободно оставило свою народность, ибо в Польше не было никаких юридических стеснений свободы мысли. Действительно в польском мире свобода шляхетского сословия была безгранична: юридически дворянство могло удержать свою народность; но есть другого рода насилие—нравственное, оно тяжелее всякого юридического и административного,—и оно-то губило в южно-русских дворянах веру в народность их предков. Это—предпочтение одних форм народности формам другой; это—то лицемерие, с которым говорили: «Мы уважаем вашу народность, ваши обычаи», но в то же время старались все, что входит в круг этой народности, покрыть презрением, а свое выставить, как можно резче, в привлекательном свете; это—то лицемерие, с которым говорили: «мы не заставляем вас оставлять вашу веру, забывать ваш язык», а между тем, употребляли все средства власти, силы, богатства, чтобы юношество привлечь к такому воспитанию, которое бы заставило получивших его отступить от элементов своенародности, а в то же время умышленно покровительствуют пренебрежению к своему народному воспитанию. Так поступали с дворянством, с

мещанами, а тем более с простым народом вовсе не церемонились, как известно. Мы далеки, однако, до того, чтобы итти рука об руку с теми, которые, руководствуясь ненавистью, стараются представить старую Польшу каким-то исключительным вредом в истории Европы. Напротив, многие предрассудки, общие веку, в славянской Польше проявлялись мягче и гуманнее; но тем не менее, она не была чужда их, и в деле связи с южной Русью было присоединение последней к первой, а вовсе не свободное и не равноправное соединение. Мицкевич, возведя это политическое событие в апофеоз, уподобляет его супружескому союзу. Может быть,—только разве такому союзу, где жена делается безгласною рабою, обязана жить умом и желаниями своего мужа и лишиться собственной воли, отказаться от прежнего образа жизни, от прежних симпатий,—быть тем, чем прикажет муж; может быть соединение южной Руси с Польшею и достойно назваться образом такого супружеского союза, но никак не другого. Союз народов может быть только при таких условиях, когда между соединенными народами нет ни первого, ни второго, ни главного господствующего, ни второстепенного,—подчиненного; когда один народ не только не станет покушаться на стихии народности другого, но искренно будет их поддерживать и способствовать их процветанию. Так, до некоторой степени, и было в западной и южной Руси до люблинской унии, когда великие князья литовские, будучи католиками, давали вклады на русские церкви и заботились о благосостоянии епархий и монастырей; исполняя нравственный долг убеждений своего века, будучи польскими королями, не покушались однако вводить в Руси польского языка и польских обычаев. Можно сказать, что акт люблинской унии был актом не соединения свободных народов, а расторжения, ибо соединение уже существовало прежде на самом деле. Но это свободное соединение не поворачивало русской истории от возможности возрождения древних федеративных начал связи с северною Русью, не налагало на южно-русский народ ярма, которое он должен нести хотя и против воли, ради исполнения буквы в какой-то бумаге, не им сочиненной; это соединение не лишало русского народа его бытия, не убивало в нем зачатков и надежд к самосохранению; одним словом—оно было действительно соединение, а не присоединение. Люблинская уния уничтожила на самом деле то, что провозгласила—связь равного с равным, вольного с вольным; вместо такой связи она создала господство одного над другим, сильнейшего над слабым, обманувшего над обманутым. Против этой-то унии, против ее последствий, против ее духа и смысла вооружился южно-русский народ, вооружился справедливо, ибо его не спрашивали тогда, когда присоединяли к Польше и установляли порабощение и уничтожение его народности.

Народ южно-русский чувствовал свое единство и потребность своенародной автономии. Богдан Хмельницкий, человек глубоко народный, облекал это чувство в сознательную деятельность. Овладев только частью южной Руси, так называемою казацкою Украиною, он не покидал, однако, остальной южной Руси: «поможет мне вся чернь по Люблин и по Краков; я ее не оставлю!» выразился он после первых побед своих. Когда обстоятельства принудили его довольствоваться Украиною, он все-таки домогался того, чтобы в других не подчиненных его власти, южно-русских землях ограждены были от всяких насилий вера и народность южно-русская. Сходя в могилу, на последней раде казацкой, он сознавался, что его тяготит то, что не удалось ему освободить всех земель южно-русских: Волыни, Подолии, Галича, Львова, и соединить с московскою державою под властию единого государя. Хмельницкий стоял выше своего века: он не мог быть доволен ни Польшею, ни Московией, ибо его не понимала ни та, ни другая. Польша хвалилась свободою,—Хмельницкий понимал, что это свобода ложная, и не только не затруднялся отказаться от нее для своего народа, но хотел делать его орудием уничтоже-

ния такой свободы в самой Польше: ведь лучше же ничего не иметь и быть бедняком, чем носить в кармане полный кошелек фальшивых червонцев, и Хмельницкий, в обличение этой фальшивой свободы, прикрывшей деспотизм и произвол шляхетства, говорил Полякам так: «согрішить князь—уріж ему шию; согрішить козак—и ему тож зроби: ото буде правда!» Польша не хотела правды Хмельницкого, и он отвернулся от нее. Московия также его не поняла. Соединяя с великорусским народом казацкую Украину, часть земли южно-русской, и принимая протекцию Московского государя, он, с одной стороны, не хотел ограничиться этим и оставлять начатое дело прежде восстановления независимости и цельности всего южно-русского края, под тою же протекциею, с другой—подчинять свою национальность другой и лишать свой народ самобытности и права распоряжаться собою. К нему и к его народу оказали неуважение: московская недальновидная политика заключила виленский договор 1656 года, склонилась на обещания Поляков дать Алексею Михайловичу престол после смерти Яна Казимира, в добавок—соглашалась возвращать Польше и Литве взятые области! Казацких послов не допустили на комиссию, наконец Алексей Михайлович об'явил войну Шведам, давним союзникам Украины. Хмельницкий обиделся, и было от чего. Казацких послов не принимали как свободных представителей нации, не хотели выслушивать их требований и назначили произвольные границы землям русским, принадлежавшим Польше, когда у них были в руках статьи, где по воле всей рады малороссийской, они должны были домагаться, чтобы граница русской земли была определена не иначе, как по Вислу, сообразно тому, как она была некогда при древних князьях русских; Москва, напротив того, склонна была отказываться и от тех земель, которые были уже приобретены оружием. Казаков должен был брать страх за себя. Московский государь, их покровитель, мог, повидимому, отдать их в руки Полякам. Хмельницкий соединял с Московиею свободный народ, добывший себе кровавыми трудами независимость и свободу, а московское правительство имело в виду не народ, а области, случайно приобретенные, которые, при случае, можно было продать, променять, подарить, когда будет выгодно. Московское государство как будто внезапно увидело, что оно дошло до той эпохи, когда должно было перестать существовать и принуждено было уступить место другому государственному строю. Оно испугалось своего быстрого самоуничтожения. Хмельницкий ссорился с московскими послами, даже угрожал Московщине, но отпасть от соединения с нею не было поползновения. Может быть, если б огорчения и несправедливости к его народу не свели его преждевременно в могилу, дело бы и дошло до того, что Богдан повел бы свои казацкие войска на Москву; но это была усобица такая, какие в оное время бывали между Черниговом и Киевом, между Новгородом и Тверью или Москвою. Связь Украины с Москвою была не внешняя, не государственная, а внутренняя, народная. Это ясно показалось после Хмельницкого. Его преемники не стояли на той степени исторического прозрения, как он. Московское самодержавие, раздражая их вольную природу, побуждало их не раз обращаться к польской свободе; блеск польский привлекал многих: не доставало у тогдашних передовых людей казачества столько сметки, как у Хмельницкого, чтобы всмотреться в ее фальшивость прежде, чем увлекаться ее наружным блеском. Народ уничтожал замыслы возвращения к Польше и отложения от Московии. При Выговском составили гадячский договор, по которому Украина соединялась с Польшею, как особая держава на федеративных началах. То была блестящая мишура, но не прельстила народа южно-русского; народ понял, чего недостает в этом договоре, уразумел, что весь этот договор—обман, не более. Он не утверждал целости всего южно-русского края и не упрочивал прав народных: напротив, оставляя часть южной Руси под прежним господством Польши, гро-

зил сделать из другой части вторую Польшу, с ее фальшивой свободой, с произволом высшего класса и с порабощением низшего. Народ разрушил замысел на свое порабощение, прикрытый либеральными фразами, и предпочел оставаться под властию московскою, хотя последняя не кормила либеральными надеждами.

При Брюховецком, Дорошенке, Ханенке, Мазепе—та-же история: народ уничтожал попытки своих вождей, покушавшихся отыскать ему иную судьбу, кроме единства с Московиею. Переберите все песни южно-русского народа, все его предания, пословицы—нет тени недовольства соединением с Московиею, нет зародыша стремления к отложению, несколько пословиц, изображающих невыгодный взгляд на Москаля, относятся к значению этого слова в смысле солдата и могут только служить доказательством тягости военного постоя для народа, но никак не вражды к великорусскому народу. Хмельницкий угадал внутреннюю связь двух соплеменных народов, понял потребности своего края и определил его историю сообразно этим потребностям. Вот великая заслуга этого человека. Дело было не на десятки лет, а на целые века.

Нельзя сказать, чтобы южная Русь постоянно благоденствовала в соединении с московским народом; но там, где, по ошибкам человеческим, южной Руси приходилось чувствовать гнет обстоятельств, этот гнет равномерно тяготел и над северною Русью. Не поставим мы в вину России уничтожение казацкого порядка и так называемых прав и вольностей Малороссии, потому что этот порядок с правами и вольностями сам собою сделался анахронизмом среди новых стихий исторического бытия. На двухсотлетний период от Хмельницкого до нашего времени падают тяжелым воспоминанием только два дела по исключительному отношению к южной Руси: первое—андрусовский договор, уступивший Польше за-Днепровскую южную Русь и на целое столетие слишком дозволивший совершаться делу полонизации; второе—введение в Малороссии крепостного права и долговременная терпимость его в руках Поляков над за-Днепровскою южною Русью. Но, к счастию, нет теперь ни того, ни другого; и то и другое—дело истории, а в приложении к настоящему вспомним пословицу: кто старое помянет, тому глаз вон! Из всех исторических документов имеет для нас теперь важность разве один—переяславский договор, величайшее дело Богдана Хмельницкого. Но этот договор не гарантировал Украину в будущности; в нем обеспечиваются только временные условия страны, а не народные права на грядущие поколения. Ни одна статья его не годилась бы теперь; этого мало: Малороссия вовсе не осталась бы довольна, если-бы восстановить силу этого договора. А между тем в нем есть для нашего времени очень важное: это дух его, а не буква. Буква касается буквы—государственной внешней жизни народной, а она то и есть дух для внешних явлений в государстве. Этот дух переяславского договора говорит красноречиво, что народ южно-русский сознавал свою цельность, как народ, и добровольно пожелал соединения с великорусским народом; это самое повторил бы народ и в продолжении двухсот лет после переяславского договора, и он повторял это коль скоро приходился случай; это самое южно-русский народ скажет и в настоящее время.

Мы желаем идти с великорусским народом одною дорогою, как шли до сих пор; наши радости и горести пусть будут общие; взаимно будем идти к успехам внутренней жизни, взаимно охранять наше единство народное от внешних враждебных сил. Мы просим от великорусского народа и от великорусского общества одного: уважения к нашему языку и признания за нами неотъемлемого естественного права развивать этот язык и нашему народу идти со своим языком по пути общечеловеческого развития. До сих пор большинство великорусского мыслящего общества не только не оказывало попыток нравственного насилия над стремлениями к возрождению нашего языка,

но относилось к нам с сочувствием. Во всем великорусском народе мы уверены: в нем есть благородное отсутствие побуждений насильно ассимилировать в себя соединенные с ним народы. Этим качеством может гордиться народ великорусский. Если было в нашем отечестве что нибудь противное, то оно исходило не из народных побуждений, а от наплывов чуждых идей. И теперь мы, к сожалению, встречаем неблагосклонные к нам голоса, которые готовы кричать: «караул, Россия разлагается!» Уже южно-русским писателям и ревнителям народного слова прибрали занятую напрокат из Америки кличку сепаратистов! Эти голоса прорываются и в литературу, но, к чести великорусской читающей публики, не пользуются сочувствием. Всякий мыслящий Великорусс, радеющий как и мы, о целости нашей общей нации, поймет, что не может быть разложения государства там, где идет речь об утверждении любви и союза между народами. Может ли быть опасность для государства русского тогда, когда два русские народа, южно-русский и великорусский, будут связаны между собою взаимным уважением к своей народности, когда Южноруссы будут считать необходимостью распространение в своей земле языка великорусского и его литературы, а Великоруссы станут оказывать содействие к развитию и процветанию языка южно-русского? А мы желаем именно этого, и ничего другого. Пусть пребывает эта братская народная связь во веки нерушима, ограждаемая не мертвыми буквами постановлений и законов, а живым сознанием любви и правды; пусть это сознание переходит из поколения в поколение обоих народов как завет отцов к детям. Пусть дело развития и процветания народного языка южно-русского будет делом всей русской земли, а не одной южной Руси; пусть всякое оскорбление, нанесенное южно-русскому слову, принимается так же на берегах Москвы и Невы, как на берегах Днепра и Днестра; анафема всех истинных детей нашего общего отечества да постигнет и того Южно-русса, кто помыслит о расторжении нашего братского народного союза, и того Великорусса, кто с гордынею господства станет покушаться на святыню южно-русской народности. Пусть наш народный союз укажет миру светлый пример, как соплеменные народы могут уживаться в одной внешней государственной взаимной связи, скрепленные внутренней связью народной; пусть он послужит первообразом для всех племен славянских, которые рано или поздно должны сознать, что отдельные стремления каждого из них на счет других ведут только ко вражде, ослаблению и порабощению, и что для всех один истинный спасительный путь—жить, мыслить и действовать сообща всем вместе в духе взаимной любви и единения.

О ПРЕПОДАВАНИИ НА НАРОДНОМ ЯЗЫКЕ В ЮЖНОЙ РУСИ.*

Дело издания книг научного содержания на южнорусском языке, предпринятое нами, имеет целью практические и нравственные пользы народа. Никто, надеюсь, не станет отрицать, что для ознакомления народа вообще с предметами просвещения, для удобнейшего и скорейшего расширения круга его понятий, желательно было бы, чтобы сведения, служащие для этой цели, были передаваемы в наиболее простой, ясной, для всех доступной и удобовразумительной форме. Прежде всего это достигается тогда, когда будет принят тот самый склад языка, то самое течение речи, которые присущи народу и ни в каком случае не могут ему показаться чуждыми. Наш, так называемый, общерусский язык, язык литературы и образованного общества, не имеет для того достаточных ручательств. Причина тому очевидна. Историческое течение прошлой умственной жизни нашей было таково, что общество и литература развивались и образовывались в противоречии с народом, и потому, вместо того, чтобы для выражения понятий просвещенной сферы искать элементов в духе своенародного слова, прибегали к искусственному составлению слов и построению речи—и отдалились от народа. Это сознают Великоруссы, писавшие для великорусского народа: им постоянно приходится, и часто неудачно, изменять свой язык и подводить его под народную речь. Что же сказать о другой половине нашего русского народа, которая говорит особым славянским наречием, с множеством неупотребительных в общерусском языке слов, при совершенном отсутствии многих, употребляемых в последнем, и со своеобразными фонетическими и синтактическими признаками? Здесь передача образования народу не значила ли бы предварительную выучку иного наречия, прежде чем пришлось бы народу что нибудь передать на этом наречии? Положим, что в высших и даже средних учебных заведениях ученики, вместе с новыми понятиями, могут усваивать чуждый с детства им язык. Для этого есть и время—потому что ученики пробывают в школах по несколько лет, есть и причины—потому что, по окончании ученья, эти ученики будут жить и вращаться в такой среде, где этот язык употребителен. Но такой способ совершенно неприменим, если мы не будем иметь в виду брать из массы личности, для образования, и пожелаем, по возможности, всю массу, посредством воспитания, поднять выше настоящего уровня ее умственного быта. Поселянину дорого время: нельзя заставлять тратить его на изучение того, что не составляет для него первой потребности; желая ему сколько-нибудь образования, надлежит знакомить его с тем, что более всего необходимо для умственной жизни в его сфере; он из нее не выйдет, он не покинет своего плуга, или своего топора. До сих пор, получая известную, хотя бы крайне слабую, долю образования, он неизбежно покидал то и другое. Теперь мы не того хотим; мы домогаемся того, чтобы, продолжая чорную работу своих предков, поселянин

---

* *Голос*, 1863, № 94, 20 апреля; *підп.: Н. Костомаров.*

сделался причастен великому делу исторического прогресса человеческой образованности, был знаком с ее результатами и чрез то сознавал и свое человеческое и гражданское достоинство. Для этого вовсе не нужно искоренять элементы его прежней жизни, коль скоро они непротивны образованности и способны к развитию,—а к таким именно и принадлежит его родное наречие. Давайте ему знание в легчайшей для него форме; ведите его прямым, а не окольным путем; научайте его так, чтобы знание сливалось с его жизнию, а не было для него чем-то посторонним. А оно именно будет иметь последнее качество, если вы станете учить народ на ином, а не на родном, усвоенном им с колыбели наречии. Книга и изустная речь будут для него две разные вещи. Этого отнюдь не следует, если мы хотим избежать схоластического характера в народной образованности. Надобно, чтобы книга поясняла народу его впечатление и воззрение, а не нуждалась сама в пояснениях; надобно, чтобы книга говорила ему *так, как* он привык говорить в своей семье, с своими знакомыми, а не *так, как* до сих пор говорили с ним барин, чиновник, солдат. Надобно, чтобы он не боялся книги, а любил ее. Для этого необходимо принять естественную форму передачи сведений на его родном наречии.

Я укажу при этом на то обстоятельство, что Южнорусский народ имеет причину особенно неохотно принимать образование на ином для него наречии. До сих пор эта народность, с ее родным наречием, находилась в презрении и поругании, по предрассудкам, господствовавшим в обществе. Южнорусский простой народ считался каким-то поколением глупцов; самое обычное народное прозвище южнорусского поселянина в высшем обществе было—хохол-дурак; в барских домах выучивали этой фразе даже попугаев. От этого малороссийская народность и просвещение казались противоположными и несовместимыми стихиями. Те, которые происходили из этого народа, при первом соприкосновении с образованностью, а чаще с жалкою полуобразованностью, не только старались избавиться от признаков своей народности, но даже стыдились своего происхождения; иногда укрывали его и прикидывались—большею частью, неудачно и смешно—Великоруссами, и вообще смотрели с пренебрежением на тот народ, из которого сами вышли. Кто не глумился над этой народностью? Кто не плевал на нее? Кто не кидал в нее грязью, а под-час и каменьями? И помещик, боявшийся, чтобы его дети не произнесли невзначай, при гостях, слышанных в девичьей или лакейской, дурацких, мужицких слов; и становой пристав, внук шинкаря или кромаря, жаловавшийся на глупость хохлов и убежденный в превосходстве Великоруссов; и солдат, при малейшем послаблении дисциплины готовый считать своим достоянием вола, курицу и хозяйку мужика, у которого поставлен на квартире; и великорусский торгаш, не считавший грехом надувать глупого хохла и выдумавший поговорку: *хохлы—не люди; за хохла три пятницы молока не есть!* Ругался над нею даже Белинский, со всем своим либерализмом неувидавший ничего, кроме шутовского переряживанья из фрака в свитку, в попытках некоторых Малороссов поднять родное наречие своего народа, дерзнувших признать свое собственное единство с этим народом, под риском прослыть сумасшедшими или злонамеренными. Немудрено, что, при общем заклеймении этого народа печатью глупости, на нем, в самом деле, лег отпечаток апатии и умственной робости. Эти качества надобно разогнать! Надлежит же, прежде всего, внушить южноруссу чувство и сознание, что и он—такой же человек, как и другие, и что элементы его народности так же достойны уважения, как и других народов; а для этого потребно, чтобы на его презираемом, оплеванном языке заговорили с ним серьезно о предметах просвещенной сферы. Тогда только он и просвещение полюбит, и тех, кто станет давать ему это просвещение. Иначе, если его будут продолжать просвещать попрежнему, т. е. по общерусским учебникам, то выйдет вот что: часть этого народа выучится

общерусскому языку с грехом пополам оторвется от народа, наполнится глупым тщеславием, станет смотреть на себя, как на избранников, а на народ—как на невежественное стадо, единственно потому, что этот народ не научился говорить, как они стали говорить,—а остальной народ всею огромною массою отвернется от просвещения, и будет прав: он почувствует то, что, может быть, невсегда будет в состоянии об'яснить; он почувствует над собою нравственное насилие и, по общему свойству человеческой природы, станет его ненавидеть.

Что справедливо, то и полезно. Fiat justitia! Общество виновато перед Южнорусскою народностью: оно долго терпело ее унижение—пусть теперь загладит свою ошибку, оказывая ей человеческое уважение.

Некоторые пророчат, что язык южнорусский не может выдержать конкуренции с русским, и должен будет уступить ему место, а сам исчезнуть. Мы не станем доказывать, что этого быть не может. Согласимся даже, что это неизбежно случится, хотя, вероятно, случится только тогда, когда наш общерусский язык, через поднятие народных масс к уровню образования, перестанет, по своему складу, быть тем, чем теперь. Во всяком случае, допустим, что южнорусскому наречию в будущем суждено исчезнуть. Что же из этого? Что будет, о том станут размышлять и судить наши потомки, а наше дело поступать сообразно тому, что существует пред нашими глазами, а не сообразно нашим гаданиям и предположениям. Тринадцать мильйонов народа говорят этим языком; следовательно, эти тринадцать мильйонов имеют право на участие в общечеловеческом образовании с своим достоянием.

С такими взглядами мы приступаем к делу народного образования в южной Руси. На южнорусском языке пишут и печатают уже давно. В последние два года существовал даже журнал специально посвященный возрождению южнорусского языка и народности. Все это принесло чрезвычайную пользу, приготовив значительно язык для литературного образования, и притом не обрезав его нимало от народного склада речи. В этом последнем случае, малорусская письменность представляет редкое, счастливое явление, так что если взять великорусскую народную речь, изолированную от всего, что составляет исключительное достояние общерусского общественного языка и непонятно сразу для простолюдина, то, в сравнении с нею, южнорусское наречие развито безмерно выше, ибо на нем теперь уже возможно, не отдаляясь от народного способа выражения, излагать предметы науки для элементарного воспитания. Это счастливое положение дает надежду, что Малорусский народ будет развиваться иным путем, чем до сих пор развивались европейские народы. Язык его не в высшем классе образуется, не будет притягивать в сферу образованности личности из нисшей массы, а станет подниматься и развиваться вместе с массою народа; степень развития языка будет указывать уровень народного воспитания. Выгоды такого способа развития языка несомненны: он не впадает в искусственность, в школьную схоластику, а остается навсегда живою речью, и наука, изложенная на нем, не будет мертвою грудою формального знания, а сольется с жизнию и соделается для нее духом и светом.

Вот основания, с которыми мы предприняли дело составления капитала в пользу издания книг научного содержания на южнорусском языке. Успех нашего предприятия будет зависеть, во-первых, от готовности принимающих участие в деле народного образования жертвовать деньгами; во-вторых, от сочувствия и уменья тех, которые примутся за составление этих книг. В охоте самого народа учиться на своем языке—мы не сомневаемся, хотя и говорят некоторые ревностные поборники однообразия, что южнорусский народ сам вовсе не желает развития собственной речи, а предпочитает учиться повеликорусски. Может быть и встречаются явления, которые подают повод к таким заключениям; но это потому, что на южнорусском языке учиться было нечему;

а когда напишутся на нем книги, из которых народ может почерпать для себя воспитание, то, конечно, он предпочтет свое чужому. У него есть на то пословица: «Лучше свое латане (с заплатами), ніж чуже хватане».

Нельзя сказать, чтобы написать книги научного содержания, годные для сельского южнорусского народа, была легкая задача. Надобно соединить и основательное знание науки и народного языка, и быть хорошо освоенным с образом народного понимания. В настоящем положении языка, когда он находится, так сказать, в периоде перехода от поэзии к науке, всего удобнее было бы повествование из священной и политической истории, географические описания и удобопонятные изложения устройства вселенной и естествознания. Относительно последнего рода знаний, мы имели много случаев испытать, что народ южнорусский с особенным сочувствием к нему обращается. Но самою первою потребностью народного образования, мы полагаем, должен быть перевод Евангелия на южнорусском наречии[1]; и все, кому дорого наше народное дело, вероятно, разделят вместе с нами желание, чтобы духовные власти смотрели на это благосклонными глазами, сообразно духу православной церкви, которая издревле и всегда старалась, чтобы источник нашей веры и нравственности был открыт и доступен для всякого разумения.

ОТВЕТ «МОСКОВСКИМ ВЕДОМОСТЯМ».*

В № 136 Московских Ведомостей высказана мысль, будто сбор пожертвований в пользу издания книг научного содержания на Южнорусском языке есть дело тайных Польских интриг, клонящихся ко вреду России, и что я, вместе с другими лицами, сделался орудием наших врагов. Так как подобное подозрение касается чести моей и других земляков моих, то я приглашаю Московские Ведомости представить ясные и фактические доводы, по которым общественное мнение могло-бы или обвинить, или оправдать меня. С своей стороны, сообщаю по этому делу следующие сведения. Мысль о сборе и издании книг научного содержания по Южнорусски заявлена в первый раз мною в «Основе». Побуждения к этому были такие: 1) по моему глубокому убеждению, подтвержденному для меня опытом, наш книжный язык с тем складом, какой мы ему усвоили, неудобен для передачи сведений простому сельскому народу вообще на Руси. У народа своя укладка понятий, своеобразное течение речи и, наконец, множество своих слов и оборотов, нам столько же чуждых, как чужды ему составленные нами; так что многое, что читает народ в наших книгах, ему непонятно единственно от того, что мы ему передаем все это в непонятной форме. Популярные книги научного содержания для сельского народа должны быть написаны народным, а не нашим книжным искусственным языком с большим или меньшим удалением от последнего, смотря по местностям и употребительному в каждой из них способу выражения. Значительная часть Южной Руси говорит своеобразным языком, который мы называем Южнорусским. Уверяют, что это не язык, а наречие. Мы-б могли в пользу свою привести мнения известных филологов; но не в том дело; наречие-ли, язык-ли—все равно: и в том и в другом случае факт существования особого вида речи не изменяется, а из этого факта сама собою вытекает потребность писать для Русского народа Южной Руси осо-

[1] В рукописях известны нам уже два перевода: один г. Морачевского, заслуживший лестный и одобрительный отзыв императорской академии наук и теперь находящийся в рассмотрении св. Синода; другой—автора настоящей статьи, который в скором времени представится к рассмотрению.

* *День*, 1863, № 27, Смесь, стр. 18—19; *підп.: Н. Костомаров.*

бым, удобовразумительным и сообразным с местными свойствами речи способом. Никто не думал и не думает изгонять из Южной Руси книжного, общего, государственного языка; никто не заявлял о заменении его иным каким-бы то ни было в университетах, гимназиях, семинариях. Шло дело только о преподавании в селах и, главное, о составлении таких книг, которые были-бы доступнее и вразумительнее для уроженцев Южной Руси, привыкших к своему родному языку, и, разумеется, любящих свое духовное достояние. 2) В последнее время возникла охота писать по Южнорусски; эта юная литература ударилась в бесплодную беллетристику; при учреждении сбора была мысль обратить этого рода умственную деятельность на пользу народного просвещения. Сознаюсь, что я мало сочувствую писательству повестей и песнопений на Южнорусском языке; если этого языка литература где-нибудь вполне законна и стоит на практической почве, то в таких только сочинениях, которые предназначаются для того, чтобы легчайшим и самым естественным путем провести в народ знание и просвещение. На таких побуждениях основанное предприятие нашло сочувствие между моими земляками сначала в Петербурге, потом в разных местах Южной Руси левой стороны Днепра. На правой—мысль наша принята была очень слабо: из Киевской и Подольской губернии прислано чрезвычайно мало денег, в сравнении с губерниями левой стороны, и те единственно от нескольких православных священников и Русских чиновников; из Волынской не получено ничего. Это об'ясняется тем, что в этих краях господствует между высшим образованным классом польский элемент, враждебный нашему делу. Это очень жаль, потому что поддержка и развитие местной речи служили бы сильным противодействием распространяемой там полонизации. По нашему мнению, Русскому обществу следовало-бы помогать нам в этом деле, не слушая тех, которые показывают или крайнюю недобросовестность, или крайнее незнание своей истории и этнографии, допуская нелепое подозрение о возможности солидарности какого-бы то ни было Малорусского дела с каким-бы то ни было Польским. Это было-бы очень смешно, если-б не было так оскорбительно. Свидетельствуюсь честию, что по вопросу о сборе я не только не получал никаких внушений от Поляков, но даже не случалось мне вступать в разговоры с Поляками об этом деле. Бессознательным орудием в этом деле быть не мог ни я, ни другие. Пусть же *Московские Ведомости* или докажут противное фактами, или сознаются в ложном обвинении: этого я требую от них во имя оскорбленной гражданской чести.

ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ.*

М. Г. Приношу Вам сердечную благодарность за напечатание моего протеста и равным образом за Ваше примечание. Я согласен с Вашим взглядом на это дело, но принимаю смелость просить Вас напечатать и удостоить об'яснением следующие замечания:

1) Вы говорите, что Малорусские патриоты доводят свои увлечения до того, что поправляют даже самый текст летописи, переиначивая слова в ученых цитатах на лад Малороссийский. Если-б это было так, то патриоты были-бы очень виноваты. Но по справке окажется иное. Отыскавши и прочитавши статью, на которую вы сослались, я увидал, что г. Гильфердинг обвиняет меня по поводу приведенного мною восклицания Новгородцев на Шелонской битве. Но я не поправлял текста летописи, которого и не приводил в оригинале, а только сослался на него, указавши страницу, и не переиначивал

---

* *День*, 1863, № 29, Смесь, стр. 19—20; *підп.: Николай Костомаров.*

произвольно слов в *ученых цитатах:* дело идет вовсе не о цитате. Место, приводимое вами по следам г. Гильфердинга, вырвано из моего рассказа. Издавна принято всеми нашими историками приводимые в их рассказах речи, взятые из летописей, передавать в сообразной с нашею речью форме, а не в буквальной точности подлинника: в последнем случае, когда бывает нужно, делается особая цитата или в тексте печатается особым шрифтом. Этому обычаю следовал и я, и в приведенном вами месте остался ему верен. Поэтому вместо *яз*—написал *я,* а вместо *испротерях*ся принял форму *испротерялся*, которую, однако, здесь не просто перевел, а нашел в одном рукописном тексте, читанном в археографической комиссии (испротерялся вместо испротерях*ся*). У меня в сочинении множество мест, где приводятся речи: все они в переводе: однако, г. Гильфердинг не поставил мне этого в вину; его, как и вас, соблазняет одно место, потому что здесь буква *ѣ* заменена буквою *и*. Это я сделал для того, чтоб придать речи местный оттенок, ибо, как теперь в Новгородском наречии *ѣ* произносится, как *и,* точно также произносилось и в XV веке. На это есть несомненные доказательства. Вот, например, договор Новгородцев с Ливониею 1421 г., напечатанный в книге Ширрена: „Nachricht von Quellen zur Geschichte Russlands".

Там вы встретите ясные доводы, что *ѣ* произносилось как *и*,—одно и то же слово пишется раз с *ѣ*, другой раз с *и*; например: *Васѣлии Дмѣтриевич* и *Василий Дмитриевичь, с Рѣскѣм* (т. е. с Рижским) и *рискѣи* (т. е. Рижский). *Гостѣла* (имя немецкого посла) и *Гостила* (тоже имя). В том же договоре буква *ѣ* пишется там, где без сомнения, выговаривалась как *и*; например, *бес хѣтрости, Мѣхаила, рѣодивескѣй, колыванескѣй кумендѣр,* а также *и* пишется там, где должно было бы стоять *ѣ*, например, Тимофий вм. *Тимофѣй.* Из этого видите, что я писал *не на лад Малорусский*, а на лад Новгородский и старый и настоящий.

2) Два раза вы делаете намек на ложную *теорию федерализма и на ученые федералистические теории*. Ясно, что вы имеете в виду некоторые мои сочинения, касающиеся истории удельно-вечевого периода, где я находил федеративное начало в сочетании стремления земель к самобытности с чувством и сознанием общерусского единства. Все, что я говорил и писал об этом, заключалось в сфере моего воззрения на древнюю нашу историю, но я не принимал на себя смелости переносить федеративные начала на современную почву, следовательно, ученые федералистические теории не могут быть принимаемы во внимание при обсуждении дела об издании книг научного содержания на Южнорусском языке, тем более, что я уже неоднократно заявлял в печати о желании издавать преимущественно книги, относящиеся к точным наукам, где федералистическим теориям нет места, по самому роду научных предметов.

3) Вы говорите, что некоторые, к сожалению, имели в виду какую-то цель и руководствовались известными побуждениями. Вы заявляете, что такие есть, и вы их сами знаете, и что это обстоятельство чрезвычайно вредит доброму Малорусскому делу. Ни их, ни об них я не знаю, как равно остается не ясным, на какие цели и побуждения вы намекаете. Если эти цели и побуждения заключают что-нибудь, кроме желания дать народу просвещение в естественной и наиболее доступной для него форме речи, то между мною и ими нет ничего общего. Конечно, все на свете можно во зло употреблять. Вам известны такие украинофилы, которых цели и побуждения вам кажутся вредными: обличите их, раскройте их тенденции, но имейте в виду то, что я в предпринятом деле хочу служить одному просвещению народа, а не посторонним целям и побуждениям, каковы-бы они ни были: полезны или вредны; мне до них нет дела.

4) В распространении просвещения на Южнорусском языке вы находите затруднение, приводя разность говоров. На это я позволю себе возразить, что эта разность не велика и до сих пор не мешала писателям, уроженцам разных губерний, писать так, что их понимать могут везде; что же касается до приведенных вами слов: «вилк» и «вулк», то, признаюсь, этих слов я не слыхал и не понимаю их значения: может быть, это какие-нибудь черезчур местные или технические слова, но подобные мелочи не могут служить затруднением.

В заключение позвольте еще раз сказать вам от всей души горячее спасибо за ваше разумное слово о предоставлении полной свободы нашему делу. Действительно, только опыт может показать, сколько в нем правды и естественности, сколько лжи, увлечения, искусственности. Если справедливо окажется, что Малорусские патриоты (как вы нас называете) и Малоруссы находятся в совершенном друг другу противоречии, тогда вопрос разрешится сам собою, а это должно оказаться скоро, лишь-бы только нам не мешали насилием. А такие выходки, как статьи *Московских Ведомостей, Киевского Телеграфа, Вестника Говорского,* что такое, как не крайнее насилие? Многие, прочитавши их и увидевши, что наше дело считают государственным преступлением, от страха, а не от убеждения, побоятся идти с нами рука об руку. Иные может и по убеждению отвернутся от нас, а мы будем думать, что тут действует страх, сами станем обольщаться и других обольщать. Пусть же противники наши, подобно вам, последуют мудрому примеру Гамаліила, который, не будучи сам христианином, советовал не преследовать христиан, а ожидать, пока об'явится: действительно ли исходит от Бога их учение.

Примите уверение и проч.

Николай Костомаров.

Г. ПУБЛИЦИСТУ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» и «Воскресных Прибавлений» к этим «Ведомостям». *

В 24 № воскресных Прибавлений к «Московским Ведомостям» напечатан ответ на мой протест, заявленный в «Дне» против статьи, помещенной в № 136 «Московских Ведомостей» по вопросу об издании книг научного содержания на южнорусском языке. Г. публицист об'ясняет, что он не заподозревал меня ни в сношениях с польскими повстанцами, ни в принятии внушений от Поляков, что он, наконец, уверен, что мое дело не имеет солидарности с польским. Предоставляю судить читателям и решить: я ли дурно понял смысл напечатанного в 136 № «Московских Ведомостей» или эти «Ведомости» дурно выразились. Но коль-скоро г. публицист снимает с меня это подозрение, то и толковать нечего об этом. Остается перенести вопрос на чисто учено-литературную почву, и предать его свободному обсуждению. Повидимому и мой антагонист предлагает тоже, как можно судить из следующих слов: «*Мы не желали бы, чтобы у него или у его друзей отнимали право высказывать и развивать их мнения. Права этого никто у них не отнимает. Мы напротив, желали бы, чтобы они пользовались самым широким и полным правом высказывать свои мнения и вот как мы либеральны!*» Но в той же самой статье через несколько строк сказано, что когда этот язык южнорусский—по нашему будет *принят* одинадцатью мильйонами, а по мнению публициста—*навязан* одинадцати мильйонам, тогда *придется силою искоренять существующее*. Хорош

* *Санктпетербургские Ведомости,* 1863, № 164, 21 июля; *підп.: Н. Костомаров.*

либерализм! Сначала дозволить свободно высказывать мнения, а потом, когда эти мнения возьмут верх, прибегать к силе! Увы! *либеральное* желание публициста воскресных прибавлений, к крайнему нашему прискорбию, носится только в сфере туманов и сильно боится коснуться запаса научных доказательств в пользу нашего дела. Предоставляем московскому публицисту пальму достойной его победы. Напрасно только он зацепляет вместе с нами газету «День», уверяя будто она в одном столбце находит украинофильские попытки полезными, а в другом находит их вредными. Сколько нам кажется, во многих частностях мы расходимся с газетой «День», а в основном взгляде сходимся с нею. Она, как и мы, признает полезным делом распространение сведений между народом в южной Руси на местном языке. Мы не видим никакого противоречия во взглядах газеты «День». А вот бы мы попросили об'яснить нам противоречие между взглядами и учением «Русского Вестника» в 1861 г. и «Московских Ведомостей» в 1863 г. В «Русском Вестнике», например, мы читаем:

«Не только не желаем мы, чтобы украинские литераторы встречали какое-нибудь хоть малейшее внешнее препятствие в литературной обработке своего рода наречия, но мы сетовали бы не менее их, если бы эти препятствия оказались. Мы желаем в этом отношении им самой полной свободы и самого полного успеха. Всякая попытка внешним образом стеснить или навязывать язык есть историческое безумие, недостойное насилия, от которого нельзя ожидать добра. Усвоение языка должно быть делом жизни и свободы, никакая принудительная сила не должна простираться на творческие стремления жизни, ни на совесть и верования людей. Оффициальный язык для выражения живого чувства и живой мысли будет тоже, что и оффициальная нравственность, оффициальная любовь, оффициальный энтузиазм...»

Неужели человеку зрелых лет, здравого ума и чистой совести, не стыдно так менять свои коренные убеждения?—А любопытно было бы услышать, для всеобщего назидания, что так извратило взгляды и убеждения редактора «Русского Вестника» и «Московских Ведомостей»!

ЗАМЕТКА. *

В № 26-м «Современной Летописи» есть статья: «По поводу об'яснений г. Костомарова». Там говорится: «Г. Костомаров сам, как надобно думать, чувствует, что дело его не такого свойства, чтобы могло выдерживать надлежащее испытание в своих побуждениях и целях; он сам, повидимому, сознает, что дело его должно бояться света и избегать испытующего об'яснения».

Далее рецензент обо мне так отзывается:

«Говоря о своем деле, он ограничивается самыми неопределенными оговорками, уклоняется от об'яснений, не отвечает на возражения, проходит молчанием самые важные пункты».

Что касается до первой половины этого обвинения, то, чтоб молчание не счел кто-нибудь знаком согласия, я считаю долгом сказать, что ничто не дало право г. рецензенту подозревать во мне такие чувствования; я считаю, как всегда считал, это дело полезным, плодотворным, святым делом Русской земли. Оно в силах выдержать всевозможнейшее испытание в своих побуждениях и целях (если только будет подвергнуто действительному испытанию, а не голословным клеветам), оно не боится света, напротив, ищет его; в нем нет и быть не может чего-нибудь тайного в существовании пятнадцати мил-

---

* *Санктпетербургские Ведомости*, 1863, № 186, Разные известия, Заметка, 21 августа; *підп.: Н. Костомаров.*

лионов одного из народов славянского племени, называемого южно-русским или малорусским и говорящего особым славянским наречием.

Что касается до второй половины того же обвинения против меня, то в настоящее время я не стану входить в полемику за это дело и защищать его по причинам, которые очень хорошо известны редактору «Московских Ведомостей», г. Каткову.

Г. рецензент почему-то счел нужным сообщить публике, что я прислал для напечатания в «Русском Вестнике» свой труд из истории Грозного, заметив, что это было после решительной статьи в «Московских Ведомостях». Если этим не хотелось умышленно бросить на меня тень подозрения и дать посылке статьи в «Русский Вестник» такой смысл, что я изменил свои убеждения или заискиваю милости у сильных врагов, то рецензенту следовало прибавить, что 1) статья эта была обещана г. Каткову тогда еще, когда ничто не давало повода надеяться таких выходок против южнорусского дела и об'явления о сборе пожертвований были печатаемы в «Московских Ведомостях»; 2) что она послана при письме, в котором я об'яснял, что не смею считать выходки в 136 № «Московских Ведомостей» делом г. Каткова, после того, что было прежде по этому же вопросу высказываемо в «Русском Вестнике», и приписываю появление ее недосмотру со стороны редакции; 3) что я прибавил в том же письме, что, в противном случае, мне тяжело и неприятно было бы исполнять данное обещание. И так, если помещение моей статьи не мешает г. Каткову противодействовать моим украинофильским тенденциям (как он выражается), то мне это же помещение не мешает считать его противодействие делом в высшей степни неблагородным и недобросовестным по причинам, изложенным в письме моем к г. Каткову, которое предоставляю ему напечатать, если угодно.

Викази жертв на популярні видання.

Пожертвования *. В течении января 1863 года в кассу, собираемую для издания книг научного содержания на южно-русском языке, поступило: от писателя, пишущего под именем Скавронского, 35 р., от г. Червяченка 25 р., от г. Власова 5 р., от г. Филиппенка 5 р., от г. З—ки 10 р., от г. К—ща 5 р., от г. Р—ки 3 р., от г. П—дя 3 р., от г. П—ка 2 р., от г. У. П—ка 3 р., от г. К—го 1 р., от г. Г—ка 1 р., от г. Кошa 1 р., от г. Н. 1 р., от г. Чартецкого 25 р., от г. Колядинского 40 р., от малороссиян из Кутанса 7 р., от неизвестного 5 р., от неизвестного (за неразборчивостью подписи) 3 р., от г. Дашкевича 100 р., от г. Величка 10 р., от г. Артюхова 5 р., от Нежинских Гречанок: Елены Харитовой 10 р., Феодоры Харитоновой 5 р., от г. Земляка Н. 5 р., от г. Н. 5 р., от г. Ераменка 5 р., от г. Явдохи Р. 5 р. 55 к. (полуимп.), из Лебедяни вырученных за спектакль 150 р., от г. Бурлака 3 р.; всего 485 р. 55 к., а с прежними 582 р. Всего капитала собрано 1,067 р. 55 к.

Желающие участвовать в составлении капитала благоволят присылать свои взносы, обращаясь к Николаю Ивановичу Костомарову, в С.-Петербурге, на Васильевском острове, в десятой линии, в доме Карманова, между набережной Невы и Большим Проспектом [1].

28 января 1863 г.

Пожертвования в пользу издания книг научного содержания на южно-русском языке **. В теченки февраля 1863 г. в капитал, составляемый из взносов в пользу издания книг научного содержания на южно-русском языке, поступило: от г. Номиса 25 р., от девиц *** 3 р., от г. Черноголовкина 50 р., от г. Кустерского 5 р., от В. С. Г. 3 р., от г. Л—ко 5 р., от г. Ю-о-о 1 р., от г. Бутовича 1 р., от г. Н. Ковалевского 3 р., от священника Ф. Рейпольского 1 р., от священника У. Гнедича 1 р., от неизвестного 3 р., от г. Г—а 4 р.; от г. Д. 1 р., от г. Пед—ко 1 р., от священника

---

* *Санктпетербургские Ведомости*, 1863, № 26, 30 января; *підп.: Н. Костомаров.*

[1] Я принимаю на себя полную ответственность только за те взносы, которые будут адресованы прямо и непосредственно ко мне.

** *Санктпетербургские Ведомости*, 1863, № 47, 2 февраля; *підп.: Н. Костомаров.*

Мих. Ковалевского 1 р.; от г. Полтавца 2 р., от г. Еремеева 3 р., от г. Генишка 1 р., от г. N 1 р., от г. Холмского 1 р., от г. Папандопуло 1 р., от г. Дьякова 1 р., от г. Барановского 3 р., от г. А. Ж. 1 р., от г. Козловского 1 р., от г. Галагана 100 р., от г-жи Литвиновой 3 р., от г. Жалы 3 р., от г. Комаровского 3 р., от г. Симановского 8 р.; выручка с устроенного в Харькове спектакля 478 р., от г.г. офицеров Полоцкого полка 45 р.; всего 764 р., а с прежними 1,067 р. 55 к.; всего на всего в кассе состоит 1831 р. 55 к.

Представлены в цензуру с целью напечатания на счет собираемого капитала: Первый выпуск священной и церковной истории, составленной г. Опатовичем, священником Смоленского кладбища в С.-Петербурге, Жития святых: Марии Египетской, Варвары Великомученицы и Георгия Победоносца, переложенные г. Гуголинским; Счотница (арифметика) составленная г. Конисским. Желательно, чтоб доставлены были для напечатания сочинения по космографии, географии и естествознанию, имеющие целию сообщить народу правильные понятия о природе, а также сочинения по предмету сельского хозяйства, касающемся ближайших потребностей поселянина.

Желающие участвовать в составлении капитала, благоволят присылать свои взносы на имя Николая Ивановича Костомарова в С.-Петербурге, на Васильевском Острову, в 9-й линии между Набережной Невы и Большим Проспектом. По тому же адресу могут быть доставлены сочинения следуемые для напечатания.

Пожертвования в пользу книг научного содержания на южно-русском языке *. В течении марта 1863 г. в комитет, составляемый с целию издания книг научного содержания на южно-русском языке поступило: от г. Костенецкого 5 р.; от г. И. Чернявского 10 р.; от г. Еврея Соломона Самойлова 3 р.; от г. Петра Грисенка 5 р.; от г. Яси Чавчавадзе 3 р.; от г. Эмилия Кушелевского 3 р.; от г. Головни 1 р. 50 к.; от А. З. 1 р.; от г. N. 1 р.; от N.N. 50 к.; от г. Пясецкого 1 р.; от г. Брашовского 1 р.; от г. Мискинова 3 р.; от г. Чавчавадзе 10 р.; от г. Шуринця 3 р.; от г. Павловского 5 р.; от г. Рясенцова 3 р.; от г-жи Виргинии Гупиной 3 р.; от г. Винчи 5 р.; от г. А. Смирнова 1 р.; от г. Н. Котляревского 3 р.; от г. А. И. В. 5 р.; от г. Савченка-Бильского 25 р.; от г-жи Александры Гудим 2 р.; от г-жи Елизаветы Гудим 1 р.; от г-жи Ганны Навроцкой 5 р.; от г. Александра Навроцкого 5 р. 50 к.; от г. Куку 50 к.; от г. Александра 3 р.; от г. Старицкого 10 р.; от г. Вас. Домонтовича 5 р.; от г. Григ. Домонтовича 10 р.; от г. Богуславского 5 р.; от г. Кеппена 3 р.; от г. Никол. Согунова 5 р., от г. Никол. Чеснокова 3 р., от г. Алехина 3 р.; от г. Евгения Белого 3 р.; от. г. Тимоф. Белого 3 р.; от. г. Маслоковца 3 р., от г. Задолинного 3 р.; от г. Черепанова 3 р.; от г. Хохлова 3 р.; от г. Билинского 3 р.; от г. Севастиана Поды 10 р. 70 к.; от г. Киншина 1 р. 50 к.; от г. Калиты 3 р., от г. Терстеланова 1 р., от г. Михайлова 1 р.; от г. Ахвердова 2 р., от г. Зиссермана 3 р.; от г. Погосского 3 р.; от г. Пенчинского 3 р.; от г. Вержховского 1 р.; от г. Мих. Загю 1 р. 50 к.; от г. Зубко 1 р. 50 к., от г.г. народолюбцев из Тифлиса, жертвующих десятый процент с карточной игры 34 р. 30 к.; от г. Кульжинского 6 р., от г. Дриги 2 р.; от г. Холмского 3 р.; от г. Каневца 3 р., от г. Мих. Лазаревского 50 р., от г. Черноголовкина 25 р., от г. Шкляревского 2 р., от г. Рассадина 2 р., от г. Белокрысенка 6 р.; от г. Жолобинного 20 р.; от г. Галузинского 2 р., от г. Остроградского 5 р., от г. Лебединцева 25 р.; от г. В. 10 р., от г. *.* 3 р., от г. Федора Метлинского 60 р., от г. N. 9 р. 50 к.; от г.г. народолюбцев из Ялты 50 р.; с данного в Харькове 17 марта концерта 150 р.; от г. Кухаренка 5 р.; от г. Барилка 2 р. Итого в марте 1863 г. поступило 691 р., а всего с прежними 1,831 р. 55 к., в кассе состоит 2,522 р. 55 к.

Вновь доставлены для напечатания: Священная история, составленная иеромонахом Афанасием Турчановичем, и жития св. Ольги, св. Владимира, св. Бориса и Глеба и св. Михаила Черниговского, составленные г. Гуголинским. Прежде доставленные жития св. Марии Египетской, св. Георгия Великомученика и св. Варвары Великомученицы, как не входящие в разряд книг, подлежащих печатанию на суммы капитала, будут напечатаны на особое пожертвование, сделанное г. Давиденком для этой цели.

Желающие участвовать в составлении капитала благоволят обращаться к Ник. Иван. Костомарову в Санктпетербург на Васильевском Острову, в 9 линии, в доме Карманова, между набережной Невы и Большим проспектом. По тому же адресу могут быть доставляемы к сочинения, следуемые к напечатанию.

Литературно-музыкальный вечер **. На этом вечере, бывшем 6-го апреля 1863 г., в пользу издания книг научного содержания для южно-русского народа собрано 758 р., из них: С продажи билетов у Стелловского 55 р., у Вольфа 61 р., в кафе-ресторане Тиханова 38 р., у швейцара Благородного Собрания 306 р. С продажи билетов распорядителями вечера: разным лицам прежде вечера 115 р., на вечере в Бла-

* *Санктпетербургские Ведомости*, 1863, № 77, 9 апреля; *підп.: Н. Костомаров.*
** *Санктпетербургские Ведомости*, 1863, № 81, 13 апреля; *підп.: Н. Костомаров.*

городном Собрании 183 р. Итого 758 р. Из этой суммы израсходовано: за трехкратную публикацию в афишах 60 р. За напечатание двухсот афиш 4 р. За публикацию в «Journ. de Pétersbourg» I. За напечатание билетов и за бумагу 9 р. За наем двух музыкантов к оркестру Эстерейха 13 р. За сорок дюжин стульев 30 р. За перевозку стульев 3 р. 50 к.; г. Машру 46 р., за освещение залы 35 р., за освещение боковых комнат 3 р. 50 к., за освещение лестницы 16 р. За постановку и обивку эстрады 10 р. 75 к. За обивку под'езда 2 р. 50 к. Полицейским служителям 5 р. Женщине при уборной 1 р. За продажу билетов швейцару 6 р. Прислуге на чай 2 р. 25 к. На раз'езды и мелкие расходы во время приготовлений к вечеру 39 р. 25 к. Итого 287 р. 25 к. За тем поступило в капитал для издания книг научного содержания 470 р. 25 к.

Приносим живейшую благодарность г.г. удостоившим этот вечер своим бескорыстным участием в пении, музыке и чтении, г. Эстерейху с его оркестром, г. Шиллеру, предоставившему нам в распоряжение свои рояли для вечера и свою квартиру для репетиций и дирекции Благородного Собрания, с полною готовностию уступившей нам свою залу для вечера.

Пожертвования в пользу издания книг научного содержания для южно-русского народа. * В апреле для этой цели поступило: Из вырученных с литературно-музыкального вечера 6-го апреля 470 р., от г. Левченка 25 р., от г. Синельникова 6 р., от г. Запары 5 р., от г. Мальнева 5 р., от г. Лободы 50 р., от г.г. дворян и лиц других сословий Изюмского уезда 142 р.[1], от новгородсеверского дворянства 67 р., от г. Рудановского 10 р., от Моховикова 10 р., от г. Листова 10 р.; от г. Романовского 5 р., от г. Дементьевича 5 р., от г. Савицкого 5 р., от г. Афанасия Васильева 2 р., от г. Прогары 5 р., от г. Васикевича 5 р., от г. Стопошенка 3 р., от г. Солодкого 3 р., от г. Коваленко 1 р. Всего 834 р. 25 к., а с прежними 2,522 р. 50 копейками в кассе капитала оказалось все и всего 3,356 р. 75 копеек. Отпечатан первый выпуск рассказов (Оповидання) из Священной истории г. Опатовича и выйдет в свет на днях. Издержки на бумагу, обертки и плату в типографию за набор и печатание составляли 261 рубль. Сверх того, куплено бумаги для печатания второго выпуска на 123 рубля. Всего издержано 384 рубли. За тем остается в кассе капитала 2,972 рубля 75 копеек.

Желающие участвовать в составлении капитала благоволят присылать свои взносы на имя Ник. Иван. Костомарова в Санктпетербурге, на Васильевский Остров, в IX линии, в доме Карманова, между Набережной Невы и Большим Проспектом.

Пожертвования **. В течение мая 1863 г. в капитал, собираемый с целию издания книг научного содержания на южно-русском языке для народа поступило:

От г-жи Зинаиды Белозеровой 25 р., от Федора Лазаревского 10 р., от г. Желтинского с устроенного в Орле спектакля 35 р., от г.г. Балашевых 50 р., от г. Тимковского 5 р., от г. Нельговского 5 р., от г. Нерода 8 р., от г. Альферова 1 р., от г. Андрузского 3 р., от г. А. 1 р., от г. Богданова-Калинского 3 р., от г. Бокевича-Щуковского 1 р., от г. Ващенко-Подольского 1 р., от г. Гербановского 3 р., от г. Глобы 1 р., от г. Гончарова 1 р., от г. Дрягина 1 р., от г.г. Индутных-Спафариев: И., Я. и Н. 11 р., от г. Казарова 1 р., от г. Кальницкого 1 р., от г. Калениченка 1 р., от г. Качергина 1 р., от г. Кириленка 1 р., от г. Колесинского 1 р., от г. Корганова 80 коп., от г. Копленка 2 р., от г. Короленка 1 р., от г. Короткова 1 р., от г. Крамалея 5 р., от

---

* *Санктпетербургские Ведомости*, 1863, № 99, 4 мая.

[1] От Дмитрия Запары 13 р., Григория Данилевского 3 р., Аполона Сонцева 3 р., Павла Шабалевского 3 р., Ивана Шахова 5 р., Василия Науменка 2 р., Михаила Гихоцкого 1 р., Григория Роменского 2 р., Николая Науменка 2 р., Леонида Анисимова 4 р., г. Гурьчакова 1 р., Гаранова-Белозерова 50 к., Юрия Адамова 3 р., Николая Адамова 3 р., Петра Гессе де-Калеве 8 р., Степана Горпинченка 3 р., Николая Грейфа 1 р., Петра Пестича 1 р., Ивана Гаранова-Белозерова 1 р., Городецкого 1 р., Николая Гирша 1 р., Николая Боброва 1 р., Павла Карабцова 2 р., Семена Сонцева 1 р., Александра Бантыша 5 р., Веры Сонцевой 1 р., Федора Гловинского 1 р., Петра Арцыбашева 1 р., Федора Ковалевского 3 р., Николая Языкова 1 р., Андрея Антонова 3 р., Федора Вебера 4 р., Григория Божко 1 р., Ивана Антонова 1 р., А. Карпова 1 р. 50 к., К. Шуплевича 1 р., Николая Шабельского 1 р., Матвея Кричинского 1 р., Юлиана Ходаровича 1 р., Дмитрия Левщина 1 р., Иоахима Щипчинского 1 р., Ивана Малиновского 1 р., Николая Ковалевского 1 р., г. Карпова 1 р., от свободных собственников 50 коп., от г. Карпова 50 коп., от Алексея Карпенка 3 р., Семена Гримченка 1 р., Помпея Шабельского 1 р., Алексея Добина 1 р., Ивана Цвекова 1 р., Ивана Ищенка 3 р., Ивана Щировского 1 р., Льва Боженка 3 р., неизвестного 1 р., Николая Минченка 1 р. Доларова 1 р., купца Ковтуновского 1 р., Беспечникова 1 р., Пашкова 50 к., Кричинского 6 р., неизвестного 1 р., Михайлова 1 р., Дмитрия Гингениха 1 р., Василия Рябенка 1 р., Ивана Хоруйшенка 1 р.

** *Санктпетербургские Ведомости*, 1863, № 120, 30 мая; *підп.: Н. Костомаров.*

г. Лазича 1 р., от г. Латманизова 1 р., от г. Макарова 1 р., от г. Марковского 1 р., от г. Махлюка 1 р., от г. Науменка 1 р., от г. Новосильцева 1 р., от г. Ныркова 3 р., от г. Нырненка 1 р., от г. Ограновича 1 р., от г. Перепелицына 1 р., от г. Подолинского 1 р., от г. Политовского 1 р., от г. Полозова 1 р., от г. Прокопенка 3 р., от г. Райкова 1 р., от г. Романова 2 р., от г. Рудковского 2 р., от г. Савенкова 1 р., от г. Саевича 1 р., от г. С. М. 1 р., от г. Свидерского 2 р., от г. Селецкого 1 р., от г. Селикова 1 р., от г. Семашкевича 1 р., от г. Соколовского 3 р., от г.г. Г. и Д. Софроновских 2 р., от г. Сталинского 3 р., от г. Стратоновича 1 р., от г. Федоренко 3 р., от г. Христича 1 р., от г. Гашницкого 3 р., от г. Четверикова 1 р., от г.г. А и В. Шарых 2 р., от г. Шатрова 1 р., от г. Шубина 1 р., от г. Шульгина 1 р., от г.г К. и В. Шульжевских 3 р. 20 к., от г. Шумлянского 5 р., от г. Юрченка 5 р., от г. Юхновского 3 р., от г. Эймонта 1 р., от г. Макарова 20 р., от г. Белокрысенка 12 р.; итого 284 р., за выдачею из них на броширование книги *Оповідання з Св. Писания* 35 р., остается 249 р., а с прежними в кассе состоит 3,221 р. 25 коп. Желающие участвовать в составлении капитала благоволят адресоваться по прежнему к Ник. Ив. Костомарову в С.-Петербург, в IX линию Васильск. Острова в д. Карманова.

Книгу *Оповідання з Св. Писания, выпуск перший*, можно получить от автора священника Смоленского кладбища Стефана Ив. Опатовича в С.-Петербурге, в церковном доме в XVII линии Вас. Острова по пяти копеек за экземпляр.

*Пожертвования в пользу издания книг на южно-русском языке**. В течении июня 1863 г. поступило в капитал, собираемый с целию издания книг научного содержания на южно-русском языке: от г.г. офицеров Переяславского драгунского полка: Деруденка, Савицкого и Залкового 30 р.; от г. Кононовича 25 р.; от г. Имшенецкого 15 р.; от г.г. чиновников управления V округа акцизного сбора в Черниговской губернии 15 р.; от г. Ярошенка 5 р.; из Елисаветграда от г.г. любителей южно-русского слова 70 р.; от г. Геращенка 15 р.; от г-жи Крисевич 3 р.; всего 178 р. Вышел и продается первый выпуск Оповіданій г. Опатовича. Получать можно от автора, священника Смоленского кладбища в С.-Петербурге, на Васильевском остр., в 17-й линии, в церковном доме, по 5 коп. за экземпляр. Второй выпуск в цензуре Печатается арифметика Конисского.

В последнее время в разных периодических изданиях стали появляться обвинения: 1) будто наше предприятие не пользуется сочувствием южно-русского общества и не вытекает из потребностей народа; 2) будто оно есть плод тайных польских интриг, клонящихся ко вреду России. Что касается до первого, то увеличение или прекращение пожертвований будет служить лучшим ответом, в первом случае опровергающим, во втором подтверждающим мнение о несообразности нашего предприятия с желаниями и требованиями Южной Руси. Что касается до второго, то мы приглашаем наших обвинителей представить ясные фактические доводы своих подозрений; иначе эти подозрения не могут иметь другого значения, кроме гнусной клеветы.

Повторяем обращение к нашим землякам с просьбою: о составлении и доставлении к нам для напечатания популярных сочинений по предметам космографии, географии, естествознания и сельского хозяйства на южно-русском языке. Множество такого рода сочинений на европейских языках, из которых некоторые переведены и на русский, могут облегчить труд составителям; при чем следует заботиться, чтоб язык в таких сочинениях отнюдь не отзывался ни переводностью, ни книжною рукописью, но приспособлялся к живому разговорному слову, не впадая, в тоже время ни в тривиальность, ни в краснобайство.

Пожертвования и сочинения могут присылаться по прежнему адресу: Николаю Ив. Костомарову.

---

* *Санктпетербургские Ведомости*, 1863, № 148, 3 июля.

О НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЮЖНОРУССКОГО (МАЛОРУССКОГО) ЯЗЫКА, НЕСХОДНЫХ С ВЕЛИКОРУССКИМ И ПОЛЬСКИМ. *

Враги Малорусской письменности проводят, между прочим, мысль, будто бы Малорусская речь не только не может назваться языком, но даже наречием,—что это случайная неорганическая смесь русского языка с польским, происшедшая от долговременного пребывания края под властию Польши [1]. Один публицист [2] выразился между прочим, что малороссам не следует беречь эту примесь, как памятник ненавистного для них господства над ними поляков.

Те, которые заявляют подобные мнения, основываются на признаках совершенно внешних [3]. Слыша некоторые слова, сходные с польскими, они приходят к такому заключению потому, что не хотят вникнуть в законы построения языка и соотношение его с другими славянскими наречиями. Не так смотрят на него те, которые хотели научным путем разрешить этот вопрос. Миклошич [4], первый славянский филолог нашего времени, изучивший глубоко сродство славянских наречий, говорит: indem ich die Sprachen nach der Nähe ihrer Verwandschaft aneinander reihe, behandle ich dann das Kleinrussische, das auf dem Gebiete der Wissenschaft, wie die Untersuchung selbst darthut, als eine selbständige Sprache und nicht als ein Dialect des grossrusischen anzusehen ist.

Как в авторитете, так и в беспристрастии в этой стороны знаменитого автора единственной сравнительной грамматики славянских наречий, никто сомневаться не станет. Другой филолог, великорусс [5] и не только чуждый всякого пристрастия к малороссам и их языку, но вступивший, по своим мнениям, в противоречие с южнорусским органом «Основою», профессор Лавровский, в своей статье «Обзор замечательных особенностей наречия малорусского, сравнительно с великорусским и другими славянскими наречиями» выразился, что [6] «черты этого наречия дают ему неоспоримое право на такое же самостоятельное место, какое занимают и другие славянские наречия». Вопреки голословному мнению тех, которые думают видеть в нем смесь русского с польским, этот филолог, напротив, путем филологических исследований его конструкции [7] находит в нем близость прежде всего с великорус-

* *Журнал Минист. Народ. Просвещ.*, 1863, сентябрь, ч. CXIX, Науки, стр. 45—56. Підпису нема; імени автора не зазначено. Статтю з цим-же заголовком внесено до бібліографічного покажчика творів *М. І. Костомарова* в збірнику «*Литературное наследие*», СПБ., 1890, с. 506.

У Відділі рукописів Всенародньої Бібліотеки України (І, ч. 658) переховується рукописний брульон (автограф) сієї статті. Нижче подано ненадруковану частину статті, а в приміткахзакреслені місця, додатки і варіянти брульйону. Редакція висловлює щиру подяку завідувачеві Рукописним Відділом В. Б. У. *Ігнатові Павловичу Житецькому* за ласкаву допомогу в опрацюванні до друку сього рукопису.

ским, а потом с сербским и хорутанским (по нашему мнению, он ближе к словацкому).

Руководствуясь тем, что до сих пор в этом роде [1] сделала наука, и дополняя ее результаты собственными наблюдениями, изложим здесь некоторые [2] особенности этого славянского наречия, которые составляют его исключительную принадлежность и не свойственны ни великорусскому, ни польскому [10]. При этом будем употреблять орфографию принятую в настоящее время всеми пишущими по малорусски, именно: означая твердое *и* знаком *и*, а мягкое знаком *і*, твердое *е* знаком *е*, а мягкое—*є*, а звук *ё* знаком *іо*. Признаки эти, сколько можно [11] припомнить и собрать, следующие:

Предиотирование звука [12] *я* после губных [13] и в тех случаях, где был старославянский *ѧ* (юс), как, например, в словах: *м'ясо, п'ять, в'язий, м'яко*, и в окончаниях слов, например: ім'я, плім'я, тім'я и проч. [14].

Изменение букв *о* и *е* [15] в большей части случаев в *і* [16]; например: віл, кіт, кінь, шість, вісім, вечір, камінь; в словах же, где в старославянском [17] не было *о*, но *ѣ*, эта [18] гласная не переходит в *і*; вовк, лоб [19], жовтий [20]. В тех уменьшительных и других производных формах, которые делаются от слов, где [21] *о* и *е* не переменяются, эти гласные тоже изменяются в *і*; например: сирота уменьшительное—сирітка, брова, уменьшительное—брівка и проч.

Произношение буквы *и* средним звуком между *и* и *ы*, как итальянское *i* [22], а также и буквы *ы* одинаково с *и* во всех тех случаях, где эта буква является в славянских словах.

Произношение буквы *ъ* как мягкое *і* повсюду [23].

Изменение *е* в *о* после букв *ж, ч, ш, щ*, напр.: чоловік, жона, и проч. чоло, чотирі, шостий [24].

Изменение *о* в *у*, например [25] в глаголах, оканчивающихся [26] на *овати*: ночувати, цілувати, и проч.

Переход славянского *юса* не только в *у*, как в великорусском, но, в некоторых случаях, в твердое *и* [27] и мягкое *і*, например: діброва, заміж, глибокий и проч.

Взаимный переход *е* в *іо* во множестве случаев, например [28]: іому, полем и поліом, у Киеві и у Київі.

Перемена *ѣ* в *іо* в тех случаях, где эта старославянская буква в великорусском [29] языке изменяется в *е*; например: сліоза, вместо слеза [30].

Взаимная замена гласных *і* и *ю*, например: матінка и матюнка, утінка, и утюнка [31].

Приставление, для благозвучия, гласных букв, например [32]: *и*, в начале слов, где встречается [33] стечение согласных, например: Ильвів (город Львов) [34], ильнувати, ильняний, иржа, ирвати, имла.

Вставление *о* и *е* [35] с их изменением в *і* [36] в словах, где стечение согласных [37], например [38]: мозок, а не мозг, Дністер, а не Днестр [39], и вообще более частое употребление гласных [40], чем в великорусском и несравненно более чем в польском.

Замена старославянских *ы* и *и* малор. *и* [41] там, где в великорусском они переходят в *о* и *е*, например, шия, мию, а не шея, мою.

Выбрасываются для благозвучия гласные при их стечении, например, в начале слов [42]: голка вместо иголка, город вместо огород, вместо искати говорится ськати і проч. и проч.

Взаимная замена *у* и *в* смотря по стечению гласных и согласных, например: урем'я и врем'я, урагів и воротів [43], удію и вдію, учинок и вчинок например: не можу я так учинити, и такечки [44] не можу и вчинити).

Произношение буквы *в* [45] в значении сокращенного *у* и никогда [46], как в великорусском, за *ф*.

Губные не смягчаются даже и тогда, когда за ними следуют мягкие гласные, например: б'ю, п'ю, м'ясо или мнясо, м'ята, в'язи [47]. С этим соединяется [48] вообще отсутствие смягчения губных букв: *б, в, м, п,* как, например, в словах: *любовь, кровь, церковь, голубь, цепь, степь,* по малорусски: *любов* или *любва, кров, церква, голуб, цеп, чеп, степ,* (мужеского рода) [49].

Буква *г* непременно всегда произносится как в чешском и словацком наречиях, как латинское h; только немногие слова, как видно восточного происхождения имеют звук g, например: *gудзик, gерлига*; также и западного: *gнітъ, ганокъ, gонта* [50].

Буква *ж* в некоторых словах выговаривается *дж* [51], например: джбан, джут, джура, джерело или джорело, дженджуристий [52], а также и *з* как итальянское z, но независимо от польского dz; например [53]: дзвін, дзвоник, и преимущественно в звукоподражательных [54] или насмешливых словах, например: дзіндзівер (zinziwer), придзилеванка [55], дзигунець. Немногие слова изменяют *з* в *ж*, а *ж* в *з;* например: залізо, дражнити.

Изменение буквы *г* в *к* во многих словах для благозвучия, например: торкати, брязкотати.

Употребление [56] гортанных *г, к* и *х* там где в великорусском они изменяются в шипящие [57], например: текти, берегти, стерегти, бігти, могти (великорусские [58]: течь, беречь, стеречь, бежать, мочь [59]); так в слове прохати (просить); и, напротив, замена их шипящими там, где в северно-русском они употребляются [61]; например: ляжу (лягу), можу (могу), бережи, стережи и проч. (великорусское: береги, стереги); а также и в начале слов: жену вместо гоню), гирло и жерело [62].

Изменение гортанных в соответствующие им свистящие там, где они прикасаются со старославянским *ѣ*, выговаривающемся в малорусском, как мягкое *і*; например: щоці, у лузі, катузі по заслузі [63].

Изменение *л* в *в* во множестве слов, например: човенъ, вовкъ, мовчати, жовтий, и во всех прошедших временах глаголов.

Вставка буквы *л* во многих случаях, где в великорусском она выбрасывается; например: сплять; мовлють, роблють, плавлють, и проч.

Умягчение, сообразно древнейшим формам, согласных *т* в третьем лице глаголов настоящего времени, множественного числа, например: ходють, бачуть; и *ц* в конце всех слов: молодець, купець; и во многих словах в конце, например: комарь, свинарь, вівчарь (некоторые из них имеют двоякое окончание, например: малярь и маляр, пужар и пужарь [64]); умягчение согласной *ц* и пред гласными в конце слов; например: травиця, водиця, молодиці, хлопці (согласно славяно-церковному [65]).

Перетасовка слогов, например: тверезий, от тръзвъ, намастирь, намисто, шевця, женця, капость, виринати, гонобля [66].

Образование существительных, кончающихся на *енко* в смысле происхождения, откуда возникло множество малороссийских фамилий.

Множество уменьшительных, например: на *онько, енько, онька, енька* и проч., например: козаченько, голубонько, дівчинонька, головонька, травоченька [67]; отсутствие великороссийских окончаний, например: на *ушка* и других [68], и польских на *ек, ечка* [69] и на *инчик*; окончание на *ок* и на *ик* существует как и в великорусском, но не редко заменяется одно другим; например: по великорусски котик, по малорусски коток, по великорусски конёк, по малорусски коник, по малорусски садок, по великорусски садик. Множество других окончаний, например на *ечко:* віконечко, ненечко, лелечко, матіночко [70].

Существительные среднего рода на *я*, имеющие окончание во множественном числе на *ята*, и уменьшительные, составленные из множественного числа [71] на *ятко*, хотя не чужды совершенно великорусскому и равнозна-

чительны польским на ię, ięta, или iątka в малорусском [72] любимы и употребительны даже для неодушевленных предметов [73]: дівча, дівчата, дівчатко [74], дитята, кошеня, кошенятко, горщя, горщата, горщятко, кухля, кухлята, кухлятко [75], коліща, коліщата, и проч. и проч.

Образование из старославянских слов кончающихся на *ль* с предыдущею согласною, своеобразных окончаний со вставлением гласной, например: журавель, корабель [76].

Окончание существительных на *ка, га* и др., имеющих большею частию смысл бранный или презрительный: гадюка, злюка, падлюка, п'янюга, волоцюга, козарлюга, катюга.

Окончание на *щі*, равносильное [77] старославянскому и великорусскому [78] на *сть*, например: мудрощі, жалощі, любощі [79], (как в слове о плъку Игореву). Эти слова употребительны только во множественном числе, но есть некоторые и в единственном, например: кущ. гордощи [80].

Удвоение, в окончаниях, согласной соединенной с иотою, в тех случаях, где в великорусском (и в других славянских) она не удвояется; например: суддя, багаття, знаття, каяття, вороття, подружжя, струччя, затишшя [81], насіньня или насінне, жабуриньня, ділованнн, гарбузиння. Сюда принадлежат и те слова, которые возникли этим способом из слов славянских на *не* и *ение:* спасение по малороссийски спасіньня, корение—коріньня, камение—каміньня, евангелие—евангільня [82].

Отсечение слога *ин* в словах, кончащихся на этот слог, например: самаританин, римлянин, по малорусски самаритан, римлян и проч., также книжное, вообще чуждое народа, его название малороссиянин, выговаривается малоросиян.

Сохранение гласных в именах оканчивающихся на согласные, например: Петро, Павло, Дніпро. Вообще, в противоположность великорусскому и польскому, малорусский язык любит окончания на гласные [83].

Употребление винительного падежа сходно с именительным в одушевленных предметах, согласно древне-славянскому, например: зібрав козаки, та вийшовши у поле, побив татари.

Приставление разного рода придыханий: в, г, й, л, например: вікно, він, гарапник, гармата, юлиця, ледве [84].

Удержание в косвенных падежах гласной именительного падежа во многих таких словах, где в великорусском [85] и в польском она выпускается, отчего происходит нетерпимое малоруссами стечение согласных, например: на лобі, у роті, по леду, крізь рови, вместо: на лбу, во рту, по льду, по рвам [86].

Ов, измененное в *ів*, в родительном множественного числа; например: волів, лугів (лесов), чоловіків; употребляется во многих случаях, где в севернорусском нет на *ов*, например: слугів, старостів, синів, братів, вместо: слуг, старост, сыновей, братьев [87].

Окончание родительного падежа единственного числа на у гораздо большем числе случаев чем в народном великорусском, например: поіхав, добувати розуму; нема дощу [88].

Удержание старославянского [89] дательного на *ові* и *еві:* богові, козакові, коневі, и сходство дательного с творительным: на богові, об козакові, на доброму коневі [90].

Удержание старославянских звательных на *о, е, у,* и *ю*, например: жінко, сине и сину, земле, коню; а в тех существительных, которые кончаются в именительных на гортанные, в звательных они, согласно славяно-церковному, изменяются в *че, же, ше* и проч., например: чоловік—чоловіче, ворог—вороже жоних—жонише [91].

Кроме единственного и множественного чисел, в малорусском языке мно-

гие формы двойственного числа несравненно сильнее, чем в великорусском и польском языках, например: очима, дверима, плечима, грошима [92], у вічі, ув ухах, и проч.

Сохранение и прилагательных окончаний: *ий*, и *ій* мужеского рода с отсутствием усеченного, а в женском и среднем длинного и усеченного на *аа* и *а*, на *ее* и *е*: добрий (нельзя сказать добр), добрая и добра, доброе и добре; синій (нельзя сказать синь), синяя и синя, синее и сине. Исключение для мужеских родов составляют немногие в песнях с изменением ударения: зелен, молод, «пливе човен води повен» [93]; но их можно принимать скорее в значении существительных, чем прилагательных.

Окончаний прилагательных на *кий* гораздо больше чем в великорусском и все они, исключая уменьшительных, имеют ударение на последнем слоге, например: швидкий, гнучкий, прутккий, говіркий, и проч. [94].

Удержание и прилагательных во множественном числе для всех родов одинакового окончания, как и в славяноцерковном, и преимущественно в усеченной форме [95], например: червоні и червоні чоботи, ягідки, зерна.

Своеобразная форма числительных имен, например: дев'ятірочко, дванадцятеро, двадцятеро и двадцятірко, тройко, двойко, четвірко и проч. [96].

Составление многих местоимений на свой особенный лад, отличный от великорусского и польского, например: той (тот, ten) и ті, цей, оцей (этот), що-він [97] (который), оттой (оный), який, деякий (кой-кто) [98], абиякий (кой-какой), якийсь, наський (наш), васький (ваш), свіський и проч.

Составление наречий, предлогов и союзов на свой собственный лад, совершенно отлично от великорусского и польского. Например, наречия: такечки [99], тамечка, тутички; колись [100], деколи, инколи, ніколи, десь, віджи, звідти, звідкіля [101], звідусіль [102], тоді, врядигоди, годі, байдуже, скількісь, досі, завширшки, вдовж, завдовшки [103], упоперек, мерщій, швидко, багато, чимало, онде, озьде, еге, навпростець [104], охляп [105], торік, позаторік, осторонь, знетільки [106], бігма, ліжма, навтікача, прожогом, чимдуж, втямки, помацки, скрізь, паобіч, зубіч, нечля, бачця [107], сутужно, бізько, боязко [108], щодня, щоденно [109], навмання, вростічь, доснаги, наввипередки [110], покіль, досхочу, конче [111], доконче, миттю, попліч, навпрямки, почасту, мов [112], мовляв, буцім, удвійзі [113], навперейми [114], заздалегідь, зараз, заразом, знечев'я, важко, гарно, гірше, мабуть, нехай, трохи, ніби, незгірш, ген, геть, либонь, дуже и проч. и проч.

Наречия качества принимают сравнительные степени также своеобразно, например [115], на іш: гарячіш [116], моторніш, дурніш; есть и другие окончания [117]: швидко имеет швидче и т. п.

Предлоги: між, поуз, кри, з-по-під, спід, спонад, біля, коло [118], из (с), у (в), кріз, керез [119], від и проч.

Союзы: або, бо (славяно-церковное), тай, аж, аже [120], коли, колиб, що, шо [121], щоб, лишень, хай, най [122], наче, саме, яко (церковно-славянское), чи (тоже), чом [123], бак, дак, хоч, ото и проч.

Спряжение глаголов имеет свои особенности, свойственные только этому наречию. В глаголах, оканчивающихся в неопределенном наклонении на *ати* и *яти*, отсекают *ть* в третьем лице единственного числа настоящего времени, с оставлением по произволу мягкого е и с отбрасыванием этой гласной, например: думае и дума, хапае и хапа [124]; но там, где перед и не и или *я*, а *у* или *и* [125], то е не отбрасывается, например: цілуе, а не цілу; так и в тех случаях, в которых перед е согласная, нет измемения, например: дише, плете [126]. А там где в великорусском третье лицо множественного числа оканчивается на *ят*, в малороссийском—*ють:* ходють, при чем выпускаемая в северорусском и польском буква *л* сохраняется, например: сплять, роблють, луплють [127]. В тех же глаголах, в которых неопределенное наклонение на *ити* и друг.,

форма третьего лица может сохранять букву *т* с мягким знаком и отбрасывать ее [128], переменяя *и* в *е*, например: ходить и ходе, бачить и баче, говорить и говоре [129]; на Подолии же говорят: ходи, бачи. В прошедших временах *л* изменилось в *в:* ходив, робив [130]; причем во вторых лицах удерживается славянская форма вспомогательного глагола: *еси, есте* (ходив еси, блудили есте) но тогда уже впереди глагола нет местоимения. Первое лицо множественного числа, согласно славянскому окончанию, оканчивается на *мо:* думаемо, ходимо, біжимо и проч. [131]. В будущем времени сохраняется старославянский вспомогательный глагол *имам,* изменяясь в формы: му, меш, ме, мемо, мете, муть [132], которые и приставляются к неопределенному наклонению, например: ходитиму, любитимеш [133], и проч., но также иногда употребляется и *буду,* особенно в отрицательных предложениях. В повелительном наклонении [134], согласно славяно-церковному, удерживается особенная форма и для первого лица множественного числа, которой нет в великорусском, например: ходім, любімося і т. д. [135]. Во втором лице множественного числа [136] форма *ите* сокращается в *іть:* ходіть, любіть, а не ходите, любите; причем нужно заметить, что мягкое *і* здесь изменное *ъ,* которое является в повелительном наклонении в старославянских глаголах [137]. В тех словах, где в великорусском гортанные *г, к, х* [138] удерживаются в повелительном наклонении, в малорусском они изменяются в шипящие, например: течи, бережи, стережи и проч., а не теки, береги. Точно также и в настоящем времени изъявительного наклонения [139] они в малорусском изменяются в шипящие, тогда как в великорусском нет [140], например: стережу, можу, бережу, а не стерегу, могу, берегу. Действительных и страдательных причастий настоящего времени вовсе нет; хотя и встречается несколько слов похожих на них по форме, но они имеют значение прилагательных, например: видющий, ходячий. Зато употребительны деепричастия на *чи, ши:* бачучи, люблячи, ходячи, бігавши [141] и проч. Как на особенность малорусских глаголов можно указать на уменьшительные неспрягаемые: істоньки, питки, ходитоньки [142]; в этом языке они разнообразятся на разные лады, например: літатоньки [143], питусі, питусеньки, питунечки. В неопределенном наклонении глаголов удерживается старославянская форма на *ти* [144]. Возвратные глаголы, как и в великорусском, образуются чрез прибавление *ся,* которое переходит в *ця* или сокращается в *сь* [145], причем сохраняется *ть,* где в действительном залоге оно отбрасывается, так например: думаеться, колихаеться; но в западной Малороссии *ть* отбрасывается и не редко *ся* ставится впереди глагола (ся хоче вместо хочеться; як ся маеш? [146]) что отнюдь не заимствовано с польского, но составляет старинную форму языка церковнославянского, употребительную в летописях. Некоторые глаголы, будучи в великорусском действительными, в малорусском принимают возвратную форму, например: гратися, присягатися, вместо играть, присягать.

В словосочинении можно указать на следующие особенности:

Два, дві [147], три, чотирі требуют не родительного падежа единственного числа, а именительного множественного числа: два козаки, чотирі голуби.

Падежи зависимые [148] не сочетаются таким образом, как в великорусском и польском, но родительный, например, ставится впереди: «чесного батька дитина» [149], а не сын хорошего отца. Глаголы ставятся по большей части в конце предложений, и проч. [150].

Некоторые слова имеют другой род чем в великорусском языке, например, пил, степ, чеп [151], собака, путь, цеп—мужеского рода, евангелія—женского и среднего разом когда говорится: евангілья [152].

Законы ударения иные, чем в великорусском и совершенно не согласны с польскими, например: колесо, а не колесо, коромисло а не коромисло [153], висить, а не висит, візьмуть, а не возьмут, держить, а не держит, ненавиджу,

а не ненавижу. Во множественном числе ударение переносится на последний слог: чарки, чарок [154], дівки, дівок [155], жінки, жінок [156] и проч. Наречие учора имеет ударение на предпоследнем слоге, а не на последнем, как в великорусском *вчера; школа* имеет ударение на последнем, а не на предпоследнем как в польском. Кончающиеся на *енк* имеют ударение непременно на *е:* миленький, веселенький, а не как в великорусском: миленькой, веселенькой; прилагательные на *кий* имеют ударение на последнем слоге: прудкий, швидкий, такий, важкий, гнучкий, боязкий, и проч.

Мнение, будто малорусский язык произошел от смешения с польским, яснее всего опровергается тем, что в нем нет ни одного из тех резких свойств, которыми отличается польский язык от других славянских. Эти свойства: 1) dz, dż [157]; его нет в малорусском, исключая звукоподражания [158] и притом несообразно с польским; так слово дзиндзівер, в польском зинзивер; а в польском вовсе нет некоторых [159]; сходное слово [160] в этом случае с польским, дзвін (dzwón), в средине слов всегда выговаривается твердо (как латинское) [161],—ясно приняло в малорусском *дз* от звукоподражания, 2) rz совсем нет в малорусском, 3) носовых звуков не терпит малорусский язык, 4) перехода *t* в *с* нет в малорусском, 5) ударения в малорусском разнообразны [162], тогда как в польском ударение однообразно ставится на предпоследнем слоге, 6) *ѣ* не растворяется в *я,* как это делается и в некоторых наречиях великорусских [163], и проч. Если бы малорусский язык действительно составился из русского и польского, то конечно, вошли бы в него польские свойства.

С другой стороны, малорусский язык не имеет тех свойств, которые служат характеристическими особенностями великорусского языка. Например: *о* отчетливо сохраняется по церковно-славянски [164] и никогда не изменяется в *а*; *е* [165], *ѣ* и *и* выговариваются отличным образом, и сверх того все показанные отличия грамматические и множество других [166] не заимствованных из польского и не известных в великорусском, не указывают ли ясно на самобытное, правильное образование особого наречия в южной Руси, а не на случайное смешение?

Что же касается до того, что в малорусском языке находят много польских слов, то не опираясь легкомысленно единственно на их подобии с польскими, следует различать: те слова, которые будучи в польском составлены в малорусском на свой образец, от таких, которые вошли прямо из польского языка. Последнего рода слов до чрезвычайности мало и они собственно не входят в язык органически, а только иногда говорятся малороссиянами, перенявшими их от поляков, и то преимущественно дворовыми на Волыни и Подоли. Таким образом, можно услыхать слово «цнота», но это слово как и много подобных, произносится не так как малорусское, а как польское с сознанием произносящего, что это польское слово, и оно никак не может войти в язык, ибо противно языку по стечению согласных и по перемене *т* в *ц*: цнота есть измененное чесность; по малорусски было бы чеснота, и всякий малорусс, произнося это слово, скажет, что оно польское, а не малорусское. Некоторые же слова в Червоной Руси, заимствованные из польского, переделываются на русский лад, но в нашей российской Малороссии таких не принимают, ибо ухо малорусса не может не чувствовать здесь фальшивого звука. Из тех слов, которые есть в малорусском и польском нужно наперед отличать: действительно ли они заимствованы из польского? ибо присущность их в обоих славянских наречиях еще ничего не значит; таким образом рассуждая, можно дойти и до того, что русский язык считать можно польским или наоборот, ибо в русском и в польском есть множество одинаковых слов, измененных в каждом наречии на свойственный ему лад. Здесь мерилом может быть сравнение малорусского языка с другими славянскими наречиями, и если окажется, что слова, схожие с польскими, есть в других на-

речиях, то их нельзя безусловно признавать взятыми с польского; при этом нужно сравнивать эти слова и с наречиями великорусского края, так например, слова *шкода, шукати, хата, хилити*—казались бы с первого взгляда польскими, но они встречаются в Новгородском наречии на севере и, следовательно, не польские; они же есть и в других славянских наречиях. Кроме этих слов, надобно отделить и все те, которые есть в малорусском, славяно-церковном и великорусском и которые есть равно и в польском, так и те, которые есть и в малорусском, церковно-славянском и русском и которых нет в польском; наконец те, которые сохраняются в одном только малорусском и не имеются ни в польском, ни в великорусском. Тогда останутся слова, которые есть только в малорусском и польском; только те слова и можно считать заимствованными. Пока эта лексикологическая работа не произведена, нельзя делать смелых заключений.

Вообще [167], о лексическом составе языка можно заметить, что в малорусском языке большая часть слов, конечно,—общие всем славянским наречиям, но они составлены по законам малорусского языка; другая, огромная часть принадлежит исключительно ему и с трудом может быть найдена в наречиях других языков славянских, а самый малый процент приходится на долю действительных заимствований из польского.

На цьому закінчується частина статті, надрукована в «Журнале Министерства Народ. Просвещ.»; нижче подаємо ненадруковане закінчення статті—за автографом-брульйоном Всенар. Бібліотеки України (див. вище примітку на с. 168). Рукопис написано дуже нерозбірно, закінчення слів частр замінено невиразними рисками, деякі літери в середині слів іноді ледве намічено. Місця сумнівні чи зовсім не прочитані позначено крапками, а окремі прочитані слова в них подано в примітках.

Желание малороссов поддержать свое родное наречие очень естественно имеет следующие побуждения: 1) врожденную человеку привязанность к своему языку [168]; 2) обширность пространства, населенного малороссами, и многочисленность населения, простирающегося с Галицией и Венгрией и Люблинской губернией Царства Польского более чем до шестнадцати миллионов [169]. По этим одним основаниям кажется неестественным и несправедливым истребить язык этого многочисленного славянского племени. Несомненные достоинства этого языка, и народной литературы чувствуют сами малороссы и признают другие. Бесспорно, язык малорусский есть самое благозвучное и музыкальное наречие из всех славянских. Это признал между прочим Боденштедт, издавший [170] превосходные переводы малорусской поэзии на немецкий язык. Назвавши его таким образом в своем предисловии [171]..... Замечательно, что большая часть отличий малорусского языка как можно видеть из приведенных выше начал и множества других [172], которые здесь исчислять не место [173], явилась как бы вследствие желания сохранить благозвучие языка. При этой певучести малорусской речи народ этот создал роскошную разнообразную народную поэзию сохранявшую высокую степень историчности [174]. Это сознают малороссы и дорожат своим народным достоянием [175]. Народная поэзия слилась с языком. Т. о. уважать и любить народную поэзию и дорожить ею, значит вместе с тем уважать и любить язык и дорожить им [176]. У людей, проникнутых этой поэзией [177], родилось естественное желание самим продолжать начатое народом [178] и развивать поэтические народные элементы поэзии в той или другой форме. Вот отчего явилось целью попыток писать [179] поэтические произведения [180]..... Многие из этих попыток были удовлетворительны и естественно умножили подражателей. Затем некоторые стали писать и в прозе, желая изобразить малорусскую местную жизнь. Случайно это дело попало в руки нескольких даровитых людей и они тоже возбудили [181] многих последователей. Таким образом составилась малорусская письменная деятельность. Из первого [182] источника [183]..... Без сомнения, если бы у малорусского народа не было такого богатого запаса песен, дум и поэтических, выработан-

ных особою историческою жизнию [184], преданий и поэтических приемов [185] жизни, одна только привязанность к месту рождения не в силах была бы произвести такого явления.

В последнее время у нас возникла мысль о народном образовании. Пришли к тому убеждению, что следует [186] заботиться о том, чтоб образование охватывало сколько возможно большую массу и для этого надлежит и распространять его в сколько возможно удобной и легчайшей форме [187]. Началось в России много изданий для народа, издаются даже журналы с этой специальной целью [188]. Малорусский народ говорит особым наречием. Если для великоруссов оказывался недостаточным строй книжного [189] языка и возникла потребность передавать сведения в применении их к народному способу составления и выражения понятий, то потребность точно такая же должна была [190] явиться и для малорусского народа и тут само собою оказывалось, что потребность эта могла быть удовлетворена только передачею научных сведений на малорусском наречии. Руководствуются [191] подозрениями о вреде будто бы для государственного единства распространения книг научного содержания и на этом языке и преподавании на нем в школах [192]. Думающие так расчитывают, что безграмотый народ, не сознавая того, что у него хотят убить его наречие, выучится по русски и забудет свою местную речь [193]. Но здесь величайшая ошибка. Малорусс, выучиваясь по русски не забудет так скоро наречие, которое вошло в литературный язык, напротив, научившись читать, найдет путь привязаться к нему сильнее; он [194] познакомится прежде всего со сборниками песен, узнает, что наука и образованный вкус уже оценили их высоко, потом бросится читать малорусские книги уже существующие [195] и найдет в них также много такого, что полюбит, но тотчас придет к печальной мысли, что его родное наречие можно и розвивать и умышленно истреблять, и его самого насильно этим переделать в Русского, а между тем толки о свободе национальностей, которые тепер в таком ходу, дойдут до него, и таким образом [196] внушат в его сердце негодование и чувство народного оскорбления, и тогда-то может случиться то, чего тепер боятся, именно стремление к сепаратизму, которое и будет в воображении малорусса оправдываться несправедливостью к его народности. При свободном же распространении малороссийских книг и преподавании на местном наречии, люди, выучившиеся читать по малорусски, сами, из врожденного человеку желания расширить круг полученных знаний, примутся читать по русски и усвоят русский язык, а между тем чувство народное оскорблено не будет. Последний путь и безопаснее и справедливее.

ПРИМІТКИ.

1. *Закресл.:* под польским владычеством.—2. публицист Московских Ведомостей.—3. совершенно внешних—*підкреслено.*—4. *Закресл.:* безспорно.—5. русский.—6. *Закресл.:* что из рассмотре... особенн...—7. *Закресл.:* доходит до того, что.—8. этому роду исследований.—9. вероятные.—10. *Далі і до слова* признаки *приписано на полях.*—11, мы могли.—12. буквы.—13. после губных—*в рукоп. нема.*—14. etc.—15. *Закресл.:* в много... большей части случаев, где над этими буквами... приходится ударение, напр., *кінь,* но иногда и без ударения... кончающихся на *ель,* на *ень* и *еть,* последнее, как грамматическое исключение; *на полях закр.:* и в тех уменьшительных.—16. в большей части случаев—*приписано вгорі;* в *і—в ркп. нема.*—17. славянском.—18. *Далі:* изменившаяся *(закресл.:* в гласную) из ъ *(закр.:* из) гласная; эта гласная—*в ркп. нема.*—19. лоб—*приписано вгорі; заркесл.:* рот.—20. *Далі і до кінця абзацу ніби приписано пізніш.*—21. *в ркп. так:* в тех уменьшительных, которые происходят от слов, где...—22. как италианское *і—приписано на полях.*—23. *Закр.:* и во все.—24. *Цей абзац в ркп. так:* изменение в *(закр.:* в *о)* в словах чоловік, жона и проч. *(далі закр.:* также в окончания уменьшительных имен на *ок* в *ек).*—25. например—*в ркп. нема* —26. оканчивающихся—*в ркп. нема.*—27. *и—в*

ркп. нема.—28. *Далі було:* ему и іому...—29. велико—*приписано вгорі.*—30. например, слёза, т. е. слеза. *Далі в ркп. міститься такий абзац:* Изменение *(закр.:* замена) *е* и *о* (закр.: и некоторых) после шипящих, как жона, чоловік, чоло, читири, жовтий, шостий.—31. *Цей абзац в ркп. так:* Взаимная замена гласных *і* (закр.: *и*) и *у*, напр., на морі и на морю, на каміні и на каміню. *Дальший абзац в ркп. так:* Удержание (закр.: вставление) древней формы *й (закр.:* для благозвучия) в тех случаях, где ее нет ни в польском, ни в великорусском, напр., наймав, приймав, одіймав и во многих случаях изменение *и* в *й*, где только является стечение согласных.—32. приставление для благозвучия буквы *и*.—33. происходит.—34. (город Львов)—*в ркп. нема.*—35. *Закр.: нерозбірне уривок одного слова.*—36. и *е* и их изменением в *і*—*приписано вгорі.*—37. *Закр.:* а гласного.—38. как.—39. Дністер, а не Днестр *приписано вгорі; далі закр.:* морока вм. ирак, каміння вм. камня.—40. и вообще более типичное, чем...—41. удержание старославянских *ы* и *и* там, где...—42. выбрасываются для благозвучия гласные: *далі викр.:* напр., вм. одно одн... и одн... одн... одного говорити один д' одного, одно одного мині... од тобі од мене тебе мені ду те... тоді од мене; *над закресленим приписано:* в начале слов; *далі приклади, як подано. Весь цей абзац додано на полях.*—43. врагів.—44. так.—45. *Закр. одно нерозбірне слово.*—46. *Закр.:* не выговаривается.—47. *Закр.:* отсутствие на этом вероятно... основании и отсутствие.—48. С этим соединяется—*надписано вгорі; далі в ркп.:* отсутствие смягчения буквы *в* как, напр., в словах любовь...—49. голуб, цеп, чеп, степ (мужеского рода)—*в ркп. нема; далі в ркп. так:* так, напр., с друг... губные не смягчаются, напр., голуб (викр. чеп, цеп), чеп, степ. *Весь цей абзац з слова* губные—*додано на полях.*—50. *Цей абзац в ркп. так:* Буква *г* произносится, как латинское *h*, но немногие слова, преимущественно иностранные, имеют звук g, гудзик, герлига. *Далі закреслено:* Изменение.—51. выговаривается, как дж, как итальянское *g*, например...—52. Джиджуристий—*в ркп. приписано; далі в ркп. додано ще:* джорен.—53. *Закр.:* дзиндзивер.—54. *Закр.:* или насмешливых.—55. *Закр.:* придзилеванка.—56. *Замість слова* употребление *в ркп. так:* Удержание *(далі дописано вгорі)* древнейших фори в некоторых словах древних *(закр.:* старо-) церковнославянских.—57. *Закр.:* в шип. свистящие; *слова* и шипящие—*дописане вгорі.*—58. русские.—59. бежать, мочь—*в ркп. нема; українські форми цих слів дописано вгорі.*—60. русских.—61. удерживаются.—62. замість великорусское—*в ркп.:* русское; *слова:* и также... *і далі до кінця абзацу дописано на полях.*—63. *Весь абзац дописано пізніше.*—64. *Всю цю частину речення після слова:* купець—*дописано вгорі пізніше.*—65. *Слова в дужках дописано пізніш.*—66. *Після слова:* женця—*в ркп. так:* мерти, перти, капость, виривати, закасати, гонобля и пр.—67. голубонько—*на полях. Далі вставка на полях:* тоже на ечко, ичко, очко, как віконечко, неченко, матіночко.—68. как в великорусских на ушка.—69. и на инчик—*нема.*—70. *Останнє речення в ркп. так:* тоже на ечко, ичко, очко; леленчко—*в ркп. нема. Все речення приписане на полях і вставлене вище—див. прим. 67.*—71. *В тексті закреслено:* Уменьшительные среднего рода... *Замість цих слів на полях приписано початок речення, як тут, з початку абзацу до слова:* числа.—72. *Далі в ркп. закреслено:* гораздо обширнее и употребляются в многих случаях, когда в последних случаях они не употребительны.—73. *Слів:* даже для неодушевленных предметов—*в ркп. нема.*—74. *Далі в ркп.:* дитя, дитяти, дитятко, кошеня, кошенята, горщя...—75. *Далі в ркп. нема.*—76. *Далі в ркп.:* Окончание на *х (закр.:* исключит...) женск. рода, напр. *(нерозбірне 2 слові).* Собирательные на *ва*, означающие название народов, как: татарва, ляхва, москва (не в смысле города, а народа). *Далі закр.:* окончание существительных...—77. *Далі:* по значению.—78. *В ркп.:* русскому.—79. *Від слова:* например, *в ркп.:* жалощчи, любощчи, старощчи, слабощчи, мудрощи, хитрощи; *далі закр.:* они так свойственны малорусскому языку, что удачно могут быть творимы такие окончания вновь, и незаметно усвоены без оскорбления слуха.—80. *Замість:* гордощі—*в ркп.:* гордоща.—81. *В ркп. з початку абзацу так:* Окончание на *я*, а также на мягкое и с предыдущею средненотированою согласною *(закр.:* напр., насіньичко), которая есть повторение предшествовавшей ей, напр., насиння...—*і далі, як в тексті.*—82. *Останні дві слові додано на полях; далі в ркп. так:* Эти слова имеют одно единственное число и изменяются в дательном на *іові*, в творительном на *ям*, и в предложном на *і. Далі закресл.:* Употребление.—83. *Замість слова:* Сохранение—*спочатку було потім закреслене:* Прибавление. *Друге речення додано на полях.*—84. *В ркп. цей абзац так:* прибавление придыханий *в* и *г* в западном наречии, как вікно, він, гарапник, гармата. *Весь абзац приписано вгорі.*—85. *В ркп.:* в русском.—86. *Речення після слів:* крізь рови—*в ркп. так:* лену, рів, вместо на лбу, во рту, на льду, льну, рову.—87. *Замість цього абзацу в ркп. так:* Удержание в косвенных падежах коренных *о* и *е*, измененных в именительном в *і*, как віл, вола, піп, попа, кінь, коня, исключая тех случаев, когда перед измененною и именительном гласною, с которой начинается и слово, для благозвучия приставляется придыхание, напр., вівця—вівці; *і далі приписано на полях:* вікно, вікна, Вівдя Вівді, вірган, віргана *(кілька*

слів нерозбірно) ...случаев в именительном остается коренное *о*, а косвенных изменяется в *і* ■ придыхание в *(нерозбірно)*: орел—вірла, овес—вівса. Изменение *о* в *і* ■ родительном множеств. числа, напр., волів, лугів *(нерозбірно). Далі на полях:* при чем родительный на *ів* употребляют во многих случаях, где в русском нет и ов., напр., слугів, старостів вм. слуг., старост.—88. нема дощу—*в рип. не. має.*—89. *це слово приписане вгорі.*—90. На доброму коневі. *В ркп. нема.*—91. *В ркп. нема таких прикладів і слів: е, ...ю, ...жінко, ...земле, ...коню, ...ше, ...жоних*—жоните.—92. *Далі в ркп. нема до кінця абзацу. Весь абзац приписано на полях; в тексті замість нього закреслено:* сохранение в прилагательных... *(нерозбірно)* ...старославянских окончаний.—93. Слів «пливе човен води повен» *в ркп. нема.*—94. *Двох останніх слів нема; замість них в ркп. слово:* бізький; *слова:* исключая уменьшительных—*приписано на полях.*—95. И преимущественно в усеченной форме—*в ркп. нема.*—96. *В ркп. приклади так:* двадцятеро і двадцятирочко, девятеро і девятерочко, тройко, двойко.—97. *Це слово в ркп. написане разом.*—98. *Далі в ркп. є лише:* наський (наш), васький (ваш).—99. *Цього слова нема.*—100. *Цього слова нема.*—101. *Цього слова нема.*—102. *Цього слова нема.*—103. *Цього слова нема.*—104. навпрошки.—105. неподалець.—106. зненацька.—107. *Цього слова нема.*—108. *Цього слова нема.*—109. *Цього слова нема.*—110. *Дописане.*—111. *Цього слова нема.*—112. *Цього слова нема.*—113. удвізі.—114. *Дальших прикладів нема.*—115. *Слів:* также своеобразно, например—*в ркп. нема.*—116. *Закресл.:* швидчиш; *далі написано:* спішиш.—117. *Слів:* есть и другие окончания—*в ркп. нема.*—118. *Цього слова нема.*—119. крізь.—120. адже.—121. *Слів:* що, шо—*в ркп. нема.*—122. *Цього слова нема.*—123. *Дальших прикладів до кінця абзацу нема.*—124. *Слів:* хапає и хапа—*нема.*—125. *или и—в ркп. нема.*—126. *Від слів е* не отбрасывается *(пр. 125) приписано на полях; натомість в тексті закреслено:* в первом лице множественного числа окончание на мо—будемо, ходимо.—127. *Все речення від слів:* А там, где... *(пр. 126)—дописане на полях; замість слів:* великорусском, севернорусском—■ *ркп.:* русском.—128. *Додано:* согласно церковнославянскому.—129. *Слів:* говорить и говоре—*нема.*—130. *Замість* робив—любив; *далі в ркп. так:* а ■ множественном числе сохраняется буква *л*: ходили, *любили.* — 131. *Це речення додано на полях.* — 132. ■ *ркп. лише перша форма:* му. — 133. Любитиму. — 134—137. *В рукопису другу частину речення від слів:* согласно славяно-церковному *(пр. 134) до слів:* ходім *(в ркп.:* любимо), любимося и т. д. *(пр. 135)—приписано на полях і спочатку було вставлено після слова:* глаголах *(пр. 137); слів:* Во втором лице множественного числа—*в ркп. нема (пр. 136).*—138.—*х—в ркп. нема.*—139. *Слів:* из'явительного наклонения—*в ркп. нема.*—140. *Слів:* тогда как в великорусском нет—*в ркп. нема.*—141. *Замість:* ходячи, бігавши—*в ркп.* бачивши, любивши.—142. *Приклади в ркп. так:* питки, питоньки, ходити, ходитоньки.—143. *Цього слова нема.*—144. *Це речення так:* Неопределенное наклонение удерживает полную старославянскую форму на *ти*, хотя в некоторых случаях для благозвучия сокращается на *ть. Все речення приписане на полях.*—145. *Слів:* или сокращается в *сь—в ркп. нема.*—146. *Слів:* Як ся маєш—*в ркп. нема.*—147. *Цього слова нема.*—148. *В ркп. на полях:* Именительный; *в тексті:* и родительный.—149. Хорошого батька син.—150. *Закресл.:* тоді орли заклекотіли.—151. Чеп—*в ркп. нема.*—152. *Кінець речення від слова евангелія в рукопису було так:* тополя женского рода, хотя ■ русском мужеского *(все закреслено).*—153. *Прикладу:* коромисло, а не коромысло—*в ркп. нема.*—154. *Додано:* чаркам.—155. *Додано:* дівкам.—156. жинки—жинок—*в ркп. нема.*—157. dz—*в ркп. нема.*—158. *Далі в ркп.:* и насмешливых слов.—159. *Замість: а* в польском вовсе нет некоторых—*в ркп.:* слова дзендуристий в польском вовсе нет.—160. единственное слово, сходное.—161. *Цієї частини речення після слова:* дзвін—*в ркп. нема.*—162. *Далі в ркп.:* ■ более сходные с церковно-славянским.—163. *На полях рукопису додано (потім закреслене):* 6) Не употребляют вставного *д*, так: не мыдло, а мило, не модлить, а молить; не выбрасывают вставного *л*, так: не земя, а земля, не кораб, а корабель.—164. по церковно-славянски—*додано на полях.*—165. *е—в ркп. нема.*—166. и множество других—*додано.*—167. *Весь цей розділ додано на полях.*—168. *Розділ І приписано на полях.*—169. *Закр.:* четырнадцати. *кілька слів нерозбірно.*—170. *Слово:* издавший—*мало розбірне.*—171. *Далі написано нерозбірне; кінець речення:* переливы твердых ■ мягких гласных и удачная расстановка слогов.—172. Слово: начал—*написано неясно.* Слова: и множество других—*приписано вгорі.*—173. Которую здесь исчислять не место—*приписано на полях.*—174. Сохраняющую высокую степень историчности—*приписано на полях; перше слово (чи дві) перед словом:* высокую—*написано неясно.*—175. *Далі закреслено:* Погубить... уничтожить этот язык... бросить... очень... язык... 176. *Далі закреслено:* Иначе нельзя... Отсюда легко было... ожидать; *слово:* ожидать—*не закреслено, очевидно помилково.*—177. У людей, проникнутых этой поэзией—*приписано на полях.*—178. *Далі закресл.:* и вести дальше.—179. *Далі закресл.:* на малорусском.—180. *Слово:* целью *І далі два рядки нерозбірно:* ...малорусской народной

поэзией (?).—181. *Закр.:* подражание.—182. Из первого—*приписано пізніш.*—183. *Кілька рядків черозбірно:...* в богатстве и достоинстве народных, дорогих сердцу малоруссa... а не в книжных... комбинациях.—184. Выработанных особою историческою жизнью—*приписано на полях.*—185. *Слово:* приемов—*написано неясно.*—186. *Далі закр.:* передавать народу образование... в самой удобной и легчайшей форме и распространять в сколько возможно большей массе населения.—187. *Від слів:* заботиться о том—*приписано на полях.*—188. *Коло цих рядків на полях приписано:* Естественно... следовало признать полезным.—189. Строй книжного—*приписано вгорі.*—190. Точно такая же должна была...—*приписано вгорі.*—191. Руководствуясь—*приписано на полях.*—192. *Далі закреслено:* не могут иметь здесь.... *Далі слово:* по малорусски вредно—*не закреслене, але очевидно залишилося не викреслене помилково. Далі в тексті рукопису лише невеликі зміни і поправки.*—193. *Закр.:* наречие.—194. Найдет путь привязаться к нему сильнее—он—*приписано на полях.*—195. *Закр.:* и по естественному.—196. *Від слів:* и его самого насильно этим переделать—*дописано на полях.*

М. П. ПОГОДИНУ.*

Ответ на замечание его на мою статью „Куликовская битва", напечатанное в № 4 „Дня".

С чего это вы, многоуважаемый Михаил Петрович, вздумали писать, будто я не люблю Москвы? Уверяю вас, что я люблю вашу Москву и признаю за нею звание *собирательницы земель русских и основательницы государства.* Я не могу не признать этого, потому что это—совершившийся факт. Но если что мне действительно антипатично, так это—тот патриотизм, который может, не краснея, говорить о себе:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.

Вы же сами, после этих стихов, сознаетесь, что историк не может так говорить. Нетолько историк, но всякий честный человек должен гнушаться такими понятиями. Для чего же вы привели эти пошлые стишонки?

Если смотреть на сумму вековых событий, с их последствиями, в связи предыдущего с последующим, в цельности явлений, уже законченных, то возникает образ, где мелочи стираются и остаются общие, крупные черты. События, которые прямо приводили к последним строкам истории, окрашиваются таким блеском, который располагает ими любоваться. Но такое созерцание законно только тогда, когда оно явилось вследствие научного анализа: в анализе вся суть знания и путь к правильному уразумению. Но, как только вы приступите к анализу, тотчас натолкнетесь на множество черных сторон, ошибок, слабостей—на все то, что неизбежно составляло достояние человеческого несовершенства, и если бы приступили к анализу с патриотизмом, то последний будет сильно мешать вам..

Патриотизм в науке истории—большой недостаток. Вы, напротив, кажется, так за него держитесь, что готовы, в самом деле, пожертвовать для него строгостию истины. Вы признаёте в истории существование таких *дорогих лиц*, о которых *следует говорить если не с благоговением, то с большою осторожностию;* вы требуете с уважением относиться к народным верованиям: о последних вы говорите, что их не следует колебать без сильных причин и доказательств. Не понимаю, что вы разумеете под словом «причины», ибо в исторической науке всякому подобному шагу одна причина: стремление к истине. Что же касается до доказательств, то без них не следует ничего ни колебать, ни укреплять. Это правда. Но откровенно вам сознаюсь, что у меня нет таких дорогих сердцу лиц, с которыми я должен обращаться с бо́льшею осторожностью, чем с другими. Я думаю, что вовсе необязан в суждениях о Димитрии Донском наблюдать более осторожность, чем в суждениях о Ягейло или Мамае, а одинаково пользоваться для первого, так и для последних тем, что дают мне источники и собственная способность понимать

---

* *Голос*, 1864, № 32, 1 февраля; *підп.: Н. Костомаров. Стаття «Куликовская битва» ввійшла до III т. «Монографій» М. Костомарова.*

смысл источников. Дело историка не курить фимиам пред народными кумирами, а разбивать их. Народные предания—предмет первой важности; но я смотрю на них, как на факты, подлежащие анализу и суждению, а не как на святыню, до которой прикоснуться нельзя.

Как бы то ни было, вас огорчило то, что из моего рассказа о куликовской битве Димитрий Донской показался там трусом. Я не назвал его таким именем, а сказал только, что он не отличался пылкой отвагой. Вам бы хотелось, чтобы он был богатырь, герой, исполин всевозможнейших доблестей; что же? И мне того же хотелось бы. Да нечего делать, когда он нетаков был! Вы преусердно собрали свидетельства о его участии в войнах; но из всего этого о личной его храбрости ничего вывести нельзя. Что, например, из того, что он посылал, в 1377 г., войско на помощь своему тестю? Почему же вы, многоуважаемый Михаил Петрович, не привели нам того, что делалось в Москве в августе 1382 года, когда на Москву напал Тохтамыш? Вот что говорится в летописи: «Князь же великий видя многое множество безбожных Татар, и неста противу им, но на Кострому побежа с княгинею и с детми» («Новг. Лет.» 93). Вы мне ставили в преступление слово «бежал», сказанное о Димитрии, и вот в летописи: «*побежа*». А вы так строго придерживаетесь летописей! В никоновской летописи ясно намерение оправдать Димитрия; там говорится: «Уразумех бо в князех и боярах своих, и во всех воинствах своих разньство и распрю, еще же и оскудение воинства; оскуде бо вся русская земля от мамаева побоища за Доном и вси русти людие в велице страсе и трепете быша за оскудение людей» (IV. 132). Что же сделал великий князь в таких затруднительных обстоятельствах? *Силу распустил* (ibid.). Как же это? Оскудение воинства, а было что распускать? Почему же с этой силой он не бился? Мало ее было? Нет. Далее та же летопись рассказывает, что когда великий князь Димитрий находился в Костроме с немногими (*не во мнозе*), в Москве защищался литовский князь Остей *со множеством народа*. Зачем же ваш храбрый Димитрий не разделял опасностей с этим *множеством* народа? Зачем не погиб на развалинах Москвы? А так ли бы поступил он, еслиб отличался пылкой отвагой? Карамзин беспристрастнее вас: он не затруднился приписать бегство Димитрия потере бодрости духа (V. 78).

Вот это-то событие, где так ясно выказывается характер Димитрия, в особенности подало мне повод понимать черты куликовской битвы таким способом, как вам не нравится.

Вы меня обвиняете за выражения: *запрятался, улегся, чуть не без чувств*. Но в тексте летописи, вами же приведенном, стоит: *скрыв себе*. Разве это не то же, что запрятался? Димитрий найден был под недавно срубленным деревом и лежал так, что был покрыт его ветвями. Под срубленное дерево нельзя упасть: можно только залезть туда, улечься там. Слову «без чувств» соответствует слово *одвалючий* в летописи; но оно делается тождественным ему по смыслу, когда мы примем во внимание обстоятельства, при которых нашли Димитрия. «Под новосеченным древом, под ветьми лежаше аки мертв» (Ник. Лет. IV, 118). С трудом привели его в себя, а между тем «смертные раны на телеси его не обретеся, только доспех на нем был избит». Как же это об'яснить: человек нераненый, преследуемый неприятелем, направил шаги свои к лесу, очутился под ветвями срубленного дерева, и когда его нашли—он был в беспамятстве? Конечно, этот человек сильно дорожил жизнию и не пренебрегал мерами для избежания опасности. Поверьте, Михаил Петрович, вы бы сами иначе не сказали, еслиб этот человек не был Димитрий Донской, и правда, сказанная о нем, не оскорбляла бы тех предрассудков, которыми нас всех напичкали с детства.

В доказательство храбрости Димитрия вы приводите его собственные слова об охоте биться с Татарами. Помилуйте! Да мало ли что можно гово-

рить? Этак и Фальстаф будет храбрецом! Точно также нельзя опираться на риторику летописей, когда в тех же летописях есть факты, противоречащие риторике. Черная вещь не станет белою оттого, что тот, кто передает ее во всей черноте, уверяет, что она бела.

Переряживание на поле битвы я об'яснял желанием избежать бо́льшей опасности, неразлучной с положением великого князя, особенно под великокняжеским знаменем, которое издали виднелось и привлекало удары врагов. Я сказал: иной причины быть не могло. Вы говорите: нет, могло, об'ясняете это почти так же, как я. Вы говорите, что Димитрий не мог биться в великокняжеском одеянии, не подвергая себя даром лишней опасности. В этом вся и суть. И я признаю все эти поступки Димитрия плодом желания «не подвергать себя лишней опасности». Вы задаете вопрос: где и кому больше опасности—воину, бьющемуся в первых рядах, или военачальнику? Конечно, военачальнику, отвечу я вам. Лучше меня ответят вам факты: Димитрий, в платье простого воина, остался жив и невредим, а Бренок в княжеской приволоке—убит; да вдобавок: вспомните, как много князей пало тогда! Видно, враги особенно хотели убивать князей. И оно естественно: со смертью князей, командовавших войсками, расстроивался порядок. Вы указываете на то, что Димитрий из'явил желание биться. Что́ же? Из'явил, а потом, когда пришло к делу, чувство самосохранения загнало его в лес, под срубленное дерево, как то же чувство через два года загнало его в Кострому... Мне кажется, что Димитрий для того и вызвался сражаться в одежде простого воина, чтобы незаметно уйти в лес и избавиться от опасности. Во всяком случае, вы несправедливо обвиняете меня, будто я сержу́ на Димитрия за то, что он возвысил Москву. Я не могу так ребячески обращаться с историей, чтобы *сердиться* на исторические лица. Кажется, что, по крайней мере, при описании таких отдаленных событий, как куликовская битва, авторы должны быть из'яты от подозрений в неблагонамеренности своих взглядов... Иначе невозможно заниматься историей.

Не понимаю, к чему вы привели тираду о молитве. Что Димитрий молился, я ему не ставлю этого в вину. Согласен с вами, что молиться пред начатием всякого дела очень похвально, и никогда в этом не сомневался.

Вы негодуете на меня за то, что я изобразил Сергия советующим почтить Мамая дарами, и будто бы пропустил про́рочество Сергия о победе, сказанное им пред трапезою. Действительно, в летописи прежде известия о трапезовании есть известие о пророчестве, но вслед затем говорится, что, по восстании от трапезы, Сергий сказал: *почти дары и честию нечестивого Мамая* (стр. 99). Ка́к же это? Св. Сергий сначала пророчит победу, а потом советует откупиться от врага? Дело это легко распутывается. Пророчество было сказано после (стр. 100), а здесь риторическое повторение того же, в иных словах: летописец хочет сказать только, что Сергий предрек Димитрию победу, но не говорит, что это было пред трапезою, а вообще сообщает об этом, не указывая времени и обстоятельств этого пророчения, а ниже об'ясняет, как и когда Сергий произнес его. Сообразно этому, я видел тут один факт, о котором дважды сказано, и упомянул о нем только однажды, полагая его происшедшим после трапезы, а не перед трапезою, на том основании, что св. Сергий только по окончании трапезы советовал Димитрию посылать дары Мамаю и только тогда узнал от него, что эта мера была уже испытана.

Что наше православное духовенство уклонялось от благословения восстаний, хотя бы и против Татар, вам служат доказательством многократные поездки наших митрополитов в Орду и вообще добрые отношения с кипчакским двором митрополитов Петра и Алексия. Притом же, согласно с кротостию, оно щадило кровь христианскую и с большою осторожностию решалось благословлять ее пролитие в самом крайнем случае, именно, когда угрожала

опасность вере и, следовательно, делу спасения паствы. Вы приводите примеры знаменитых духовных смутного времени. Но тогда было не восстание против признанной власти, а защита отечества против иноземного вторжения, и притом была очевидная опасность православию, ибо духовные наши видели ясно, что интрига Поляков ведется с намерением ввести католичество в московском государстве. Вассиян подвигал войска против Ахмата в те времена, когда уже Москва значительно возвысилась, а Орда упала, и все-таки оправдывая Иоанна тем, что он употребил все мирские средства покорности. Сам Вассиян, по своему характеру, представляет исключение, ибо он сам вызывался предводительствовать войском против Татар, чего не говорит ни один архиерей. Сергий, совершенно согласно духу православия, только тогда благословил великого князя Димитрия, когда узнал, что покорность его не была принята; следовательно, допускал восстание русской земли в самом крайнем случае. Что касается до беседы Димитрия с Киприяном, то я прежде вас заметил, что это известие, может-быть, и выдумано, а придавал ему важное значение потому, что это образчик духовной философии, сходный со многими проявлениями деятельности духовенства в православной церкви.

Не понимаю, что̀ вас соблазняет расчет, который я приписываю Олегу? Вы говорите: расчет плохой. И я тоже повторю и прибавлю: плох, конечно, ибо не состоялся! Спорить нам тут не из чего.

Вы пишите:

«У г. Костомарова есть благоприятные выражения для всех, кроме только Москвы. Вот ка́к он отзывается о Литве:

«...Московский великий князь распространял московское государство и уже посягал на то, что̀ успело прежде захватить себе государство «литовское».

По поводу этих слов вы восклицаете:

«Посягал! Посягают на чужое, а отнять свое, русское, что̀ захвачено, по собственному выражению, хотя бы и государством литовским, на это есть право. Не посягаем ли мы теперь на Западную Русь и Малороссию?»

В XIV веке Москва и Литва были в подобном между собою положении по отношению к прочим русским землям. Удельновечевой строй не удовлетворял уже исторической жизни. Возникло разом два центра собирания русских земель: Москва и Литва; и та—и другая хотели присоединить их к своей державе; и та и другая должны были встречать сопротивление в элементах старой жизни. Хотя Москва и была русская земля, но зѐмли суздальская, рязанская, тверская, новгородская, псковская, смоленская, северская, будучи русскими, не принадлежали Москве: поэтому покушение на их подчинение, в XIV веке, никак не может назваться отнятием своего. Сравнение ваше с правами Росии на Западную Русь и Малороссию неудачно. Западная Русь и Малороссия в XIX веке фактически принадлежат к российской империи, составляют части ее и признаются за нею иноземными государствами, а в XIV веке Северщина, Рязанщина, Смоленщина, Тверь, Суздальская Земля, Великий Новгород и Псков не были еще покорены Москвою и не составляли с нею одного государства, а были самобытными целыми, в связи с Москвою и между собою, на основании единства веры, племенной национальности, княжеского рода и взаимности отношений. Поэтому слово «посягал», сказанное в великом князе московском, исторически уместно.

Вы заметили, что я затруднялся определить селение Котел, через которое Димитрий шел из Москвы, и говорите, что Котлов много. Знаю, их много на Руси: оттого я и затруднялся.

Вот вам мой ответ на ваши возражения.

М. П. ПОГОДИНУ.*

В ответе вашем на мой ответ, я различаю две стороны: одну—чисто-ученую, другую, так сказать, учено-полицейскую, относящуюся к области учено-литературного благочиния. Я буду отвечать сперва на чисто-ученые вопросы.

В конце вашей статьи вы упрекаете меня, будто я оставляю без внимания современные известия и стараюсь собрать всякого хвороста из всех позднейших сказок. Современными известиями вы называете те, которые сохранились в летописях ростовской и синодальной. На каких основаниях вы одно признаете ранним, другое—позднейшим? Описания куликовского побоища в наших летописях есть отдельные сказания (пожалуй, хоть сказки), составленные в виде самобытных повестей, и уже впоследствии занесенные в летописные сборники. Таких сказаний я знаю три редакции, в разных видах и смешениях. Первая находящаяся во многих летописных сборниках—и напечатанная в IV т. «Полного Собрания Летописей», под заглавием: «О побоище иже на Дону и о том князь великий како бился с Ордою». Она же и в воскресенской летописи. Вторая—поэма, изданная Срезневским в сочинении «Задонщина» и Ундольским в «Временнике императорского общества истории и древностей», № 14. Подражание «Слову о Полку Игоря» в литературном отношении почти не входит в летописные сборники. Третья—заключающая в себе подробности битвы, вошедшая в никоновский летописный сборник. Она находится во многих рукописных литературных сборниках, под именем «Похвалы» в смешении со второй. В тверской летописи она приписывается Софонию, брянскому боярину, издана в 4 томе вашего «Русского Исторического Сборника». То, что вы называете древнейшим описанием битвы в ростовской летописи, есть смесь первой редакции с третьею. Нет основания думать, чтобы в таком виде описание битвы было древнейшим, тем более, что сама ростовская летопись сохранилась в списке очень позднем, конца XVII века, позже никоновского. Синодальная подобна ей. Если вам хочется, чтобы Димитрий был герой, богатырь, храбрец, то последовательнее будет отвергнуть совсем третью редакцию, а также и ростовскую летопись, и опереться на первую редакцию в том виде, в каком она сохраняется в IV т. «Полного Собрания Летописей». Между известиями о битве, по первой и по третьей редакции, есть ощутительная разница.

В первой нет переодевания на поле битвы и нахождения Димитрия под деревом. Великий князь остается в своем виде, сражается храбро, окруженный дружиною, выезжает вперед и дерется с Татарами. Ему дали несколько ударов по доспехам. Раны не получил он. Когда ему советовали стоять в опричном месте, он отвечал: как я могу говорить вам: потягнем, братья, все за одно, когда сам лицо свое стану укрывать и хорониться назади? Летописец говорит, что он делал это для примера: *да и прочие то видевшие, приимут со усердием дерзновение.* Это было как-раз сообразно древним обычаям. Нераз храбрый князь показывал лично пример отваги своей дружине. Так, Святослав Игоревич киевский, еще будучи несовершеннолетним, во время войны с Древлянами, первый метнул копье в неприятеля, и его воины сказали: князь уже начал; потягнем, дружина, за князем! Так князь Андрей Юрьевич под Луцком *в'еха переже всех в противные и дружина его по нем ехаша.* Так, во время борьбы Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким, из двух противных полчищ впереди всех открывали бой два князя: с одной стороны тот же Андрей Юрьевич *взя копье и еха наперед, и с'ехася переже всих,* а с другой стороны, Изяслав Мстиславович *перед всеми полкы вьеха один в*

* *Голос*, 1864, № 62; *підп.: Н. Костомаров.*

полкы ратных, Александр Невский, в знаменитой своей битве на Неве со Шведами, ратоборствовал лично сам и *самому королю возложи печать на лице острым своим мечем*. Мстислав Удалой, в битве с Суздальцами на Авдовой Горе, сражался сам лично и показывал всем пример собственной отвагой... Таких примеров можно привести много. Совершенно понятно, если допустить, что Димитрий, следуя прадедовским обычаям, хотел подать пример своему войску и сам выехал драться с врагами. Но ни Святослав, ни Александр Невский, ни Мстислав Удалой, и никто другой из подобных им храбрецов не переряживались для этого. И какой пример мог подать Димитрий тогда, когда, в виду всего войска, под великокняжеским знаменем, в княжеской приволоке будет стоять другое лицо, а сам великий князь будет биться в ряду простых воинов, никем незнаемый, никем незамеченный? Переодевание и желание показать пример никак не клеется между собою! Между тем вы допускаете переодевание и хотите об'яснить его желанием показать пример, именно так, как оно не может об'ясниться без крайней натяжки. Коль скоро вы отвергнете факт переодевания—иное дело. У нас тогда пойдет речь уже не о храбрости или трусости Димитрия, а о верности или неверности источников. Пока вы допускаете факты, вы не должны отвергать достоверность источника, передающего эти факты... Какого же это хвороста собрал я и набросил на Димитрия, позвольте спросить, многоуважаемый Михаил Петрович?

Но, если вы станете отвергать переодеванье, то придется отвергать и дело засады, и подвиги Владимира Андреевича и Димитрия Боброка. В первой редакции этого нет вовсе. Там рассказывается, что Москвичи побежали, а Татары бросились за ними в погоню, но в 9-м часу дня явились ангелы с архистратигом Михаилом, и полки мучеников, между которыми были Георгий, Димитрий и братья Борис и Глеб. Они метали на врагов пламенные стрелы, и это-то необыкновенное явление поразило врагов и дало Русским победу и торжество. О засаде ни слова; о ней говорится в том сказании, которое должно бы, по вашему, считаться хворостом. Вы скажете: можно из одного и того же сказания—одно отвергать, другое—принимать? Конечно, можно, и даже должно, но так, чтобы для этого было основание. Какое же основание будет принять факт засады и отвергать переодевание и лежание под деревом, кроме того, что это компрометирует храбрость Димитрия? С своей стороны, я признаю сказание это (по третьей редакции), вообще, достоверным; если в некоторых частностях и встречаются анахронизмы, то в главных чертах оно носит отпечаток древности; тогда только, когда куликовская битва была событием свежим, могли войти в ее описание подробности и незначительные собственные имена участвовавших в деле. Сказание это, помещенное в никоновской летописи, имеет преимущество пред тою повестью, которая помещена в IV томе «Полного Собрания Летописей». В ней исторические факты, тогда-как в повести больше риторики, чем дела. Правда, списки повести находятся немного древнее списков сказания, но что же из этого? Есть у нас сочинения XII века в списках XVII века, и, однако, не подвергалась сомнению их подлинность по одному этому. По сказанию же, Димитрий—воля ваша—не представляется храбрецом! Что касается вообще до громких похвал храбрости, расточаемых летописцами и повествователями князьям русским, и в том числе Димитрию, то ведь я их считаю типическими местами! у нас чуть не каждый князь и храбр, и боголюбив, и нищелюбив, и правосуден, и всевозможнейшими добродетелями преизукрашен. На эти атестации смотреть нечего.

Вы говорите: «спросите военных людей: чье положение лучше: Кутузова, Наполеона, Пелисье, или передовых солдат и охотников? А что Димитрий остался цел, а Бренок убит—это принадлежит к числу военных случайно-

стей, очень обыкновенных»... Я вам отвечу, что нынешний способ войны непохож на старинный, когда, как вам показывает столько примеров, предводители-князья считали обязанностью лично выезжать вперед и драться с неприятелем. Опять повторяю вам, что в куликовской битве убито много князей: из этого видно, что их положение было там небезопасно. А что бы сказали, если бы Пелисье, сняв с себя генеральский мундир, надел его на своего ад'ютанта, а сам оделся в платье простого солдата, и очутился на поле битвы и лесу, под ветвями срубленной березы, а его сторонники оправдывали бы его тем, что на него напали неприятели; следовательно, он поступил так потому; что хотелось ему подраться. Не знаю, что бы сказали бы вы, а я сказал бы вот что: Пелисье хотел просто улизнуть от боя, но не успел добраться до лесу, на него напали неприятели, и это последнее обстоятельство принадлежит к числу военных случайностей. Так я думаю и о Димитрии; и его переодевание делается очень понятно тогда, когда вспомним, что, по военным понятиям времени, он, как великий князь, должен был показать добровольный пример отваги и делать то, что заставляет его делать сказание первой редакции—драться с врагами на первом *суйме*, не слушать заботливых предостережений и подвергать свою жизнь явной опасности, одним словом, поступать он мог и качестве *сумасшедшего*.

Вы указываете на то, что Димитрий решился итти против Татар и пристал к совету храбрейших, которые советовали переходить через Дон. Из этого, по вашему мнению, следует, что он должен быть храбр и отважен в бою. На это и вам скажу: иное дело решиться на опасность, иное дело встретиться с нею близко. Часто больной с твердостию духа решается на ампутацию и падает и обморок, когда прикоснется к нему хирургический нож. Часто, очень часто, мы сами на что-нибудь бодро и смело решаемся, а потом путаемся. Притом же Димитрий был в таком положении, когда выбор ему был невозможен. Мамай шел на русскую землю, как говорится, с коротким—русские летописи влагают ему в уста такие слова: пойдем на русского князя и на всю силу русскую, якоже при Батыи было, крестьянство потеряем и церкви Божии попалим, и кровь их прольем, и закон их погубим. По сказанию летописцев, этот поход предпринят был в отмщение за кровь Татар, избиенных на реке Ваке. Узнавши, что вся земля русская дружно встает против него, Мамай послал к Димитрию требовать выхода в таком размере, в каком давался он при Узбеке и Джанибеке; Димитрий (как всегда водилось в Московщине) старался выторговать выгоднейшие условия и предлагал выход в том виде, в каком положено было платить по прежнему договору с Мамаем. Послы, по воле Мамая, не согласились и ушли. Димитрий подумал, посоветовался и послал к Мамаю Захарию Тульчина и двух толмачей, и с ними *злата и сребра много*. Мамай не принял. Почему он не принял? Потому, говорит сказание, что надеялся на Ягейла и Олега рязанского. Что же посылал ему великий князь московский? На какую дань соглашался он? По смыслу выходит, что на ту, какой требовал Мамай. Иначе, как Димитрию посылать Мамаю то, чего Мамай не принял уже раз через своих послов? Что же оставалось тогда делать Димитрию? Ведь он соглашался покориться, да покорности его не принимали. Конечно, драться. Тут у него не было решимости: тут была неизбежность, крайняя необходимость. И потому-то нельзя приписывать его храбрости то, что он пошел на войну против Мамая. Он не мог не итти, когда притом вся русская земля шла. А дошло дело до битвы, он потерялся.

Касаясь вопроса о нашествии Тохтамыша, вы впадаете в противоречие себе самому. Вы говорите, что слово *побежа*, в старинном языке, имеет значение удалиться, а не обратиться и бегство, но чрез несколько строк упрекаете меня за то, что я взял это место из новгородской летописи, будто бы

враждебной Димитрию. Таким образом, последним вашим замечанием вы уничтожаете силу первого толкования. В обоих случаях вы неправы. Слово «бежать» и на древнем языке значит то же, что̀ и на нынешнем. Оно значит: удалиться скоро, поспешно, а скорое удаление, в виду грозящей опасности, называется бегством. В двух примерах, приводимых вами, значения бегства, первый пример так ясен, что не требует об'яснений. Побежа на неведому землю, значит то же, что в просторечии: забежал чорт-знает куда. Второй пример требует некоторого пояснения. Князь рыльский Олег говорит липецкому князю Святославу: ты, как рать была со мною за царю не бежал. На что̀ же это он намекает? А вот на что̀: «Царь Ногай разгневася и посла рать на Олга и повеле его изловить и княжение к себе взять. И приидоша Татарове ратью к городу Ворлогу генваря 13-го, а князь Олег бежа к своему царю Телебузе, а князь Святослав бежа в лесы воронежские, половина же рати татарские погнася за князми, а другая половина заяша пути вси и так поимаша всее княжение Олгова и Святослава» (Воскрес. П. С. Л. VII. 177). Не ясно ли здесь значение бегства, когда дело идет об удалении из своего княжения во время нашествия Татар, да еще когда Татары гнались за бегущим? Что касается до враждебности новгородской летописи к Димитрию, то, сделайте милость, покажите мне ее. Разве в том ее враждебность, что она вообще скупее других летописей на риторику, не рассыпается в похвалах Димитрию?

Насчет распущения Димитрием силы пред нашествием Тохтамыша вы говорите: «Если нужно, положим, десять тысяч, и у Димитрия была в распоряжении одна, то что̀ ему делать с нею более, как не распустить». Может-быть, благоразумно, да нехрабро. Так храбрецы не рассуждали. Следовательно, и Леониду при Фермопилах нужно было распустить своих триста молодцов? Хорошо, что Румянцев не воспользовался таким благоразумным советом при Кагуле! Далее: на мое замечание, что в Москве защищался князь Остей со множеством народа, вы не нашлись, что̀ отвечать, а оттовариваетесь, будто отвечать мне не позволяет вам уважение к читателям. Желая придать моим словам не то значение, какое они имеют, вы восклицаете: Димитрий мог итти против Тохтамыша со множеством народа московского!

Не итти ему приходилось, а защищаться в Москве. При осаде, и женщины, и дети годятся. Вы могли бы еще оправдать Димитрия, когда бы он ушел в Кострому, с тем, чтоб там собрать войско. Но этого не было. Он не-только не собирал войска, но распустил и то, какое у него было. Народ московский пришел в неистовство; Москвичи задержали жену великого князя и едва выпустили по просьбе митрополита, наделавши ей оскорблений. Многие, подобно Димитрию, стали искать спасения в бегстве; но их убивали и грабили, оправдывая, вероятно, такие поступки тем, что люди нужны были для защиты, и коли умирать, так всем надобно умирать вместе. Кто же был виною этих побегов и беспорядков? Димитрий. Понятно, что такой храбрый князь мог очутиться во время битвы под ветвями срубленной березы!

Замечу вам о ваших Котлах. Вы знаете Котлы на серпуховской дороге, а ведь Димитрий шел на Коломну.

Теперь приступаю к другой половине вашего ответа — учено-полицейской.

Вы не верите мне, что я люблю вашу Москву, и думаете, что мне не нравится то, что она стала основательницею государства. Вы подозреваете, что я желал бы на ее месте видеть X, Y или Z... Быть-может, и не бесполезно задавать себе, ради гимнастики, ума, вопросы: что было бы, если-б столицею, вместо Москвы, был Серпухов, или Коломна? но я в настоящее время расположен к таким упражнениям, да здесь и не место. Не знаю, чем заслужил

я от вас такое недоверие. Коли я говорю вам, что я люблю вашу Москву, так стало-быть люблю.

Вы написали: потому-что вы говорите даже мне: я люблю вашу Москву, и не называете ее своею, нашею.

Я выразился так, разумея город, где вы живете, имеете оседлость, где протекла ваша ученая и гражданская деятельность. В отношении меня и вас—Москва ваша, а не моя, потому что я там не живу, хотя и желал бы этого. Для всех Русских (и в том числе для меня, как Русского), разумеется, она наша, как и Калуга, Могилев, Ялта, Селенгинск. Кто же в этой аксиоме сомневался?

Вам не нравится, что я назвал плохими стишонками стихи, написанные Пушкиным. Что же делать, коли они таковы! Они плохи по версификации, еще плоше по мысли. Что это такое? низкие истины? Разве истина может быть низкою? Эпитет «низкий» пригоден только для лжи. Всякая истина благородна, высока, потолику, поколику она истина, как бы ни был маловажен предмет, к которому она относится. И разве может возвышать нас обман? Скажи Пушкин, вместо *обман, вымысел*—иное дело; но вымысел не обман. Поэтический вымысел не выдается за действительность, а, если признается за нее, то по неведению. Обман—умышленная ложь, выдаваемая за истину. Обман никогда не может нас возвышать; напротив, он всегда гнусен, вреден, гадок. Жаль, что эти стихи принадлежат перу великого Пушкина! Но что же делать! Et bonus aliquando dormitat Homerus! Вы говорите, что Пушкин «хватил бы смертоносною эпиграмою в висок иного оратора за подобные общие места о грошовом беспристрастии, алтынной честности и пятикопеечном благородстве, о которых насвистано нам столько в последнее время». Поставьте копейку бедняка в параллель с стами тысячами богача—выйдет, что грошовое беспристрастие лучше двухсоттысячного корыстолюбия, алтынная честность трехсоттысячного продажничества и пятикопеечное благородство—миллионной подлости. Эх, Михайло Петрович, хоть бы на гроши, да на алтыны, и были такие добрые качества в людях—и за то благодарить Бога надобно! А вот скверно, когда их в сущности-то нет, а кажется, как-будто их бог-знает на какие суммы лежит нетронутым капиталом! Вы советуете молодым людям читать и перечитывать Карамзина. Охотно присоединяю свой совет к вашему. Но в приведенных вами словах Карамзина я вижу скорее оправдание для себя, чем обвинение. Он говорит: «грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в историке». Я высоко ценю эти строки нашего историографа. Не считаю, чтобы и последующие слова его были противны моему взгляду. Он говорит: «любовь к отечеству дает кисти историка жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души». Но разве любовь к отечеству должна выражаться только в том, чтобы хвалить его да петь ему панегирики, да сентиментальничать с патриотизмом? Вы же сами говорите: «Скрывать или оправдывать нехорошее я не стану, но и осуждать хорошее, без строгой критики, считаю ученым преступлением». Хорошо, зачем же вы сердитесь? Зачем, вместо того, чтоб спорить со мною единственно для раз'яснения истины, вы сейчас заподозреваете меня, ищете каких-то прикровенных мыслей... Зачем же требуете вы более осторожности для одних лиц, чем для других? Зачем советуете мне писать только о Ягейле, или о Мамае, о Выговском да о Мазепе, и запрещаете писать о Димитрии Донском, Александре Невском, Минине, Сусанине? Если вы не считаете меня достойным писать о лицах последнего ряда, то зачем же вам все равно, когда я буду писать неверно о других? Любите вы историческую истину—любите ее равно, о ком бы она ни произносилась. «Где нет любви, там нет души!»—совершенная правда. Но пусть же любовь историка будет разумною любовью. Историк есть вместе и гражданин своего отечества; его труды мо-

гут принести тогда только гражданскую пользу, когда они будут иметь целью не потачку национальной гордости и предубеждениям, а строгую, неумолимую истину, как бы она ни казалась горькою для патриотических чувствований, которые нередко соединяются с застарелыми предубеждениями национального чванства. Covallo vecchio tardi muta andatura — говорит пословица на языке, на котором вы окончили ваш ответ пословицею.

Февраля 19-го.

АПОЛОГИЯ ЗА ДИМИТРИЯ ДОНСКОГО Г.Г. АВЕРКИЕВА И АСКОЧЕНСКОГО.*

После недавнего спора моего с М. П. Погодиным, по поводу моей статьи «Куликовская битва», напечатанной в «Месяцеслове» 1864 года, недавно явились разом две статьи против меня, одна—в «Эпохе», г. Аверкиева, а другая, в «Домашней Беседе»—без подписи, вероятно, самого г. редактора.

Г. Аверкиев из моих слов: *естественно было Руси, входившей в число ханских владений*, выводит, будто я признаю Русь частью Орды. Всякому здравомыслящему ясно, что не все, что принадлежало ханам, было *Ордою*: если я скажу, что Индия входит в число английских владений—то можно ли выводить, будто я считаю Индостан Англией?

Г. Аверкиев придирается к слову *конечно*, которое я употребил, заявляя мнение, что московский князь отпустил выкупленного сына тверского князя с барышом, и указывает на то, что такого известия нет в летописях. Разумеется нет; иначе бы я не употребил слова *конечно*. Или г. Аверкиев так мало привык к общепринятым приемам исторического изложения, что не знает значения этого слова? Если исторический повествователь скажет о каком-либо событии, *конечно, оно было*, то это значит, что он не нашел в источниках прямого известия о нем, но по сопоставлению обстоятельств признает его несомненно происшедшим, и если он скажет: *вероятно, оно было*, то это значит, что, по мнению историка, событие могло скорее быть, чем не быть. Если не простительно историку допускать ни на чем неосновательные гипотезы, то нельзя же ограничиваться перепискою летописей. Я считаю вполне несомненным, что Димитрий отпустил сына тверского князя не за одну только ту сумму, которую заплатил в Орде, как и выкупил его не из одного желания дать ему свободу; иначе, зачем бы ему держать его *в луже*, пока не поладил с тверским князем? Без сомнения, сын тверского князя в руках московского был залогом против соперника, и он выпустил княжича только тогда, когда отец последнего сделал все угодное московскому великому князю; Димитрий был умен и окружали его в Москве не глупцы: было бы крайнею глупостью выпустить из рук сына своего врага, не обеспечивши себя от этого врага, тем более, когда Димитрий, во время вражды с ним, постоянно возвращался из походов своих *с богатством и с корыстию*, как делали вообще князья в своих междоусобиях. Если, быть-может, Димитрий не взял с тверского князя денег больше того, за сколько выкупил его сына, то уж, конечно, не отпустил пленного без условий, выгодных для себя, и уже по этому невыгодных для Твери. Разве это не барыш? Г. Аверкиев придирается к слову *тотчас*, употребленному мною по поводу воспоминания о том, что Димитрий, когда Мамай дал ярлык тверскому князю, побежал в орду склонять хана в свою пользу. Но это такая придирка, против которой спорить невозможно: у кого же из читателей может быть столько досуга, чтоб интересоваться контраверсиями о выражениях неизменяющих сущности дела?

---

* *Голос*, 1864, № 124, 8 мая: *підп.: Н. Костомаров.*

Тверского князя обвиняли в сношениях с Мамаем. По этому поводу я сказал, что московская политика успела представить вообще русской земле предосудительным в других то, что оправдывала за собою; г. Аверкиев восклицает: что же предосудительного в сношениях Димитрия с Мамаем? Ничего, отвечу я, потому что Москва заставила большую часть Руси смотреть на это с московской точки зрения. Это делает ей честь. С тверской точки зрения, поступки Михаила Александровича не имели также ничего предосудительного. Не видно, чтоб в это время тверской князь, сносившийся с Мамаем, приводил татарскую рать на русскую землю (советуем г. Аверкиеву попристальнее вглядываться в летописи, а не сочинять), но если-б даже и так было, то воспоминание о том, что сделали предки Димитрия с предками тверского князя, могло оправдывать в глазах тверского князя и его сторонников такой поступок.

После длинной тирады о сказанном мною, что Димитрий не отличался пылкой отвагой, г. Аверкиев, наконец, сам сознается, что Димитрий не отличался пылкою отвагой, но был умен. В уме его я никогда не сомневался. Г. Аверкиев изо всех сил ратует за Димитрия, как будто бы я когда-либо говорил, что Димитрий *должен был* отличаться пылкой отвагой...

Я сказал, что духовные наши более заботились о вере и об исполнении ее уставов, чем о земном отечестве. Г. Аверкиев говорит: «*на основании совета окончить дело мирно с ордою, еще нельзя обвинять духовенство, что оно не заботилось о земном отечестве*». Да кто же его обвиняет? Я не сказал, притом, что оно вовсе не заботилось о земном отечестве; я сказал только, что оно более заботилось о вере и об исполнении ее уставов. Что же? Это духовенству можно поставить разве в похвалу, а никак не в обвинение: задача православной церкви вовсе не устраивать наше земное благополучие в политическом или экономическом отношениях. От этого православное духовенство редко решалось на дело, которое имело цель политическую, а не нравственно-духовную, но, с точки зрения православного благочестия, решаться на кровопролитие можно только тогда, когда является опасность вере и церкви. От этого наши иерархи не стеснялись вступать в дружелюбные отношения с ханами. Они чрез то гарантировали свободу веры, неприкосновенность церквей, богослужения, и, следовательно, охраняли для своей паствы средства к приобретению вечного спасения. В смутное время, что побуждало великих деятелей московской церкви — Гермогена, Дионисия, Авраамия, призывать народ к оружию против Сигизмунда? Опасность, угрожавшая православной вере и, следовательно, средствам к вечному спасению. В таком духе и св. Сергий советовал почтить дарами нечестивого Мамая и искупить потерею тленных благ спокойствие благочестивого жительства. Примеры, представляемые г. Аверкиевым, что Сергий примирял князей, вовсе неудобны для опровержения моего мнения о том, что духовенство более заботилось о вере, чем о земном отечестве. Примирять ссорящихся есть прямая обязанность церкви не с точки зрения устранить вред для политических выгод отечества, а ради спасения душ: ссора есть грех; мир—богоугодное дело и ведет в царствие небесное. Странно, что и г. Аскоченский против меня в этом случае: если кому, то, конечно, ему, с его известным благочестием, следовало бы знать эту черту нашего православия...

Г. Аверкиев заметил противоречие между напечатанным в статье и потом напечатанным в ответе г. Погодину о размере дани, посланной Димитрием. Он спрашивает: что это значит? Очень просто и для каждого очевидно: вникнувши в соотношение событий, я нашел, что Димитрий должен был послать Мамаю больше, чем я полагал прежде.

Намеку моему на Фальстафа г. Аверкиев дает умышленно превратный смысл. В ответе своем г. Погодину я упомянул о Фальстафе, вовсе не желая

сравнивать с ними Димитрия, а вообще защищая правило, что собственные речи исторических лиц не всегда можно приводить в свидетельство их доблестей.

Коснувшись факта переодевания, г. Аверкиев наговорил много-много, а сказал чрезвычайно мало. По его об'яснению, Димитрий для того снял великокняжескую приволоку, что ему было тяжело. Вот, поистине, странное об'яснение! Димитрий снял с себя мантию, которая могла быть из легкой материи, и остался в железных доспехах. Я уверен, что сам М. П. Погодин, при всей его ученой вражде против меня за Димитрия, с рыцарским великодушием вместе со мною, посмеется над таким способом об'яснения. «Отчего бы (говорит г. Аверкиев) Димитрию, вместо Бренока, не поставить на гибель, например, своего боярина Юрия Васильевича Кочевина-Олешина, на которого он гневался?» Да разве Димитрий непременно хотел погубить Бренока? Желая спасти себя, Димитрий не желал погубить нетолько Бренока, но и никого из своих воинов. Притом же со стороны Бренока, без сомнения, было на то согласие. Мы можем смотреть на этот факт, как на великодушный подвиг Бренока: доблестный боярин, вероятно, сам вызвался отважиться на опасность для спасения князя, которого смерть, а еще более плен, могли отозваться дурными последствиями. Как мог Димитрий поставить, вместо себя, в виду всего войска, своего личного недоброжелателя? А если-б этот недоброжелатель изменил? Надеть знаки своего достоинства в эти минуты Димитрий мог только на того, кого любил и кому доверял. Таким и изображается Бренок в летописях и сказаниях. Бренок был убит, и Димитрий искренно оплакал человека, принявшего на себя ту судьбу, которая ожидала бы князя, если-б он остался в великокняжеском одеянии; но Бренок мог остаться жив, и тогда Димитрий наградил бы его более всех: как же Димитрию возлагать на какого-нибудь своего недоброжелателя поручение, за которое пришлось бы ему награждать? Ребяческое об'яснение переодеванья тяжестью великокняжеской приволоки не показывает у г. Аверкиева большого дара сообразительности; но этот темный факт легче всего об'ясняется, если мы допустим, что собственному чувству самосохранения у Димитрия помогали настойчивые советы окружавших его (тем более, что есть известие о том, что ему советовали беречься) и великодушная решимость Бренока подвергнуть себя лишней опасности за своего великого князя и, вместе с тем, за успех дела.

Также неосновательно хочет об'яснить г. Аверкиев: «зачем Димитрий очутился в дубраве. Не шел-ли (говорит он) Димитрий сказать, чтобы Володимир Андреевич и Боброк выходили из засады?» Засада была в тылу неприятельского войска; мог ли Димитрий итти один сквозь ряды его?

Г. Аверкиев думает, что Димитрий был ранен. Из прямого смысла летописных повествований и по соображению обстоятельств видно, что он не был ранен. По одной редакции (П. С. Л. IV. 81) говорится: «*бяше видети весь доспех его бит и язвен, но на телеси его не бяше язвы никоея же*»; по другой (Никоновск. Лет. IV. 119): «*Бысть доспех его весь избит и язвен зело, на телеси же его нигде смертные раны не обретесь*». Здесь слово *смертные* не более как реторика, столь обычная в Никоновской Летописи. Это ясно доказывается словами той же летописи немного ниже: «много по главе его и по плещима его, и по утробе его бьюще и колюще и секуще (конечно, здесь надобно понимать, что его поражали по доспехам, ибо если-б такие раны задали ему по телу, он не мог бы остаться в живых), и от всех сил господь бог милостию своею и молитвами пречистые его матери и великого чудотворца Петра и всех святых молитвами соблюде его от смерти; утруден же бысть и утомлен, от великого буяния татарского толико яко близь смерти». Летописец поясняет, от чего он был *утруден* и *утомлен:* не от ран, а от буяния (от нападения). Притом, как только он встал, тотчас сел на коня и поехал по

полю; впоследствии невидно, чтобы он оправлялся от ран; в Коломне пробыл он четыре дня: летописец говорит, что он почивал от трудов: *бе бо велми утружден и утомлен* (Ник. Лет. IV, 124). Если-б он был ранен, то здесь уместно было бы сказать, что он оправлялся от ран; однако, этого не сказано. Прибыл Димитрий в Москву, служил благодарственные молебны, раздавал милостыню, веселился и пировал, радуясь победе, а потом поехал в Троице. О ранах и об излечении от них ни слова. Не ясно ли, после всего этого, что слово *смертные*, сказанное о ране, следует принимать в риторическом смысле?

Г. Аверкиев нападает на мои слова: «побежал в лес, потом запрятался под срубленное дерево». Я употребил слово *побежал*, потому что за Димитрием гнались татары: за кем гонятся, тот бежит. Я употребил слово «запрятался», потому, что в летописи есть выражение *скрыя себе*: запрятался— буквальный перевод этого выражения.

Относительно бегства Димитрия из Москвы в Кострому пред нашествием Тохтамыша, г. Аверкиев наговорил много и не сказал ничего, кроме того, что, после ухода Тохтамыша, московская рать шла на изменившего Олега рязанского. Таким образом, г. Аверкиев, приняв под свою защиту Димитрия, сам приводит против него свидетельство: стало-быть, у него войско было, когда он пошел против Олега? Г. Аверкиев отвергает слова Никоновской Летописи: *собра вои многи* пред нашествием Тохтамыша, случившемся 26-го августа, и допускает, что московская рать в начале сентября пошла против Олега рязанского. Но от 26-го августа до 1-го сентября, всего пять дней. Не вероятнее ли предположить, что известие Никоновской Летописи о собрании воев многих пред нашествием Тохтамыша достоверно: у Димитрия было войско, но он не отважился с ним на бой, потому, что с Тохтамышем труднее было сладить, чем с Олегом. Г. Аверкиев рассуждает: «Он (Димитрий) рассудил, как истый внук Калиты: не удалось против Тохтамыша, удастся против Олега».

Я никогда не сравнивал г. Погодина со старою лошадью, как говорит г. Аверкиев; итальянская пословица, которою я закончил ответ свой, относится к нашим старым национальным предрассудкам, а никак не к личности г. Погодина.

В одном месте г. Аверкиев нашел у меня чрезвычайно важную опечатку, и я очень сожалею, что она вкралась и была просмотрена: вместо: «*Ивана Васильевича тысячского сына поп*» написана бессмыслица: *Иван Васильевич, тысячского сана сын*. Сознаюсь, что я очень несчастлив на опечатки, и издания моих сочинений переполнены ими; г. Аверкиев, однако, пресерьезно опровергает бессмыслицу, которую нашел. Это все-равно, если-б я, нашедши в его статье выражение: «Доказательства мужества Димитрия следовало основывать на Николаевской летописи», стал бы доискиваться: что это за летопись, когда тут ясно, что вкралась опечатка вместо: *никоновской*.

Кроме всего этого, в рецензии г. Аверкиева нет ничего, на что бы можно было отвечать. Статья написана с большим запасом словоизвития и рутательной реторики, необходимой в качестве балласта, при чрезмерной легкости и пустоте научных доказательств.

Г. Аскоченский только повторяет сказанное г. Погодиным с воскурением ему фимиама за то, что он восстал за Димитрия, будто бы обесславленного мною. Еще раз повторяю: я не думал бесславить Димитрия, а писал о событиях так, как понимал и понимаю их по источникам. Охотно изменю свой взгляд, если мне укажут, что он неправилен, с надлежащими доказательствами. Но совершенно отрекаюсь на будущее время от ответов на всевозможные придирки, если они не поведут ни к какому результату по вопросу о Димитрии и куликовской битве.

УКРАИНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ.*

Когда о существовании этнографии, как науки, еще не знали, история скользила только по дворцам да по армиям, нацией признавались одни привилегированные классы, и никто не считал важным знать, как говорит, чувствует, думает, живет народная масса, тогда извинительно было воображать, что вся Россия везде одинакова во всем.

Но с расширением исторических и этнографических знаний, новыми более широкими потребностями науки о человеческом обществе, стало известно и показалось важно, что юг российской империи населен (также, как и значительная часть австрийской Галиции) особым славянским племенем, говорящим своеобразным наречием, сохраняющим своеобразные формы жизни, понятия, верования, стремления и исторические воспоминания. Естественно было покороче с ним познакомиться. И вот стали появляться сборники его песен и преданий, потом стали писать его речью, сначала для шутки с высоты барского погляда на мужичье, а далее — с этнографической целью изобразить народные нравы, в последнее же время, после освобождения крестьян, с целью передать народу первые плоды образованности в ближайшей и удобнейшей форме, особенно же перевод св. писания нового завета, как основы его воспитания. Эти попытки сначала возбуждали только сочувствие, но вдруг потерпели ни за что ни про что нападения, обвинения и гонения сначала в Киеве от издателей и сотрудников тамошних периодических изданий: «Вестника Юго-Западной России» и «Киевского Телеграфа», потом в «Московских Ведомостях» и «Русском Вестнике». Поднялся крик *о сепаратизме*, стали подозревать нас в тайных намерениях приготовлять отложение Малороссии от России. И вот перед воображением русского общества стоит донкихотовская ветрянка, кажущаяся пугалом в виде украинского сепаратизма.

Пишущий эти строки в статье своей, читанной в апреле прошлого года на литературно-музыкальном вечере, в пользу издания книг на южнорусском языке выразился, что эта кличка заимствована из Америки, и винится теперь в своей ошибке. Нет, она зашла к нам от поляков и все это враждебное противодействие нашему народному образованию, исходит от наших прежних старинных *приятелей*, которых ни Хмельницкие, ни Гонты, ни Железняки до сих пор не могли убедить избавить южно-русский народ от кошачьих об'ятий и ласок.

Затевая восстановление своего государства, поляки находят, что Польши Конгрессувки для них мало, надобно восстановить Речь Посполитую с южною

---

* *Историко-революционная библиотека, № 2. „Украинский Сепаратизм".* (Неизвестные запрещенные страницы), введение, редакция и примечания профессора *Ю. Г. Оксмана*, Всеукр. Госуд. Изд-во, Одесса, 1921, стр. 10—16; *друковано з коректурної відбитки, знайденої серед паперів Ради Мін. Внутр. Справ. Статтю було подано до цензури 20/I 1864 р. для друку в часоп. «Голосъ і заборонено постановою 6/II 1864 р.; підп.: Н. Костомаров.*

Русью, иначе это будет невыгодно для них. Уже много раз по этому поводу говорено было им напрямик: да нам то что за дело? Мы не хотим быть с вами; не верим вам, не любим, наконец, вас, убирайтесь к чорту. Этого для них не довольно. Когда нельзя волею склонить нас, то нельзя ли обманом, думают они, и стали писать бесчисленное множество статей и брошюр, где, искажая историческую истину, доказывают, будто мы, южно-руссы, с ними один народ и льнем к ним всею душою. Вдруг в обличение им является южно-русская письменность. Вопреки их уверениям о единстве нашем с ними, она заявляет о существовании у нас совершенно отдельного славянского наречия, вполне отличного от польского, о нашем желании сохранить для народа это отческое сокровище и совершенном нежелании усваивать польский язык, сверх того они показали им, что мы не можем, вследствие прежних исторических обстоятельств, смотреть на них иначе, как на врагов нашей веры и народности. Они уразумели, что мы им более всех мешаем приводить мысль о законности восстановления Речи Посполитой в границах 1772 года.

В числе многих заявлений польских претензий на единство южной Руси с Польшей не можем не указать, как на резко выдающуюся, брошюру, напечатанную в Париже в 1861 году по польски, под названием Rada familijna (семейный совет), где нам дают название сепаратистов, то самое, каким ни за что ни про что стали клеймить нас наши соотечественники. Автор без церемонии считает нас поляками и соотчичами своими, говорит, что мы отлагаемся на основании своих частных целей от общего рода и общего отечества (стр. 61). Автор уверяет, будто мы и поляки были прежде одно и тоже, пораздрознили нас варяги, мы страдали под их властью, приняли неправильное крещение (chrzest nieprawy), а потом соединились снова с поляками и пребывали в блаженном согласии до разбора Польши. Он советует нам бросить свой язык, оставить схизму, сделаться поляками и возвратиться к лону Римско-католической церкви. В заключение он обращает к нам такую речь: «Мы можем сказать нынешней партии сепаратистов следующее. Не тратьте сил своих на бесполезное дело, не ведите будущность вашего народа назад, соединяйтесь с теми, с которыми зовет вас к соединению и общность права, и общность прошедшего и превосходство цивилизации. Это ваше призвание, если вы действительно любите свой «край» (стр. 72). Явнее и резче высказывается досада поляков на деятелей южно-русского слова в книге, изданной в 1863 г. на французском языке под названием „La Pologne et ses provinces meridionales, manuscrit d'un Ukrainien, publié avec préface par Ladislas Mickiewicz". Там перечисляются на выдержку разные южно-русские сочинения, обвиняются в разрушительном коммунизме и ложном социализме и представляются опасными для польского дела.

Собрание различных произведений поезий, как «Кобзарь», «Гайдамаки», «Хата», «Народни оповидання», азбуки, граматки, составляют страшную батарею против господ, или лучше сказать, против всех богачей. Орган, сосредоточивший в себе идеи разрушительного коммунизма и ложного социализма, есть «Основа», издаваемая в Петербурге. Этот журнал более вреден полякам, чем «День», по причине особенной ловкости и осмотрительности издателей (стр. 25).

Вся эта книга в 167 страниц наполнена самыми наглыми искажениями исторической истины. Автор, настоящий польский пан, обращается к нам с сознанием своего права над нами; от лица всех своих соотчичей он об'ясняет, до какой степени и что именно могут поляки нам позволить и чего не могут. Если бы они не замечали в нас диких претензий создать особую национальность, тогда бы они протянули нам братскую руку (стр. 62), но, таким образом, как мы себя ведем, они не могут допустить раздробление польской национальности.

Написавши свою книгу, как показывает ее конец, с целью привлечь нас к соединению с Польшею, автор с неподражаемым тупоумием отзывается презрительно и рутательски о том, что всего святее для южно-русса—о православной вере [1].

Уверяют, будто мы добровольно приняли унию, а русское правительство насильно обратило и теперь еще продолжает обращать нас в схизму, и в конце концов хлезь [2], чтобы мы перестали быть русскими и православными, а сделались бы поляками и католиками, что это желание всего народа. Мы не берем на себя скучной обязанности опровергать эту дичь, повторяемую почти всеми поляками от мала до велика. Пришлось бы начинать с азбуки и толковать то, что давно уже известно каждому гимназисту. Можем только изумляться крайнему ослеплению и тупоумию польского патриотизма.

Поляки хотят склонить на свою сторону южно-руссов и начинают с оскорбления их религии, той религии, под знаменем которой южно-руссы бились с поляками и воспитали в себе ненависть к полякам. Идите к нам, говорят нам поляки, с нами вам отлично будет, мы уничтожим вашу веру и вашу народность. Самоуверенность поляков в этом отношении превосходит всякое вероятие. Владислав Мицкевич (предисл. XV) говорит: крестьянин говорит своим batya, он не знает такой истории, какова она в книгах (какой подлый расчет на невежество народа), но одно появление польского инсургента сообщит ему электрическую искру, которая воспламенит ему душу, и он снова бросится на русские полки.

На подобные надежды уже дал полякам ответ народ южно-русский; польские инсургенты явились перед глазами украинского крестьянина, и он точно бросился на русские полки, но для того, чтобы передавать им связанных инсургентов.

Поляки никогда не в силах достигнуть желаемой цели—возмутить народ южно-русский и склонить его на свою сторону, но они успели до некоторой степени вылить свою злость и наделать пакости деятелям южно-русского слова и тайными путями обольстить многих из наших соотечественников, мимо собственной воли, поверившим и возможность тайных замыслов и намерений отложения Малороссии от России. Для народа, который думает приобресть независимость посредством организованной системы тайных убийств, уж, разумеется, нипочем клеветать на украинских писателей, голословно обвинять их в разрушительном коммунизме и ложном социализме с целью набросить на них подозрение правительства.

Пересчитывали несколько украинских книг и нарекали особенное проклятие над ненавистною для них «Основою». Автор той же книги (стр. 26) изумляется, как это московская цензура, обыкновенно строгая, допускает к печатанию самые неумеренные статьи, как скоро дело идет о прошедшем Польши и некоторых ее провинций.

Он находит, что другие журналы подчиняются строгому контролю (а «Основе» позволяют так бесчинствовать), и выводит из того, что русское правительство одобряет всякие пути, лишь бы они вели к цели. Оно не боится либеральной южно-русской партии, ибо она противна Польше, хотя у ней есть виды несогласные с существующим правительством (стр. 26).

Подобные нарекания распустили поляки умышленно в юго-западном крае и поддели на удочку недальновидных публицистов Киева—Говорских, Эремичей, Гогоцких, Юнтов и tutti quanti.

Воображая себя борцами русской народности и против поляков, они сами не счулись, как запели внушенную поляками песню об украинском сепа-

[1] Например: Le schisme greco-russe est de toutes les communions chrétiennes la plus éloignée du véritable esprit de l'Evangile.

[2] Так в издании 1921 р.

ратизме под польскую дудку. За ними вслед затянули «Московские Ведомости» и «Русский Вестник», и многие из наших соотчичей как и великоруссов, так и южно-руссов теперь верят в действительное существование страшилища, которое они называют Украинским сепаратизмом.

Поляки расчитывают так: деятели южно-русского слова и вообще приверженцы южно-русской народности, встретив препятствие своим задушевным намерениям распространить в южно-русском народе образование на местном наречии, придут в негодование, и тогда можно будет их склонить на нашу сторону. И вот, едва прошло пол года от громовых статей Каткова и компании, как во Львове появляется газета с криками против насилия со стороны *москалей*, и русины подают руку примирения полякам вследствие известий, посылаемых из Украины. Конечно, эти вести из Украины писаны какими-нибудь горячими молодыми людьми, которые раздражились напраслиною, на них взводимою, и скоро сами одумаются, но тем не менее не прискорбно ли, что в такие важные исторические минуты, когда всему русскому миру следует быть как один человек и дружно стоять против всяких вражеских ухищрений, принявшие на себя роль публицистов дались в обман врагам, вооружились на привидение, нарочно поставленное последними, чтобы произвести между нами смуту и разделение, и вводят в грех пылкие и неопытные головы, которые иначе могли бы по силам своим посвятить себя общему делу русской земли.

Нам удивительно, как это так легкомысленно могли увлечься русские люди страхом сепаратизма, какое соотношение можно было найти между намерением распространить элементарное образование в южно-русском народе на южно-русском языке и между тайными замыслами отложения Малороссии. Разве им не известно того, что отношение между Малороссиею и южно-русским народом такое же, какое между одною частью и целым, к которому принадлежит эта часть. Малороссией называется только Полтавская и Черниговская губернии, а южно-русский народ кроме западного берега Днепра, Новороссии и Черноморья, рассеян на пространстве губерний Харьковской, Курской, Воронежской, Земли Войска Донского, Саратовской, Астраханской, Самарской, Оренбургской; или думают, что мы желаем все эти земли отделить из Великой России? Но ведь там великоруссов столько же, а в иных местах гораздо больше, чем южно-руссов; а между тем книги пишутся для всех южно-руссов, и не для каких-нибудь Полтавцев и Черниговцев. Племя южно-русское более и более сближается с великорусским, и мы много раз заявляли, что вовсе не хотим каких-нибудь мер отчуждения, напротив, желали бы проведения железных дорог на Южной Руси, а железные дороги, без сомнения, способствовали бы приливу великорусского населения в южно-русские края. Сепаратизм между нами невозможен по самой географии. Южно-руссы не имеют строго округленной территории. Их отечество и в Петербурге, и в Москве, и в Новгороде, как и Киеве, Чернигове, Полтаве. Поэтому и на язык южно-русский мы не смотрим, как на исключительно принадлежащий известному только краю, а как на способ выражения, общий всему южнорусскому племени во всех концах нашего обширного отечества.

По нашему глубокому убеждению, чтобы одним разом положить предел вражеским козням поляков, обольстившим многих из наших соотечественников пугалом украинского сепаратизма, следует как можно скорее напечатать перевод евангелия на южно-русский язык вместе с славянским текстом и великорусским переводом. Кроме громадной пользы нравственной и умственной для южно-русского народа, этим же докажем, что враги не в силах нас обманывать и поселять между нами раздоры и разделения.

ОТВЕТ г. МАЛОРОССУ-ВОЛЫНЦУ.*

В 13 № *Московских Ведомостей* редактор, ратуя в передовой статье против перевода Евангелия на Малороссийское наречие, приводит, в качестве авторитета, письмо, подписанное *Малоросс-Волынец*. Автор этого письма извещает, что в Галиции издается газета *Мета*, из которой ясно видно, что сочиняемый хохломанами особый Малороссийский язык есть только пустой предлог (по ихнему Основа), а подлинная цель (Мета) особое Малороссийское Государство». Вслед за тем автор приплетает мое имя и говорит так: «Так нет уже секретов, маска сброшена и действующие лица являются такими, каковыми они действительно. Там ясно можно видеть, на сколько был прав г. Костомаров, когда он уверял издателя *Дня*, что ему не известны никакие сепаративные тенденции... И эти то господа (т. е. я и другие, не называемые по именам), усердно работающие над приготовлением зла России вообще и своей родине Малороссии в особенности, издателем Меты бесцеремонно величаются народолюбцами!»

Автор письма печатно обвиняет меня: 1) будто я лгал, говоря, что мне не неизвестны сепаративные тенденции, тогда как мне оне были известны, и 2) будто я усердно работал вместе с другими над приготовлением зла России. Кажется, обвиняя кого бы то ни было в умышленном скрытии существования вредных тенденций и в принадлежности к приготовителям зла России, следовало бы подкрепить обвинение фактическими доказательствами; какие же доказательства у автора?

Он говорит, что издается заграничная газета *Мета*, где высказываются сепаративные тенденции. Но когда я писал к издателю *Дня*, что не знаю о сепаративных тенденциях, этой газеты еще не было на свете. Впрочем, и теперь я не видал *Меты* и даже не встречал никого, кто бы ее видел. Все о ней знают только из *Московских Ведомостей*, которые приводили из нее места. Не будь этого последнего факта, я бы и теперь мог повторить, что не знаю ни о каких сепаративных тенденциях. Без сомнения, *Мета* канула бы в вечность, никем на Руси не замеченная, если б наша журналистика не спасла ее от забвения. Понятно появление этой *Меты* и ее сепаративных тенденций. Нет на свете крайности, которая бы не могла явиться, коль скоро начать ратовать против нее в то время, когда она еще не существует. Если б у нас ни с сего ни с того стали писать филиппики против тех, которые думают отторгнуть Смоленск от России, то нашлись бы чудаки, которые стали бы проповедывать возможность отдельной самобытности Смоленска. *Мета*, вероятно, явилась вследствие филиппик *Московских Ведомостей* и других. Если они попишут еще год другой в том же духе, явятся, быть может, две и три таких *Меты*. За границею много врагов России; они рады всякому предлогу, а некоторые наши журналы подают им предлог. Мне же какое дело до этого? Те, которые преследованием призраков вызывают эти призраки к бытию, пусть себе и борятся с ними. По нашему глубокому убеждению, мысль об отложе-

* *День* 1864, № 6, Смесь, стр. 19; *підп.: Н. Костомаров.*

нии Малороссии до такой степени чужда исторической истины, что и говорить об этом серьезно нельзя, и подвиги некоторых органов нашей журналистики против хохломании напоминают страшные и невообразимые битвы ламансского рыцаря с ветрянками. Во всяком случае между мною и *Метою* нет ни малейшей связи, ни малейшей солидарности.

Если я признавал и признаю полезность перевода Евангелия на Малороссийское наречие, и вообще издания на этом наречии книг для передачи народу элементарных сведений, то из этого никак не следует подозревать во мне какие бы то ни были вредные побуждения. Не я один высказывал убеждение в пользу этого дела. Второе Отделение наук одобрило перевод Евангелия, сделанный Морачевским, и заявило мысль, что распространение этого перевода будет полезно для образования народного. Неужели и членов Академии станут подозревать в сепаративных тенденциях и в солидарности с *Метою*. Второе Отделение, состоя из людей ученых и здравомыслящих, не доходило до нелепых опасений, как бы такой перевод не приготовил отложения Южного края от России—это понятно. Что касается до моих побуждений и доказательств, руководивших мною при мысли издания Малороссийских книг, то они не раз были высказываемы. Пусть опровергают их; я мог ошибиться и откажусь от своих убеждений, если по совести признаю их несостоятельными пред критикою моих противников. Но никто не имеет права, без фактических доказательств, приписывать мне такие побуждения, каких я открыто не высказывал: в этом деле у меня не было и нет секретов от публики.

Пусть же г. Малоросс-Волынець или кто-нибудь другой из усердных рыцарей, сражающихся с сепаративными призраками, один раз на всегда обличит меня в преступных замыслах и вредных побуждениях и предаст справедливому суду общества и властей; а если это невозможно, то прошу избавить мое имя от двусмысленных намеков, относящихся к области уголовного суда, а не литературы. Если г. Малоросс-Волынець честный человек, то он должен об'явить свое настоящее имя. После тех клевет, которые расточали в своих брошюрах Поляки против Малорусских писателей, обвиняя их в разрушительном коммунизме, превратном социализме и из'являя удивление: как это Русское правительство терпит подобное злювредное направление[1], нам сомнительно, чтобы этот «Волынець» был «Малоросс».

Ян. 21.

ОТВЕТ МАЛОРУССУ-ВОЛЫНЦУ.*

В 66-м № «Московских Ведомостей» напечатан ответ на мой ответ Малоруссу-Волынцу по поводу взводимого на меня обвинения в злоумышленных стремлениях к сепаратизму или отложению Малороссии от российской империи, т. е. в государственном преступлении.

Г. Малорусс-Волынец силится теперь доказать свое обвинение следующими доводами.

Он говорит:

«Г. Костомаров был одним из передовых сотрудников существовавшего у нас хохломанского органа «Основа».

В таком случае, следовало показать, какие сепаративные идеи заявляла «Основа», и что̀ именно я там напечатал в сепаративном духе. Защищать «Основу» (при уверенности в том, что она была чужда сепаратизму) я не

[1] См. Книгу Влад. Мицкевича: „La Pologne et ses provinces meridionales".

* *Голос*, 1864, № 120; *підп.: Н. Костомаров.*

берусь: ее редактор, г. Белозерский, жив и здравствует, и может, если захочет, защищать свой бывший журнал. Что касается моего в нем участия, то мой обвинитель указывает на обличающие в сепаратизме помещенные в «Основе» три статьи мои, и с умыслом уродует их названия. Так, одну из них он называет «Правда москалям». Под таким названием у меня статьи не было нигде, и была в «Основе» статья: «Правда москвичам о Руси». Она была писана против московских ученых славянофильской партии, с которыми я не соглашался относительно смысла первых страниц древней летописи нашей. Мой обвинитель умышленно переделал слово «москвичам» в слово «москалям», рассчитывая на тех, которые, не читав моей статьи, по слову «москалям», могут вообразить, будто я, в самом деле, написал что-то противное великороссийскому народу и враждебное единству государства всероссийского. Также изуродовал мой обвинитель название другого сочинения моего, назвав его: «Мысли о федеративном начале в Руси», тогда как оно называется: «Мысли о федеративном начале в древней Руси». Умышленным опущением слова «древней», обвинитель хотел своих читателей заставить думать, что я проповедую федеративные начала в настоящей или будущей Руси, тогда как в моей статье дело идет о древнем периоде нашей истории, предшествовавшем образованию московского государства. Статья эта чисто историческая и не может иметь политического характера уже по одной отдаленности от нас описываемого в ней времени. Напрасно г. Волынец не выбросил, кроме слова «древней», еще слова «федеративных»: ведь федеративное и сепаративное диаметрально противоположны между собою. Федеративный сепаратизм есть такая же чепуха, как холодный огонь, светлая тьма, грязная чистота и т. п. Что касается до названия моей третьей статьи: «Правда Полякам», то обвинитель, также умышленно, выбросил слово «о Руси», потому что это окончание названия статьи всякого побуждало бы догадываться, что статья написана в опровержение искажений русской истории, в последнее время так распространенных по Европе польскими писателями. Мой обвинитель ничего не сказал во вред мне приведением одних названий моих сочинений, и притом признал за благо изуродовать эти названия.

Мой обвинитель ставит мне в вину, что я признавал и признаю необходимость перевода евангелия и издания учебных элементарных книг на малороссийском языке. Он обвиняет меня в затее обособить малороссийское наречие и сделать его литературным языком с заднею мыслию обособления Малороссии в особый народ и отдельное государство.

Я никогда не думал об обособлении и создании языка. Мой обвинитель сам же признает существование малороссийского наречия. На этом-то существующем наречии я считал полезным передать народу евангелие и первые начатки воспитания, вовсе не потому, чтоб сделать из наречия особый литературный язык, а потому, что народу удобнее понимать на своем наречии. Тут нет и не может быть ничего сепаративного! Мой обвинитель и ему подобные думают, что это вовсе не нужно; говорят, что народ лучше понимает книжный язык, чем свое наречие. А я имев случай с молодых лет войти в тесное знакомство с сельским малороссийским народом, вынес то убеждение, что наш язык книжный, язык нашего образованного общества, непонятнее для малороссийского крестьянина, чем славяно-церковный, и если желают, чтоб крестьянин понимал евангелие, то нужно ему передать его на его наречии. Таково мое убеждение; у других, может быть, иное. Другие имеют право находить мое убеждение неправильным, но никто не имеет основания видеть в нем злонамеренности. Если б даже кто-нибудь искренно (в искренности пишущих, подобно Малороссу-Волынцу, я сомневаюсь) думал, что эти идеи могут внушить другим сепаратизм, то все-таки нет у них никакого повода подозревать его во мне, когда я говорю, что не вижу во всем этом ни-

чего, что б приводило к сепаратизму. Могут, если угодно, считать меня близоруким, заблуждающимся; я не интересуюсь добрым мнением этих господ о моем уме и способностях; но в государственном преступлении можно только уличать на основании несомненных и ясных фактов...

Мой обвинитель укоряет меня, будто бы я заискивал у академии наук одобрения перевода евангелия, и употреблял разные происки для того, чтобы потом опираться на авторитет академии. Я никогда не просил об этом академию и не имел ни с кем из академиков сношений по этому предмету. Что касается до перевода г. Морачевского, то я даже не видал его.

Мой обвинитель уличает меня в том, что «Метà» назвала меня главою хохломанов. Я «Меты» никогда не видал и не имею об ней ясного понятия. Кто мне поручится, что статьи в «Мету» не посылаются тою же рукою, которая снабжает «Московские Ведомости» статьями в противном духе? Но, как бы ни было, тò, что пишет обо мне какая-то «Мета», не может поставиться мне в обвинение. Я считаю себя имеющим право требовать к себе бóльшего доверия, чем к «Мете», уже и по одному тому, что живу в России. На каком основании можно подозревать в стремлениях, посредством обособления Малороссии и развития ее языка, подготовлять отложение этого края от России, когда я писал порусски несравненно больше, чем по малороссийски?

Мой обвинитель спрашивает меня: «Кто уполномочил, кто просил вас об издании малороссийских книг и евангелия в особенности? Мы помним, что вы сами заявили об этом мысль, со всеми ее софистическими доказательствами; она была встречена у нас, при самом появлении своем, не сочувствием, а самым искренним и глубоким негодованием. Много раз прямо и положительно просили вас и советовали вам потом земляки ваши оставить это дело, но вы не переставали и не перестаете упорно продолжать его, не перестаете, через своих корреспондентов, насильно, хотя и безуспешно, собирать подписки и издавать ни кому у нас ненужные малороссийские книги...»

Здесь, что ни слово, то—ложь.

После моей статьи, напечатанной в майской книжке «Основа» 1862 г., я получил из разных краев Малороссии письма, приглашавшие меня взять на себя сбор пожертвований. Я принял это дело. У меня не было корреспондентов, которые бы насильно собирали деньги. Пусть тот, у кого что-нибудь взяли насильно, укажет на того, кто взял. Вообще лица жертвовавшие мне, незнакомы лично почти все и не принимали от меня поручений: скорее я мог назваться их корреспондентом, чем они моими.

И то ложь, будто я не перестаю собирать деньги...

Цель моя единственно защищаться от полицейских придирок «Московских Ведомостей» и от клевет, которыми эта газета круглый год преследует меня. Еще раз повторю моим обвинителям: или уличите меня несомненными доводами в противозаконных замыслах, так, чтоб, после ваших доказательств, власти осталось предать меня суду, или оставьте меня в покое от ваших нападок и тем докажите, что вы—клеветники. Прошу вас об этом, мои добрые друзья!

28-го апреля 1864 г.

ЗАМЕЧАНИЕ Г. ЛОХВИЦКОМУ.*

Г. Лохвицкий в своей докторской диссертации: «Губернии», мимоходом коснулся высказанных мною много раз понятий о федеративном начале в древней Руси. Так как многоуважаемый ученый смотрит на этот вопрос иначе, чем я, и сверх того приписывает мне такие стремления, каких я не имел, то я считаю необходимым оговориться.

Г. Лохвицкий, во-первых, находит, что слова *федерация, федеративные начала* неуместны, когда идет дело о древней нашей истории; во-вторых, думает, будто я употреблял эти выражения в видах возможности явления какого-то федеративного устройства в настоящей и будущей России, в-третьих, не соглашается со мною в понятиях о народности, полагая, что народностью можно называть только такую, которая имеет историю самостоятельной политической жизни.

Г. Лохвицкий считает федерациею единственно одну современную форму, какая выработалась под условиями западно-европейской жизни. «Такова»,—говорит он,—«федерация американская и швейцарская». Такой взгляд чересчур частен и односторонен. Общечеловеческое явление нельзя измерять одним каким-нибудь его видом, созданным под известными условиями развития жизни и образованности. Тогда все союзы городов и земель, которые видим в таком изобилии в древнем мире (откуда к нам пришло и самое название: федерация), мы должны будем исключить из понятия о федерации. Ведь области древней Эллады, Эолийские и Ионийские колонии, Этрурия, латинские города—все это не подходит под понятие о федерации, на том основании, что тут найдется очень много несходного с американскою и швейцарскою федерациями. В древней Руси весь порядок жизни был запечатлен неопределенностью и неоконченностью форм: сообразно этому, русская старая федеративность не представляет таких признаков, которыми отличаются федеративные общества там, где история успела выработать определенные и сложные формы. Об этом я говорил прежде г. Лохвицкого. Пусть, если ему угодно, потрудится справиться на 365 странице I тома «Исторических монографий и исследований». И теперь мне остается повторить, что русская федерация (если мы ее станем сравнивать с тем, что человечество представляет развитым в этом роде), была еще в начале, почти в зародыше, но все-таки существовала до известной степени. Не может же отрицать г. Лохвицкий, что Галич с своими пригородами и областями (одним словом вся земля червонорусская) сознавал свою автономию отлично от прочих частей Руси, но в тоже время не переставал считать себя русскою землею и находится в условиях политической и общественной связи с остальною Русью. Все же Галичане брали себе князей из одного дома, княжившего в целой Руси; на появление у себя на столе угорских королевичей они смотрели как на явление неправильное; а когда Татары напали на южную Русь, то Галичане послали свои дружины наравне с ополчениями других русских земель. Также

---

* *Санктпетербургские Ведомости*, 1864, № 205; *підп.: Н. Костомаров.*

точно Новгород, дорожа своей местной самостоятельностию, не исключал себя из среды русских земель, и в самой борьбе за свое существование не отрицал права первенства московских князей, не отказывался им повиноваться, как старейшинам между князьями в русских землях, но противодействовал поглощению и слитию частей. Как ни враждовали между собою русские земли и княжения,—нигде никогда не появлялось стремлений отшатнуться от русской жизни, не принадлежать русскому миру, и для Новгорода, Пскова, Смоленска, Рязани—Киев, Чернигов Полоцк, Галич—никогда не были одно и тоже, что Швеция, Польша, Чехия, Угрия! Да, повторяю, древняя Русь, разделенная на земли, раздробленная на княжения, составляла федерацию, которой признаки соответствовали той степени, на какой стояло развитие образованности под условиями местности и исторических обстоятельств. Что эта федерация не была совсем похожа на федерацию XVIII и XIX века—это само собою разумеется, и даже странно было бы искать такого сходства в подробностях общественного устройства. Их сходство ограничивается главными признаками, по которым отличается федерация вообще в истории человеческих обществ: самобытностью частей и существованием связи между частями, которая побуждает все части вместе сознавать себя одним телом. Если-ж мы в наших понятиях об общечеловеческих явлениях отойдем от главных признаков и станем измерять их по мерке западноевропейского развития, то дойдем до того, что перестанем признавать Азиятцев людьми, потому что они во многом не похожи на Европейцев.

Г. Лохвицкий, неизвестно на каком основании, приписывает мне странные стремления к восстановлению удельно-вечевого строя, говорит, «будто я полагаю», что надобно не только изучать этнографические различия, остатки древних племен, «но дать жизнь» этим частям—трудно угадать (говорит г. Лохвицкий) какую, федеративную или сильную провинциальную. По этому поводу, почтенный ученый доказывает, что в наше время нет элементов федеративных, да и не нужно их. «Задача настоящего времени»—говорит г. Лохвицкий—«не в том состоит, чтобы отыскивать следы Кривичей и Древлян и восстановлять их пределы, воскрешать то, что никогда не жило самобытной жизнью, недоросло до нее». Это совершенная правда, и никто в этом не сомневался, но к чему это нравоучение по поводу приводимых им моих понятий о строе древней Руси? Откуда это взял г. Лохвицкий, будто я полагал, что надобно «дать жизнь» удельным землям в настоящее время? Смею уверить многоуважаемого г. Лохвицкого, что мой мозг еще не дошел до такого состояния, чтобы я считал возможным разделить Россию по тем племенам, которые перечисляются на первых страницах нашей летописи и поднять из векового праха Дреговичей, Кривичей, Радимичей и Вятичей. Если я говорил об изучении этнографических следов старины, то для узнания и уразумения старины, а никак не ради ее воскрешения, не с задними целями устраивать Россию на будущее время каким-то федеративным способом на основаниях древнего удельно-вечевого уклада русской жизни. Очень прискорбно мне услышать от г. Лохвицкого, человека достойного уважения, как по таланту, так и по учености, такие отзывы, какие я мог слышать только от каких-нибудь г.г. Говорских и Кояловичей.

Понятие г. Лохвицкого о народности чрезвычайно односторонно. «Под народностию—говорит он—разумеется только народность историческая, т. е. такая, которая жила самостоятельной политической жизнью, имела регулярные учреждения, свою мысль, свою литературу, свою историческую задачу. Вне этих условий нет народности». Но все, перечисленное здесь г. Лохвицким, не составляет отнюдь признаков народности. Австрийская империя совмещает в себе все признаки, указанные г. Лохвицким, но мы не знаем австрийской народности, а знаем государство, в котором целая дюжина

народностей. Г. Лохвицкий умалчивает о том, что составляет существенные признаки народности и перечисляет только то, к чему, между прочим, стремится развивающаяся народность. Но признавая право народности только за такою, которая имела свою историческую задачу, г. Лохвицкий едва ли найдет что-нибудь отвечать нам на следующее замечание: историческую задачу, смотря по историческим обстоятельствам, можно выполнять шире и уже, продолжительнее и короче; одним народностям судьба дозволила развить свою задачу самым богатым образом, а у других это развитие остановилось на половине пути. Где же границы, по которым такая или иная народность получит право вступить в число привилегированных народностей г. Лохвицкого? Г. Лохвицкий указывает на Австрию и говорит: «только австрийская политика придумала сочинять народности из племен, никогда не живших историческою жизнью, с целью разорвать, ввести междоусобие в действительные исторические народности, составляющие то искусственное тело, которое называется Австрийскою империей». Любопытно было бы, если-б г. Лохвицкий указал нам, какие это действительные народности, и какие сочиненные австрийской политикой?

Г. Лохвицкий говорит, что я понимаю слово народность иначе, как велит понимать наука права. Но никакое право не может создать народности, не на науке права можно уразуметь народность; для этого руководящею нитью могут служить филология, этнография и история, не только такая история, которая повествует о войнах, дворцовых событиях, парламентских собраниях, но и такая, которая скажет нам, как чувствовал, думал, страдал, терпел, надеялся и сознавал себя народ, хотя бы не игравший шумной политической роли или давным-давно ее отыгравший и на многие века погребенный в своих хижинах. В приложении этого взгляда к русской истории, мы убеждены в необходимости изучать основательно во всех видах этнографические особенности русского народа с целию отыскать в них следы старины, которые бы нам помогли уразуметь нашу прошлую историю; подозревать же в изучающих тайные намерения воскресить отжившее столь же нелепо, как и в самом деле думать о возможности такого воскрешения.

Сентября 7-го 1864 г. Спбург.

ЛЕКЦИИ Г. КОЯЛОВИЧА ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ РОССИИ. *

Г. Коялович, печатая в «Дне» свои лекции, по истории западной России, приглашал указывать ему ошибки. Принимаем на себя смелость исполнить его желание.

Г. Коялович ставит предметом своего исторического созерцания народ, и называет его «западно-русский народ», и жилище ему назначает сообразно андрусовскому договору 1667 года, когда московское государство принуждено было уступить Польше завоеванные у ней перед тем земли по правую сторону Днепра. «Под именем Западной России нужно разуметь (говорит г. Коялович) не одну Белоруссию и Литву, а вместе с ними и Малороссию, т. е. нужно разуметь всю ту страну, которая лежит на запад от Днепра и югозапад от Двины до границ Царства Польского и австрийской империи». К сожалению, г. Коялович в определении народа западно-русского становится на ложное основание, и не хочет сам себе уяснить: что̀ такое народ и по каким признакам он определяется. Г. Коялович говорит: «Он (т. е. этот народ) очень велик, простирается до $8^1/_2$ мильйонов, и хотя разделен на три племени—литовское, белорусское и малороссийское, но два последние племени, родственные между собою, и в своей исторической жизни тесно связаны с третьим, именно литовским. Весь этот народ» и проч.

Что̀ это за народ, когда г. Коялович включает в него племя, говорящее языком совсем иного корня от того, которым говорят два другие? Разве можно считать Литовцев Русскими на том основании, что они живут на почве, принадлежащей, по праву оружия, российской империи? Мало ли в России в разные времена завоеванных инородцев: все они подданные российского государства, но никто не считал и не считает их Русскими. Спросите у любого Казанца, и старого и малого: Русские ли Татары, живущие в Казани, Русские ли Черемисы, обитающие в Казанской губернии?

Ни один Русский не назовет их Русскими, потому что всякий сознает свое собственное отличие от инородцев. А между тем более трехсот лет прошло, как они завоеваны царем московским Иваном Васильевичем. У г. же Кояловича подобные инородцы включены в *западно-русский* народ.

Особность народную дает, прежде всего, язык. Это—главный признак, по которому известная группа человеческого населения признается имеющею народную физиономию в бо̀льшем или мѐньшем отличии от прочих. За этим главным признаком для наблюдателя следуют географические и исторические особенности. Мы понимаем слова «русский народ». Строение языка дает нам право причислять Малоруссов, Белоруссов, Великоруссов, со всеми их подразделениями к одной русско-славянской ветви, так точно, как подобная связь языка, и дальнейшей степени, указывает на сродство с Русскими Сербов, Чехов, Болгар, Поляков, по единству славянского происхождения. Подобным образом еще более далекая связь языков указывает на родство

---

* *Голос*, 1864, № 118, 30 апреля; *підп.: Н. Костомаров.*

Славян, Немцев, Литовцев, Греков в единстве индоевропейского племени. Но мы не понимаем западно-русского народа г. Кояловича. Он толкует о малороссийском племени и ограничивает предмет своего исследования Днепром, когда на восточной стороне Днепра живет тоже малороссийское племя. Он не хочет знать Галиции, когда ее населяет тоже малороссийское племя. Точно также, г. Кояловичъ забываетъ, что белорусское племя обитает не только за Двиною и Днепром, в указанном им для западно-русского народа пространстве, но населяет за Двиною Витебскую губернию, значительную часть Псковской, заходит даже в Новгородскую и Тверскую, а за Днепром населяет Могилевскую и значительную часть Смоленской. Очевидно, при определении народа, г. Кояловичъ ставитъ ни во что языкъ. Если же это так, то на чем он основывает отличие малороссийского племени от белорусского? Почему он причисляет малороссийское и белорусское племя к особой группе западно-русского народа, в отличие от великорусского? По нашему крайнему разумению, рассматривать эти две ветви русско-славянского племени вместе, но отдельно от Великоруссов, в смысле особого от последних единого народа, можно было только показавши признаки, общие Малороссам и Белоруссам и чуждые Великоруссам, и доказавши относительную важность этих признаков для образования понятия о народе. Этого не сделал г. Кояловичъ. Он сообщил намъ, в этом отношении, только одно любопытное известие. Где об'единяется малороссийская и белорусская речь, там по словам Кояловича, «выходит замечательное явление—от этого об'единения выходит речь чисто великорусская. Например, помалороссийски *«тэпэр»*, побелорусски: *цяперь*. Малоросс, делая уступки Белоруссу, смягчает свое э, а Белорусс уступает свое *и, я*, заменяет их буквами *т*, и выходит: *«телерь»*. Не думает ли г. Кояловичъ указать намъ важное открытие в области славянской филологии и истории, что из смешения малороссийской речи с белорусскою возникает великорусское наречие? Не доищемся ли мы таким образом происхождения этого наречия? В таком случае, г. Кояловичу следовало не ограничиваться одним таким примером, какой он решился привести; а то, при чтении вышеприведенных строк г. Кояловича, невольно приходит на память следующее место из малороссийской комедии Квитки: «Ось озьдечка Михайлов, а оттутечка Миняйлов, так оце, будучи, узявши від Михайлова хер-аз-ха-ха-ій, тай притулиты до Миняйлова, а від его вырваты наш-аз-на-на-ій та й залатати дірку, будучи, у Михайлова. Ось так усе учені роблятъ! (Драм. соч. Г. Квитки, Стр. 8).

Пусть г. Кояловичъ простит намъ это сравнение; мы возьмем его назад, коль скоро он раз'яснит брошенную им мысль о появлении великорусского наречия из об'единения малорусского с белорусским. До сих пор намъ казалось, и по прочтении лекции г. Кояловича продолжает казаться, что славяно-русский народ разделяется на две главные ветви южно-русскую и северно-русскую со второстепенными разветвлениями каждой. Белорусская принадлежит к разветвлениям последней, хотя, в силу исторических обстоятельств, часть ее значительно обособились. Считать южнорусское племя с белорусским за один западнорусский народ нет оснований; совместное исследование их судьбы без Великороссии допустить можно только по отношению к государственному единству, соединявшему их под властью Польши; но в таком случае, касаясь их народного существа, следовало бы дать о нем ясное понятие. Литву же ни в каком случае нельзя причислять к русскому народу: она принадлежит к инородцам, как Татары, Черемисы, Мещеряки и другие народы неславянского племени, живущие в российской империи. Некоторые, быть может, желая оправдать г. Кояловича, скажут, что все это справедливо только в этнографии, а г. Кояловичъ пишет историю: мы заранее ответим на это, что, при современном состоянии исторической науки, нельзя браться за

историю без этнографической подкладки. Сам г. Коялович это сознает, когда толкует (к сожалению, не в попад) о народностях.

Излагая древнюю историю западнорусского края, г. Коялович не подумал о духе времени, которое он описывает, и признает за нашими удельными князьями такие побуждения, какие им не могли придти в голову. Так, разорение Киева Андреем Боголюбским в 1169 г. он приписывает глубоким соображениям этого князя, находившего, что жизнь Киева стала ему помехою в великом деле борьбы русского народа с азиатским миром! Точно как будто Андрей окидывал орлиным взглядом все поле будущей истории русской, словно профессор этого предмета с кафедры. Чем же мешал Киев Андрею в борьбе Русских с азиатским миром? Андрей воевал с Болгарами: разве Киевляне помогали последним? Разорение Киева об'ясняется проще—властолюбием Андрея и взаимною враждою Суздальцев и Киевлян, которая очень рельефно выразилась в то время, когда Киевляне, по смерти князя Юрия, родителя Андрея, перебили Суздальцев в своей земле. Понятно, что служившие в войске Андрея Суздальцы неистово мстили Киеву за убитых своих отцов и братьев. Г. Коялович приписывает полоцкому князю Всеславу *широкие идеи* также произвольно, как и известный науз, что Всеславу навязала мать на голову, по совету волхвов, что об'ясняет, без всякого основания, колтуном. Пусть читатели справятся с летописями, и легко увидят, что широкие идеи в голове Всеслава и колтун на голове этого князя существуют только в лекциях г. Кояловича... Уж не увлекается ли почтенный профессор «Словом о полку Игоря»? Но ведь он здесь говорит о действительном Всеславе, каким он изображается в своих поступках, описываемых древнею летописью, а не о том, который стал мифом в поэтических преданиях. Так же произвольно г. Коялович приписывает Глебу минскому *желание создать прочную силу на неблагодарной земле белорусской* и доказывает это тем, что Глеб нападал на соседние области, уводил оттуда народ и селил в своей области. Не один Глеб так поступал в белорусской *неблагодарной* земле: князь киевский Ярополк в то же время заселял киевскую *благодарную* землю пленниками, набранными на кривской (белорусской) земле. В оные отдаленные времена земли было вдоволь, людей мало; оттого-то, воюя между собою, князья старались наловить побольше пленников и поселить их в той земле, где княжили, чтобы иметь работников. Нельзя подозревать в известном историческом лице тех или других побуждений, единственно на том основании, что совершившиеся факты наводят на мысль о возможности происхождения их от таких побуждений. Нужно еще сообразить: согласовалась ли эта возможность с духом времени, с воспитанием исторических лиц, о которых идет дело. У наших удельных князей (за исключением очень немногих) трудно отыскать глубокие планы, широкие идеи и замысловатые предположения. Обычная героическим векам удаль чаще всего была главнейшим побуждением войн и междоусобий.

Г. Коялович говорит о полоцкой истории вот какие новости:

«Частые смуты и перемены князей, а также бессилие белорусского народа, произвели то, что в Белоруссии получили большое значение бояре и городское население. К концу XII века, они в Полоцке устроили что-то в роде республиканского правления, под управлением 30 мужей, т. е., такой род правления, который меньше всего может принести пользы, когда нужно решать трудные государственные задачи,—а такие задачи и предстояло решать Полоцку. Подле них поднимались Литовцы; подле них вскоре затем утвердился ливонский орден. Полоцк пал, и даже раньше поселения ордена. В 1181 году им овладел литовский князь Мингайло. Полоцкие князья, вследствие этих обстоятельств, рассеялись к юговостоку от Полоцка, по маленьким городкам Белоруссии, и навсегда потеряли свое значение».

Этих известий о покорении Полоцка Мингайлом и об установлении чего-то в роде республиканского правления из тридцати мужей—нет в наших летописях. Г. Кояловичу следовало бы непременно указать: откуда он заимствовал эти факты. По справкам оказывается, что он взял их из так-называемой литовской летописи, писанной польско-русским книжным наречием. Есть много вариантов этой летописи; в них пространнее, в других сокращеннее рассказывается древняя история Литвы. По одному из этих вариантов в рукописи императорской публичной библиотеки (за указание которой я обязан А. Ф. Бычкову) читается следующим образом событие взятия Полоцка Миндайлом (а не Мингайлом).

«Року 1265 князь Миндайло, пануючи на отчыстых своих княжествах, а панове Полочане уфали в своей волности, суседов на войну вызывати почали, которой сваволи не могучи болш терпети, князь новгородский Миндайло Радивилович взялся за кривду поданных своих, прибравши войско з Руси и Литвы, тягнул просто до Полоцка, хотячи гордость Полочан смирити; учувши тое Полочане, зараз казали ударити в звон, зачим все посполство зараз зобралося в посаду и волостей околичных, также теж из инших держав своих, которые передтим до князства полоцкаго приналежали, изгромадили люду около тысячи двадцати ушиковавши оный 30 мужев, або сенаторов (выбрали?), вышли против Миндайла с Полоцка и положилися обозом под городом замка своего, а Миндайло справившися в Новгорожаны и Литвою, смело на них з великим криком ударил, бо видел хлопов без военной справы; обачивши тое Полочане же им потужне неприятель доспевает, заразом подали тыл, которых Новгорожане и Литва били, секли и имали, и Городець под замком, где его были подкали, спалили, и кончачи звитязство того дня до Полоцка притянули, що видячи, стривожене посполство отворили меские и замку полоцкого ворота, поддаючися ему доброволне, и так Миндайло перший з княжат литовских княжатем полоцким и новгородским зостал».

Летопись, где записано это известие, носит в себе слишком много признаков недостоверности вообще и приведенного события между прочим:

1) Она вначале наполнена баснями о происхождении Литовцев от Римлян и о событиях в глубочайшей древности, которых ложивость давно уже признана ложною

2) Она насчитывает от Миндайла до Тевтивила в Полоцке несколько князей, княживших значительное время один за другим, именно: после Миндайла его сына Гинвила, потом сына Гинвилова Бориса, потом Глеба, Борисова сына. Потом—Полочане управлялись без князя; а потом уже сделался у них князем Тевтивил, племянник Мендога или Миндовга, князя новгородко-литовского; тогда как, по достовернейшим источникам, Тевтивил княжил в Полоцке еще до 1263 года, когда был убит. (Ип. спис. 203).

3) В половине XIII века там заставляют действовать таких князей, которых не было тогда в живых, и помещают некоторых князей в таких городах, где, по достоверным источникам, были другие князья. Например, о Мстиславе Романовиче, убитом в 1224 г., на Калке, рассказывается, что он был долго в плену у Татар, а потом воевал с сыном Миндайла после 1268 г., вместе с союзником своим Владимиром Рюриковичем, тогда как и последнего не стало на свете еще в 1239 году. Кроме того рассказывается подробно о войне против Литовцев татарского хана, Кордана, вместе со Святославом киевским и Львом владимирским, тогда как ни по каким достоверным источникам не было хана Кордана; в Киеве не княжил в то время Святослав, а Лев был Галицким, а не Володимирским князем. Во Владимире же до 1271 года был князем дядя его Василько, а потом сын Василька—Владимир, до 1288 г., когда передал княжение сыну Мстиславу.

4) По языку эта летопись обличает позднейший состав и нет указания, откуда заимствованы известия о событиях XIII века.

Притом там есть известия, взятые из Кромера, Стрийковского, Бельского и Гванини: это показывает, что летопись составлена не ранее начала XVII или конца XVI века.

Г. Кояловичъ видѣлъ несостоятельность своего источника и приурочилъ сообщаемое имъ извѣстіе по-своему. Такимъ образомъ, и лѣтописи, служившей ему источникомъ, избраніе 30 мужей сенаторовъ представляется дѣломъ поспѣшнымъ, вызваннымъ нападеніемъ Миндовга, мерою временною. Г. Кояловичъ же представилъ его какъ постоянное политическое учрежденіе, предшествовавшее нападенію Миндовга, и вошелъ въ размышленіе о несостоятельности такихъ учрежденій, вообще, для рѣшенія государственныхъ задачъ. Онъ отнесъ завоеваніе Полоцка къ 1181 году—мы не знаемъ, на какомъ основаніи. Вѣроятно, ему попался какой-нибудь иной вариантъ этой сказочной лѣтописи, и онъ обрадовался, что можетъ кое-какъ согласить анахронизмъ своего источника. Но все-таки и тутъ не удается ему. Намъ извѣстно, что, въ концѣ XII вѣка, въ Полоцкѣ княжилъ князь Василько, въ началѣ XIII вѣка князь Владиміръ (Васильковичъ), при которомъ пришли крестоносцы и которымъ онъ, какъ господинъ надъ берегами Двины, позволилъ поселиться; намъ извѣстно, что потомъ былъ въ Полоцкѣ князь Брячиславъ, тесть Александра Невскаго. Это были князья прежняго дома. А у Кояловича представляется, будто съ 1187 г., еще до водворенія ордена въ Ливоніи, въ Полоцкѣ уже пересталъ княжить старый княжескій домъ. Если г. Кояловичъ почему-либо считаетъ достовѣрными сказки, заимствованныя имъ изъ позднѣйшихъ лѣтописей, противорѣчащихъ древнѣйшимъ, то долженъ былъ представить свои доводы, а не вводить подобныхъ сказаній въ научное сочиненіе, не заявивши даже откуда онъ ихъ заимствуетъ.

Въ изложеніи исторіи Червоной Руси и Волынской земли г. Кояловичу также несовсѣмъ удается. Въ княженіи Ярослава Галицкаго, котораго «Слово о полку Игоря» называетъ Осмомысломъ, г. Кояловичъ видитъ какихъ-то *мелкихъ галицкихъ князей, которые сидѣли по Бугу, въ Бресте, Дрогичине, Брянске.* Но тогда именно не существовало никакихъ галицкихъ князей кромѣ Ярослава и двоихъ сыновей его, изъ которыхъ одинъ былъ *побочный*. По мнѣнію г. Кояловича, «дружба и родство галицкихъ князей съ венгерскими и польскими королями вносила чужіе элементы, производила рознь въ семьѣ княжеской, порождала преступныя связи, подорвавшія совершенно наслѣдственныя права князей». Говоря о преступныхъ связяхъ, г. Кояловичъ, безъ сомнѣнія, намекаетъ на то, что Ярославъ не взлюбилъ свою жену и жилъ съ любовницею, а сынъ его Владиміръ, преданный пьянству, связался съ какою-то попадьею. Неужели для подобныхъ порочныхъ явленій на Руси необходимо вліяніе польское и венгерское? Стало быть все, что у насъ свое, русское, то хорошо и нравственно, а что мы найдемъ у себя худого и безнравственнаго, то—слѣдствіе чужого вліянія? Но если русскій князь бросилъ жену и связался съ любовницею, потому что подпалъ вліянію венгерскому и польскому, то подъ чьимъ вліяніемъ русскій народъ сочинилъ такую пѣсню:

Чужи жены, молодушки, лебедушки, бѣлые,
А моя шельма—жена полынь горкая трава?

Замѣтимъ г. Коловичу, что онъ неправильно употребляетъ слово «княжество». У насъ княжествъ до Татаръ не было, и нигдѣ въ древности не употреблялось это слово. Подъ словомъ «княжество» можно разумѣть опредѣленную территорію, принадлежащую государю, подъ именемъ князя. У насъ не было такихъ территорій. У насъ были земли и *княженія* въ земляхъ, а не княжествахъ; иными словами—наши области до Татаръ получали свою автономію не по принадлежности ихъ лицу владѣтеля въ опредѣленныхъ границахъ, а по населенію, составлявшему группу, которая сознавала свою цѣльность и отличіе отъ другихъ. Это и называлось *землею*.

ОТВЕТ НА ОТВЕТ г. КОЯЛОВИЧА *.

Г. Коялович, печатая в «Дне» лекции, вызывал желающих указывать ему ошибки. Я принял за чистую монету его слова, и напечатал в «Голосе» несколько замечаний; но, к моему прискорбию, г. Коялович находит, что статья моя написана «с явным раздражением, с неоспоримым сильным гневом», тогда как я писал в совершенно спокойном духе и не имел никакого повода к гневному чувству в отношении г. Кояловича. Хотя г. Коялович и желает, чтобы я продолжал с ним спор, но это очень затруднительно: если я буду заявлять несогласие с его взглядами и мнениями, он станет видеть во мне все бо́льший гнев и принимать за личное себе оскорбление каждое мое возражение. Вот что́ говорит г. Коялович:

«Если г. Костомаров не откажет мне в дальнейшем содействии, о котором я прошу его убедительно, то гнев его неизбежно будет подниматься crescendo, и доведет его до такого состояния, в котором мне не будет никакой возможности отличать Николая Ивановича от таких противников, которых мне может дать только лагерь заядлых Поляков шляхетского типа».

Признаюсь, мне вовсе нежелательно быть, по мановению г. Кояловича, отведенным в такое общество, где я не могу ожидать себе хорошего приема, судя по тому, как до сих пор были встречаемы и толкуемы мои сочинения.

Впрочем, сказать теперь г. Кояловичу приходится мало. Относительно вопроса о западно-русском народе не может быть недоумений. Сам г. Коялович сознается (хотя вскользь), что ему следовало бы выразиться: народ Западной России, а не западно-русский народ. Нам кажется, ему следовало бы, для точности, говорить везде: *население Западной России*, и тогда он мог бы включить в это понятие народы, не обращая внимание на их этнографическую связь. О древности белорусского племени я выразился в своем возражении сжато, и потому, может быть, неточно; это дало повод г. Кояловичу толковать мои слова, будто я считаю Белоруссов моложе Великоруссов, тогда как о древности Кривичей я писал прежде г. Кояловича. Вообще, в своем возражении я хотел сказать, что белорусское и великорусское племена находятся между собою в бо́льшой близости, чем с малороссийским, и потому могут считаться нестолько ветвями одного народа, сколько разветвлениями одной ветви. Более ничего. Что же касается до Полоцка, Мингайла [1] литовских летописей и их баснословных известий, то мне пока приходится оставаться с тем, что́ я говорил об этом предмете в моем возражении, ибо г. Коялович представляет не доказательства, а предположения и догадки. Замечу, что в некоторых, известных мне списках литовской летописи нетолько многие известия заимствуются из Стрийковского, Бельского, Гваггини, Крамера, но даже указывается на это заимствование. Удивляюсь, как это г. Коялович, которого у нас считают лучшим знатоком истории великого княжества литовского, может давать высокую цену истории Нарбута, страдающей отсутствием критики! Странно, что г. Коялович *меня* приглашает раз'яснить: не происходило ли в полоцкой земле так, как воображается г. Кояловичу. Ему самому следует доказывать справедливость своих догадок, а не бросать их другим на высиживанье, словно кукушка свои яйца.

Г. Коялович находит мое замечание о различии слов *княжество* и *княжение* пустословием; я же считаю это чрезвычайно важным вопросом в русской истории, ибо со словом «княжество» (перешедшим к нам из Польши через Литву) соединяется западное понятие о территориальной власти вла-

---

* *Голос*, 1864, № 127, 9 мая; *підп.: Н. Костомаров.*

[1] Я не думал защищать Михгайла против Мингайла и согласен с. г. Кояловичем в правильности первого способа написания этого имени. В своем возражении я сделал намек, желая показать, что в том списке, которым я пользовался, написано Михгайло.

детелей, тогда-как слово «княжение» выражает условия нашей древней жизни, отличной от западной. Впрочем, об этом здесь не дозволяют распространяться пределы газетного замечания, да и напрасно было бы толковать, когда г. Коялович заранее назвал это пустословием. Мы поговорим об этом подробнее с другими, а не с г. Кояловичем.

Г. Коялович уверяет, будто я смотрю *на Великоруссов, как на каких-то каналий, от которых нужно держать себя подальше, и с утра до вечера, на каждом шагу показывать им, что мы их понимаем, т. е. показывать им постоянно всю их негодность, все плутни, все беззакония.* Г-н Коялович *мог бы доказать, что этим взглядом проникнуты все исторические сочинения г. Костомарова.* Что же? Зачем дело стало? Буду ждать грозного обличения. Но так как эта мысль не была заявлена прежде г. Кояловичем, а высказана им только тогда, когда его самолюбие оскорбилось тем, что я осмелился не согласиться с его взглядами и мнениями в области истории Западной России, то не напоминает ли этот маневр г. Кояловича бессмертных миргородских помещиков, которые, заспорив между собою о *гусаке*, увлеклись за пределы избранной для своего спора специальности и стали обличать друг друга в противозаконном поведении, и даже перенесли обличения на своих сестер, отцов и матерей? Всего забавнее для меня предпочтение, которое отдает г. Коялович пред всеми моими сочинениями давней брошюре об унии, писанной с целью быть магистерскою диссертациею, но по справедливости неудостоенной этой чести[1]. Я был тогда еще очень молод и взялся за предмет, требовавший многолетнего изучения и знакомства с источниками, до которых я не мог иметь и доступа. Странно, что такая дрянь могла обратить на себя милостивое внимание ученого, издавшего о том же предмете двух-томное сочинение!

8-го мая 1864 г.

---

[1] Замечу мимоходом, что эта брошюра навлекла на себя нарекания именно за направление, противоположное тому, какое в ней отыскивает г. Коялович! Должно быть этот факт ему был неизвестен.

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ РОССИИ М. КОЯЛОВИЧА, 1864. *

Случалось нам слышать, как люди, мало знакомые с процессом изучения истории, дают советы занимающимся этим предметом: «вы бы написали краткую историю для преподавания или для всеобщего чтения». Им это кажется легко, потому что они судят по наружности: мала книжка, недолго писано; стало быть писать было легко. Между тем, составить небольшое, по об'ему, сочинение об истории края или периода бывает гораздо труднее, чем написать многотомное сочинение о том же самом предмете: очертить в немногих словах, представить в сжатом образе исторические явления возможно только тогда, когда мы изучили их подробности, когда мы владеем большим запасом фактов (и притом, проверенных критикою и осмысленных), из которого можем брать то немногое, что признаем особенно важным. Для подобных коротких исторических сочинений, русская история представляет гораздо более затруднений, чем история Западной Европы, для которой существует уже достаточно исследований по частным вопросам и монографий, облегчающих труд. Но в сфере русского бытописания самая необработанная, самая необследованная часть—это история Западных провинций Российской Империи, составлявших некогда государство под именем Великого Княжества Литовского. По этой части нашей русской истории является короткое в 393 стр. in 12°, сочинение под названием «Лекции по истории Западной России». Относясь с уважением к научной истине, трудно решиться на такое смелое дело, как составление краткой книги о Западной России. Эти лекции страдают отсутствием предварительной критики источников. События вовсе небывалые или искаженные до нельзя, вносятся в них, вопреки ясным свидетельствам достоверных источников. Когда эти лекции печатались в «Дне», в «Голосе» уже было говорено, как в них извращалась первобытная история Литвы и Белоруссии, на основании неповеренных критикою так называемых, литовских летописей. При издании лекций не принято труда вдуматься в достоинство этих летописей...

Мы не считаем уместным повторять того, что было сказано в «Голосе» по поводу первых из этих лекций, в которых ничего неизменено против напечатанного в «Дне»; но, разделяя вполне все, что было тогда писано по этому поводу в «Голосе», так же точно, как бы написанная там статья была наша собственная, мы стали рассматривать эти лекции с того места, на котором остановился разбор их в «Голосе». Пробегая их лист за листом, мы увидали то пропуски важных событий, то анахронизмы и неверности, то недостаток очертания излагаемых событий, то ложные выводы и повсюду какую-то дряблость исторического мышления. Приводить все подобное, что можно встретить здесь, не дозволяют нам пределы газеты, да и незачем утомлять читателей примерами из такой книжки, в которой достаточно указать несколько мест, чтобы понять, что она такое. Возьмем кое-что на выдержку.

---

* *Голос*, 1865, № 6; *підп. Иван Богучаров.*

В этих «Лекциях», между прочим, говорится, будто св. Ефросинья Полоцкая происходила из рода Мингайла (небывалого), тогда как из древних списков житий ее видно, что она—дочь Юрия Всеславича и, следовательно, из рода Брячислава, да по ипатьевскому списку можно проследить ее родословную. На стр. 133—134 говорится, «что славянский язык не выработал слова, соответствующего западно-европейскому город. Город — град у славян значит крепость. Были у них крепости, деревни, села. Торговля славянская обыкновенно находила приют у городов, но большею частью это была подвижная, странствующая торговля, нечуждая военного характера». Нет. Славянский язык не представляет, в этом отношении, особенности от других языков Европы, что у других народов называется: Stadt, cité, city, città, у славян то самое: miasto, mêsto, misto, посад, т. е. населенная местность, обыкновенно под защитою укрепления, сделавшаяся центром торговли и промышленности. Торговля подвижная, странствующая, нечуждая военного характера, также не есть что-нибудь принадлежащее исключительно славянскому племени, а явление общее всему человечеству, в известные периоды развития. Призвание Казимиром Великим немцев и иудеев в Польшу об'ясняется тем, что поляки (при Казимире, которого история называет королем хлопов) не хотели допустить хлопства до возвышения. Нет. В источниках не указывается именно такой причины. Событие это об'ясняется проще— проходящим через всю историю Европы явлением, что Восток тянул к Западу, где сохранялись остатки прежней образованности, и где поэтому удобнее и скорее развивалось новое; и таков общий закон человечества, что менее образованный край принимает к себе более образованное население. Странно, что в этих лекциях совершенно упущен в высшей степени занимательный факт правления Владислава Опольского в Червоной Руси, когда в первый раз произошли поразительные примеры насилия над православными. О католическом апостольстве Людовика Венгерского также не сказано ни слова. Напротив, городельскому сейму 1413 (стр. 168) придается гораздо больше значения, чем он имел и мог иметь. Правило, постановленное на нем, о допущении к дворянским правам одних исповедающих латинскую веру, не имело большого приложения. Это был скорее проект закона, чем в самом деле действующий закон. Поставить латинскую церковь господствующею в Руси было тогда не возможно столько же, как и слить с Польшею. На 162 стр. «Лекций» мы узнаем, что после городельского сейма в Витовте оказалось отупение тех высоких инстинктов, стремлений, которыми так полна была эта велика душа. Но его (говорят те же «Лекции») спасли татары. Как это? А вот как: «Он имел влияние на южное средоточие татарской силы в Крыму, даже часто назначал туда ханов. Некоторые из этих ханов, как Тохтамыш, жили в Литве, находя здесь убежище и помощь против своих врагов. Благодаря этим удачным делам Витовта, значение его на Востоке поднялось очень высоко. Оно сделалось вскоре очень важным и для Запада».

Отсюда «Лекции» выводят и с'езд государей в Луцке в 1429 г. и проект коронования Витовта. Нет. Не крымские ханы искали убежища и помощи в Литве. Крымом владел тогда сильный Эдигу или Эдигей, который, разорив киевскую святыню в 1416 г., не раз давал себя знать Витовту и, хотя впоследствии, помирился с ним, но как равный с равным, а не как назначенный Витовтом. Крымское отдельное царство тогда еще не образовалось. Искал убежища в Литве Бетзебула, сын Тохтамыша; но не мог он поднять значения Витовта, потому что великий князь литовский дал ему помощь, но царствовавший в Золотой Орде Керимберда победил его и убил. Потом скрывался в Литве другой брат Яримберда; этому удалось победить Керимберда, но сам он не долго царствовал в Золотой Орде. События эти не так важны, чтоб могли поднять значение Витовта не только на Востоке, но и на Западе.

Они раздуты, преувеличены и искажены в литовских летописях, а составитель лекций поверил им без всякой критики. Поводы к с'езду в Луцке и к проекту коронования были совсем другие и очень известны. Между ними и восточными делами Орды слабое соотношение. Не спасали Витовта татары от *отупления*, да и самого этого *отупления* не поискать ли в какой-нибудь иной голове, а не в витовтовой?

О Сигизмунде I говорится в «Лекциях» следующее: «При Сигизмунде I, обыкновенно называемом справедливым, положение русских православных походило на положение христиан в Турецкой Империи». Странное известие! Оно противоречит свидетельствам православных людей конца XVI и начала XVII века, которые вспоминали о временах Сигизмунда I, как о таких, когда русским было хорошо. Так например, на сейме 1587 г. пан Мелешко говорил: *«Але Жигимонта первое солодкая память его, бо тот немцов як собак не терпел и ляхов за их хитрости весьма не любил; а Литву и Русь нашу любителне миловал»*. Как бы мог отозваться о Сигизмунде I таким образом православный пан, еслиб при этом короле положение единоверцев его было похоже на положение христиан в Турецкой Империи? А вот другой отзыв начала XVII века (см. имп. публ. библ. разнояз. рук. IV, 25): *«Блаженной памяти король Сигизмунд I сим строил и обогащал русские церкви наравне с католическими. Он поправил и наделил имениями монастырь св. Спаса, основанный русским князем Львом Даниловичем. Для чего Сигизмунд III не поступает, как поступал Сигизмунд I? Зачем Сенат не старается, чтоб русский народ оставался при том уважении, каким пользовался при Сигизмунде I?!»* Но, что всего поразительнее, сам автор «Лекций», в прежнем своем сочинении: «Церковная Уния» отзывается о временах Сигизмунда I совсем иначе, чем в своих «Лекциях».

На стр. 282—283, «Лекции» показывают, как автору их известна история козачества. Он рассказывает, что событие убийства Кунцевича в 1623 г. «повело к важным последствиям. Поляки начали стеснять козаков, а козаки заволновались. *Запорожская Сечь* выставляла одного за другим вождей, как например Тараса, Павлюка, которые сокрушали польскую власть на Украине и жестоко расправлялись с панами, жидами и ксендзами. Польша посылала против них войско. Завязывалась упорная борьба. Успех чаще всего бывал на стороне поляков, тогда еще очень сильных. Но Польша не могла окончательно расправиться с козаками. Ее отвлекла шведская война 1626—9 г. Борьба возобновилась с большею решительностью в 1631—2 г., между тем же Павлюком и гетманом Конецпольским. Но опять неожиданное событие отсрочило ее: в 1632 г. умер Сигизмунд II», etc. Совсем не так делались эти дела на свете, как об них рассказывается в «Лекциях». Возмущение Тараса не было разом с Павлюковым. Тарас поднялся в 1630 г., через 7 лет после смерти Кунцевича. Между последним событием было одно козацкое восстание—Жмайла, важнее Тарасова, если уже упоминать о козацких восстаниях, то не следовало пропускать его. Но чтоб убийство Кунцевича было прямым поводом какого бы то ни было козацкого восстания—об этом мы слышим в первый раз. Павлюково восстание происходило не в 1631 г., а в 1637, и козаки бились тогда вовсе не с Конецпольским, а с Потоцким. О Тарасовом восстании мы мало знаем, а о Павлюковом, напротив, есть подробнейшие сведения в Дневнике Окольского и в актах, хранящихся между рукописями публичной библиотеки. Религиозные вопросы вообще в козацких восстаниях играли второстепенную роль, а потому нельзя выводить эти восстания из событий церковной истории.

Чтоб познакомить читателей со способом исторического мышления г Кояловича, укажем хоть вот на что: между рубриками пред 6-ю лекцией встречается такое громкое выражение: *Историческая задача Чехии и Поль-*

ши. Это выражение возбуждает любопытство. Посмотрим: в чем состоит и состояла историческая задача Чехии?

На стр. 103-й мы узнаем, что у «западных славян возникли государственные пункты в Моравии и Болгарии. В IX столетии эти пункты усвоют великое цивилизующее начало—восточное вероисповедание». На стр. 104-й нас поучают, что «это вероисповедание необыкновенно быстро распространилось между всеми западными славянами: латино-германский мир сильно восстал против восточного вероисповедания между западными славянами и подавлял его всеми мерами». До сих пор все это такие вещи, которые мы все знали, хотя без прикрас чувствительности к западным славянам IX и X веков. Но далее г. професор говорит нам, что мы заблуждались, слепотствовали, а он единый уразумел истину и теперь нас хочет озарить светом. «Обыкновенно думают—речет г. професор—что он (латино-германский мир) сам, своими средствами подавил его (восточное вероисповедание) у них (у славян)». Но мы позволим себе думать, «что латино-германский мир едва ли успел бы в этом, еслиб ему не помогло следующее, постороннее и неожиданное обстоятельство, на которое, сколько нам известно, мало обращают внимания, между тем, как оно имело в этом случае решительное значение». Что это за новую Америку открывает нам в истории славян наш ученый?

На стр. 105-й мы узнаем, что «в X столетии чрез Карпатские горы перекинулись (?!!!) остатки гунского (sic) племени, угры или мадьяры, основали свое государство между Карпатскими горами, Дунаем и почти до Адриатического Моря. Они разорвали собою западных славян на две половины—южную и северную, или собственно западную (что это такое? Вместе северная и западная разом!!!), разобщили, и этим сильно ослабили их силы для борьбы с латино-германским миром.

Потом г. професор рассказывает, что после того латинство заняло место восточного вероисповедания. С латинством нашли и немецкие элементы. Моравия пала, а судьбы западных славян переданы в руки Чехии.

Так вот что открывает в истории славян наш русский ученый! Скажите! Мы до сих пор этого не знали! Но где же историческая задача Чехии? Далее уже об этой стране нет ничего в «Лекциях». Далее идет дело об историческом значении и призвании Польши. Но задача Чехии-то где? Под спудом? Верно так; только, должно думать—не нам с г. професором добывать ее оттуда!

Но не одним Чехам и Полякам пытается указывать задачи г. професор. Он их указывает и России. Вот что он говорит на стр. 392. Россия при всех своих задачах на Востоке не может не стремиться на Запад; не столько потому, что здесь центр европейской цивилзации, сколько потому, что юго-восточная часть Западной Европы населена славянами. Так-так г. професор, очевидно, выражение *историческая задача* понимает не в том значении, в каком мы его понимать привыкли, то естественно, выходит, что во многом между им и нами возникают недоразумения. Мы под историческими задачами народов и государств разумеем такие стремления, которые переходили уж от поколения к поколению, окрепли от времени, проникли в умы и сердца жителей такого-то края или общества, и способны возбудить к сознательной деятельности наличную громаду населения. Если в каком-либо крае или государстве таких стремлений нет, значит—там исторических задач нет. Мы понимаем, что есть исторические задачи России на Востоке, этому доказательство—распространение русской национальности и господство ее до пределов Китайской Империи. Мы понимаем, что есть исторические задачи России на Западе, но именно (вопреки г. Кояловичу) потому, что там центр европейской цивилизации, стремление русского общества усваивать европейские привычки, знакомиться с европейскими литературами и европейскою жизнию

сделалось жизненною потребностию России. Английское, немецкое, французское просвещение нужны для России, как кислород для дыхания. Но какие у нас задачи по отношению к западным славянам мы еще не понимаем, и ни в прошедшем нашем ни в настоящем не усматриваем никаких. Много ли у нас на Руси знающих по-чешски или по-сербски? Г-н професор, конечно, сам скажет: чрезвычайно мало. В Петербурге, столице российского государства, много-ли можно найти в книжных лавках книг на славянских наречиях? Почти ничего, тогда как все новости французской, немецкой и английской литературы вы имеете под руками. Из сотен тысяч русских, посещавших Европу, многие-ли заглядывают в славянские земли? Меньше, чем во все другие страны. Проедет иной господин через Прагу, Вену, Грац, Лайбах в Италию, и на славянские стихии в этих городах обращает внимания меньше, чем на что-нибудь другое. В Пест, Загреб, Новый Сад, Белград, Львов ездят разве одни специалисты-ученые. Есть ли у западных славян стремление, по крайней мере, знать, что делается в России, выучиваться по-русски? Еще меньше, чем у нас стремления знакомиться с ними. Наш почтенный и талантливый ученый В. И. Ламанский говорит (в статье, напеч. в «Отеч. Зап.»), что в чешском музее присылаемые из России книги остаются неразрезанными, и образованные немцы более ясное понятие имеют о России, чем славяне. Это понятно и естественно. Идея славянской взаимности не выходила еще из-за порога школы в житейское море. Нам от западных славян нечего брать для нашей жизни, нечего им и давать. Поэтому у России еще нет исторических задач по отношению к западной славянщине. Быть может современем они образуются—не спорим против этого: мало ли что может быть в будущем! только во всяком случае задачи эти будут подготовлены не такими книжками, как «Лекции по истории Западной России» г. Кояловича. Эти «Лекции» совершенно никому ненужная вещь, потому что историю Западной России удобнее узнать из известной давно уже «Русской Истории» г. Устрялова, чем из этих вновь явившихся лекций.

ОБ'ЯСНЕНИЕ. *

В 44 № «Дня» г. Коялович, в споре своем с «Голосом», счел уместным заявить некое подозрение в сходстве выражений в статье «Голоса» с выражениями, отысканными им в какой-то из моих прошлых статей и, по этому поводу, сообщить своим читателям, что, по случаю напечатания одного из универсалов гетмана Богдана Хмельницкого, он имел со мною беседу о том, какой из многочисленных списков этого универсала вернее; но я ему не разрешил его недоразумения. Г. Коялович этот совет со мною считает до того важным, что даже приводит его в доказательство того, что он занимался своим делом не без критики.

На это я отвечу г. Кояловичу:

Так как я не пред'являю печатно суждений ни в похвалу, ни в осуждение литературной, ученой и публичной деятельности г. Кояловича, то желательно было бы, чтобы г. Коялович, споря с кем ему угодно избранным им способом, счел излишним втирать мое имя в споры такого рода.

24 ноября 1865 г.

ОБ'ЯСНЕНИЕ. **

В № 49 «Дня» г. Коялович делает намеки на какие-то основательные поводы, побуждавшие его вмешивать мое имя в спор с «Голосом». Не имеете вы, г. Коялович, никаких основательных поводов втягивать меня в ваши споры. Отстаньте!

Декабря 9.

---

* *Голос*, 1865, № 327; *підп.: Николай Костомаров.*

** *Голос*, 1865, № 342; *підп.: Николай Костомаров.*

ЛИСТ ДО РЕДАКТОРІВ ЧАСОП. «СЛАВЯНСКАЯ ЗАРЯ» ЛИВЧАКА І КЛИМКОВИЧА.*

Нет слов выразить полноту моего сочувствия к Вам, многоуважаемые редакторы, Господа Ливчак и Климкович! Я отношусь с ним к Вам тем смелее, что уверен, как много найдется таких, которые присоединят свой голос к моему, прочитавши вашу прекрасную программу будущего периодического издания «Славянская Заря». Вы об'ясняетесь. После ваших слов славянский вопрос, в глазах рассудительных его друзей освобождается от той двусмысленности, которая у многих отбивала охоту действовать всеми возможными средствами для осуществления великой задачи соединения и взаимности славянских народов. Вы ясно и положительно отрекаетесь от того панславизма, который по справедливости, возбуждает ненависть и омерзение в истинных друзьях и славянства и всего человечества. Вы справедливы, указывая, что так называемый панславизм, под которым кроется желание присоединить других Славян к России политически, хотя бы насилием и обманом и составить из них одно единовластительное государственное тело—так же вреден для нас, Славян русских, как и для вас, Славян Австрийской державы. Он вреден и теперь, когда (благодаря честности и благоразумию нашего правительства, не оказывающего ему содействия) не выходит из области несбыточных грез, но был бы вреднее, если б мог стать действительностью. Во-первых,—подобное политическое соединение должно было б совершиться не иначе, как с пролитием целого океана крови, с неописанными бедствиями войн и усобиц, с обнищанием теперь цветущих земель, не иначе притом, как с насилием и унижением народностей и партий, с давлением мысли, слова, совести, со всеми такими признаками, от которых всякая христианская душа отвернется с ужасом и будет молить Бога, да избавит он людей своих от исполнения желаний, суетно гнездящихся в неразумных головах, мало поверяющих свои мечтания сердцем и рассудком. Во-вторых,—образование огромных монархий не всегда влечет за собою благополучие народов; история показывает нам слишком много противных примеров. Отечество наше и теперь обширно. В некоторых отношениях оно даже и теперь терпит от своей обширности. Но пусть, если нужно, пристают к нему народы, стоящие ниже нас на ступенях общественного развития и умственного просвещения, без осязательных задатков самобытного прогресса; тут, по крайней мере, то хорошо, что такие народы, чрез присоединение к России, войдут в сферу человеческой образованности. Но всякое наше расширение на запад, подчинение себе народов, которые не только не ниже нас по гражданственности и просвещению, но во многих отношениях выше, только задерживало бы собственное наше воспитание и ставило бы нас в роковое положение бороться за свое приобретение, и быть стеснителями чужих народностей. Родственные нам Славяне, которых судьба соединила под скипетром габсбургского дома, благодаря этой связи, воспи-

* *Славянская Заря*, 1867, № 1, Корреспонденция, стр. 18—22; *підп.: Николай Костомаров.*

тали в себе так много счастливых плодотворных и вместе отличных от нашей судьбы задатков, что было бы ужасно подумать сбивать их с исторического пути, который скорее поведет их к большему благосостоянию, чем тот непривычный для них путь, который мы в состоянии были бы им предложить.

Все, что могут нам передать ваши Славяне, и что мы им можем сообщить, легко обоюдно усваивается тогда, когда мы не будем связаны государственными узами, следовательно, в последних нет надобности. Вы говорите: пусть будет два славянских государства. Да; пусть их будет два; пусть их, если нужно, будет больше [1]; но пусть связь их между собою ограничивается братским сознанием единства племени, взаимностию умственных и нравственных интересов и постоянным общением духовным и материальным, для их общего добра.

Вы поняли, что для того, чтоб это единение и общение не оставалось призраком, чтоб оно облеклось в плоть, из слова сделалось фактом, нужен прежде всего общий орган единения, которым может быть только язык. Пока славянские народы для своего взаимного сношения и обмена мыслей и умственного труда не имеют общего для всех языка, идея славянского взаимно-общения останется явлением праздной риторики и, по известной пословице, не будет стоить выеденного яйца. Ars longa, vita brevis! Есть ли возможность непринадлежащему к разряду специальных ученых, филологов или особенно счастливых языковедов, овладеть всеми славянскими наречиями и об'ясняться на них, как на своем природном? Стоит ли оставлять изучение какой-нибудь науки, которое может меня сделать полезным в моей родине, чтоб предаться изучению сербского или болгарского наречия? Разумеется, пока общение между Славянами ограничивалось небольшим кругом ученых, не настояло надобности в общем языке; люди ученые, для своих целей, могли учиться всем наречиям славянским, могли, за недостатком навыка в разговоре, вести беседы по немецки (возбуждая по этому поводу справедливые остроты Немцев), но как скоро мы сознали потребность общения не одних ученых, а целых громад людского общества, как скоро мы хотим устроить прочную взаимность славянских народов—первая необходимость для этого общий язык. Вы совершенно справедливо находите, что для этого может служить один русский язык.—Что б ни говорили против этого люди, руководимые любовью к иной славянской народности, или господством антипатии,—практическая точка зрения всегда в пользу этой мысли. Мы не станем опираться на том, что русский язык есть прямой наследник и даже во многом, так сказать, переродок славяно-церковного языка, бывшего когда-то общеславянским языком письменности и теперь еще служащего для всех Славян восточного обряда общим языком молитвы—это, конечно, одно из его преимуществ, но есть у него преимущество важнее и практичнее; это сравнительная многочисленность говорящих на нем и понимающих его. Понятно, что народам в три, пять, хотя бы и десять миллионов народонаселения удобнее усвоить язык, на котором говорят несколько десятков миллионов славянского племени и ославянившихся иноплеменников, чем на оборот. Понятно, что, желая употреблять тот язык, на котором Ваши писания будут иметь наибольшее число читателей, Вы делаете пользу тому делу, о котором ведете речь. Другого славянского языка, кроме русского, Вам нельзя избрать, хотя бы Вы этого и захотели: на каком бы ином славянском наречии Вы ни стали писать—Ваши писания должны оставаться достоянием только тех, которые на этом наречии говорят... и только... Для того, чтоб другие Славяне выучились этому наречию, нужно, чтоб это наречие имело уже прежде задатки

[1] Разумеются турецкие Славяне, для которых должна же когда-нибудь придти пора освобождения и нормального устроения.

быть усвоенным и распространенным между другими Славянами. Больше всех, такие задатки имеет русский язык, потому, что Сербам, Болгарам и другим слышащим с младенчества славяно-церковный язык в богослужении и молитве (не говоря о сходствах народного слова), выучиться русскому языку легче, чем всякому другому славянскому.—Прибавьте к этому: чтоб одному из славянских языков сделаться общим для всех, органом единения, необходимо этому языку иметь значительную степень литературного развития. В этом отношении с русским соперничать мог из славянских языков—один польский. Но польский не может получить у Славян предпочтения русскому. Число говорящих по польски несравненно меньше числа говорящих по русски; при том же Поляки поставили себя во враждебное отношение к Русским, и потому весь русский мир, составляющий такую великую громаду в славянском племени, не примет их языка низачто; да сверх того и к другим православным Славянам они стоят несочувственно, и вообще их соплеменники, другие Славяне, не привыкли чего-нибудь от них надеяться для себя. Ясно, что польский язык, как бы ни был литературно развит, не представляет задатков сделаться обще-славянским. И так, если для Славян нужен общий язык, как орган взаимных сношений,—таким языком имеет быть только русский.

Но чтоб делу усвоения русскому языку значения общеславянского пошло успешно, необходимы следующие условия:

1) Необходимо укрепиться самим и уверить других в той мысли, что введение русского языка между другими Славянами никак не должно иметь никаких видов на преследование и уничтожение других славянских наречий; русский язык у других Славян, должен быть только языком международным, языком взаимности народов славянского племени и их литературной деятельности в сфере таких вопросов и предметов, которые в равной степени возбуждают интерес у всех Славян и касаются одинаково всех славянских земель и народностей. Затем пусть каждый из славянских народов развивает свое отдельное наречие, пишет на нем и говорит независимо от русского языка, отнюдь не имея повода, ни по какой аналогии, подозревать, что этот язык, некогда сделается тираном его собственной речи. Неуместно и неблагоразумно в настоящее время поднимать толки о том, что русский язык когда-то станет исключительным языком всех Славян и поглотит все славянские наречия. Разумеется, если б это могло произойти без насилия, без нарушения прав и чести других народностей и наречий—мы бы сказали, что от этого не произошло бы зла, как вообще не может быть зла от перемен, совершающихся без насилий, добровольно; но так как этого, по природе вещей и по непреложным законам истории без насилия быть никогда не может (?), то, следовательно, нет потребности и подобных толках; главное же, уважение ко всем народностям вообще не должно допускать до таких толков людей, по своему развитию стоящих выше области хищнических стремлений к преобладанию и разрушению.

2) Необходимо, чтоб ревнители распространения русского языка между славянскими народами не примешивали отнюдь к этому политических грез о расширении пределов Российской Империи на счет Австрийских владений. Подобные грезы, без сомнения, неприятны нашему Правительству, равно как и Вашему. Честь Вам, господа редакторы, что, в самой программе Вашей, Вы ополчаетесь заранее против этого рода заблуждений и заявляете себя вполне преданными и верными Вашему Государю и правительству Вашей страны. Только идя этим путем, Вы можете приобресть сочувствие тех Русских, которые будучи верны своему государству, сумеют оценить это качество и в других; которые по нравственным своим убеждениям требуют от Вас, чтоб Вы прежде всего были Австриец, а потом уже Славянин. Только идя этим

законным путем, можно надеяться, что Ваше правительство сознает необходимость содействовать всему тому, что может служить к об'единению и взаимнодействию находящихся под его властию славянских народов.

Помня любезное предложение Г. Ливчака, я покорнейше прошу напечатать это письмо в «Славянской Заре» и почтить меня присылкою этого издания.

Глубоко уважающий Вас *Николай Костомаров.*

ОБ'ЯСНЕНИЕ. *

Достопочтенный издатель русских периодических изданий в Вене (теперь «Славянской Зари»), г. Ливчак просил меня быть участником его изданий и изложить мои мысли о важнейшем вопросе славянства—о распространении русского языка между славянами. Оценив с признательностью его внимание ко мне, я с тем большею готовностью исполнил его требование, что мысль эта была давно уже заветною задушевною моею мыслию. Я послал в редакцию «Славянской Зари» письмо, которое и было напечатано в 1-м нумере этой газеты. Письмо это вызвало в 170-м № «Московских Ведомостей» замечание какого-то корреспондента из Петербурга, где автор с озлоблением нападает на меня, и, за невозможностью найти что-нибудь действительно такое, что он был бы в состоянии опровергнуть, прибегает к извращению смысла моих слов, придает им такое значение, какого они не имеют, и такие выводы, какие из них не следуют, да, вдобавок, чтоб насолить мне побольше, сыплет на меня чистые небылицы, вовсе неотносящиеся к разбираемому делу. Считаю уместным по этому поводу сказать несколько слов.

Г. Х. не понравилось то, что я сообразно программе, заявленной редакциею «Славянской Зари», отнесся одобрительно к намерениям г.г. редакторов (Ливчака и Климковича) отстранить от своего издания панславистские мечтания о политическом присоединении славян к России и оставаться в неуклонной верности к Австрийской Империи. Я сказал: «честь вам, что вы заявляете себя вполне преданными и верными вашему государю и правительству вашей страны». Г. петербургский корреспондент дает этим словам такое толкование: «г. Костомаров простирает свою сердечную заботливость ко всему нерусскому до того, что гладит г. Ливчака по головке за его преданность австрийскому императору». Нет, заботливость не о нерусском, а о русском деле побудила меня писать эти строки. Какой же иной дружеский совет мог дать благоразумный русский человек газете на русском языке, которая издается в австрийской столице в трех тысячах шагах от императорского бурга? Всякое противное направление навлекло бы на редакцию преследование правительства и закрытие газеты. Конечно, это произвело бы маленький фейерверк, который подал бы у нас повод к газетной болтовне месяца на полтора; а потом что? Потом были бы забыты и Ливчак и Климкович; забылось бы на продолжительное время и их благородное дело. Я желаю прочности этому делу, а чтоб оно стало прочным, надобно время, чтоб ему врасти в почву и окрепнуть; а для этого необходимо русской газете в Вене жить в мире и согласии с правительством той страны, где она издается. Кажется, ясно как день.

Г. Х. говорит, что я противоречу самому себе. В чем же мое противоречие? Сочувствует (говорит обо мне г. Х.) распространению русского языка и убедительно (?) просит славян (иначе, г.г. редакторов «Славянской Зари»), чтоб они были прежде австрийцами, а уж потом славянами. «если одно на-

---

* *Голос*, 1867, № 218; *підп.: Н. Костомаров.*

звание не исключает другого», замечает под строкою редакция «Славянской Зари». Какое тут противоречие? Австрийская империя существует как государство; вся земная планета признает его; из этого логически следует, что всякий австрийский подданий, будь он по происхождению немец, славянин, мадьяр, иудей, волох,—если хочет спокойно совершать свою деятельность в государстве, то по отношению к этому государству и его правительству, должен быть прежде всего австрийцем, точно также, как и подвластный Русской Империи инородец, по отношению к государству, должен быть прежде всего русским. Русская Империя находится с Австрийской, слава Богу, в мирных отношениях, чего мы надолго им желаем; что же иное должен сказать подданный Русской Империи австрийцу, который борется за русское дело? Слова редакции «Славянской Зари», напечатанные, как сообщает г. Х., под строкою, нельзя одобрить; иначе австрийцы нам в праве вот что сказать: «что если б у вас, в России, говорили поляку, немцу, грузину, татрину: «будьте прежде русскими, а потом уже поляками, немцами, грузинами, татарами», а кто нибудь из них отвечал бы: «если одно название не исключает другого».

Г. Х. говорит: «г. Костомаров рукоплещет мысли о русском языке, как о средстве для того, чтоб завязать сношения между славянами, но он опасается, чтоб этот язык не сделался тираном других славянских наречий. На чем, желательно знать, основано, чем вызвано это опасение?». Здесь извращение моих слов. Я не только не опасался, а напротив, смысл моих слов был таков, что не следует опасаться. Вот что писал я:

«Русский язык у других славян должен быть только языком международным, языком взаимности народов славянского племени и их литературной деятельности в сфере таких вопросов и предметов, которые в равной степени возбуждают интерес у всех славян и касаются одинаково всех славянских земель и народностей. Затем, пусть каждый из славянских народов развивает свое отдельное наречие, пишет на нем и говорит независимо от русского языка, отнюдь не имея повода, ни по какой аналогии, подозревать, что этот язык некогда сделается тираном его собственной речи».

Где же тут опасение? Между тем г. Х., приведя это место из моего письма к редакторам «Зари», находит, что эта фразеология переносит нас в ту эпоху, когда «благородным и возвышенным казалось лишь то, что невыгодно и унизительно для России». Что же в приведенных моих словах невыгодного и унизительного для России? Неужели то, что желая распространения русского языка у славян, я считаю вполне законным и нормальным развитие тех языков, которыми славяне говорят уже многие века? Неужели то, что славяне говорят с покон веков не по русски унижает Россию? Или, может быть по мнению г. Х., невыгодно и унизительно для России устранение несвоевременных толков, которые могут задерживать распространение русской речи между славянами?

Что я имел поводы излагать в своем письме к редакторам «Славянской Зари» не опасения, а желание устранения политических идей, вредящих делу, для этого достаточно указать на самого г. Х., который говорит, что нынешний панславизм относится к области чисто литературной; это также справедливо, как и то, что в прежнее время к нему примешивались разные весьма случайные политические идеи. А если так, то как же г. Х. спрашивает: на чем основано, чем вызвано мое, как он выражается, опасение? Стало быть с моей стороны был повод желать, чтоб эти «весьма случайные политические идеи» не попали хоть бы даже и случайно в «Славянскую Зарю» и не помешали успеху распространения русского языка в славянщине. Г. Х. сообщает, что во все время пребывания славянских депутатов в Петербурге и Москве вопрос о панславизме был представляем постоянно и исключительно, как еди-

нение духовное и умственное, а не государственное. На эту тему говорилось и печаталось ежедневно впродолжении целого месяца и вооружаться теперь против идеи о всеславянском царе есть чистое донкихотство. На это замечу, что письмо мое было писано и послано в редакцию «Зари» до посещения Петербурга и Москвы славянскими гостями и притом, было ответом на программу г.г. редакторов «Зари», где они коснулись политических мечтаний о всеславянском государстве, которые и по их убеждению, как по моему, препятствуют духовному и умственному единению славян. Если же г. Х. известно, что после приезда славян, мы так шагнули в сфере славянских вопросов, что говорить теперь о политических мечтаниях чистое донкихотство, тем лучше, очень радуюсь этому; позволю, однако, себе заметить, что донкихотство может возбуждать только добродушный смех, а не озлобление, которое у г. Х. доходит до того, что он прибегает к приему, какой был в большом ходу у нас года два-три назад, а теперь устарел, но уж, конечно, не удостоится никогда от честных людей названия донкихотства, ради уважения к личности сервантесова богатыря, который был хоть и большой чудак, но честный человек. Прием этот состоит в том, чтоб, не сладив с противником честным оружием мысли и слова, набросить на него подозрение в неблагонадежности по отношению к государству, в готовности к государственным преступлениям и особенно, в сочувствии к последнему польскому мятежу, который помогал уже не одному из наших литераторов и ученых в их литературных и ученых спорах. Г. Х. после приведения моих слов из письма к редакторам «Зари», говорит: «Вот расходился старый публицист «Основы»! Меня нисколько не удивит, если верность австрийскому императору или турецкому султану станут проповедывать у нас те самые, которые не находили слов (?) порицания возмущению поляков против русского правительства, те самые, которые негодовали, когда толпы повстанцев 1863 г. кто нибудь осмеливался называть бандами или шайками, а не отрядами» и проч. и проч. Спрашивается, зачем явилось здесь польское возмущение и польские банды? Я, действительно, не находил слов порицания возмущению поляков 1863 г., потому, что не писал об этом предмете вовсе, и по этой же самой причине нет возможности обличать меня в негодовании на то, что польских повстанцев 1863 года называли бандами и шайками; между тем, г. Х. обратился к ним именно за помощью, по собственной слабости в надежде, авось либо кто-нибудь, читающий «Московские Ведомости», не знакомый с моими писаниями, и впрямь поверит, что я где-нибудь являлся защитником польских мятежнических шаек. Бумага «Московских Ведомостей» все терпит. Но куда как это честно и благородно! Не меньшею честностью и благородством отличаются и эти заключительные строки статьи г. Х.: «Матушка Москва знает только об одних нефантастических хищнических стремлениях — стремлениях украинофильских желавших расхитить русский народ, и только об эти стремлениях имел бы право писать в венскую «Зарю» г. Костомаров».

Я не имею права писать о том, о чем не знаю. Я знаю многих украинофилов, то-есть любящих Украину, ее народ, язык, нравы, обычаи, песни, быт и жизнь этого народа; встречал я таких украинофилов и из природных малороссов и из великороссов; но желавших расхитить русский народ не встречал. Пускай говорит о них матушка Москва, когда она о них знает; пускай только говорит так, чтоб всем видно было, что она о них знает, а не выдумывает.

Если по поводу вопроса о распространении русского языка, можно действительно чего-нибудь «опасаться», то никак ни того, чтоб русский язык сделался тираном славянских наречий, а того, чтоб писатели, подобные г. петербургскому корреспонденту «Московских Ведомостей» под литерою Х, не вредили в самом начале его гражданственности между славянами. Они могут

либо своими неблагоразумными и несвоевременными выходками побуждать австрийское правительство к принятию мер более или менее неблагоприятных для нашего общего славянского дела, или же, что еще хуже—обилием своей нравственной гнили,—так загрязнить и опошлить это общее святое дело, что иные станут чуждаться его из отвращения стоять под одним знаменем с господами, подобными г. Х. Разумеется, такой вред может быть только временный; вековой исторической задачи сто господ Х. не поворотят назад; но от людских способностей и благоразумия зависит скорейшее и успешнейшее движение таких задач.

ДАВНО-ЛИ МАЛАЯ РУСЬ СТАЛА ПИСАТЬСЯ МАЛОРОССИЕЮ, А РУСЬ—РОССИЕЮ? *

В № 7-м «Киевского Телеграфа» перепечатана под этим заглавием статья почтенного М. А. Максимовича, известного собирателя украинских песен и исследователя южнорусской старины. Эта статья написана в опровержение толков, будто киевская и вся западная Русь не называлась Россиею до ее присоединения к России восточной, будто и название Малой России или Малороссии придано киевской Руси уже по соединении с Русью великою или московскою. Это мнение признается, почему-то, сродным тому, по которому русский народ делится на Русь, рутенов и московитов, из которых московиты причисляются даже не к славянскому племени, а к туранам. Чтоб уничтожить (говорит г. Максимович) этот несправедливый и нерусский толк, надо обратить его в исторический вопрос.

Нам кажется, что нет ровно никакого сродства между мнением о позднем имени Россия, Малая Россия и производных от них прилагательных, и мнением о таком непонятном для нас (что это Русь и Рутены? где различались такие названия в смысле отдельных одна от другой ветвей народных?) делении русского народа с происхождением московитов от туранов. Одно из другого не вытекает, одно другим не условливается, одно без другого быть может. Вопрос, занимающий г. Максимовича, может, по крайней мере, по отношению к тому времени, которого он касается, назваться историческим скорее в смысле истории риторики, чем истории русской жизни. Нужно знать, когда начали заменять название «Русь», «русский» названиями «Россия, российский». Но важно, кто начал заменять? Слово Россия, рос, российский (с чем согласен г. Максимович) греческого происхождения; греки переменили звук у на *о*, по введенному у них издавна обычаю коверкать иноземные названия; в IX веке мы уже видим, что греки называли наших предков Ros; так в известном окружном послании Фотия о крещении Руси. С тех пор греки неизменяемо держались этого произношения и оно, конечно, с давних времен было у нас не безызвестно, потому что греков у нас много; но предки наши не усвоивали такой формы по той причине, что трудно принять, вместо своего собственного, правильного названия, исковерканное чужими. Не ранее, как в конце XVI века (в восточной Руси после учреждения патриаршества, поставившего московское государство наравне с древнею Византиею в церковном достоинстве, а на западе и югозападе—по мере сильнейшего обращения русского православия к греческому и по мере ближайшего ознакомления с греческою словесностью вследствие напора западного католичества) духовные риторы, выражаясь высоким слогом, стали иногда употреблять слова *российский, Россия* (например: «восприим скифетро российского царствия»); но вообще это были редкие случаи и ограничивались только сферою риторического щегольства. Г. Максимович, при всех усилиях, не мог в Южной Руси

---

* *Голос*, 1868, № 67; *підп.: Иван Богучаров.*

найти примера ранее 1592 г., когда львовское братство обращалось в Москву к царю Федору Ивановичу с просительными посланиями, в которых именует его *светлым царем российским* и вспоминает князя Владимира, крестившего весь *российский* род; г. Максимовичу не удалось, как видно, до самого 1654 г. найти более девятнадцати подобных случаев, и все они взяты из произведений церковной риторики.

Напрасно только г. Максимович хочет ввести в заблуждение своих читателей, уверяя, что московские митрополиты, бывшие до учреждения патриаршества в Москве, писались *всеа Русии*, а первый патриарх московский писался уже и *всеа России* (1589—1586) (?). В «Актах исторических» (т. I, стр. 429) можно прочитать этого самого Иова послание к Александру, грузинскому царю, которое начинается: «*О святом Дусе благословение Иова патриарха царствующего града Москвы и всея Русии*» (а не России). В соборном постановлении об учреждении поповских старост в 1594 г. («Акты арх. эксп.» I, 439) говорится: *боголюбивый, благочестивый и христолюбивый великий государь царь и великий князь Федор Иванович всея Русии самодержец, поговоря с отцем своим и богомольцем святейшим Иовом патриархом московским и всея Русии (а не Росии)*. Грамата того же Иова, писанная незадолго до низвержения его в 1605 г. («Акт. арх. эксп.» II, 78) начинается так: *От великого господина Иова патриарха московского и всеа Русии* (а не Росии). Г. Максимович слишком торопливо делает свое заключение, опираясь, как видно, на грамате об установлении патриаршества, где действительно употреблено слово *Росия*, ради высоты слога, но в той же грамате Иов называется *патриарх царствующего града Москвы и всеа Русии* (а не Росии). Г. Максимович правее, когда говорит, что митрополиты киевские, в XVII веке, титуловались: *и всея России;* действительно, перечитывая очень много рукописных грамат киевских владык XVII века, мы встречаем часто *и всея Росии*, но случалось тоже нередко встречать *и всея Руси*.

Что касается до титула наших московских государей, то он был неизменно *и всея Русии* до самого присоединения Малой Руси, когда царь начал писаться *всея Великия и Малыя и Белыя Росии*. Даже Хмельницкий и другие южнорусы в письмах своих к нему титуловали его царем *всея Руси, а не России;* доказательством могут служить многие подобного рода акты, помещенные в 3-м томе «Актов Южной и Западной России». Слова *Россия или Росия, российский* были вначале книжными, риторическими, в роде того, как Франция называлась Галлией, Польша—Сармацией, Немечина—Германией, Венгрия—Паноніей и т. п. С половины XVII века они стали официозными, но общеупотребительными народными не сделались до позднего времени. Даже и теперь, хотя слово «Россия» в смысле государства употребляется нами всеми: но кто без смеха назовет себя *россиянином*, вместо того, чтоб назвать *русским* или сказать: *российский* язык вместо *русский* язык? До какой степени принятая искусственно эта греческая порча нашего древнего названия несвойственна духу нашего языка и народа, показывает, что великоруссы и теперь произносят *Расея* вместо *Россия*, так точно, как они переделывают другие чисто греческие собственные имена, кончающиеся на *ия*, например: *Настасея, Палагея, Евдокея* и пр. В Южной Руси оно не так противно фонетике тамошней местной речи, но никогда усвоено не было народом до того, чтоб сделаться общеупотребительным обыденным названием.

Что касается до названия Малая Россия, то мы без г. Максимовича знали, что оно употреблялось в духовной риторике до присоединения края к московскому государству, только чрезвычайно редко. И действительно, до 1654 года г. Максимович мог привести только четыре примера: 1) в послесловии к Анфологиону, изданному в 1619 году Памвою Берындою, говорится о печерской лавре: *матерь твоя в Росии Малой;* 2) в издании Октоиха 1630 г.

говорится: *в граде Леондополисе Малыя Росии;* 3) в грамате патриарха (греческого) Феофана: *всем благочестивым христианам в Малой Росии, сынам церкви россииския восточные;* 4) в универсале гетмана Богдана Хмельницкого 1648 г.: *вам всем обще малороссиянам... кому из вас любима целость отчизны вашей Украины Малороссийской... о увольненю от бед лядских всего народа малороссийского.* В трех первых примерах слово «Малая Россия» имеет такое же значение, как и название города Леондополиса. Еслиб кто-нибудь, въезжая в Львов, спросил: как называется этот город? никто бы не ответил ему: Леондополис; также точно, еслиб любого южнорусса спросил кто-нибудь: как называется край, где вы все живете? никто бы не сказал: *Малая Россия.*

Что же касается до универсала Хмельницкого, обращенного ко всему народу, то мы считаем долгом, при этом случае, заявить наше сомнение в подлинности или, по крайней мере, в правильности дошедшей до нас формы этого акта. Нам известны две редакции этого универсала: первая помещена в «Летописи Величка», у Ригельман и у «Симоновича», вторая—в «Истории Русов», приписываемой (по всей вероятности неправильно) Конисскому, и потом была перепечатанной многими. Последняя отличается от первой четырьмя искажениями событий, происходивших в первый год восстания Богдана Хмельницкого, умышленно сделанными для соответствия с выдуманными автором «Истории Русов» событиями. Но и первая редакция заключает в себе признаки, побуждающие признать этот универсал если не совсем фальшивым, то чрезвычайно искаженным документом. Так, например, Хмельницкий называет себя *гетман сущей обеих сторон Днепра Украины малороссийской.* Но из всех актов того времени (а их осталось много) не видно, чтоб он так титуловался; до присоединения к московскому государству он писался: *Гетман войска его королевской милости запорожского,* а по присоединении: *Гетман войска его царского величества запорожского.* Гетманом же нетолько войска, но и Украины он не мог писаться уже потому, что гетман—значит главнокомандующий; главнокомандующий же может быть только над войском, а не над страною. Еслиб он хотел выразить свою власть над страною, отдельно от войска, то выбрал бы другое слово. Так он и сделал, когда спорил с польскими послами и заявил свое право на Киев; он сказал: *я пан и воевода киевский; вольно мне так рядить,* а не сказал: *я гетман киевский.* Так один из предшественников Хмельницкого, Павлюк, желая показать свою власть, независимо от войска, которого назывался гетманом, еще вообще над Украиною, назвался *опекуном Украины.* Слова *обеих сторон Днепра* явно пахнут позднейшим временем, когда явилось двугетманство, а вслед за ним андрусовское деление, когда два днепровские побережья имели уже политическое и административное отличие друг от друга. При Хмельницком никому в голову не пришло бы обозначать южнорусскую местность таким образом и притом по поводу такого дела, в котором географический признак течения Днепра ровно ничего не значил. Говоря о присоединении русских земель к Польше, универсал впадает в грубейшую ошибку: Казимиру Великому приписывается присоединение к Польше земель нетолько Киевской и Волынской, которая, по крайней мере, в XVII веке причислялась к польской Короне, но и литовских: Мстиславской, Витебской и Полоцкой, которая в XVII веке, во времена Богдана Хмельницкого, принадлежали не к Короне, а к Великому Княжеству Литовскому, а в те времена Великое Княжество Литовское, хоть и было соединено нераздельно с Польшею, но все еще составляло отличное от последней политическое и административное тело. Это знал в то время каждый, кто только знал, что существует на свете земли Витебская, Полоцкая и Мстиславская. Приписать присоединение их к Польше во времена Казимира Великого разве мог тот, кто вовсе не знал о различии Польши от Литвы.

Но уж если в ком, то в Богдане Хмельницком никак нельзя предположить такого невежества: по единогласному свидетельству его врагов, он был человек образованный (literat, człowiek uczony.) Возможно ли в нем такое грубое незнание азбуки истории своего края, когда на этой истории опирались права русского народа, которые он отстаивал? Подобное смешение главнейших понятий о составе польско-литовской державы и ее истории может быть допущено только лет через семьдесят после Хмельницкого, именно тогда, когда составлялась летопись Велички, где помещен старейший экземпляр этого универсала и, притом оно возможно было только в той части Украины, которая давно уже принадлежала к России, да к тому еще у человека, неполучившего основательного воспитания по своему времени, и начитавшегося как попало разных сведений отрывками; таким и был Величко. Действительно, в первых главах его летописи видно, что он не ясно себе представлял, каким образом русские земли подпали под власть Польши, а о литовской истории не имел почти понятия. Так, напр., на 20 стр. первого тома, сообразно с анахронизмами, допущенными в универсале, приписывается одному Казимиру Великому присоединение к Польше всех вообще русских земель и провинций, которые после ей принадлежали; а о том, что некоторые русские земли и провинции вошли в связь с Польшею иным путем, именно путем соединения Польши с Литвою, он, как будто, не знает ничего. Это сходство и заставляет подозревать, не сам ли Величко—творец того анахронизма, который мы узнали в универсале. Если же не он, то все-таки, такой, который, подобно ему, обладал в слабой степени историческими сведениями, а никак не Богдан Хмельницкий: и менее его образованный, и менее его поставленный в необходимость знать состав польско-литовского государства и крупные события его истории, живучи в польской державе в XVII в., не сделал бы такой ошибки. Сам Величко не сделал бы ее, если б родился пораньше и не принадлежал к тому поколению малороссов, которое явилось на свет уже не под польским владычеством. Слова *малороссиянин, малороссияне, малороссийский,* если и существовали до присоединения к московскому государству, то редко употреблялись, а выражение *Украйна Малороссийская,* которое является в универсале, сообщаемом Величком, нигде решительно не встречаем в памятниках той эпохи. Вообще все эти слова в теперь не народны. Возможно ли, чтоб Богдан Хмельницкий, желая говорить—с народом, употреблял такие слова, когда он мог отозваться к народу с более знакомыми народному сердцу и понятию словами: *Русь, руський?* Когда этот самый Богдан пугал польских послов в Переяславле, он выражался: *выбью з ляцкой неволі народ русьзкий весь—русский народ,* а не *малороссийский.* Зачем же ему, говоря к своему народу, употреблять слово, без сомнения, тогда более чуждое народу, чем теперь? Слово «украино-малороссийский» любимое слово Величка, и он его сует повсюду в приводимые им акты, а между тем, это слово не встречается в тех актах, которые дошли до нас не через руки Величка. Вычурный, напыщенный, вялый и тягучий слог этого универсала не похож на живой, зернистый, простой и здоровый слог писем и речей Богдана Хмельницкого. То был человек дела, а не фраз. Решившись заговорить с народом, он сказал бы то, что нужно народу, что в силах был вместить народ, преимущественно же то, что могло этот народ подвинуть на дело восстания. С какой стати Хмельницкому, говоря с народом, толковать о ветхом Риме, о руссах с поморья балтицкого, о роксолянах и савроматах? Это все бурсацкие штуки! Такой человек, как Богдан Хмельницкий, если и набрался их в молодости, то они не удержались бы у него в голове, оставя место тому, что имело практический смысл и применение к жизни. Вероятно, Богдан Хмельницкий рассылал из-под Белой Церкви универсал, зазывая назад в казачество, и быть может, кое-что из действительного универсала удержалось в том, который выдают нам за универ-

сал, писанный Хмельницким; но это *кое-что* так затерто красками бурсацкой риторики, что едва ли теперь он в таком виде может считаться сколько-нибудь в числе исторических источников. Притом, там меньше всего говорится о том, чему там быть следовало: о записывании в казаки и об увеличении казацкого сословия—а это-то и было тогда всеобщим стремлением в Украине. В ту эпоху у народа быть свободным значило быть казаком. На это именно и налегал бы такой практический человек, как Богдан Хмельницкий в конце мая 1648 г., когда ему нужно было увеличить как можно скорее свою военную силу, чтоб дать отпор полякам, собиравшим на него последние тогдашние силы, а толки о ветхом Риме, да о балтицких русах не привели бы в его обоз ни одного казака.

Таким образом, важнейший документ, как будто показывающий распространенное употребление слов: *Малая Россия, малороссияне, малороссийский* до переяславского договора, оказывается сам по себе несостоятельным. Затем, остается несомненным, что в первой половине XVII века употребляли довольно редко эти выражения некоторые риторы, точно так же, как они называли Львов Леондополисом,русских—роксолянами, поляков — сарматами и проч. Что касается еще до одного акта, приводимого Максимовичем, именно до письма из Запорожского Коша к Богдану Хмельницкому, то мы не касаемся его, потому что оно писано уже после присоединения; скажем мимоходом, что и ему-то мы плохо верим, получив его из рук Величка, у которого письма, писанные, будто бы, разными людьми и даже в разные времена, сочинены так, что на них видна одна и та же творческая рука.

Вопреки г. Максимовичу, мы не думаем, чтоб можно было считать употребительными в известный период истории слова и выражения, если они встречаются только у некоторых писателей в виде риторических украшений, и, притом, редко; мы можем привесть столько же примеров, когда риторы XVII века называли русских роксолянами, неужели на этом основании можно считать и такое название употребительным? Мы берем на себя смелость заметить г. Максимовичу, что он ошибается, воображая, будто ратует против враждебных нам западных теорий, проводимых поляками, о непринадлежности великорусского племени к славянам. Там хотят уверить, что название *Русь* принадлежало издревле Южной и Западной Руси, было чуждо до позднейших времен Северной и Восточной. Примеры же, приводимые г. Максимовичем, не говорят ни в опровержение, ни в защиту этих несправедливых толков. Напротив, поляки охотно употребляют, говоря о великоруссах, слова: Rossya, rossyjski, rossyianin; но им очень не нравится называть их *русскими*. Разве этот факт неизвестен на Михайловой Горе?

Васильев Остров 25-го января 1858.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПАМЯТНИКЕ ХМЕЛЬНИЦКОМУ. *

Богдан Хмельницкий один из самых крупных деятелей многовековой борьбы русского народа с Польшею, дождался, наконец, того, что Россия вспомнила его заслуги, его значение в своей истории и воздвигает ему памятник. Труд этот взял на себя г. Микешин, приобревший известность составлением исторических памятников. Модель его знакома всем читавшим газету «Голос».

Вероятно, многим из русских, искренно чтущих память Хмельницкого, было бы неприятно увидеть такой памятник, потому что он грешит против изящного вкуса, художественного смысла и исторической правды. Под ногами коня, на которого посадил художник Богдана, лежит убитый или раздавленный ксендз с четками, ниже—изрубленный поляк и мертвый иудей с затянутою на шее веревкою. Неужели это изящно? Неужели образованному вкусу могут нравиться фигуры раздавленных и задавленных? Что неизбежно в историческом описании, что дозволительно в картине, то вовсе неуместно и даже неприлично на площади, на улице в виде статуйных изображений. Известно, что когда вешают преступника, то закрывают ему лицо, чтоб на зрителей не производила страшного и омерзительного впечатления такого рода смерть. На памятнике Хмельницкого задушенный иудей с открытым лицом; для верности природе художник—должен воспроизвести на нем все признаки смерти, которые нарочно скрывают от человеческих глаз при совершении казни чрез повешение. Но что хотел выразить этим художник? То ли, что в эпоху Хмельницкого умерщвляли ксендзов и иудеев?

Но ведь памятник какому бы то ни было историческому лицу должен выражать его всемирно-историческое значение (буде такового не окажется на лицо, то и памятника не следует ставить), а не временныя подробности, хотя и сопровождавшие деятельность этого лица, но не составлявшие тех ее отличительных свойств, которые самому действовавшему лицу дали историческое величие. Фигуры раздавленного ксендза и задушенного иудея не представляют ничего такого, что бы исключительно принадлежало Богдану Хмельницкому и даже его эпохе. Везде и всегда, когда народная громада поднималась против утеснителей, совершались над последними убийства, и в южной Руси не при одном Хмельницком умерщвляли ксендзов, шляхту и иудеев. То же делалось и прежде его при Косинском, Наливайке, Павлюке, Остранине, и после Богдана через сто лет то же делали Гонта, Зализняк, Шило и проч. Художник в памятнике Хмельницкому должен был выразить то, что именно отличало Хмельницкого, и что дало ему в истории место несравненно выше других деятелей на том же самом историческом поле, и не то, что происходило и не могло не происходить независимо от него по условиям века, края и

---

* *Новое Время*, 1869, № 194; *підп.: Н. К.*

сложившихся обстоятельств, и чего он сам, если б и хотел предотвратить, то не мог.

Не внушает ли это предположение, что художник не в силах был подняться выше осязательных частных явлений до понимания исторического значения личности, которой он созидает памятник? Или, быть может, художник думал этим сказать: вот смотри, русский народ, от каких врагов избавил тебя этот великий человек? Но эта цель достигается уже самым памятником Хмельницкому; всякий вспомнит об этом, как только взглянет на его фигуру, а подробности борьбы его с Польшею за русскую веру и русский народ узнает из истории. Тот же, кто не слыхал никогда ни о Хмельницком, ни о его войнах, того, без другого рода об'яснений, сами фигуры раздавленных и задавленных, не научат. При том же такие фигуры не согласуются с характером Богдана Хмельницкого. Хмельницкий вовсе не был один из той громады, которая потеряв терпение и завидев удобный случай отомстить своим тиранам, бросается на них с неудержимою яростию переполненной злобы, повинуясь голосу страсти. Хмельницкий не был также один из рубак своего века, которым необходима была война, как рыбе глубина водная, как птице широта воздушная. Хмельницкий был человек политический, муж идеи (если б он не был таким, то не стоил бы и памятника). Осуществление этой идеи было целию его деятельности. Война для него была только средством, правда неизбежным, но всегда таким, которого он готов был избежать, если б только цель, к которой он стремился, была достигнута иными путями. Ужасы войны и народного восстания не тешили его; напротив, он старался, елико возможно, ослаблять их. Так он наказывал и даже казнил смертию тех предводителей загонов, которые отличались бесчеловечием и зверством в мести врагам русского народа. Об этом сохранились свидетельства поляков, и в том числе заклятейшего врага казаков Иеремии Вишневецкого. Во время войн с поляками, Хмельницкий нарочно избегал покорения городов, чтоб не подвергать жителей кровопролитию и разорениям. Так было между прочим два раза со Львовом: в 1648 и в 1655 г.г., и в последний раз он, по поводу этого, имел даже неудовольствие с предводителем Московских войск, действовавших тогда вместе с казацкими против поляков. Гетман об'яснял ему, что он не может решиться предать бедствиям штурма столько людей, и притом христианской веры. То же было под городом Гусятином на Подоли, где Хмельницкий ни за что не хотел брать города штурмом, чтоб не губить мирных жителей. По разгроме польских гетманов под Корсуном (в мае 1648) и по разгоне новонабранного польского войска под Пилявцами, (сентябрь 1648) Хмельницкий мог бы опустошить всю Польшу и самую Варшаву обратить в груду развалин, но не сделал этого, а ожидал под Замостьем выбора нового короля, надеясь, что новоизбранный король мирным путем удовлетворит требованиям русского народа. Сами поляки говорили тогда про него: «это бог послал на него слепоту».

Ошибшись в рассчете на короля, Богдан опять должен был взяться за оружие и под Зборовом опять показал умеренность и великодушие: имея почти в своих руках польского короля с сенаторами, полководцами и панами Речи Посполитой, и будучи в состоянии отправить их в крымскую неволю, как он уже отправил год тому назад польских гетманов, Хмельницкий не сделал этого, а воспользовался своим успехом только для того, чтобы вынудить у поляков признание того, чтб они, по отношению к Руси, должны были признавать на основании древних прав. Такие черты благодушия, казалось, должны были внушить г. Микешину мысль о том, что фигуры раздавленных и задушенных врагов у ног Хмельницкого не выражают характера этой исторической личности, и что за нею есть что-то другое, составляющее его славу и величие. Вдумайтесь, г. Микешин, хоть напр. в эти слова гетмана, которому вы ставите памятник: «я выбью весь русский народ из неволи ляцкой; пусть

король будет королем, но пусть он будет свободен, пусть наказывает ваших дуков, князей, шляхту, пусть шляхта не лягает короля. Хочу, чтобы так было: князь ли согрешит, отруби ему голову, казак ли согрешит, и ему то же самое: вот будет правда!»—Эти слова, говоренные им польским комиссарам, важнее для уразумения личности Хмельницкого, чем отвратительные фигуры раздавленных и задушенных, которыми г. Микешин хочет украсить изображение Хмельницкого и город Киев.

ОТВЕТ Г. КАРПОВУ.*

Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8 января 1654—30-е мая 1672 года. Сочинение Геннадия Карпова. М. 1870.

Издавая в свет мои монографии, я всегда готов был встретить печатные указания моих недостатков и промахов, открыто сознаться в них, когда мое собственное убеждение заставит меня признать их справедливость, отнестись с благодарностью к тем, которые сделают такие замечания, и воспользоваться ими на будущее время, если представится случай. Интерес научной правды для меня был всегда дороже интересов мелочного самолюбия. По этому я не иначе, как с благодарностью отнесся к замечаниям М. А. Максимовича, написанным после второго издания моего Богдана Хмельницкого, и воспользовался некоторыми из них при третьем издании, исключая тех, с которыми не согласиться я имел основательные причины. После третьего издания означенной моей монографии, я встретил замечание г. Карпова в его книге: «Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся». Хочу с своей стороны оценить его замечания и указать, на сколько могу признать или не признать их справедливость.

Г. Карпов касается моей деятельности, во первых, как автора монографии «Богдан Хмельницкий», во вторых, как редактора Актов Археографической Комиссии.

В I главе своего сочинения (стр. 13, примеч. 3) он порицает меня за то, что я вопрос о разноречии источников о времени смерти Богдана Хмельницкого назвал вопросом, трудно разрешимым, когда для него ясно, что Богдан Хмельницкий умер 27 июля 1657 года. Он ставит мне в вину, что я, упомянув о письме Выговского к Зюзину, в котором генеральный писарь извещал о смерти Хмельницкого, упустил из виду то обстоятельство, что Выговский писал к Зюзину два раза об одном и том же.

Я не упомянул о двоекратном писании Выговского потому, что не считал важным такое обстоятельство: писал ли Выговский два или три раза или всего один раз о том, что Хмельницкий умер 27 июля. Для моей цели важно было только то, что означенное время смерти Хмельницкого указано Выговским, человеком, стоявшим близко к Хмельницкому; а сказал ли он это один только раз или повторил одно и то же одному и тому же лицу два или три раза,— для такого дела все равно. Что же касается до моих слов: вопрос трудно разрешимый, которые г. Карпов счел нужным напечатать курсивом, то, чтобы об'яснить, в чем его неудоборазрешимость, мне придется повторять, хотя и другими словами, то, что я уже говорил в своем сочинении; эта неразрешимость—в противоречии с другим источником, малорусским летописцем, свидетелем и участником эпохи Хмельницкого. Летописец этот показывает день кончины Хмельницкого—праздник Успения Богородицы, 15 августа; то же

* *Беседа*, 1871, кн. 1, отд. II, с. 1—9; *підп.: Н. Костомаров.*

повторяется и другими более поздними летописцами, очевидно, не взявшими такого известия из означенного выше, а это последнее заставляет предполагать, что и вообще в предании потомства сохранялась память о кончине Хмельницкого в день Успения, 15 августа. Об'яснение г. Карпова, будто день Успения Богородицы записан самовидцем, как один из тех дней, которые служат для народа опорными пунктами его хронологии (напр. Рождество Христово, Петров день), не разрешает вопроса. Если самовидцу нужно было означить время близким праздником, то он мог поставить гораздо ближайший 27 июля праздничный день «Маковий» (седми мученик Маккавей и матери их Соломонии и учителя их Елеазара), празднуемый в Малороссии наравне с большими праздниками. Г. Карпов указывает на то, что день погребения Хмельницкого самовидец также обозначает большим праздником—неделю пред Симеоновым днем. Это вовсе не праздник, а просто один из недельных дней, и здесь самовидец сделал указание правильно и согласно с теми указаниями, в которых и г. Карпов отнюдь не сомневается. Хмельницкий был погребен 23 августа, и в 1657 году 23 число этого месяца приходилось в воскресенье. Странно, отчего самовидец, показавший правильно день погребения Хмельницкого, ошибся в дне его кончины. Я никак не отрицал и не отрицаю возможности того, что Хмельницкий скончался 27 июля, но почему обок этого известия о смерти его существует еще и другое—о том, будто он умер 15 августа, вопрос для меня остается трудно разрешимым и после попыток разрешить его, сделанных г. Карповым.

На стр. 69 г. Карпов находит неправильным то, что я, изложив переяславскую раду по статейному списку Бутурлина, признаю верность известия Величка о чтении на этой раде условий договора, тогда как в статейном списке об этом чтении не упоминается.

Если о каком-нибудь факте один источник умалчивает, а другой говорит, то дело исторической критики сообразить, во-первых, достоверен ли источник, который сообщает о факте и, во вторых, таков ли самый факт, что по течению дела он мог или даже необходимо должен был произойти. Его возможность усиливается при достоверности источника: его необходимость, напротив, поднимает цену самого источника. Я не признаю летописи Величка вполне достоверным источником, как об этом и заявил в своем сочинении, но не отвергаю его безусловно; в ней много лжи, как автор ее и сам сознавался в этом, предостерегая наперед своего читателя, что он найдет в его летописи много «подзорного», но в ней много и правды. Страдая черезчур страстию красноглаголания, но добросовестно подозревая правдивость многого из того хлама известий, который, набравши отовсюду без разбора, он облек в пеструю хламиду своего риторства, Величко, во всяком случае, не был умышленным лжецом,подобно составителю «Истории Руссов», для прикрытия своей лжи, злоупотреблявшему архипастырским словом ничуть непричастного Георгия Конисского. Отвергать все, что только сообщает Величко, никак не следует уже потому, что многое, им сообщаемое, совершенно подтверждается другими источниками; достаточно подвергать сомнению его известия и допускать их достоверность только при строгой поверке. В том известии, о котором идет речь, сказание Величка подтверждается необходимостью рассказываемого им события.

Всякий, надеюсь, согласится, что историком, кроме доверия к источникам, должен же еще руководить и здравый смысл; полагаю, что здравый смысл должен служить ему могущественнейшим органом доводов. Величко говорит о таком событии, которого по здравому смыслу не могло не быть. Если бы до нас не дошло никакого известия о том, что на переяславской раде читались условия, на которых Малороссия приступила к соединению с московским государством, то я и тогда был бы убежден, что они там читались. Как

же могло быть иначе, когда дело шло о подчинении народа новой власти, о коренной перемене в судьбе такого общества, которое и с поляками-то воевало именно в виду тех нарушений, какие поляки делали его правам и вольностям, такого общества, где важные дела решались народным собранием, где сам выбранный глава не раз заявлял, что он ничего не может сделать без воли рады? Впрочем, известие Величка подтверждается и сказанием самовидца, который говорит: *чинячи постанову як могут заставати под высокодержавною его царского величества рукою*. Что же это за постанова, как не те же статьи? Г. Карпов, быть может, скажет, что самовидец, однако, не говорит прямо о чтении этой постановы на раде. На это мы укажем ему, что вслед за известием об учинении *постановы* с послами, этот летописец говорит о собрании рады народной *за для* этих послов, и на этой раде казаки «позволилися зоставати под рукою царя». Рада, собранная *за для* московских послов, должна была давать позволение, т. е., народный приговор. На что же народ мог давать свой приговор, как не на *постанову* с послами? Как же он мог давать его, не слыхавши этой постановы? Очевидно, самовидец этим известием подтверждает известие Величка.

Но если и допустить, что статьи читались на раде, то г. Карпову все таки кажется трудно об'яснить, как он выражается, почему я полагаю, что чтение на раде было сходно с просительными статьями, предложенными в Москве послами казацкими в марте 1654 года, а не заключало в себе какого-нибудь иного содержания.

Все таки на основании того же здравого смысла. Если через два месяца после переяславской рады явились в Москву послы от войска запорожского с просительными статьями, то, конечно, эти статьи должны были быть выражением желания, высказанного на народном собрании, решившим судьбу нации, а это собрание, созванное по вопросу о присоединении Малороссии, было именно то, на котором, как выше сказано, читались заключенные с послами условия и, без сомнения, одобренные народом. То, что постановлено в Москве, в марте, имело значение царского окончательного утверждения того, что постановлено было в январе в Переяславле.

Г. Карпову не нравится то, что Величко говорит о клятвенном обещании, будто бы данном послами от имени государя в том, что он будет держать Малую Россию по прежним правам и вольностям. Г. Карпов за это недоволен не только летописью Величка, но и мною, как будто я, приведши это известие, тем самым уже непременно признаю его несомненно верным, тогда как я не сказал о нем своего мнения. Факт, находимый в источниках, может быть важен не только в смысле действительно совершившегося в свое время события, но и в смысле усвоенного верою современников вымысла, перешедшего в предание потомства. Если бы какой-нибудь факт никогда не совершался, да существовала бы вера и убеждение в том, что он происходил,—он для меня остается также важным историческим фактом. Много фактов, несомненно совершившихся, не оставляли влияния на нравы, быт и понятия народа, и нередко, гораздо важнее их бывают чистые вымыслы или извращения исторической действительности. Известие приводимое Величком, представляет для историка важность в виду того желания оставаться под московскою державою не иначе, как с сохранением своенародных прав, которое оказывала Малороссия со времен Богдана Хмельницкого до тех пор, пока течение жизни, под давлением слияния с Великою Русью, не заглушило в ней порывов местного национального духа.

Само собою разумеется, что важность факта в смысле общественной веры или предания не устраняет научного стремления отыскать правду действительного былевого значения этого факта. Рассматривая известие Величка с этой стороны, мы найдем в нем два признака: первый—обещание, второй—

клятвенность обещания. Первый признак подтверждается тем, что казацкие чиновники, ездившие впоследствии в Москву, ссылались на обещания: поэтому я признаю, что этот первый признак достоверен; что же касается до второго, то я оставляю его под сомнением, допуская, что он мог быть преувеличением обещания, составившегося в головах малороссов, всячески дороживших своими правами; но не имею основания совершенно отвергать и его возможность: если это не была формальная присяга, то могла быть божба, от которой русский человек не всегда остерегается, тем более, что высказать ее могли в то время от чистого сердца без задних мыслей.

Г. Карпов приводит отрывок из описания почетной встречи послам в Калуге, где произносились похвальные речи этим послам, и говорит: «не знаем, почему г. Костомаров пропускает этот официальный документ,—хотя бы отвергнул его!»

Я пропустил этот официальный документ, потому что он для меня был вовсе не нужен, и сверх того не опровергал его от того, что в нем нечего было опровергать. Я писал не о приказных обычаях и московской обрядности. Главное внимание в моем сочинении обращается на дела Украйны и преимущественно на борьбу народа южнорусского с Польшею за свое освобождение; дел, относящихся к Москве, я касался только, когда они состояли в связи с делами Украйны, и притом по мере их важности, на сколько они служат источниками для этих последних. Документ, упоминаемый г. Карповым, по моему взгляду, не имеет даже второстепенного отношения к народному украинскому делу, и подобные документы только бы загромождали мое повествование.

То же приходится сказать г. Карпову и против того, что он говорит обо мне в V главе своего «Критического обзора». Главное, что он хочет поставить мне в вину,—это то, что я не воспользовался актами архива министерства юстиции. Он даже уверяет своих читателей, что я не заглядывал в них, хотя имел под рукою, и это ему, г. Карпову, известно на том основании, что несколько лет тому назад, он г. Карпов пользовался ими в археографической коммисии. Подобного рода замечаниям нельзя придать более приличного названия, как назвав их «школьническими». Что, в самом деле, дает г. Карпову право делать такие выводы на том основании, что в то время, когда занимался этими делами он, не занимался ими я, будучи отвлечен совсем другою эпохою русской истории? Точно как будто я обязан сидеть каждый день в коммисии для того, чтобы быть видимым за делами архива министерства юстиции каждым входящим в коммиссию! Ставить в упрек автору, что он не воспользовался таким или другим источником, можно только тогда, когда при этом же укажутся и недостатки, происшедшие от такого невнимания. Без этого на подобный упрек всякий скажет: да, не воспользовался—и только. Что же я потерял от этого? И я в настоящее время скажу, что, просмотревши означенные дела при переделке моей монографии для третьего издания, я не нашел в них для себя важных сторон, хотя и сознавал их важность в других отношениях, и даже особенно занимался из них бумагами о Тимошке Акундинове, но совсем для другой цели. Правда там есть несколько сношений московского правительства с Хмельницким, но, по моим понятиям, до того второстепенных, что включение из них подробностей в мою монографию было бы лишним балластом и наводило бы на читателя скуку, скорее затемняя главный предмет, чем раз'ясняя его, как всегда бывает тогда, когда исторический писатель думает, что чем громаднее будет куча мелочей, набранных им отовсюду, тем более выиграет ученое достоинство его труда. Но этими актами воспользвался, однако, г. Соловьев,—говорит г. Карпов. Не следовало при этом забывать, что цели «Истории России» и монографии о Богдане Хмельницком были различны. С. М. Соловьев писал историю России, имея в виду стройное и последовательное развитие государственной и общественной

жизни, а я—монографию о восстании народа южной Руси против Польши под предводительством Богдана Хмельницкого, имея в виду преимущественно и на первом плане интересы местные, давая собственно местным событиям большой простор в повествовании, а тому, что, не входя в круг местных событий, только соприкасается с ними, отводил в моем сочинении меньший об'ем, смотря по отношению к главному предмету повествования. Оттого, как вероятно заметил г. Карпов, вообще время после присоединения Малороссии к России изложено у меня короче, ибо тогда самодеятельность местного народного восстания в сравнении с прежними годами является в меньшем развитии. Оттого вообще не только акты, хранящиеся в архиве министерства юстиции, но и те, которые были мною же изданы, часто оказывались для меня или вовсе не нужными, или, принесши свою долю в установке взгляда на предмет повествования, не доставили мне на столько важных подробностей, чтобы могли показаться читателю главными источниками повествования. И вообще для меня акты московские были важным источником только с одной стороны—по прикосновению Украйны к московскому государству; в том же, что касается собственно местной жизни украинской и дела народной борьбы, т. е., главного предмета моего повествования, этот источник часто оказывается очень мутным.

Всякий может судить,—говорит г. Карпов,—что автор Богдана Хмельницкого, при такой допущенной свободе относительно источников, мог бы, в тексте своего сочинения, писать что угодно, выдавать за важное, чего не было на свете, умалчивать о том, что ему не нравится,—одним словом, сочинять историю и пр.

В чем же эта свобода относительно источников? В том, что г. Карпов не встречает у меня ссылок на многие акты, относящиеся к времени, которому посвящено мое повествование. Но ведь всякий историк, сколько их ни было на свете, из множества материалов, бывших у него в распоряжении, свободно брал для себя только то, что ему на тот случай оказывалось нужным, излагал подробнее то, что считал важнейшим, о другом упоминал вскользь, о третьем совсем не говорил. Иначе и быть не может. Это вовсе не значит писать то, чего не было на свете. Что касается до слов: сочинять историю, то я полагаю, что в этом и состоит призвание историка; ибо сочинять историю, по моему понятию, значит уразумевать смысл событий, давать им разумную связь в стройный вид, не ограничиваясь переписываньем документов и скучиванием всякой всячины по пословице: «что в печи, то на стол мечи».

По видимому, ближе к справедливости упрек г. Карпова, делаемый мне по редакции актов южной и западной России: зачем при издании актов министерства иностранных дел, относящихся к эпохе Богдана Хмельницкого, не изданы соответствующие акты архива министерства юстиции. Я сам жалею, что они не были изданы. Но на это были причины зависящие не от меня, и от того, что в то время, когда III том издавался, коммисия встречала затруднения в приобретении их в свое распоряжение для напечатания; а как получила их после, то предположила издавать на будущее время. Впрочем коммисия вообще не может быть обвиняема за то, что не издала того или другого. Она постоянно занята изданием материалов, и ей всегда следует издавать то, что в данное время легче достается в ее распоряжение; если бы для полноты издания она стала выжидать прилива новых материалов, то ей пришлось бы не издавать ничего в продолжении многих лет. Всякий, кто следил за изданиями коммисии, признает, что издание актов южной и западной России под моею редакцией шло безостановочно; каждые два года являлся один том. Скорее и вместе полнее издавать было невозможно, сообразно средствам коммисии, которая, как без сомнения известно и г. Карпову, кроме материалов по истории южной и западной Руси, ведет еще и другие издания. Прежде чем ставить

коммисии на вид, зачем она того или другого не издала, не худо бы было подумать о том, на какие средства коммисия может расширить круг своих работ, требующих издержек. Вот, пусть бы какой-нибудь богатый и тароватый любитель археологии пожертвовал коммисии сумму на издание этих актов,— тогда коммисия будет не по одному тому в два года, а по два тома в один год. До тех же пор, пока коммисия будет принуждена ограничиваться теми средствами, какие теперь находятся в ее распоряжении, она в состоянии выпускать в свет свои издания только в таком порядке, какой обусловливается обстоятельствами, существующими в настоящее время.

Г. Карпов ставит мне в вину то, что в числе источников для Богдана Хмельницкого, я не поместил истории г. Соловьева. Всякий другой не поставил бы мне этого в вину, потому что легко бы мог понять, от чего это происходит. Вообще в числе источников я помещал только такие сочинения, которые мне сообщали сведения первичные, т. е., такие сведения, которых в данном виде я не мог получить нигде, кроме этих сочинений. Но чем пользовался автор «Истории России» об эпохе Хмельницкого, тем мог пользоваться и я. В других моих сочинениях я помещал в перечне источников ту же «Историю России» потому что находил в ней сведения, которыми не мог пользоваться прямо из тех сочинений, откуда они поступили в «Историю России». Отклоняясь от главного предмета, но следя за моими отношениями с одной стороны к «Истории России», с другой к актам архива министерства юстиции, г. Карпов, на стр. 150 своего сочинения, приводит мое замечание, напечатанное в «Вестнике Европы» 1868 года о том, что статейного списка посольства Ладыженского я не отыскал в делах малороссийского приказа, которыми я пользовался из архива иностранных дел, и делает такое заключение: «у читающего его статью могут естественно возникнуть разные мысли, даже пожалуй насчет того, не истребляет ли г. Соловьев архивные документы».

Я согласен, что у читающих мои сочинения могут быть разные мысли, потому что читающие мои сочинения могут быть разные лица, и в числе их тупоумные, которым мало-ли чего может всходить в голову, но я, трудясь над своими сочинениями, не имел в виду такого рода читателей и потому не считал себя обязанным заранее соображаться с тем, чтобы угодить их прихотям. Дело все в том, что означенный статейный список находится между актами архива министерства юстиции, а не архива министерства иностранных дел. В XI томе «Истории России» ссылка 43 относится к тому, что в тексте напечатано со страницы 152, вслед за указанием на 42 ссылку, до 157 страницы, внизу, где приводится указание на ссылку 43. В этой части рассказывается содержание статейного списка Ладыженского почти исключительно (кроме нескольких строк, заимствованных из письма Тетери, напечатанного в Памятниках киевской коммисии), вплоть до последней 157 страницы, на которой упоминается о посольстве Бунякова. Относясь к этой части текста, ссылка 43 содержит в себе название нескольких источников в таком порядке: «Архив министерства иностранных дел; дела малорос. 1662 и 1663 годов; Архив министерства юстиции, столбцы малорос. приказа № 5865; Памятники киевской коммисии IV. 256». Понятно, что по такой ссылке прежде всего можно надеяться найти статейный список Ладыженского в делах архива министерства иностранных дел, потому что в ссылке, в числе источников, имя этого архива поставлено впереди, а в соответствующей этой ссылке части текста список Ладыженского занимает переднее и главное по важности место; да и по самому содержанию этого документа ему подобало быть в архиве министерства иностранных дел, с целью составления статьи о гетманстве Юрия Хмельницкого, и не нашедши этого документа, я принужден был ограничиться тем, что знал о нем из «Истории России», и счел делом добросовестности заметить об этом. В то время, по моим обстоятельствам, я не мог

пользоваться архивом юстиции, которым отчасти пользовался прежде, но и не предполагал найти в столбцах его важный документ, о котором идет речь, уже по тому указанию на архив министерства иностранных дел. Скорее можно было думать, что это указание относится к какой-нибудь второстепенной черте, в роде того, для чего приведено указание на памятники киевской комиссии. Я не выражался, что в делах нет этого статейного списка вовсе, а только заявил, что не нашел его я сам. Если мне не сообщил его архив министерства иностранных дел, то это мне еще не давало повода заключать, что его там нет. Разве не могли быть какие-нибудь особенные свои причины, по которым не сочтено было удобным уделить его мне? Всего этого достаточно, чтобы всякий, кто, читая, умеет понимать смысл читаемого, не впал в подобные замечания насчет г. Соловьева, какие делает г. Карпов.

Из всего этого читатель может видеть, что приведенные нами замечания г. Карпова насчет некоторых мест моего сочинения лишены достаточных оснований и принадлежат к разряду придирок, очень легко опровергаемых одним только ближайшим и здравым взглядом на вопросы, которых они касаются. Но на странице 77 г. Карпов показывает, что он наткнулся на действительный мой промах, хотя со своей стороны совершенно неумышленный: это то, что у меня в Богдане Хмельницком (часть III, стр. 162), вместо слов «золотые монеты», явилась опечатка «золотые медали». Тут остается покаяться: просмотрел!

ЗАМЕТКА

по поводу недавно изданной в Москве книги под названием: «Г. Костомаров, как историк Малороссии», соч. Геннадия Карпова.*

«Зовсім козак, тільки чуб не так».
Малорусск. поговорка.

«Никак я не ожидал, чтоб мои скромные труды по отечественной истории подали когда-нибудь повод к сочинению книжек под таким названием. Этим я обязан чрезвычайному вниманию ко мне г. Геннадия Карпова. Не желая оставаться в долгу, считаю нелишним сказать следующее:

Заниматься, с пользою для науки, историею событий, совершившихся в каком-нибудь крае, можно не иначе, как основательно познакомившись с внутреннею жизнью народа, обитавшего или обитающего в этом крае, изучив не только его законы, учреждения, обычаи, но также его понятия, верования, склад характера, симпатии и антипатии, способ воззрения на разные условия жизни, образ выражения. Без уразумения всего этого можно не понимать смысла событий, хотя нам и будет казаться, что мы их понимаем. Подтверждение этой истины—впрочем, давно сделавшейся общедоступною—мы видим на суждениях и взглядах г. Карпова, очевидно, считающего возможным, при занятиях историею Малороссии, обойтись без того, на что мы указываем.

Еслиб иначе было, г. Карпов не сделал бы такого вывода: при борьбе с Польшею у казаков зипунов не было и самого слова такого не существует в языке, которым казаки говорили. Пусть бы г. Карпов сделал промах в суждении о какой-нибудь второстепенной черте местного быта[1], это куда бы

---

* *Голос*, 1871, № 130; *підп.: Н. Костомаров.*

[1] В роде предположения, что сообразно народному обычаю считать течение времени праздниками, летописец мог подогнать 27-е июля к празднику Успения, тогда как всякий, знакомый с свойством обычая, на который ссылается г. Карпов, не допустил бы этого, потому что между 27-м июля и Успением есть два праздника, играющие роль в народном календаре, и таких скачков, которые кажутся возможными г. Карпову, не бывает.

еще не шло; но г. Карпов указывает нам исторический вопрос, ставит его на «самом видном месте», следовательно, признает его одним из важнейших; и что же? оказывается, что даже и предмета, к которому этот вопрос относится, совсем не существовало в том обществе, которого прошедшее берется раз'яснить нам историк-критик. Это не дает нам повода надеяться увидеть в нем русского Нибура!

Если б иначе было, г. Карпов не сказал бы: «Масса малорусского народа всего менее думала о каких-либо правах: восстала она против Польши и решилась соединиться с казаками для защиты своей веры». Или: «Вся Малороссия, народ и казаки, воевала с Польшею, но только, как всем известно, не из-за прав, а для защиты гонимой веры своих отцов». Он знал бы, что казаков и народ нельзя ставить друг против друга, как что-то между собою разнородное, что казаки были кость от костей и плоть от плоти народа, что небывшие казаками приставали к тем, которые уже назывались этим именем, не так, как к постороннему общественному телу, а как к ядру нового общественного строя, которое, увеличиваясь в об'еме, по желанию большинства народного, должно было захватить в себя целый народ, и борьба с препятствиями, возникавшими против этого стремления, как извне, так и извнутри, составляет важнейший вопрос малорусской истории. Нигде, где только поднималась борьба за гонимую веру, эта вера не была исключительною и единственною причиною восстания, а всегда соединялась и переплеталась с вопросами мирских условий жизни. Иначе и быть не может, потому что гонимые за веру терпят утеснения и оскорбления не в одних только делах, касающихся веры, но и в разных житейских условиях. Человек с верою в небесное живет на земле, а не на небесах. Так было и в Малороссии, и прежде чем решаться провозглашать, что только казаков интересовали *кое-какие* права, а малороссийский народ восставал *не из-за прав*, но единственно за веру, прежде чем утвердительно говорить, что это *всем известно* и приглашать меня *не забывать* этого, лучше было бы г. Карпову поостеречься, чтоб ему не указали чего-нибудь такого, что другим всем давно известно, кроме его самого. А грунты, которыми вообще малороссы хотели пользоваться, как собственностью, без всякого опасения быть прогнанными с них? А стремление освободиться от панской юрисдикции, от панских подстарост, дозорц, арендаторов, от панских поборов и налогов? А стремление невозбранно вступать в казачество? А домогательства мещан не подвергаться стеснениям в судах, промыслах, торговле? Разве все это не искания прав и вольностей, как говорилось в оное время? У малорусского народа были свои общественные идеалы, отличные от польских и от великорусских, как и сам народ выразил это в своей замечательной поговорке: у ляхів—пани, у москалів—реб'ята, и у нас—брати (у поляков — господа, у великоруссов — ребята, а у нас — братья). Этот-то идеал братства и выражался формою казачества: Внешние обстоятельства с одной стороны, отсутствие в достаточной степени внутренней силы—с другой, не допустили народа добыть тех прав, к которым он стремился.

Не уразумевая, что такое казаки и в каком отношении они находились к той части народа, которая в данное время не называлась официально казачеством, г. Карпов ошибочно представляет себе переяславскую раду, на которой последовало присоединение Малороссии к московскому государству: он воображает, что на этой раде были, кроме казаков, народные «представители», и поэтому казацкая старшина не могла об'явить о тех условиях, на которых Малороссия соединялась с московским государством, так как эти условия были выгодны только для казаков, а не для народа. Никаких «представителей» от народа, невходившего в казачество, на радах в Малороссии не было. Переяславская рада, как и всякая другая, была казацкая, могли быть

там и «всяких чинов люди», как и на всякой другой, отправлявшейся на вольном воздухе, но совещание происходило с казаками—войском запорожским, составлявшим полноправный народ в глазах тех, которые, в противность всеобщему желанию народа, старались сдержать стремление к оказачению и ограничить число казаков, хотя вообще не закрывая его безусловно для новых членов из остального народа. Созвавши раду, Хмельницкий и старшина не могли не об'явить ей тех «прав», на которых войско запорожское поступало под власть московского государя; иначе казаки сами бы заговорили об них. Ко всякому казаку того времени приростала, так сказать, идея о «правах». Гетман иногда мог управлять и поступать самодержавно не спрашиваясь рады, но не иначе, как и не собирая ее. Если же гетман собирал генеральную раду, то это само по себе значило, что он находит нужным узнать общую волю и сообразоваться с нею.

Г. Карпов в первой своей книжечке «Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся», ставил мне в вину то, что я не воспользовался некоторыми актами. В ответе своем, напечатанном в журнале «Беседа» нынешнего года, я об'яснял, что при упреках подобного рода следует указать и те упущения, какие произошли в моем сочинении от того, что я оставил без внимания то или другое. Известно, что каждый историк из множества материалов выбирает то, что считает нужным для своей цели. Г. Карпов написал другую книжечку, специально посвященную мне и даже с моею фамалией в заглавии, однако и в ней не сумел ничего показать, кроме собственного неведения и непонимания сущности предмета, которым он занимается, что, надеюсь, очевидно доказывается теми словами автора, которые мы привели выше. За то он обещает «все положения своей книги подтвердить более обширным трудом по истории Малороссии, к которой она служит только введением». Мало пользы принесет науке обширный труд, который будет служить подтверждением таким великим открытиям, как зипуны у малорусских казаков, и проч.

МАЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.*

Малорусская литература—явление недавнее, именно потому, что она имеет исключительно народный характер. И у нас, как и везде, прежде считалось непреложным, что язык книжный должен быть особым языком от разговорного, а писатель, берясь за перо, настраивал себя на такую речь, какой сам не употреблял в простом розговоре. У нас сыздавна был книжным языком славяно-церковный; писать казалось возможным только на нем; язык живой врывался в него невольно, но всегда писатель старался держаться, по возможности, книжного склада речи. Можно сказать, что литературный язык на Руси изменялся по мере большего невежества в славяно-церковном языке; писатели сбивались на просторечие против собственного желания. В южной и западной Руси, политически отделенной от северной и восточной, славяно-церковный язык стал уступать другому языку литературному, но также не народному, хотя и состоявшему в большей близости к последнему, чем древний славяно-церковный. Это была ученая смесь славяно-церковного, польского и живого русского, под работою туземных грамматиков и риторов, получившая своеобразную форму. Язык этот назывался русским и послужил для значительного количества богословско-полемических сочинений, актов, писем и исторических повествований. Ученые составляли для него словари и грамматики. При более тесном сближении Малороссии с Великороссиею, этот книжный язык уступил место другому, созданному Ломоносовым и развившемуся последовательною работою и дарованиями русских писателей. Он был ближе к народному великорусскому по выговору, по строению, но отличался от него множеством слов и оборотов, взятых из славяно-церковного и выкованных писателями, усвоившими формы и способ выражения из иностранных языков, древних и новых, так что литературное развитие удаляло его от народного, а не приближало; для Малороссии он был более искусствен, чем для великоруссов и более далек от тамошней народной речи. Высший класс малорусского народа, который был сравнительно образованнее прочей массы, усвоивал этот язык сначала на письме, потом и в живой речи, хотя долго не оставлял в домашнем быту своего прадедовского, народного. Малорусский простолюдин почти не понимал его. Говоря с последним, малорусс высшего класса и образования поневоле спускался до языка простолюдина, потому что иначе они бы не могли об'ясниться друг с другом; но писать на языке простого народа долго казалось большинству решительно невозможным.

Но в образованном мире начался переворот. С распространением просвещения почувствовались недостатки исключительной книжности; стали приближаться к живой речи, старались излагать на письме мысли приблизительно тому, как они излагались в разговоре; то был покамест далекий идеал; дело шло медленно, также медленно, как образование масс народа и слияние его

---

* *Поэзия Славян,* сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей, 1871, стр. 157—163; *підп.: Н. Костомаров.*

сословий, и до сих пор это литературное дело далеко не доведено до конца: мы все-таки пишем и даже говорим между собою не так, как остальная масса народа. Заметив здесь это обстоятельство, мы, однако, понимаем, что при малом количестве образованных людей в сравнении со всем народонаселением, лишенным всяких средств к образованию, разница в языке образованного класса от языка народной массы неизбежна, когда простолюдину незнакомы понятия и предметы, требующие незнакомых для него слов и оборотов; но, кроме того, разница эта зависит еще и оттого, что мы пишем и говорим отлично от народа даже и тогда, когда о том же самом у народа есть готовый склад речи. Тем не менее XIX век все таки отличается тем, что язык книжный стремится слиться с разговорным, является потребность, чтобы склад речи образованного человека и простолюдина был в сущности одинаков. Если мы многое можем дать простолюдину, знакомя его с предметами, понятиями и образом жизни высшего человеческого развития, то с своей стороны и от него можем заимствовать немалое: именно, живость, простоту и правильность речи, что, без сомнения, и есть правильная, истинная грамматика языка, которая указывает формы, созданные безискусственною природою, свободным течением народной жизни, а не вымыслом кабинетного ученого. Вероятно, с развитием просвещения в массах, произойдет этот желанный обмен. Народ расширит свой кругозор сведениями, добытыми наукою, а сама наука может заимствовать от народа более простой и живой способ выражения.

Упрощение языка будет последствием широкой образованности. По нашему мнению, первым шагом к этому великому последствию было то, что простолюдин в литературе перестал подвергаться полному невниманию; его быт, нравы, понятия, верования, его песни и сказки, его язык стали предметом исследования и изображения. Идея народности вступила в литературу.

С появлением этой идеи, на Руси стали изучать русского простолюдина, дорожить его речью; знать ее и владеть ею уже стало достоинством. Поэтому и в Малороссии обратились к тому же. Но тут то оказалось, что в этом русском крае господствует в народе совсем иная речь, отличная от той, которая слышится в других краях, речь, отпечатлевшая на себе иначе прожитую жизнь в течении протекших веков. Простолюдин-малорусс оказался очень непохожим на простолюдина-великорусса, хотя по главным основным чертам и тот и другой принадлежат к одному народному дереву. Поэтому, вступая своею особою в число предметов, изображаемых литературою, простолюдин-малорусс естественно должен был принести с собою особую ветвь литературы с своеобразною речью. Когда одни писатели довольствовались тем, что старались изобразить его на общерусском языке, другие находили такой способ недостаточным, видели в русских сочинениях, изображавших малорусскую жизнь, как бы переводы с какого-то другого языка и притом переводы редко удачные, и обратились к живой речи народной малорусской, стали вводить ее в литературу, и таким-то путем возникла малорусская литература в наше время.

Начало ее положено Котляревским в первых годах текущего столетия. По господствовавшему тогда образу воззрений, речь мужика непременно должна была смешить, и, сообразно с таким взглядом, Котляревский выступил с пародиею на «Энеиду» Виргилия, составленною по малорусски, где античные боги и герои изображены действующими в кругу жизни малорусского простолюдина, в обстановке его быта, и сам поэт представляет из себя также малорусского простолюдина, рассказывающего эти события. Но эта пародия возымела гораздо большее значение, чем можно было ожидать от такого рода литературных произведений. На счастье Котляревскому, в малорусской натуре слишком много особенного, ей только свойственного юмора, и его то вывел Котляревский на свет, желая позабавить публику; но этот народный своеобразный юмор оказался, независимо от пародии, слишком свежим и освежаю-

щим элементом на литературном поле. Сам автор был человек в высокой степени талантливый. Несмотря на то, что он для своего произведения избрал почти несвойственный малорусской поэтической речи четырехстопный ямб, каким в обилии писали тогда русские поэты, «Энеида» имела громадный успех и Котляревский открыл собою целый ряд многих талантливых писателей. Не ограничиваясь «Энеидой», Котляревский написал еще две драматические пьесы: «Наталку Полтавку» и «Москаля-Чарівника». Обе эти пьесы долго игрались на сцене в Малороссии, а последняя и в столицах, где она и до сих пор остается единственным малорусским драматическим произведением, не сходящим со сцены. И правду сказать: эта небольшая пьеса, сюжет которой заимствован из народной сказки, не встретила у нас до сих пор еще ничего такого, что бы стало выше ее по достоинству, в качестве простонародной комедии. «Наталка» очень любима в Малороссии; песни из нее распространились до того, что сделались почти народными.

За Котляревским явился другой талантливый писатель: Петр Петрович Артемовский-Гулак. От него осталось только несколько стихотворений, но за то они приобрели чрезвычайную популярность, и можно встретить много малороссов, знающих большую часть из них наизусть. Подобно Котляревскому, и Артемовский-Гулак сперва имел намерение посмешить, позабавить—и начал пародиями на оды Горация, приспособляя воззрения римского поэта к понятиям малорусских поселян. Из написанных им, кроме того, стихотворений, видное место занимает «Пан Твардовский», баллада. Сюжет ее тот же, что и в балладе с таким же названием, написанной по польски Мицкевичем, но малорусский вариант отличается большею образностью и народным комизмом, чем польский. Из нескольких басен, написанных им, «Пан та собака», по художественности, по глубине мысли и народному колориту, занимает высокое место, тем более, что она выражает болезненное, но сдержанное чувство народа, безвыходно терпевшего произвол крепостничества. Артемовский-Гулак был редкий знаток самых мельчайших подробностей народного быта и нравов, и владел народною речью в таком совершенстве, выше которого не доходил ни один из малорусских писателей. Нельзя не пожалеть, что этот истинно-талантливый писатель рано покинул свое поприще. В старости он снова было обратился к нему, но последние его произведения далеко уступают первым.

Время тридцатых и начала сороковых годов настоящего столетия ознаменовалось появлением произведений Григория Федоровича Квитки, писавшего под именем Основ'яненка. Квитка начал свою литературную деятельность на малорусском языке уже в преклонных летах, постоянно проживая на хуторе близь Харькова, в общении с народом. Кроме повестей, писанных по русски и помещенных в «Современнике» и «Отечественных записках», Квитка по малорусски написал двенадцать повестей (Салдацькый патрет, Маруся, Мертвецькый велык-день, Добре роби—добре й буде, Конотопська видьма, От тоби й скарб, Козырь-дивка, Перекоти-поле, Сердешна Оксана, Пархимове сниданне, Божи дити, Щира любов [1], и пять драматических произведений (Шельменко-писарь, Шельменко-денщик, Сватанье на Гончаривци, Щира любов, Бой-жинка, последняя не была напечатана, но игралась на Харьковской сцене). Трудно определить превосходство одной его повести пред другою, потому что каждая имеет свои достоинства и представляет то ту, то другую сторону народного быта, нравов и взглядов. Если в «Солдатском портрете» Квитка, описывая сельскую ярмарку, рисует простодушие поселянина до того комически, что возбуждает смех в самом серьезном читателе, то в «Марусе»,

[1] Последние две почему то не вошли в последнее издание его литературных сочинений, но мы когда-то читали их, получив от самого автора в рукописи; из повести «Щира любов» Квитка потом составил драму, которая по достоинству, много уступает повести того же содержания.

«Сердечной Оксане» и «Божих детях», при разнообразии отношений и положений, выражает такую полноту, глубину и нежность народного чувства, что выжимает слезу у самого веселого и беспечного. В повестях «Конотопська вiдьма», «От тоби скарб», «Мертвецький велык-день» он выставляет самые затейливые фантастические представления; в повестях «Добре роби—добре й буде», «Перекоти-поле»—изображает народные нравственные понятия; и «Козырь-дивке» выводит отношения, в которых народная сельская жизнь сталкивается с властью и администрациею; и везде является он верным живописцем народной жизни. Едва ли кто превзошел его в качестве повествователя-этнографа, и в этом отношении он стоит выше своего современника Гоголя, хотя много уступает ему в художественном построении. Из его драматических произведений, комическая оперетка «Сватанье на Гончаровке» отличается верным и талантливым изображением домашних нравов подгородного народа; пьеса эта имела большой успех на Харьковской сцене и в других местах, а также во Львове. Чересчур местный интерес этой пьесы не дал ей места на столичной сцене; но, кажется, недостаток артистов, знающих малорусский язык и малорусскую жизнь на столько, чтобы исполнить эту пьесу, был главною причиною непоявления ее на столичной сцене. Несколько лет тому назад «Сватанье» было исполнено любителями в Пассаже и было встречено с большим восторгом. Квитка имел громадное влияние на всю читающую публику в Малороссии; равным образом и простой, безграмотный народ, когда читали ему произведения Квитки, приходил от них в восторг. Не помешали успеху творений талантливого писателя и литературные приемы, чересчур устарелые, ни то, что у него господствует слободское наречие, отличное от наречия других краев Малороссии. Не только в русских юго-западных губерниях, но и в Галиции, где наречие уже значительно разнится в мелочах от харьковского, сочинения его читались с наслаждением, как свое родное. Великорусские критики упрекали его в искусственной сантиментальности, которую он будто навязывает изображаемому народу; но именно у Квитки как этого, так и ничего навязываемого народу—нет; незаслуженный упрек происходит оттого, что критики не знали народа, который изображал малорусский писатель.

Одновременно с Квиткою писали стихотворения по малорусски: Гребенка, Боровиковский, Афанасьев-Чужбинский, Метлинский (Амвросий Могила), Писаревский, Петренко, Корсун, Щоголев и др. Все они были более или менее люди не бездарные, но никто из них не обладал талантом настолько, чтобы составить эпоху в молодой литературе. Это суждено было Тарасу Григорьевичу Шевченке.

До Шевченки малорусская литература ограничивалась изображением народного быта в форме повестей и рассказов, отчасти в форме драмы, или стихотворениями в народном тоне. Сам Квитка, с его уменьем воспроизводить народную жизнь, не шел далее простого изображения. Выраженные им чувства и воззрения народа ограничиваются тем, что действительно можно было талантливому наблюдателю подметить во внешнем проявлении у народа и только. Народ у Квитки не смеет подняться выше обычных условий; если, иногда, он и заговаривает о своей боли, то очень не смело, и не дерзает помышлять ни о чем лучшем. Народность Квитки, как и вообще тогдашних народоизобразителей—это зеркало, наведенное на народный быт; по мере того, каково это зеркало—в нем, с большею или меньшею верностью и полнотою, отражается то, что есть в данный момент. Но Шевченко был сам простолюдин, тогда как другие более или менее были паны и панычи, любовавшиеся народом, иногда в действительности любившие его, но в сущности, по рождению, воспитанию и стремлениям житейским, не составлявшие с народом одного целого. Шевченко в своих поэтических произведениях выводит на свет то, что лежало глубоко на дне души у народа, несмея под тягостью внешних условий, показаться—то,

что народ только смутно чувствовал, но не умел еще облечь в ясное сознание. Поэзия Шевченки—поэзия целого народа, но не только та, которую сам народ уже пропел в своих безыменных творениях, называемых песнями и думами: это такая поэзия, которую народ сам бы должен был запеть, если бы с самобытным творчеством продолжал далее петь непрерывно после своих первых песен; или, лучше сказать, это была та поэзия, которую народ действительно запел устами своего избранника, своего истинно-передового человека. Такой поэт, как Шевченко, есть не только живописец народного быта, не только воспеватель народного чувства, народных деяний,—он народный вождь, возбудитель к новой жизни, пророк. Стихотворения Шевченки не отступают от формы и приемов малорусской народной поэзии: они глубоко малорусские; но в то же время их значение никак не местное: они постоянно носят в себе интересы общечеловеческие. Шевченко не только малорусский простонародный поэт, но вообще поэт простого народа, людской громады, подавленной издавна условиями общественной жизни, и вместе с тем чувствующей потребность иных условий и уже начинающей к ним стремиться, хотя еще и не видящей верного исхода, а потому нередко впадающей в отчаяние, грустной даже и тогда, когда ей в душу заглядывает упование далекого будущего. «Мы веруем твоему слову, о Господи!» восклицает в одном из стихотворений малорусский певец: «восстанет правда, восстанет свобода; и Тебе Единому поклонятся все народы во-веки, но пока еще текут реки, кровавые реки!» Понятно, что крепостное иго, тяготевшее над народом, встречало в Шевченке ожесточенное негодование. «Видишь ли—говорит он в другом своем произведении—в этом рае снимают с калеки заплатанную свитку для того, чтобы одеть недорослых княжичей; там распинают вдову за подати, берут в войско единого сына, единую подпору; там под плетнем умирает с голода опухший ребенок, тогда как мать жнет на барщине пшеницу, а там, опозоренная девушка, шатаясь, идет с незаконным ребенком: отец и мать отреклись от нее, чужие не принимают ее, нищие даже отворачиваются от нее... а барчук:.. он не знает ничего: он с двадцатою по счету (любовницею) пропивает души. Видит ли Бог из-за туч наши слезы, горе? Видит и помогает нам столько же, сколько эти вековечные горы, покрытые человеческою кровью!» Не удивительно, что, живя и действуя в период строжайшего сохранения существующего порядка, малорусский поэт, дерзнувший открыть завесу тайника народных чувств и желаний и показать другим то, что гнет и страх приучили каждого закрывать и боязливо заглушать в себе, осужден был судьбою на тяжелые страдания, которых отголоски резко отозвались в его произведениях. Быть может, с тех пор, как народ освободился от одного из бремен, лежавших на нем—крепостного рабства, с тех пор, как Россия вообще уже вступила на путь преобразований, такой поэт, как Шевченко, не может повториться; дальнейшие улучшения в жизни народа, дальнейшее его развитие должны происходить посредством умственного труда и гражданской доблести, а не поэтических возбуждений; иные предметы, иные приемы будут вдохновлять грядущих поэтов, но для Шевченки навсегда останется место в плеяде великих певцов славянского мира. В художественных приемах он уступает таким поэтам нашего племени, как Пушкин и Мицкевич, как уступал им вообще по воспитанию, хотя этот недостаток и значительно восполнялся силою его творческого гения; но по животворности его идей, по благородству и всеобъемлемости чувства, по естественности и простоте—Шевченко превосходит их. Его значение в истории—не литературы, не общества, а всей массы народа. Если новые условия жизни, великие перевороты и целый ряд иного рода событий унесут с лица земли малорусскую народность, история обратится к Шевченке всегда, когда заговорит не только об угаснувшей малорусской народности, но вообще о прошлых судьбах русского народа. Если когда-либо потомки долго страдавшего, униженного,

умышленно содержимого и невежестве мужика, будут пользоваться полною человеческою свободою и плодами человеческого развития, судьбы, прожитые их прародителями, не утаснут в их воспоминаниях, а вместе с тем они с уважением будут вспоминать и о Шевченке, певце страданий их предков, искавшем для них свободы—семейной, общественной, духовной, вместе с ними и за них терпевшем душою и телом, мыслию и делом.

Одновременно с Шевченком писал по малорусски Пантелеймон Александрович Кулиш, столько же талантливый повествователь, сколько и превосходный этнограф. Его «Записки о Южной Руси» могут служить лучшим образчиком этнографических трудов. Из числа писанных им повестей, по нашему мнению, первое место занимает исторический роман «Чорна рада». По художественности и верности картин, это одно из лучших произведений в своем роде вообще в русской литературе и единственное в малорусской. Язык Кулиша отличается благородством и старательною отделкою: вообще видно постоянное стремление поднять его уровень и сделать доступным для предметов и понятий, стоящих выше быта поселянина. Кроме прозы, Кулиш пробовал писать и стихи, которые плавны и звучны, но по силе вдохновения далеко уступают Шевченковым.

В 1857 году выступила на литературном поприще женщина-писательница, под псевдонимом Марка-Вовчка. Ее небольшие рассказы из народной жизни, изданные в свет под общим названием «Оповиданья», отличаются высокою художественностью построения, глубиною мысли и чувства и верностию красок. Малорусская читающая публика отнеслась к этим произведениям с большим сочувствием и уважением.

В 1861—62 годах в Петербурге издавался Василием Михайловичем Белозерским журнал «Основа», посвященный Малороссии. Кроме разных статей, относящихся к малороссийскому краю в историческом, этнографическом, экономическом и статистическом отношениях, журнал этот наполнялся многими повестями, рассказами, стихами и заметками, писанными по малорусски, и вызвал к литературной деятельности несколько даровитых писателей, как, например: Глебова, Чайку, Нечуй-вітра, Олексу Стороженка, Руданского, Кулика, Кухаренка, Мордовцева, Номиса, Носа, Олельковича и других. Рассказы Олексы Стороженка, изданные впоследствии особо в двух томах, очень замечательны по талантливому изображению малорусского быта, превосходному языку и народному юмору.

Но журнал «Основа», давший бесспорно большой толчок литературной малорусской деятельности, не мог долго существовать по малости подписчиков, что, во всяком случае, указывало на недостаток сочувствия в высшем классе Малороссии. Это одно уже, кроме других соображений, указывало, что для малорусской письменности нужен иной путь. Изобразительно-этнографическое направление исчерпывалось: в эпоху, когда все мыслящее думало о прогрессе, о движении вперед, о расширении просвещения, свободы и благосостояния, оно оказывалось слишком узким, простонародная жизнь, представлявшаяся прежде обладающею несметным богатством для литературы, с этой точки зрения, являлась, напротив, очень скудною: в ней не видно было движения, а если оно в самом деле и существовало, то до такой степени медленное и трудно уловимое, что не могло удовлетворять требованиям скорых, плодотворных и знаменательных улучшений, какими занята была мыслящая сила общества. Стихотворство еще меньше возбуждало интереса. Буйные витры, степовые могилы, козаки, чумаки, чорнобриви дивчата, зозули, соловейки, барвинковые виночки и прочие принадлежности малороссийской поэзии становились избитыми, типическими, опошлелыми призраками, подобными античным богам и пастушкам псевдоклассической литературы или сантиментальным романам двадцатых годов, наполняющих старые наши

«Новейшие песенники». Поднимать малорусский язык до уровня образованного, литературного в высшем смысле, пригодного для всех отраслей знания и для описания человеческих обществ в высшем развитии—была мысль соблазнительная, но ее несостоятельность высказалась с первого взгляда. Язык может развиваться с развитием самого того общества, которое на нем говорит; но развивающегося общества, говорящего малороссийским языком, не существовало; те немногие, в сравнении со всею массою образованного класса, которые, ставши на степень высшую по развитию от простого народа, любили малорусский язык и употребляли его из любви, те уже усвоили себе общий русский язык: он для них был родной; они привыкли к нему более, чем к малорусскому, и как по причине большего своего знакомства с ним, так и по причине большей развитости русского языка пред малорусским, удобнее обращались с первым, чем с последним. Таким образом, в желании поднять малорусский язык к уровню образованных литературных языков было много искусственного. Кроме того, сознавалось, что общерусский язык никак не исключительно великорусский, а в равной степени и малорусский. И в самом деле, если он, по формам своим, удалялся от народного малорусского, то в то же время удалялся, хоть и в меньшей степени, от народного великорусского; то был общий недостаток его постройки, но в этой постройке участвовали также малороссы. Как бы то ни было, во всяком случае—язык этот был не чужд уже малороссам, получившим образование, в равной степени, как и великороссам, и как для тех, так и для других представлял одинако готовое средство к деятельности на поприще наук, искусств, литературы. При таком готовом языке, творя для себя же другой, пришлось бы создать язык непременно искусственный, потому что, за неимением слов и оборотов в области знаний и житейском быту, пришлось бы их выдумывать и вводить предумышленно. Как бы ни любили образованные малороссы язык своего простого народа, как бы ни рвались составить с ним единое тело, все таки, положа руку на сердце, пришлось бы им сознаться, что простонародный язык Малороссии—уже не их язык; что у них уже есть другой, и собственно для них самих не нужно двух разом.

Приходя к таким выводам, малороссы, соображаясь с господствовавшим в те годы общим стремлением распространять всеми возможными средствами просвещение, находили, что выработанный до известной степени народный малорусский язык может послужить превосходным двигателем общенародного образования, и принялись писать по малорусски элементарные научные книги, с целью ознакомления народа с плодами образованности. Таким образом написана была книга, где давались элементарные понятия о природе, под названием: «Де що про свит Божий», издан был первый выпуск священной истории и арифметики. Изготовлено было в разных местах два перевода святого Евангелия. Были и другие работы. Мысль эта нашла великое сочувствие во всех концах малорусского мира. Выпуск священной истории, менее чем в продолжение полугодия, разошолся в количестве более шести тысяч экземпляров. Но тут поднялись подозрения, обличения и обвинения. Московская газета, поддерживаемая некоторыми корреспондентами из Малороссии, находила в этом предприятии умыслы на отторжение Малороссии от русской империи, сродство с польскими интригами, одним словом, преступные намерения. И вот—найдено было уместным преградить всякий дальнейший ход этому делу. То было в 1863 году; с тех пор малорусская литература перестала существовать в России[1]. В глазах ревнителей государственной целости и народ-

[1] Кое-какие произведения, появлявшиеся с этих пор до настоящего времени, проходили бесследно. Только опера «Запорожец за Дунаем» хотя небогатая по содержанию, но сценичная, нравилась несколько времени столичной публике, а потом была оставлена.

ного единства России все писанное по малорусски стало представляться призраком измены, мятежа, попыток к разложению отечества. В сущности же, на деле не было и тени ничего подобного. Малороссы, желавшие ввести малорусский язык в первоначальное образование народа, не руководились никакими другими видами, кроме убеждения, что язык природный, как говорится, всосанный с материнским молоком, был более легчайшим средством для передачи начатков образования, чем тот, который был чужд народному уху, как по словам и оборотам, так и по выговору. Если было сочтено уместным переводить священное писание с церковно-славянского на русский, то тем же самым казалось вполне уместным перевести его по малорусски, потому что на русском языке для малоросса оно менее понятно, чем на славяно-церковном. Никто не думал, чтобы первоначальное образование, полученное малороссами на своем природном языке, могло изгнать и устранить из Малороссии язык общерусский; напротив, существовала уверенность, что, получив некоторые сведения на своем наречии, малоросс с большею охотою пожелает читать по русски и скорее научится русскому языку, приобревши уже до этого некоторую подготовку и развитие. Таковы были виды тех, которые проводили мысль о применении малорусского языка к делу народного образования, а не какие-либо иные. Конечно, для тех, которые не считают народного образования первою насущною потребностью, которые не видят особенной беды в том, если народ долгое время, может быть, столетия и долее, будет коснеть в невежестве, важность народного наречия в деле первоначального развития, не может быть вопросом; но те, которые, не менее малороссов, любителей своего народного слова, искренно, горячо желают просвещения, и расходятся с последними только в том, что считают возможным делом для малорусского простолюдина легко и скоро получить первоначальное образование на литературном русском языке, должны не ограничиваться одними теоретическими предположениями, а познакомиться с этим вопросом в области опыта. В Малороссии есть школы, и малороссы учатся по русски; надлежит беспристрастно и точно разрешить вопрос: как широко подвинулось просвещение в народной массе и легко ли оно достается? Разрешение этого вопроса будет ответом и на то: справедливы ли были малороссы, хотевшие употребить народное наречие орудием легчайшего распространения просвещения в массе народа, или же они ошибались?

МОЕ УКРАИНОФИЛЬСТВО В КУДЕЯРЕ.*

В 81-м № «Киевлянина» напечатана статья «Хлопоманы то же ли, что хохломаны?» Автор, воюя с так называемыми украинофилами, по русской пословице: «с больной головы на здоровую», счел нужным, как говорится, бросить камышек в мой огород и задеть мою историческую хронику «Кудеяр», помещенную в «Вестнике Европы» нынешнего года. Искать добра Малорусской ветви Русского народа следует, между прочим, по словам автора, «не в Кудеярах, написанных на тему—выставить в наклад исторической правде и несомненной даровитости и учености самого автора великоруссов какими-то кровожадными людоедами, в сравнении с татарами и козаками». И так, по приговору критика «Киевлянина», Кудеяр написан с целью выставить великоруссов людоедами, в сравнении с татарами и козаками, да еще и фальшиво написан, «в наклад исторической правде!» Такой взгляд на моего Кудеяра я уже встретил в «Биржевых Ведомостях», где приписывали украинофильским тенденциям то обстоятельство, что Вишневецкий является в моей хронике светлою личностию в сравнении с Иваном Грозным. «Киевлянин», в сущности, повторяет ту же мысль, какую несколько иначе выразили «Биржевые Ведомости».

На каком же основании отыскивают г.г. критики в авторе Кудеяра предвзятые идеи, честимые ими хохломанскими? Если это так, то действительно ли я выставил изображенных мною лиц «в наклад исторической правде?» О князе Димитрии Вишневецком история сообщает немного сведений. Мы знаем только, что этот предводитель днепровских козаков мужественно бился против Крымцев на Хортице, потом предложил свои услуги московскому царю Ивану Грозному в надежде, что московский государь двинется на Крым также решительно, как перед тем он ходил на Казань; но когда царь Иван повел свои дела иначе, и стал свирепствовать в государстве над подданными христианами—вместо того, чтобы воевать врагов Христовой веры и русского народа—Вишневецкий ушел от него в литовские владения, а потом со своими козаками отправился в Молдавию, был побежден, взят турками в плен и замучен в Константинополе, показавши в минуты смерти необыкновенную силу духа и преданность Христовой вере. Более ничего почти не знаем о нем. Никаких черных дел не сохранилось за ним в истории, а его страдания за веру и мученическая смерть остались не только в исторических свидетельствах, но и в народной памяти: будучи в земной жизни одним из первых по времени героев козацкого периода южно-русской истории, он сохранился в народных песнях под именем козака Байды. Что же можно было сказать об этой личности, и можно ли было представить ее с какими-либо иными чертами, и не с теми, какие сохранила нам о нем история и народная память? Неужели не было бы «в наклад исторической правде» выдумывать за Вишневецким небывалые, дурные поступки ради того, чтобы он не показался

**Киевский Телеграф*, 1875, № 85; *підп.: Н. Костомаров.*

лучше великорусских людей своего времени, и делать это единственно для того, чтобы кто нибудь не заподозрил автора хроники в хохломанстве? С другой стороны, о личности Ивана Грозного сохранилось множество и русских, и иностранных свидетельств, несомненно показывающих, что это было чудовище, какому подобного едва ли представляет какая-нибудь история, перед деяниями которого бледнеют даже злодеяния Калигулы, Нерона, Гелиогабала и других римских тиранов.—Правда, в недавнее время являлись патриоты, хотевшие то оправдать его злодеяния, то заподозрить некоторые сказания о них истории. До какой степени несостоятельными оказались эти попытки, я не считаю уместным здесь распространяться, отсылая желающих знать мой взгляд на этот вопрос к моей статье о личности Ивана Грозного, напечатанной назад тому три года в «Вестнике Европы». Тот же взгляд на эту личность, который выразил я в моей ученой статье, сохранился и в моей хронике. Правилен ли этот взгляд, или нет—предоставляю судить каждому по желанию; но все злодеяния, пытки и казни, изображенные мною в Кудеяре, не выдуманы мною: все эти черты можно найти в источниках об эпохе Грозного, все они даже вошли в историю Карамзина. Я в своей хронике не сочинял в этом отношении ровно ничего: нет ни одного мучительства, мною приведенного, которое бы нельзя было подтвердить источниками, и на многие из них можно указать, цитируя страницы истории Карамзина. Во всей моей хронике не приводится ни одного собственного имени, мною самим выдуманного, и потому-то я назвал Кудеяра не повестью, а хроникою. Во всем Кудеяре критик может найти уклонение от исторической правды только внешней, но внутренняя правда сохраняется очень строго, а если кто найдет что-нибудь погрешающее против этой внутренней исторической правды, то пусть укажет мне на то фактически. Я называю внутреннею правдою верность в изображении быта, нравов, понятий, побуждений, характера действий лиц в изображаемую эпоху. Что же касается до нарушения внешней правды, то в таком произведении, как Кудеяр, которое не принадлежит к чисто-ученым по форме сочинениям, никто не станет по справедливости меня за то обвинять. Во всех *исторических повестях* и романах и вообще сочинениях, которых сюжеты хотя и взяты из истории, но обделанные в беллетристической форме,—везде принято за правило предоставлять автору свободу изложения, при которой он может заставлять исторические лица говорить такие речи, о которых не сохранилось известий в источниках, и даже делать поступки, хотя бы в источниках не значилось этих поступков, лишь бы только вымышленные речи и поступки не противоречили описываемой эпохе и характерам изображенных исторических лиц. В моем Кудеяре допущено гораздо менее этой свободы, чем во многих сочинениях такой формы, по справедливости приобревших значение для истории в научном отношении, и потому то я смело назвал Кудеяра не повестию, а хроникою. Наконец, справедливо или несправедливо изобразил я царя Ивана Грозного в мрачном образе тирана, это вопрос, касающийся не более, как исторической личности самого Ивана, а никак не великорусского народа. Между тем, противники мои хотят вывести из этого, будто я думал представить великоруссов людоедами в сравнении с козаками и татарами. Чтоб указать, до какой степени это обвинение против меня несостоятельно и лживо, стоит только взглянуть на характер других личностей из великоруссов, представленных мною в той же хронике. Разве Адашевы, Сильвестр, Курбский не великоруссы и разве я их представил людоедами? Почему хотят видеть только в одном Грозном тип великорусса и почему не обращают внимания на другие личности великорусские, изображенные в светлом виде? Не явная ли здесь натяжка и желание отыскать у меня такие тенденции, какие мне и в голову не приходили. Неужели историка, представляющего в черном виде какого-нибудь Нерона,

можно обвинить в том, что он хотел представить всех римлян злодеями и чудовищами? В истории всех народов в мире непременно найдутся личности, возбуждающие отвращение, так неужели изображать их такими, какими они были, значит класть пятно на целый тот народ, в судьбе которого эти отвратительные личности играли роль в свое время. И неужели для чести народа следует лгать и скрывать дурные черты злодеев, по происхождению принадлежащих к этому народу и заклейменных приговором того же народа в его воспоминаниях; а о царе Иване именно можно сказать это: одно название Грозный показывает, что народ не сохранил о нем доброй памяти, как о благодушном своем государе;—история же сохранила его злые деяния, приобревшие ему его прозвище. И отчего именно на меня обрушивается обвинение за мои взгляды на личность Грозного? Почему о Карамзине, представившем в своей истории Грозного свирепым тираном, а Вишневецкого светлою личностью, не говорят, что он хотел унизить великоруссов и представить их, в сравнении с козаками и татарами, людоедами? Отчего не ставят такого же укора графу Толстому, в трагедии которого Грозный является в таком же непривлекательном виде, как и у меня? «Биржевые Ведомости» даже в моем изображении личности Кудеяра отыскивали какое-то затаенное желание очернить великоруссов. Кудеяр злодей, потому что великорусс! Он режет ребенка своей жены, он делается разбойником, приводит неверных на Москву—все это потому, что он великорусс!! Но, во-первых, Кудеяр у меня является более малоруссом, чем великоруссом, по крайней мере, по своему воспитанию и юности; он убивает ребенка своей жены еще не крещенного, прижитого от татарина, и притом совершает это убийство под влиянием оскорбления, нанесенного его семье от татар. Эта черта более малорусская, чем великорусская: можем указать на подобный поступок атамана Сірка,—по известию летописи Величка,—приказавшего перебить захваченных в плен детей, рожденных от татар русскими пленницами. Воюя беспрестанно с неверными, козаки отличались бо́льшею к ним злобою, чем великоруссы, и истребить не крещенного татарина для них не только не считалось возмутительным злодеянием, но даже признавалось за подвиг. Если Вишневецкий представлен у меня возмутившимся против такого поступка, то это не от того, что он был козак, а от того, что по своему развитию стоял выше козацкой толпы и хотел укоренить в ней чувства чести и человеколюбия: Вишневецкий, странствуя по Европе и живя долго в чужих краях, естественно, имел более гуманные взгляды, чем козак, проведший жизнь свою только на берегах Днепра в беспрестанных драках с татарами. Во-вторых: если Кудеяр является под конец разбойником и отступником от веры, то приходит к этому не потому, что он великорусс по крови, а вследствие тяжелых оскорблений и мучительств, безвинно нанесенных ему тираном. Это побуждение общечеловеческое: такое явление могло быть и не в России, а везде, и нет причины доискиваться в таком случае происхождения человека, приведенного обстоятельствами к таким печальным поступкам. «Биржевые Ведомости» поставили мне в упрек еще ту черту, что Вишневецкий собирался уезжать совсем из московских владений, отозвался о Москве неуважительно, назвавши ее глупою, и в этом видят в авторе предвзятые идеи украинофильства. Но в положении Вишневецкого было вполне естественно и уместно такое выражение, сорвавшееся в припадке негодования и досады: он приехал к московскому царю служить ему, надеялся, что Москва двинется на Крым с такою же энергиею, как на Казань, и последствием такого подвига будет падение Крымской Орды и расширение пределов русского мира. Вишневецкий истощил все силы, чтобы убедить царя Ивана и его советников предпринять решительный поход для завоевания Крыма, и все его старания остались напрасными, по своенравной прихоти тогдашнего московского властителя, при

неумелости и вялости его советников. Вишневецкому ничего не оставалось более, как уходить из той страны, которой он так сердечно хотел служить и в которой не умели его понять и ценить. Если Вишневецкий, в порыве негодования, обругал не одного кого-нибудь, а выразился в собирательном смысле, то это потому, что в тот век господствовал вообще такой способ выражения, что поступки правительства принимались за поступки нации; так, например, когда велась война между Литовским Великим Княжеством и Московским Государством, то вместо того, чтобы сказать: литовский государь идет войною, или московский царь идет войною, говорили: Литва идет, Москва идет. Вкладывая в уста Вишневецкого такой способ выражения, я был верен правилу, соблюденному во всем моем сочинении: заставлять выводимых лиц говорить языком той эпохи, в которой они жили.

Таким образом, все обвинения,—будто в моей хронике я имел намерение чернить великоруссов, не имеют никакого основания и оказываются чистою клеветою, не берусь решать—умышленною, или неумышленною, произошла ли она от намерения очернить меня, или от неясного понимания предмета, о котором взялись рассуждать, тем более, что критик, устраняя читателей от вредного влияния «Кудеяров», поучает этих читателей таким истинам, которые автор Кудеяра высказал много лет тому назад. «Киевлянин» говорит, что малороссы и великороссы дополняют друг друга своими исторически и географически развившимися особенностями и что истинного добра малороссам и великороссам следует искать в тесном слиянии и взаимодействии этих двух главных народностей. Эта мысль, почти в таких же выражениях изложена мною еще в 1861-м году в статье «Две русские народности» [1], а «Киевлянин» в 1875 году ставит ее в назидание своим читателям, как бы в опровержение (неправильно приписываемых мне) тенденций—тех самых, в каких заподозревали меня и в то время, когда читали упомянутую мною статью о двух русских народностях!

Киев, июля 15-го.

---

[1] Те-же самые мысли высказаны были и в передовой статье, 65 №, «К. Т.» от Ред.

ПОЛЯКАМ-МИРОТВОРЦАМ. *

Хитро вы это учинили:
Врасплох наехали на нас!
(«Жизнь за царя», д. III).

В последнее время в наших газетах стали появляться одна за другой статьи разных лиц, большею частью остающихся печатно безличными, но заявляющих себя поляками, и толкующих о долженствующем последовать примирении польского элемента с русским, в виду великих событий, в которых усматривается возрождение славянского племени и почин новой его истории. В «С.-Петербургских Ведомостях» являлись и эмигранты, скитающиеся по Западной Европе, и галичане, и варшавяки, и волыняки, и литвяки, и всякие поляки под местными наименованиями. Все они, хотя на различные тоны, поют одну песню: «помиримся!» Без сомнения, найдутся между русскими такие, что добродушно им поверят и с радостию станут приветствовать их, как братьев не только по племени, но и по симпатиям. Но за то находятся такие, которые не слишком падки на доверчивость. К таким принадлежит автор статьи: «Братья-поляки», напечатанной в «Новом Времени». Статья эта вызвала со стороны г.г. поляков две статьи, напечатаные в 172 № «С.-Пет. Ведом.»; одна из них подписана эмигрантом из Парижа, другая жителем Литвы. Но в главных чертах, по своему содержанию, две эти статьи схожи не только между собою, но и с теми статьями, которые от лица поляков печатались прежде по тому же поводу. Мы принимаем эти две последние статьи, чтобы сообщить замечания, которые могут иметь смысл ответа всем вообще полякам, в последнее время градом посыпавшимся в нашу газетную литературу.

Господа поляки пусть извинят нас, если мы возьмем на себя смелость отгадать ту причину, которая побудила их в настоящее время сделать нашествие на нашу журналистику.

С тех пор, как поляки потеряли свое рассыпавшееся государство, они силились каким бы то ни было способом восстановить его и прибегали с этою целию к разным мерам, оказавшимся всегда неудачными. Они ненавидели и ненавидят те державы, которые участвовали в разделе польской Речи Посполитой, но более всех ненавидели они Россию и русских, хотя им прекрасно известно, что механика раздела Польши не русской, а немецкой работы; тем не менее, ненависть их обращена на нас сильнее, чем на немцев. А это происходит вот отчего: польская Речь Посполитая, будучи некогда сильнее Руси, подчинила своей власти значительную часть русского народа, хотя двух других ветвей—не великорусской, но все-таки русских; поляки старались уничтожить в присоединенных к Польше областях русскую национальность и слить русский край с Польшею. Это им не удалось; многовековые старания поляков пропали втуне. Им это досадно и тем досаднее, что

* *Новое Время*, 1877, № 478; *підп.: Н. Костомаров.*

они считают себя в культурном отношении гораздо выше русских. С немцами дело совсем иначе. Немцам они часто готовы были уступить свои старинные земли, пред немцами они готовы были сознать свою сравнительную культурную бедность, охотно усваивали немецкий язык, делались даже сами немцами,—но по отношению к москалю каждый поляк чувствовал себя как бы человеком высшей породы и тяготился под гнетом материальной силы. Всегда верный идеалу, которому втайне поклонялся,—идеалу старой Польши, с надеждой на ее воскресение, поляк в обращении с Русью прибегал к коварству, пытался обмануть сильного врага, подделаться к нему в доверие, в дружбу, чтоб удобнее вредить ему. Великий польский поэт дал своим соотечественникам поэтический образец в «Конраде Валленроде» и по этому образцу сознавали в себе нравственный долг обращаться с русскою нациею. Это, впрочем, общечеловеческое свойство покоренного, думающего освободиться от своего покорителя, но не сознающего в себе столько сил, чтобы восстать открыто. Живой темперамент поляков не допускал их следовать по намеченному пути, с благоразумным выжиданием обстоятельств. Поляки, по своей натуре, всегда руководствовались более чувством и воображением, чем рассудком; чего им хотелось, то казалось им возможным: не раз представлялось им, что приспело время открыто начать действовать для осуществления своих идеалов, а жизнь скоро показывала им, что они заблуждались. В царствование Александра I поляки обставились превосходно по отношению к России, благодаря своим вожакам с Адамом Чарторижским во главе. Но не на долго. С русской стороны последовало для них кое-что неприятное; вместо того, чтобы выждать и перетерпеть, они вообразили, что достаточно могучи и что пришло время выявить открытую вражду к москалю: поднялось восстание. Оно было подавлено, и вслед за тем побежденная вторично Польша потеряла либеральные учреждения, поддерживавшие автономию польской нации в соединении с Россиею. Принимались со стороны России меры, чтобы сблизить теснее польский элемент с русским. Полякам очень противными казались эти меры, но они терпели и притворно покорялись во все царствование императора Николая.

Настало новое царствование. Полякам сразу стало легче. Правда, им не возвратили прежних либеральных учреждений, но за то отнеслись с полным уважением к их национальности и предоставляли им всевозможную автономию. Но мудрое изречение Государя Императора, произнесенное в Варшаве: «point de rêveries», не было оценено по достоинству. Поляки очень скоро замечтали, вообразили, что вот пришла пора действовать. Враги России подзигали их за границею; поляки легкомысленно верили им, и все, что им обещалось оттуда, принимали за чистую монету. Между тем, совершилось освобождение крестьян во всей империи, и это великое, радостное для русских событие было важнейшею причиною нового польского восстания. Тут поляки увидали, что у них отнимают разом заветные надежды на материальное и нравственное господство над русским простонародием, до тех пор находившимся у них в зависимости в силу крепостного права. До тех пор, хотя и твердили у нас на все лады, что западные наши провинции вовсе не Польша, как говорили поляки, а коренная наша Русь, однако, на деле выходило иное. Русский народ составлял там большинство населения, но был в безгласном повиновении у поляков; последних было там несравненно менее, да за то поляки были помещики, пользовавшиеся правами, предоставленными во всей России этому званию. От этого происходили вопиющие и вместе с тем странные дела. Русские люди за верность своему государю и отечеству подвергались телесным наказаниям и ссылались в Сибирь! Это происходило таким путем: русские крестьяне, узнавая о мятежнических замыслах своих господ, сообщали об этом властям; сообщение оказывалось справедливым, господа подвер-

гались наказанию; впоследствии наследники этих господ, которыми были часто дети наказанных, мстили как могли крестьянам, и русские люди, вместо чаемой от своего правительства награды за верность, должны были пить горькую чашу от своих помещиков.

Понятно, что при таком общественном порядке польские дворяне западных губерний могли смело называть свой край Польшею и смеяться над нашими историческими исследованиями, где доказывалось, что край этот издревле русский и теперь населен в большинстве русским племенем.

С освобождения крестьян стало совсем не то: народ, составлявший до того времени стадо скотов, принадлежавших в качестве собственности господам полякам, получил гражданские человеческие права, и так как он образовал в крае большинство населения, то теперь западно-русский край по справедливости мог считаться русским. Тамошний русский народ вообще не терпел поляков, но повиновался им, потому что сила государственной власти нашей этого от крестьян требовала. Поляки, владея русскими крестьянами несколько веков, не успели их ополячить, хотя это было всегда любимое желание польских помещиков; они вообще не старались ни о каком нравственном развитии рабов своих: единственная мера, предпринятая с целью ополячения русского простонародия, была уния, но и та принялась так непрочно, что одною волею правительства в царствование императора Николая была уничтожена почти без признаков противодействия не только деятельного, но и страдательного. Уничтожение унии, однако, сделало русских крестьян западных губерний только по форме тождественными с остальным русским народом, находившимся вне всякого польского воздействия. При существовании крепостного права полякам все-таки оставалась возможность (по крайней мере, им казалось, что такая возможность остается) ополячивать подвластный русский народ и уничтожать в крае русский элемент—с тем, чтоб достигать своего заветного идеала. В этих видах некоторые из польских владельцев уже начинали печатать и распространять в русском народе элементарные польские книжечки в надежде переделать в поляков читающих эти книжечки и учащихся по ним.

Освобождение крестьян парализовало все подобные затеи; поляки Западного края очутились с своими бывшими рабами лицом к лицу, как с полноправными гражданами, хотя бедными в сравнении с своими прежними господами, за то находившимися под покровительством той власти, которая никак не могла потворствовать польским тенденциям. Прибавим к этому, что польским дворянам не мило было так же, как и многим русским, расставаться с усвоенным от дедов и прадедов взглядом на хлопа, как будто небом созданного для того, чтобы своему пану повиноваться. Но у русских дворян издревле было унаследованное чувство безропотного повиновения царской воле, а поляки помнили, что предки их ни во что считали королевские декреты, если таковые оказывались противными шляхетским привиллегиям; кроме того, русские помещики были с своими крестьянами одной веры и говорили одним языком, тогда как поляки в западной Руси, будучи католиками, отрознялись от своих крестьян и верою и породою. Для них их собственный хлоп был схизматик, а презрение к нему доходило до того, что некоторые называли его собачьею кровью (psia krew). Освобождение крестьян было самым тяжелым ударом, какой суждено было польскому элементу вынести под властию России, хотя поляки, желающие казаться либеральными и прогрессивными, сильно старались, да и теперь стараются уверить нас в противном. Думая как-нибудь замазать нам глаза, они (как нам не раз случалось слышать из их уст) указывают на то, что последнее повстанье вспыхнуло в коренных польских землях и мало охватывало край, населенный белорусским и мало-

русским племенем. Но подобные уловки с первого раза обличают свою несостоятельность.

Незначительность повстанского движения в западно-русских областях произошла от того, что повстанье с польскою идеею встретило не сочувствие, а противодействие в большинстве русского простонародья, которое тогда только что освободилось от власти польских помещиков не по желанию последних, а по воле русского Государя. У поляков коренной Польши был не иной политический идеал, как восстановление своего государства в том виде, в каком оно существовало до 1772 года, до первого раздела его; об этом они постоянно твердили, и следовательно, освобождение русских крестьян, если не нарушало прямо экономических интересов тех дворян, у которых владения были в коренной Польше, то все-таки разбивало их надежды на осуществление общего польского политического идеала. А что польские дворяне западных губерний сильно сочувствовали повстанским тенденциям, это ясно доказывается тем, что в этом крае лица польского происхождения и римско-католической веры (исключая разве служащих, обязанных ходить в мундирной форме) надевали «жалóбу» или траурный костюм, носили символические знаки, как, напр., кольца и булавки с изображением польского орла и литовской погони, участвовали в демонстрациях, имевших целью возбудить и разгорячить польское патриотическое чувство, наконец, давали денежные пожертвования на произведение мятежа. Польское патриотическое дело до такой степени было чуждо простонародного элемента, что и в коренной Польше сельское крестьянское население католического вероисповедания плохо откликалось на призыв панов, шляхты и даже своих священников.

Мятеж, как известно, был погашен, а польский элемент во владениях России был потом так стеснен, как никогда еще до того не бывал. Не говоря уже о том, что даже тень автономии бывшего Царства Польского исчезла, не говоря о множестве лиц, казненных и сосланных за участие в мятеже, не говоря о контрибуциях, постигших дворян коренной Польши и Западного края,—мы укажем на обязательное введение русского языка там, где до того времени допускался польский; укажем также на господствовавшие повсюду меры предосторожности по отношению к лицам польского происхождения и римско-католической веры, искавшим служебных мест и других выгодных для них занятий. Все это не только исходило от правительства, но и оправдывалось смыслом всей русской нации! Русский человек поляку более не верит, потому что поляк много раз хитрил перед ним и обманывал его. Русский человек во всяком поползновении поляка на приязнь с русским склонен подозревать коварство! Что делать в таком положении поляку в русских владениях? Перестать быть поляком вполне: так некоторые и поступили; но не все могут, не все способны так поступить.

Что же делать? За что полякам взяться? На чужие державы надежда плоха; и в прежние годы такая надежда подвела поляков; они испытали, что чужие стлали им мягкую постель, а полякам пришлось спать на ней очень жестко! Теперь уже почти и стлать было некому. Неудача польского повстания грозит вычеркнуть Польшу из памяти народов. Польскую Речь-Посполитую, о восстановлении которой недавно так мечтали поляки, приходится сдавать в исторический архив! Что же делать полякам, не перестающим чувствовать себя поляками, продолжающим жить прежнею духовною жизнию, лелеять воображение привычными идеалами? Утопающий хватается за соломинку, говорит известная поговорка, а другая прибавляет: и за бритву. И вот такая-то соломинка (или бритва—покажет время) представилась теперь полякам в виде славянского вопроса. Попробуем, сказали они сами себе, ухватиться за это: авось удастся надуть москаля: он простоват; это же притом штука новая! Он поверит, заключит с нами примирение на общеславянской

почве; мы тогда опять войдем в прежнюю колею, и снова примемся за роботу для «odbudovania wielkiej ojczyzny naszej»!

Так понимаем мы смысл вашего появления в нашей журналистике с льстивыми заявлениями о примирении, господа поляки! Пишущий эти строки знал лично многих из ваших соотечественников, лиц вполне достойных, симпатичных и честных в частных делах, знал из них и таких, которые за свои увлечения (хотя и безрассудные, но в большинстве случаев благородные) поплатились жизнью или свободою; знал и таких, что, по трусливому благоразумию, колебались между крайностями, сообразно пословице: помогай Бог вашим и нашим! И много есть таких русских, которым судьба дала возможность узнать также, и может быть, гораздо больше вас, господа поляки. И мы все по совести должны сказать вот что: все поляки, каких только нам встречать случалось, ненавидят русских; все, составляющее признаки русской национальности, в них возбуждает омерзение; русская церковь для них смердит; от русских приемов жизни их тошнит; даже русский язык им представляется грубым, варварским, а русскую интеллигентную жизнь они ставят ни во что и презирают! Нельзя сказать, чтобы такая ненависть у них отражалась в отношениях частных с русскими людьми. Напротив, надобно отдать им честь: поляк, ругая всю русскую нацию, в то же время готов оказать бескорыстную приятельскую услугу знакомому русскому человеку: это оттого, что в польской натуре много врожденного добродушия, даже прямодушия: коварным его сделали обстоятельства. Но, тем не менее, поляк русскую национальность ненавидит до чрезвычайности, ненавидит до невозможности примириться. Так относились поляки к нам до сих пор.

Откуда же теперь такое изменение? Обстоятельства переменились, говорят они. Мы сознали, что нам один путь—пристать к общеславянскому делу, а чтобы к нему пристать, нам надобно примириться. В чем же должно состоять примирение? У нас, говорят они, есть «инженеры, химики, технологи, ремесленники, бухгалтеры, агрономы и т. п.» Всего этого много в эмиграции. Пустите их к себе! «Разве,—говорит житель Литвы, написавший в 172 № «СПБ. Вед.» статью,—нет у вас дела для той среды, которая произвела прежде Тенгоборского для России, Воловского для Франции? А в деле искусств, столь обмягчающих нравы и облагораживающих характер, как представители в польском обществе, в настоящее время всесветно известны: Брокий скульптор, Матейко живописец. Вам эти ли люди не нужны? Что же сказать о сонме литераторов, публицистов, промышленников, фабрикантов и всякого рода деятелей? Вам эти люди не нужны тоже?»

Ну, что вы скажете, господа поляки, если мы на это вам ответим: а что, если все эти полезные люди, эти ученые, литераторы, промышленники, ремесленники, художники, внедрившись к нам, вместо того, чтоб заниматься честно своею специальностию, сделаются для нас в известном смысле Валленродами? Какое ручательство с вашей стороны, что это невозможно? Если обманывали коварно нас поляки прежде, то и теперь могут обмануть. Может умный человек быть обманутым, но того уже нельзя назвать умным, кого два раза или три обманывает одно и то же лицо! Впрочем, какое отношение всех этих полезных и почтенных людей, которых вы, господа поляки, рекомендуйте из вашей среды, к славянскому вопросу? Все такие достопочтенные особы могут жить у нас и заниматься своею специальностию независимо от того поляки ли они, русские ли, немцы, французы и т. д. Что общего между ними и болгаро-сербскими делами? Да и притом, неужели вы считаете нас такими простаками, что мы в состоянии поверить вашим софизмам, точно так, как считаете нас такими дикарями, для которых должны показаться ничем незаменимым кладом полезные и талантливые люди, какими вы хотите наделить нас из своей эмиграции? Неужели мы живем еще

в до-петровское время, когда не могли обойтись без чужеземных просветителей? Нам кажется, что если поляки хотят действительно принимать участие в славянском вопросе, то им не для чего поднимать прежде вопрос о примирении с Россиею и русским народом. Напротив, пусть заявят *делом* свое сочувствие к славянам, и тогда примирение последовало бы само собою, как последствие совершившегося факта, подобно тому, как и недоверие наше к полякам есть последствие предшествовавших совершившихся фактов. Жертвуйте, господа, деньги в пользу славян или в пользу раненых, пострадавших в войне за освобождение славян, снарядите, если угодно, из своей среды легион, который предложил бы свои услуги делу освобождения—вместо того, чтоб составлять, как пишут, легион польский на помощь Турции; идите хоть волонтерами в русское войско; работайте, наконец, умом и пером для славянской взаимности. Это будет знамением, что вы сочувствуете славянскому делу и сознаете, что вы славяне. Но ведь прошлый год тянулась сербско-турецкая война, предвестница настоящей русско-турецкой. Там были тысячи русских добровольцев: они ясно показывали, что русская нация сочувствует сербам и сознает себя славянскою. А много ли было там поляков? Скажите нам об этом.

Еще раз извините, господа поляки: нам кажется, вы задумали к нам провести троянского коня. А что в искренности ваших заявлений мы сомневаемся, так виною в этом смысл выших же заявлений.

Вот г. эмигрант из Парижа, возражая автору напечатанной в «Новом Времени» статьи: «Братья-поляки» и находя выражение «польский клерикализм» плодом мнительности автора, говорит, что «клерикализм явление, присущее латинским племенам». «Но польский католицизм воспринял почти с возвращения его в Польше домашний и народный характер». В чем, спросим мы в свою очередь у господина эмигранта, отличие польского католицизма от латинского? Конечно, в истории каждого народа, исповедующего католицизм, и в том числе в польской, можно отыскать черты ей исключительно принадлежащие, но едва ли у поляков найдется нечто важное, что бы уполномочивало признавать польский католицизм чем-то совершенно особым от католицизма латинских племен. Действительно, существовал когда-то в Польше католицизм не латинский, а славянский, но это было очень давно, еще пожалуй до Мечислава I или при нем только. Это было тогда, когда сохранялась сила папских постановлений, данных св. Мефодию, по которым представлялось славянам право совершать богослужение на своем языке с сохранением уставов католической церкви. Но после, как известно, последующие папы нарушили буллы своих предшественников и насильно велели вводить латинский язык в богослужение в славянских землях. Вот если бы ваше духовенство, господа поляки, обратилось к папе с коллективным прошением восстановить силу булл, данных св. Мефодию и ввести богослужение на славянском языке, вот тогда бы мы поверили, что есть какой-то польский католицизм, отличный от латинского. Но ваше духовенство этого не сделает; напротив, оно именно дорожит латинским языком, потому что он один из резких признаков, отчуждающих вас от москалей, от которых вы все желаете быть как можно подальше, хотя и уверяете нас, что хотите с нами сблизиться и сдружиться.

Г. житель Литвы в своей статье ввернул фразы, которые еще больше обличают фальш в этих польских заявлениях о желании помириться с Русью: «Мы,—пишет он,—не отделяем нашего желания от усилия эмиграции в приискании пути примирения с русскими, совершенно веруя, что оно зависит более от самих русских, чем от поляков. В нашей истории мы имеем прекраснейший прецедент подобного явления, бывшего в конце XIV века, именно

слияние Литвы с Польшею. Лучшего примера искать напрасно. Знакомый путь предков наших почему ж бы и для нас не путеводник».

Во первых, г. житель Литвы не твердо и не точно знает историю своего края: конечно, это еще не большая беда, но мы полагаем, что, решившись писать для печати, нелишним было бы заглянуть в одну-другую книгу и немножко вдуматься в то, о чем писать угодно. В конце XIV века не было никакого слияния Литвы и Польши. В 1386 г. великий князь Ягейло, в крещении Иаков, женился на польской королеве Ядвиге. И только. Первая попытка к соединению владений литовских с польскими последовала в 1413 году на Городельском сейме. Но и эта первая попытка не была окончательным событием. Литва с Польшею соединилась в 1569 году на Люблинском сейме. Может быть, г. житель Литвы приводит событие брака Ягейла и Ядвиги как первоначальный акт важного политического события, совершавшегося потом в течении почти двух веков?

Во-вторых, если допустить, что автор, подписавшийся жителем Литвы, имел именно ту мысль, какую мы отгадываем, то что нашел он общего между соединением Литвы с Польшею и нашим примирением с поляками?

В третьих, соединение или, как угодно выражаться автору, слияние Литвы с Польшею—такое событие, которое очень привлекательно щекочет польские уши, но для русских ушей оно звучит вовсе неприятно, и когда речь заводится о примирении двух соперничествующих сторон, то следует избегать по возможности всего того, что для одной стороны приятно, а для другой неприятно.

Каким «путеводником» может быть для нас это событие? Великий князь Ягейло, прежде уже крещенный и православную веру и нареченный Иаковом, был только по имени христианин, как большая часть в тот варварский и невежественный век. Поэтому он так легко переменил веру и принял католичество, когда ему представилась возможность жениться на Ядвите и сделаться королем польским. Писатели польские даже не сообщили того, что этот сын русской православной женщины был уже прежде крещен в православной вере. Отступивши от православия ради земного величия и земных выгод, новый король польский покровительствовал тем из своих соотечественников, которые пошли по его следам и давал тем из своих наследственных подданных привиллегии, которые принимали католичество. Из коренных литвинов таких нашлось довольно, из русских меньше. С этих пор пошло crescendo дело соединения литовско-русского края с Польшею, а вместе с тем окатоличение и ополячение литовского и русского шляхетства. Нельзя сказать, чтоб это дело шло очень быстро, но все-таки через два с половиною столетия после бракосочетания Ягейла, почти все шляхетство русское (за исключением малой и незнатной части его) сделалось польским, приняло и усвоило католичество. На этом собственно дело и остановилось. Далее—успеха было мало. Политическое соединение великого княжества Литовского с польскою короною произведено было шляхетским сословием; это сословие было тогда полноправным населением края, одно могло участвовать в делах правления, одно решало судьбу своего отечества: всю массу остального народа не спрашивали и не считали нужным и возможным ее спрашивать. Шляхетство одно получило выгоды от соединения с поляками, и оттого так ополячилось и отрознилось от своего народа; остальная масса народа заявила свой протест, когда пришло время, и заявила она его не актами, не протестациями, написанными на бумаге и поданными на сейм: от нее не приняли бы таких заявлений. Она заявила свой протест по своему: там, где условия жизни дозволяли народу взяться за оружие—рядом казацких восстаний, потрясших Речь Посполитую и подготовивших ей падение, а там, где это было невозможно — тупою и тайною ненавистию к вам, господа поляки. Что это было так, что

это не наш вымысел — доказательством могут служить многократные заявления ваших предков о том, что русский хлоп своих панов не терпит, при каждом удобном случае готов против них поднять мятеж и склониться к чужеземной власти. Такие заявления от поляков раздавались до самого падения Речи Посполитой включительно и даже после того уже тогда, когда русские области, бывшие прежде под властью Польши, вошли в пределы России. И вы теперь, господа, указываете на соединение Литвы с Польшею, как на пример и на «путеводник?»

Нет, гг. поляки, лучше оставьте ваш замысел ввести к нам троянского деревянного коня. Если, в самом деле, вы почувствовали, наконец, что вы славяне и хотите принять участие в деле освобождения и возрождения славянского мира, то делайте это прежде примирения с нами, а самое примирение пусть произойдет как последствие ваших славянских симпатий. Делайте «на деле», а не праздною болтовнею. Делайте так, как указывали мы выше. Люди ученые и талантливые (каких у вас, как вы говорите, так много) вместо того, чтоб переливать из пустого в порожнее по вопросу о примирении поляков с русскими, могут помогать общему славянскому делу умственным трудом, раз'ясняя различные вопросы жизни и науки. А таких вопросов найдется очень много. Тогда примирение между нами состоится само собою, состоится силою вещей даже и тогда, когда бы ни вы, ни мы об этом не заявляли желаний.

С.-Петербург, 27 июня 1877 года.

ПИСЬМО К А. Д. ГРАДОВСКОМУ. *

Вам, достоуважаемый профессор, угодно было почтить меня в 213 № «С.-Петербургских Ведомостей» письмом по поводу вопроса о примирении поляков с русскими. Письмо ваше было для меня явлением неожиданным; я никак не ожидал возражений от вас, а думал услышать их от поляков-миротворцев, обращавшихся к русскому обществу с своими заявлениями. Но чем неожиданнее явилось ваше письмо, тем более мне лестно внимание, которым вы удостоили меня, и я глубоко благодарю вас. Если, как выражаетесь вы, мой голос подействует на многих и многих, то, конечно, соображения и другого взгляда, противопоставляемые вами, также на многих и многих должны подействовать, и я считаю долгом уважения к личности позволить себе против ваших соображений поставить свои.

Между нами полное противоречие в том, что вы признаете возможным доверять искренности польских заявлений и об'яснений, а я им и на волос не верю. Впрочем, вы сами, разбирая взгляд, выразившийся в моем обращении к полякам-миротворцам, признаете за мною право не доверять полякам. Откуда же, коли так, между нами рознь и противоречия? От чего могло произойти, что вы—человек русский, можете верить полякам, а я, также русский, им не доверяю? И по вашему приговору выходит, что за мною—право им не верить, а за вами—право им верить!

Оттого,—следует из вашего письма ко мне,—что я не принял во внимание событий, происшедших в последние десять лет, которые значительно извратили положение вещей для польского общества и ставят поляков в необходимость искренно протягивать нам руку примирения, вопреки наклонности к обману, которую я, будто бы, признаю национальною чертою польского характера.

---

* *Новое Время*, 1877, № 523; *підп.: Николай Костомаров.*

Позвольте мне, прежде всего, оговориться на счет того, будто бы я признавал наклонность к обману национальной чертой польского характера. Никогда ничего подобного я не высказывал и не признавал. Я всегда был далек от того, чтобы признавать за народами свыше данные им свойства, остающиеся неизменными при всяких видоизменениях их жизни и быта; напротив, думал и продолжаю думать, что всякие нравственные свойства, кажущиеся нам присущими какому-нибудь народу или обществу, есть последствие разных исторически-бытовых условий течения предшествовавшей народной и общественной жизни. Иные остаются долговременнее и так сказать прилипают к народному характеру до того, что мы готовы в них видеть что-то судьбою данное, другие—быстрее стираются под влиянием новых поворотов истории. Я в своей статье полякам-миротворцам высказал эту мысль, ясно указавши, что коварство, замеченное в отношениях поляков к Руси, есть явление более или менее общее тем покоренным, которые желают освободиться, но не сознают в себе достаточно силы, чтобы противостать открыто. Мне кажется, что вы с этим взглядом согласны, но думаете, что события последних десяти лет должны были переделать поляков и довести их до уразумения необходимости искать примирения с русскими. Какие же это события?

Вы указываете на то, что польские провинции Пруссии в 1867 году были включены в состав северогерманского союза, как его нераздельная часть.

Далее вы указываете на новое разочарование польского общества в 1870 году по поводу унижения Франции, которая до того времени была точкою опоры для польской эмиграции.

Наконец, вы замечаете, что вся мыслящая и политически-развитая Европа восстала против выродившегося папства и его приспешников.

Во всем этом вы видите причины, видоизменившие польский вопрос глубже, чем это думать можно. Вижу это и я, да и вряд ли не видит этого каждый, мало-мальски интересующийся политическими событиями своего времени, но наши наблюдения порождают различные взгляды и различные предположения относительно путей, какие желают или должны избрать поляки для спасения своей народности и дальнейшего ее преуспеяния.

«Польское общество, говорите вы, явно не может итти по прежней дороге. Утратив свое значение в Европе и для Европы, оно должно искать для себя иной точки опоры. Небольшая группа лиц сознала это и ищет спасения в примирении с Россией» и пр. Вы находите, что русская публика должна заботиться о том, чтобы мнение меньшинства сделалось убеждением большинства.

Что польское общество сознало невозможность итти по прежней дороге—это еще не значит, что оно действительно ищет точки опоры в примирении с Россией: одни газетные заявления не убеждают нас в таком решении и искренности этих заявлений—и я позволю себе во всем этом не согласиться с вами, достопочтеннейший профессор.

Если три указанные вами события лишили поляков опоры в Европе в их заветных стремлениях «восстановить свою прежнюю державу» с ущербом для России,—если они, утративши этот идеал, сознали спасение своей народности в искреннем примирении с Россией, чтобы за одно с нами служить славянской идее,—то кто же мешает им доказать это сознание на деле, а не на словах? Если вы, Александр Димитриевич, полагаете, между прочим, что успехи нашего оружия в настоящей войне с турками влияли на поляков,—то не следует ли полагать, что это дружелюбное расположение к нам поляков испарится после недавних наших неудач, хотя бы и временных. Не правдоподобнее ли будет предположить, что поляки-миротворцы начали печатать свои миролюбивые предложения совсем не оттого, что стали к нам дружелюбнее, а оттого, что неблагоприятное для них изменение дел в Европе и

горький опыт прошлого сделал их осторожнее. По старой привычке поляки всегда были друзьями врагов России. Хотя мы воюем пока с одною Турциею, но у России в данное время врагов много и едва-ли когда было их больше. Разве Англия и Австро-Венгрия не враждебны нам? А в других европейских странах мало у нас недоброжелателей, хотя бы власти, управляющие этими странами, ничем не заявляли к России своего зложелательства? Надеюсь, что вы, одинаково со мною, положа руку на сердце, скажете, что, переходя за Неман по всей Европе гораздо более желают нам поражений, чем успехов в начатой войне. При этой повсеместной нелюбви к России, не странно ли, что поляки именно в такое время «искренно» обратились к нам с дружелюбным желанием помириться и за одно с нами служить славянской идее? Но ■ мы, наученные опытом, не имеем ли права сомневаться в этой неожиданной «искренности» до той поры, пока выражение ее, вместо слов, не последует на деле. Не вправе ли мы предполагать, что мечтатели о «возрождении старой Польши» желают путем словесных излияний дружбы, лишь «замылить» (по способу их выражения) нам глаза, чтобы мы уверились ■ их прямоте, а вслед за нами и правительство наше подчинилось бы той же доверчивости и, нуждаясь в боевых силах на Дунае, оставило бы польские провинции без войска?.. Не вправе ли мы также предполагать, что за неимением ■ настоящее время поддержки своим политическим стремлениям в Западной Европе, поляки, ставши осмотрительнее прежнего, выжидают лишь исхода нашей борьбы с турками и, на случай нашего окончательного успеха, подготовляют себе почетную позицию в славянском мире в числе друзей России, с правами на выгоды, добытые усилиями русского народа. Наконец, не вправе ли мы предполагать, что при неудовлетворительном или скорбном для России исходе настоящей войны дружеские к нам заявления поляков так же легко и нежданно исчезнут, как ■ появились?

Ничто не подает нам ни малейшего повода видеть «искренность» ■ польских заявлениях, раздавшихся так внезапно в нашей газетной литературе. Что говорил я в прежней своей статье полякам-миротворцам, ■ том же смысле скажу им опять: делом, а не пустою болтовнею пусть докажут поляки свое расположение к нам и ко всему славянскому племени! Вы говорите: «вряд ли поляки могут войти в славянство, не примирившись с Россиею, потому что главное основание неславянского направления Польши есть ее нелюбовь к России». История указывает, что у поляков были старые счеты с русскими,—но какие счеты были у них с другими славянами, например с сербами и болгарами? Однако поляки в последнее время не показали большого сочувствия ни к тем, ни к другим. И теперь, если, как вы думаете, они прежде должны примириться с Россиею, чем войти в славянство, то, повторяю, что мешает им теперь проявлять свое примирение на деле, а не на словах? У нас в армии, воюющей ради освобождения дунайских славян, есть не мало поляков—и несколько польских имен, наряду с русскими именами, украсились славою за геройские подвиги. Тех мы считаем давно примирившимися. Почему же и другим полякам, по их собственному желанию не итти вслед своих соотечественников? Ничто не мешает полякам служить вместе с русскими общему славянскому делу ■ другими путями, кроме войны. Таких путей много— и все они достойны уважения, если только будут проходимы честно и прямо; есть один только бесплодный путь—писать газетные статейки о примирении поляков с русскими. Этот путь тем более бесплоден, что ■ наших толках мы будем наталкиваться на вопросы, которых разрешение зависит от воли верховной власти, и не может быть достигнуто беседами досужих политикантов.

Странно, что вы, Александр Димитриевич, требуете от меня признать достоверность того, что вы называете фактом. Вы говорите: «Если б поляк или всякий другой иноземец захотел составить себе понятие о русских историче-

ских деятелях по иным историческим сочинениям и статьям (имя им легион), он пришел бы к заключению, что русская земля не родила ничего, кроме злодеев, идиотов или умалишенных». «В то время»,—продолжаете вы,—«как поляки то и дело находили в своей литературе польского Шекспира, польского Гейне, Диккенса и т. д., наша «литературная критика» усердно занималась «сбрасыванием с пьедестала» корифеев нашей письменности. Какое имя, какие заслуги уцелели у нас от поругания, от травли самой беспощадной? И после этого мы удивляемся, что «иностранцы и инородцы» не интересуются ни нашею историею, ни нашею литературою. Это немного наивно».

Ваши слова привели мне на память М. П. Погодина, когда он укорял меня именно в том, в чем вы теперь укоряете всю русскую литературу, не обозначая имен, но выражаясь: «имя им легион»! Я оказался тогда в глазах покойного историка виноватым в том, что считал недостаточными похвалы, рассыпанные некоторым историческим личностям, хотя эти похвалы и вошли в учебники словно непреложные истины. Я из'являл сожаление, что источники не доставляют нам ясных и отчетливых черт, по каким бы могли мы в нашем воображении создать себе характер этих личностей и дать прочность тем похвалам, которые до сих пор мы привыкли повторять бездоказательно. За это Погодин, а вслед за ним и другие видели в моих сочинениях признаки неблагонамеренности, недостаток патриотизма, ставили мне в вину, что в моих сочинениях видно то, что теперь и вы усматриваете в сочинениях тех «им же имя легион»: что русская земля не родила ничего, кроме злодеев, идиотов и умалишенных.

Что я говорил когда-то Погодину за себя, то приходится теперь сказать вам за всех тех, которым «имя легион».

Чем возмущают вас эти писатели? Они, говорите вы, унижают исторические знаменитости. Так что же? Если они говорят неправду, против неправды есть оружие—истина, выжатая из строгой критики. Выступайте, защитники патриотической чести, выступайте во всеоружии истины против непатриотов, обличайте их путем науки, размечите как паутину их хитросплетения! Только не сердитесь, потому что кто сердится, тот, значит, уж не совсем прав! Да и зачем сердиться, когда эти непатриоты, эти сводители с пьедестала корифеев нашей истории и нашей письменности во всяком случае не являются бесполезными; они приносят свой вклад в науку уже тем, что вызывают против себя дельные опровержения, способствующие к раз'яснению многих вопросов науки. Сердиться на них не следует. Польза, которую они принесут тем, что вызовут против себя ученых антагонистов, достаточна, чтобы загладить небольшой вред, если какой-нибудь недоучка, прочтя их книгу, временно усвоит находящиеся в этой книге заблуждения. Неужели вам досадно, зачем не дозволяют стоять на пьедестале лицам, которым там и стоять не надлежало? Неужели вы хотели бы, чтоб и мы, как поляки, находили у себя своих доморощенных Шекспиров, Гейне, Диккенсов, хотя бы на самом деле их не было? Имейте же в виду, многоуважаемый Александр Димитриевич, что невозможно удержать на искусственно состроенном пьедестале лицо, которое там поставлено не по достоинству, как равно и свести с пьедестала такое, которое стало там за великие подвиги, признанные всеми единодушно. В последнее время, благодаря изданным материалам, открылось о Петре Великом не мало такого, что набрасывает черную тень на личность этого великого человека,—однако все это не свело его с пьедестала, на котором поставила его история. Мы знаем только, что Петр не был безупречный ангел, и был человек с громадными пороками, но и с громадными доблестями, и все-таки хорошее перевешивало в нем дурные качества! С другой стороны К. Н. Бестужеву-Рюмину не удалось, надеюсь, возвести на пьедестал царя Ивана Васильевича Грозного, которого почтенный историк ставил в уровень с Петром по поводу ливон-

ского дела. Потерял ли в наших глазах Ломоносов оттого, что нам стали известны кое-какие безобразные выходки этого великого деятеля русского слова? Удержался ли Кукольник (хотя никто не может отнять у него значения в литературе русской) на той высоте, на какую, ради потехи, ставил его когда-то Сенковский, сравнивая с величайшими поэтами мира? И в наше время популярнейшим человеком стал генерал Черняев,—а как хотели очернить и унизить его наши газеты и всякие наши ценители современных событий! Что сделал он, говорили,—чем прославился кроме неудач? Самые побуждения, с которыми он выступил за славянское дело, старались всячески представить в дурном свете. И что же? Черняева уважает весь русский народ; Черняеву, куда он только ни явится, делаются торжественные встречи не по оффициальным заказам, а по глубокому всеобщему убеждению, что этот человек есть истинный герой. Оценил в нем русский народ именно то, что Черняев первый по собственному желанию пошел на выручку угнетенного христианства на Востоке. Никакие его неудачи, никакая строгая критика его ошибок или слабостей не сведет его с пьедестала, на который его воздвиг сам народ. Я полагаю, что суд над историческими и литературными деятелями следует предоставить совершенно свободному течению мысли; пусть себе одни возводят на пьедестал героев прошедших времен, другие—сводят их с пьедестала; у кого больше истинных доводов, за тем и верх останется; но патриотических взглядов, оценивая исторических и литературных критиков, прилагать не следует. Обвинять писателя-критика, зачем он хвалит такое историческое лицо, к которому вы не питаете сочувствия, или зачем порицает такое, которое вам бы хотелось, чтоб хвалили,—и не справедливо, и бесцельно, и бестактно. Нельзя всех заставить думать так, как вам хочется, а если заставите нас всех говорить не то, что думаем, то какая вам польза из этого? Разве приятно вам будет знать, что мы говорим ложь из страха перед вами и в угоду вам?

Мне очень прискорбно сознать, что вы, Александр Димитриевич, цените не одну нагую беспощадную истину, но, как видно, готовы снисходительно отнестись и к фальшивым цветам, в которые, под час, наряжается патриотизм. Более всего мне странно слышать от вас, будто «непатриотические» отзывы наших историков о русских знаменитых деятелях были в числе причин нелюбви и презрительных отношений к нам поляков и даже восстания 1863 года. Помилуйте! Да ведь такие «непатриотические» отзывы начались всего только в последние двадцать лет. Прежде у нас все было шито и крыто, все только себя хвалили, да восторгались собственною славою! А неужели поляки нас тогда любили и уважали? Еще при самозванцах поляки с такою же нелюбовью относились к русским, как и в наше время, и тогда с пренебрежением говорили они и о нашей вере, о нашем языке, о наших обычаях! Что ж! разве и тогда виновата была наша литература?

Что касается, собственно, до вражды к нам поляков, историческим корнем ее надобно признать наше разноверие. До какой степени у нас с поляками доходила рознь между западным католичеством и восточным православием, показывают такие примеры: в XVII столетии малороссы, ожесточенные против поляков, находили, что лучше отдаться туркам, хотя бы пришлось и побусурманиться, нежели быть в зависимости от поляков-католиков и находиться в опасности принять католичество; в XIX веке поляки-эмигранты принимали ислам и отрекались от Христа, а папа проповедывал всему миру, что лучше ислам, чем «схизма». Много пришлось бы распространиться об этом предмете, но мы невольно натолкнулись бы и на вопросы, которых разрешение предстоит не нам. Притом, я не хочу повторяться, и в общих чертах мои взгляды об этом высказаны уже в моей статье «Правосла-

вие в восточном вопросе», напечатанной в последних номерах «Газеты Гатцука», за прошлый 1876 год.

Вы находите, что по причине наших самообличений, которые вы называете самооплевыванием, «иностранцы и инородцы не интересуются ни нашею историею, ни нашею литературою...». Но ведь это «самооплевывание» явление сравнительно недавнее; когда в нашей литературе таких самооплевываний не было, когда мы себя только хвалили и возвеличивали, иностранцы разве лучше изучали и знали нас, чем теперь? Разве появившиеся в последние годы сочинения Рамбо, Леже, Руа-Болье, Германа, Рольстона, Меккензи-Уольса и других, показывают меньшее знакомство их авторов с русскою жизнью, чем верхоглядные отзывы прежних наблюдателей, узнавших наше отечество из кратковременного посещения петербургских гостинных, даже случайных сближений с русскими барскими семействами, бродившими без цели, от скуки, по Европе.

Наше самообличение, которое вы клеймите позорным названием «самооплевывания», не служит ли признаком стремления смотреть на все без увлечений, вооружась критическим взглядом, и не будут ли такие лица, которых вы обвиняете в «самооплевывании», признаны истинными патриотами? Разве, если любить свое отечество, то непременно следует видеть в его прошедшей и настоящей жизни идеал совершенства? Я думаю, что подобное отношение к своему родному есть несомненный признак общественного и умственного упадка,—напротив, строгое, беспощадное обличение дурных сторон в своем обществе есть признак здоровья и живучести общества. Вам, конечно, хорошо известно, как беспощадно бичуют себя англичане, когда является вопрос о каких-нибудь улучшениях в их быте и общественном строе. Почитаешь то, что они о себе написали, подумаешь, что нет хуже нации в свете, как великобританская. И суд у них, и полиция, и военная сила, и просвещение, — все, все идет прескверно! И не боятся они писать такое про себя ни о прошлом, ни о настоящем. И что же? Разве от этого теряет что-нибудь их нация? Разве не все, волею-неволею, признают ее нациею передовою, руководительницею культуры всего земного шара? А через что она получила такое великое значение? Через то, что она первая указала человечеству святость свободы мысли и слова.

Не обвиняйте же в «самооплевывании» тех, которым «имя легион»: если многие из них, искажая факты, заблуждаются,—на то они люди; за то, как я уже сказал, найдутся и другие, которые, без злобы, путем науки, сумеют восстановить истину.

В заключение всего я позволяю себе заметить, что из вашей филиппики против того «легиона», который осмеливается «сбрасывать с пьедестала» исторические и литературные наши знаменитости, можно вывести, что для охранения чести русской истории и народа следует сузить (и без того не широкое) право занимающихся историею пользоваться подлинными историческими документами, чтобы не дать им удобства извлекать на свет такие грехи наших предков, которые до сих пор были и остаются неведомыми.

Зная вас лично за ученого и просвещенного человека, я никак не могу подумать, чтобы вы, многоуважаемый Александр Димитриевич, разделяли такое желание оберегателей нашей народной славы. Я «признаю» такое желание только за людьми отсталыми и неспособными уразуметь, что скрывание язв и ошибок прошлого и настоящего времени есть игра в жмурки—непригодная великого русского народа, жаждущего света и правды.

Примите уверение в глубоком моем к вам уважении и искренней преданности.

С.-Петербург, 11 авг. 1877 г.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПО ВОПРОСУ О ПРИМИРЕНИИ ПОЛЯКОВ С РУССКИМИ. *

В «Новом Времени» была напечатана моя статья «Полякам-миротворцам» в ответ некоторым господам, заявившим в «С.-Петербургских Ведомостях» о желаниях поляков примириться с русскими на основании сознания славянской взаимности. Я высказал мое глубокое убеждение, что таким заявлениям не следует верить, и надеялся, что многие из русских людей вполне согласятся с моим мнением, увидя в нем свои собственные взгляды на эти предметы, составившиеся у них прежде, но будут и такие, которые иначе на него смотрят. Появилось в нашей печати несколько возражений, но, к сожалению, спор об этом вопросе начал, так сказать, сползать с пути беспристрастного исследования на личные зацепки. Мы стали толковать то об историках-критиках, сводящих с пьедестала исторические личности, то о бабах-сплетницах, мешающих помириться ссорящимся семьям, то, наконец, о цыганках и петушках на крышах и полотенцах: все это вовсе не идет к рассматриваемому предмету. Кажется, лучше всего оставить о нем всякие толки. Дело нужно, а не слова. Если поляки искренно желают помириться с русскими, то покажут это желание на деле, а если не покажут (в чем я остаюсь убежденным), то никакое газетное и журнальное красноречие их к тому не приведет.

---

* *Новое Время*, 1877, № 545; *підп.: Н. Костомаров.*

Ліквідація фонду підручників (передача його на академічну премію).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ. *

Некоторые лица, преимущественно же жители и уроженцы губерний, населенных малоруссами, в шестидесятых годах текущего столетия поручали мне издание в свет книг на малорусском наречии и присылали мне деньги, предоставляя их употребить на этот предмет по моему усмотрению. Учинивши еще тогда некоторые для того затраты, я принужден был остановиться в дальнейшем ходе такого предприятия, по причинам, зависевшим отнюдь не от меня и не изменившимся в течение многих лет. Ныне убеждаясь в том, что в видах успехов в науке отечественного языковедения очень полезным было бы издание словаря с малорусского наречия на русский язык, я пожертвовал, оставшиеся у меня четыре тысячи рублей в закладных листах харьковского земельного банка в императорскую академию наук с тем, чтоб этот капитал с нарастающими на него процентами был в виде премии вручен составителю такого словаря, признанного достойным премии по приговору академии, произнесенному на основании отзывов трех избранных академиею ученых специалистов по славянской филологии, из которых по крайней мере один должен быть непременно природным малороссом, с детских лет усвоившим родное наречие.

Сообщая об этом всем, кому о том желательно будет знать, я надеюсь, что с своей стороны императорская академия наук не замедлит опубликовать о моем пожертвовании, и равно и об условиях составления и приема означенного словаря, предложенных мною и одобренных тт. членами второго отделения императорской академии наук.

Н. Костомаров.

Сентября 29-го дня.
1880 г. СПБ.

---

* *Новое Время*, 1880, № 1650; *підп.: Н. Костомаров.*

МАЛОРУССКОЕ СЛОВО.*

Правительство в настоящее время нашло возможным подвергнуть пересмотру законоположения о печати, конечно, с целью дать возможно больший простор интеллигентному движению в русском обществе. Считаю не лишним коснуться по этому поводу одного вопроса, который никак не следует оставлять без внимания.

С 1876 года все, что относилось к малорусской народности, стало испытывать затруднения к появлению в печати. Издание всякой книги, написанной на малорусском наречии, обставлялось препятствиями и требовало сношения с главным управлением по делам печати; подобные затруднения ложились и на малорусские книги, печатаемые в Галичине, относительно их доставки; затруднялось даже издание музыкальных нот для малорусских песен. Даже в чисто русских сочинениях приведение малорусских речей возбуждало у цензоров сомнение и потребность обращаться за разрешением в главное управление по делам печати. Сообразно со всем этим, местные власти, как мы узнаем из газет, не разрешали спектаклей с пьесами на малорусском наречии и концертов с пением малорусских песен. Между тем прежде, издавна, ничего подобного не бывало, и малорусская народность с своим наречием, господствующая почти на всем юге империи, находила себе место во всех литературных родах, в произведениях беллетристических, во всех исторических, археологических, филологических, этнографических исследованиях невозбранно, наравне со всеми народностями российской империи. Сколько нам известно, на малорусском наречии не появлялось ничего преступного, да и не могло появиться, потому что все малорусские книги выходили в свет по установленному порядку, с разрешения правительственной власти, а если бы где-нибудь за рубежем России или в ее пределах, но тайно, появилось на нем что-либо такое, что казалось бы недозволительным по содержанию, то ответственность за то могла падать исключительно на самое сочинение или на его автора, но никак не на наречие, на котором оно написано, подобно тому, как никто бы не подумал за подобные сочинения, явившиеся на иных каких-либо диалектах, запрещать употребление самых диалектов в печати. Мы не станем доискиваться путей, какими могло образоваться такое ограничение, и думаем, что здесь причиною было недоразумение, истекавшее от представления подлежащим властям в превратном виде некоторых вопросов, касающихся этого предмета. Тем не менее, такие меры отзываются неблагоприятными последствиями и в обществе и в простом народе.

1) Многие лица, даровитые и сведущие в своей сфере, находят для себя легче и удобнее писать на малорусском наречии, чем на русском языке. Одни—потому, что берут задачею изображать прошедшую или настоящую жизнь малороссов с их речью и народным складом мировоззрения; другие—потому, что сами лучше владеют родным наречием, чем книжным русским языком, который, хотя им хорошо известен, но все таки остается у них изу-

---

* *Вестник Европы*, 1881, т. I, кн. 1, Хроника, стр. 401—407; *Підп.: Н. Костомаров.*

ченным, а не природным. При невозможности печатать по малорусски, они лишаются возможности излагать свои мысли так, как они считают для себя лучшим.

2) Ограничения по отношению к малорусской речи переходят на ученые занятия, касающиеся истории, этнографии, географии, археологии, филологии малорусского народа, потому что все это, по самой природе вещей, связывается с народною речью. Такое отношение к последней угрожает подозрениями и стеснениями людям, решающимся посвятить свою деятельность разным видам изучения края, и пример тому показывает упразднение в Киеве юго-западного отдела географического общества, который в изданных двух томах своих записок успел уже дать науке немаловажный вклад; в целом ученая деятельность целой корпорации отдела не перестает заслуживать уважения и не может подвергаться какому бы то нибыло порицанию. Изучение же малорусской народности с ее местным наречием, занимающей такую огромную и, надобно прибавить, наилучшую полосу Европейской России, есть предмет первой необходимости во всем, где только явится соприкосновение власти, науки и общества с этим народом.

3) Ограничения по отношению к малорусской речи в печати производят в малорусском крае скорбное чувство даже в таких лицах, которые сами никогда не писали по малорусски и не занимались малорусскою народностью, но, будучи жителями края, невольно начинают принимать к сердцу то, что они привыкли видеть около себя. Едва ли будет кому-нибудь желательно, чтобы подобный образ действий возбуждал недовольство там, где его вовсе не было.

4) Неразрешение пения песен в концертах, издания нот и устройства спектаклей с малорусскими пьесами, кроме того, что возбуждает неприятное чувство в местной публике, привыкшей прежде к такого рода увеселениям, не может быть полезным и в интересах искусства и расширения эстетического вкуса, исторгая из сфер музыкальной и сценической превосходнейшие изящные элементы, какими всегда хвалились и вся Россия и целая Славянщина.

Вот те нежелательные влияния, которые ограничение в малорусской речи оставляет в литературе, науке и интеллигентном обществе. Не меньшие, а думаем, что еще большие нежелательные результаты, оказывают эти меры и среди простого сельского народа, говорящего малорусским наречием.

1) Обыкновенно думают, что образование сельского народа во всей империи может успешно совершаться на нашем книжном русском языке. Это мнение ошибочно. Наш книжный язык, ставший и разговорным языком интеллигентного общества, по причинам всем более или менее известным (которые излагать здесь не место) сложился так, что наша речь, обращенная к простолюдину, даже великороссу, не всегда ему бывает вполне понятною, не только потому, как иные хотят об'яснить, что касается предметов, недоступных простолюдину по недостатку образования, но и по своему лексическому, этимологическому и синтаксическому построению. Поэтому, для преподавания начальных предметов в сельских училищах следует составлять руководства, по возможности применяясь к простонародному складу речи и избегая слов и оборотов, хотя между нами усвоенных, но чуждых еще простолюдину. В краях, где в сельском народе господствует малорусское наречие, такое правило неприменимо. Малорусское наречие до того отделилось от великорусского, что для малорусских сельских детей нужно составлять такие руководства, в которых бы разом, обучаясь научному предмету, обучались также и русскому языку, а потому в руководствах необходимо прилагать и малорусский текст излагаемого по русски предмета. Составление таких руководств требует дозволения.

2) Читать проповеди на малорусском наречии в церквах священникам не дозволяется. Прежде, еще недавно, читались такие проповеди, и особенно прекрасные поучения отца Гречулевича пользовались большим вниманием народа. Теперь их не читают. Между тем погруженная в мелкие обыденные расчеты масса этого народа коснеет в таком прадедовском невежестве, что во многих отношениях может назваться скорее языческою, чем христианскою, религиозные предметы являются у малорусского простолюдина с примесью самых чудовищных представлений! Не трудно встретить таких, которые не имеют даже ясного понятия о единстве божием, считают особым богом каждое изображение, виденное на иконах в храме; многие не знают самых общеупотребительных молитв, коверкают их без милосердия или сочиняют свои чрезвычайно безобразные [1]. В последнее же время везде между малороссами, как замечают многие, распространяется отчуждение от церкви, холодность даже к ее наружной стороне, какое-то враждебное отношение к духовенству, внедряется какой-то житейский, практический индифферентизм, испаряется та поэзия, которая так была присуща малорусскому племени, начинает царить какая-то пошлость, мелкость, мертвенность. Только духовенство своим влиянием могло бы одухотворить народ снова, поддерживать в нем веру, сообщать ему дары света, а для этого нужно поставить духовных в беспрепятственную возможность говорить к народу в церкви понятным для народа языком. Сверх того, в малорусском народе завелось и распространяется противное православию учение, известное под названием штунды. Эта секта христианско-рациональная, одна из тех, которые, признавая св. писание за основу веры, толкуют его по своему так, что отвергают обрядность и весь иерархический строй вселенской церкви со всеми его преданиями. Здесь не место толковать о происхождении и подробностях этой секты; скажем только, что главным поводом ко вступлению в штунду составляет у малороссов нерасположение к своему духовенству за то, что оно, как укоряют его сектанты, вовсе не поучает народ, а ограничивается исполнением обрядов, заботясь более всего собирать за них для себя с народа деньги. Чтение св. писания составляет у сектантов единственное благочестивое упражнение, и к ним из за-границы контрабандным способом привозятся экземпляры перевода Нового Завета, напечатанные в Галичине на малорусском наречии. Местные власти преследуют штундистов и надеются, как кажется, искоренить их полицейскими мерами, что, как говорят, не вполне удается, так как секта растет все шире и шире. Были бы действительнее средства чисто духовные. Переводить Новый Завет на малорусское наречие не дозволяется, а между тем в Малороссию проникает перевод, составленный в чужом государстве и притом приобретается более сектантами, от чего последние получают возможность лучше безграмотных православных мужиков иметь сведения о вере и чрез то удобнее могут распространять свое учение, сманивая православных. Не лучше ли, если-б св. синод разрешил употребление в народе такого малорусского перевода Нового Завета, который был одобрен святейшим синодом и распространялся через духовных пастырей, чем допускать, мимо воли властей, проникать иному переводу из Галичины и притом исключительно для пользы сектантов в ущерб православию? Равным образом было бы полезно,

[1] Так, например, известную пасхальную песнь малорусские поселяне, слыша в церкви и не понимая, перековеркали так: «Христос воскрес гей из мертвых смертвою смертвопра (?!) и сусши вгоробей (?!) живодарова!» А вот молитва, которую про себя читает малорусс во время литургии, когда диакон возглашает: двери! двери! «Шарпни (т. е. продерни) мене, Господи, по души й по тилу и по всих моих кисточках и по всій моій родни. Хрест на мени, хрест на голови, хрест на грудях, хрест на спині, хрест на руках, хрест на ногах, увесь в в хрестах, як бивця (по другому варіянту свыня) в рипьяхах!» Таких простонародных молитв множество.

в тех же видах сохранения православной церкви от штунды, чтобы духовные пастыри действовали против распространения внедряющейся секты поучениями, составленными речью вполне понятною для прихожан. Вспомним при этом, что малорусское духовенство некогда отстаивало православие не от таких учений, измышленных на-скоро умствующими мужицкими головами, а от латинства, устремившегося на восточную церковь со всею арматурою западной учености. В те времена малорусские духовные пастыри были, по своему времени, превосходно образованы, умели говорить с народом, и пользовались везде народным уважением. Оттого так долго малорусский край мог хвалиться тем, что когда в Великой Руси возникали ереси за ересями, расколы за расколами, туда не проникало в народ никакое лжеучение.

Нам, в качестве возражения, могут поставить на вид то, чем обыкновенно стараются дать благовидный повод к ограничениям малорусского слова. Это—желание сделать наш общий русский язык литературы и образованного общества единым языком народа на всем пространстве империи. Такое желание разделяем и мы, и не можем не разделять его, так как сами с детства говорим и думаем на этом языке. Но мы хотим, чтобы это желание осуществилось прочно и действительно, и не призрачно. Это возможно только при совершенной свободе всех наречий и языков нашей империи. Насильственное и принудительное обучение русскому языку, сопровождаемое предвзятым старанием уничтожить областные способы речи, не будет самым прямым и успешным путем к данной цели. Обратимся к истории. Она укажет нам бесчисленные примеры, когда принудительные меры, предпринимаемые хотя бы с очевидно благими целями, возбуждали противодействия, замедлявшие естественное течение желанного дела и порождавшие новые препятствия, с которыми приходилось бороться. В нашей русской истории найдутся такие примеры. Вспомним хоть старообрядство и расколы. Если-б предпринявши исправление богослужебных книг, не преследовали Аввакумов, Лазарей, Епифаниев и прочих приверженцев прежней привычки,—не было бы ни соловецкой осады, ни скитов в дремучих лесах и болотах, откуда исходило по всей Руси противодействие господствующей церкви, ни ужасных самосожжений, не было бы того множества разнообразных сект, на которые разбился раскол, не являлось бы необходимости государственным властям заботиться об их искоренении. Дело книжного исправления совершилось бы тихо и спокойно, и теперь вся Россия давно бы уже крестилась тремя перстами, довольна была бы «новыми» книгами, а старыми дорожила бы не более, как археологическими памятниками. Никому, конечно, не желательно, чтоб из малорусского наречия вышло что-нибудь похожее на раскол, да мы и не ожидаем ничего подобного; но нельзя же поручиться, чтоб со временем не вышло каких-нибудь таких нежелательных осложнений, каких в настоящее время не в силах мы и предвидеть и определить, в особенности в виду распространяющейся штунды, если против нее не поставятся противодействующие меры, отнюдь не полицейские, а народно-просветительные. Во всяком случае, если малорусскому писательству предоставится полная свобода, от этого не произойдет никакой преграды распространению русского языка между малороссами. Русский язык уже стал для последних культурным языком, русский язык обладает богатою литературою, составляющею общее достояние образованного класса как великороссов, так и малороссов, и потому всегда талантливый малорусс, владеющий русским языком, поддастся приманке писать по русски уже по одной той причине, что его сочинения станут расходиться в большом количестве. Преподавание в сельских школах с учебными руководствами, в которых для уразумения не легко-понимаемой малорусскими крестьянскими детьми книжной русской речи, будут прилагаться об'яснения по малорусски, станет только содействовать усвоению общего

русского языка в сельском населении. Русский язык в малорусском крае, оставаясь языком администрации, законодательства и высшей культуры, всегда будет возбуждать в массе народа желание усвоить его ради своей практической пользы, в особенности, когда указанный выше способ обучения в селах станет помогать легчайшему его усвоению. Если же обок русского языка будет оставаться и литературно развиваться малорусская литература, то, принося свою местную пользу, она без ущерба русской литературе будет существовать для домашнего обихода, как выразился когда-то о ней один из славянофильских органов, еще в шестидесятых годах текущего столетия. Укажем в заключение на примеры Германии, Франции, Англии... Ведь существуют же в этих странах провинциальные наречия: провансальское, бретонское, нижне-немецкое, валлийское, шотландское; никому не запрещается писать на них, никакими мерами не препятствуют их развитию, нигде не возникает опасения, чтобы они могли вредить господствующему культурному государственному языку; все они существуют у себя именно для домашнего обихода и никому от того нет вреда никакого. В таком положении находится и малорусское наречие, и если оно перестанет встречать на пути своего развития ограничения, все таки оно не может быть ничем, кроме того, чем ему быть придется по силе вещей.

Вот соображения, которые, по нашему мнению, надлежало бы не оставить без внимания при пересмотре наших законоположений о печати. Пусть в видах дарования возможно большей свободы русскому слову, избавится малорусское наречие от всяких ограничений как в печати, так и в церковном поучении.

ПО ВОПРОСУ О МАЛОРУССКОМ СЛОВЕ

«Современным Известиям».*

В прошлом нумере «Вестника Европы» напечатана была наша статья о малорусском слове, и во многих газетах, как столичных, так и провинциальных, также появились статьи все в одном духе, выражающие полное желание снятия всякого запрещения с малорусского наречия и предоставления совершенной свободы писать на нем. Никто не отозвался сколько-нибудь несогласно с этим желанием. Наконец, мы встретили в «Современных Известиях» иного рода отзыв по этому предмету. Собственно, автор, писавший статью эту, в сущности соглашается, что всякие стеснительные меры против малорусского слова следует немедленно отменить, но вместе с тем, «Современные Известия» чем-то недовольны, в чем-то сомневаются, чего-то хотят или чего-то не хотят... Мы вообще довольны, что в этом вопросе газета «Современные Известия» нарушает общий унисон, потому что во всех вопросах, где только может возникнуть впоследствии какое-нибудь недоразумение, всегда желательно, чтоб не забывалась латинская поговорка: «audiatur et altera pars». Одиноко остающаяся сторона легко может увлечься через край своим убеждением, как и противная ей сторона своим собственным, и только чрез сопоставление доводов той и другой всего удобнее может открыться истина. Но в таких случаях польза возможна только тогда, когда обе противные между собою стороны будут опровергать друг друга добросовестно, имея в виду только то, что действительно есть у про-

---

* *Вестник Европы*, 1881, т. II, кн. 3, Хроника, стр. 359—365; *підп.: Н. Костомаров.*

тивника, а не навязывая последнему того, чего тот не говорил, не желал и не думал. Московская газета поступила в этом случае именно таким образом.

Московская газета сомневается, чтоб существовало запрещение разговаривать ученикам на привычном наречии, а учителям преподавать. Очень сожалеем, что почтенная газета так мало знакома с предметом, о котором взялась рассуждать, что может сомневаться в таком общеизвестном факте. Мы так вот ни мало не усумнились, прочитавши на 897 странице февральской книжки «Вестника Европы» об удалении народного учителя от должности за то, что он перевел по малорусски две фразы из евангелия Матфея. Мы не сомневаемся в истине такого факта, потому что еще прежде давно слыхали о нем, и кроме того нам по слухам, исходящим из достоверных источников, известно немало возмутительных примеров в роде, хоть бы, например, такого, что исключают народного учителя за то, что он дал на прочтение своему знакомому книжку на малорусском языке, одобренную цензурою. «Современные Известия», по поводу запрещения произносить проповеди на малорусском наречии, выражаются: «дозволены ли цензурою поучения на местном наречии—не знаем; если запрещены, то это—крупная ошибка, мало того—крупная несправедливость». И тут опять таки приходится удивляться: как это газета, не зная такого факта, взялась говорить о малорусском слове. Кроме того, что произнесение проповеди по малорусски в церквах строго воспрещено, самый способ разрешения всяких проповедей для чтения в храмах таков, что не способствовал бы малорусскому проповедничеству даже и тогда, если б не существовало тяжелого запрещения, которого нарушение повлекло бы теперь священника даже к лишению сана. Священник, как городской, так и сельский, не иначе может народу произносить проповедь своего сочинения, как представив ее предварительно на суд своего местного архиерея. Неправда ли, как это удобно, когда священнику придется иногда ехать сотни верст в губернский город, где пребывает его епархиальное начальство? Допустим, что этот благочестивый подвиг совершен, но какого компетентного суда может ожидать священник от архиерея, который сам происхождения великорусского, не знает, да и знать не считает нужным местного наречия, притом нередко окружен привезенными с собой или вызванными из великорусского края священниками?

По мнению газеты «Современные Известия», запрещение употреблять малороссийские учебники есть только противодействие искусственному отклонению детей от великорусского языка, а желание вводить малороссийские учебники может исходить только из желания поставить возможно непроходнее стену между малороссиянином и русским вообще, отвести малороссийское дитя от соблазна знать и изучать язык, общий остальным его соотечественникам. Но не мы ли, в нашей статье, напечатанной в «Вестнике Европы», указывали, что было бы полезно в учебниках, предназначенных для народного обучения, при русском тексте в виду неудобопонятности русского литературного языка, прилагать текст малорусский, и таким образом, учащийся, лучше понимая предмет, которому учится, будет в то же время иметь возможность учиться и русскому языку? Мы уверены, что едва ли отзовутся украинофилы, которые нашли бы такой способ нежелательным, ради того, что он содействует распространению книжного русского языка между малороссами. Неужели же предлагаемый нами способ имеет, как говорит газета «Современные Известия», конечную цель «оградить дитя от соблазна чужих звуков, отчудить его от его сограждан и—добавим—лишить его развития?». Вот что значит, как мы выше заметили, недобросовестно навязывать противнику такие мнения, каких тот не заявлял, и потом спорить, как будто с противником, в сущности же с собственными измышлениями. Наша цель была именно способствовать скорейшему и правильней-

шему усвоению не только того, что излагается на русском книжном языке, но и самого языка!

Совершенно права газета «Современные Известия», говоря, что «русский книжный язык есть никак не великорусский, и что этимология и синтаксис во всех русских наречиях совершенно другие, нежели в литературном языке». Это самое мы говорили в указанной выше статье, напечатанной в «Вестнике Европы», признавая отличия от литературного языка не только в русских наречиях, но и вообще во всей речи великорусского простолюдина, и в этих видах находили необходимым, чтобы учебные книги, назначенные для обучения сельских детей, писались на языке, более подходящем к простонародной речи и наиболее удаленном от книжных речений и оборотов, а в тех областях, где отмены наречий и говоров наиболее ощутительны, полагали уместным, если учителя будут приспособляться к местным условиям в своих изустных об'яснениях. Но такой способ неприменим одинаково там, где господствует наречие малорусское, по причине слишком громадной массы об'яснений, необходимых при местных отличиях, и потому-то мы не находили иного способа, как прилагать, вместе с русским изложением предмета, и малорусское. Взгляд газеты «Современные Известия» прямо приводит к тому, что было предлагаемо нами. Между тем, эта газета, как видно, недовольна нашим способом, когда в желании вводить малорусские учебники подозревает «желание поставить, сколько возможно, непроходную стену между малороссиянином и русским». Неужели все это происходит от незнания предмета, рассуждать о котором автор этой газетной статьи некстати взялся? Да, видно по всему, что он его не знает. «Представим», продолжает газета, «что белорусский, куда белорусский—даже калужский и смоленский патриот, даже московский, возымел намерение и осуществил его—написать учебники для окрестных ребят с местным говором, с «ничаво», «делаицця» и т. п. Не поставлена ли будет бедному дитяти только застава, через которую ему трудно будет перепрыгнуть к литературному языку, а следовательно к общению со всероссийскою мыслью, а через нее и с развитием всего человечества».

Из этих слов яснее, чем из предыдущего видно, что написавший такие строки не имеет точного понятия о том, о чем взялся судить. Ему кажется, что малорусское наречие есть такой же говор, как смоленский, калужский и даже московский, где все отличие от литературного языка ограничивается каким-нибуть «ничаво», «делаицця» и тому подобное. Так думать, конечно, может только тот, кто слыхал только или читал, что где-то на юге российской империи, есть какие-то малороссы, но сам, в своей жизни не видал ни одного «хохла» и не слыхал его речи народной. А такому господину не надобно и толковать о малорусском наречии, иначе он станет в такое смешное положение, что будет спорить против того, с чем сам, как после увидит, наперед уже согласился. Так и вышло с автором статьи, помещенной в «Современных Известиях». Эта статья заранее заявила, что не следует запрещать ни перевода священного писания, ни произнесения проповедей по малорусски, ни сценических представлений на местном наречии, «а о книгах, выписываемых для ученого употребления, нечего и говорить», прибавляется в этой же газетной статье.

Но ведь мы чего же еще больше добиваемся?

Автор газетной статьи ни с того ни с сего вздумал доказывать, что переводить евангелия и всего богослужения на малороссийский язык для употребления в малороссийских церквах не следует, и несомненно сам малороссийский народ воспротивился бы такому расколу! Но о таком расколе никто не заявлял, никому даже и в голову он не входил; говорилось только о переводе на малорусское наречие священного писания для народного чте-

ния, точно так как оно переведено на литературный русский язык, хотя богослужение продолжает оставаться на церковно-славянском. Но ведь сама газета в той же статье заявила, что «не понимает, за что запрещать книгу Иова или какую-угодно из библии на малороссийском языке». А если так, то из-за чего же сыр-бор загорелся? Зачем нужно было и писать обо всем этом?

Автор статьи, о которой идет речь, указывает, однако, что его расположили к этому глубокомысленные политические соображения. Стеснительные меры против малороссийского наречия—говорит он—истекли, вероятно из желания противодействовать тому походу против русской народности, который ведется не со вчерашнего дня доброю нашею соседкою за Бугом и Днестром. Австро-венгерскому правительству не очень приятно, что в его земле есть более трех миллионов русского населения. Оно придумало остроумный способ отучить своих русских подданых от мысли, что они русские. Оно назвало их рутенами, Ruthenen, издает поощрительные меры, чтобы азбука у них была не общая с нами, русскими, а отличного начертания, и главное, чтобы правописание как можно далее отходило от этимологии и повторяло фотографически говор. Были и есть попытки пропагандировать эту новую народность и в пределах России: есть старания протискивать к нам книжки в этом смысле, а кстати распространять в деревнях и портреты австрийского императора... благоразумие требовало бы от наших украинофилов не давать себя смешивать с австрийскими сочинителями рутенской народности. А к сожалению, видим обратное. В числе печалований читаем печалования и о правописании... Правописание в настоящем случае есть не просто правописание, а политическое знамя. Под правописанием этим газетная статья разумеет кулешовку, способ правописания, введенный г. Кулишом, и теперь признаваемый газетою «Современные Известия» «смешным, детским, крайне ненаучным и попросту сказать, невежественным».

Мы не знаем о попытках Австро-Венгрии пропагандировать в пределах России какую-то новую народность, не знаем о распространении в деревнях портретов австрийского императора; политическими вопросами мы не занимаемся и вообще были и остаемся такого мнения, что не следует впутывать политики в вопросы, касающиеся чисто этнографии и лингвистики. Но видим, что, ступивши на эту стезю, автор статьи, помещенной в «Современных Известиях», оказывается, может быть, мимо собственного желания, так же несведущим в истории, как показал себя в этнографии и лингвистике. Слово «рутены» выдумано не в недавнее время и не австро-венгерским правительством; вы его можете встретить во множестве в разных средневековых сочинениях в значении русских вообще. Что же касается до правописания кулешовки, то измышлено оно было без всякого соотношения с Австро-Венгриею. Его происхождение имело вот какой источник: в малороссийском наречии произношение и употребление букв, выражающих звуки твердого и мягкого *и*, представляют большие отмены против великороссийского, а потому и затруднения при выражении их обще-русскою азбукою. Отсюда у писателей малорусских возникли разные попытки выражать эти звуки; произошла путаница; чуть не каждый писатель выдумывал свое собственное правописание, и г. Кулиш вздумал прекратить этот беспорядок тем, что ввел—мягкое *и* выражать буквою *і*, а твердое буквою *и*. Этот способ был повсеместно усвоен, и у нас в России, и в Галичине. Мы, собственно, никогда не признавали этого способа вполне удовлетворительным, так как он не выражал существующей связи малоруского наречия с церковно-славянским и с русским наречиями. Некогда, еще в тридцатых годах текущего столетия, задолго до появления г. Кулиша на литературном поприще, мы употребляли правописание Максимовича и хотя впоследствии, когда издававшийся в Пе-

тербурге журнал «Основа» принял правописание Кулиша, приняли и мы его ради того только, чтоб не делать раскола в литературе; но в недавнее время, представляя в Академию Наук сумму на премию составителям малороссийского словаря, заявляли, что удобнее всего, при печатании означенного словаря, употребить правописание Максимовича, а не Кулиша, и мнение наше было принято во внимание. Поэтому мы уж никак не возьмем на себя защищать и оправдывать кулешовку; но чтоб оно было, как говорят «Современные Известия», не просто правописание, а политическое знамя — это призрак, один из таких призраков, каких созидать не следует, потому что малознающие суть дела могут такой призрак принять за что-то имеющее вещественные качества. Совет «Современных Известий» украинофилам—не смешивать себя с австрийскими сочинителями «рутенской» народности, не может быть принят, потому что этот совет показывает только незнание советодателя предметов, о которых он берется рассуждать. Новосозидаемой рутенской народности нет; рутенами, как мы уже сказали, называли в средние века вообще русских всех; теперь же это название удержалось у немцев австрийских для обозначения той части русского племени, которая вошла в Австро-Венгерскую державу. Газета, о которой идет речь, говорит далее: «сколько помним, правительственный циркуляр о малороссийской литературе не стесняет правописания этимологического, то-есть заявляющего о своей связи с русским письменным и остальными славянскими языками». Мы этого циркуляра не читали, но слышали в цензуре, что, напротив, допускается только способ, который бы обыкновенными русскими буквами выражал малорусское произношение, и встречавшиеся печатные места по малорусски показывали употребление именно такого способа, а не этимологического, обработанного Максимовичем с трехугольными значками над *о́* и *е́*. Этот способ правописания тоже фонетический, как и кулешовка: между ними разница только та, что один для твердого *и* употребляет букву *и*, другой же—букву *ы*, выражая буквою *и* мягкое ее произношение. Газетная статья «Современных Известий», с свойственным ей незнанием того, о чем толкует, сообщает, что по правописанию Кулиша слово вол пишется віл, вместо того, чтоб писать, как предлагал Максимович, во́л; и это указывает на желание намеренно затруднять догадку о том, что віл есть родное слово и другим наречиями (?!). Но Максимович предлагал писать не во́л, а во́л, что у него значит совершенно то же, что в кулешовке віл. Между тем, наша почтенная газета пришла в такой азарт, что оканчивает свою статью такою достойною покойного третьего отделения тирадою: «усилия русских людей ввести віла (помилуйте: его никак не введете, потому что віл в косвенных падежах удерживает *о*, и нельзя сказать віла, но—вола) в употребление среди русских подданных дают на себя неблаговидное подозрение, и правительственные против них меры получают смысл самого законного самоограждения». По этому одному финалу достаточно уразуметь, что за рука, писавшая такие строки, и что за газета, помещающая их на своих столбцах! Конечно, в том же духе и этой статейке не обошлось и без поляков, которые пригодны, чтоб их притянуть всюду, когда хотят противнику поднести такого, что, по гоголевскому выражению, значит: на вот, мол, тебе, с'ешь! «Все это на руку (что же это? пропаганда какой-то небывалой рутенской народности с кулешовским правописанием?) и полякам, то-есть, тем из них, которые не забыли Речи-Посполитой. Они тоже исповедуют, что Русь Вольни и Подолии есть нечто другое, нежели Москва». Поляки ли так говорят, а, может быть и другие,—во всяком случае они здесь говорят правду. Не только Русь Вольни и Подолии, но Русь Полтавщины и Харьковщины есть также нечто другое по своей народности, нежели Москва—в этнографическом смысле обитающей там массы народонаселения. Это правда и правды деть негде. Неуже-

ли из-за того, что эту всем давно известную правду говорят между прочими и поляки, мы должны отрекаться от нее и проповедывать ложь, измышленную московскими лжеславянолюбствующими политиканами!

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ МАЛОРУССКОГО СЛОВА

«Московским Ведомостям».*

Едва в прошлом нумере «Вестника Европы» напечатан был наш ответ «Современным Известиям» по вопросу о малорусском слове, как появляется статья в «Московских Ведомостях», написанная каким-то г. Соловьевым и озаглавленная: «Голос из глухой провинции по поводу украинофильства». Автор вооружается против взглядов, выраженных мною и гг. Южанином и профессором Тарасовым, о полезности допущения малорусского наречия в сельские школы. Г. Соловьев недоволен особенно Южанином за то, что тот с уверенностью, устраняющей всякое возражение, утверждает, что у украинофилов даже идей сепаратистских не только нет, но и не было, и что в 1863 году г. Катков со Страстного бульвара провозгласил измышленный киевскими сикофантами малороссийский сепаратизм, а школьные урядники (т. е. инспекторы народных училищ) рьяно принялись розыскивать и доносить о сепаратизме. Я не знаком ни с личностью профессора Тарасова, ни с его сочинениями; я не читал также Южанина и не знаю, кто скрывается под этим псевдонимом, но достаточно и того места, которое приводит г. Соловьев, чтоб видеть, что этот г. Южанин говорит сущую правду. «Голос из глухой провинции» хочет нас уверить, что сепаратизм в том смысле, в каком это слово, по отношению к малороссам, принималось г. Катковым, измышлен вовсе не киевскими сикофантами, а польскими революционерами. «Голос из глухой провинции» думает доказать это выхваченными местами из добытых во время следствий над польскими повстанцами и вообще соучастниками повстанья 1863 писем последних, какие они пересылали друг к другу ранее. Все эти отрывки почерпаются из единственного источника, из книжки, составленной в Вильне Гоголем: «Иосафат Огрызко»[1]. Из этой-то книжки глухая провинция извлекла три места, которыми хочет подтвердить мнение, что малорусский сепаратизм в том смысле, в каком это слово теперь употребляется, измышлено поляками; но он показывает собственное свое непонимание или желание не понимать настоящего смысла того, на чем основывается, как на источнике. Таким образом приводится место из письма какого-то Горшковского к Огрызке, с таким отзывом о пишущем настоящие строки: «Костомаров при всем таланте погибнет (разумеется, для польского дела), измельчает... если он, проникнутый сепаратизмом с ненавистью к миру польскому, поднимет вековую гробовую крышку прошедшего народов». В этом месте говорится о сепаратизме по отношению к Польше, а не по отношению к России, и сепаратизм, о котором здесь идет дело, совсем не то, что сепаратизм московских газет и их киевских сикофантов: сходство только в имени. Поляки смотрели на малорусскую народность, как на ветвь польской, и малорусское наречие выставляли, как простонародный жаргон

---

* *Вестник Европы*, 1882, том II, книга 4, Хроника, стр. 764 — 770; *підп.: Н. Костомаров.*

[1] Наполненный самою нелепою ложью, так как автор без всякой критики относился с полным доверием ко всему, что находил в письмах поляков, привлеченных к следствию и суду, называя пренаивно такие письма «оффициальными источниками».

одной части Польши, а всякие попытки писать на этом наречии считали враждебными польской национальности выходками: вот что у них называлось сепаратизмом и вот в каком смысле обвинял Горшковский Костомарова! По воззрению польскому, всякий, кто занимается историею Южной Руси, составлявшей некогда часть польского государства, должен подчиняться польским патриотическим взглядам, а кто относится к истории борьбы казачества с Польшею не так, как им хочется, того они обвиняют в сепаратизме. На таких же основаниях в Галичине поляки смотрели, и до сих пор продолжают смотреть недружелюбно на всякие проявления исторических взглядов, свободных от привязанности к шляхетскому строю «Речи Посполитой», и на всякие проблески южно-русского литературного развития, уверяя, будто в Галичине нет другого народа, кроме польского, и не должно быть иного национального языка, как только польский! Все южно-русское писательство в этом крае есть *сепаратизм* в глазах поляков, потому что имеет главною своею задачею *обособление* от *них* южно-русской народности, которую *они*, поляки, хотят заставить считать не более, как польским провинциализмом.

В таком же смысле является сепаратизм и в другой выписке, извлеченной из письма какого-то президента с.-петербургского польского революционного кружка, офицера Варацкого, почерпнутой из той же книжки «Иосафат Огрызко»: «Антонович первый написал статью в Основе в январе 1861 г. против польского движения, но из централизации писали (доктор Лабудзский), что Антонович отделился только с некоторыми членами, что партия хлопоманов действует все-таки за одно с централизацией, т. е. польскими революционерами». И здесь, очевидно, идет дело об отделении малорусской народности от польской, как и в предыдущей выписке. Хлопоманами у поляков называлась та фракция польских патриотов, которая играла из себя народолюбцев и показывала наклонность к мужикам или хлопам. Естественно, что те из этой фракции, которые жили в крае, заселенном южнорусским простонародием, должны были показывать любовь к мужику южнорусскому, но они все таки оставались по коренным убеждениям поляками и еще более, чем все остальные поляки, становились в разрез с украинофилами, которые, дорожа историческими народными преданиями, скорее могли показывать ненависть к польскому элементу, чем соединяться с ним. Об этих то хлопоманах говорит в приведенном письме офицер Варацкий, уверяя (и совершенно справедливо), что их полякам бояться нечего, потому что они действуют за-одно с централизацией, т. е. с польскими революционерами; исключение составляет Антонович с несколькими, которые точно отделились от поляков. Здесь идет речь о Владимире Бонифатьевиче Антоновиче, ныне достопочтенном профессоре русской истории в университете св. Владимира, который в оное время возбудил против себя остервенение у поляков за то, что, на основании своих убеждений и сознания необходимости жить одною духовною жизнью с южно-русским народом, отрекся не только от польской национальности, но и от католической веры. Вот он-то с некоторыми, весьма немногими, был истым *сепаратистом* по воззрению поляков!

Третье место, заимствованное из той же книжки «Иосафат Огрызко», извлечено из письма какого-то члена с.-петербургского польского революционного комитета и касается малорусского поэта Т. Г. Шевченка: «он (Шевченко) убедился, что между поляками есть личности, сочувствующие малороссам и разделяющие его (т. е. Шевченка) сепаратистские мнения». И здесь, без самой крайней натяжки и самого бесцеремонного кривотолкования, нельзя искать того сепаратизма, о котором уже гораздо позже, через два года после смерти Шевченка, провозглашать начали «Московские Ведомости». Напротив, очень ясно, что один из членов с.-петербургского поль-

ского революционного комитета, говоря о Шевченке, разумел под его сепаратистскими мнениями идеи обособления южно-руссов от поляков. Шевченко своими сочинениями озлобил против себя польских критиков за то, что выводил угнетения, какие терпел южно-русский народ от поляков, и вспоминал кровавую расправу этого народа над своими угнетателями, и, как обвиняли его польские критики, вооружал своих читателей против польской нации. В письме, которое привел «Голос из глухой провинции», выписав его из книги «Иосафат Огрызко», смысл тот, что Шевченко находил между поляками личности, сочувствовавшие справедливости малорусских стремлений поставить свою южно-русскую народность в самостоятельное обособление от польской, вопреки большинству поляков, не хотевших видеть в этой народности ничего более, как провинциальную отмену польской. Вот о каких сепаратистских стремлениях Шевченка там говорилось.

Все показывает, что голос из глухой провинции недостаточно изучил предмет, о котором взялся рассуждать, и потому составил себе неясное представление о слове *сепаратизм*. Так как это слово одинаково употреблялось и поляками и «Московскими Ведомостями», с их корреспондентами, то он из того вообразил, что и у тех и у других слово это значило одно и то же. В том-то и ошибка глухой провинции! Она напоминает немца, который, знавши несколько русских, путешествовавших по немецкой земле, которых по имени звали случайно Иванами Ивановичами, воображал, что все русские непременно Иваны Ивановичи! Такое же незнакомство с предметом, о котором глухая провинция принялась судить, видно и том, что, по ее приговору, допускать в сельские школы малорусской речи не следует, но вместе с тем глухая провинция себе самой противоречит, говоря так: «Само собою разумеется, учителям сельских школ никто не возбранял и не возбраняет иногда прибегать к разговорным местным выражениям для об'яснения некоторых речений, не совсем понятных детям, но в подобных случаях прибегать к местному языку и говору оказывается необходимым не только на юге, но и на севере». Если-б глухая провинция знала, что народное наречие на юге России до того много заключает особенностей, что право, допускаемое ею для сельских учителей, прибегать к разговорным местным выражениям с целью об'яснения речений, непонятных детям, равняется праву излагать предмет по-малорусски; если-б глухая провинция знала это обстоятельство, то, может быть, иначе отнеслась бы к моему предположению издавать учебные книги для сельских школ на двух наречиях, с целью скорейшего и правильнейшего ознакомления с *общерусским* литературным языком.

Глухая провинция показывает претензию на остроты, но, увы! неудачно. Она сравнивает желание писать по-малорусски с хлопотами Шишкова и его последователей удержать в русском языке такие слова, как доилица, мокроступы и т. п. Но всякий поймет ту разницу, что Шишков и его последователи хотели вводить в живую речь слова, или выдуманные и никогда не употреблявшиеся, или старые, давно забытые; украинофилы же хотят существующими в живом народном языке словами и оборотами речи выражать, для ясности, передаваемые народным детям научные понятия.

Глухая провинция, впадая в ошибочные взгляды по своему неведению обсуждаемого предмета, доходит, однако, до чистейшего сикофанства и хочет навести на украинофильство самые дикие клеветы. Глухая провинция сообщает нам, будто на юге есть «меньшая, но самая многочисленная братия, полуграмотная, полуобразованная, которая с заботами о введении местного языка в школе и с изучением малороссийской народной поэзии соединяет недоброжелательство к московщине и, ради противодействия москалям, идет очертя голову в первый попавшийся под руку антиправительственный лагерь, хотя бы социалистический или террористический. Не в силу ли этой искус-

ственной, развиваемой и извне подогреваемой ненависти к москалям отчасти и обогатился юго-западный край процессами о так называемых социалистах?»

Никто, надеемся, кроме этого голоса из глухой провинции, не скажет, чтоб ему была известна на юге между малороссами какая-то меньшая, полуграмотная, полуобразованная, но многочисленная братия, которая из любви к местному языку и народной поэзии, с одной стороны, и из ненависти к москалям с другой, поступала в антиправительственный социалистический или террористический лагерь. Процессы, на которые намекает глухая провинция, показали, что по всей России между молодежью бродили превратные идеи, доводившие до преступных действий; но те же процессы свидетельствуют, что такими превратными идеями охватывались головы равно всех—и великороссиян, и малороссиян, и поляков, и литвинов, и немцев, и евреев, и грузинов, и армян и т. п., но чтобы в юго-западном крае они исходили из недовольства к москалям какой-то меньшей, но многочисленной братии, и чтобы с такою ненавистью двигала к преступлению любовь к местной речи и народной поэзии, на это никакие процессы не указывают,—это есть недобросовестная низкая ложь, не делающая чести глухой провинции, которая ее измышляет. Конечно, очень может быть, что в таких процессах впутаны были личности, занимавшиеся прежде малорусскою речью и народною поэзиею, но виновный преступник за свое преступление и отвечает, и занятия, которым он предан был прежде, не могут быть преследуемы, иначе—мало ли из таких преступников занимались, например, какими-нибудь ремеслами; неужели, осудивши преступников, открыть гонение на ремесло, которым преступник занимался?

Далее, глухая провинция вот как расходилась: «эта-то меньшая братия, начиная с языка и с народной малороссийской песни, ради ненависти к москалям, стремится провести как можно более резкую, хотя бы даже и искусственную грань между великороссами и малороссами и в стремлении своем доходит до мелочного, комического пристрастия к бараньей шапке, красующейся на фотографиях Шевченка, и до необходимости на маевке варить галушки и кулеш с бараньим боком».

Прежде всего, заметим мимоходом, что глухая провинция и в этой тираде, как бы случайно, высказала незнание того предмета, о котором взялась писать и судить. Маевок у малороссов нет; это обычай польский. Если-б глухая провинция сколько-нибудь постаралась познакомиться с тем, о чем начала толковать, то ей было бы известно, что у малороссов всякие обычаи обозначаются не месяцами, но праздниками. Малорусс не знает июня, августа, октября, декабря, января и т. д., и знает Петра, Спаса, Покрова, Риздво, Водохрещи и т. д. Но это мы заметили, как говорится, только мимоходом! Обратимся к сути. Что, казалось бы, за дело глухой провинции до бараньих шапок, до галушек, до кулиша (а не кулеша) с бараньим боком? Разве кто принуждает глухую провинцию надевать бараньи шапки, есть галушки и кулиш? Нет. Но тут замечается историческое свойство—не Руси, но собственно Москвы, нетерпимость к народным особенностям племен, находящихся под одною державою с московским народом. Это историческое свойство сообщилось повсюду и оно-то отзывается в таких голосах, которые выставляют себя идущими из глухой провинции. Оно-то произвело недовольство к малорусскому слову и все инсинуации, которые повлекли к ограничениям его свободного развития. Хотелось бы этим господам все простонародие подвести под один ранжир, одеть бы всех мужиков в империи в рубахи с косыми воротами, заставить бы всех есть и пить то, что ест и пьет великорусский мужик, живущий в окрестности Москвы, и всякое развитие в интеллигентной среде общества сковать в измышленные нарочно обручи. Во всем, что не хо-

чет укладываться в эти обручи, они находят вред для целости государства, выдумывают разные клеветы и возбуждают власти, не знающие и тонкости подробностей того, что выставляется перед ними в дурном свете. Такая злокачественная нота слышится и в голосе из глухой провинции! Мы скажем раз навсегда всем голосам, которые готовы раздаться не только из глухих провинций, но из обоих столиц и из больших городов, что все меры стеснить свободу малорусского слова и всякое недружелюбное отношение к малорусской народности, выражающееся в недопущении преподавания в сельских школах по-малороски, словоговорения в церквах, представления в театрах малорусских пьес—не приносит ничего, кроме вреда. Ревнители об'единения России, может быть, побаиваются за малороссийский народ, чтоб он, сознавши свою народную личность, не затеял, при удобных для того обстоятельствах, отложения от русской державы: но такое опасение более, чем неосновательно; оно безумно после того, как история ясно указывает нам на древнюю политическую связь этих ветвей русского народа: оторгнутая от этой связи малорусская ветвь постоянно рвалась к возобновлению этой связи, достигла своей цели в половине XVII века и с тех пор не только твердо стояла в единстве с русскою державою, но оказала ей спасительную помощь в самых критических обстоятельствах,—кто, например, выручил дело Петра с Карлом, как не малороссийский народ, не поддавшийся искусительным обольщениям Мазепы? Но, может быть, уже отложения малороссийского края теперь и не боятся, видя невозможность такого явления, за то беспокоит ревнителей единства то, что у малороссов есть свое особое наречие и свои жизненные приемы, отличные от великорусских? Хотят (и это ясно видно), чтобы русский литературный язык стал единым языком и для великоруссов и для малороссов! Но и это с течением времени достигнется, только малороссы желают, чтоб им дозволили достигнуть этого постепенно и совершенно свободно, чтоб не запрещали малороссам быть тем, чем их природа и прежняя история устроили, и главное, чтоб не держали над головою у них палки, потому что чрезвычайно б'ется эта проклятая палка (по выражению Гоголя).

УКРАИНОФИЛЬСТВО.

I.

«Украинофильство» (окрещенное таким названием только в прошлом десятилетии) явилось стремлением некоторых малороссов писать на своем родном наречии, и, вместе с тем, изучать богатую сокровищницу народной поэзии. Оно показалось на свет в первой четверти текущего столетия появлением там и сям немногочисленных малорусских сочинений и, возрастая хотя медленно, но постепенно, расцветало в Харькове в 1830 и 1840 годах, сосредоточиваясь в кругу молодых университетских людей, потом перешло в Киев, а по основании Новороссийского университета коснулось и Одессы. Долго никто не думал подозревать в этом чего-нибудь дурного, антигосударственного, чего-то вредного для общества, чего-то такого, что следует истреблять полицейскими мерами. Если подчас возникали недоумения, за которыми следовали придирки и гонения на писавших по малорусски, то все таки имелось в предмете содержание того, что писалось по малорусски, а не самое наречие, на котором писалось. Развитие этого направления дошло, наконец, до издания в 1861—1862 годах особого, специального для малороссийского края, органа *«Основы»*, и до заявления о необходимости писать по малорусски для простого народа книги с целью первоначального образования. Но так как это совпало случайно с польским движением, разразившемся восстанием 1862 года, то нашлись лица, которые стали усматривать какую-то солидарность между малорусским писательством и польскими тенденциями. Эти господа стали возбуждать власти к преследованию малорусского писательства полицейскими мерами, выставляя на вид, будто у малорусских писателей таится мысль об отложении малороссийского края от Российской империи. Некоторые из тогдашних государственных людей поверили таким сообщениям, потому что сами мало знали Россию, живя и воспитываясь только в столице и заграницею, а потому допускали возможность в провинциях таких явлений, которых бы не допустили другие, сжившиеся более с провинциями; не на всех, однако, может падать такое обвинение: были из государственных сановников более светлые умом и гуманные, которые не поддавались таким нашептываниям. К числу их принадлежал тогдашний министр народного просвещения статс-секретарь *А. В. Головин*,—человек, отличавшийся настолько же крепким и здравым умом, сколько и добрым сердцем, оставивший по себе самое благодарное воспоминание как у подчиненных, так и у всего учившегося за время его министерской деятельности поколения. Он не только не поддался ложным уверениям во вредности малорусского писательства, но, уразумев в чем суть дела, заявлял, и, насколько мог, проводил мысль о необходимости самому министерству народного просвещения принять под свое покровительство намерение даровать малорусской речи право быть органом народного образования; он в особенности указывал духовному

* *Русская Старина*, 1881, кн. II, стр. 319—332; *підп.: Н. І. Костомаров.*

начальству на важность распространения перевода Нового Завета на малорусское наречие, так как, по его собственному выражению, священнейшею обязанностью Св. Синода есть распространение св. писания между всеми разноплеменными жителями империи на всех языках и наречиях, а затем присовокупил, что истинным праздником нашей церкви был бы тот день, когда бы мы могли сказать, что в каждом доме, избе, хате или юрте находится экземпляр евангелия на языке понятном обитателям.

Совету и намерениям умного и благородного министра, по отношению к малорусской речи, не суждено было осуществиться.

Тогда подана была министру внутренних дел Записка противного содержания, имевшая успех. Автор этой Записки подавал власти совет не допускать малорусское наречие до свободного развития и принять против этого запретительные и стеснительные меры на том основании, что писательство по малорусски приносит вред государству [1].

Автор Записки сам сознается, что не может опровергнуть истины, выраженной *А. В. Головиным*, что «основанием для запрещения или дозволения той или другой книги должно служить только ее содержание, а не язык или наречие, на котором она писана».—«Но обстоятельства, рассуждает автор Записки, могут иногда побудить к исключению из этого общего правила. На правительстве лежит ответственность за спокойствие и целость отечества, и потому оно положительно обязано против всякого явления—какого бы рода оно ни было—угрожающего нарушением спокойствия и целости, принимать все необходимые меры. Если же будет дознано, что какой-либо язык или наречие (как в настоящем случае—малорусское) из простого средства для выражения мысли обращают в орудие политических целей и делают условным знаком вредного направления, то правительству остается взвесить: есть ли, кроме цензурного запрещения, какие-либо другие верные, достаточные, и притом более удобные, средства для отвращения зла, и только тогда, если их нет, прибегнуть к запрещению». Автор Записки уверяет, что с своей стороны он сам охотно склоняется к тому убеждению,—что «как для самого дела, так и для правительства было бы несравненно лучше, если-б украинофильские попытки возможно было бы уничтожить натиском общественного мнения, без прямого участия власти». Он находит невозможным такой путь, «смущаясь намерением министерства народного просвещения»: это и побуждает его думать о запрещении, как «о мере необходимой, ибо покровительство министерства народного просвещения может упрочить украинофильские стремления и развить их до таких размеров, при которых одно общественное противодействие окажется уже недостаточно сильным».

В чем же автор Записки усматривает вред «украинофильства»? Он признает несомненным, что «в предприятии создать особую малорусскую литературу и ввести в народные школы южного края преподавание на малорусском наречии принимают живое участие такие малорусские патриоты, которые не ограничиваются мыслью создать свою особую литературу, но простирают виды и на политическую отдельность Малой России от общего отечества». Автор Записки добавляет, что существование таких малорусских патриотов он может утверждать с неотразимою истиною. Если автору известны были такие патриоты с тайными преступными видами, то лучше было бы ему назвать их по именам и указать на их сочинения, обличающие их преступные взгляды, а не бросать такое огульное, анонимное обвинение, при кото-

---

[1] Записка эта сообщена в собрание рукописей редакции «Русской Старины» 10 января 1872 года самим ее составителем. Записка целиком вошла в отношение 1863 г. обер-прокурора св. Синода *А. П. Ахматова* к бывшему министру внутренних дел «по вопросу об издании на малорусском наречии духовных и учебных книг». Рукопись занимает 11 полулистов. *Ред. (Редакція «Русской Старины»).*

ром открывается широкая дорога подозревать то того, то другого, искать то здесь, то там следов сокрытых преступных мнений. Сам автор Записки сознается, что не все малорусские патриоты таковы, что есть между ними и такие, «которые совершенно чужды какой бы то ни было политической цели и руководятся чувством патриотизма», которое автору кажется «излишне» разгоряченным. Нет гнуснее и безнравственнее такого доносничества, когда указывают не на лица, действия которых власть, по этому указанию, может взвесить и ценить, а делают неясные намеки, побуждая власть, на основании таких намеков, искать виновных между невиновными и подвергая ее возможности впадать в ошибки и принимать невинных за виновных.

Мысль об отделении Малой России от империи называет автор «жалкою и несбыточною мечтою». Мы в этом совершенно с ним согласны и прибавим, что если бы существовала у кого-нибудь такая мысль, то она была бы в одинаковой степени нелепа, как мысль о самобытности всякого удельного княжения, на которые когда-то разбивалась Русская земля в удельно-вечевой период нашей истории; но едва ли бы такая мысль могла найти себе долговременное пребывание в голове, ненуждающейся в помощи психиатра.

Мы никак не можем признать и тени справедливости в том уверении автора Записки, будто «дело о литературной самостоятельности малорусского наречия тесно связывается с польским вопросом и явно ему благоприятствует, порождая выгодную для поляков мысль о мнимой племенной разности северных и южных областей России и через то раз'единяя их в стремлениях и чувствах». В доказательство сочувствия поляков к развитию малорусского наречия автор Записки постарался привести один только пример: «в Царстве Польском была захвачена книга, напечатанная на малорусском наречии, под заглавием: «Науки церковные на все праздники в роце для жителей сельских», книга, излагавшая учение римской церкви и предназначавшаяся, как видно из заглавия, «для всеобщего употребления в малорусском народе». И вот на этом одном приведенном примере, автор Записки основывает свой приговор о тесной связи дела о литературной самостоятельности малорусского наречия с польским вопросом. Автор Записки считает уместным прибавить, что «даже и те патриоты, в которых он соглашается видеть одно увлечение, чистое от всякой преступной политической примеси, действуют, хотя и бессознательно, за-одно с врагами России и не могут быть оправданы в строгом суде; ни один из них не может сказать в свое извинение, что ему было неизвестно горячее сочувствие поляков к их делу, ибо это сочувствие слишком громко было оглашено всеми повременными изданиями, в которых этот вопрос обсуждался. И потому их прямая обязанность была, хотя бы из того только, чтоб не очутиться как-либо в союзе с поляками, немедленно оставить свое предприятие, еслиб оно и вызывалось какою-либо существенною народною нуждою».

Книжечка, напечатанная в Польше по малорусски, есть, быть может, одна из тысячи попыток и крупных, и мелких, употреблявшихся со стороны римско-католического мира к подчинению себе южнорусского народа. Попытки эти, как всем известно, начались очень давно и делались разнообразными путями. Этот современный нам эксперимент над южнорусским народом гораздо менее заслуживает внимания, чем предшествовавшие, происходившие в более благоприятных для них условиях, хотя бы, например, тогда еще, когда южнорусский народ находился под властью Польской Короны. По нашему мнению, подобное появление на малорусском наречии ксендзовской книжонки, распологающей поучения на все годовые праздники по учению римской церкви, могло бы только возбудить наших православных пастырей составить, в отпор, такую же книжечку, с поучениями на все годовые праздники по учению восточной церкви и пустить ее в народ на том же малорус-

ском наречии. Уж, конечно, нет никакого сомнения, что ксендзовская книжонка, хотя бы и вполне допущенная к обращению в народе, не выдержит конкуренции с книжечкою православною, в среде народа, исповедующего православную веру. Да и книжечка, изданная ксендзами, составлена должно быть, на плохом малорусском языке, как можно заключить по заглавию. Впрочем, отдадим дань уважения заботливости автора Записки (хотя излишней) об охранении южнорусского народа от влияния латинства,—все таки скажем, что нельзя эту ничтожную книжонку приводить как аргумент вредности развития малорусского наречия, тем более, когда, по словам самого автора Записки, книжонка была захвачена, следовательно не могла распространиться в народе. Находите эту книжечку вредною и опасною—пусть будет по вашему: не давайте ей и другим подобным распространяться, осудите дюжину других, каких вам угодно, книжек малорусских, отыскивая в них вредные мысли, но из-за них не налагайте анафемы на все, что писалось и что могло писаться на малорусском наречии.

О каком горячем сочувствии поляков к малорусскому писательству говорит автор Записки—мы решительно не знаем, да и сомневаемся, знает ли он сам и может ли указать на примеры такого сочувствия; мы думаем, что он не мог этого сделать, и потому ограничился общею фразою о горячем сочувствии, в уверенности, что его не станут принуждать об'ясниться об этом более подробно и с фактическими доказательствами. Впрочем, если бы в польской печати где-нибудь и высказано было что-то в этом роде, как чье-то суб'ективное воззрение, то чем тут виноваты малорусские писатели и почему они, по приговору автора Записки, должны были непременно знать об этом? Мы же знаем подлинно и несомненно, что поляки в большинстве не только не показывали сочувствия к малорусскому делу, напротив, оно им стояло как бы костью в глотке.

Автору разбираемой Записки не мог, конечно, оставаться безызвестным адрес подольских дворян польского происхождения, заявлявших о странном желании присоединить свой край к Царству Польскому. Они тогда выставляли главною причиною такого желания зловредное направление, господствовавшее будто бы в произведениях малорусской литературы, клонившееся к тому, чтоб возбудить против польского дворянства их малорусских подданных и возобновить страшные для поляков эпохи Хмельнищины и Гайдамаччины. Уж не это ли признак горячего сочувствия поляков к малорусскому делу? Не такое ли горячее сочувствие показали и показывают поляки к тому же делу в Галичине, где малорусская народность, благодаря неприязни поляков, в руках которых находится сила богатств, не может никак получить подобающее ей самостоятельное место даже в конституционном государстве, допускающем полную законную равноправность всех народностей, подчиненных империи? Что все галицкие русины видят в поляках своих недоброжелателей, тормозящих всеми возможными средствами ход развития малорусского языка и литературы в крае—об этом едва-ли у нас стоит распространяться, и самому автору разбираемой Записки это, вероятно, известнее еще, чем нам. Вероятно также, этому автору, как и большинству русской публики, известно и то, что поляки наш юго-западный край считают не иначе как Польшею и не хотят знать о существовании какого бы ни было русского наречия в народе, а малорусское тамошнее наречие считают только местною простонародною отменою не русского, а польского языка. Если б существовало на самом деле сочувствие—да не то что горячее, а хоть какое-нибудь, поляков к малорусскому делу, то оно бы проявилось в содействии преуспеянию малорусского писательства, а мы видим другое: в ряду писавших по малорусски вы не встречаете польских имен, и дворяне польского происхождения, владея имениями на правой стороне Днепра, населенными

малороссами, не показывали желания давать своим подданным начатки образования на малорусском наречии. Было бы иначе, если́б слова автора Записки о сочувствии поляков к малорусскому делу были справедливы; скажем в добавок, что указание на горячее сочувствие поляков к малорусскому делу, если́б оно даже не заключало в себе вопиющей неправды, не могло бы служить к обвинению малорусских писателей: вот иное дело, если́б автор Записки нашел в сочинениях последних признаки горячего сочувствия к полякам и при том доказал бы, что это не выражение субъективных симпатий авторов, а присущая всей литературе черта—тогда иное было бы дело!

Ставя против малорусского писательства обвинение как бы в склонности писателей к государственной измене, автор далее рассуждает, что самое предприятие писать на малорусском наречии есть произведение прихоти и пристрастия, что общий русский язык малорусским детям также понятен, как и великорусским, что малорусского книжного языка нет, и создать его неудобно, ибо в этом новом языке, по необходимости, появилось бы множество спорных и условных речений, никому кроме их изобретателей не понятных; что малорусское наречие в различных полосах южного и юго-западного края имеет весьма важные диалектические отмены, при существовании которых предполагаемый новый язык, если́б оказался годным для одной полосы, мог бы оказаться негодным для другой; что малорусский народ весьма охотно, даже с любовью, учится по книгам русским и в помысле не имеет искать для себя иного какого-то особого языка и даже смотрит враждебно на непрошенные заботы о нем местных патриотов и обижается на замену образованного русского языка малорусским наречием; что образованный русский язык, возделанный общими усилиями и трудами великоруссов и малоруссов, есть вообще достояние всех русских областей нашего отечества и что, наконец, отлучать от него малорусских детей значило бы весьма чувствительно оскорблять память тех замечательных малорусских деятелей нашей литературы, которым наш русский язык так много обязан.

Все приводимые здесь автором Записки указания фактически неверны. Русский книжный язык вовсе не в той степени понятен для малорусских сельских детей, как для великорусских. Даже и для великорусских сельских школ книга, написанная на нашем языке литературы и образованного общества, не вполне понятна: это происходит от того, что наш литературный язык, в течении двух последних столетий, складывался слишком по западным образцам и писатели, возделавшие (как выражается автор Записки) его, мало обращали внимания на изучение народной русской речи во всех ее областных видоизменениях. Поэтому преподавание в сельских школах требует кое-каких особых правил. Для большей части собственно великорусских областей достаточно следующего: 1) составлять учебные книги для сельских школ применительно к живому народному слову, по возможности удаляясь от искусственной книжности, 2) сельские учителя, излагая свой предмет, должны, по надобности, делать устно приспособления к местным областным способам выражения. С малорусскими детьми такой способ преподавания в сельской школе неудобен. Малорусское наречие до такой степени отдалено от великорусского, что учебная книга, написанная самым удачным складом в применении живой народной речи, будет непонятна и чужда малороссам[1].

[1] До какой степени отделились оба русские наречия: великорусское, из которого образовался русский литературный язык, и малорусское—мы приведем здесь пример. Недавно отдана была в один из журналов историческая повесть, где, между прочим, выведены были малороссы и их речью. Оказалось, что речь та не могла быть напечатана иначе, как в совершенной переделке на русский язык: в малорусском подлиннике она была бы непонятною для большинства читателей журнала. Этого бы не потребовалось, если б в повести были выведены лица, говорящие на каком-нибудь областном великорусском поднаречии. За примерами

Преподаватель, имея в руках такую книгу, как руководство, не иначе может в изустном изложении примениться к местному способу выражения, как разве переводя целиком свое руководство на малорусское наречие. А в таком случае выходит, по неизменному логическому закону, что удобнее всего написать для малорусских сельских школ на малорусском наречии особое руководство. Такие соображения и прежде, в 1860-х годах, порождали мысль о составлении малорусских книг для первоначального народного образования.

Но как тогда, так и теперь едва ли существовало намерение отлучать малорусских детей от русской образованной речи. Мы, с своей стороны, не менее автора Записки, вооружились бы против такого намерения, еслиб оно заявлялось. Мы, напротив, желали бы, чтоб изучение книжного образованного русского языка в малорусских школах обязательно шло рядом с изучением научных предметов, и даже, если возможно, в самых учебных руководствах vis-à-vis с изложением малорусским, напечатано было тоже по русски: такой способ обучения не только не отлучал бы малорусских детей от образованного русского языка, но содействовал бы легчайшему его усвоению, потому что ничто так не способствует изучению языка, как возможность постоянно сравнивать его с другим, особенно же с состоящим в родственной с ним близости.

Нет никакой необходимости создавать особый книжный малорусский язык, в котором, как выражается автор Записки, по необходимости появилось бы множество спорных и условных речений, никому, кроме их изобретателей, непонятных. Правда, между малорусскими писателями были такие, которые, по собственному неуменью и недостаточному знанию всех оттенков живой народной речи, выковывали странные и неудобопонимаемые слова и обороты речи; таких особенно было не мало в Галичине. Но такие явления нельзя считать чем-то всеобщим и неизбежным, тем более, что эти явления подвергались осмеянию со стороны пишущих и читающих малорусские книги. Не зачем создавать языка, коли он уже есть. Надлежит только основательно и многосторонне изучить его в живой народной речи и владеть настолько писательским дарованием, чтоб выражать на нем свои мысли. Совершенно неверно указание автора Записки на то, будто малорусское наречие распадется на многие диалектические отмены, до того отличные одна от другой, что понятное для одной полосы будет непонятно для другой. Такой взгляд сразу может быть опровергнут всеми знающими ближе и основательнее, что это за диалектические отмены. В малорусском наречии существуют три отмены или поднаречия: первое—украинское, распространенное в большей части юго-западного края, по левой стороне Днепра, в Слободской Украине, в Новороссии и в Кубанской области; второе—карпато-русинское—в Галичине и по западным окраинам Подоли и Вольни, отличное от украинского употреблением некоторых слов и оборотов, но одинаковое с ним по фонетике, и третье—полесское, в Полесье и в северной части Черниговской губернии—отличное от двух других некоторыми фонетическими особенностями. Все отличия в этих трех поднаречиях до того незначительны, что каждый малорусс, усвоивший с детства говор одного поднаречия, услышав первый раз в жизни говор другого края, сразу признает говорящего за земляка, а не отнесется к нему так, как бы отнесся к великоруссу или белоруссу, услышав речь последних. Всякая малорусская книга может читаться и пониматься одинаково усвоившими с детства говор какого угодно из этих трех поднаречий. От этого до сих пор книги, изданные в Малороссии, чита-

---

ходить недалеко. Прекрасные рассказы П. И. Мельникова: «В лесах и горах», где так мастерски изображена жизнь народная поволжской стороны, не нуждались более немногих об'яснений местных, непонятных в других областях России, слов и оборотов. *Н. Костомаров.*

лись, как свои собственные в Галичине, а изданные в Галичине—в Малороссии. Мы заметим при этом, что малорусская речь сохраняет больше единства на всем протяжении, где она господствует в своих трех поднаречиях, чем народная речь великорусская во всех областях империи.

Что касается до того, будто, по словам автора Записки, народ малорусский враждебно относится к попыткам излагать на его родном наречии предметы знания и предпочитает общерусский язык своему природному, то это нам кажется натяжкою, доведенною до абсурда: по общим законам человеческих свойств невозможно, чтоб человек где бы то ни было хватался предпочтительно за такой способ, который ему труднее и отвергал такой, который дается ему легче. Натяжка эта выведена из подмеченной у малороссов охоты учиться по русски; мы не спорим против существования такой охоты и желаем, чтоб она распространялась, тем более, что замечаемая охота учиться чему бы то ни было есть счастливый признак способности к интеллектуальному развитию. Но вопрос: действительно-ли малороссы не захотят учиться на своем родном наречии и предпочтут учиться только на русском книжном языке—решить может опыт и при том при полной свободе, предоставленной народу учиться на своем ли наречии, или на книжном русском языке. До сих пор этой свободы малороссам не давали, да и в большинстве народ малорусский никак не учили, уж не из той ли самой боязни нарушения государственного единства и спокойствия?!

II.

Мы сочли уместным заняться обличением и опровержением софизмов, заключающихся в упомянутой выше Записке, не по вескости и искусству их сплетения, и единственно потому, что эта Записка в свое время имела успех и была одним из побуждений к таким мерам, которые оказали нежелательные последствия. Мало того, что приостановлено было издание Нового Завета на малорусском наречии, и за ним и всяких книг для первоначального образования,—гонение на «украинофильство» возрастало последовательно; как всегда бывает, находились личности, которые и в газетных статьях, и в беседах с особами, власть имущими, старались представить, что малорусское писательство имеет задние цели отторжения южного края от российской державы и, кроме того, приплетали к нему всевозможнейшие преступные направления. Личности эти тем более могли иметь успех, что выставляли себя специально и глубоко знакомыми с делами южного края и, казалось, по внешним признакам, имели на то неоспоримое право, а потому легко вводили в заблуждение сановников, добросовестно и искренно ценивших общее благо, но поставленных в такое положение, при котором не могли проверить в подробностях справедливости того, что им сообщалось.

А между тем желание изучать малорусский народ во всех отраслях его жизни и писать на его языке, подготовленное за многие годы, не только не ослабевало, но расширялось в высшей степени.

Стремление писать по малорусски истекало из присущей человеческому естеству любви к своему родному, из детства близкому,—такой-же любви, как любовь человека к семье. Нельзя человеку сказать: не люби своих родителей, братьев, сестер, жены, детей; нельзя также говорить ему: не смей любить свою родную речь, которую услышал первый раз от матери и отвечал на нее детским лепетом, не смей любить того народа, среди которого увидал впервые свет божий! Нельзя против этой любви выставлять государственные, политические и экономические соображения, иначе—они станут поперек его чувству враждебно. Не послушается горячий малорусс советов автора приведенной Записки, когда тот станет доказывать ему, что в видах государ-

ственного единства империи, особенно, чтоб невольно не сближаться с тенденциями поляков, он должен не любить своей родной речи; не послушается малорусс доводов мудреца тем паче, когда увидит, что доводы его сшиты белыми и тонкими нитками. Любовь окажется сильнее всяких умствований! Правда, долг по отношению к государству нередко заставляет нас жертвовать общей пользе нашими личными побуждениями, но чтоб человек приносил такую жертву охотно, надобно чтоб он ее нес согласно своему собственному побуждению, а не по понуждению, которое может человека обратить в бессмысленную машину от страха, но никогда не будет в силах изменить его тайных чувств, покоящихся в глубине его сердца, недоступной никакой полиции. Воин идет на брань; он жертвует не только своим пребыванием в своем гнезде, среди своей семьи, но даже собственною жизнью; однако он так поступает в сознании нравственного долга, и надобно, чтоб это всегда делалось не по приказу, а внутренно сознавая, что, подвергая жизнь опасности, он защищает и свою семью, и своих родных, и своих братий—соотечественников. Необходимо внушать народу и поддерживать в нем такое сознание, и только при таком условии может существовать в государстве храброе, победоносное войско, выходящее из народа. В России так и было, и даже при крайнем невежестве простого народа, при диких приемах составления военных сил, народ воспитывал религиозное сознание, что верная служба царю и отечеству есть долг в отношении к Богу. Что же вы, господа ревнители государственного единства, могли представить малорусским народолюбцам, чтобы внушить им сознание, что они, ради пользы государства, должны пожертвовать своею прирожденною любовью к близкой им среде? Ваши все аргументы разлетаются, как пузыри на воде, от одного дуновения! Да и возможен ли такой случай, чтоб являлась необходимость говорить людям: вы не должны любить собственной речи ради любви к собственному государству? Это можно сказать разве покоренному народу, когда заметят, что этот народ пытается вырваться из-под давящего иноплеменного гнета. Власть, говорящая таким языком, во всяком случае будет неправа, потому что покоренные народности только тогда примиряются удобно с своим положением, когда встречают от подчинивших ласку и заботливость, а не одно только грубое понуждение к покорности. Малороссы же никогда не были покорены и присоединены к России, и издревле составляли одну из стихий, из которых складывалось русское государственное тело. Малороссу говорят: ты должен любить вместе с нами один только книжный общий наш язык, потому что этот язык столько же твой, как и наш; но ничего такого, что только твое, и не наше—ты не смей любить: все это пусть пропадет, и твоя местная речь должна замениться общим русским языком. Но современные нам малороссы не виноваты, что деды и отцы оставили им в наследие выработанную историею народность хотя русскую, но отменную от великорусской. Жестоко, да и бесполезно, пытаться насильственными средствами уничтожать эту народность и ее главный признак—наречие, хотя бы с целью заменить это наречие общим русским книжным языком. Желаемая цель достигается постепенно. Распространение книжного русского языка между малороссами идет уже давно и притом неразлучно с распространением просвещения. На все нужно время, нужна и заботливость о распространении в народе—не книжного языка, и просвещения, книжный же русский язык сам приложится. Дозволение писать по малорусски и преподавать в сельских школах по малорусски не остановит распространения книжного русского языка рядом с просвещением народа, а даже будет ему способствовать. На это уже нами было указано выше.

Во всяком случае несомненно, что если бы не последовало запрещений и стеснений, то действительно явилось бы десятка два-три малорусских книг,

которые будучи написаны умно и даровито, принесли бы свою пользу, но уж никак не оказали бы никакого вреда, так как они выходили бы в свет с ведома и разрешения правительства, которое всегда имеет возможность не допускать выхода в свет книг, признаваемых вредными по их содержанию. Все так называемые украинофилы занимались бы писанием малорусских книг, собиранием песен, дум, сказок, пословиц, составлением словарей и исследований, занятиями невинными и полезными; теперь же, по неволе, они принуждены как улитки, замкнуться в своих скорлупах, и не показываться на свет с какими бы то ни было проявлениями любви к малорусской народности и к малорусской речи, хотя быть может, их деятельность в любимой среде не бесполезною оказалась бы, как для науки и литературы, так и для общественной жизни. Желательно, чтобы малорусскому писательству было возвращено прежнее право на основании некогда заявленной бывшим министром *А. В. Головиным* истины, что запрещению или дозволению книг основанием служить может их содержание, а не язык или наречие, на котором они писаны.

1-го декабря 1880 г.

От Редакции. Считаем вполне уместным, вслед за статьей нашего глубокоуважаемого ученого и историка привести следующее известие.

В «Собрании узаконений и распоряжений правительства» напечатано: «Государь Император, по всеподданнейшему докладу управляющего министерством народного просвещения, в 8-й день, декабря 1880 года, высочайше соизволил на принятие академиею наук 4.000 руб. номинальных, в закладных листах харьковского земельного банка, внесенных в академию членом-корреспондентом ее, действительным статским советником *Костомаровым*, на учреждение при названной академии, на счет этой суммы, премии имени *Костомарова*, за *составление малорусского словаря*, на основании правил, которые будут поданы для этого академиею». *Ред. (Редакція «Русской Старины»).*

ЗАДАЧИ УКРАИНОФИЛЬСТВА. *

Луна. Украинский альманах на 1881 год. Киев, 1881.

Едва ли в свете есть язык, несчастнее малороссийского. Века проходили один за другим; все признавали, что на свете существует малороссийский народ и говорит своею речью; цари обращались к этому народу со своими грамотами и царское слово именовало его «малороссийским народом», а для сношения с малороссиянами и уразумения их речи, в Москве при посольском приказе были особые переводчики. Никому в голову не приходило сомневаться в том, что такой народ со своим языком существует. Но в недавнее время книжные мудрецы выдумали, будто малороссийского народа нет вовсе и никогда не было, а в крае, называемом Малороссией, живет все такой же народ, как и в Москве, и в Твери, и в Нижнем—везде в русском государстве один только народ руский. Отыскивать в России какие-то две руские народности—нелепо, позорно и преступно; в народной речи жителей малороссийского края, если и есть какие-нибудь отличия, то они не важнее тех, какие можно встретить не только между губерниями, но даже между уездами и волостями в Великой России. Это никак не язык, даже не наречие; это просто—говор, в незначительной степени оттеняющийся от обще-русского языка. Только некоторые злонамеренные люди, ненавистники единства России, враги отечества выдумывают, будто это какое-то особое, отличное наречие и пытаются создать из него отдельный язык и особую литературу. Народ в

* *Вестник Европы*, 1882, т. I, кн. 2, Литературное обозрение, I, стр. 886—900; *підп.: Н. Костомаров.*

малороссийском крае, будучи чисто-русским, не сочувствует таким затеям, не хочет учиться вымышленному языку, который хотят навязать ему коварные недруги России; напротив, народ сам хочет забыть те отличия, которые наложила на него прошедшая история, как плод долговременного соединения с Польшею. Лучшим доказательством тому ставят тот признак, что народ бросает свои песни и с жадностью перенимает песни великорусские, народ желает учиться на обще-руском языке, и не на старом испорченном жаргоне, который хотят поднять до степени языка злонамеренные украинофилы. Это повторялось много раз и печатно и словесно. До какой степени утверждались такие понятия, можно видеть из того, что лет около восьми тому назад представленное в географическое общество сочинение, отданное на просмотр господину, считающемуся ученым филологом, не было напечатано, не смотря на признанное за этим сочинением внутреннее достоинство. Это сделалось на том только основании, что автор отозвался о малороссийской речи, как об одном из наречий славянского корня, и не как о случайной временной отмене русского языка, как решил мудрый филолог, который, как нам достоверно известно, сам между близкими людьми сознавался, что поступил так потому только, что так следовало сообразно текущему времени, и главное потому, что так смотрят на этот вопрос сверху.

Такой взгляд на малорусскую речь довел, наконец, до того, что власти, руководясь отзывами лиц, считавшихся компетентными, наложили запрещение не только на малорусскую письменность, но даже на ноты малороссийских песен и сочли недозволительным и вредным устройство концертов с пением малорусских песен и спектаклей с малорусскими пьесами. Мы далеки от того, чтобы легкомысленно обвинять за это власти: знаем, что высшие власти при самых благих намерениях не могут исследовать всех мелких подробностей дела и неизбежно должны руководствоваться сообщениями подчиненных им низших органов. Нам более всего хотелось бы раз'яснить себе источник, откуда исходит такое гонение на малорусскую речь.

Всякому общественному явлению непременно можно отыскать историческую причину в прошлой жизни общества и народа. Какое отличительное явление замечаем мы в течении малорусской истории? То, что интеллигентное общество, всегда составлявшее меньшинство, несколько раз отрывалось от народа и даже становилось ему враждебным. Интеллигенция всегда почти ограничивалась одним привиллегированным классом: это, впрочем, явление не местное, не исключительное, а некогда бывшее общим для всей европейской истории. В Малороссии такой привиллегированный класс был некогда известен под названием *земян,* потом, при теснейшей политической связи с Польшею, переименовался в название шляхты или шляхетства. Польша стояла ближе к западу, откуда приходила образованность, и потому шляхетство малороссийское, заимствуя эту образованность чрез Польшу, стало усвоивать и польский язык, а благодаря ничем неудержимой пропаганде иезуитов—и польскую, т. е. римско-католическую, религию. Это открыло между ним и остальным народом страшную пропасть, в которую упал привиллегированный класс малороссийского народа, потому что стал врагом этого народа и за то потерпел от него кару. Народ истреблял его, изгонял, хотел стереть с лица своей земли и до известной степени успел в этом. В немалой части южно-русского края не стало шляхетства; место его заступило вольное казачество, пополнявшееся из народной толпы и в начале показавшее в себе более зачатков единения, чем розни с остальным народом. Но среди этого самого казачества выдвинулись казацкие старшины и войсковые товарищи: они положили зачаток новому привиллегированному классу в стране своей. Занимая высшие служебные должности в казацком звании, они приобретали земельную собственность, утверждали ее за собою и за

своими потомками жалованными царскими грамотами, и таким образом стали богатыми и влиятельными владельцами. Русское правительство преобразило их в дворянство и сравнило по значению с дворянством остальных частей русского государства. Оно сделало их рабовладельцами, отдавши им в крепостную зависимость обезземеленное уже прежде послольство (мужиков), которое поселилось на землях, упроченных в собственность за новосозданным дворянством. Вот это-то малороссийское дворянство составляло привилегированный и вместе интеллигентный класс в Малороссии. Соединившись в одно государственное сословие с великорусским дворянством, оно усвоило общие последнему признаки и приемы. Оно стало оставлять язык, на котором говорили его предки, и заимствовало язык великорусский, который, будучи языком государственным, с почина славного Ломоносова, сделался в России общим языком литературы и интеллигенции. Следуя за великорусским дворянством, малороссийское дворянство почувствовало недостаточность домашних средств к образованию и стало подчиняться увлечению западной иноземщиной, за которое в наше время так укоряют все русское дворянство и всю рускую интеллигенцию сторонники отечественной самобытности. Словом, малороссийское дворянство поступило также, как некогда поступали его предшественники земляне и шляхтичи, променявшие свою южно-русскую национальность на польскую, с тою только разницею, что те, усваивая польский язык, отрекались не только от своей народности, но и от своей прежней религии. Новое дворянство в этом отношении не было в таких условиях и не могло также поступать, как прежнее, во-первых, потому, что у него религия с великорусским дворянством была одна, а во-вторых, потому, что переход в иную религию из православной преследовался законом. (Мы думаем, что такие случаи были бы нередки, если бы это дозволялось). Такой поворот открыл между привилегированным классом и остальным народом снова пропасть, и только сохранявшееся единство церковное воспрепятствовало этой пропасти расшириться до такой степени, до какой она когда-то расширилась между ополяченным шляхетством и казаками. От этого же единства церковного произошло то, что к интеллигентному дворянству стало примыкать и духовенство, чего не было с прежним шляхетством. Теперь учившийся попович в интеллигентном отношении старался походить на дворянина и также отшатывался от народа, хотя медленнее и менее резко.

Как бы то ни было, но в сущности малороссийский дворянин (и притом чем более был образован, тем резче) переставал уже принадлежать малороссийскому народу. Народность малороссийская сосредоточилась исключительно в одном так-наэываемом простонародии. Станем ли обвинять малороссийское дворянство за такое отступничество? Ни мало; еще меньше, чем его ополячившихся и окатоличившихся предшественников. Можно ли было каждому, взятому в частности, удержаться против силы высшей культуры и образованности? Неужели станем ругаться над малороссийским дворянином, вспоминая, как он краснел, когда по забывчивости, произносил малороссийское слово, непонятное и смешное для ушей его товарища по сословию, великорусского дворянина? Неужели поставим ему в вину (как делают некоторые московские патриоты), вспоминая, как он гордился успехами своих сыновей и дочерей, умевших правильно сложить несколько «фраз на французском и немецком диалектах»? Ни мало, тем более, что даровитейшие из его детей учась этим диалектам настолько, чтобы читать на них книги, могли из этих книг познакомиться с более гуманными идеалами, стоявшими чрезмерно выше идеалов их предков, войсковых товарищей. Всего возмутительнее кажется нам, что рядом с такими жизненными явлениями малороссийские дворяне воспитали в себе то пренебрежение к малороссийскому народу, которое вы-

сказывалось в таких выражениях: хохол мужик, хохол дурак! Какой грубый, дурацкий у него язык! Иные даже стыдились своих фамильных прозвищ, обличавших их происхождение от одного корня с этим хохлом мужиком и прибавляли к окончанию *енко* слог *в*, чтобы казаться великоруссами. Не станем винить их и за это, потому что то было дело истории. Можно ли винить дворянина старого времени за то, что он считал себя по происхождению имеющим исключительное право на звание свободного человека, а на остальной народ смотрел, как на скот полусмысленный? Так учили его с детства, такой взгляд поддерживало в нем и правительство своими законоположениями. Не все способны стать выше предрассудков своего времени; это—призвание только немногих избранных натур; остальные, составлявшие массу—всегда только дети своего века и судить их можно только сообразно тем идеалам, которые были усвоены в то время, когда суждено было им жить и действовать.

Но дух времени изменился. Интеллигентный человек везде, наконец, додумался, что простолюдин мужик—такой же человек, как и дворянин. Путем науки интеллигентный человек узнал, что в этом запачканном черною работою мужике—основные силы общества, что это—корень, без которого не может существовать дерево с его листвою и цветами. Интеллигентный человек понял, что знание французского и немецкого диалектов не дает права относиться с презрением к тем, которые не учились этим диалектам и вообще находятся на более низкой степени умственной образованности, образованности, говорим, но не развития, потому что в некоторых отношениях грубый мужик в сущности показывается развитее, чем утонченно образованный человек. Истину последнего подтвердят нам народные поэтические произведения, где можно встретить такие высоконравственные идеи, которые по неволе заставят нас преклоняться перед природною духовною силою человека, еще не тронутого учением. Знание того, что произвело это необтесанное, это неуклюжее мужичество, все более и более становится одною из необходимостей научного образования. Этнография стала одною из важнейших наук нашего времени. Естественно, что при таком направлении для истинной образованности делается до-нельзя противною та старая точка зрения, когда признаком высшего образования считалось пренебрежение к тому, что составляет духовное, хотя бы и скудное достояние простонародия. Такое направление коснулось и Малороссии. И здесь, как и везде в образованном мире, стали заниматься изучением простого народа, и вместе его языка и словесности. Тут во-очию показалось, что народность малороссийская была окончательно сведена на низший уровень простонародия. С расширением прав учиться всем, без разбора происхождения, стали получать образование не одни дворянские и поповские дети, но также и происходившие из простонародия. Они не могли позабыть и не любить того, что всосали с материнским молоком. Кроме их, многие из принадлежавших по рождению к привиллетированным классам полюбили всем сердцем простонародие с его духовными признаками. Рядом с этнографическим изучением народа, его языка и произведений, естественно явилось стремление развивать народное слово далее, вести его по тому пути, по которому шли языки всех других народов. Отсюда явились зачатки малороссийской литературы. Как бы ни увертывались ее недоброжелатели, как бы ни старались чем-нибудь благовидным оправдать свое недоброжелательство, источник его виден ясно. Это в сущности все тот же старый, отживший, уничтоженный наукою взгляд прежнего малороссийского дворянина на мужика, взгляд, который побуждал первого считать признаком своей образованности презрение ко всему мужицкому и даже хвастаться тем, что он, как образованный человек, не понимает того, что говорит мужик на своем дурацком наречии.

До какой степени безосновательны и несостоятельны подозрения, поднимавшиеся на украинофильство в политическом смысле, об этом уже толковано было много и нами, и другими, и потому мы считаем излишним возвращаться к этой стороне вопроса. Едвали сами те, которые это проповедуют, едвали они веруют в то, чем других пугают. Путь, по которому дошли люди до идеи развития украинского языка и литературы, слишком очевиден, а какие-нибудь отдельные примеры, на которые станут нам указывать, могут относиться исключительно к тем или другим личностям, но никак не к целому направлению.

Малороссийское наречие имеет право на существование уже по тому одному, что оно существует, а право выражать на нем мысли основано на той простой аксиоме, что способность слова дана Богом человеку для того, чтобы выражать свои мысли. К большому сожалению, в последнее время мы замечаем такое явление: чуть только появится в свет малороссийская книжка—в газете считают обязанностью говорить не о том, хороша ли она или дурна, а начинают толковать, что писать по-малорусски отнюдь не следует. Недоброжелательство ко всему малорусскому доходит до того, что, кажется, скоро станут признавать неприличным в порядочном обществе заводить речь о малороссийском народе и его языке. Пора бы, хотя людям здравомыслящим, оставить такой фальшивый путь и начать обращаться с произведениями малорусского слова так же, как и с произведениями на каждом другом языке.

Перед нами новая малорусская книжечка, изданная в Киеве: «Луна, украинский альманах на 1881 год, частина перша». Этого литературного явления мы дожидались уже немалое время. Об'являли в газетах, что под этим названием (луна—по-малороссийски значит отголосок) предполагался журнал на малороссийском наречии, а теперь нам дают только альманах, впрочем с означением, что это только его первая часть, и мы таким образом в праве ожидать второй книжки того же сборника. Любя малорусское слово и сочувствуя его развитию, мы не можем, однако, не выразить нашего несогласия со взглядом, господствующим, как видно, у некоторых современных малорусских писателей. Они думают, что при недостаточности способов для выражения высших понятий и предметов культурного мира надлежит для успеха родной словесности вымышлять слова и обороты, и тем обогащать язык и литературу. У пишущего на простонародном наречии такой взгляд обличает гордыню, часто суетную и неуместную. Создавать новые слова и обороты вовсе не безделица, если только их создавать с надеждою, что народ введет их в употребление. Такое создание всегда почти было достоянием великих дарований, как это можно проследить на ходе русской литературы. Много новых слов и оборотов вошли во всеобщее употребление, но они почти всегда появлялись вначале на страницах наших лучших писателей, которых произведения и по своему содержанию оставляли по себе бессмертную память. Так, много слов и оборотов созданы Ломоносовым, Карамзиным, Жуковским, Пушкиным, Гоголем... Но что сталось с такими на живую нитку измышленными словами, как «мокроступы, шарокоталище, кратководежие, четвероплясие» и т. п.? Ничего, кроме позорного бессмертия, как образчики неудачных попыток бездарностей! С сожалением должны мы признаться, что современное малорусское писательство стало страдать именно этою болезнию, и это тем прискорбнее, что в прежние годы малорусская литература была чиста от такой укоризны. По крайней мере, у Квитки, Гребенки, Гулака-Артемовского, Шевченка, Стороженка, Марка Вовчка едва-ли найдется что-нибудь такое, о чем бы можно было с первого раза сказать, что малорусс так не выразится. Теперь же не угодно ли полюбоваться вот хоть на это произведение современного по-

эта, которого, однако, судя по некоторым прежним его трудам, мы никак не посмеем отнести к разряду бездарностей:

Сыділы мы, каганчык мыготів,
Дві тіні, тремтячы, сягалы аж до мура,
А у вікно дывылась ніч понура
І вітер щось сумне, гробкове (?) выв.

Як помники (!) холодні та німі
Сыділы мы без слова і без думы...
Іще чорніш тієї ночи-стумы (?!)
Прыйдешнье (!) нам вбачалося в літьмі, ((!)

Без просвітку, без жадної меты,
Як мертвый шлях в безлюдяній (!) пустыні;
В мынулому руіна на руіні,
І сылою (?) поставлені хресты.

Чого-ж ще ждать? боління тільки мыть... (!?)
Але мы все сыділы біля мура,
Дывылась ніч через вікно понура
І не вгавав (!) сердытый вітер выть.

Охота к выковыванию новых слов, геройская отвага к совершению таких подвигов доходит до того, что стали выделывать из наречий существительные: есть, например, наречие: байдуже, т. е. все не по чем. Из этого наречия выковали существительное «байдужесть». Что бы сказал русский читатель, если бы увидел в русской книге существительное в с е н и п о ч е м н о с т ь? В других прозаических сочинениях, где видно притязание на описательность, мы встречаем совершенно великорусский книжный синтаксис, как будто автор сложил свое сочинение по-русски, только вместо русских слов вставляя туда слова малороссийские, с прибавкою слов собственного изделия, как, например, «н а п е ч а т о к» вместо о т п е ч а т о к (как будто напечаток для малоруссa понятнее, чем отпечаток), «задуманість, поетычна мрія про історічну мынувшість, узькі глыбокі щілыны манылы до себе очі своею чарівнычею свіжыною» (мы слышали слово с в і ж ы н а только в смысле свинины).

В «Луче» напечатан хороший рассказ из народной жизни под названием *Прыятелі*, написанный И. С. Левицким. Два крестьянина, носящие одно имя Кузьма, один Кузьма Коваль,—другой Кузьма Гуляй, вместе росли, разом женились, но пошли по разным путям: Коваль был человек трудолюбивый и расторопный, Гуляй—ленивый и безалаберный. Последнего Жид соблазняет легким способом приобретать деньги; сначала он уговаривает его, вместе с сыном, принимать под сохранение краденые вещи, потом мало по малу овладевши совестью отца и сына, подбивает их самих на воровство. Сын при участии отца обокрал церковь. Скоро, однако, преступление открылось, и отец был обличен своим давним приятелем Ковалем, узнавшим покинутые похитителями в притворе церкви щипцы, утащенные у него Кузьмою Гуляем из кузницы. Рассказ живой, написанный с знанием приемов народной жизни, хотя не полон и кажется более наброском, чем оконченным сочинением. Г. Левицкий—бесспорно талантливейший из современных малорусских писателей. Его первые произведения явились в отдельной книжке, изданной во Львове под псевдонимом Ивана Нечуя. Там помещено было три малорусских рассказа: «Дві Московкі», «Панас Крут» и «Причепа». Первый верно и трогательно изображает судьбу солдаток, проживающих в малорусском селе; второй—превосходная картинка с натуры, изображающая быт малорусских рыболовов; в последнем выводятся точки соприкосновения людей польского происхождения с малороссами в западной Украине. Вслед за первыми опытами г. Левицкий издал большую повесть «Хмари». За тем появились его два

небольших рассказа из народного быта: «Не можна бабі Парасці вдержатись на селі» и «Благословіть бабі Парасці вмерти». Рассказы эти—лучшее произведение талантливого автора, и, по неподражаемому юмору, верности красок, могут стать в уровень с Гоголевским рассказом о том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем. Г. Левицкий написал еще повесть, напечатанную во Львове: «Кайдашева семья» и комедию «На Кожемяках», которая отличается большими комическими достоинствами; желательно, чтобы она была поставлена на сцене. В галицком периодическом издании «Правда» мы познакомились с повестью того же автора «Микола Джеря», где изображены похождения малорусского крестьянина киевской губернии, который, вследствие несправедливостей и утеснений, перенесенных на родине, начал вести бродячую жизнь, сначала работая на сахарных заводах, потом проживая в Бессарабии, и, наконец, уже под старость воротился на родину, где застал новые порядки после освобождения крестьян от крепостной зависимости. Тот же автор составил еще несколько коротких популярных очерков из истории Малороссии и поместил в галицкой «Правде» большое сочинение «Світогляд», где представил мировоззрение малорусского народа. Мы, к сожалению, не читали этого сочинения, не имевши возможности получить галицкой «Правды». Последнее из отдельных известных нам сочинений г. Левицкого—«Бурлачка», где изображена жизнь малороссийской девушки, которую жиды увлекли сначала на работы в панское имение, а потом на сахарный завод. По нашему мнению г. Левицкий, как писатель, посвятивший свою деятельность изображению простонародного быта, занимает одно из первых мест в ряду писателей этого рода у нас и России, и очень жаль, что имя его, кроме Малороссии, не достаточно известно публике других частей нашего отечества. Мы высоко ценим произведения таких писателей как г.г. Д. Григорович, П. Мельников, А. Потехин, Г. Успенский, и других, посвятивших себя специально изучению и художественному изображению быта, нравов и приемов жизни великорусского простолюдина со всеми оттенками его местной речи. Но никто из этих талантливых писателей не выводил малоруса в своих произведениях. Никто, надеемся, не станет возражать, что это большой пробел в нашей народной литературе. Только такие писатели, как г. Левицкий, и могут дополнить этот пробел и притом произведениями на местном наречии: малорус, изображенный говорящим по русски, не будет представлять правды, так как речь его имеет много местных особенностей, касающихся его жизни, которые непонятны для русского читателя, незнакомого с местным наречием, его силою, лаконизмом и юмором. Как ни велик был талант Гоголя, но и в его изображениях малоруссов знатоки открывают не мало черт, обличающих недостаток правды. Малороссия, эта колыбель всей русской нации, особенно достойна ее внимания: Малороссия должна быть верно изображаема со всеми признаками своей местной народности и следовательно со своею местною народною речью.

По поводу других помещенных в «Луне» статей считаем излишним распространяться. Мы уже указали на те черты, которые считали бы нежелательными. Во всяком случае за всеми участниками этого альманаха надобно признать то важное достоинство, что они выказывают любовь к родному слову, которое подвергается незаслуженному пренебрежению.

Но теперь следует решить вопрос: если может и имеет право существовать малорусская литература, то какие ее задачи и какие пути должна она избрать? В настоящее время в малорусском крае язык стал только достоянием простонародья, хотя не малочисленного, но все-таки стоящего на довольно низкой ступени развития. Мы уже выше заметили, что интеллигентные классы давно отрезались от своей народности: одни примкнули к русской образованности и стали одинакими с великоруссами; для других родным

языком стал польский, некоторые онемечились, а иные даже омадьярились. Взывать к ним и возбуждать их обратиться снова к народности своих предков было бы по меньшей степени неуместно. Это походило бы на возбуждение к такому-же донкихотству, к какому возбуждают великорусских дворян московские славянофилы, указывая им идеалы прошедшей жизни Московского государства XVI и XVII века. Нет, мы оставим их быть тем, чем они стали и притом не по своей вине. Кроме того, тех, которые некогда пренебрегли своей народностью, давно уже нет на свете, остались их потомки, воспитанные с новыми культурными понятиями. Мы ограничимся только желанием, чтоб они не показывали вражды к малорусской литературной деятельности. Наша малорусская литература есть исключительно мужицкая, так как и народа малорусского, кроме мужиков, почти, можно сказать, не осталось. А потому эта литература должна касаться только мужицкого круга. Есть два пути, на которых она может выказать свою деятельность. Первый путь—знакомить интеллигентное общество, как посредством произведений чисто научных, так и художественно-литературных, с народною жизнью во всех ее проявлениях. Второй путь—поднимать умственный горизонт самого народа, сообщая ему в доступной для него форме общечеловеческие знания. Мы бы считали важнейшим делом в настоящее время издание хорошего малорусского словаря и грамматики, чтобы дать языку прочную установку, и составление в популярном изложении сведений, касающихся веры, сельского хозяйства и законов, под которыми народ живет. Обстоятельства впереди укажут, что должно будет писать далее. Не нужно задаваться такими соображениями, при которых являлась бы необходимость, как теперь думают некоторые, насильственно делать из малорусского языка нечто похожее на языки, давно уже имеющие сформировавшуюся литературу и науку. Чем по языку ближе малорусские писатели будут к простому народу, чем менее станут от него отдаляться, тем успех их в будущем будет вернее. Возьмем в пример незабвенного Г. Ф. Квитку. Во всех его произведениях не отыщете ни одного выкованого слова или оборота, ни одной чуждой народу мысли: он, как многие обвиняют его, был через-чур местен; он пишет и думает так, как думал бы и выразился умный мужик-слобожанин харьковской губернии. Однако, не смотря на это, его произведения с равным удовольствием читаются и в Заднепровской Украйне и в Галичине. Для всех он равно понятен и близок сердцу каждого малоруссa. А это потому, что в нем—живая правда, что он изображает народ таким, каков он на самом деле, а не таким, каким хотелось бы создать его какому-нибудь идеалисту. В числе его сочинений есть одно, оставшееся как-то в тени и не всем, быть может, известное. Это—«Листы до любезных моих земляків». Это—нравоучительная проповедь, обращающая внимание на то, как простолюдин должен себя вести и чего должен избегать. Между прочим научая народ избегать п'янства, он с неподражаемым юмором и верностью превосходно изобразил отвратительно-комическое состояние п'яницы. На эти «Листы» мы бы советовали современным писателям обратить внимание не для того, чтобы подражать Основьяненку—подражание всегда бывает хуже оригинала, а для того, чтобы заметить, так-сказать, узенькую тропинку, которую можно превратить в широкую дорогу.

В «Луне» помещено несколько переводов. Мы замечаем, что в последнее время у малорусских писателей явилась особенная охота к переводам. Мы думаем, что переводы на малорусский язык могут быть уместны только тогда, когда переводимое может быть близко и понятно народному сердцу и умственному развитию. Это мы видим уже на опыте. Мы имеем превосходный перевод сербских народных песен по-малорусски, между тем тот же переводчик совсем не так удачно исполнил свою задачу, когда принялся передавать на малорусскую речь произведения европейских знаменитостей, как Шекспира,

Байрона, Андерсена, Мицкевича и других. Мы вполне разделяем желание видеть малорусский язык развитым до такой степени, чтобы на нем без натяжки можно было передавать все, что составляет достояние культурного языка, но на это нужно время и значительное поднятие умственного горизонта в народе. Поэтому известная латинская поговорка festina lente или русская: тише едешь, дальше будешь—должна служить девизом для малорусских писателей.

Нам, быть может, возразят: есть и малорусская пословица: поки сонце зійде, роса очі вийсть! Пока разовьется народ до такой степени, чтобы на его наречии можно было передавать все, составляющее достояние культурного человека, он потеряет свой язык и усвоит государственный, обще-русский. На такое возражение, если бы оно последовало, мы заранее даем ответ. Если малорусскому наречию суждено испариться и исчезнуть, то пусть так и будет,—лишь бы это произошло по истинному влечению народа без всякого внешнего давления и принудительных способов. Но мы не видим, чтоб это произошло и в особенности произошло бы скоро. Малорусский простолюдин, правда, перенимает многое от великоруссов и вносит в свою обыденную речь великорусские слова и обороты; но тем не меньше он истинно любит свою родную речь и свою народность. Достаточно видеть, с каким увлечением слушают неграмотные малороссы книжку, писанную на их наречии. Это совсем не то, если то-же станете излагать им по-русски: быть может, и тогда нельзя сказать, чтобы они вовсе не понимали того, что слышат, но видите с первого раза, что оно принимается их сердцем совсем не так, как свое родное. Малороссы перенимают много великорусских, особенно солдатских песен, собственно увлекаясь их мелодиею, и безобразнейшим образом коверкают их содержание, так что очевидно не понимают и, кажется, вовсе не хотят понимать смысла того, что поют. Между тем мы сами видели такие примеры: был в помещичьем дворе сторож малорусс; в доме часто слышалась музыка, игрались разные немецкие, итальянские произведения, играли и Глинку; этот сторож проходил мимо открытых окон совершенно безучастно; но когда заиграли малорусские народные мотивы, он пришел в такой восторг, что, не смотря на свои преклонные годы, поставил к открытому окну лестницу и слушал в продолжение часа, а потом в восторгом рассказал о том другим, и на следующий затем вечер, окно дома, находившееся вблизи инструмента, было осаждено целою толпою слушателей. Между тем ни Россини, ни Бетховен, ни сам, как казалось бы, близкий нам всем Глинка, далеко не производили такого влияния. Малорусс верен своему царю, всею душою предан государству; его патриотическое чувство отзывчиво и радостью и скорбью к славе и к потерям русской державы ни на волос не менее великорусса, но в своей домашней жизни, в своем селе или хуторе он свято хранит заветы предковской жизни, все ее обычаи и приемы—и всякое посягательство на эту домашнюю святыню будет для него тяжелым незаслуженным оскорблением. Говорят: он охотно учится по-русски, перенимает великорусское—следовательно, есть возможность слить его с великоруссами в один народ. Ошибаются те, которые так думают. Малорусс действительно не питает никакой вражды к великоруссу, он будет с ним вести хлеб-соль, принимать его с братским радушием в своей убогой хате, рад поучиться от него всему доброму, но великоруссом быть он не хочет, а желает остаться тем, чем есть. Это резко высказывается в том, что примеры семейной связи между простолюдинами обоих народностей чрезвычайно редки. Много есть селений, особенно в Слободской Украине, где великороссияне поселились между малороссиянами: мы знаем даже такие слободы [1], где одна линия улицы состоит из мало-

[1] В уездах Воронеж. губ.—Бирюченском и Валуйском, Харьковской—в Волчанском уезде и других.

русских, другая из великорусских дворов. И чтоже? нам говорили сами слобожане—не было примера брачных связей между молодежью тех и других. Еще кое-где случалось, что малороссиянка выходила за великороссиянина, но обратного примера мы даже не знаем. Между тем в слободах, населенных обоими народностями, никогда не происходит ни ссор, ни драк, которые бы указывали на племенную вражду между ними. Не показывает ли этот многознаменательный факт, как народ хочет жить и как поэтому надлежит вести его. Если малорусс будет усваивать обще-русский интеллигентный язык не путем безтолкового перенимания, а путем школьного образования через училища, гимназии, университеты—туда ему скатертью дорога, мы против этого ничего не имеем, тем более, что как образованный человек, он не станет относиться с пренебрежением к своей народности, а напротив, станет сердечно желать ее сохранения и развития. Нам возразят, указывая на прежние примеры, когда малорусская интеллигенция покидала свою народность, и скажут, что то же должно статься и с новою, которая в будущем времени возникнет через образование из простонародья, и что следовательно весь нынешний малорусский народ может таким путем слиться с интеллигентным классом остальной России. Мы этого не думаем вот почему: во-первых, всеобщая полная образованность всей огромной массы малорусского племени есть недосягаемый идеал; во-вторых, времена изменились, и теперь новая малорусская интеллигенция едва ли пойдет подобно прежним по пути обезличения: того взгляда, какой руководил прежними, теперь по духу времени ожидать нельзя; пренебрегать родным языком на том только основании, что он язык мужичий—образованный человек не станет, особенно тогда, когда его родители и родные употребляют этот язык в домашнем быту. Примером, подтверждающим наше предположение, может служить то же украинофильство, которое сделалось пугалом для так называемых обрусителей-патриотов не по разуму. Само собою разумеется, что общий литературный русский язык будет вполне усвоен людьми, происходящими из простонародья и получившими высшее образование; но родное наречие не только не будет забываемо в их домашнем быту, а еще под влиянием приобретенной образованности станет развиваться и обогащаться. В наше время, к сожалению, попадаются грамотные полуобразованные люди, которые смотрят на своих безграмотных собратий так же свысока, как бывало смотрела прежняя интеллигенция. Из таких лиц обыкновенно вырабатываются кулаки—зловредный класс в народе; умножение этого класса отнюдь нежелательно. При действительном образовании, такого взгляда на народ быть не может. Таково наше желание, таков наш идеал в будущем. Впрочем, пока такой идеал может быть когда-либо достигнут, следует употребить все силы на пользу ближайшего к нам поколения и составлять такие малорусские книги, которые бы практически пригодились теперешнему народу, такие книжечки, которые бы мог каждый малорусс читать в своей семье и все слушали бы его с пользою и удовольствием. По нашему мнению, такая книга, как «Луна», мало соответствует этой цели. Лучше оставить всех Байронов, Мицкевичей etc. в покое и не прибегать к насильственной ковке слов и выражений, которые народу непонятны, да и самые произведения, ради которых они куются, простолюдину непонятны и пока не нужны. Что касается до интеллигентного класса в Малороссии, то для него такие переводы еще более не нужны, потому что со всем этим он может познакомиться или в подлинниках, или в переводах на обще-русский язык, который ему также хорошо знаком, как и родное малорусское наречие.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ДЕ-ПУЛЕ ОБ УКРАИНОФИЛЬСТВЕ.*

Аще бысте слепи были не бысте имели греха, ныне же глаголете, яко видим, грех убо ваш пребывает. (Еванг. от Иоанна, IX, ст. 44).

В «Русском Вестнике», как и в «Московских Ведомостях», давно уже привык я встречать всякие выходки против себя по поводу украинофильства. Но никак не надеялся я под статьею в подобном роде увидеть подпись г. де-Пуле. До сих пор он был в литературе известен, как почтенный и трудолюбивый исследователь по отечественной истории и по истории литературы. Теперь он во всеоружии журнальной полемики выступает на ратоборство с пригнутым, прибитым, заклеванным украинофильством. Вот уже вторую статью помещает он в «Русском Вестнике» и в последней, в февральской книжке «Русского Вестника» об'является, что она есть «вызов, обращенный к гг. Пыпину и Костомарову; для них—говорит автор—невозможно молчание... От нас (т. е. от г. де-Пуле) неудобно и даже не благовидно отделываться одним молчанием». Он недоволен, что прежняя его статья, напечатанная еще в марте прошлого года, осталась с нашей стороны без ответа. «Как ни скромна—выражается он—напечатанная нами статья по этому вопросу, но уже по одному своему содержанию она не могла по настоящему оставаться без ответа». Какое из ряда выступающее самомнение! Ну, а еслибы кто-нибудь (уже никак не я) заметил автору, что его выходки не считаются слишком вескими и сам г. де-Пуле не настолько авторитетен в этом деле, чтобы с ним обязательно пускаться в печатные об'яснения? Судя по скромности автора, о которой он сам нам всем об'является, казалось бы, такая именно мысль должна была бы прийти ему в голову. У меня, однако, была совсем иная причина оставлять без внимания выходки г. де-Пуле. Причина эта—что я уже считал себя достаточно сказавшим разом всем, кому о том угодно было ведать, все, что мог и как умел, в своих статьях, напечатанных в «Русской Старине» прошлого года и в февральских книжках «Вестника Европы» 1881 и текущего 1882 года. Ничего другого по вопросу о малорусском слове я не могу сообщить ни г. де-Пуле, ни кому-либо иному.

И теперь не стану повторять задов. Но если г. де-Пуле так хочется от меня слышать слово, то я попрошу его вникнуть в смысл приведенного нами здесь эпиграфа и применить его к себе. Если бы написал то же какой-нибудь уроженец вологодской, либо костромской губернии, никогда не видавший близко малороссов и не имевший возможности ни прислушаться к их речи, ни изучить их нравов и обычаев, такому сказать можно было бы: вы рассуждаете как слепой о цветах. Но о г. де-Пуле этого сказать нельзя. Он—уроженец края, где народ говорит по малорусски; он учился в Харькове, где в молодости и сам лично имел честь знать его; затем он провел значительную часть жизни

---

* *Вестник Европы*, 1882, т. III, кн. 5 стр. 434—437; *підп.: Н. Костомаров.*

в Малороссии, и следовательно, достаточно знает и малорусский народ, и его речь, чтоб не решаться заявлять, как он позволяет себе, якобы для понимания русской речи, культурного языка, усвоенного интеллигенциею, малорусский народ находится в таких же условиях, как и великорусский в северных и внутренних губерниях. Конечно, г. де-Пуле прав, говоря, что образованный человек, будучи уроженцем юга, считает себя русским и только для отличия от прочих называет себя харьковцем, полтавцем и т. д. То же говорил в своих статьях и я, и вообще это такая общеизвестная избитая истина, что едва ли требуется писать собственно об этом статьи. Но когда речь шла о малорусском народном языке, то при этом обращалось внимание только на простолюдинов, которых язык и строй всей жизни и быта представляют черты совершенно самобытные и отличные в малорусском крае от тех, какие составляют качества простонародия великорусского. Г. де-Пуле это хорошо знает и, однако, уверяет, будто язык культуры, язык интеллигенции, доступен всему малорусскому народу и будто сам народ «не променяет его на язык теперешних и будущих Шевченок» («Русский Вестник», февраль 1882 г., стр. 855). «Приняв за факт существующий малорусский литературный язык и существующую малорусскую литературу в творениях таких талантов, как Квитка и Шевченко, мы отвергаем (говорит г. де-Пуле) всякое национальное значение этого языка для 14-ти-миллионного малорусского племени». Г. де-Пуле говорит здесь то, чего сам в глубине души не признает, говорит умышленно неправду. И к чему толки о каком-то украинофильском измышленном языке, которым кто-то хочет заменять существующий общерусский культурный язык интеллигенции? Никто этого не добивается, никто этого не желает; многие из так называемых украинофилов сами пишут и печатают на этом существующем языке интеллигенции. Вопрос о малорусском языке касается в настоящее время малорусского простонародия и тесно связывается с мыслью об умственном развитии этого простонародия, а вместе с тем с потребностью этнографии исследовать и изучить историю, духовный и материальный быт малорусского племени, а вовсе не ведет за собою замены обще-русского культурного языка каким-то иным, искусственным. Кроме этой капитальной неправды, г. де-Пуле дозволяет себе неправдиво передавать некоторые известия о лицах, причастных к разбираемому вопросу. Так (стр. 856) он говорит: «Если этот язык мил и любезен г. Костомарову и петербургским украйнолюбцам из великороссов, то отсюда отнюдь не следует, чтобы к нему относились точно также такие, например, малороссы, как покойные О. М. Бодянский, В. И. Григорович и М. А. Максимович. Не зная лично двух последних, о первом мы можем с полною уверенностью сказать, что к украинофильству он относился с полною антипатией» (стр. 856). Всех трех этих покойников знал и очень близко и могу засвидетельствовать, по чистой совести, что все сказанное о них г-м де-Пуле—вопиющая неправда. Все трое относились с большим сочувствием к идее развития малорусской речи и к изучению народной малорусской жизни. В. И. Григорович, правда, не писал ничего по-малорусски, но признавал себя малороссом, оттеняя свою национальную особенность. М. А. Максимович перевел по-малорусски Слово о Полку Игоря. О. М. Бодянский издал по-малорусски в стихах «Наськи украинськи казкы», под псевдонимом Иська Матырынкы. Последний особенно отличался привязанностью ко всему малорусскому и до такой степени не был чужд украинскому патриотизму, что и сам вступал с ним по некоторым вопросам в горячие споры: это было даже в год его кончины. Покойного Афанасьева-Чужбинского г. де-Пуле называет великороссом, уроженец воронежской губернии, тогда как мне достоверно известно, что он был уроженец лубенского уезда, полтавской губернии. И обо мне допущены неточности: так между прочим, г. де-Пуле говорит, будто я по-малорусски не написал ничего кроме «Саввы Чалого», тогда как,

кроме этого произведения, я издал «Украинские Баллады» (1839), сборник стихотворений «Вітка» (1840) и несколько сочинений в стихах и прозе в сборнике г. Корсуна «Сніп» (1841), в сборнике г. Бецкого «Молодик» (1843), в журнале «Основа» (1861—1862 годов), в «Саратовском сборнике» г. Мордовцева (1858).

При всякого рода неправде, г. де-Пуле противоречит себе самому. Он говорит, что «не призывает на главу украинских писателей кар и прещений». «Мы—пишет он—желаем украинофилам полной свободы, но только в слове, а не на деле. На деле же, как за вредными раскольниками за ними должен быть самый строгий контроль со стороны государства и общества. Не книжки их надобно преследовать, не сочиненный ими язык, а дерзкие попытки их придать последнему неподобающее значение и провести его туда, где ему быть совсем неподобает, где стоят не его сани, куда садиться он не должен и не смеет» (стр. 855). Выше я сказал, что никакого сочиненного языка никто не пытается вводить куда бы то ни было, да и такого сочиненного языка нет, а если бы вздумали его сочинять, то никто бы его не принял, и он бы исчез без пользы и без вреда. Г. де-Пуле знает это и называет сочиненным языком простонародное малорусское наречие, на котором писали Квитка, Шевченко и другие. Он говорит, что не хочет над всеми такими писателями ни кар, ни прещений, желает предоставить им свободу... Прекрасную свободу сулит им г. де-Пуле! Книжек их преследовать не надобно, а следует преследовать дерзкие попытки авторов. Таким образом, если бы совет г. де-Пуле был принят властями, то малорусские книжки оставлялись бы в обращении, а их сочинителей высылали бы в места не столь отдаленные! Какой же со стороны государства и общества может быть иной контроль, которого так добивается г. де-Пуле?

Остается пожалеть, что г. де-Пуле поставил свое ничем не замаранное писательское имя в ряд таких полицействующих писак, от которых должен отвернуться всякий честный человек!

СЛОВЕЧКО ПО ПОВОДУ ЗАМЕЧАНИЯ О ФЕДЕРАТИВНОМ НАЧАЛЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ.*

В статье: «Удельный период и его изучение», напечатанной во 2-м нумере «Киевской Старины» текущего года, автор, вспомнивши мимоходом о моей статье: «Мысли о федеративном начале в древней Руси», помещенной лет тому более двадцати назад в журнале «Основа», находит, что термин «федеративный» не совсем удачен для обозначения тогдашнего политического строя России. Под федерациею, говорит почтенный автор, обыкновенно разумеют такой порядок вещей, при котором отдельные единицы, составляющие федерацию, сознательно переуступают часть своей власти в пользу какого нибудь центрального правительственного учреждения (конгресса или сейма). Ничего подобного не можем мы отыскать в древней русской жизни. Те условия федеративной связи (общность происхождения, быта, языка, православной веры), на которые ссылается Костомаров, относятся к области этнографии, между тем как федерация—принцип преимущественно, если не исключительно политический. Если уж определять каким нибудь термином начала древне-русской жизни, то мы предпочли бы термины областность, областной и пр.

Когда-то в зале санктпетербургского университета защищал диссертацию один господин, бывший вспоследствии в течении нескольких лет на кафедре русской истории. Он в своей диссертации коснулся также мыслей о федеративном начале в древней Руси и, упомянувши при этом обо мне, заметил, что слово федеративный совсем не пригодно к русской древней истории; мы де знаем федерацию только в Нидерландах, в Швейцарии да в Соединенных Штатах Америки. По окончании возражений, деланных официальными оппонентами, вступил в диспут и я. Говорил я тогда этому господину тоже, что теперь выскажу снова по поводу статьи, напечатанной в «Киевской Старине».

В древней Руси, я не видел вполне сложившейся федерации и нигде, сколько помнится, не назвал удельно-вечевую Русь федерацией в смысле политического тела, с конгрессами или сеймами, в роде Соединенных Штатов; я говорил только о федеративном начале и если позволял себе видеть в древней Руси что-то в роде федерации, то разве федерации в зачаточном виде. У нас в древней Руси все было неопределенно: земля бе невидима и неустроена, и тьма верху бездни, в которой зачинались, бродили и возрастали семена исторической жизни, и дух творчества носился над этой бездной. Под федеративными началами я разумел те признаки, из которых непременно должна была образоваться определенная федерация, если-бы жизнь предоставлена была своему естественному саморазвитию, не подвергаясь случайным переворотам, обратившим ее в иную сторону. Произошло нечто такое, что никто не мог ожидать и еще менее предвидеть—произошло монгольское завоевание; все перевернулось вверх дном, пошла русская жизнь совершенно по но-

---

* *Киевская Старина*, 1883, IV, Известия и Заметки, стр. 899—901; *підп.: Николай Костомаров.*

вому пути, сложился совсем иной строй и древние федеративные начала, вместо того, чтобы дозреть до сознательной федерации, остались только в воспоминаниях об отдаленной старине. Впрочем, как в материальном мире нет двух тождественных особей, так и в мире отвлеченном нет двух представлений совершенно тождественных. И полагаю, что слово федерация нельзя понимать так узко, чтоб не сметь употребить относительно чего нибудь иного, кроме республиканских союзов новейшей формации, которым мы привыкли давать это название. Оно в науке должно иметь более широкое приложение. Не всякая федерация непременно должна быть во всем одинакова с другою, как и общества человеческие состоят между собою не в одинаковой степени развития. Едва-ли станут отрицать, что в древней Греции была федерация, хотя и недоделанная. Но если мы сравним ее с нашею Русью удельно-вечевого уклада, то, при чрезвычайно важных и резких несходствах и различиях, найдем черты очень подобные в той и другой. В Греции связь частей была слаба и основывалась на таких признаках, которые присущи были нашей древней Руси: единство племени, хотя с отличающимися друг от друга коленами, единство языка, хотя с тремя наречиями, единство религии, хотя с местными божествами и с местными в честь этих божеств обрядами. Что касается до институций, которые-бы сознательно учреждены были с целью сохранить и поддерживать связь частей, кроме олимпийских и пифийских игр, да таинств—что относится собственно к области религии—мы знаем одних амфиктионов, во все времена бессильных остановить внутренние несогласия и войны, точь в точь как были бессильны наши попытки с'ездов княжеских. Греция, при всей высоте своего интеллектуального развития, не доросла до прочной, крепкой федерации: кто-же скажет, что в ней не было федеративных начал. С другой стороны можно-ли ручаться за совершенную прочность и незыблемую крепость новейших таких федераций, на которые указывают в опровержение нам, когда мы прилагаем этот термин к русской истории удельно вечевого уклада. История Америки, не только южной, но и северной, Соединенных Штатов, достаточно дает отрицательный ответ. Что касается до замены словом областной слова федеративный, то термин область, областность, областные возможны в самом централистичном государстве и совсем не идут туда, где мы хотим усматривать начала федерации.

ПО ПОВОДУ КНИГИ М. О. КОЯЛОВИЧА:

„История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям", 1884 г.*.

Название предлежащей книги до такой степени мудреное и простым смертным неудобовразумительное, что надобно пожалеть, зачем автор на заглавном листе не поместил комментария к измышленному им названию. Появление этой книги напоминает шестидесятые годы текущего столетия. В этих годах в нашей печати проявилась такая мода: находились господа, которые на свою братию литераторов печатали нечто в роде доносов, стараясь, на основании слов, сказанных последними в печати, обличать их в чем-нибудь неодобрительном, в более всего набросить на них тень неблагонадежности в политических убеждениях. Они знали, что это место самое чувствительное и, произведенная на нем язва может иметь опасные последствия. Пишущий эти строки был одним из таких лиц, которым приходилось этому подвертаться. Стоило моему имени появиться в печатной книге или на странице какого-нибудь периодического издания, как из разных газет и газеток поднимались против меня вой, брань, руготня, и все это не ради того, чтоб выразить какую-нибудь научную идею, а так себе, чтобы собственно только задирать меня какими-то подозрениями. Тогда, между прочим, поводом к нападкам на меня была моя статья: «Мысли о федеративном начале в древней Руси», напечатанная в 1861 г. в журнале «Основа». Случилось в Петербурге такое событие: в университете публично защищал диссертацию один юрист, приобревший себе уже тогда известность в литературе сочинениями не только чисто-юридическими, но также историческими исследованиями в области старинного русского внутреннего быта. Он, касаясь вообще федеративного устройства государств, вспомнил обо мне и обвинял меня в том, что я понимаю федерацию неправильно. Вступивши с ним в спор, я указывал, что говорил не о сформировавшемся уже федеративном строе государства, а только о федеративных началах, т. е. о том, из чего, по законам жизни обществ, должна была вырости федерация. Тут я увидал, что мой противник, как юрист пунктуальный, не признавал никаких начал иначе, как рассматривая их либо в сложившихся и уже окрепших учреждениях, либо в систематических проектах. Логически выходило, что этот господин не хотел видеть федеративных начал нигде, кроме Американских Соединенных Штатов, Швейцарии, или Голландских Соединенных Штатов до преобразования их в монархию.

Действительно, надобно признать, что полная федерация есть явление исторически близкого к нам времени. Средневековые союзы германских городов еще мало представляли в себе прочного. В древней истории мы встречаемся в разных краях с федерациями городов и с ними их территорий, напр., в Финикии, в Малой Азии, в Греции, в Италии, в Лациуме, в Сицилии, в Этрурии, но все эти федерации представляют собою что-то недоделанное; связь,

---

* *Вестник Европы*, 1885, IV, Хроника, стр. 867—878; *підп.: Н. Костомаров.*

соединявшая части между собою, была слаба, и города с своими областями, составлявшие между собою федерацию, то и дело вели междоусобные войны. В Греции, например, историками давно уже принято видеть связующие начала в сознании единства эллинского племени, в единстве языка, при некотором различии в наречиях, в общности религиозных верований и легенд, в прорицалищах, куда за советами обращались все Эллины, и в олимпийских играх, куда спешили на общий племенной праздник все сознававшие себя происходящими от Эллинов; но все эти учреждения не могли остановить нескончаемых междоусобий между эллинскими республиками. Не повлияли на них благодетельным способом олимпийские игры, несмотря на то, что с каждым периодическим открытием их должны были на время прекращаться распри. Еще менее сдерживали эллинские междоусобия амфиктионы, судьи, которых специальною обязанностью было произносить приговоры с целью установления порядка и спокойствия в эллинском мире. Одним словом, из всего надобно признать, что у греков не было федерации, а были только федеративные начала, из которых должна была сложиться федерация.

Федеративное начало, хотя бы в самой малой степени, можно отыскать у всех народов, как бы ни первобытною казалась их культура. Естественно, его можно усмотреть у Славян, а между ними у Русских, особенно в удельный период нашей истории. Вероятно, оно бы открылось нам и в более ранние времена, но о внутреннем быте и складе политических русских обществ тех ранних времен мы мало знаем. В удельный период ясно видны зачатки федерации земель, очень приближающие наше отечество к древней Греции. И там, и здесь, одно и то же намечалось быть союзною связью многих земель. То же единство религии при некотором местном разнообразии: у Греков почти в каждом городке было свое божество, но все Эллины равно поклонялись главным божествам целого племени. У нас почти в каждой земле была патрональная церковь и с нею соединялась какая-нибудь местная святыня с местными легендами, но все Русские вместе принадлежали единой православной церкви. Та же общность языка, церковного и книжного, при разнообразии наречий; то же сознание единства племени, что у Греков. Было у нас даже нечто подобное амфиктионам: это—княжеские с'езды, несколько раз практиковавшиеся, но не успевшие организоваться в постоянное учреждение. Зато у нас был еще один связующий орган, какого не видим в древней Греции—это единый княжеский род, которому, по всеобщему сознанию нации, подобало управлять всею Русью в лице разных своих членов, размещенных в землях, дробившихся, по отношению к власти княжеского рода, на княжества. Правда, это единство княжеского рода не спасло Руси от междоусобий, но в значительной степени содействовало сознанию единства нации. Одним словом, нельзя было сказать, что на Руси уже образовалась федерация, что я никогда и не утверждал, но у нас существовали федеративные начала, из которых, по логике вещей, непременно бы выработалась, современем, правильная федерация, еслиб не последовало внешнего переворота, давшего иной путь течению нашей политической жизни. Этот переворот было монгольское нашествие, подчинившее иноплеменному единому господству разрозненные части несложившейся федерации, и обратило наши федеративные задатки в начале в род феодализма, а потом в монархию.

Все это было высказываемо мною не раз в оное время, и все это касалось только удельно-вечевой эпохи, а не последующих времен истории Восточной Руси, где никаких федеративных следов не было, кроме систематического сокрушения таковых начал; а в западной Руси следы былого федерализма отзывались еще в связи западно-русских княжеств, поступивших уже под верховную власть Гедиминова дома, потом—в унии великого княжества Литовского с Польшею, наконец, в XVII веке, в малороссийской гетманщине,

когда казаки, освободившись от господства панов, думали сохранить свою самостоятельность, вступивши в союз с какой-нибудь из соседних стран, то с Польшею, с которою так недавно резались, то с Турциею, полагаясь на ее обещания хранить неприкосновенность их веры и народности, несмотря на то, что судьба христианских народов, находившихся уже под турецкою властию, должна была заставлять их ожидать себе иной участи,—то с Московским государством, с которым сознательно связывались узами единоверия и с которым действительно соединились только на началах полного подчинения. Но все, что в западной и южной Руси походило сколько-нибудь на федеративность, было последушками давно исчезнувшего периода, когда действительно федеративные начала были господствующими и когда можно было ожидать, что они преобразуются в постоянные и прочные учреждения. Судьба, выразившаяся ходом исторических обстоятельств, указала русскому обществу и его истории иной путь и к иной цели,—к лучшему или к худшему—судить о том не дело историка, тем более, что история, об'яснительница течения жизни, как и самая жизнь, бесконечна, не знает, что произойдет вперед и не может нигде остановиться, чтоб изречь оправдательный или обвинительный приговор над всем прожитым.

Во всяком случае, когда во время оно шла у меня речь о федеративных началах в древней Руси, за которые поднялось на меня гонение, тогда дело касалось исключительно удельно-вечевого уклада. Спор этот кончился ничем—сам собою испарился. Перестали нападать на меня, забыли совсем. Но вот почти через двадцать три года поднимает против моего федеративного начала голос книга с мудреным названием. Она уже не ограничивается спорами собственно о федеративных началах в древней Руси. Она ратует против какой-то приписываемой мне федеративной теории, которая, как будто, касается целой русской истории, теории, которая «думала-было установить совсем иные взгляды на наше старое историческое время и вывести отсюда практические указания, противоположные установившемуся единству России» (стр. 457). Эти слова уже пахнут как бы укором в политической неблагонадежности—выводить откуда бы то ни было «практические указания, противоположные установившемуся единству России». Ведь единство России есть такая священная вещь для каждого верного русского сына отечества, что составление практических указаний, противоположных установившемуся единству России, есть такое дело, которое не может одобряться законами, и чтобы набрасывать на кого бы то ни было тень обвинения в этом, нужно запастись вескими доказательствами справедливости такого обвинения, а иначе—оно должно быть признано голословною клеветою. Автор даже хочет докопаться, что у меня было под черепом, когда явился я с мыслями о федеративном начале в древней Руси. На стр. 457 он решает бесповоротно, что федеративная теория выдвинута малороссийскими учеными, а на стр. 466 обо мне вот что сообщает: «Поклонением западно-европейской цивилизации Н. И. Костомаров придвинул теорию федеративного устройства России к теории Соловьева, повидимому совершенно противоположной ей. Эта странность об'ясняется тем, что суждение Соловьева о низменности русской народной цивилизации и русской отсталости, косности в главном русском племени—великорусском, совпадали с предупреждением Малороссов против Великоруссов, против Москвы, совпадали с их племенным тщеславием, что они лучше, развитие Великоруссов, между прочим, и потому, что ближе к западной Европе, знакомее с ее цивилизацией. Н. И. Костомаров лишь усилил это направление теории, и по свойственной ему впечатлительности довел ее до такой крайности, что стал возвеличивать более видных русских самодержцев, отчасти Иоанна III и особенно Петра I и Екатерину II». Здесь, что ни слово, то фантазия, приписывающая мне такие взгляды, каких я никогда не имел и,

главное, нигде не заявлял в печати. Где и как подметить мог сочинитель «Истории русского самосознания» у меня какое-то «племенное малороссийское тщеславие», побуждавшее меня возвеличивать Малороссиян перед Великоруссами и утверждать их превосходство в цивилизации? Причем тут какое-то племенное тщеславие, если, по моему глубокому убеждению,—я говорил, что малороссийский народ добродушнее и поэтичнее великорусского, но в практическом развитии уступает ему значительно.

На стр. 460, в той же книге с мудреным названием говорится: «Не довольствуясь ясным и почти общепризнаным различием западной России от восточной в стремлениях ее князей, и сильном развитии в ней дружинного и вечевого начал, Н. И. Костомаров задумал связать этнографическими узами главнейшие племенные группы всей западной половины России — киевских Полян и новгородских Словен—и доказывал, что последние составляли как бы колонию, вышедшую из племени Полян, и что потому Новгородцы так тесно были связаны в до-татарские времена с Киевом, причем и Смоленская область, а за ней и Черниговская сами собой входили в эту до-татарскую федерацию. Но не только филология, в которой, надобно заметить, Н. И. Костомаров оказался мало сведущим, но и история восстала против такого об'единения западной половины России». Я высказывал свои предположения о древней колонизации края новгородских Славян из южной Руси и доказывал тем, что уцелевшие, но уже стирающиеся следы новгородского народного наречия до сих пор еще показывают сходство с наречием в южной Руси, напр., выговор буквы ѣ за і, отсечение *мя* в изъявительном наклонении, употребление тех же частиц, что в южно-русском наречии: що, абы, ибы, нехай—и множество слов существительных и глаголов, одинаковых с южно-русскими. Автор книги, о которой идет речь, уличает меня в малознании филологии. Если так, то пусть он, как человек, более меня сведущий, покажет причины, откуда такое сходство, а что такое сходство существует,—я ссылаюсь на толковый словарь великорусского языка Даля и на областной словарь. Если мой противник укажет нам причины выставляемого нами явления и научным путем докажет справедливость своих открытий, то это будет действительнее всяких голословных полемик с славянофильскими и обрусительными замашками.

Автор книги с мудреным заглавием ставит мне в укор какие-то находимые им противоречия и утверждает, что я отклоняюсь от своего обычного направления и перехожу в такое, какое, с точки зрения противников федеративной теории, должно считаться благонамеренным. Если это так, то, значит, я исправляюсь, возвращаюсь на путь правый с пути ложного! За это казалось бы, нечего меня порицать, а надобно одобрять. Однако, меня за это не одобряют, а ставят мне в новую вину. В чем же я показал противоречия своему обычному направлению? Говорят: «Н. И. Костомаров написал большое исследование о падении Польши; в этом сочинении видно большое отступление от первоначальных взглядов автора. Здесь прославляется русское правительство за умные решительные действия по отношению к Полякам и явно дается сочувствие об'единительной русской политике, обличать грехи которой автор считает как бы своим призванием в других своих сочинениях» (стр. 462).

Итак, моему противнику не нравится, зачем он встречает у меня одобрение русской политике! По его понятиям, если он где-то встретил у меня несочувствие к действиям русской политики, то я должен показывать то же и при изложении всяких других событий. Автору новоизданной книги мерещится у меня какое-то колебание между русским историком и поборником малороссийских тенденций (стр. 462). Но колебание скорее не у меня, а в голове тенденциозного ученого, которому не по мысли мои сочинения. Это происходит оттого, что он вообразил себе, что я *должен* иметь какие-то за-

ветные тенденции (стр. 462), благонамеренные или дурные, но без тенденций по его воззрениям, обойтись невозможно, и вот он ищет в моих сочинениях тенденций, не находит их, а выдумывает сам, и потом подводит под них мои слова и выражения. Признаюсь, мне всякие тенденции в исторических сочинениях были отвратительны, и мой идеал историка был и есть тот самый, который ставил когда-то наш бессмертный историограф Миллер, когда говорил: «Историк должен казаться без отечества, без веры, без государя... все, что говорит историк, должно быть истинно, и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести» (стр. 121). Автору мудреной книги не нравится такой взгляд, а я всегда уважал его, как высокий идеал историка, и если сам я своих исторических трудах, быть может, не был всегда ему верен, то это по общему недостатку духовной природы человека—стремиться к высоким идеалам и никогда до них не досягать. Само собою разумеется, что идеал, поставленный Миллером для историка, применителен только к человеку, как к историку, а никак не к другим условиям его житейской деятельности, все равно как священник, одетый в богослужебное облачение и совершающий литургию,—не тот человек, что вне исправления этой обязанности: не окончивши известных молитв, он не смеет покидать храма, хотя бы его собственный дом был в опасности от огня. Так точно историк в своих исторических сочинениях не должен сметь произнести того, что, по совести, считает несогласным с истиною, хотя бы так нужным казалось в угоду государю, которому он присягал в верности, или в честь страны, признаваемой отечеством. Автор «Истории русского самосознания», приведя слова Миллера, умышленно дает им иной смыл, и вслед за тем произносит такое ядовитое восклицание: «Кто же, кроме Немца, мог быть таким историком и преемником Миллера, т. е. без отечества, без веры, без государя?!» (стр. 121). Но Миллер сказал: историк должен *казаться*, а не сказал: должен *быть;* казаться же и быть—две вещи разные! Недобросовестно со стороны автора «Истории русского самосознания» такое извращение чужих слов.

Впрочем, противник мой признает за мной вину не в том, чтоб я, ради исторической истины, не хотел произносить похвалы властям, а за то, что встречает похвалы такие у меня. Вот, по истине, странное и дикое отношение к науке! У противника моего есть еще выходки забавнее и курьезнее этих. В моем сочинении: «Очерк торговли московского государства в XVI и XVII столетиях», я изобразил «мрачными красками», как выражается автор книги с мудреным заглавием, скудность и забитость русской торговли, а в моей «Истории в жизнеописаниях» описываю необыкновенное развитие хозяйства и даже изобретательность в Соловецком монастыре во время игуменства Филиппа Колычева, впоследствии знаменитого митрополита. Мне кажется, здесь автор книги о русском самосознании хочет так-себе только придраться ко мне и пишет то, чего сам не думает. По крайней мере, не хотелось бы в нем признать такого тупицу, который не в состоянии понять, что нет ничего общего между состоянием русского купечества, торговавшего в Москве, Ярославле, Вологде и Архангельске, и хозяйственными способностями игумена Филиппа, старавшегося привести Соловецкий остров в цветущее положение. Придирки автора книги о русском самосознании переходят даже правила приличия. С какой стати, например, автор ставит мне в упрек, что я писал беллетристические сочинения? Какое кому до этого дело? Ведь мой противник взялся судить меня, как исторического писателя! Не все ли это равно, как если-бы тот же мой противник, говоря о моих исторических исследованиях, вздумал обвинять автора их за то, что он играет в карты или ездит на охоту? Чем бы историк не развлекался в часы своих досугов, если такие развлечения не мешают его научным занятиям,—никто не вправе ставить ему в упрек таких развлечений, тем более, что нельзя безусловно при-

знавать предосудительными такого рода развлечения, как писание беллетристических сочинений, хотя бы и романов, как неверно их называет мой судья. Некоторые из них, как, напр., «Черниговка», или «Жидотрепание», помещенное в «Киевской Старине», не могут быть никак причислены к романам; они не заключают в себе ни одного вымышленного положения: это пересказы в беллетристической форме (которая сама собою напрашивается под перо) событий историческо-бытовой жизни, сообразно источникам, откуда почерпнуты о них сведения. Если мои беллетристические сочинения неудачны, то не будут расходиться в публике, и я сам покину ими заниматься. Автор книги с мудреным названием не хочет знать никаких пределов своему праву суда над моими историческими сочинениями и вторгается в область, не подлежащую его обсуждению.

Книга с мудреным названием — книга славянофильствующая и дышет неприязнью к Немцам и вообще ко всему иностраному. Нет пощады давно истлевшим в земле ученым академикам Байеру, Миллеру, Шлецеру и другим, нет пощады и Миниху—не избавляет его от презрительного отзыва ни память о Ставучанской победе, ни память о двадцатилетних страданиях без вины в Пелымском заточении. Миних ничего более не сделал, — говорят нам,—кроме превращения русского войска «в пушечное мясо для пустых военных предприятий» (стр. 371). Славянофильство никак не хочет примириться с мыслию, что Россия чем-нибудь хорошим обязана западному просвещению. Даже такое событие, как освобождение крестьян крепостных, есть «возвращение к началам древней русской исторической жизни, и есть неослоримое отрицание культурных западно-европейских начал, усвоенных нами, а что касается закрепощения крестьян, то оно находится в несравненно-большей связи с этими западно-европейскими началами, чем с русскими потребностями» (стр. 327).

Еслиб вопрос шел только о наделении крестьян освобожденных землею, то здесь была бы доля правды, потому что, сколько мы помним то время, мысль о непременном наделении крестьян усадебными и полевыми земельными участками возбуждалась изучением русской старины и в таком изучении находила себе одобрение и поддержку примерами. Но мы поставим вопрос так: когда все крестьяне с их семьями и землями находились в давнем рабстве, откуда возникла мысль даровать им свободу? Прежде чем додумались, что крестьян освободившихся надобно наделить землею, нужно было додуматься, что нужно крестьянину, как человеку, лично дать свободу от произвола другого человека. Откуда же возникла такая мысль? Неужели из воспоминаний о русской старине, из примера ее быта? Или, быть может, из наставлений православной церкви? Но представители церкви долго твердили на одну и ту же тему: рабы, повинуйтеся господам! Нет, эта мысль зашла к нам с запада, преимущественно из Франции. Вспомним, как императрица Екатерина II, в начале своего царствования, благоприятствовала мысли об освобождении крепостных, потому что сама находилась под влиянием современной ей французской философии и вела дружеские сношения с энциклопедистами; но к концу своего царствования круто повернула в иную сторону свое прежнее направление, увидавши, что во Франции произошли смуты, и сторонники таких смут проповедуют ту же мысль об освобождении рабов. С той поры заявлять мысль об освобождении крепостных в России значило возбуждать против себя обвинение в духовной близости к якобинству. Вспомним несчастную польскую конституцию 3-го мая. Как только составился и обнародовался этот государственный акт, так тотчас Россия и Прусия протестовали во имя охраны священных основ общественного порядка и находили, что польская конституция сродни тогдашнему революционному движению во Франции. Напрасно Поляки, с своей стороны, возражали и доказывали, что

между их конституциею и французскими событиями нет ничего общего: действительно, французский конвент отрешил от власти Господа Бога, а польский сейм праздновал свои преобразовательные учреждения молитвословиями в костелах. Но Поляков не слушали—и силою оружия уничтожили все плоды деятельности, предпринятой в видах возрождения их отечества.

Что идея освобождения крепостных пришла к нам с запада, а именно из Франции, это подтверждается и тем, что до последних времен крепостного права в глазах наших стариков-дворян желать свободы крестьянам от помещичьей власти, значило быть зараженным франкмасонством, вольтерианством и якобинством. Еще недалеко то время, когда так везде говорили, и, вероятно, теперь еще не мало найдется таких, которые, читая наши строки, вспомнят свои детские годы, вспомнят своих дедушек и бабушек, которые так в свое время рассуждали и толковали. Теперь уже каждому гимназисту известно, откуда пришла к нам в Русь мысль об освобождении крепостных от власти дворянства: выводить эту мысль из каких-то древнерусских начал, как делают славянофилы, все равно, что приписывать открытие железнодорожных путей влиянию воспоминаний о веке Алексея Михайловича!

Если сия славянофильствующая книга с мудреным заглавием с такой неприязнью относится к Немцам, то тем паче с большею нелюбовью относится к Полякам. Одно—то, что Поляки еще недавние враги наши, другое—и это, кажется, чуть ли не главное, что мозолит глаза славянофилам, обыкновенно православствующим, это то, что Поляки—католики. «Зачем они остаются католиками, зачем не уразумеют истинного света Христовой веры, который сохранился среди всеобщего омрачения только в восточной православной церкви, зачем слушаются своих ксендзов и лежат ниц распростертыми в своих костелах?! Зачем не уразумеют, что все Славяне, по следам их первоучителей св. Кирилла и Мефодия, должны принадлежать единой церкви и совершать у себя богослужение на общем для всех Славян созданном святыми мужами славяно-церковном языке! Этого желаем мы, Русские, этого должны желать и все Славяне, в особенности же Поляки, связанные с нами теснейшими узами истории и государственного единства в большей части их племени с Россиею»...

Некто г. Киркор, живущий за границею, прежде известный в русской литературе как издатель газеты «Новое Время», ныне участвует в издании, предпринятом покойным М. О. Вольфом—«Живописная Россия», и пишет историко-этнографические статьи, касающиеся Белоруссии, его родного края. Г. Киркор, как Поляк или ополяченный Белорусс, с сочувствием относится к «благотворному» усвоению латино-польских начал в Белоруссии. «Он,—говорится о нем в «Истории русского самосознания»,—заботливо выставляет все хорошее польское и закрывает все дурное, а по отношению к России держится противоположного правила,—закрывает совершенно историческую тягу западной России к восточной и с неутомимой заботливостью раскрывает русские жестокости и особенно восстания против России» (стр. 451—452). Мы также не сочувствуем такому направлению г. Киркора, как и автор упомянутой книги. Но мы никак не можем согласиться с обвинениями против П. П. Семенова за его следующие слова (стр. 452—453): «Продолжительное и отчасти славное историческое прошлое Литовской области во время ее соединения с Польшей дало этой области такие культурно-исторические элементы и черты, которые не могли исчезнуть и сгладиться в одно столетие и не могут быть уничтожены искусственно. Польское или ополяченное дворянство и даже мелкое шляхетство с своим родным языком, находящим точку опоры в богатой и дорогой каждому Поляку литературе, с своею религиею и историческими преданиями, с высокою для своего времени и достаточно самостоятельною культурою, не может быть ни денационализировано, ни уничтожено

в крае, ни вытеснено из него, и надолго еще останется одним из важнейших культурно-исторических элементов области» («Живописная Россия», т. III, стр. 232). Подобное нам приходилось десятки раз слышать в разных видах от Русских по происхождению и православных по вере уроженцев Белоруссии; между прочим, нам сообщали, что семьи православных духовных в том крае в большинстве не умеют говорить по-русски, употребляя в домашнем обиходе польский язык, что иные жены, дочери и сестры священников не слыхали даже имен знаменитых русских писателей, а между тем знают наизусть места из польских поэтов. Так глубоко внедрилась в общество польская культура.

Приведя вышеуказанные слова П. П. Семенова, автор говорит далее, что П. П. Семенов в конце того же III тома «Живописной России» вышел на свободу русской науки и русского понимания современного состояния западной России. Что же такое сказал П. П. Семенов противоположного тому, что высказал прежде? Ровно ничего. Судя по приводимым строкам, Семенов указывает на более счастливое положение Белоруссии, когда через нее лежал водный путь из Варяг в Греки, и когда главными культурными центрами в России были на юге Киев и на севере Новгород. «Хуже стало положение Белой Руси с тех пор, как Литва соединилась с Польшей и центр тяготения соединенного государства перешел в Варшаву. Вместо того, чтобы служить соединительным звеном между восточною и западною столицами Славян, как в прежние времена, она связывала северный и южный культурные русские центры—Киев и Новгород,—Белоруссия сделалась только театром борьбы и яблоком раздора между Россией и Польшей, так как и самые отношения между ними были совершенно иные, чем между Киевом и Новгородом. Если Киев и Новгород и вступали иногда в столкновения, то эти столкновения и войны имели домашний, междоусобный характер и никогда не принимали, как отношения между Россиею и Польшею, характера борьбы разноверных и сделавшихся уже настолько разноплеменными народов, что весь строй их духовной культуры, по слишком резкому различию, не допускал между ними добровольного слияния. Весьма естественно, что Белоруссия очутилась не между двух светлых точек, как это было во время существования Киева и Новгорода, но между двух огней, которые то с одного конца, то с другого жгли многострадальную Белоруссию». Далее, П. П. Семенов, вспомнивши о событиях после присоединения Малороссии к московскому государству, о разделах Польши, говорит, что «нескоро могло подняться возвратившееся в свое исконное отечество, затиранное и поставленное самою природою в весьма трудные отношения белорусское племя. Между ним и единоверною ему соплеменною государственною властью стояло в большей, западной половине области польское или ополяченное высшее сословие, вооруженное своим могущественным крепостным правом, и иноплеменное, пришлое среднее сословие, состоящее по преимуществу из Евреев с чуждыми сельскому населению экономическими интересами, с чуждым его народному говору жаргоном» (стр. 454—455).

Хотя здесь П. П. Семенов взглянул несколько на другую сторону того же предмета, между первыми его словами и последними вовсе нет противоречия, и если первое приведенное нами место не было противно г. Киркору, то не видим, чтоб—как выражается автор—«из последнего места, напечатанного в конце III тома «Живописной России», вышла дисгармония, без сомнения, совершенно неожиданная для г. Киркора и крайне ему неприятная». Здесь, кажется, играет роль та же фантазия автора «Истории русского самосознания», фантазия, которая представила ему противоречие между моими отзывами о русской торговле в моем очерке и характеристикою соловецкого игумена Филиппа в моей «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деяте-

лей». А все это, повторяем, происходит от того, что, на основании выхваченных выражений, он приписывает писателям тенденции, какие, по его соображениям, должны бы иметь эти писатели, но каких у последних не было. Автор, вероятно, судя по себе, не хочет допускать, что могут существовать писатели без всякой тенденции, по крайней мере, стараться быть такими.

ЗМІСТ.

Стор.

Передмова:

Акад. Михайло Грушевський, З публіцистичних писань М. І. Костомарова . III

Сконфіскована дисертація

1. О причинах и характере унии в Западной России, 1841 1

Перший огляд українського письменства:

2. Обзор сочинений, писанных на малороссийском языке, 1843 41

Полеміка про козаччину та її відносини до Польщі:

3. Замечание на статью г. Соловьева: «Малороссийское козачество до Богдана Хмельницкого», 1859 53
4. О козачестве, ответ «Виленскому Вестнику», 1860 57
5. Ответ г. Падалице, 1860 68
6. Ответ на выходки газеты (краковской) «Czas» и журнала «Revue Contemporaine», 1861 75

Про Шевченка:

7. Слово над гробом Шевченка, 1861 85
8. Воспоминание о двух малярах, 1861 86

Ще про українсько-польські відносини:

9. Правда Полякам о Руси (по поводу новой статьи в «Revue Contemporaine», 1861 94

Полеміка з слов'янофілами:

10. Правда Москвичам о Руси, 1861 102

Українсько-еврейські відносини:

11. Иудеям, 1862 111
12. Еще заметка об Иудеях, 1862 123

З приводу «тисячоліття Росії»:

13. Тысячелетие, 1862 125

Інцидент на публічній лекції 8 березня 1862 р.:

14. Об'яснение, 1862 131
15. Мешать или не мешать учиться, 1862 132
16. Последнее об'яснение по поводу моей лекции 8-го марта, 1862 134

«Гадки Южноруса»:

Стор.
17—19. Мысли Южнорусса I. О преподавании на южнорусском языке 1862 . . 137
II. Християнство і кріпацтво. 1862 140
IV. Историческая неправда и западно-российский патриотизм, 1862 142

Народоправство і централізація:

20. Князь Владимир Мономах и казак Богдан Хмельницкий, 1863 149

Українська мова в школі й українські підручники:

21. О преподовании на народном языке в Южной Руси, 1863 156
22. Ответ «Московским Ведомостям» по поводу сбора пожертвований в пользу издания книг научного содержания на южнорусском языке, 1863 . . . 159
23. Письмо к редактору, 1863 160
24. Г. Публицисту «Московских Ведомостей» и «Воскресных Прибавлений» к этим «Ведомостям», 1863 162
25. Заметка, 1863 163
26. Викази жертв на популярні видання, 1863 164

Самостійність української мови:

27. О некоторых фонетических и грамматических особенностях южнорусского (малорусского) языка, несходных с великорусским и польским, 1863 . . 168

Один з московських фетишів:

28. М. П. Погодину. Ответ на замечание его на мою статью «Куликовская битва», напечатанное в 4 № «Дня», 1864 180
29. М. П. Погодину, 1864 184
30. Апология за Димитрия Донского гг. Аверкиева и Аскоченского, 1864 . . . 189

Про український сепаратизм:

31. Украинский сепаратизм, 1864 193
32. Ответ г. Малороссу-Волынцу, 1864 197
33. Ответ Малороссу-Волынцу, 1864 198

Федералізм в Старій Руси:

34. Замечание г. Лохвицкому, 1864 201

Полеміка з Кояловичем:

35. Лекции г. Кояловича по истории Западной России, 1864 204
36. Ответ на ответ г. Кояловича, 1864 209
37. «Лекции по истории Западной России» М. Кояловича, 1864, 1865 211
37-а. Об'яснение, 1865 215
37-б. Об'яснение, 1865 215

Всеслов'янство і українство:

38. Лист до редакторів часоп. «Славянская Заря» Ливчака і Климковича, 1867 216
39. Об'яснение, 1867 219

Малоросія і Росія:

40. Давно-ли Малая Русь стала писаться Малороссиею, а Русь—Россиею? 1868 . 223

Характер Хмельниччини:

41. Несколько слов о памятнике Хмельницкому, 1869 228

Полеміка з Г. Карповим:

Стор.
42. Ответ г. Карпову, 1871 231
43. Заметка по поводу недавно изданной в Москве книги под названием: «Г. Костомаров, как историк Малороссии», соч. Геннадия Карпова, 1871 . . . 237

Другий огляд українського письменства:

44. Малорусская литература, 1871 240

Ще про «дві руські народности»:

45. Мое украинофильство в «Кудеяре», 1875 248

Проти „польської інтриги":

46. Полякам-миротворцам, 1877 252
47. Письмо к А. Д. Градовскому, 1877 259
48. Последнее слово по вопросу о примирении Поляков с Русскими, 1877 . . 265

Ліквідація фонду підручників (передача його на академічну премію):

49. Письмо в редакцию, 1880 266

В обороні української мови:

50. Малорусское слово, 1881 267
51. По вопросу о малорусском слове—«Современным Известиям», 1881 . . . 271
52. Еще по поводу малорусского слова «Московским Ведомостям», 1881 . . 276

Про сучасне українство:

53. Украинофильство, 1881 281
54. Задачи украинофильства. Луна. Украинский альманах на 1881 год. Киев, 1881, 1882 289
55. По поводу статьи г. де-Пуле об украинофильстве, 1882 299

Ще про федералізм в Старій Руси:

56. Словечко по поводу замечания о федеративном начале в древней Руси, 1883 . 302
57. По поводу книги М. О. Кояловича: «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 1884», 1885 304

Зміст 313

Поправки 316

ПОПРАВКИ.

В статті *„О причинах и характере уніи в Западной Россіи"* треба виправити:

стор., ряд.: прим.	надруковано:	треба:
3_{8}	не однажды, а дважды	не однажды и дважды
4^{13}	Данилово	Даниилово
4^{16}	государствами	государями
4_{14}	епископов	епископств
5_{1}	наместника	наместником
6^{4}	соединил с планами	соединил его с планами
7_{12}	отстранил	отстранял
8^{30}	стремление к	стремление ее к
8_{18}	приготовительные	предуготовительные
8_{3}	много	многого
9^{19}	примирился	помирился
9^{21}	следовало бы	следовало было
12^{4}	называли	называют
12_{16}	не имеющие	не имуще
13^{10}	низших	наших
13^{21}	постановленіем	поставленіем
13_{9}	ожидать	ждать
14^{3}	безолабарного	безолаборного
14^{25}	правительственная	представительная
14_{19}	сторона принималась	сторона оружием принималась
14_{9}	одинаковое	одинакое
15_{23}	чтобы	что
15_{21}	чтобы	что
17_{23}	роздражала	роздражила
17_{10}	епархии	епархиям
18^{1}	папству	папстве
18_{20}—$_{19}$	Барория	Барония
18_{12}	дуще	душ
20^{7}	отказались	отказывались
20^{13}	постановили	остановили
20_{10}	политики	политике
21_{7}	прежде тогда	прежде—тогда
22_{6}	появились	явились
23^{1}	старается	старался
23^{18}	Кунцович	Кунцевич
23_{10}—$_{18}$	поступить	поступать
25^{5}	готовые	готовы
25_{12}	почтеннейшие	почетнейшие
26^{12}	струшивает	сбрашивает
27^{28}—^{29}	Сблизился с козаками, как города, огражденные	сближился с козаками. Деревни не были, как города, ограждены
27_{15}	одинаковые	одинакие
27_{6}	все были	все равно были
29_{22}	восстановить	восставить
30_{5}	предвестник	предвестники
31^{20}	добродушный	добледушный
32^{17}—^{16}	гарнизон	гарнизоны
32_{15}—$_{14}$	Потоцким и Конецпольским	Потоцкими и Конецпольскими
33_{17}	мог	мог бы
33_{2}—$_{1}$	стороны, Хмельницький	стороны и Хмельницький
34^{30}	деспотизмом; Хмельницький	деспотизмом, и более увеличил. Хмельницький...
35^{6}	Малороссияне находили	Малороссия находила
36_{22}—$_{21}$	независимо	независимою